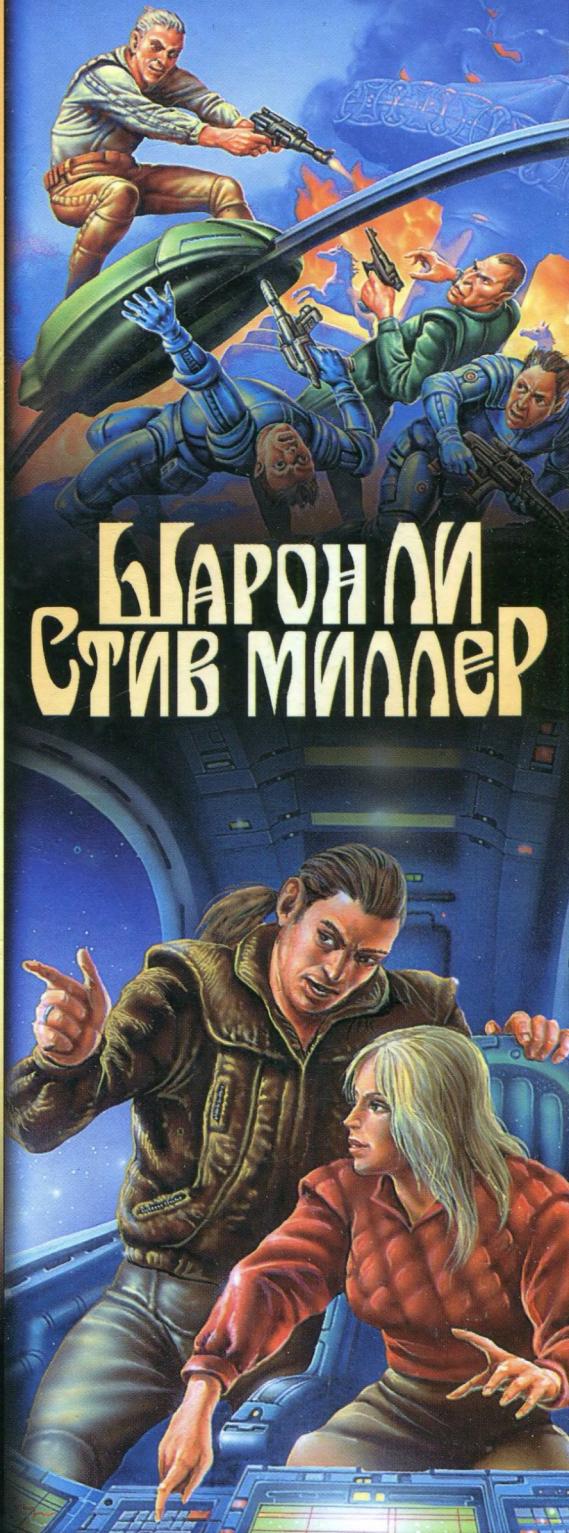

МЕСТНЫЙ ОБЫЧАЙ ПУТЬ РАЗВЕДЧИКА

ШАРОН ЛИ
СТИВ МИЛЛЕР

МЕСТНЫЙ ОБЫЧАЙ ПУТЬ РАЗВЕДЧИКА

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

**ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ**

SHARON
LEE

STEVE
MILLER

LOCAL CUSTOM
SCOUT'S PROGRESS

ШАРОН
ЛИ

СТИВ
МИЛЛЕР

МЕСТНЫЙ ОБЫЧАЙ
ПУТЬ РАЗВЕДЧИКА

---

ast люкс
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва • 2005

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

Л55

Серия «Золотая библиотека фантастики»
основана в 1999 году

Sharon Lee, Steve Miller
LOCAL CUSTOM
SCOUT'S PROGRESS

Перевод с английского Т.Л. Черезовой

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Печатается с разрешения Meisha Merlin Publishing, Inc.
и литературного агентства Александра Корженевского.

Подписано в печать 25.10.04. Формат 84×108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 37,8. Тираж 6000 экз. Заказ № 3071.

Ли, Ш.

Л55 Местный обычай. Путь разведчика : [фантаст. романы] / Шарон Ли, Стив Миллер; пер. с англ. Т.Л. Черезовой. — М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. — 714, [6] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-026665-0 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9660-0690-3 (ОАО «ЛЮКС»)

Человечество колонизировало сотни планет. Теперь в Галактике бок о бок живут, торгуют и воюют потомки землян — и «чужие». В этом мире любовь наследника древнего, богатого клана торговцев с планеты Лиаден и землянки — повод к началу жестокой вендетты, которая грозит охватить ВСЮ ГАЛАКТИКУ...

Из мира — в мир!
От опасности — к опасности!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Sharon Lee and Steve Miller, 2000
© Перевод. Т.Л. Черезова, 2005
© ООО «Издательство АСТ», 2005

МЕСТНЫЙ
ОБЫЧАЙ

Глава первая

Каждый должен дать своему клану ребенка своей крови, который будет выращен кланом и будет принадлежать клану, какие бы события впоследствии ни вывели его родителя из-под власти клана. И это должно быть Законом для каждого члена каждого клана.

Из Хартии Совета Кланов,
составленной на Шестой год после Высадки,
город Солсинтра, Лиад

— Нет? — переспросила его мать, широко открывая голубые глаза.

Эр Том йос-Галан поспешил исполнить поклон подчиненного Главе Семейства, стараясь исправить промах.

— Матушка, — проговорил он как подобает, — я прошу милости...

Она прервала его взмахом руки.

— Давай вернемся к «нет». Оно очаровательно своей краткостью.

Эр Том сделал осторожный вдох, стараясь, чтобы его лицо оставалось спокойным, дыхание — ровным, а вся поза выражала внимание. Все, как подобает сыну, который всегда помнит о своем долге.

Спустя мгновение его мать вздохнула, осторожно обошла его и устало опустилась в свое специальное кресло. Она нахмурила брови, пристально вглядываясь в него.

— Ты желаешь отказать клану в своих генах, сын?

— Нет, — снова повторил Эр Том и прикусил губу.

— Отлично. Отлично.

Петрелла, Тодем йос-Галан, негромко забарабанила пальцами по деревянному подлокотнику кресла, продолжая все так же пристально и удивленно глядеть на сына.

— И тем не менее, — продолжала она, — ты упорно отказываешься от всех брачных контрактов, которые в течение последних трех лет предлагала твоему вниманию глава твоей семьи. Позволь мне удивиться подобному поведению.

Эр Том чуть поклонился, давая разрешение удивляться, — и запоздало понял, что эта реакция была не такой примирительной, как следовало бы, если учесть серьезность ситуации. Выпрямляясь, он посмотрел на мать из-под ресниц, гадая, не ждет ли его теперь урок хороших манер.

Однако Петрелла целиком сосредоточилась на сути разговора, позволив легкой иронии оставаться без комментариев.

— Ты, — заявила она, — капитан собственного корабля, мастер-купец, пилот — вполне устоявшееся меланти. Ты из хорошего рода, манеры у тебя по большей части приятные, ты достиг совершеннолетия и успешно управляешь различными предприятиями, которые перешли к тебе в тридцать пятую годовщину твоего именования. Тебе пора — давно пора — дать клану своего ребенка.

— Да, — пробормотал Эр Том, потому что ничего иного сказать было нельзя.

То, что она сказала ему, было Законом: каждый человек должен дать клану ребенка, который станет его наследником и впоследствии займет в клане его место.

Его мать снова вздохнула, глядя на него с тревогой.

— Это не так уж тяжело, дитя мое, — добавила она с неизменной мягкостью. — Мы все это делали.

Когда он промолчал, она подалась вперед, протягивая руку:

— Мой сын, я не хочу тебя обременять. Существует необходимость, но необходимость не обязательно должна отяго-

щать. Нет ли кого-то, кого бы твое сердце поставило выше других? Только назови мне ее имя и ее клан, и переговоры будут начаты... — Она медленно откинулась назад, уронив руку на колени. — Эр Том?

— Матушка, — пробормотал он подавленно, и когда он поклонился, глаза его наполнились слезами. — Я прошу милости...

Милость в конце концов дарована не была. Но он не мог ее ждать: ведь он лепетал и смущался, словно юнец. Его матери было не до бессмысленной чувствительности — ведь ее силы подтачивала болезнь. Она уже даровала милость одному ребенку — и из-за ее снисходительности эти гены были для Клана Корвал потеряны навсегда.

Так что второму ребенку Петреллы и надежде семейства йос-Галан милости даровать нельзя было. И Эр Том удивлялся только тому, что вообще осмелился об этом попросить.

Все еще продолжая удивляться, он прошел по короткому коридору, который вел в его комнаты, и приложил ладонь к пластине замка. Свет вечернего солнца заливал комнату густым желтым светом, расплываясь на ворохе счетов и копий грузовых списков на рабочем столе, по островкам компьютерных экранов, комм-пульта и клавиатуры. Над экраном ровным синим светом горел индикатор поступившего сообщения.

Эр Том вздохнул. Это должен быть файл с досье его будущей жены, присланный с компьютера матери. Долг требовал, чтобы он немедленно открыл его и ознакомился с содержанием, чтобы дать официальное согласие своему Тоделму на основной трапезе дня этим же вечером.

Он бесшумно прошел по привозному ковру ручной работы, стараясь сосредоточиться на мелочах, которыми необходимо будет заняться, чтобы остаться на Лиад на время своего брачного контракта, как того требовал обычай — хотя и не Закон. Для «Исполнения Долга» нужно будет найти нового мастер-купца, хотя Кэйзин Не-Зейм, первый помощник, прекрасно справится с обязанностями капитана. Маршрут следующего рейса надо будет изменить и позаботиться о том, что-

бы лично оповестить об этом постоянных покупателей... Он широко распахнул окно, впуская в комнату мягкий ветер.

Позади него всполошенным грачевником зашуршали бумаги. Эр Том высунулся в окно, сжимая руками подоконник, и, чуть прищурив глаза, стал смотреть в долину, на высящееся там Дерево.

Дерево звалось Джелаза Казон — Осуществление Джелы — и отмечало местоположение кланового дома Корвала, где Эр Том провел свое детство в роли постоянного спутника и добровольной тени своего кузена и названного брата Даава йос-Фелиума.

У Эр Тома заслезились глаза, и Дерево раскололось на сотни сверкающих коричневых и зеленых осколков на фоне неба, ставшего светло-молочным. Желание поговорить с Даавом, уткнувшись в плечо брата и поплакаться на жестокость Закона стало почти непреодолимым.

Но каким бы сильным ни было такое желание, оно было неуместно для человека с меланти взрослого. Эр Том крепче стиснул подоконник, чувствуя, как металл впивается в ладони, и закрыл глаза. Он не пойдет с этим к Дааву, строго сказал он себе. В конце концов молодой человек стоит перед такой же необходимостью, что и сам Эр Том, — и у Даава нет даже родительского наставления, потому что его собственная мать безвременно умерла примерно пять стандартных лет назад.

В конце концов потребность чуть ослабела, оставив после себя пересохший рот и проснувшуюся решимость, хоть и не полное осознание своего долга.

Он мрачно отошел от окна, прошагал через комнату и прикоснулся к кнопке, вызывая ожидающее сообщение.

Экран мигнул, и на нем возникло изображение дамы: его мать не была дурой и не тратила время на сухие факты тогда, когда победу легко могло обеспечить прекрасное лицо.

И Эр Том с холодной отстраненностью признал, что дама очень хороша собой. Синтебра эл-Кемин, Клан Нексон, обладала классической красотой: тонкие брови выгибались над опалово-голубыми глазами, обрамленными ресницами достаточно длинными, чтобы бросить полукружия теней на скулы.

Кожа у нее была гладкая и безупречно золотистая, нос аккуратненький, а губы — алые, как цветки клемеции. Она лукаво смотрела на него с экрана, и ее темные волосы, зачесанные назад и вверх, маняще открывали безупречные ушки.

Эр Том проглотил холодную волну тошноты и отвел взгляд, устремив его к окну и Дереву, возвышающемуся в сумерках.

— Это... невозможно, — прошептал он и заскрипел зубами, заставляя себя снова посмотреть на экран.

Прекрасная, безмятежная и совершенно лиадийская — такая же совершенно лиадийская, как и он сам, — Синтебра эл-Кемин манила его из глубин экрана.

И он знал, что вся ее фигура будет такой же привлекательной, как и ее лицо. Знал. Ему следовало бы, не колеблясь, найти мать и с благодарностью преклонить перед ней колени. Ничто в Законе не говорило о том, что дама должна быть хороша собой. На самом деле собственный закон Корвала требовал только, чтобы супруга по контракту была пилотом и принадлежала к полной жизни Семье. Все остальное предоставлялось воле судьбы.

Крепко закусив нижнюю губу, Эр Том смотрел в прелестное лицо предлагаемой ему супруги, пытаясь представить себе, как ее волосы тяжело упадут ему на руки, какой вкус будет у ее аккуратной золотисто-розовой груди...

— Нет!

Стул со стуком отлетел назад, и он по-пилотски стремительно метнулся в кухню, примыкавшую к его рабочему кабинету. Дрожащими пальцами он раскрыл шкатулку, небрежно рассыпая рубины, жемчуг и другие драгоценности. Когда на секунду ему показалось, что они потеряны, у него сжалось сердце — но в следующий миг он уже нашел их: они забились в дальний угол, где их накрыла платиновая заколка для плаща.

Лоскут красного шелка не длиннее его ладони, вот и все. И еще кусок тусклой золотистой ленты, старательно свернутый в растрепанный цветок, сквозь который в такой любовью был пропущен красный шелк.

— Это невозможно, — снова прошептал он и приложил потускневший цветок к щеке, стараясь сдержать слезы, грозившие запятнать шелк.

Он судорожно сглотнул.

— Я не стану вступать в брак.

«Смелые слова! — насмешливо отозвалась в нем та часть его сознания, которая принадлежала мастер-купцу, а-тоделму и наследнику делма. — А как же долг по отношению к Клану, не говоря уже о Законе и облегчении боли своей матери?»

«Если твое сердце поставило кого-то выше других...» — прозвучала в его памяти мольба матери, и пальцы Эр Тома конвульсивно сжались на лоскутке шелка. Она ни за что... он не смеет... это противоречит всему: Кодексу, обычая, Клану... долгу.

Он сделал глубокий вдох, стараясь успокоить стремительно несущиеся мысли. Клан требует этого от него, как от послушного сына Клана, в уплату за все, что он уже получил от Клана. Это справедливо. Другое... это какое-то странное, непокорное безумство, которое должно было бы миновать — спустя столько лет. И то, что оно осталось в столь неожиданно тяжелой форме, можно было считать свидетельством прискорбной недисциплинированности Эр Тома йос-Галана. Он стряхнет с себя это безумие — немедленно. Он сожмет шелк и потускневшую ленту, а потом прочтет файл Синтебры эл-Кемин, примет ванну и переоденется к трапезе. Он скажет своей матери...

Слезы хлынули у него из глаз, и он склонил голову, нежно охватив пальцами красно-золотой сувенир.

Что он скажет матери? Что в течение трех лет, упорно отказываясь от всех брачных контрактов, он к тому же не имел возлюбленной и даже не делил ни с кем ночи удовольствий? Что ни новые, ни привычные лица не волновали его? Что его тело словно существует где-то в стороне от его жизни и дел, которые от него требует Клан? Что пища напоминает пыль, а вино — уксус, и только долг заставляет его съедать достаточно пищи, чтобы напитать это холодное, далекое тело?

Если он скажет об этом матери, подумал несчастный Эр Том, то она в тот же миг отправит его к Целителям.

А Целители заставят его забыть все то, что не дает ему выполнить его долг.

Он подумал о забвении. И ведь из памяти нужно было бы стереть такой короткий отрезок времени и такой давний...

От этой мысли ему стало тошно, почти так же, как от лица женщины, которую его мать собиралась сделать его супругой.

Он сморгнул слезы и выпрямился, пряча лоскут шелка и истрепавшуюся ленту в нагрудный карман. Аккуратно вернув драгоценности в шкатулку, он оставил матери сообщение, в котором выражал сожаление по поводу того, что не сможет составить ей компанию за трапезой. А потом он ушел из комнаты, небрежно набросив на плечи потертую кожаную куртку, которая говорила о его принадлежности к пилотам.

Бумаги на рабочем столе раздраженно зашуршили под ветерком, врывавшимся в открытое окно, а на другой стороне долины замерцали прямо над Деревом первые вечерние звезды.

Глава вторая

Вручение нубиата, дара расставания, одним из партнеров становится знаком окончания любовной связи. Безупречность меланти требует, чтобы нубиат предлагался и принимался мягко и красиво, а потом о связи не упоминалось бы ни словом, ни делом.

Выдержка из Лиадийского Кодекса достойного поведения

— Мне стоит заключить, что эта дама — двухголовая уродина и к тому же злюка?

Даав йос-Фелиум плеснул мисравот в хрустальную чашу и протянул ее своему собеседнику.

— Совсем нет, — пробормотал Эр Том, принимая чашу и с напускным спокойствием покачивая ее содержимое, тогда как его сердце бешено колотилось. — Дама очень... красива.

— Ха!

Даав налил себе бледно-голубого вина и отпил немногого, устремив на Эр Тома пытливые черные глаза.

— Твоя мать, моя тетка, проявляет о тебе заботу. Когда я буду иметь удовольствие пожелать тебе счастья?

— Я не... то есть... — пролепетал Эр Том и замолчал, поднося к губам чашу, чтобы попробовать вино.

Вообще он в отличие от брата не любил мисравотов, находя вкус жженой корицы не освежающим, а приторным. Но в этот вечер он сделал второй глоток и не спешил его проглотить, в то время как его мысли в непривычном смятении разбегались в разные стороны.

Опустив наконец чашу, он вздохнул и поднял голову, чтобы встретиться с умными глазами брата.

— Даав...

— Да, денубиа? Чем я могу быть тебе полезен?

Эр Том провел языком по губам, снова ощущив вкус корицы.

— Мне... нужен корабль.

Темная бровь иронически выгнулась.

— Не будет ли невежливо, — поинтересовался Даав, — напомнить тебе, что ты являешься капитаном довольно... крупного корабля?

— Мне нужен корабль побыстрее и поменьше, — поспешил объяснил Эр Том, вдруг потеряв способность справляться со своим волнением.

Он отвернулся, шагнул к столику для игр и остановился, глядя на доску для контрашанса, лежащие наготове игральные кости и фишки. Если бы дела обстояли иначе, они с Даавом уже сейчас могли бы сидеть над доской, тренируя свой ум и решительность в поединке друг с другом.

— Есть проблема, — проговорил он, ощущая, как взгляд брата обжигает ему спину. Он повернулся обратно и открыто, без утайки, посмотрел на своего самого дорогого родича. Кашлянув, он продолжил: — Проблема, которую я должен разрешить. Прежде чем женюсь.

— Понимаю, — сухо отозвался Даав, хмуря брови. — Проблема, которая требует твоего срочного отлета с планеты, да? Не должен ли я решить, что ты наконец займешься тем, что омрачало твое сердце несколько последних релюмм?

Эр Том окаменел, безмолвно воззрившись на брата — и говоря себе, что ему, в сущности, не следовало бы удивляться. Даав — Делм, на которого возложена забота о благополучии всех членов Клана Корвал. До того, как обязанности заставили его вернуться домой, он был разведчиком, так что все его чувства отточены суровой подготовкой. Как он мог бы не заметить тревоги своего брата? И как много говорит о его меланти то, что он не терзал Эр Тома расспросами до этой минуты.

— Ты говорил об этом со своим Тоделлом? — негромко спросил Даав.

Эр Том быстро взмахнул пальцами, делая знак отрицания.

— Я... предпочел бы... не обращаться к Целителям.

— И поэтому накануне своей помолвки явился потребовать Личный корабль Делма, чтобы улететь с планеты и разрешить свою проблему.

Даав ухмыльнулся: это только раззадорило его чувство озорства, тогда как сам Эр Том холодел от ужаса из-за того, что необходимость заставляет его действовать вопреки добродорядочности.

— Ты дашь клятву, — заявил Даав, неожиданно перейдя с низкого лиадийского, на котором они обычно разговаривали, на высокий, в модальность, предназначенную для беседы Делма с членом своего Клана.

Эр Том склонился в глубоком поклоне, выражавшем радостную покорность Делму.

— Да, Корвал.

— Ты поклянешься, что если к концу этой релюммы тебе не удастся разрешить твою проблему, ты вернешься на Лиад и поручишь себя заботам Целителей.

От текущей релюммы осталось чуть больше половины. Однако, ощущая прилив холода, Эр Том уверил себя, что более долгого срока ему и не нужно. Он еще раз поклонился в знак покорности решению Делма.

— Корвал, я даю такую клятву.

— Так. — Даав запустил руку в карман домашнего халата и извлек оттуда серебряное кольцо с ключами, укращенное

эмалевым драконом. — Быстрого полета, денубиа. И пусть удача приведет тебя к исполнению желания твоего сердца.

Эр Том взял ключи и крепко сжал их пальцами. Глаза его снова наполнились слезами. Он поклонился в знак благодарности и любви.

— Мои благодарности... — начал было он, но Даав небрежно взмахнул рукой и снова перешел на низкий лиадийский.

— Да-да. Я знаю. Считай, что сказал все положенное. Действуй осмотрительно, хорошо? Пришли весточку. И, ради всех богов, подскажи мне, что сказать твоей матери?

— Доброй ночи, Шанни. — Энн Дэвис наклонилась, чтобы поцеловать теплую щечку сына. — Хороших снов.

Он сонно улыбнулся: его светло-голубые глаза уже почти совсем закрылись.

— Доброй ночи, ма... — пробормотал он, устраиваясь на подушке.

Его дыхание почти сразу же выровнялось, и Энн почувствовала внутреннюю уверенность в том, что ребенок действительно спит.

Однако она задержалась у кроватки, глядя на него. Подняв руку, она убрала прядку шелковых белых волос с детского лба, одним пальцем бережно проследила разлетающиеся брови — наследство его отца, с нежностью подумала она, хотя в остальном бедный паренек унаследовал ее внешность. Но ведь она никогда и не желала красивого сына. Просто — своего.

Она нежно улыбнулась и едва ощутимым поцелуем коснулась его волос, поправила и без того хорошо лежащее одеяло и, наконец, ушла из крошечной спальни, оставив дверь полуоткрытой.

В большой комнате она устроилась за письменным столом, и ее изящные ловкие пальцы начали танцевать по клавиатуре компьютера, вызывая учебное расписание студентов. Когда оно появилось, Энн подавила вздох: предстоит проверить и оценить тридцать финальных работ. Затем будет экзаменационная работа — и ее проверка. А потом — целый семестр полной свободы.

Более или менее полной.

Качая головой, она вывела на экран первую работу и решительно сжала в руке световое стило.

Продравшись через восемь работ с той полной сосредоточенностью, которая так забавляла ее друзей и раздражала коллег, она вернулась к реальности — мышцы на затылке так свело, что их протестующая боль заставила вынырнуть из пучины работы.

— Гм... Перерыв, Энн Дэвис, — сказала она себе, с наслаждением вставая и вытягиваясь во весь свой шести футовый рост.

Для землянки рост у нее был средним, однако все равно ее поднятые вверх пальцы коснулись потолка. «Жадюги-бюрократы! — подумала она, как всегда. — Неужели так дорого было бы поднять потолок на пару дюймов выше?»

Это была загадка без ответа, и задав привычный вопрос, она тут же забыла о нем, прошлепав на кухню, чтобы налить стакан сока.

Она знала, что Шан еще спит. Не спеша допивая сок, она привалилась боком к кухонному столу и, закрыв глаза, дала мыслям свободу.

Она встретила его на Процишки, где по государственному гранту изучала тенденции изменений в базовом языке. Сам начальник порта Бреллик Гар, друг Ричарда, пригласил ее на большой прием, заманив тем, что на вечере будут «настоящие живые лиадийцы». Бреллик знал о ее страсти к лиадийской литературе. А сами лиадийцы были редкостью в тех кругах, в которых обычно вращались преподаватели-земляне. Энн попалась на приманку — и встретилась со своим лиадицем.

Она впервые увидела его на другой стороне зала — серьезного стройного молодого человека, который рядом с крупнотелым Брелликом казался хрупким. Знакомство было сделано совершенно в духе Бреллика.

— Энн, это — Эр Том йос-Галан. Эр Том, пригляди за Энн, ладно? Она не привыкла к приемам. — В ответ на ее недовольный взгляд Бреллик только ухмыльнулся. — Я бы сам тебя опекал, девочка, но я же — хозяин дома. Но ты держись вот за этого, он воспитан лучше стаи орангутанов.

И с этими словами он затопал дальше, предоставив Энн прожигать ему спину возмущенным взглядом. А потом она в страшном смущении посмотрела на своего невезучего собеседника.

Лиловые глаза, полные веселья, смотрели на нее из-под разлетающихся к вискам золотистых бровей.

— А как вы думаете, кто такие орангутаны? — спросил он на земном с легким акцентом.

— Зная Бреллика, могу предположить, что нечто отвратительное, — прочувствованно ответила Энн. — Я прошу вас простить моего друга, господин йос-Галан. Вам совсем не нужно... нянчиться со мной.

— Но разрешите мне хотя бы добыть вам рюмку вина, — отозвался он своим мягким, мелодичным голосом, беря ее за локоть изящными золотистыми пальцами и без труда уводя в гущу толпы. — Ваше имя Энн? Но к нему должно добавляться еще что-то, да? Энн — а дальше?

И она сказала ему свою фамилию, профессию и то, что надеется обнаружить на Процишки. А еще она позволила ему добыть ей не одну, а несколько рюмок вина, и пойти с ней за стол, а позже — танцевать с ней. И к тому времени, как гости стали расходиться, казалось вполне естественным, чтобы Эр Том йос-Галан проводил ее домой.

Он принял ее приглашение зайти на чашку кофе, а еще через час мягко принял приглашение провести ночь в ее постели.

В тот момент она наклонилась, чтобы его поцеловать, — и он оказался неожиданно неумелым. Тогда она поцеловала его снова: сначала терпеливо, а потом — завлекая, пока он вдруг неожиданно не растерял всю свою неловкость и ответил ей с такой страстью, что вскоре они оба начали дрожать и задыхаться.

Они не добрались до постели — в тот первый раз. Шаткий диван выдержал их обоих, и Эр Том еще раз ее удивил: он оказался опытным и внимательным любовником. А его руки — боги, его руки! — знали все затаенные желания ее тела — и щедро дарили ей ласки.

Он снова и снова возвращался к ее губам, словно для того, чтобы отточить свое мастерство. А когда она наконец обвила

его ногами и приняла в себя, он снова прильнул к ее губам, и его язык повторял каждое движение его тела, пока волны ее экстаза не захлестнули и его, так что они оторвались друг от друга с возгласами изумления и восторга.

— О боже! — Энн отставила недопитый сок и резко отодвинулась от кухонного стола, крепко обхватывая плечи руками. — О боже...

Он улетел, конечно. Она знала, что он уедет, как только торговая делегация завершит работу — как уедет и она сама, когда закончится время, отведенное для ее исследований.

Но пока их отношения длились, это было великолепно: чудесное золотое трехмесячное приключение в жизни, посвященной спокойной череде самообразования, преподавания и исследований. Шан был живым напоминанием об этом великолепном приключении, о ее собственном решении и желании. Она не говорила Эр Тому о своем намерении родить его ребенка, хотя, казалось, рассказала ему о себе все. Шан принадлежал только ей.

Она вздохнула и повернулась, полуослепленная слезами, чтобы поставить стакан в мойку. А потом она снова ушла в большую комнату и выключила компьютер, качая головой при мысли о том, что на следующий день оставляет себе двойную работу.

Пройдя через комнату, она убедилась в том, что дверь заперта, а потом выключила свет и бесшумно скользнула в спальню, где провела остаток ночи, глядя в невидимый потолок и прислушиваясь к дыханию сына.

Эр Том не явился на главную трапезу.

Разумеется, он прислал извещение, как и подобает примерному ребенку, и самым очаровательным образом попросил его простить. Но то, что он не присутствует на трапезе того дня, в который ему следовало наконец дать согласие на заключение брачного контракта, не могло не вызывать ярости.

И Петрелла была в ярости.

В ярости она послала обед, составленный из любимых блюд сына, к всевозможным дьяволам пятнадцати разнообразных

преисподних и съела миску пряного джелта и тонкий тост, запив их крепким красным вином, после чего, опираясь на руку господина пак-Оры, гневно удалилась к себе в кабинет, где составила едкое послание своему наследнику.

Она как раз занималась совершенствованием этого документа, когда раздался сигнал ее комма.

— Что еще? — рявкнула она, запоздало поворачивая рукотку, включающую экран.

— Скорее «кто еще». — Ее племянник, Даав йос-Фелиум, с серьезным видом наклонил голову. — Это всего лишь я. Надеюсь, я не слишком вам помешал, тетя Петрелла?

Она гневно взорзилась на него.

— Полагаю, ты наконец соизволил связаться со мной, чтобы дать мне знать, что твой чалекет, мой сын, обедал у тебя, и теперь вы оба как следует набрались и собираетесь начать третью партию в контрашанс?

Даав выгнул бровь.

— Как это было бы чудесно! Увы, но я нарушил ваш покой совершенно по другому делу.

— Вот как? — Она смерила его взглядом. — И что это за дело?

— Я связался с вами, чтобы сообщить, что мой чалекет, ваш сын, улетел с планеты, стремясь уладить срочное дело.

— Срочное дело! — Она почти выплюнула эти слова. — Брачный контракт балансирует на лезвии ножа, а он улетает с планеты? — Она судорожно сглотнула, ощущив острую боль в груди, и заставила себя закончить уже спокойнее: — Полагаю, тебе ничего не известно о союзе, который вот-вот должен быть заключен с Кланом Нексон?

— Напротив, — мягко отозвался Даав, — я полностью осведомлен об этом факте. Возможно, я выразился недостаточно ясно? Делм позволил Эр Тому йос-Галану потратить остаток этой релюммы на разрешение проблемы, которую он представил как срочную.

— Что действительно срочно, — сообщила ему Петрелла, — так это чтобы он женился и дал Клану своего наследника. Это — вопрос Семейства, мой Делм, и ты прекрасно это понимаешь!

— Я прекрасно это понимаю, — спокойно подтвердил он. — А еще я прекрасно понимаю, что любой клан, желающий заключить союз с Корвалом, легко может позволить себе отсрочку в полрелюммы. Однако я предлагаю вам начать справляться у наших кузенов и младших семейств, чтобы найти тех, кто смог бы жениться на этой даме и скрепить союз с Кланом Нексон.

— Если уж на то пошло, — ехидно сказала Петрелла, — то и Делм пока не имеет потомства.

Даав наклонил голову.

— Я почту за честь познакомиться с файлом этой леди. Однако справляйтесь у кузенов, будьте добры. — Он улыбнулся — неожиданно и очень мило. — Полню же, тетя Петрелла, любому купцу известно, как важно иметь запасной план!

— И зачем мне запасной план, когда самым важным является основной? Вы вмешиваетесь в дела Семейства, мой Делм, как я уже вам напомнила. Параграф двадцать седьмой шестой главы Кодекса ясно говорит...

Даав поднял руку:

— Если вам хочется приводить мне главы и страницы, тетя, то вспомните, что у меня из всего Клана самая долгая память.

Петрелла опасно улыбнулась:

— Это не угроза ли, племянник?

— Полню, тетя Петрелла, неужели я стал бы вам угрожать?

— Да, — ответила она с мрачным удовлетворением, — еще как стал бы.

— Ха! — Его глаза одобрительно заблестели, но он тут же снова склонил голову. — Что ж, тетя Петрелла, если других тем у нас нет... поспрашивайте кузенов и не стесняйтесь связаться с господином дэ-Гауссом, если предприятие введет вас в расходы. А пока что Делм уверен в том, что Эр Том йос-Галан вернется к концу релюммы. Как должны быть уверены и вы.

Петрелла ничего не ответила, но благоразумно сдержала скептическое хмыканье.

Даав улыбнулся.

— Доброй ночи, тетя Петрелла. Хорошего вам отдыха.

— Доброй ночи, детка, — отзвалась она и отключила связь.

Глава третья

— Конечно, ты мне друг. Моя самая дорогая, моя возлюбленная...

Шан эл-Тразин склонился к ней и обхватил ее лицо ладонями, словно они были родичами или спутниками жизни.

— Я всегда буду любить тебя, — прошептал он и увидел, как страх исчезает из ее прекрасных глаз.

С горькой нежностью он наклонил голову и поцеловал ее.

— Я никогда не забуду... — вздохнула она, утыкаясь ему в плечо.

— И я, — пообещал он, крепче прижимая ее к себе — и обнажая кинжал.

Даже шорох лезвия о ножны не должен предупредить ее, сурово приказал он себе. И трепет его боли не должен ее коснуться: она — его любовь, хоть и убила его напарника. И он скорее умрет, чем причинит ей хоть секунду страдания.

Кинжал был очень острым. Она чуть шевельнулась, когда клинок скользнул между ее ребер, и тихо вздохнула, когда он нашел ее сердце.

Из «Обманом через галактику: ретроспектива»

— Джерзи, ты просто лапочка! — с благодарностью сказала Энн.

Ее приятель ухмыльнулся с экрана комма и тряхнул головой.

— А вот и нет. Это он лапочка. Я без ума от паренька. Назови цену: покупаю без торга.

Энн рассмеялась.

— Не продается. Но я разрешу тебе сегодня вечером за ним присматривать. Исключительно как одолжение тебе, понимаешь? — Она стала серьезной. — А как насчет того, чтобы дать мне возможность заплатить тебе какой-нибудь услугой? У нас с тобой возник перекос.

— Ты что, лиадийка? Послушай моего совета и прогуляй это собрание. Пойди домой, съешь что-нибудь сексуальное, выпей рюмку вина, сыграй себе колыбельную и засни. Завтра у тебя библиотечный день, так? Джерзи вернет паренька после полудня, ближе к вечеру. Если не решу вообще его украдь.

— Джерзи...

— Все, хватит! До завтра.

Экран погас.

Энн вздохнула, отключила свой комм и осталась сидеть, глядя на экран, свечение которого сменилось мертввой серостью.

Она уже не в первый раз думала о том, что можно было бы устроиться лучше. Конечно, существовали и менее удачные варианты, чем тот, на котором она остановилась: ей сразу же вспомнились центральные ясли Университета с их ведомостями о сдаче и приемке ребенка, аккуратными рядами аккуратных кроваток и аккуратными послушными детьми, одетыми в чистенькие одинаковые костюмчики. Ужасное, антисептическое, холодное учреждение — совершенно такое же, как и то, другое.

Она постаралась уверить себя в том, что все делает нормально благодаря помощи таких друзей, как Джерзи. Однако ей было страшно неприятно прибегать к услугам друзей, несмотря на все их добродушие. А еще больше она ненавидела те часы, на которые вынуждена была расставаться с сыном: так много часов в день, так много в неделю! Постепенно она начинает ненавидеть работу, необходимость посещать заседания кафедры, готовиться к занятиям. Ее работа пошла медленнее, а на Университете один закон — «публикуйся или погибнешь». Библиотечные дни все чаще и чаще превращались в дни Шана, а необходимую работу она старалась вместить вочные бдения и ранние утра, максимально используя домашний терминал — и увеличивая счета за пользование связью, чего легко было бы избежать, если бы она пользовалась терминалом, предоставляемым исследовательским центром.

Она резко встала и начала собирать вещи. Ее мать была пилотом и отсутствовала по шесть месяцев из каждого мест-

ного года, оставляя сына и дочь на различных родственников, а один раз — в Детском доме Нового Дублина.

Энн вздрогнула, рассыпав аккуратно сложенную пачку карточек. Это был самый жуткий год. Их с Ричардом заперли в разных спальнях и разрешали всего один разговор по комму в десять дней. Они нашли способ уходить тайком, после отбоя, чтобы подержаться за руки и поговорить по-семейному. Но правила запрещали уходить тайком, и когда их неизбежно ловили, то наказывали — тяжелой работой, запретом на разговоры с окружающими, бойкотом. Тот год длился вечно: корабль матери задерживался, и Энн решила, что она пропала без вести...

Она недоуменно посмотрела на сжавшиеся в кулаки руки. Это было так давно... Ее мать умерла три года назад, мирно — в своей постели. Ричард теперь сам был пилотом, а его последнее письмо было полно упоминаний о некой Рози, с родителями которой ему вскоре предстояло познакомиться. А Энн — профессор сравнительной лингвистики, и у нее на счету несколько ученых статей, и она ведет семинар по лиадийской литературе, на который каждый семестр набирается полная группа.

Энн покачала головой и устало наклонилась, чтобы сбрать рассыпавшиеся карточки. Джерзи прав: она устала. Ей нужно хорошо поесть и как следует отоспаться. В последнее время она себя перегружала. Ей не надо забывать об отдыхе, только и всего. И тогда все будет в порядке.

Эр Том устало поднимался по изогнутой мраморной лестнице, которая вела в Административный центр Северного городка Университета. В здании оказалось чуть теплее, чем на улице, но все равно прохладно для человека, привыкшего к весенней погоде Лиад. Он не стал расстегивать кожаную куртку пилота, даже когда подошел к круглой мраморной стойке, отмеченной земным значком «Справки».

При его приближении к стойке подошла землянка неопределенного возраста. У нее оказались густые темные волосы, небрежно распущенные, словно она только что поднялась с постели, а щедрый вырез блузки открывал пышную

грудь. Она уперла локти в розоватый мрамор и широко улыбнулась Эр Тому.

— Привет! Чем я могу вам помочь? — спросила она, подчеркнув слово «вам».

Он поклонился ей как равной — что было лестью — и ответил легкой улыбкой.

— Я ищу друга, — сказал он, тщательно выговаривая бестональные земные слова. — Ее зовут Энн Дэвис. Ее область — сравнительная лингвистика. Я сожалею, что не знаю названия кафедры, на которой она работает.

— Ну, вы хотя бы в нужном городке, — жизнерадостно отозвалась женщина. — У вас нет ее идентификационного номера, снимка сетчатки или чего-нибудь в этом роде?

— Сожалею, — снова повторил Эр Том.

Она мотнула головой, и растрепанные локоны заплясали вокруг лица.

— Я посмотрю, пролетит ли это, друг, но сведений маловато для факультета наших размеров... — Она отошла, бормоча что-то вроде того, что бормотали люди из администрации Восточного и Западного городка. Отойдя на несколько метров, она остановилась и начала работать с клавиатурой, установленной на стойке, хмуря брови на экран, подвешенный на уровне ее глаз. — Так, посмотрим... Дэвис, Дэвис, Энн. — Она повернула голову и окликнула его через плечо: — Энн будет писаться с двумя «н»?

Он взорвался на нее, не в силах заставить свою усталую голову проанализировать ее вопрос и понять его.

— Я... прошу прощения...

— Ваша подруга, — терпеливо пояснила служащая. — Ее имя пишется с одним «н» или с двумя?

«Н» была буква земного алфавита. В панике он сказал себе, что должен был в какой-то момент видеть, как Энн пишет свое имя. Закрыв глаза, он вдруг ясно увидел чернильную ручку, зажатую в изящных пальцах, и размашистую роспись на лиловатой странице гостевой книги посольства...

— Э, — по памяти прочел он служащей, — н, н. Д, э, в, и, с.

— Ладненько.

Она снова повернулась к клавиатуре, а Эр Том открыл глаза, испытывая странное потрясение.

Служащая что-то бормотала себе под нос, но он не обращал на нее внимания. Земная система имен, с отчаянием думал он, земной алфавит и, да помогут ему боги, земная женщина, смелая и яркая — чужая. Однако все равно женщина, с земной кровью, а ее гены так далеки от Книги Кланов, что...

— Ага!

Услышав торжествующий возглас служащей, Эр Том стряхнул с себя задумчивость и шагнул к ней.

— Да?

Она подняла на него глаза, трепеща ресницами, — и он увидел, что она не так молода, как ему показалось. Косметика использовалась для того, чтобы изобразить на ее щеках юный румянец, и глаза были искусно подкрашены, а на ресницах сверкали серебряные блестки. Эр Том заставил свое лицо выражать только спокойную вежливость. «Местный обычай», — строго напомнил он себе. Будучи купцом, он имел дело с местными обычаями во множестве проявлений и на множестве планет. А вот на этой планете раскрашивают лица. Это просто обычай, и не стоит из-за этого расстраиваться.

— Не знаю, это ли ваша подруга или нет, — говорила тем временем женщина, — но на Сравнительной Лингвистике она — единственная Дэвис. Погодите секунду, вот карточка. — Она хмуро рассмотрела ее и только потом протянула ему. — Живет в корпусе С — два — семь в квадрате. Вы знаете, где это?

— Нет, — ответил он, крепко сжимая карточку в руке.

Женщина встала и перегнулась через стойку, вытягивая руку. Ее груди распластались по мрамору и чуть не вывалились за край низкого выреза блузки. Эр Том повернулся, чтобы проследить за направлением ее пальца.

— Вернитесь тем путем, каким пришли, — сказала она, — поверните направо и пройдите шагов с тысячу. Увидите вывеску экипажей. Спускайтесь по ступенькам и хлопайте по пластине вызова. Когда экипаж подъедет, вы садитесь и вводите вот этот код, видите?

Она провела пальцем по цепочке цифр и букв на карточке, которую он держал.

— Да, вижу.

— Так. А потом расслабляетесь и получаете удовольствие от поездки. Экипаж останавливается — вы выходите и поднимаетесь наверх. Вы окажетесь на большом дворе — это как раз квартал С. Потом лучше всего попросить кого-нибудь из жителей помочь вам найти ваш адрес или зайти в справочную будку, ввести код вашей подруги — он прямо под ее именем, вот тут — и сказать, чтобы она пришла за вами. Ясно?

— Спасибо, — ответил Эр Том.

Он поклонился в знак благодарности — и вовремя вспомнил, что следует улыбнуться. Земляне очень высоко ставят улыбки, тогда как лиадиец просто смотрел бы спокойно и выразил все, что нужно, с помощью поклона.

— Вот и хорошо, — сказала женщина, хлопая своими посеребренными ресницами. — А если вашей подруги нет дома или окажется, что она — не ваша подруга, возвращайтесь, и я попробую еще как-нибудь вам помочь.

Ее голос зазвучал явно зазывно. Эр Том поспешил пересмотрел свои действия, пытаясь понять, не послал ли он случайно сигнала о желании завязать с ней интимные отношения. Насколько он мог судить, такого сигнала он не посыпал, если только в этом не была виновата его улыбка. С бесстрастным лицом он поклонился еще раз: благодарность за хорошо выполненную услугу, и больше ничего.

— Благодарю вас, — сказал он, стараясь, чтобы его голос звучал совершенно нейтрально.

Развернувшись на каблуках, он зашагал прочь. У него за спиной служащая справочной грустно смотрела ему вслед, накручивая локон на палец.

Дорога в экипаже оказалась более долгой, чем он ожидал по объяснению служащей. Эр Том напряженно сидел на скользком пластиковом сиденье, сжимая в пальцах тонкую пластиковую карточку и время от времени устремляя на нее взгляд.

«Энн Дэвис, — говорили земные буквы. — ИН: 7596277-4833К». Он запомнил ее идентификационный номер, а потом — код квартала, номер кафедры и рабочего кабинета. Это не заняло много времени: память у него была натренирована на пока-

зателях загрузки, номерах ведомостей и уравнениях пилотирования. Трижды проверив себя, он очень бережно спрятал карточку в поясной кошелек и постарался удобнее устроиться на слишком по-земному большом сиденье, крепко скав руки на коленях.

Дорога с Лиад до Университета была долгой: три прыжка, которые он бесшабашно сделал подряд, до крайности нагружив реакции и выносливость мастер-пилота. И по окончании этого отчаянного полета его ждал день бесконечных поисков, когда он переезжал из городка в городок, разбираясь с бюрократией, опутавшей всю планету...

Чтобы попасть сюда. Очень скоро он увидит Энн, будет с ней говорить. В последний раз в жизни он нарушит Кодекс и рискнет своим меланти.

Он будет говорить с той, кому вручил свой нубиат. Его сердце содрогалось — несмотря на то что существует необходимость. А необходимость действительно существует. Его собственная, и ему должно быть стыдно за то, что он воспользуется этой необходимостью для того, чтобы нарушить покой той, кто не принадлежит к его Клану.

В тесной кабине прозвучал сигнал, а на пульте вспыхнула желтая лампочка.

«Приближаемся к кварталу С. Приготовьтесь к выходу», — сообщил приятный мужской голос.

Машина еще тормозила, а Эр Том уже подался вперед на сиденье. В тот же миг, когда дверь отъехала в сторону, он выскоцил из экипажа, а когда она закрылась у него за спиной, он пробежал уже половину автоматизированной лестницы.

Местное солнце садилось, заливая дома квартала бледно-оранжевым светом. Эр Том остановился и осмотрелся, медленно поворачиваясь на месте. Он вдруг остро почувствовал, что руки у него пусты. Ему не подобает идти с вечерним визитом в таком бесподарочном виде. Он не подумал.

«Здесь должны быть магазины, — подумал он. — Так, кажется?»

Неподалеку от него через площадь шла группа из четырех высоких людей. Он ускорил шаги, чтобы догнать их, вытаскивая из кошеля пластиковую карточку.

Его вопрос вызвал недолгий спор троих из его возможных помощников. Оказалось, что существовало несколько спосо-

бов попасть в обозначенное жилище, и обсуждался вопрос о том, который будет «лучше». Эр Том стоял рядом, забрав карточку у одного из размахивающих руками доброхотов, и постарался проявить терпение. Услышав негромкий смех, он повернулся к четвертому члену компании, относительно невысокому земному мужчине (хотя он все равно был на голову выше Эр Тома). Темные глаза весело блестели на не вызывающем доверия круглом лице.

— Если будете слушать эту компанию, то обязательно заблудитесь, — сказал он, махая на своих спутников рукой. — Я живу всего в паре коридоров от вашей подруги. Не стану утверждать, что это самый хороший путь, но если вы пойдете со мной, я вас туда приведу.

— Благодарю вас, — с облегчением сказал Эр Том. — И... мне неприятно вас утруждать... но нет ли здесь магазина, где продают вино?

— О, конечно, — отозвался его проводник, поворачивая налево. — Магазин нашего квартала как раз там, где нам нужно будет сесть в лифт. Идите сюда и берегитесь падающих философов.

Глава четвертая

Отношения между Лиад и Землей никогда не были теплыми, хотя существовали периоды большей и меньшей напряженности. Лиад предпочитает задавать Земле хорошую трепку в сфере галактической торговли — области, которую сформировала она сама, а Земля порождает то одну, то другую группировку сторонников превосходства своего превосходства, и часто дело чуть не доходит до открытых военных действий — но никогда не доходит совсем.

Из «Борьбы за справедливую торговлю»,
докторской диссертации Индрю Джормана,
публикация «Архив-пресс», Университет

Ее разбудил сигнал экипажа. Схватив портфель, Энн как в тумане стала подниматься по автолестнице.

На улице резкий ночной ветер окончательно прогнал сон, и она остановилась, чтобы размять затекшие ноги и напряженные мышцы спины, глядя в небо, густо усеянное звездами. Эта ночь очень не походила на те, на Процишки, с ее стаей лун. Однажды ночью они с Эр Томом пересчитали все луны, лежа обнаженными на крыше недостроенного Здания Торговли, на развернутом конце штуки торгошелка, ставшего для них и матрасом, и одеялом. Ей хотелось думать, что именно той ночью появился Шан.

Она покачала головой переполненному небу, сделала последний глубокий вдох и повернулась к зданию, в котором находилась ее квартира.

Она прошла мимо темного магазина и поднялась в лифте на седьмой этаж, пытаясь вспомнить, не съела ли она утром за завтраком последний рогалик. Она точно помнила, что выпила чашку кофе, делая глотки между кормлением Шана и приготовлением его к отправлению в квартиру Джерзи. И еще помнила, что ей пришлось возвращаться обратно за записями к лекции, которую предстояло прочесть днем.

Она вообще не помнила, чтобы завтракала сегодня, и была слишком поглощена многообещающим ходом исследования, чтобы сделать перерыв на ленч...

Энн вздохнула. «Тебе нужна нянька», — строго сказала она себе. Дверь лифта открылась, и она вышла в коридор.

Стройная фигура отделилась от ее двери и двинулась ей навстречу, старательно придерживаясь середины коридора, где освещение было самым ярким. Энн замедлила шаги, отмечая яркие волосы, низкий рост, кожаную куртку...

— Эр Том!

Она едва расслышала собственный шепот, почти не заметила, как ускорились ее шаги — так, что она почти бежала ему навстречу.

Он встретил ее на полпути, протянув изящную руку, на которой сверкал аметист мастер-купца. Она сжала его пальцы и остановилась, глядя на него чуть сверху вниз. Ее пухлые губы раздвинулись в улыбке, которая оказалась такой же светлой, как та, что он все это время хранил в памяти.

— Эр Том! — проговорила она своим красивым, напевным голосом. — Я так счастлива тебя видеть, мой друг.

Счастье. Какое маленькое слово, чтобы описать то ослепительное, головокружительное ликование, которое грозило захлестнуть его. Он держался за ее руку, хотя ему подобало бы адресовать ей поклон.

— Я... счастлив... видеть тебя тоже, — с трудом проговорил он, заглядывая ей в глаза. — Тебя заставляют работать допоздна...

Она рассмеялась.

— Заседание кафедры. Оно все тянулось и тянулось! Где они берут столько тем для обсуждения — ума не приложу. — Она стала серьезнее. — Ты долго меня ждал?

— Не очень. — Часы. Он десять раз отчаялся. Уходил и возвращался — два десятка раз. Три... Он продемонстрировал ей пакет. — Ты голодная? У меня есть еда и вино.

— Мой заботливый друг. Я умираю с голода. Заходи. — Она потянула его за руку, поворачивая к анонимной двери, которая скрывала ее жилище. — Сколько ты здесь пробудешь, Эр Том?

Он замялся, и она внимательно посмотрела на него.

— Но дольше, чем только сегодня? Не говори мне, что из-за этого глупого заседания я пропустила половину твоего визита!

— Нет. — Он улыбнулся ей. — Я не знаю, сколько времени я здесь буду. Это зависит от... обстоятельств, понимаешь ли.

— А! — понимающе отозвалась она. — Обстоятельства!

Она отпустила его руку и приложила ладонь к пластине дверного замка. И с великолепным, бессмысленным шиком она с поклоном пригласила его переступить через порог.

Войдя и чуть посторонившись, он остановился и стал смотреть, как она проходит через комнату, мимо закрытой чехлом полуторы, к секретеру, на который со вздохом положила портфель. Он вдруг заметил, что она двигается не так грациозно, как ему помнилось, — и чуть не ахнул, такой острой оказалась охватившая его тревога.

— Энн! — В следующую секунду он уже стоял у ее плеча, вглядываясь в ее лицо. — Ты здорова?

Она улыбнулась.

— Просто устала, дорогой. Это нелепое заседание... — Она протянула руку и легко прикоснулась к его щеке смыми кончиками пальцев. — Эр Том, мне так приятно тебя видеть.

Он не отстранился от ее ласки. Так прикасались друг к другу только родичи и спутники жизни: лицом к лицу, рукой к лицу. Он никогда не говорил ей об этом, не сказал и сейчас. Он прижался щекой к ее ладони и почувствовал, как ледяная боль у него в груди начала таять.

— Мне тоже приятно тебя видеть, — прошептал он, слыша отчаянный стук своего сердца, желая... желая... — Он чуть отстранился и снова продемонстрировал ей пакет. — Ты устала. Я налью тебе вина — это разрешается? — а ты будешь сидеть и отдыхать. Хорошо? А потом я принесу тебе поесть что-нибудь из этого. — Он указал на темный проем справа. — Это кухня?

Она со смехом покачала головой.

— Это кухня. Но, мой друг, не положено заставлять гостя работать!

— Мне это не сложно, — серьезно отозвался он. — Пожалуйста, мне этого хочется.

— Хорошо, — ответила она, удивленно и недоуменно чувствуя, что глаза у нее наполняются слезами. — Спасибо. Ты очень добр.

— Отдыхай, — тихо попросил он и скрылся в кухонном уголке. Там зажегся свет, сделав чуть более ярким освещение гостиной. Энн вздохнула. Повсюду видны были следы ее небрежности: пыль, разбросанные книги и бумаги, исписавшиеся ручки. Под креслом скорчился беглый ластик, бросая ей вызов.

Она демонстративно повернулась к нему спиной, сняла жакет и свернулась в углу дивана, подобрав под себя длинные ноги и откинув голову на подушки. Из кухни доносились негромкие звуки: Эр Том открывал и закрывал шкафчики. Лениво проснулся воздушный фильтр...

— Энн?

Она ахнула и резко подняла голову. Эр Том прикусил губу. Лиловые глаза перебегали с рюмки, которую он держал в руке, на ее лицо.

— Я не ко времени, — серьезно проговорил он, наклоняя голову. — Возможно, мне следует прийти снова, чтобы тебя увидеть. Когда ты будешь менее усталой. Скажи мне.

— Нет! — На ее лице появилось выражение вины и даже паники. — Эр Том, прости, что я такая негостеприимная хозяйка. Мне хотелось бы, чтобы ты остался. Пожалуйста. Не думай, что ты не ко времени — никогда, мой милый. А то вдруг ты сейчас уйдешь, а твои обстоятельства сложатся так, что у тебя уже не получится прийти снова. Ты ведь уже завтра можешь улететь.

Он отставил рюмку, поймал ее приподнятую руку и разрешил ей усадить его рядом.

— Энн...

Он завороженно смотрел, как его пальцы поднялись к ее щеке, нежно по ней скользнули, а потом медленно проследили угловатую скулу и твердый подбородок.

— Все будет хорошо, — сказал он успокаивающим тоном, словно она была ребенком, а не взрослой женщиной. — Я буду здесь завтра, Энн. Завтра — определенно. А ты... ты, мой друг, совершенно измучена. Было бы неправильно — нехорошо — настаивать, чтобы ты принимала меня в таком состоянии. Я уйду и вернусь снова. Завтра, если хочешь. Только скажи мне.

Она закрыла глаза и опустила голову, почти спрятав от него лицо. Он держался за ее руку, и она не отняла ее, хотя ее свободная рука скользнула вверх и пальцы обхватили подвеску у основания шеи.

Глаза Эр Тома расширились. Даже сейчас на ней был его дар расставания! Она прикасается к нему так, словно он способен дать ей успокоение. А он сам — он сидит подле нее, прикасается к ней, говорит с ней так, что любой счел бы их любовниками — если даже не более тесно связанными людьми.

Величина его проступка поражала. Причина, приведшая его сюда, внезапно обнажила лицо самообмана. Ему не следовало дарить Энн нубиат.

Ему не следовало снова являться к ней...

— Эр Том?

Она смотрела на него: темные глаза были огромными на лице, которое показалось ему слишком бледным.

— Да, мой друг? — прошептал он и заставил себя улыбнуться — ради нее.

Какие бы ошибки ни обнаружились здесь и сейчас, вина за них лежит исключительно на нем самом, строго напомнил он себе. Энн в любом случае ведет себя совершенно правильно.

— Я... я понимаю, что со мной сейчас не очень интересно, — проговорила она с неуверенностью, которая была совершенно не свойственна той Энн, которую он знал, — но... если тебе не надо... и не хочется... куда-то в другое место, то я хотела бы, чтобы ты остался.

— У меня нет желания оказаться ни в каком другом месте, — ответил он.

И это была правда, да сжалятся над ним боги! Хотя он мог бы назвать не меньше десяти мест, где он был нужен, в том числе и гостиную матери, и мостик торгового корабля, находящегося на орбите Лиад.

Он снова взял рюмку и вложил ей в руку, а сам встал с дивана.

— Пей вино, мой друг. Я через секунду вернусь с едой.

Уже гораздо позже, когда была съедена странная сладковато-пряная еда и допито почти все вино (только в рюмках оставалось еще чуть-чуть), ей пришло в голову задать ему этот вопрос:

— Но, Эр Том, что ты делаешь на Университете? Еще одна торговая миссия? Но здесь ведь нечем торговать?

— Торговать? Нет...

Он пригубил липкое желтое вино, а потом с внезапной решимостью допил его до конца.

— Я здесь не для того, чтобы торговать, — ответил он ей, словно со стороны видя, как его предательски непокорное тело придвигается к ней ближе, а рука гладит волосы. — Я здесь навешаю тебя.

Она с тихим смехом поставила рюмку.

— Ну конечно! — пробормотала она с мягкой насмешливостью.

Она ему не верит! Его пронизал ужас. Она должна ему поверить, иначе он совершенно напрасно позволил себе это сумасшедшее нарушение всех обычаев. Целители возьмутся за него и избавят его от боли, и все будет забыто, потеряно в вихре туманных снов...

Его пальцы судорожно сжались в ее волосах, заставляя ее пригнуться — и он наклонил к ней свое лицо, жадно, отчаянно.

Она с готовностью подалась к нему, как и всегда раньше. Прикосновение ее губ было сильным и сладким, пробуждая желание, стремление, которого не касался никто другой — ни прежде, ни потом. И жажда сожгла имена, кланы и долг, оставив только ее... и его.

Еще позже, когда она заснула, Эр Том приподнялся на локте, позволив свету из гостиной упасть на нее мимо его плеча.

Лиадиец не счел бы ее красивой. Ему казалось, что даже среди землян она считается всего лишь умеренно привлекательной. Определенно ее лицо было слишком круглым по лиадийским вкусам, нос — длинноватым, рот — слишком крупным, а кожа — коричневой, а не золотистой. И хотя каштановый был очень красивым цветом для волос, Энн явно заботилась только о том, чтобы за ними легко было ухаживать.

В остальном она точно так же не соответствовала тому стандарту красоты, который он признавал. Ее грудь была такой же смуглой-коричневой, как и лицо, с коричневато-розовыми сосками, высокая и круглая, и не помещалась в его ладони. Она не казалась непропорциональной благодаря широким бедрам, изгибы которых начинались под неожиданно узкой талией. Двигалась она с плавной грацией пилота. Кисти рук у нее были изящные и сильные — руки музыканта — и голос просто чудесный.

Он вспомнил лицо последней предложенной ему супруги: подобающе лиадийское, воспитанное и золотистое. Человек,

который знает свой долг и выполнит указания своего делма. И который вполне подобающе упрекнет Эр Тома йос-Галана, если он позволит себе хоть одним пальцем проследить за линией ее щеки или прижаться губами к ее губам.

«Но она мне не нужна!» — подумал он. Мысль была жалобной, ребяческой, недолжной — странной. Такой же странной, как и то, что он лежит здесь сейчас, в этой слишком большой кровати, обхватив руками женщину не его племени, которая ожидает, что он проспит подле нее всю ночь и будет здесь, когда она проснется...

Он осторожно скользнул ниже, чтобы его глаза оказались на одном уровне с ее закрытыми глазами. Очень долго он смотрел в ее непрекрасное, нелиадийское лицо, наблюдая и оберегая. И в конце концов он повернул голову, чтобы поцеловать ее чуть приоткрывшиеся губы и сказал то, ради чего он приехал, — то, о чем нельзя было забыть.

— Я люблю тебя, Энн Дэвис.

Его голос был тихим и чуть дрожал, и он запинался на земных словах — но это не имело значения. Она спала и не слышала его.

Глава пятая

Меланти — лиадийское слово, обозначающее статус человека в определенной ситуации. Например, человек может играть несколько ролей: родителя, супруга, ребенка, механика, тоделма. Переменные ветры обстоятельств, или «необходимости», диктуют, какую именно роль человек выполняет в данный момент. Личность, конечно, обязательно будет поступать порядочно, как определяется в обширном и прискорбно подробном «Кодексе достойного поведения», который называют просто Кодексом.

Для лиадийца меланти дороже всего на свете. Это — растущий и постоянно изменяющийся ин-

дикатор его места во вселенской табели о рангах. Например, человека с высокой честью часто называют «человеком меланти», тогда как негодяя — или землянина — можно уничижительно охарактеризовать как человека, лишенного меланти.

Меланти может оказаться тем самым философским понятием, из которого происходят все конфликты между Лиад и Землей, малые и большие.

Из «Путеводителя по Лиад для землянина»

Поздним утром обласканная, вымытая и чувствующая себя совершенной сибариткой, Энн стояла перед крошечным туалетным столиком. Несколько движений щетки пригладили ее влажные после душа волосы, и она улыбнулась, глядя себе в глаза, пока ее пальцы привычно брали подвеску.

— Энн?

Она повернулась, обращая свою улыбку ему. Принц эльфов — так называл его Брэллик, когда зазывал Энн познакомиться с настоящим живым лиадийцем. И он действительно походил на эльфа: стройный, золотистокожий и быстрый, с блестящими золотыми волосами и огромными лиловыми глазами на заостренном безбородом лице. И голос у него был мягкий и чарующий.

Сейчас его глаза были очень серьезными и глядели то на ее руку, то на лицо.

— Энн? — повторил он снова.

— Да, дорогой? Чем я могу быть тебе полезна?

— Пожалуйста, — медленно проговорил он, приближаясь к ней, — не носи это.

— Не носить...

Она непонимающе заморгала, а потом опустила глаза на тонкую золотую цепочку и подвеску из речного жемчуга, искусно переплетенного золотыми и эмалевыми листочками, так чтобы напоминать гроздь фантастического винограда.

«Это недоразумение, — осторожно сказала она себе. — Проблема с выбором слов». Эр Том понимал земные слова прямо и неуверенно чувствовал себя с идиомами — что было

похоже на ее неуверенный, школьный лиадийский. Время от времени это приводило к интересной путанице в разговоре. Но в конце концов им всегда удавалось распутаться. Она снова посмотрела ему в глаза.

— Это ты мне подарил, — сказала она, поднимая подвеску так, чтобы он мог лучше ее разглядеть. — Разве ты не помнишь, Эр Том? Ты подарил ее мне в тот день, когда «Исполнение Долга»...

— Я помню, — резко ответил он, прервав ее и даже не взглянув на жемчуг.

Он легко прикоснулся к ее запястью.

— Энн? Пожалуйста... Это был... подарок в знак прощания. Я предпочел бы... если можно?.. сделать тебе другой подарок.

Она коротко рассмеялась и на секунду положила свои пальцы поверх его.

— Но ты ведь задержишься здесь ненадолго, так? А когда снова будешь уезжать, тебе придется сделать мне еще один подарок, на новое прощание... — Она засмеялась уже более искренно. — Мой дорогой, я стану похожа на ювелирную лавку!

Его серьезный взгляд стал еще более пристальным, и он придинулся ближе, так что коснулся ногой ее бедра.

— Нет, — начал он, чуть задыхаясь. — Я... Ты должна услышать одну вещь, Энн, и никогда не забывать...

Зазвенел звонок. Энн подняла голову. Ее губы изогнулись в странной улыбке, пальцы снова поднялись к его щеке.

— Это Джерзи, — сказала она, возвращая подвеску в резную шкатулку из кости. Она прошла мимо Эр Тома к двери. — Эр Том, я хочу тебя кое с кем познакомить.

Секунду он оставался на месте, повторяя успокаивающее упражнение, которому обучают всех пилотов. А потом последовал за ней.

Мужчина, входивший в комнату из коридора, был не слишком крупным по земным понятиям: по правде говоря, он был чуть ниже среднего роста для своей расы, и вес у него тоже был меньше обычного. Грубые черные волосы были подстрижены на уровне скул, а бледное лицо запоминалось благодаря

густой сплошной линии одной брови над двумя серо-стальными глазами. На плече он нес мешок из ткани, а другой рукой удерживал на бедре ребенка. На нем и на ребенке были куртки. На ребенке была и шапка.

— Джерзи доставил малыша к середине дня, как и обещано. Отметь благородство духа, которое не позволило ему украсть ребенка. Хотя соблазн был велик, сударыня. Очень велик.

— Ты — просто святой, Джерзи, — серьезно ответила Энн, хотя Эр Том услышал в ее словах смех.

— Я — просто безумец, — поправил ее молодой человек и наклонился, чтобы поставить ребенка на крепкие ножки.

Встав на колени, он снял с малыша шапку, открыв копну шелковых волос, словно покрытых инеем, и расстегнул курточку, хотя ему очень мешали быстрые ручонки.

— Прекрати это, Самокатик. Это трудно и без твоей помощи, — проворчал он, и ребенок рассмеялся.

— Мокатик помочь! — крикнул он.

Джерзи фыркнул.

— Настоящий клоун. Ну, давай вынем ручки...

— Я вообще-то и сама могу это сделать, — мягко сказала Энн, но Джерзи не обратил внимания на ее слова.

Скинув сумку с плеча, он засунул курточку внутрь.

— И чтобы ты решила, будто я не умею о нем заботиться? Я ведь хочу получить его обратно, знаешь ли. Скажем, на следующей неделе в то же время?

— Джерзи...

Но что бы Энн ни собиралась сказать своему другу, это заглушил взрыв детского хохота. Юный Самокатик без оглядки понесся через комнату, размахивая руками у головы. Эр Том увидел, как неумелые ножки запнулись о ковер, и рванулся вперед, поймав маленькое тело в тот момент, когда оно потеряло равновесие. Подхватив ребенка, он пристроил его себе на бедро.

Ребенок снова рассмеялся и поймал горсть волос Эр Тома.

— Вот это перехват! — воскликнул Джерзи, с энтузиазмом захлопав в ладоши. — Видели, как он двигается? — спросил он, не обращаясь ни к кому в особенности, а потом прищелкнул пальцами и двинулся вперед. — Вы пилот, да?

— Да, — признал Эр Том, мягко высвобождая захваченную прядь волос из пальцев ребенка.

Молодой человек остановился, склонив голову набок. А потом он протянул большую ладонь, как это принято у землян, когда они намерены начать действие, называемое «ожиманием рук». Эр Том вздохнул про себя. Местные обычай.

От данного столкновения с обычаями его избавил сам нарушитель, который смущенно опустил руку.

— Не стоит. Не годится ронять Самокатика, правда? Я — Джерзи Энталья. Театральные искусства. Заведующий кафедрой Театральных искусств, что дает вам представление, в каком состоянии находится кафедра.

Представление. Очень хорошо. Эр Том наклонил голову, проследив за тем, чтобы ребенок у него на бедре не поймал еще одну горсть волос.

— Эр Том йос-Галан, Клан Корвал.

Джерзи Энталья застыл неподвижно, и на его незапоминающемся лице отразилось изумление.

— Йос-Галан? — сказал он, и его интонация залезла высоко вверх преувеличенным вопросительным знаком.

Эр Том выгнулся брови.

— Действительно.

— Ну, — отозвался Джерзи, так поспешно пятясь, что Эр Тому даже показалось, что его собеседник сейчас упадет. — Это отлично! Вам двоим, наверное, надо обо многом поговорить... Познакомиться друг с другом и все такое прочее. Энн —увидимся позже. Пора бежать. Пока, Самокатик. Господин йос-Галан...

И он исчез, закрыв за собой дверь как раз в тот момент, когда рука Энн легла на плечо Эр Тома.

— Пока, пока, пока! — прокричал ребенок, колотя пятками в бок Эр Тома. А потом он повелительно завертелся. — Шан пошел.

— Хорошо.

Он наклонился и бережно поставил ребенка на пол, протянув ему руку для опоры.

Мальчик поднял голову и улыбнулся, продемонстрировав морозные брови под стать белым волосам и глаза — такие

светло-голубые, что они казались серебряными. На смуглом лице они казались огромными.

— Шпашибо, — сказал он с неожиданным достоинством и повернулся, чтобы идти по своим делам.

Его остановила материнская рука, которая поймала его за плечо и снова повернула лицом к Эр Тому.

— Вот это очень важный человек, — проговорила она, но было неясно, обращается ли она к мальчику или к самой себе.

Она подняла голову. Ее глаза блестели, а лицо осветилось такой гордостью, что он почувствовал, как и у него на сердце становится светлее.

— Эр Том, — добавила она дрожащим от радости голосом, — это — Шан йос-Галан.

— Йос-Галан? — Он взорвался на нее, потом перевел взгляд на ребенка, который смотрел на него зоркими серебряными глазами. — Йос-Галан? — переспросил он, не в состоянии поверить тому, что она могла...

Без контракта, без Слова Делма, без... Он сделал глубокий вдох, прошел через пилотскую последовательность самообладания и снова посмотрел на Энн. На ее радостном лице стала появляться тень беспокойства.

— Это... наш... ребенок? — спросил он, стараясь, чтобы его голос звучал ровно, а лицо оставалось отчужденно вежливым. Возможно, он неправильно ее понял. Местные обычай, в конце концов... И кто бы стал так откровенно пренебрегать правилами, меланти, честью...

В ее взгляде отразилось облегчение, и она почти улыбнулась.

— Да. Наш ребенок. Ты помнишь ту ночь: тот ужасный официальный бал, и было так жарко, а система кондиционирования отказалась? Помнишь, мы улизнули и поднялись на крышу...

Крыша недостроенного Здания Торговли. Он посадил на нее флейтер, расстелил шелк, на котором можно было сидеть, пока они пили выкраденное вино и деликатесы, утащенные с подноса с закусками...

— Четырнадцать лун... — прошептал он, вспоминая. А потом пришло возмущение: здесь не было никакого недопо-

нимания и никаких простительных местных обычаяев. — Ты назвала этого ребенка йос-Галан? — спросил он и дал ей возможность услышать его гнев.

Она отступила на полшага. Глаза ее широко раскрылись, а руки поймали плечи мальчика и притянули его к ней. Она набрала полную грудь воздуха, а потом медленно его выдохнула.

— Конечно, я назвала его йос-Галан, — сказала она очень тихо. — На моей родной планете принято давать ребенку фамилию его отца. Я... не хотела... оскорбить тебя, Эр Том. Если это для тебя оскорблениe, то я это исправлю — только скажи мне как.

— Нельзя было называть этого ребенка йос-Галаном. Как ты могла думать, чтобы это было не так? Не было контракта...

Энн наклонила голову и подняла руку, чтобы пригладить яркие волосы мальчика.

— Понимаю. — Она перевела взгляд на Эр Тома. — Имя изменить легко. Нет причин, по которым он не мог бы стать Шаном Дэвисом. Я сделаю запрос в...

— Нет! — Его резкое возражение было сюрпризом для них обоих. На этот раз это Эр Том сделал шаг назад. — Энн... — Он заставил себя замолчать, помедлил секунду, чтобы сосредоточиться, а потом сделал новую попытку, следя за тем, чтобы голос оставался спокойным. — Почему ты не... не известила меня? По-твоему, у меня нет оснований знать, что родился новый йос-Галан?

Она пошевелила руками. Он не понял до конца, какое значение, какая цель была у этого жеста. Ребенок продолжал прижиматься к ее ногам и был неподвижным как камень.

— Я хотела ребенка, — медленно проговорила она. — Я решила родить ребенка. Это был исключительно мой собственный выбор, сделанный до того, как я встретила тебя. А потом я действительно встретила тебя, и ты стал моим другом, которого я... — Она повторила этот бесформенный жест. — И я подумала: «Почему бы мне не родить ребенка от моего друга вместо ребенка от кого-то, кого я не знаю, кто просто сдал свое семя в клинику?»

Она резко качнула головой.

— Эр Том, ты ведь улетал! Мы были так счастливы, и... Разве это нехорошо, что я хотела, чтобы что-то напоминало мне об этой радости и о друге, с которым я ее делила? Я никогда не думала, что снова тебя увижу: ведь вселенная так велика, как любит говорить мой брат! Так много всего может случиться... Это было только для моей радости, моего... утешения. Мне следовало послать на Лиад узколучевое сообщение? А сколько там йос-Галанов? Я не думала... не думала, что тебе будет это важно, Эр Том... Разве что ты бы порадовался, что сделал мне такой... такой чудесный подарок...

Она снова опустила голову, но он успел увидеть, как слезы из переполненных глаз засияли у нее на щеках.

Его переполнили жалость и раскаяние. Он протянул руку:
— Энн...

Она замотала головой, отказываясь смотреть на него. А Шан издал тихий вскрик, который почти сразу же перешел в плач, повернулся и уткнулся головой маме в ноги. Она наклонилась и взяла его на руки, лепеча какие-то утешения и гладя его по голове.

Эр Том сделал еще шаг вперед, оказавшись так близко, что смог прикоснуться к ее влажной щеке и положить руку на худенькое плечо ребенка.

— Мир, мой сын, — пробормотал он по-лиадийски.

Его мысли стремительно неслись, пытаясь усвоить эти новые факты, приспособиться к торговле, которая резко переменилась. Он думал о брачном контракте, который необходимо каким-то образом отсрочить, пока он не выполнит своего долга по отношению к этому ребенку — его ребенку. Ребенку-полукровке, боги! Что он скажет матери?

— Нет!

Энн отпрянула от него, крепче прижимая к себе рыдающего ребенка. Лицо у нее посерело, глаза потемнели от какого-то непонятного ужаса.

— Энн?

— Эр Том, он мой сын! Он — гражданин Земли, зарегистрирован на Университете. Мой сын, о котором твой клан никогда не слышал, до которого твоему клану нет дела!

Резкие слова, которые чуть было снова не разбудили его гнев. Но ведь земляне ничего не знают о кланах.

— Клану известно, — мягко сказал он, говоря ей только правду, — потому что известно мне. Ему есть дело, потому что есть дело мне. Мы все — дети клана, уши, глаза и сердце клана.

Страх в ее взгляде усилился. Он увидел, как ее руки сильнее стиснули Шана, который снова зарыдал.

Стремительно повернувшись, Энн унесла его в спальню.

Она задержалась в спальне надолго, утешая Шана и убеждая его лечь на его маленькую раскладную кровать. Она сидела с ним, пока он не заснул. Слезы засохли на его щеках липкими дорожками.

Когда она убедилась в том, что он крепко спит, то встала и расправила сбившееся одеяло на своей постели. Она напрягала слух, пытаясь уловить звуки — хоть какой-то звук — из соседней комнаты. Квартира была полна тишиной.

«Уходи! — яростно подумала она, и почти сразу же: — Не уходи!» Она покачала головой. Конечно, он уйдет. Так уж устроена жизнь. Они уладят это недоразумение. Она поменяет фамилию сына, и он снова успокоится. Они станут друзьями. Но рано или поздно Эр Том улетит, обратно к своим планетам и торговым маршрутам. Она вернется к напряженному ритму своей жизни...

Из гостиной не доносилось ни звука. Неужели он уже ушел? А если он все еще там, то почему не пошел ее искать?

Она посмотрела на детскую кроватку, проверила, что защитная решетка закреплена надежно, а потом глубоко вздохнула и направилась в гостиную.

Эр Том сидел на краю дивана, сложив руки на коленях, опустив свои яркие глаза. При ее появлении он встал и пошел ей навстречу.

— Энн? Я прошу прощения. У меня не было намерения... причинить тебе боль. У меня глупый... то есть дурной характер. И это было потрясением, я не видел... Конечно, ты не знаешь, что Йос-Галанов не так много, что сообщение, от-

правленное на мое имя на Лиад или «Исполнение Долга», до меня дошло бы. Я виноват. Мне не пришло в голову оставить тебе код моего луча...

«И разве оставляют его, — спросил он себя, — тому, кто принял нубиат?»

Она попыталась улыбнуться. Слабое движение губ ощущалось как странное.

— Может быть, на этот раз ты мне оставишь свой код. Я свяжусь с тобой, если... произойдет... что-то важное. Хорошо?

— Нет. — Он взял ее безжизненные пальцы в свои, попытался втереть в них тепло. — Энн, это не может продолжаться так...

Она отдернула руку.

— Потому что он получил фамилию йос-Галан? Я это исправлю, я же обещала! Ты не имеешь права... Эр Том...

Она прижала руку к шее, и ее пальцы привычно стали искать утешения, которого на месте не оказалось. Она почувствовала, что к глазам у нее подступают слезы.

— Эр Том, разве тебе не нужно где-то быть? Ты ведь приехал сюда с каким-то делом? Для переговоров?

Ее голос звучал так резко, что он едва не содрогнулся. Но вместо этого он протянул руки и обхватил ее щеки ладонями.

— Я приехал, чтобы повидать тебя, — проговорил он очень медленно, четко и как умел открыто, чтобы никакого недопонимания не было. — Я здесь с единственной целью — поговорить с тобой.

Слезы все-таки пролились и намочили ему пальцы, удивив их обоих.

— Энн? Энн, нет. Только послушай...

Она отстранилась, поспешно вытирая глаза.

— Эр Том, пожалуйста, уйди.

Он застыл неподвижно, глядя на нее. Неужели она прогонит его, оставив все, что лежит между ними, без решения? Конечно, это ее право. Он ей не родня и не может требовать, чтобы она открыла ему свои двери. Но ребенка назвали йос-Галан.

Энн вытерла лицо и покачала головой. Губы у нее дрожали.

— Пожалуйста, Эр Том. Ты... мой любимый, мы по-прежнему друзья. Но, кажется, я сейчас ничего не смогу слушать. Я... Мне нужно немного побывать одной...

Отсрочка. Он облизнул пересохшие губы.

— Мне можно прийти снова? Когда?

Слезы не желали прекращаться. Казалось, они текут из дыры у нее в груди, которая тянется дальше и дальше, до бесконечности.

— Когда? Я не... Сегодня к вечеру. После обеда. — Что она говорит? — Эр Том...

— Да.

Он пришел в движение, стремительно отвернулся от нее, схватил куртку со спинки мягкого кресла и скрылся за дверью.

Наверное, целую минуту Энн стояла неподвижно, глядя на то место, где он только что был. А потом горе с новой силой нахлынуло на нее, и она бессильно согнулась и запрыдала.

Глава шестая

Любая обида — пусть даже самая незначительная — требует сведения счетов, чтобы не было нанесено ущерба меланти личности.

Сведение счетов является важным и очень сложным элементом лиадийской культуры, причем тяжесть наказания рассчитывается каждым из долговых партнеров в соответствии с его собственным меланти. Например, один лиадиец может рассчитаться за оскорбление, потребовав, чтобы на официальном обеде вы отдали ему свой десерт, тогда как другой может посчитать, что точно такое же оскорбление требует смерти.

Следует признать, что смертное сведение счетов встречается крайне редко. Однако предпочтительно

всегда говорить негромко, кланяться низко и никогда не давать лиадийцу повода считать себя обижденным.

Из «Путеводителя по Лиад для землян»

День был свежим и солнечным — таким, какие, несомненно, должны были нравиться местному населению. Эр Тома, вышедшего на площадь квартала С, пробила дрожь, и он запоздало натянул куртку, застегнул застежку и поднял воротник.

Сунув руки в карманы с меховой подкладкой, он зашагал прочь, не обращая внимания, куда идет и какими любопытными взглядами его провожают прохожие. Он прервал свое слепое бегство только тогда, когда путь ему преградила вода.

Резко остановившись, он, моргая, стал смотреть на широкий сверкающий простор, одновременно пытаясь навести порядок в пляшущих мыслях.

Ребенок получил имя йос-Галан.

Он снова задрожал, хотя достаточно долгая и быстрая ходьба успела его согреть.

Его меланти оказалось под угрозой — хотя это не должно было сильно его волновать, поскольку он уже немало сделал для того, чтобы его разрушить. Однако сейчас угроза была направлена и на меланти Клана Корвал. Чтобы Клан не знал о рождении йос-Галана? Корвал — один из Высоких Домов, и славится своей эксцентричностью (в обществе принято говорить об «одержимости Дракона» и «безумии Корвала»), но вся сила и разнообразие его меланти не сможет без ущерба перенести подобный удар.

Эр Том закрыл глаза, чтобы уберечь их от жидкого блеска озера. Почему? Почему она сделала это? Какой его проступок заслуживал подобного ответа? Такое суровое сведение счетов говорило о столь серьезном оскорблении, что ему следовало бы помнить о своей ошибке. Однако он ничего не мог вспомнить.

Он резко рассмеялся. Какой бы ни была причина, сведение счетов оказалось действенным! Йос-Галан, рожденный и выросший землянином, достигший взрослости, построивший свое меланти так, как у него это могло получиться, — а клан и семья в неведении... Будь Эр Том йос-Галан более сильным

человеком, который знал бы свой долг настолько, чтобы пойти навстречу забвению, не ища новой встречи с причиной своего сердечного недуга... Поистине это сведение счетов было произведением искусства!

Но какой монетой оно было куплено? Если Энн сочла себя оскорблённой, если он унизил ее или почему-то не отдал ей должной чести...

— Постой!

Он открыл глаза, невидяще глядя поверх озера.

— Энн — землянка, — сказал он себе, начиная прозревать.

Некоторые люди утверждали, что у землян нет ни меланти, ни чести. Эта точка зрения была популярна в основном среди тех, кто никогда не бывал за пределами самой Лиад или ближайших к ней планет. Купцы и разведчики, как правило, придерживались менее популярных убеждений, основанных на реальных наблюдениях.

Он сам вел торговлю с людьми, которые не были лиадийцами. И как и лиадийцы, некоторые из них были порядочными, другие, к сожалению, нет. Местные обычаи порой диктовали систему, которая была непривычной для лиадийского склада ума, но, когда ее удавалось понять, в ней обнаруживались порядочность и нечто вроде кодекса достойного поведения.

Даав шел еще дальше и утверждал, что меланти существуют независимо от сознания человека и может быть определено путем внимательного наблюдения. После этого долгом человека с осознанным меланти было уважение к непробужденному сознанию и охрана спящего потенциала.

Эр Том считал точку зрения брата крайней. Пока не познакомился с Энн Дэвис.

Он знал, что Энн — человек чести. Он лично и достаточно долго наблюдал ее меланти и определил бы его, при всех отличиях в составных частях, как равное его собственному. Она не начала бы войну долга из злости и не использовала бы крайние меры сведения счетов для того, чтобы подкрепить шаткую уверенность в себе.

«Возможно ли, — медленно спросил он у себя, — чтобы Энн дала мальчику такое имя для того, чтобы оказать мне честь?»

Озеро ослепило его глаза, а парапет зашатался под ногами. Он крутит эту мысль в голове, пытаясь освоиться с ее странной формой и сжимая зубы, чтобы не закричать от возмущения, вызванного тем, что кто-то мог подумать такое.

Факты. Энн — человек чести. Между ними не было ничего, что требовало бы сведения счетов. Имя ребенка — Йос-Галан. Следовательно, Энн своим поступком хотела оказать ему честь — или по крайней мере не хотела причинить ему вреда.

Он набрал полную грудь холодного воздуха, ощущая почти головокружительное облегчение из-за того, что здесь нет никакого сведения счетов, на которое он обязан отреагировать, что ему не нужно причинять вред той, кого ему хотелось только лелеять и оберегать.

Оставалось решить только, что следует предпринять относительно ребенка.

День уже клонился к вечеру. Шан плотно пообедал, упрямо отказался от сна и легко соблазнился на «Смешай и Составь».

Энн покачала головой. Ей уже три раза приходилось менять программу: казалось, Шан без труда выучивал простые фигуры. Ему нужен гувернер — или больше времени, чем она в состоянии ему уделять, — чтобы он мог учиться с нужной ему скоростью, чтобы программа его обучения была хорошо сбалансирована, чтобы ему не становилось скучно...

«Гувернер! — насмешливо сказала она себе уже не в первый раз. — Ага, умница, Энн Дэвис! И откуда у тебя возьмутся денежки на такую бредятину?»

Ее тревога выражалась в том, что она стала искать утешения в диалекте своего детства. Она снова тряхнула головой и направилась к письменному столу, где решительно включила терминал. «Займись-ка работой!» — строго приказала она себе.

Однако ее мысли не желали сосредоточиваться на работе, и после получаса, бесполезно потраченного на блуждание среди отдаленных от дела вопросов, она отказалась от заказанного времени и направилась к полуторе.

Сняв с инструмента чехол, она аккуратно сложила его в кресло, села на стул, переключила рычаги, установила ритмы, тональности, звуки — и очень тихо начала играть.

Эр Том не вернется. Разумом она это понимала. Его стремительный уход утром говорил сам за себя. И не стоит гадать, хорошо это или плохо. Она все утро пыталась понять это — и у нее так ничего и не получилось.

Ее руки неправильно легли на клавиши, вызвав диссонанс. Энн раздраженно подняла руку и переключила ритмы, однако игру не возобновила. Вместо этого она сидела, глядя на стертые пластиковые клавиши, борясь с ужасом, который грозил ее поглотить.

«Так не может продолжаться», — заявил он в ее воспоминаниях, и сейчас Энн прикусила губу. Эр Том — человек чести. Ему надо заботиться о своем меланти — своем статусе. Энн по незнанию поставила его меланти под угрозу, и Эр Том счел, что простого изменения фамилии Шана недостаточно, чтобы эту угрозу устранить.

Лиадийская литература была ее страстью. Она постоянно читала истории о Шане эл-Тразине — упивалась ими, искала среди забытых исследований варианты самых старинных текстов, отправляя свои записи знаменитым лиадийским пренаама — сказителям. Она знала, что случается с теми, кто имел глупость поставить под угрозу меланти лиадийца.

Они втягивались в вендетту чести, что достаточно часто приводило их к разорению. А иногда — к смерти.

Не имеет значения то, что она любит Эр Тома йос-Галана, не имеет значения то, какие чувства он мог бы питать к ней при других обстоятельствах. Она подвергла риску его статус. Угрозу, которую она собой представляет, необходимо ликвидировать, ее дерзость — уничтожить, а его меланти надежно восстановить, независимо от того, какую боль он может причинить ей при этом.

Возможно, ему даже будет жалко причинять ей боль и он будет искренне сожалеть о ее несчастье, как Шан эл-Тразин искренне горевал о своей возлюбленной Льяде ро-Менлин, которая убила его напарника. Она заплатила за это полностью, и эту плату взял с нее Шан, как того требовала честь. А потом он всю оставшуюся жизнь горевал о ней...

Она ахнула — и вскочила со стула, чтобы пробежать через комнату и судорожно обнять сына.

— Ма, нет! — закричал этот юный джентльмен, извиваясь в ее объятиях.

— Ма, да! — заявила она, а потом наклонилась к нему, взъерошила ему волосы и прижала к себе, наслаждаясь теплом его тельца и слушая биение сердца. — Ма любит тебя! — сказала она яростно, хоть и шепотом.

Шан сгреб ее волосы.

— Ма?

— Да, — ответила она и пошла с ним на кухню. А потом снова вернулась в гостиную, чтобы направиться в спальню. — Мы... куда-нибудь уедем. К Ричарду.

Она остановилась в центре гостиной и глубоко вздохнула, чувствуя себя благословенно, чудесно спасенной. Еще раз поцеловав Шана, она наклонилась, чтобы поставить его на пол.

— Мы отправимся к Ричарду... Домой, на Новый Дублин. Мы улетим сегодня же... — Сегодня? А как же ее занятия, ее контракт? Это будет самоубийством для университетского преподавателя. А Эр Том найдет ее в доме брата, на Новом Дублине, печально подумала она. Ему придется ее найти. Этого требует честь. Она понурила голову и почувствовала, как к глазам снова подступают слезы.

— О боги...

Дверной звонок зазвенел.

Она стремительно обернулась: какой-то первобытный инстинкт требовал, чтобы она хватала сына и бежала.

Шан сидел на полу среди кубиков и терпеливо пытался установить параллелепипед на куб. И бежать ей было, в сущности, некуда.

Звонок повторился.

Она медленно прошла через комнату и открыла дверь.

Он поклонился, несмотря на свертки у себя в руках, и, выпрямившись, улыбнулся ей.

— Добрый вечер, — мягко проговорил он, словно этого утра никогда не было и он никогда не смотрел на нее с яростью во взгляде. — Сейчас уже после обеда?

Онемев, она смотрела на него, разрываясь между желанием захлопнуть дверь у него перед носом и обнять его так же отчаянно, как она обнимала Шана.

— Энн?

Она вздрогнула и сумела выдавить из себя неестественную улыбку.

— По крайней мере после обеда Шана, — ответила она, отступая, чтобы он мог войти. — Но он упрямится и не хочет идти спать.

Эр Том посмотрел на мальчика, занятого своими кубиками.

— Вижу. — Он перевел взгляд на нее. — Я принес нашему сыну подарок. Можно мне его вручить?

Она с сомнением посмотрела на него. Нет, конечно, он не станет причинять вреда ребенку. Что бы он ни считал справедливым в отношении ее самой, его собственному ребенку ведь не должно ничто угрожать? Она судорожно сглотнула.

— Хорошо...

— Спасибо. — Он протянул ей меньший пакет. — Еще я принес вина. — Он замолчал, и его лиловые глаза пристально устремились на нее. — Ты выпьешь со мной, Энн?

Она задохнулась от резкого, почти болезненного чувства облегчения. Все будет в порядке, с головокружением подумала она. Разделить с кем-то вино — значит выказать добрую волю. Было бы бесчестно приглашать выпить своего напарника по вендетте. А Эр Том — человек чести.

На этот раз ее улыбка была искренней.

— Конечно, я выпью с тобой, Эр Том. — Она приняла у него пакет. — Сегодня наливать стану я. И готовить обед. Ты голоден?

Он улыбнулся.

— Я поем, если ты поешь.

— Договорились.

Собственный смех показался ей легкомысленным, но Эр Том, похоже, этого не заметил. Он уже шел к Шану.

Мальчику удалось построить мост, установив параллелепипед поверх двух кубов. Эр Том грациозно опустился на одно колено, глядя на сына поверх моста, и положил на пол большой пакет.

— Добрый вечер, Шан-сын, — проговорил он на мягком лиадийском.

Энн проглотила комок ужаса, стиснула в руках винную бутылку — и промолчала.

— Бракадабра, — сказал Шан, отрываясь от своего строительства и улыбаясь. — Салют!

— Я принес тебе подарок, — продолжал Эр Том по-прежнему по-лиадийски. — Надеюсь, он тебе понравится.

Под заинтересованным взглядом Шана он снял с подарка обертку и показал мягкую игрушку. Энн это животное показалось очень симпатичным: большие круглые уши, еще более круглые голубые глаза и добродушная улыбка на остренькой мордочке. Шан глубокомысленно рассмотрел ее, радостно вскрикнул и бросился игрушке на шею.

Эр Том тихо засмеялся в ответ и протянул руку, чтобы прикоснуться к смуглому лицу. Шан теснее прижал к себе своего нового друга, поймал мужчину за палец второй рукой и снова радостно вскрикнул.

Энн бесшумно повернулась и ушла на кухню за рюмками и едой.

Она возилась на кухне дольше, чем было строго необходимо, нарезая сыр мелкими кусочками и фрукты тоже. А потом нелепо долго стояла, решая, какие именно крекеры подать.

И все это время чувство облегчения боролось в ней с остатками страха. Недоверие к Эр Тому шло вразрез всему, что она о нем знала. Он был ее другом, отцом ее сына. Этим утром произошло прискорбное недоразумение, конфликт культур, и ей следует благодарить всех богов за то, что Эр Том смог простить ей покушение на его меланти. Ей нужно очень тщательно следить за тем, чтобы снова не поставить его под угрозу. Даже привязанности к возлюбленной будет недостаточно, чтобы дважды остановить руку лиадийца...

Когда она наконец вернулась в гостиную, там оказалось странно тихо. Эр Том улыбнулся ей: он сидел на полу, привалившись к дивану. Шан растянулся у него на коленях, пристроив голову к Эр Тому на плечо и сжимая ручонкой круглое ухо мягкой зверушки. Он крепко спал.

— О нет! — Энн рассмеялась, чуть не уронив рюмки с подноса. — Мой бедный друг... — Она поставила поднос и

опустилась на колени рядом с ним, протягивая руки. — Я положу его в постель.

Мягкая игрушка ей помешала. Даже во сне хватка сына оказалась железной, но Эр Том терпеливо разжал сонные пальчики и передал освобожденную игрушку Энн. Она приняла ее и провела Эр Тома с сыном на руках в спальню, где он бережно уложил его на раскладушку.

Он молча ждал, пока она удобно устраивала обоих друзей в постели, а потом увела его в гостиную, полуприкрыв за ними дверь.

Глава седьмая

Делм должен быть лицом и голосом клана, блюдя интересы клана и ведя переговоры с другими делмами по наиболее важным вопросам. Делм считается ответственным за действия всех членов своего клана и при этом имеет высшую власть над этими членами. Делм управляет своим кланом в соответствии с его внутренними законами, с тем условием, чтобы эти законы не противоречили Закону, принятому всеми делмами и закрепленному в данном документе.

Из Хартии Совета Кланов

— Лететь на Лиад? — Энн бережно отставила в сторону свою рюмку. — Мне незачем ехать на Лиад, Эр Том.

— О!

Он наклонил голову, следя за тем, чтобы в его поведении была только мягкость. Нехорошо было демонстрировать ей свой гнев. От него не укрылась ее тревога, когда он попросил впустить его сегодня вечером. Он встретился с ней взглядом, как и положено вести себя с дорогим другом, и легко провел кончиками пальцев по тыльной стороне ее кисти.

— Нашего ребенка должен Увидеть Делм.

Она медленно сделала глубокий вдох.

— Полагаю, — проговорила она с осторожностью, которая так отличалась от обычной манеры ее разговора с ним, —

что твоего делма этот вопрос волновать не должен. Я утром уже сказала, что поменяю фамилию Шана на Дэвис, и я тебя не обманывала. Завтра мне с утра на работу. Я зайду в Центральную администрацию и сделаю запрос в Земную перепись. Самое большое три дня — и...

— Нет. — Он поймал ее руку обеими руками и с трудом заставил свой голос оставаться мягким. — Энн, разве Шан... не ребенок наших тел?

Она заморгала, высвобождая свою руку.

— Конечно, да. Я же сказала тебе.

В ее голосе прозвучало раздражение — и вполне законное. Кто такой Эр Том йос-Галан, чтобы ставить под сомнение слово равного ему взрослого человека? Он склонил голову.

— Прости меня, друг. Совершенно точно, ты мне это сказала. И тем самым интерес Делма разбужен. Ты сказала, что дитя нашего наслаждения — это йос-Галан. Долг требует, чтобы Делм вел счет йос-Галанам и следил за тем, чтобы клан...

Тут он запнулся, пытаясь среди множества земных слов — форма и размер которых были какими-то неправильными — найти то, которое выразило бы обязанности клана в таком деле.

— Я сказала, — Энн воспользовалась паузой, которую создало его замешательство, — что его фамилия будет изменена на Дэвис. Через три дня, Эр Том, новых йос-Галанов не будет, и твоему делму будет некого считать.

— Ты сказала, что он — йос-Галан. Ты готова взять эти слова обратно и лжесвидетельствовать против себя? — Не его дело ее укорять. И его не касается, если она пожелает очертить свое меланти. Однако его сердце болело, потому что он научил ее бояться его, и теперь страх заставляет ее поступить-ся честью. — Энн?

Она вздохнула:

— Эр Том, он остается тем же ребенком, какая бы у него ни была фамилия — Дэвис или йос-Галан!

— Да! — Радость охватила его, и он снова поймал ее руки, смеясь от облегчения, потому что она все-таки не отвратила своего лица от чести. — Совершенно верно! И поэтому Делм совершенно определенно должен Увидеть его. И скоро, как ты

поймешь. Я буду пилотировать корабль — тебе не нужно тревожиться. И корабль полностью полетоспособен. До Лиад надо...

— Постой.

На ее лице отразились смешанные чувства: хмурость, которая странно переходила в улыбку. И она покачала головой, хотя это излюбленное движение далеко не всегда означало отрицание, но иногда должно было передать удивление, нетерпение или печаль. Она отняла у него одну свою руку и едва ощутимо провела пальцами по его правой щеке. И снова покачала головой — как ему показалось, недоуменно.

— Это действительно так важно — чтобы твой делм сейчас увидел Шана?

Важно? Это было жизненно необходимо. Быть вне клана означало быть вне жизни.

— Да, — ответил он ей.

— Ладно. Тогда пусть твой делм прилетит сюда.

— Ха!

Она была вправе просить этого, хотя немного нашлось бы людей столь уверенных в своем меланти, чтобы потребовать от Корвала явиться к ним. Эр Том наклонил голову.

— Понимаешь, дело в том, что... пока его собственные дети не достигнут совершеннолетия... я остаюсь признанным наследником Делма. Мудрость предписывает, чтобы мы с ним одновременно не покидали планету. Клан будет очарован твоей любезностью, если ты сама прибудешь к Корвалу.

— Ты — наследник делма? — Энн чуть сдвинула брови. — Я этого не знала.

У нее не было оснований это знать: такой информацией с возлюбленными обычно не делятся. Но он вдруг понял, что в то же время Энн знает о нем необычайно много. Вполне возможно, что больше знает один только Даав.

— Прости меня. Я — а-тоделм, наследник моей матери, которая является Тоделмом йос-Галанов. И я — наделм, названный наследник делма, если это будет диктоваться... необходимостью. — Он помолчал, кусая губы, а потом сделал ей дар: — Делм — это Даав йос-Фелиум, который приходится мне чалекет. Ты бы назвала его побратимом.

— И мастер-купец, и мастер-пилот, — пробормотала Энн, называя стороны его меланти, которые она имела основание знать очень хорошо. — Неплохая коллекция кресел.

Его брови сдвинулись.

— Прошу прощения?

— Извини, — отозвалась она, чуть посмеиваясь. — Это — старинная земная шутка, которая относится к тому, какое количество обязанностей возложено на одного человека. Каждая обязанность обозначалась как кресло, и по традиции принято было спрашивать: «Какое кресло ты сегодня занимаешь?»

Он непонимающе взирался на нее. Шутка? Но...

— Это и есть меланти, — проговорил он, борясь с недоумением и растерянностью.

— Более или менее, — согласилась Энн, пожимая плечами. — Она довольно старая, эта шутка. Понятна только ученым. — И она резко поменяла тему разговора: — Если твоему делму необходимо увидеть Шанни немедленно, то решением было бы, чтобы ты отправился домой, чтобы он смог прилететь на Университет. Я определенно не могу уехать немедленно. Сейчас только начинается экзаменационная неделя. И у меня нет других оснований ехать на Лиад, Эр Том. Хотя, конечно, — добавила она с новым приливом неестественной осторожности, — я хотела бы пойти навстречу твоему делму.

— Ну конечно.

Это была истинная правда. Какой человек, находясь в здравом рассудке, стал бы намеренно идти против Корвала? Эр Том взялся за рюмку, скользя взглядом по стройной колонне ее шеи туда, где ее грудь туго натягивала ткань блузки.

— А когда, — мягко спросил он, с трудом переводя взгляд на ее лицо и стараясь игнорировать бешеный темп своего пульса, — когда ты могла бы уехать с Университета, если бы была заинтересована в визите на... на Лиад?

Энн тряхнула головой — как ему показалось, резко — и вдруг отвела глаза.

— Я... через три недели. Примерно так, с учетом выпускных экзаменов и... — Она судорожно вздохнула. — Эр Том!

— Да?

Он придвинулся ближе к ней на диване, прижавшись ногой к ее ноге, и поднял руку, чтобы погладить сквозь блузку одну из дивных грудей — намеренно дразняще. И ответом стала дрожь ее желания.

Он нежно провел пальцами по соску, ощущая, как он набухает одновременно с приливом его собственной страсти, становясь жестким и требовательным. Он придвинулся еще ближе, нетерпеливыми пальцами борясь с застежкой блузки.

— Шан... — начала она.

— Спит, — прошептал он, переводя взгляд на ее лицо. — Правда же?

Ее взгляд затуманился, на секунду став отсутствующим. А он уже терял голову от желания, которое только усиливалось и усиливалось, так что он...

— Энн?

— Спит. — Она снова полностью была с ним, и ее пальцы тоже сражались с его одеждой. — Эр Том, ты мне нужен. Немедленно.

— Немедленно, — согласился он, и страсть нахлынула огромной волной, замерла на боли, которая превратилась в восторг, когда волна обрушилась вниз и захлестнула их с головой.

— Достопочтенная леди Карин йос-Фелиум, — объявил господин пел-Кана с пугающей официальностью и низким поклоном.

Брат названной дамы проглотил проклятие, развернул рабочее кресло к двери и провел рукой по клавиатуре компьютера, отсылая файлы, которые он просматривал. Последний жест был чисто инстинктивным: Карин без всяких церемоний могла вмешаться в любое дело, имеющее отношение к Клану. На это право она, по ее словам, претендовала как Старшая в Семье. То, что Даав не соглашался с этой оценкой ее меланти, почти ее не тормозило — и, насколько он мог судить, вообще никогда не останавливало.

— Приветствуя, юный брат!

Карин приостановилась на пороге, чтобы чуть наклонить голову в приветствии старшего младшему, а потом позволила господину пел-Кана себя усадить.

Даав вздохнул про себя. Конечно, Карин была старше него на десять лет, однако ее вечное обыгрывание этого факта утомляло. По его мнению, какая-нибудь вариация придала бы острые этой игре озлобленности и вредности, которая стала чересчур предсказуемой. Увы: Карин богатством воображения похвастаться не могла. Он пошевелил рукой, привлекая внимание дворецкого.

— Вина леди Карин, — негромко распорядился он.

Когда это было сделано, господин пел-Кана покинул комнату — как решил Даав, с заметным облегчением. Совет Кланов считал Карин экспертом в области достойного поведения и часто обращался к ней за пояснениями по поводу того или иного сложного момента Кодекса. Прискорбно, что она требовала понимания на уровне эксперта от всех, с кем встречалась.

Понимание эксперта требовало, чтобы он встал и сделал поклон, отдавая честь старшему члену Семьи Йос-Фелиумов, и любезно приветствовал бы ее.

Даав вытянул перед собой ноги и скрестил их в лодыжках. Переплетя пальцы на пряжке ремня, он ухмыльнулся ей с наигранным добродушием.

— Добрый день, Карин. И что тебе на этот раз от меня нужно?

Она только чуть шевельнула бровью, выражая свое недовольство тем, что к ней обратились на низком лиадийском, и подняла рюмку, демонстративно пробуя вино.

Отставив рюмку, она встретилась с ним взглядом.

— Недавно, — проговорила она, по-прежнему придерживаясь модальности старшего ребенка в семье, разговаривающего с младшим, — я была в доме Люкена бел-Тарды с целью посещения моего наследника.

Наследником Карин был шестилетний Пат Рин, которого недавно отдали на воспитание в дом бел-Тарда по распоряжению Делма. В тот момент Делм признался своему чалекет, что это решение было отнюдь не идеальным и неуместно разъяснило Карин.

Даав наклонил голову.

— И как ты нашла нашего кузена Люкена?

— Прискорбно легкомысленным, — ответила его сестра — что было прискорбно верно. — Как я говорила вам при другой встрече, сударик мой, Люкена бел-Тарду нельзя считать подобающим опекуном для ребенка из Главной Семьи. Однако, — добавила она, прерывая себя, — это уже другой разговор.

Она устремила на него строгий взгляд.

— Кузен бел-Тарда сообщил мне, что йос-Галан ищет в Клане персону, которая заключила бы брачный контракт с Кланом Нексон в лице дочери Клана Синтебры эл-Кемин.

— Йос-Галан заручился разрешением Делма на этот поиск, — лениво отозвался Даав, подняв руку в жесте равнодушия.

Карин поджала губы.

— Тогда, возможно, Делм знает и то, что Тоделм йос-Галан намеревалась сделать Синтебру эл-Кемин супругой А-тоделма.

Это было уже на грани неуважения, поскольку было произнесено по-прежнему от Старшей-к-Младшему. Однако Карин была экспертом и в модальностях, так что ей удавалось ловко балансировать на грани.

— Делм осведомлен о намерениях Тоделма в этом отношении. Да. — Он выгнул бровь. — Во всем этом есть какой-то смысл, Карин?

— Немного, — отозвалась она, — ровно столько, чтобы вызвать интерес. — Она чуть подалась вперед. — А-тоделм покинул планету и собирается вернуться не раньше конца релюммы. Приходится заключить, что он бежит от предложенного союза. Представь себе, как оскорблена будет Нексон, если ту, что предназначалась для контракта с Треалла Фантрол, передадут — прости меня! — кому-то вроде Люкена бел-Тарды!

— Люкен — очень милый человек, — спокойно ответил Даав. — Хотя я готов уступить тебе в том плане, что мысли — это не его сильная сторона. Что до оскорблений Нексона, то контракт еще не был не то что подписан, но даже составлен. Если леди надеялась на а-тоделма, а вместо этого поймет

деревенского кузена, то все равно ее Клан получит связи с Корвалом — к вящей ее чести. Я отмечаю, что она юна, а Нексон хотя и занимает неплохое положение, но отнюдь не входит в число Высоких Домов.

— Что не имеет для Корвала ровно никакого значения, — не без язвительности заявила Карин. — Как я помню, твой собственный отец определенно входил в Низкий Дом.

— Однако был потрясающим пилотом, — мягко парировал Даав. — Как отзывалась о нем наша мать.

Карин, которая пилотом была никаким, глубоко вздохнула, явно пытаясь успокоиться.

— Это не решает вопроса о том, — проговорила она после небольшой паузы, — как лучше избежать скандала.

Даав медленно выпрямился в кресле и сурово посмотрел в глаза сестре.

— Никакого скандала не будет, — сказал он в модальности Высокой Персоны, обращаясь к Менее важному лицу. — Изволь меня понять, Карин.

— Я не...

— Если я услышу хоть шепоток, — прервал ее Даав, продолжая сверлить ее взглядом, — хоть одно словечко скандала в отношении этого дела, я буду знать, с кем говорить. Я говорю понятно?

Надо отдать ей должное: она не опустила глаз, хотя жилка у основания шеи билась очень быстро.

— Ты говоришь понятно, — признала она спустя мгновение.

— Отлично, — отозвался он с исключительной мягкостью. — Есть ли еще что-нибудь, к чему ты желала бы привлечь внимание твоего Делма?

Она провела кончиком языка по губам.

— Спасибо. Мне... кажется, что нет.

— Тогда я пожелаю тебе всего хорошего, — проговорил он и наклонил голову.

Она секунду колебалась, но потом встала и адресовала ему безукоризненно правильный прощальный поклон.

— Всего хорошего.

Господин пел-Кана встретил ее у начала коридора и увел прочь.

Даав дождался, чтобы ее шаги стихли, а потом встал и прошел через комнату к бару. Рюмку Карин, из которой она отпила только маленький глоток, он оставил стоять на столике у ее кресла. В свое время господин пел-Кана придет и уберет ее.

Он налил себе чашечку мисравота и сделал глоток, а потом прошел к окну, выходившему в центральный сад. Цветы и кусты пышно росли на фоне массивного ствола Джелаза Казон. Через них пробегали тонкие нити мощенных камнем дорожек. Даав закрыл глаза, не желая видеть знакомую, любимую картину.

Из всех приказов, которые он получил от своей матери, бывшей Делмом до него, только поручение беречь Карин казалось совершенно бессмысленным. Видимо, виноват был какой-то дефект его зрения, которое не могло увидеть, какая от нее польза Делму, которому она постоянно пытается мешать. Единственное, что можно было сказать в ее пользу, это то, что она бдительно охраняла меланти Клана, однако эта бдительность меркла рядом с застарелой злобностью. Даав вздохнул.

Возможно, когда он станет старше и лучше свыкнется со своими обязанностями, он приобретет хваленную Зоркость Делма и поймет, что именно его мать находила в Карин достойным сохранения.

Пока же ее последняя злобная выходка остановлена. Теперь надо только, чтобы Эр Том закончил свое таинственное дело, вернулся домой и выполнил свой долг.

И, как казалось Дааву, не особенно обременительный: он недавно просмотрел файл Синтебры эл-Кемин. Конечно, эта дама еще очень юна, а ее лицензия пилота второго класса ничего особенного собой не представляет. Однако, судя по всему, она станет вполне приемлемой супругой по контракту и, как можно ожидать, сможет быстро произвести на свет младенца с задатками пилота.

И когда новый йос-Галан будет рожден, принят и наименован, Синтебра эл-Кемин сможет вернуться в свой Клан, став богаче за счет брачного гонорара и премии, а ее меланти пойдет на пользу ее брак с членом Клана Корвал.

Эр Том также будет свободен и сможет вернуться на «Исполнение Долга» и продолжить полеты в качестве мастер-купца Корвала.

А у Даава появится новый племянник или племянница, ребенку можно будет изумляться, лелеять его и воспитывать. И ему самому надо будет искать супругу по контракту.

Глава восьмая

Любовь лучше дарить родичу, а радость получать от выполнения долга.

Пословицы Виландера,
седьмое издание

Звук льющейся и плещущей воды вывел его из сна в легкую дремоту, и Эр Том почувствовал, что лежит на диване Энн с кривыми пружинами, укрытый одеялом с ее постели.

Она оставила его в какой-то момент раннего утра, с трудом разобравшись с переплетенными руками и ногами и по-прятавшейся одеждой, прошептав ему, что ребенок начал просыпаться. Одеяло она принесла несколько мгновений спустя, бережно расстелив его по дивану, и, наклонившись, поцеловала его в губы — слишком легко и мимолетно.

— Спасибо, — прошептала она и упорхнула.

Эр Том недоуменно задумался над тем, за что она могла его благодарить. Дремота его начала рассеиваться. За то, что он нарушил ее спокойствие и научил бояться? Или за то, что настолько забыл о приличиях, что дважды позволил страсти победить порядочность и жарко, почти яростно любил женщину, которая не была ему ни подругой по наслаждению, ни супружкой, ни спутницей жизни?

Он повернулся в своем неудобном гнезде и резко вздохнул, ощущив аромат тела Энн, смешавшийся с шероховатым синтетическим запахом одеяла, — и почувствовал прилив тоски.

Все должно было быть так просто. Он собирался только разыскать ее, чтобы сказать ей о своей любви. Почему-то это

казалось важным. Жизненно необходимым. Сделав это, зная, что истину будет хранить та, кому она будет дорога, он надеялся спокойно отдаваться в руки Целителей. А от них он вышел бы готовым стать супругом дочери Нексона, и его сердце не было бы затуманено сожалениями о несбывшемся.

Вместо этого он обнаружил ребенка, которого необходимо каким-то образом вернуть в Клан, женщину, которая словно въелась в его кости — настолько глубокой была его страсть к ней, — и никаких простых решений.

— Эй!

Теплое, сладко-молочное дыхание коснулось его лица.

Эр Том открыл глаза — и обнаружил, что смотрит прямо в серьезные серебристые глазенки, обрамленные густыми черными ресницами.

— Тразиа волекта, — ответил он на низком лиадийском, как и полагалось говорить с детьми.

Разлетающиеся белые брови сдвинулись, морща лоб.

— Эй! — повторил Шан уже громче.

Эр Том улыбнулся.

— Доброе утро, — сказал он на земном. — Ты хорошо спал?

Ребенок — его ребенок — обдумал вопрос, склонив голову набок.

— Угу, — признал он наконец и вздохнул. — Голодный.

— О! — Поблизости продолжала шумно литься вода: Энн, несомненно, была в душе. Эр Том высвободился из-под липкого к телу одеяла и встал. — Тогда я найду для тебя что-нибудь поесть, — сказал он и протянул руку.

Его сын без колебаний принял ее, и они вдвоем отправились в крохотную кухню.

Он нашел соевую овсянку моментального приготовления и сделал кашу, посыпав ее изюмом из банки с заставленного столика. В холодильнике нашлись молоко и сок. Эр Том налил того и другого. Стоя, он пил сок и смотрел, как его сын атакует завтрак.

Шан оказался умелым воином и орудовал ложкой очень точно. Конечно, имели место неизбежные, но немногочис-

ленные ошибки и кляксы, а в один из моментов Эр Тому пришлось вмешаться, чтобы помочь юному джентльмену закатать рукава пижамы, но в целом к тому моменту, когда Энн вышла на кухню, завтрак был уже в разгаре.

— О нет!

Она остановилась на пороге, и лицо ее было залито сме-хом, так что ему удалось удержаться и не броситься к ней, чтобы поцеловать.

— Эй, ма! — невозмутимо сказал ее сын, едва оторвавшись от еды.

Энн ухмыльнулась.

— Привет, Шанни.

Она перевела взгляд на Эр Тома и покачала головой. Ее ухмылка сменилась чем-то гораздо более мягким.

— Мой бедный друг. Мы бесстыдно тебя эксплуатируем.

Он кашлянул и отвел взгляд, сделав вид, что это для того, чтобы допить сок.

— Нисколько, — пробормотал он, отправляя стакан в мойку. — Ребенок был голоден, а я мог решить для него эту проблему. — Он вдруг посмотрел ей в глаза. — А что следует делать отцу?

Она опустила глаза.

— Ну... да. А вот что следует сделать матери, так это быстренько выпить кофе и приготовить этого юного вымогателя, чтобы отправиться к его приятельнице Марилле.

— Рилли! — радостно засмеялся Шан, вываливая ложку каши на стол. — Уй!

— Вот именно, уй! — отозвалась Энн, вытаскивая салфетку из настенной упаковки и вытирая стол. — Доедай, ладно? И постарайся, чтобы большая часть попадала в рот.

— Мокатик неуклюжий, — спокойно заметил ребенок.

— Самокатик сосредоточенный, — ответила Энн, ловко протискиваясь через тесную кухню. — Предоставь еду одновременно с разговорами специалистам, таким, как Джерзи.

Шан засмеялся и перехватил черенок ложки.

— Да, ма.

Энн покачала головой и вытащила из навесного шкафчика свою кружку. Кислый запах синтетического кофезамени-

теля с большим количеством цикория — большинство землян называли его «кофету» — был почти невыносим. Эр Том подавил вздох. Энн обожает настоящий кофе. Он легко мог привезти ей жестянку — или ящик жестянок, — если бы ему пришло в голову, что она вынуждена обходиться заменителем.

— Все! — объявил Шан, со стуком кладя ложку.

— Как насчет того, чтобы допить молоко? — спросила его мать, делая осторожный глоток кофету.

— Тебе нет необходимости, — негромко сказал Эр Том, — лишать себя еды. Я легко могу сегодня позаботиться о ребенке.

Она посмотрела на него. Ее карие глаза сузились, лицо напряглось от вновь проснувшейся тревоги. Эр Том смотрел ей в лицо, борясь с желанием погладить ее по щеке и прогнать ее тревогу.

— Это очень мило с твоей стороны, Эр Том, — проговорила она, тщательно подбирая слова, — но Рилли — Марилла — ждет сегодня Шана.

— Тогда я доставлю его к ней, — ответил он мягко и расудительно, — а ты сможешь поесть перед тем, как проводить занятия.

— Эр Том...

Она замолчала, и он с болью в сердце прочел в ее глазах ужас.

— Энн. — Он все-таки прикоснулся к ней — не мог не прикоснуться, — положив руку на запястье. Только это — и он чуть не ахнул, ощущив острый прилив желания. — Разве я вор, чтобы украсть у тебя нашего сына? Я могу заботиться о нем сегодня, если ты пожелаешь, или отвести его к твоей подруге. В любом случае мы оба будем здесь, когда ты вернешься домой.

Он смотрел ей в лицо и видел, как вера борется со страхом.

— Доверься мне, — прошептал он, ощущая, как глаза у него щиплет от спрятанных в глубине слез. — Энн!

Она сделала глубокий, неуверенный вдох, а потом резко выдохнула и на секунду положила руку ему на плечо.

— Хорошо, — сказала она и подарила ему неуверенную улыбку. — Спасибо тебе, Эр Том.

— Благодарности не нужны, — ответил он ей и отодвинулся, чтобы дать ей доступ к небогатым шкафчикам и заставленному столику. — Завтракай, а я вымою нашему сыну лицо.

— Не придет сегодня? — Марилла помрачнела. — Он ведь не заболел, а, милочка? Пел говорит, что в яслях свирепствует какой-то грипп. Больны половина детей и треть персонала. — Она драматически вздохнула. — И Пел осталась на вторую смену. Естественно.

— Естественно.

Энн ухмыльнулась. Пел постоянно находила предлоги, чтобы работать две смены. Марилла строила теории (с надеждой), что во второй смене у нее любовный интерес. Энн втайне считала, что склонность Мариллы все драматизировать просто угнетает ее тихую и недемонстративную дочь.

— Шан совершенно здоров, — сказала Энн. — Его отец приехал погостить, и они побудут вместе.

«Ну вот, — подумала она, — это звучит совершенно разумно».

Марилла откровенно изумилась.

— Его отец! — повторила она, и голос у нее изумленно рванулся вверх. — Отец Шана у тебя в гостях?

Энн чуть нахмурилась.

— А это запрещено законом?

— Не глупи, милочка. Просто... конечно, он сказочно богат.

Безусловно, за Эр Томом не замечено было проблем с наличными, и одежда у него была явно ручной работы — идеально подогнана к его стройной фигуре. Однако куртка на нем чаще всего была сильно поношена, даже потрепана — кожа на ощупь напоминала шелк.

— А почему это? — спросила она, сама услышав, насколько резко звучит ее голос. — Почему он должен быть сказочно богат?

Марилла взорвалась на нее, а потом картинно пожала плечами.

— Ну, понимаешь... Все считают, что лиадийцы обязательно богаты. Все эти кантры. И торговые маршруты. И,

конечно, кланы. Старинные состояния, масса ценных бумаг. Не то чтобы это, — закончила она, — меня как-то касалось.

«А вот это верно, — раздраженно подумала Энн и тотчас устыдилась. — Это же Марилла! — напомнила она себе. — Просто очередной спектакль».

— Рилли, мне пора. Занятия.

— Ладно, милочка. Позвонишь мне и расскажешь о своих планах.

Экран погас.

«О моих планах? — подумала Энн, собирая материалы для экзамена по курсу «Введение в сравнительную лингвистику». — О каких планах?»

Во время перерыва она ввалилась в свой кабинет, чтобы отдохнуть около часа, стараясь не уронить пачку почты, последние работы по лиадийской литературе и одноразовую пластиковую кружку с супом из автомата.

Бросив классные работы на поднос с неразобранными бумагами, установленный около двери, она села за свой стол, сняла крышку с кружки и начала просматривать почту.

Объявление о заседании кафедры — еще одно? Она вздохнула. Уведомление инспектора о крайнем сроке аттестации. Предупреждение о том, что в течение первой недели каникул Исследовательский центр будет закрыт. Просьба прислать программу на следующий семестр. Открытка от производителей «Смешай и Составь» Шана, предлагающая превратить его модель в нечто, называемое «Доскобучем». И...

По ее пальцам пробежал ток: грубый бежевый конверт с красной печатью «Центр Связи», рядом с которым ее имя, написанное печатными буквами в углу, казалось крохотным.

Письмо, полученное по лучу! Она улыбнулась и схватила конверт, поспешно ломая печать. Письмо по лучу означало либо весточку от ее брата Ричарда, либо письмо от Почтенного Доктора Джин Дела йо-Керы из Университета Лиад, в Солситре.

Письмо выскользнуло из конверта — один тонкий хрустящий листок. Значит, от Ричарда, решила она, разворачивая лист. Письма Доктора йо-Керы были длинными — множе-

ство страниц научных поисков, ответов на вопросы, которые задала Энн, вновь возникшие вопросы, вопросы, которые следовало рассмотреть заново, пояснения и выкладки...

Она не сразу поняла, что письмо все-таки не от Ричарда.

Еще какое-то время понадобилось для того, чтобы усвоить сообщение, изложенное в нескольких строчках четкого, строгого земного, которое послала... послала Специалист по Лингвистике Друсила тел-Бана, подписавшаяся словом «коллега».

Коллега тел-Бана просила у профессора Дэвис прощения за вторжение в ее дела и дурное известие, которое, по необходимости, будет сопровождать это недостойное нарушение ее покоя.

Почтенный Доктор йо-Кера, наставник и друг самой тел-Бана, умер, и записи, относящиеся к его последним исследованиям, находятся в беспорядке. Коллега тел-Бана знает, что эта работа во многом — если не целиком — базируется на изящном исследовании профессора Дэвис, подкрепленном некой перепиской.

«Именно по этой причине, зная богатство Ваших идей и глубину учености, я умоляю Вас приехать на Лиад и оказать мне помощь в восстановлении этой работы. Эта работа должна стать итогом всей деятельности Джин Дела — так он сам говорил мне, — и он уподобил вашу работу мерцающему факелу, который осветил ему дорогу без темных мест».

Дальше шла ее подпись и дата, аккуратно переведенная на общий календарь: 23 день 1360 года по Стандартному календарю.

Энн откинулась на спинку кресла: слова расплывались, теряя смысл.

Доктор йо-Кера умер? Трудно было поверить, что смерть человека, с которым она никогда лично не встречалась, который существовал только как механически переданные слова на шероховатой желтой бумаге, вызовет у нее чувство столь глубокой потери.

В коридоре прозвенел звонок, предупреждающий о том, что через десять минут начнется новое занятие. Ей надо будет проводить экзамен.

Она неловко сложила письмо Друсила тел-Бана и спрятала его в карман. Собрав книжечки с экзаменационными материалами по специальности «Сравнительная лингвистика», механически сверилась с расписанием. Правильно.

Прозвенел сигнал пятиминутной готовности, и она вышла из кабинета, заботливо заперев за собой дверь и оставив суп из автомата остывать в непрочной пластиковой кружке.

Глава девятая

Делм любого клана, действуя в интересах клана, обычно называется именем самого клана: «Гвайар приказал то-то и то-то»...

Еще большую путаницу вносит то, что предполагается, будто любая личность с меланти хорошо разбирается в лиадийской геральдике. Это открывает широкие возможности для двусмысленностей и других шуток. «Клетка для кроликов» будет обозначать в целом всех членов Клана Иксин, чей клановый знак представляет собой стилизованного кролика на фоне встающей луны. Корвал, чей запоминающийся знак Дерева и Дракона является, наверное, самым известным клановым знаком среди не-лиадийцев, получил сомнительную честь принадлежать драконьему роду. И замечание «Дракон поднял крыло» следует понимать как предостережение.

Из «Путеводителя по Лиад для землянина»

Шан принял поездку в экипаже со спокойным добродушием, которое, казалось, было его главным свойством. Он устроился на чересчур большом сиденье рядом с Эр Томом, стянул с головы шапку и объявил:

— Джерзи. Квартал Ц. Ц. Три. Семь. Пять. Два. А. Четыре. Девять. Ц.

Пальцы Эр Тома застыли над простым пультом экипажа, и он изумленно повернулся к ребенку, который продолжил:

— Рилли — Квартал Т. Т. Один. Восемь. Семь. Восемь. П. Три. Шесть. Т.

— А дом? — тихо спросил Эр Том.

— Дом — Квартал С, — ответил Шан без колебаний. — С. Два. Четыре. Пять. Семь. З. Один. Восемь. С.

Абсолютно точно. Эр Том серьезно наклонил голову.

— Очень хорошо. Но сегодня мы едем в другое место. Минутку, будь добр.

Он ввел нужный шифр, откинулся назад и закрепил себя и Шана общим ремнем безопасности.

Ребенок с тихим вздохом привалился к нему и положил смуглую ручонку Эр Тому на колено.

— Кто? — спросил он, и Эр Том на секунду застыл, соображая, как лучше...

Ребенок завозился под его рукой и повернулся, чтобы посмотреть ему в лицо строгими серебряными глазами.

— Кто ты? — потребовал он ответа. — Имя.

Эр Том перевел дыхание, которое задержал незаметно для себя.

— Мирада, — сказал он, употребив низкое лиадийское слово, означающее «отец». — Мое имя Эр Том йос-Галан, Клан Корвал.

Белые брови сдвинулись.

— Мирада? — неуверенно переспросил он.

— Мирада, — твердо повторил Эр Том, крепче обхватил маленькое тело, откидываясь на неудобную спинку.

Мальчик снова свернулся рядом с ним.

— Куда мы едем?

Эр Том закрыл глаза, ощущая, как теплое тело сына обжигает ему бок, думая об Энн, о любви и диктате меланти.

— В космопорт.

«Путь Дракона» впустил их, бесшумно открыв люк. За ним мгновенно зажглись лампы, включилась на полную мощность система жизнеобеспечения, а пульт пилота запустил начальную самопроверку.

Шан остановился на пороге кабины пилота, и маленькая ручка стиснула большую руку Эр Тома.

— Мирада?

— Да, дитя мое?

— Пойдем домой.

— Скоро, — ответил Эр Том, делая шаг в кабину.

— Пойдем домой сейчас! — потребовал мальчик: судя по тону, он был на грани паники.

— Шан! — Эр Том стремительно повернулся и опустился на колени, прижав одну ладонь к худенькой смуглой щечке. — Послушай меня, денубиа. Мы пойдем домой очень скоро, обещаю. Но сначала ты поможешь мне сделать одну вещь, ладно?

— Сделать?

Недоверчивые серебряные глаза заглядывали в его глаза пугающе пристально.

— Хорошо, — сказал Шан наконец, а потом добавил: — Искры.

Подняв руку, он дотронулся до щеки Эр Тома.

— Мягко. — Он широко улыбнулся. — Джерзи колется.

Эр Том закусил губу. Конечно, Джерзи Энталья бородат — он ведь землянин-мужчина. Но почему сын Эр Тома йос-Галана знаком с тем, какое на ощупь лицо у постороннего мужчины?

Он вздохнул и заставил себя взглянуть дальше своего первого возмущения. Джерзи Энталья в какой-то степени занимал место приемного отца ребенка. И свидетельство того, что он успешноправлялся с этой ролью, сейчас перед Эр Томом: активный, умный, добродушный и смелый мальчик. Что должен Эр Том йос-Галан испытывать к Джерзи Энталье, как не уважение и благодарность за дар, которому нет цены?

— Пойдем, — сказал он сыну — очень мягко.

Выпрямившись, он взял детскую ручонку в свою и повел мальчика по кораблю. На этот раз тот не сопротивлялся.

Шан сидел на стуле около автovрача и с любопытством смотрел, как Эр Том закатывает ему рукав и брызгает на кисть и предплечье антисептик.

— Холодно!

— Только на секунду, — пробормотал Эр Том, вводя команды на пульт автovрача. Наклонившись к сыну, он по-

ложил руку ему под подбородок и повернул к себе его лицо. — Сейчас тебе может быть чуть-чуть больно. Ты можешь быть очень храбрым?

Шан подумал.

— Попробую.

— Хорошо.

Эр Том опустился на одно колено рядом со столом и обхватил пояс Шана рукой. Другой рукой он ввел детские пальчики в элемент для анализов.

— Руку вот сюда... Так. А сейчас не двигайся, денубиа.

Он прижался щекой к мягким волосам, поднял свободную руку, чтобы ласково подергать мочку уха. Глаза его были устремлены на табло. Как только стрелка дошла до красной риски, он быстро и ловко сжал ногтями мочку уха Шана, так что тот изумленно вскрикнул.

— Мирада!

Автovрач дал сигнал, что процедура закончена. Табло потребовало три минуты для анализа и сравнения. Эр Том стремительно встал, подхватив Шана со стула и закрутив вокруг себя.

— Отлично, мой храбрец! — воскликнул он на низком лиадийском и услышал, как его сын радостно верещит. Он поставил его на ноги и подал руку, вовремя вспомнив, что нужно говорить на земном. — Показать тебе кое-что?

— Да! — охотно ответил его сын и взялся за его руку, чтобы вернуться в кабину пилота.

Широко расправив бронзовые крылья, могучий дракон парил над Деревом, охраняя его. Голова у него была бдительно поднята, яркие изумрудные глаза словно заглядывали в душу.

— Это — герб Корвала, — проговорил Эр Том, хотя ребенок, конечно, был еще слишком мал, чтобы понять все его значение. Он провел ладонью по изображению. — Картина, видишь?

Мальчик шагнул вперед, и Эр Том поднял его и поднес ближе, так чтобы он тоже смог провести рукой по гладкой эмалевой поверхности. Он дотронулся до носа дракона.

— Имя?

— А! — Эр Том улыбнулся и прижал мальчика к себе. — Мегелаар.

— Меглар, — неправильно повторил Шан и дотронулся до Дерева. — Красиво.

— Джелаза Казон, — мягко сказал ему отец. — Ты сможешь дотронуться до него на самом деле — скоро. А когда ты станешь старше, то сможешь забираться на него, как это делали мы с твоим дядей, когда были мальчишками.

Шан зевнул, и Эр Том почувствовал укол раскаяния. Утро было слишком долгим и утомительным для ребенка!

— Хочешь поспать? — спросил он, уже шагая по коридору к спальным каютам.

— Угу... — пробормотал его сын, и тельце его обмякло еще по пути.

Мальчик уже почти спал, когда Эр Том уложил его на кровать, предназначенную для Делма, и укрыл стеганым одеялом, от которого пахло сладкопряностями и мяты.

— Покончи, Мирада, — пробормотал он, сжимая в руке роскошную ткань.

— Хорошего сна, дитя мое, — тихо ответил Эр Том и наклонился, чтобы поцеловать коричневую щечку.

Подумав и вспомнив свое детство, он включил внутреннюю связь и запер за собой дверь, после чего вернулся к авт врачу.

— Поистине йос-Галан, — пробормотал он спустя несколько секунд, унося геннюю карту, подготовленную авт врачем, в кабину пилота.

Сев в кресло пилота, он еще раз рассмотрел сложную схему распечатки. Настоящий йос-Галан. Он посмотрел на пульт, потрогал геннюю карту и с отвращением посмотрел на свою рубашку. Он не привык спать одетым, а потом расхаживать мятым и немытым еще полдня.

Пульт манил к себе. Его долг был ясен. Эр Том резко вздохнул и положил геннюю карту на пульт первого пилота.

Ему нужно принять душ и переодеться. Когда еще это делать, как не сейчас, пока ребенок спит?

Душ и чистая одежда, решил он, снимая куртку и бросая ее на спинку кресла. Долг может полчаса подождать.

— Эр Том? Шанни?

Энн уронила портфель и бросилась вперед, стремительно пробежав по крошечной квартире: пустая спальня, темная ванная, безмолвная кухня.

— Исчезли...

Боль ударила ее молотом, заставив стремительно выдохнуть крик, который мог быть его именем.

«Эр Том! Эр Том, ты обещал...»

Но что значат обещания, с ужасом подумала она, если нужно сохранить меланти? Энн судорожно вздохнула и резко тряхнула головой.

С Шаном все в порядке, в этом она была уверена. Эр Том не причинит вреда ребенку. Она это знает.

Но он увезет своего ребенка на Лиад. Должен увезти своего ребенка на Лиад. Он попросил ее сопутствовать ему в этой срочной поездке, а она... она решила, что может сказать «нет».

— Энн Дэвис, до чего же ты глупая девица, — пробормотала она, и неожиданно для себя самой метнулась вперед.

Три больших шага пронесли ее через гостиную. Шлепком руки она отперла дверь и бегом вырвалась в коридор, направляясь к площади Квартала и стоянке экипажей.

И в космопорт.

Нельзя было ему доверять, яростно говорила себе Энн. Не следовало снова впускать его в свою жизнь. Не следовало впускать его к себе в постель. Боги, это все было спектаклем, разыгранным для того, чтобы успокоить ее страхи, чтобы она оставила Шана с ним... Теперь она это понимала. А она... она так изголодалась по любви, так увлеклась прекрасным лицом и мягкими манерами, что не могла и подумать, чтобы Эр Том причинил ей боль, заставила себя поверить в то, что он готов — и может — перестать быть лиадийцем...

Она метнулась вниз по лестнице и выскочила на площадь. Она бежала так, словно спасала свою жизнь. Боги, а что, если

он уже улетел? Забрал ее сына и взлетел и ушел в гиперпространство. Если он летит на Лиад — то как она вообще сможет его найти? Какой лиадиц встанет на сторону земной дикарки против человека, который является мастер-купцом, а-тоделмом и наследником своего делма?

«Их не так много — йос-Галанов», — пробормотал Эр Том в ее воспоминании, и Энн ахнула, поворачивая к синему огоньку, отмечавшему стоянку экипажей.

Она была уже на середине площади, когда они оттуда вышли. Мальчик сидел на плечах у мужчины. Мужчина шагал неспешно и плавно, словно ребенок и матерчатая сумка, которую он также нес, ничего не весили.

— Иланта! — крикнул мальчик, и мужчина повернулся на право.

— Дриат! — объявил мальчик сразу же, и мужчина послушно повернулся налево.

Энн резко остановилась, прижав кулак к губам и глядя, как они идут к ней навстречу.

Шан был в восторге: он вцепился в воротник поношенной куртки Эр Тома. Руки Эр Тома браслетами обхватывали его лодыжки.

— Иланта! — снова крикнул Шан, выбив пятками дробь по груди мужчины.

Но Эр Том уже увидел ее. Он ускорил шаги и пошел по прямой, хотя Шан сгреб горсть его золотых волос и потребовал:

— Иланта, Мирада!

— Энн? — встревоженно глянули лиловые глаза.

Он поднял руки и поставил мальчика на землю, продолжая крепко держать смуглую ручонку. Его вторая рука поднялась и замерла в дюйме от ее лица, а она стояла, словно пень, и смотрела на них, боясь шевельнуться. Боясь вздохнуть...

— Ты плачешь, — прошептал Эр Том. Его рука остановилась, опустилась, нырнула в карман куртки. — Мой друг, что случилось?

Она судорожно вздохнула — впервые за какое-то достаточно долгое время. По крайней мере так показалось ей самой. И у нее нашлась сила отнять руку ото рта.

— Я пришла домой, — сказала она, слыша, как дрожит ее голос, — а вас нет.

— О! — На один удар сердца была ясно видна его боль. А потом Эр Том поклонился — грациозно и низко. — Я в отчаянии от того, что заставил тебя страдать, — проговорил он на земном, хотя интонации были явно из высокого лиадийского. — Прости меня за мое недомыслие, что заставило тебя плакать.

Он выпрямился и подтолкнул Шана вперед, выпуская его руку.

— Иди к матери, денубиа.

— Ма?

Взгляд светлых глаз был встревоженным. Энн ощущала его неуверенность, как свою собственную. Она опустилась на колени и притянула его к себе в яростные объятия, прижавшись щекой к его щеке.

— Привет, Шанни, — сумела проговорить она, хотя голос у нее все еще дрожал. — Хорошо провел день?

— Хорошо, — подтвердил он, крепко обхватив ее шею руками. — Видел Меглара. Видел космопорт. — Он стал вырываться, явно гордясь собой. — Видел корабль, и магазин, и...

Он снова начал вырываться, уже решительно. Энн разжалла руки и обнаружила, что смотрит вверх, в лицо Эр Тома.

Оно было очень серьезным, это лицо, и лиловые глаза потемнели, так что ей мучительно захотелось протянуть руку и коснуться его и умолять о прощении за то, что она усомнилась...

«Хватит, Энн Дэвис, — сурово приказала она себе. — Стоит тебе до него дотронуться, и ты теряешь голову. Только вспомни, что получилось вчера».

— Мне необходимо было взять одежду, — мягко проговорил Эр Том, проводя пальцами по набитой сумке, висевшей у него на плече. — А еще я позаботился о том, чтобы в твоё жилище доставили еду... — Его рука поднялась, и пальцы разгладили разделявший их воздух. — Я видел, что еды мало. Я не хотел ничего плохого, Энн.

— Нет, конечно, — прошептала она и откашлялась. Взяв Шана за руку, она выпрямилась, глядя в прекрасное, встревоженное лицо своего друга. — Эр Том...

Его пальцы снова пошевелились, говоря о том, что последует новая информация.

— Также необходимо, чтобы я снял... комнату. Это пока еще не было сделано. Если ты пожелаешь сейчас оставить сына с собой, я закончу с этим делом.

Он помедлил и бросил на нее быстрый взгляд из-под густых золотистых ресниц.

— Я прошу — мне можно навестить тебя сегодня вечером? После ужина? — Он наклонил голову. — Все будет только так, как ты пожелаешь, Энн, и ничего больше. Даю тебе слово.

— Комнату? — переспросила она, изумленно глядя на него. Она перевела дыхание. — Эр Том, сколько времени ты здесь пробудешь?

Он отвел взгляд, но тут же снова посмотрел ей в глаза.

— Три недели, ты сказала, пока ты сможешь лететь на Лиад.

— Я этого не говорила! — запротестовала она и почувствовала, как напряглись пальцы Шана. Она снова перевела дыхание, заставив себя сделать глубокий вдох и успокоиться. — Эр Том, я не собираюсь...

И тут она вспомнила о письме у себя в кармане и просьбе незнакомой исследовательницы.

— Энн?

Она покусала губу.

— Я... возможно... мне... понадобится лететь на Лиад, — призналась она, внезапно почувствовав, что на улице прохладно и что она выбежала из дома, не захватив жакет. — Мой друг... коллега... умер, очень неожиданно, и меня попросили... — Она резко тряхнула головой. — Я еще не решила. Известие пришло только сегодня утром.

— О! — Он наклонил голову и пробормотал стандартную фразу, которой принято выражать грусть по поводу смерти вне своего клана: — Ал-бреш венати.

— Спасибо, — отозвалась Энн и замялась. — А ведь ты мог бы жить у нас, — с изумлением услышала она собственные слова. — Я понимаю, что диван — это не то, к чему ты привык...

Она не договорила, потому что пальцы Эр Тома уже шевельнулись в жесте отрицания.

— Я не думаю... чтобы это было благоразумно, — мягко проговорил он, хотя взгляд, который он при этом на нее бросил, мягким назвать нельзя было. — Я могу навестить тебя, Энн? Сегодня вечером.

— Хорошо, — отозвалась она, ощущая, как странно у нее сжимается сердце. — Только ненадолго. Мне надо проверять экзаменационные работы.

— Спасибо.

Он поклонился ей, прикоснулся кончиками пальцев к щеке Шана.

— До вечера, — проговорил он и повернул обратно к стоянке экипажей. Его каблуки постукивали по брускатке площади.

— Пока, Мирада! — крикнул Шан, энергично маха рукой. Эр Том оглянулся и на секунду поднял руку.

— Пошли, Шанни, — прошептала Энн, заставив себя смотреть на сына, чтобы не провожать взглядом удаляющуюся спину возлюбленного, как она уже один раз делала. — Идем домой.

Глава десятая

Самая опасная фраза на высоком лиадийском — это «коаб миншака»: существует необходимость.

Из «Путеводителя по Лиад для землянина»

«...обратить внимание Делма на приложенную генную карту Шана йос-Галана, которому исполнилось двадцать восемь стандартных месяцев.

Мать этого ребенка — Энн Дэвис, уроженка Нового Дублина, профессор сравнительной лингвистики, Северный городок, Центральный университет, Земной сектор Паладин.

Выражается сожаление по поводу того, что карта профессора Дэвис на данный момент недоступна. Хотя профессио-

нальные обязанности лишили ее возможности получить собственную лицензию, она происходит из семейства пилотов. Ее старший брат Ричард имеет лицензию пилота первого класса и должен получить лицензию мастера. Ее мать, Элизабет Мерфи, имела лицензию первого класса для кораблей от легкого транспорта до торгового класса AAA. Послужные списки пилотов также прилагаются для сведения Делма.

Есть намерение представить ребенка и его мать пред лицо Делма на второй день следующей релюммы, что является самым ранним сроком, в который профессор Дэвис может освободиться от обязанностей, налагаемых на нее ее работой. Выражается просьба, чтобы Делм Увидел ребенка и принял в Корвал, к текущей радости и будущей выгоде клана.

Испрашивается благосклонность Делма по отношению к профессору Дэвис. Она является человеком с меланти и Корвал у нее в долгу из-за ошибки, совершенной сыном Клана Эр Томом.

С уважением к Делму...

Эр Том йос-Галан».

— Двадцать восемь стандартных месяцев? — Даав устался на экран, разрываясь между изумлением и прискорбным желанием расхохотаться. — Да, надо признать, что эту проблему действительно следовало уладить!

Релчин, лежавший на столе рядом с установкой узколучевой связи, поднял голову и бросил на него взгляд, выражавший возмущение по поводу нарушенного комфорта, что склонило чашу весов в сторону хохота. Даав почесал крупного кота под подбородком и нажал клавишу «Дальше», вызывая приложенную генную карту.

— Хорошо, и ребенок определенно йос-Галан, — признался он Релчину спустя пару секунд. — Но какое мне дело до того, что какая-то землянка нашла способ сочетать выгоду с удовольствием? Особенно когда есть юная Синтебра, которая так и рвется стать супругой а-тоделма и сделать все в соответствии с контрактом и Кодексом, без неуместных скандалов.

Он рассеянно почесал кота за ухом.

— Суть дела в том, что Эр Том желает откупиться от этой землянки, тебе не кажется? И он хочет взять мальчика в Клан,

хотя тетя Петрелла и моя сестра несомненно сообщают нам, что имя Шан у йос-Галанов не используется.

Он снова хмуро посмотрел на генную карту.

— Ребенок вполне может оказаться чертовски хорошим пилотом. Эр Том ведь очень хорош, знаешь ли, Релчин. Приходится напрягаться, чтобы от него не отстать — хотя, конечно, ему об этом знать не следует. Клан всегда рад принять пилотов... Вопрос сводится к тому, какую цену запросит леди, насколько я понимаю. А ее цена, похоже, оказалась высокой — иначе почему бы ему было просто не выплатить ее из своих личных средств?

Кот не пожелал давать ответа, и спустя секунду Даав вызвал информацию о брате и матери леди.

— Приемлемо, знаешь ли, хотя сама леди — не пилот. Кто может поручиться, что она не окажется неуклюжей красавкой, а ребенок не пойдет в нее? Только посмотри, как это вышло с Карин, а, Релчин? Хотя следует вспомнить, что йос-Галаны всегда давали хорошее потомство.

После этого он на какое-то время замолчал, рассеянно глядя кота и глядя не на экран, а куда-то чуть выше.

— Нет, это не пойдет, — объявил он наконец, стремительно встал и зашагал к бару. Налив себе мисравота, он побрел в центр комнаты, держа чашу в руке и возмущенно разглядывая ковер.

— Эр Том с ума сошел? — осведомился он — возможно, у кота, который деловито мыл себе спинку. — Умолять Делма Увидеть ребенка, не признанного йос-Галанами? Устроить в Клане скандал, настроить Тоделма против Делма, открыть невероятные просторы для злобы Карин — и все ради непроверенного ребенка и некой персоны по имени Энн...

Он замолчал и погрузился в молчание — настолько глубокое, что кот прекратил свой туалет и устремил на него широко открытые желтые глаза.

— Энн Дэвис. — Он задумчиво отпил вина, склонив голову набок. — Энн Дэвис, вот как. — Он тихо вздохнул. — Право, нехорошо: чего только кандидатов в разведчики не заставляют читать! Но может ли это оказаться та самая Энн Дэвис? И была ли это вообще Энн Дэвис? Определенно это была

лингвистка — и довольно удивительная в своем роде. Моя отвратительная память...

Говоря сам с собой, он вернулся к столу, отставил вино в сторону и включил программу поиска. В ответ на запрос он стремительно нажал с полдюжины клавиш, нажал ввод и откинулся на кресло.

— А теперь... — начал он, многозначительно глядя на кота.

Продолжить ему не удалось. Первый сигнал о нахождении ответа едва успел отзвучать, когда раздались второй, третий, четвертый и пятый. Потом наступила короткая пауза — чуть больше секунды, — и раздался шестой и последний сигнал о нахождении соответствия. К этому времени Даав уже ошеломленно рассматривал полный экран информации, приведшей на первое ключевое слово.

— О да, — пробормотал он, вводя команду продолжить. — Вот именно.

Список публикаций Энн Дэвис занял два экрана, включая компиляцию и сравнительный анализ земных диалектов, о существовании которых Даав уже почти забыл. Он отметил, что работа два раза уточнялась: та версия, которую он когда-то читал, была ее докторской диссертацией.

Он также отметил, что с тех пор фокус ее исследований весьма любопытным образом сместился, но семена новых направлений определенно содержались уже в ее первой работе. Однако интеллектуальная смелость, которая необходима была, чтобы начать тщательный анализ и сопоставление лингвистического и базового земного, не говоря уже о языке врагов — икстренском — в поисках общего...

— Мысль, достойная разведчика, — пробормотал Даав, стремительными движениями золотистых пальцев заказывая всю библиографию для своей личной библиотеки. — Отважное сердце, доктор. Да обратит удача на вас свое прекрасное лицо.

Вызванная затем биография вполне совпадала с письмом Эр Тома. Гейдельбергский стипендиат Энн Дэвис, автор многочисленных научных работ (список прилагается) в области сравнительной лингвистики, действительно является урожен-

кой Нового Дублина в Эльфийском секторе Земли. У нее имеется один брат, Ричард Дэвис, пилот. Ее родители — Элизабет Мерфи, пилот, покойная, и Иэн Дэвис, инженер, также покойный.

Она была зарегистрирована как родитель одного ребенка, Шана йос-Галана, родившегося в 1357 году по Стандартному календарю.

— Что может увидеть кто угодно, — с иронией прокомментировал Даав. — Начинаешь понимать, какие чувства испытывал в этом случае Эр Том.

Продолжая рассматривать биографическую справку, он прятнул руку и развернул к себе экран узколучевого приемника.

— Человек с меланти, как же, — пробормотал он, хмуро перечитывая письмо. — Уж не просит ли он решения для леди? Конечно, у нее нет делма, который принимал решения за нее, а если ребенок отойдет Корвалу...

Он снова взялся за мисравот и откинулся в кресле, глядя на расписанный облаками потолок и понемногу отпивая вино.

Кот на столе зашевелился, потянулся и перешел на колени к человеку, лениво устраиваясь там поудобнее.

— Возможно, ей нужен союз, — пробормотал Даав, теребя кошачье ухо. — Тут ничего плохого нет, Релчин. И филолог Дэвис развивает идею, которая нашла бы одобрение у Бабушки Кантры. Ведь в конце концов прямо за склоном долины находится Университет Лиад со всеми его дивными носителями языка...

Кот замурлыкал и повернул голову так, чтобы пальцы человека щекотали ему подбородок.

— Тебе-то легко говорить, — обиделся Даав. — Тебя не просят принимать решение для человека, не принадлежащего Клану! Да и появление этого ребенка в Корвале совершенно вне обычая. О чем только думал Эр Том?

Однако крупный кот только громче замурлыкал и начал мять бедро Даава когтистой лапкой.

— Прекрати это, зверь, иначе мне нужен будет врач! — Даав вздохнул. — Возможно, мне следует отправиться на Университет, встретиться с этой леди и... Нет.

Он допил вино и вытянул руку, чтобы поставить стакан на стол.

— Лучше читать письмо именно так, как оно написано, правда, Релчин? И тогда следует любезно ответить нашему провинившемуся А-тоделму и попросить уточнить, в чем состоит долг Корвала в отношении профессора Дэвис.

С этими словами — и к глубокому недовольству кота — он развернул кресло к узколучевой установке и начал составлять ответ.

Шан с аппетитом поел и отправился в постель без возражений. Такое поведение было настолько нетипичным, что Энн даже пощупала ему лоб, проверяя, нет ли у него жара.

Жара, конечно, не было, что она прекрасно знала в том тайном уголке сердца, который также говорил ей, спит сын или бодрствует, спокоен или расстроен. Ребенок устал, только и всего.

— Мирада тебя вымотал, парнишка, правда?

— Мирада? — Ресницы Шана задрожали, косые брови сдвинулись. — Мирада?

— Потом, Шанни, — успокоила его Энн, откидывая белые волосы с широкого смуглого лба. — А сейчас засыпай.

Но ей нужно было его уговаривать: внутреннее чувство дало ей знать, что сон уже опутал его своими чарами.

Выйдя чуть позже в гостиную, она покачала головой при виде пакетов, которые доставили ей из местной бакалеи. Одним только богам известно, подумал ли Эр Том, куда ей расставить всевозможные вкусности, которые он заказал, — в том числе и две жестянки со сказочно дорогим настоящим кофе.

— Ну, может, кое-что он заказал для себя, — пробормотала она, поворачиваясь спиной к куче пакетов и решительно берясь за первую книжечку с экзаменацной работой.

Она проверила уже почти половину, когда дверной звонок заставил ее вздрогнуть и чертыхнуться.

— Ну вот, Энн Дэвис, — отругала она себя, пересекая комнату, — вечно ты с головой уходишь в работу...

— Добрый вечер.

Когда Энн открыла дверь, Эр Том ей низко поклонился. Чуть нахмутившись, она решила, что это — поклон Глубокого уважения. Обычно он приветствовал ее поклоном Равных, и она обеспокоенно стала гадать, что может означать такая перемена.

— Добрый вечер, — отозвалась она с максимально доступным ей спокойствием. Отступив в сторону, она приглашающе взмахнула рукой. — Входи, пожалуйста.

Он вошел, с легким поклоном протягивая ей принесенное вино.

— Подарок Дому.

Энн приняла бутылку, и ее недоумение переросло в тревогу. Эр Том, как правило, приносил с собой вино: насколько она поняла, это был лиадийский обычай, свидетельствующий о добрых намерениях пришедшего. Однако никогда прежде он не вел себя с ней так официально — так непонятно.

Сжимая в руках знак его добрых намерений, Энн попыталась ответить ему поклоном, который долженствовал выражать Благодарность гостю.

— Спасибо. Ты выпьешь со мной рюмку?

— Это было бы приятно, — отозвался он, все столь же официально и чопорно. Ее друг и возлюбленный прятался где-то в глубине его глаз. Он изящно повел рукой в сторону заваленного бумагами рабочего стола и пачек экзаменационных работ. — Однако мне не хотелось бы мешать тебе работать.

— О! — Она посмотрела на стол, а потом на часы над ним. — Моя работа отнимет у меня еще несколько часов, — неуверенно проговорила она. — Если я сейчас прерву ее ненадолго, чтобы выпить вина с... с моим другом...

Она замолчала, кусая губы в мучительной неуверенности.

— О!

Что-то промелькнуло на его лице — всего на секунду, однако она поняла, что он почему-то почувствовал облегчение. Ей даже показалось, что он почти улыбнулся, хотя на самом деле он всего лишь наклонил голову.

— Я предлагаю компромисс, — мягко сказал он. — Ты вернешься к письменному столу, а я уберу продукты. Вино

может подождать, пока... друзья смогут уделить ему внимание.

— Уберешь продукты? — Она недоуменно посмотрела на него, а потом на гору коробок. — Все это в моей кухне не поместится, Эр Том. Я надеялась, что кое-что из этого ты купил для себя.

Как это ни удивительно, но он рассмеялся — и это был такой сладкий и непривычный звук! Она невольно улыбнулась в ответ.

— Упражнение по размещению груза, только и всего. — Он протянул руку и забрал у нее бутылку. — Я справлюсь. А ты пока — к своим работам?

— Я — к моим работам, — согласилась она, продолжая глупо улыбаться и чувствуя нелепое, совершенно непонятное облегчение. — Спасибо тебе, Эр Том.

— Не за что, — отозвался он, направляясь к горе.

Он на секунду остановился, чтобы снять куртку и повесить ее на спинку мягкого кресла, а потом прошел на кухню.

С идиотски радостным сердцем Энн вернулась за свой стол и открыла следующую голубую книжицу.

Верный своему слову Эр Том нашел место для всего, что только было в коробках, а потом аккуратно сложил коробки и спрятал их в узкое пространство между холодильником и мойкой.

Оставшиеся немногие минуты, которые нужны были Энн, чтобы проверить последнюю работу, он потратил на то, чтобы использовать часть только что приобретенных продуктов. Получившуюся закуску он вместе с вином и рюмками вынес в гостиную.

— Выглядит чудесно! — призналась Энн, с искренним удовольствием разглядывая поднос с сыром, овощами и соусом. Она улыбнулась Эр Тому и потянулась, встав на цыпочки, чтобы расправить все затекшее тело. Как всегда, кончики ее пальцев коснулись потолка. — Проклятые низкие своды, — пробормотала она привычно. — Насколько дороже было бы прибавить несколько лишних дюймов в высоту?

— Думаю, что намного дороже, — серьезно ответил Эр Том. — Два лишних дюйма при таком масштабе строительства очень скоро превращаются в мили. — Он повел плечами, сосредоточенно глядя на вино, которое наливал в рюмки, — а не на роскошное зрелище, которое являла собой она, потягиваясь всем телом. — И в канtry.

Энн ухмыльнулась.

— Наверное, ты прав. Но ужасно досадно постоянно задевать пальцами потолок.

Она устроилась в углу дивана и взяла протянутую им рюмку.

— Спасибо, мой дорогой, за все твои труды ради меня.

На секунду он застыл, с ужасом подумав, что ей удалось каким-то образом узнать о мольбе, с которой он обратился к Дааву... Но потом он пришел в себя: конечно, она имела в виду только этот вечер, что было поистине пустяком для человека, привыкшего распределять груз по трюмам космического корабля.

— Я был рад помочь, — ответил он, поскольку ему показалось, что именно это ей хотелось услышать, — и был вознагражден ее улыбкой.

Он осторожно уселся в противоположном углу дивана, стараясь не замечать, как разгорается его кровь от ее близости, какие позорные желания пытаются победить требования порядочности и меланти... Он отпил немного вина, бережно отставил рюмку и заставил себя посмотреть ей в лицо.

— Я сожалею, — проговорил он и откашлялся, потому что голос у него непривычно охрип. — Я глубоко сожалею о том, что причинил тебе боль, Энн. Я не ожидал, что ты вернешься домой в ранний час. Я совершил ошибку и прошу, чтобы ты меня прощила.

Она заморгала. Так вот в чем причина столь официального его поведения! Она чуть было не протянула руку, чтобы прикоснуться к его щеке. И только воспоминание об обжигающей, бездумной страсти, которую будило самое мимолетное прикосновение к нему, заставило ее руку остаться лежать на колене.

— Я охотно тебя прощаю, — ответила она вместо этого и тепло улыбнулась ему. — Было очень... глупо с моей стороны

так паниковать. Ты дал мне слово, и мне следовало бы... — Она почувствовала, что находится на опасной почве. Было бы опасно признаться, что она усомнилась в его слове. — ...следовало бы это помнить.

— А! — Он слабо улыбнулся ей в ответ. — Ты очень добра.

Тут он замялся, оттягивая минуту, когда ему придется повиноваться велению долга и задать ей вопрос, который заставляет содрогаться меланти. И он с грустной ironией признался себе, как признался бы Дааву, что им движут не только соображения чести. Скорее ему было радостно от того, что в данном случае требования чести практически совпадают с желанием его сердца.

Он сделал еще глоток вина и съел чуть-чуть сыра, разве что не сотрясаясь от желания, которое она в нем будила. Однако он сурово подавил свою страсть. Он поклялся, что все будет так, как того пожелает Энн, и неуемные страсти Эр Тома йос-Галана не должны заглушить голоса ее рассудка. Здесь необходимо рассмотреть предложения, заняться торговлей. Он набрал в легкие воздуха.

— Энн?

— Да, любимый?

Ее пристальный взгляд выдавал страсть, которая была такой же неуемной, как и его собственная. И встретившись с ее глазами, он снова потерял голову. Сжав зубы, он отвел взгляд и подавил мощную волну желания.

— У меня есть... предложение, — проговорил он, слыша, как его голос срывается и дрожит. — Если ты согласишься меня выслушать.

— Хорошо, — ответила она. Ее голос тоже звучал странно, хотя когда он повернулся к ней, она уже опустила голову и смотрела на свою рюмку, которую вернула на столик. — Что за предложение, Эр Том?

— Я предлагаю...

Боги! Его Тоделм будет его ругать, и Делм, возможно, тоже. Она не входит в Книгу Кланов. Она землянка, землянка, землянка до мозга костей. Но она — хлеб, который питает его, вода, которая утоляет его жажду, страсть, кото-

рая терзает его так, что он не может не обладать ею, пусть для этого ему придется пойти против Клана, и Кодекса, и — да! — близких.

— Я предлагаю, — повторил он, заставляя себя смотреть ей в глаза со спокойствием, которого не испытывал, — чтобы мы с тобой поженились.

Глава одиннадцатая

Если тебе суждено утонуть, то все автокатастрофы ты переживешь.

Земная поговорка

— Поженились? — Изумление оказалось сильнее восторга — но ненамного. Сотрясаемая этими двумя эмоциями, она пролепетала: — Но... но я же не лиадийка!

Эр Том слегка улыбнулся, и его худые плечи шевельнулись в гибком движении, которое не соответствовало земному пожатию плеч.

— А я — не землянин, — отозвался он суховато.

Он чуть было не протянул к ней руку, но опомнился и взялся вместо этого за рюмку.

— Было бы правильно, — проговорил он крайне осторожно (потому что кто он такой, чтобы информировать равную себе о должном поведении?), правильно и благонамеренно, — чтобы ты и я были связаны контрактом — браком — в тот момент, когда нашего сына Увидит Корвал.

Восторг потух так стремительно, что это было мучительно больно. От Эр Тома слов любви не услышишь... Энн с непривычной горечью подумала, что не слышала от него даже ласкового обращения. Он сделал это предложение из соображений удобства, и только. Немыслимо, чтобы человек с меланти Эр Тома вернулся домой и продемонстрировал своему делму шлюху и незаконнорожденного сыночка, когда без особых затрат можно продемонстрировать жену и законного наследника. Энн сморгнула внезапно застлавшую глаза пелену слез

и приказала себе думать, что отчаянное биение ее сердца вызвано гневом, а не страданием.

— Нет, спасибо, — отрывисто бросила она, гордясь тем, что ее голос звучит резко и твердо.

Она отвернулась, не желая смотреть на него, и взяла свою рюмку.

— А!

Его рука — тонкие золотистые пальцы, один из которых украшало аметистовое кольцо мастер-купца, — легко легла на ее запястье, удерживая ее, разжигая пламя в ее груди.

— Я нанес оскорблениe, — тихо сказал он, убирая руку. — Мое намерение было... совершенно иным, Энн. Пожалуйста. Что я должен сделать, чтобы восстановить между нами равновесие?

— Я не оскорблена, — солгала она и заставила себя посмотреть прямо ему в глаза. — Я просто не хочу выходить за тебя замуж.

Разлетающиеся золотые брови выгнулись, красноречиво выражая неверие.

— Прости меня, — мягко проговорил он. — Но, помнится, радость, которую мы разделили совсем недавно, как и та, которую мы знали раньше...

— Разве я сказала, что не хочу с тобой спать? — огрызнулась Энн, злясь на него — и на себя. — Даже слишком, милый мой! Но похоть — это не резон для брака, как и... благонамеренность. И будь я проклята, если выйду замуж из-за такого!

Она судорожно вздохнула, едва видя его лицо сквозь пелену слез — слез гнева.

— Это твоя идея везти Шанни и показывать его твоему делму, а не моя. Что до меня, то он может оставаться неучтенным хоть до конца его жизни! Он — гражданин Земли, чего достаточно очень и очень многим людям, которым удается жить долго, счастливо и плодотворно, и...

— Энн! — Он вдруг оказался очень близко. Одним коленом он упирался в диван, а руки его поймали ее за плечи, разминая напряженные мышцы. — Энн!

Она вскрикнула, задохнулась и подняла руку, чтобы утереть слезы. Она непривычно посмотрела в лицо Эр Тома снизу вверх, и сердце ее дрогнуло при виде его расстроенного взгляда. А его близость снова вызвала вспышку обжигающей страсти.

Щемяще медленно он поднял руку и нежно провел дрожащими пальцами по ее влажной щеке и губам. Его лиловые глаза были широко открыты — и завораживали.

— Я люблю тебя, Энн Дэвис, — прошептал он.

— Нет!

Она едва смогла заставить себя закрыть глаза, отказать своему телу в утешении, которое обещала их близость. Всеми фибрами души она хотела поверить в это тихое признание, но остатки здравого смысла кричали ей, что это — тоже всего лишь дань необходимости.

— Нет, — повторила она снова, зажмурив глаза и трепеща от желания. — Эр Том, прекрати это. Пожалуйста.

Вместо этого его теплое дыхание пошевелило волосы у ее виска, а в следующую секунду туда прижались его губы.

— Я люблю тебя, — повторил он снова, и его дивный, чарующий голос дрожал от страсти. Он нежно пригладил ее волосы, поцеловал мочку уха. — Энн...

— Эр Том! — Ее собственный голос тоже нельзя было назвать ровным. — Эр Том, ты дал мне слово...

Она могла бы поклясться, что почувствовала, как он вздрогнул, словно ледяная струя здравомыслия залила пламенное очарование страсти. А в следующую секунду от стремительно отстранился и вскочил, после чего замер в полной неподвижности, крепко скав руки за спиной.

— О боги!

Энн содрогнулась, ощущая его внезапное отсутствие не столько как облегчение, сколько как новую пытку. «Что это?» — уже в который раз со вчерашнего дня спросила она себя. Она почти с самого начала ощущала контакт с Эр Томом. Но эта новая... тяга... напомнила ей древние легенды о феях, о волшебных владыках старинной Земли и о колдовских чарах, которыми они опутывали простых смертных...

Если не считать того, что мокре от пота лицо Эр Тома и мука в его глазах несомненно подтверждала, что если это и колдовство, то он опутан им так же крепко, как и она сама.

Она перевела дыхание, только теперь заметив, что задержала его, и села прямее.

— Эр Том...

Он поклонился, заставляя ее замолчать.

— Энн, только подумай, — быстро сказал он, и его акцент стал гораздо заметнее, чем прежде. — Ты говоришь, что будешь на Лиад, где у тебя есть долг по отношению к тому, кто умер. Разве не лучше лететь туда с тем, кто тебе друг, и стать гостем в доме родни твоего сына — на такой срок, какой тебе понадобится? Все будет так, как ты пожелаешь...

Он закусил губу и резко отвел глаза, но почти сразу же снова посмотрел на нее.

— Если ты не хочешь, чтобы мы поженились, ну что ж: тогда об этом больше нечего говорить. Я... мне, конечно, неизвестны твои необходимости. Однако ты должна знать, что моя необходимость требует, чтобы наш сын предстал перед Делмом не позже, чем на второй день следующей релюммы — через три стандартные недели, как ты сказала.

Он поднял руки и продемонстрировал ей свои ладони в знак того, что ничего не скрывает.

— Я говорю тебе все, — продолжил он, и его слова чуть замедлились. — Энн. Я не хочу ранить тебя, или пугать, или красть у тебя нашего сына. Но его необходимо отвезти к Делму. Он — йос-Галан! Нужно позаботиться... И ты сама! Нежели ты хочешь стоять одна и без союзников, родив сына Корвала?

Энн уставилась на него: его слова заставили ее задохнуться.

— Это... опасно? — спросила она.

— Опасно? — недоуменно переспросил Эр Том, а потом взмахнул рукой, словно отметая эту возможность. — А, ха! Это — игры меланти. Ничего пугающего для благоразумного человека.

Он наклонил голову и покусал губу, словно не зная, что говорить дальше.

— Благоразумно приобретать союзников, — сказал он наконец, и Энн почувствовала, насколько осторожно он подбирает слова, чтобы ее не оскорбить. — Корвал, видишь ли, имеет вес. А ребенок — йос-Галан. Никто не может отрицать такой основы для союза. Брак, которого я... желал, сразу же дал бы тебе защиту... намеренного союза. Тебя считали бы находящейся под крылом Дракона немедленно, а не в ожидании прилета на Лиад и составления... иных контрактов.

Он глубоко вздохнул и посмотрел ей в глаза — прямо и открыто.

— Мне больно видеть, что тебе грозит опасность, — добавил он очень мягко, — когда я имею возможность и... желание... предоставить тебе защиту.

— Я... понимаю, — с трудом выдавила из себя она с отчаянно бьющимся сердцем.

Ей пришлось тряхнуть головой, чтобы хоть немного прояснить ее, и попыталась ухватиться за подсказку здравого смысла. В конце концов они же находятся в Университетском центре. Это — прибежище ученых и студентов, а также других служителей странных знаний и таинственных направлений мысли.

— Сюда за моей головой вряд ли кто-то прилетит, — сказала она Эр Тому, стараясь успокоить его и хоть немного умерить огорчение, которое ясно читалось у него на лице. А потом договорила, использовав фразу, явно отдававшую высоким лиадийским: — Благодарю тебя за заботу, Эр Том.

Он еще немного помедлил, а потом поклонился, принимая ее решение — по крайней мере так ей показалось.

— Через три стандартные недели, — сказал он, выпрямляясь, — я повезу нашего сына и тебя в Солсингтру. Мы втроем пойдем к Делму, и Шан будет Увиден. После этого я отвезу тебя в Треалла Фантрол — дом йос-Галанов, — где ты сможешь гостить, пока твой долг по отношению к твоему другу не будет выполнен.

Это имело смысл, хоть и было высказано чересчур авторитарно. Так решались все вопросы с транспортом и жильем. Это соответствовало и настоящей потребности Эр Тома

добавить вновь обнаруженного йос-Галана к внутреннему реестру Корвала.

Однако это никак не соответствовало ее нежеланию нарушать устоявшийся ход ее жизни на целых два месяца, в течение которых она попыталась бы разобрать личные рабочие записи своего коллеги.

И это определенно никак не решало той проблемы, что в течение этих двух месяцев ей придется провести на Лиад, в Солситре, называемой «Городом драгоценностей» за неправдоподобно высокий уровень жизни ее обитателей. Возможно, в... Треалла Фантрол она и будет почетной гостьей Эр Тома и обладательницей всех благ, которыми располагает его Дом. Но в Солситре она будет одинокой землянкой в окружении лиадийцев, с их яростной конкуренцией и лиадоцентрическим укладом...

В обществе, где и посейчас часто употребляется фраза «Невоспитанный, как землянин!»

— Я думала, что, может быть... мне не нужно... лететь на Лиад, — медленно начала Энн. — Можно было бы просто скопировать старые письма Джин Дела — филолога йо-Керы — и послать их его коллеге. Так она смогла бы...

Звонок зазвенел снова — и снова, очень настойчиво.

— В такой час?

Энн уже шла к двери, не замечая, что Эр Том идет с ней, пока он не поймал ее за руку, оттащив на шаг от стремительно открывающейся двери...

— Эр Том...

— Энн! — Джерзи только что не бросился ей на шею. — Ты здесь! У тебя все в порядке! Боги, боги! Весь проклятый пантеон! Я был в таверне Квартала С, когда передали известие, и я испугался, что ты задержалась, проверяя работы... И не сообразил найти будку связи...

Он привалился к ее плечу и испустил театральный вздох облегчения, а потом поднял голову и ухмыльнулся Эр Тому.

— Здравствуйте, господин йос-Галан.

Эр Том наклонил голову.

— Добрый вечер, Джерзи Энталья, — серьезно отозвался он. — А есть причина, по которой у Энн... что-то могло быть не в порядке?

Джерзи заморгал, выпрямился, больше не нуждаясь в поддержке Энн, и перевел взгляд на нее — и снова на Эр Тома.

— Так вы не слышали? — спросил он, снова глядя на Энн. — Передали сообщение, прямо посредине... — Он обвел взглядом комнату и остановился на темном экране. — Похоже, нет. Ну надо же — так бегать, и впустую!

— Что мы должны были слышать? — вопросила Энн. — Джерзи, уже за полночь! Это что, твоя очередная...

— Шутка? Нет, я не шутил. — Он схватил ее за руку, и его уродливое лицо вдруг стало совершенно серьезным. — Сравнительной лингвистики больше нет. Весь дальний угол Здания языков взлетел на воздух. Два часа назад.

Петрелла йос-Галан смотрела на ребенка своей покойной сестры-близнеца с явной прохладой.

— Выражаете радость, вот как? — раздраженно проговорила она. — И по какому поводу Делм желает мне испытывать радость? Может, по поводу продолжающегося отсутствия моего наследника? Или по поводу того, что этим утром мне нанес визит Делм Нексона, чтобы осведомиться о здоровье вышеупомянутого наследника? Или мне следует находить радость в пустой детской и отсутствии ребенка, который продолжил бы наш род?

Даав отпил глоток красного вина.

— Ну, вы, безусловно, можете радоваться всему, что только трогает вас, — любезно проговорил он. — Но я только хотел принести известие о том, что мой чалекет возвращается на второй день следующей релюммы.

— На три дня позже установленного Делмом срока, — проговорила она строго. — Как, несомненно, Делм помнит, поскольку обладает такой... долгой памятью.

Он ухмыльнулся.

— Удачный бросок, тетя Петрелла. Но так уж случилось, что ваш наследник испросил милости Делма и получил про-

дление, поскольку предыдущие сроки были бы крайне неудобны гостям.

— Ах, так радость вызывает не только возвращение сына, но и также невероятное удовольствие принимать гостей! — Петрелла высоко вскинула руку в насмешливом восторге. — Право, какая это удача для Дома! Интересно, а можно ли узнать о гостях еще что-нибудь? Ведь ты должен понять, что вселенная буквально переполнена потенциальными гостями.

— О, действительно! — отозвался Даав, которого это замечание глубоко впечатлило. — Я так на это не смотрел, но, полагаю, что вы правы, сударыня! Как это забавно, право: вся веленная так и рвется погостить у Корвала!

— Да, прекрасно, — проворчала она. — Дурачься и дальше, будь любезен, развлекайся за счет старой женщины. Я, однако, замечаю, что подробности о гостях не сообщаются.

Он повел плечами.

— Это — лингвист с высокой репутацией.

— Еще приятнее! — язвительно заявила его тетка. — Ученый, какая честь! Как будто бывают люди хуже воспитанные — если не считать...

— Земной лингвист, — мягко прервал ее Даав. Он позволил себе сделать еще глоток превосходного красного вина. — Вы, возможно, пожелаете сменить обстановку в Посольских апартаментах.

Петрелла изумленно воззрилась на него.

— Земной лингвист?

— Да, именно так, — ответил ее племянник и пояснил: — Лингвист, по стечению обстоятельств имеющий местом рождения Землю.

Петрелла закрыла глаза и позволила себе обмякнуть в кресле. Даав пристально наблюдал за ней, пытаясь подметить какой-то признак, по которому он смог бы судить, было ли это внезапное бессилие результатом ее болезни или приемом, рассчитанным на то, чтобы его отвлечь.

Петрелла открыла глаза.

— Эр Том пригласил в наш дом земного лингвиста, — проговорила она абсолютно без всякого выражения.

— Правильно, — подтвердил названный брат Эр Тома и, поймав на себе ее возмущенный взгляд, добавил: — Ведь он сам так интересуется наукой, знаете ли.

Она хмыкнула.

— Мастер-купец не может быть идиотом, с этим я готова согласиться. Однако должна признаться, что до сей поры как-то не замечала в моем сыне научных склонностей. — Она помахала рукой, и Даав увидел в ее жесте неподдельную усталость. — Но что ж: чалекет может знать то, о чем больше никто не догадывается.

— Именно так, — пробормотал Даав, допивая вино. Поставив рюмку, он встал и поклонился, выражая приязнь и неподдельное уважение. — Если я могу как-то быть вам полезен, тетя, пожалуйста, сообщите мне. А если вы предпочтете не возиться с Посольскими апартаментами, то лингвист вполне может остановиться в Джелаза...

— Гости йос-Галанов, — сурово перебила его старуха, — останавливаются в доме йос-Галанов.

— Конечно, — согласился ее племянник и, подойдя к ней, нагнулся, чтобы поцеловать исхудалую щеку и осторожно прикоснуться к редким, выжженным волосам. — Не перестомляйтесь. Я полностью способен вам помочь.

Она адресовала ему свою слабую, насмешливую улыбку и подняла руку к его щеке.

— Ты — хороший мальчик, — тихо проговорила она и тут же раздраженно махнула рукой. — Убирайся. У меня дела.

— Да, тетя, — покорно откликнулся он и прошел через комнату своими быстрыми, неслышными шагами, растворившись в коридоре так, словно был бестелесной тенью.

Петрелла вздохнула и ушла в глубину своего кресла, со-средоточившись на жарком дыхании, которое шумно и болезненно рвало ее испорченные легкие. Прошло немало времени, прежде чем она уверилась в том, что не опозорится, — и звонком вызвала дворецкого.

Глава двенадцатая

О Драконах следует помнить то, что иметь с ними дело может далеко не всякий. Если вы им солжете, они вас обокрадут. Если вы нападете на них без причины, они вас растерзают. Если вы от них побежите, они вас засмеют.

Таким образом, с Драконами лучше всего держаться спокойно, открыто и честно. Дайте им все, что им причитается — не больше и не меньшее, — и они поступят с вами так же. Поддержите их — и они поддержат вас. Всегда помните, что Дракон — это в первую очередь Дракон, и только потом друг, напарник, любовник.

Никогда не считайте, что обнаружили слабое место Дракона, пока он не умер и не забыт, ибо радость преходяща, а месть Дракона — вечна.

Из «Лиадийской книги Драконов»

Эр Том вошел в свою душную арендованную квартиру, снял куртку и бросил ее на подлокотник сомнительного дивана. Будучи космолетчиком, он едва замечал отсутствие окон, хотя треск вентилятора тревожил чувства, привыкшие улавливать малейший шепоток, свидетельствующий о неполадке систем жизнеобеспечения.

Уверенно передвигаясь в полутьме, он прошел через гостиную в чулан и налил рюмку вина из бутылки, экспроприированной с «Пути Дракона».

«Честное красное вино, а не драгоценный мисравот Даава!» — подумал он с тихой улыбкой. Облокотившись на слишком высокий кухонный стол, он прикрыл глаза и сделал небольшой глоток.

Он чуть не потерял ее.

Эта мысль ужасала. И ужасала вдвойне, поскольку оказалось, что в те дни, когда за Шаном присматривала Марилла, она, как правило, приводила его вечером в рабочий кабинет Энн, потому что сама Рилли уходила вести вечерние занятия.

В зависимости от настроения ребенка Энн иногда действительно задерживалась на работе допоздна, проверяя работы, консультируя студентов и разбираясь с бумагами. Если бы в тот день Эр Том не занимался сыном...

— Несчастный случай, — сказал Джерзи Энталья, сидя на диване у Энн и смакуя настоящий кофе. — Просто глупое стеченье обстоятельств. По крайней мере так говорит администрация.

Он вздохнул — и внезапно стало видно, что он совершенно измучен.

— Конечно, они еще не разобрали завалы и не пересчитали погибших. И даже не обзвонили тех, у кого кабинеты в задней части здания, чтобы убедиться, что они все благополучно дома. — Он тряхнул головой. — Очень может быть, что когда у них руки дойдут до уборки, то в развалинах обнаружатся огромные куски термоядерной бомбы.

— А есть ли... прошу меня простить, — пробормотал в этот момент Эр Том, хотя ему неуместно было высказывать такую мысль, — не было ли мысли о... о сведении счетов?

Джерзи недоуменно заморгал.

— Он имеет в виду вендетту чести, — пояснила своему другу Энн и покачала головой. — Это маловероятно, Эр Том. Ведь все крыло рухнуло, помнишь? Не чей-то кабинет. И вообще, как можно начать вендетту против отделения лингвистики? Мы ведь просто куча пущистых гуманитариев. Если бы речь шла об отделении естественных наук, то можно было бы предположить, что они сунулись туда, куда кто-то не хотел их пускать, но языки? С тем же успехом можно взорвать отделение театральных искусств!

— Очень красивая идея, — объявил Джерзи с видом человека, цитирующего отрывок из Кодекса.

Энн рассмеялась.

— Угу, ну, мне пора убираться отсюда, — сказал Джерзи, поднимаясь с дивана. — Доброй ночи, Энн, доброй ночи, господин Йос-Галан. Как удачно, что вы оказались здесь, чтобы взять Самокатика.

Он протянул ему свою крупную кисть.

Эр Том встал и протянул свою руку, терпеливо вытерпев прикосновение чужака, покачавшего ему руку вверх и вниз. После этого он высвободил руку и поклонился, выражая почтение к приемному отцу своего сына.

— Будьте здоровы, Джерзи Энталья.

— Спасибо, — отозвался тот. — И вам того же.

После этого он ушел, а Эр Том — вскоре после него, чтобы вернуться в это жалкое жилище, которое все равно было немного более просторным, чем жилые помещения Энн. Он представил ее себе в Треалла Фантрол, где гостевые апартаменты могли похвастаться большими окнами, душистыми растениями и хорошей, изящной мебелью.

Он представил себе, как она будет гулять с ним по лужайкам, посетит лабиринт и Джелаза Казон. Он подумал, что покажет ей Дерево...

Она сказала, что не желает вступать в брак.

Эр Том открыл глаза и нахмурился на часы, криво висящие на стене перед ним.

Энн сказала, что не хочет вступать с ним в брак, но это была неправда. Она пылала к нему так же, как он — к ней, она с ужасом ждала того дня, когда они расстанутся. Он это знал. Сердцем он это знал, совершенно точно, безусловно, без всяких сомнений или даже вопроса о том, откуда он это знает.

Значит, Энн лгала. В конце концов он ведь мастер-купец. Неправда известна ему во всех ее позах, интонациях и выражениях лиц. И от Энн он никогда раньше лжи не видел.

Тогда почему же она солгала на этот раз? Он задумался над этим — а потом вспомнил, что научил ее бояться себя. Очень может быть, что эта ложь должна быть занесена на его счет — и она очень верно уравновесила счет.

Однако если Энн хочет брака с ним и отрицает это из страха, то дело еще можно будет уладить. Все его искусство торговца заключается в том, чтобы убедить людей, никогда не видевших некоего товара, что они должны сгорать от желания его заполучить. Насколько же легче вести торговлю в том случае, когда ведешь ее с человеком, который уже желает того, что ты можешь предложить...

— Постой!

Он резко откачнулся от столика и вышел в гостиную, где ударил рукой по неудобно расположенному выключателю.

«Я же предложил ей брачный контракт!» — в волнении подумал он. Это было все, что он имел возможность предложить, хотя это было не по правилам и наверняка заставило бы его пасть ниц перед своим Тоделмом, умоляя о прощении. Да, брачный контракт с Энн — особенно когда ребенок уже был фактом! — находился в сфере того, что было реально возможным.

Только... брачные контракты имеют быстро истекающие сроки, и супруги расстаются. А Энн страшится их будущего расставания так же сильно, как и он сам.

— А что, — спросил Эр Том у пустой комнаты, — если она желает пожизненного союза?

Это становится вопросом, который решает Делм. И хотя перспектива провести всю жизнь с Энн Дэвис может кружить голову Эр Тому йос-Галану, хранителем генов Клана, опекуном чистоты крови Семейств и арбитром союзов является Делм. Корвал не столь многочислен, как когда-то в прошлом, и у Делма вполне могут оказаться иные планы на гены Эр Тома. Наличие спутницы жизни сделает невозможным новые браки по контракту, в результате чего груз таких союзов ляжет на Карин — что смешно — и на Даава.

Корвал вполне — и со всеми на то основаниями — может запретить своему сыну Эр Тому радость пожизненного союза.

Или ему может быть разрешен такой союз — позднее. После того, как он целиком выполнит свой долг перед Кланом — сколько бы лет на это ни ушло.

— А я едва могу расстаться с ней на одну ночь!

Он грустно допил вино. Однако этот вопрос был вне его компетенции, а в сфере решений Делма, который примет во внимание благо Клана и не предпримет ничего, пока Эр Том не изложит перед ним всю проблему.

Размышляя таким образом об обычаях и потребностях Клана — и делая это с непривычным неудовольствием, — он вернулся в чулан за новой рюмкой вина, которую отнес к секретеру.

«Я изложу все Дааву, — сказал он себе. — Он сможет рассказать мне о нуждах Клана и о том, каким может быть решение Делма».

И Даав, будучи разведчиком, не станет в ужасе отвращать лица от того, кто признается в верной любви к землянке...

Сидя в слишком широком кресле и не доставая ногами до пола, Эр Том открыл переносной комм, захваченный с корабля, и нажал кнопку включения.

Индикатор пришедшего послания замигал в правом верхнем углу экрана, голубой и настойчивый.

Так. Помимо послания Делму, он также связался с первым помощником, но — и тут у него виновато засосало под ложечкой — не с матерью. «Что еще более неправильно, — подумал он. — Брат, посмотри только, что стало с тем, кто всегда выполнял свой долг!»

Он вызвал сообщение и уже через секунду смотрел на краткую записку от своего Делма, который желал узнать подробности о долге Корвала в отношении Достойного Филолога Энн Дэвис и об ошибке, которая потребовала этого сведения счетов.

— Ха!

Эр Том очистил экран и сделал глоток вина, пытаясь сообразить, как лучше ответить на запрос Делма. Отставляя рюмку, он увидел, что индикатор сообщений продолжает мигать, и снова нажал кнопку приема.

«Дорогой, в какую безумную заваруху ты попал? — За словами на экране он почти услышал голос Даава — и улыбнулся. — И что еще хуже, как я могу исполнить братский долг и помочь тебе испортить твою жизнь, если не буду Знать Все? И что еще хуже, я сообщил твоей матери и моей тетке о дате твоего возвращения и о приезде гостя, с каковой беседы еле унес ноги живым. Пожалуйста, верь, что я готов пойти для тебя на смерть, но могу я хотя бы узнать, ради чего?»

Я с нетерпением жду знакомства с моим новым племянником и с его матерью — леди, которой я давно восхищался издалека. Готовясь к ее визиту, я заказал все ее работы и сейчас их читаю, так что, как видишь, я не намерен тебя осра-

мить. На тот случай если ты не подозревал о масштабах работ этой леди, я очень рекомендую тебе обратиться к справочнику «Кто есть кто среди земных ученых».

Тем временем, брат, можешь смело обращаться ко мне за любой услугой, какую я могу тебе оказать. Будь благополучен. Спокойного полета. И пусть удача сидит на твоем плече до нашей новой встречи.

Со всей любовью,

Даав».

— Я тоже люблю тебя, денубиа, — пробормотал Эр Том, а потом ухмыльнулся.

«Кто есть кто среди земных ученых», вот как? На самом деле он был осведомлен о характере исследований Энн, хотя и ему не помешает прочитать ее опубликованные работы. Его знания основаны на том, что она говорила о своих теориях и наблюдениях. И он должен был честно признаться, что слушал ее не потому, что его очень захватывали ее теории, а потому, что звук ее голоса доставлял ему глубокое, невыразимое удовольствие.

Тем не менее это было предметом их постоянных шуток — то, что наукой интересовался Даав. Ведь, в конце концов, кто такой разведчик, как не ученый, который работает с опасностью для жизни? Тем временем мастер-купец йос-Галан, с его склонностью к статистике и страстью к новым рынкам, чаще других бумаг читал торговые декларации.

Улыбка Эр Тома погасла, и он откинулся на спинку кресла, снова задумавшись о том, как облечь в строчки упорядоченных слов ситуацию, которая с каждым днем становилась все более запутанной. Не важно, кому будет адресовано это сообщение — чалекет или Делму.

Задумчиво отпивая вино, он решил, что ему необходим план действий. Наверное, лучше всего будет успокоить подозрения, которые он теперь внушает Энн, и мягко заставить ее понять, что она, конечно же, должна лететь на Лиад. Долг перед ее умершим другом совершенно ясен — и он не сомневался в том, что она это понимает. Когда она заявляет, что останется на Университете и не отправится на Лиад, ее устами говорит страх. И ко-

нечно, любого должно тревожить первое столкновение с обществом Солситры. Хотя гостья Корвала, конечно, будет пользоваться всей честью, которая принадлежит их Дому. Общество не слишком умно, но осмотрительно.

Так. Энн будет мягко убеждена ехать. Шан будет Увиден Делмом, и затем, если боги будут благосклонны, и Тоделмом йос-Галанов. По-видимому, его мать тоже придется убеждать, но ввиду того, что ребенок уже будет Увиден Корвалом, она вряд ли будет настолько обижена, что не примет дитя как йос-Галана, независимо от того, чистая у него кровь или смешанная.

В качестве гости йос-Галанов Энн сможет привыкнуть к Лиад... «А Лиад — к Энн», — с иронией подумал он... и выполнить свой долг. Тем временем Эр Том подумает над тем, как лучше высказать Делму свои желания, — и поговорит об этом со своим чалекет, лицом к лицу, за рюмкой-другой, с братским теплом.

Он решил, что удовлетворительное решение найдено. Его действия не будут слишком резкими и имеют некоторые шансы на успех — если он будет очень осторожен и разыграет все ходы с максимальной предусмотрительностью и мастерством. Он вспомнил о том, что Даав — редкостный игрок в контракшанс, и улыбнулся.

Ну что ж. Если подумать, то брат может оказать ему одну услугу. Эр Том придинул к себе пульт. Он напишет ему короткое послание, а потом отправится в постель, потому что надо будет встать рано и присматривать за Шаном, пока Энн сходит в администрацию и узнает, что она должна теперь делать — ведь ее рабочее место разрушено.

Глава тринадцатая

В галактике имеется несколько миллионов купцов, но Торговой Комиссией на Вандике зарегистрировано только 300 мастер-купцов. До последнего времени все 300 были лиадийцами. Это постепенно меня-

ется, поскольку земляне начинают более успешно работать в сфере торговли и могут себе позволить дорогостоящие и многосторонние сертификационные проверки.

Работа мастер-купца — землянина или лиадийца — очень сложна и требует тесного знакомства с правилами тысяч торговых портов, а также инстинктивного знания того, что именно принесет прибыль в каждом из них. Мастер-купцы часто составляют свои маршруты в ходе торговли, и некоторые не заходят в родной порт по пять лет.

Менее высоко стоящие купцы обычно ходят по установленному маршруту, который, как правило, разрабатывается и планируется мастер-купцом.

Лучшие мастер-купцы характеризуются как хладнокровные, рассудительные и умеющие убеждать универсалы, одержимые страстью к торговле.

Из «Книги Торговли для детей»

Эр Том хмуро смотрел на тесный экран переносного ком-ма и гадал, сколько именно и кому Джил вен-Эпон заплатила за честь называться Мастером Купеческого Дела.

— Литий, боги! — пробормотал он, протягивая руку за кружкой чая, стоящей рядом. — Предприятие с надежностью лунного света, и она просит у меня сто кантр за право участвовать в деле, да так хладнокровно, словно имеет на это право! О чем она думает? И утверждает еще, будто пользуется поддержкой йо-Лэни и Иврекса!

Он сделал паузу и глоток отвратительного земного чая, размышляя над столь небрежным заявлением о поддержке.

Ни йо-Лэни, ни Иврекс не имели класса мастера, но были солидными и надежными купцами из солидных и надежных кланов. По всем правилам им следовало бы почутить запашок у этого плана — так же, как его почуял Эр Том.

Является ли утверждение вен-Эпон лживым, в каковом случае она еще глупее, чем ему кажется? Или ее утверждение истинно, и она намерена облегчить максимально мно-

го кошельков прежде, чем ее вызовут мастера Гильдии, и ее лицензия...

— Мирада!

Оклик сопровождался толчком по локтию, который чуть было не отправил содержимое его кружки в полет.

Эр Том бережно поставил кружку подальше и развернул кресло так, чтобы оказаться лицом к просителю.

— Шан-сын, — серьезно проговорил он на низком лиадийском, — чем я могу тебе служить?

Мальчик с сомнением посмотрел на него, сжимая обеими руками красный пластиковый пульт с экраном.

Эр Том улыбнулся и протянул руку, погладив снежно-белые волосы.

«Какой странный цвет, — подумал он. — Конечно, они потемнеют, когда он станет старше...»

— Мой сын, — пробормотал он на своем аккуратном земном, — что я могу для тебя сделать?

Забавное лицо расплылось в улыбке, и Шан водрузил свою игрушку на колени Эр Тому.

— Все сделал, — заявил он с видом человека, который все ясно объяснил.

— О!

Эр Том посмотрел на устройство. Грязные белые буквы на ярко-красном фоне объявляли, что это «Смешай и Составь». Экран был узенький, клавиши — чересчур крупные, не очень подходящие для тех, кто еще слишком мал, чтобы овладеть мелкими движениями. Он наугад нажал одну.

«Этот модуль успешно выполнен, — сообщил ему жизнерадостный женский голос. — Просьба вставить модуль номер пять, чтобы продолжить работу».

— Все сделал, — пояснил Шан, уютно привалившись к ноге Эр Тома и указывая на пустой экран. — Нужно новый. Мирада.

— Минутку, будь добр, — отозвался Эр Том, обхватывая мальчика левой рукой и регулируя маленький экран на меньшую яркость. — Я хотел бы посмотреть на старый...

Очень быстро он отыскал правила пользования игрушкой, из которых узнал, что игра «Смешай и Составь» предназ-

начена для развития умения распознавать образы, зрительно-двигательной координации и памяти, а также должна закладывать основы понимания причинно-следственных связей. Модуль четыре, который только что завершил Шан, был рассчитан на использование детьми в возрасте от 36 до 40 месяцев. Эр Том нахмурился.

Дальнейший поиск обнаружил базу данных модуля, из которой выяснилось, что результаты Шана находятся на уровне девяноста восьми процентов — одно из высочайших достижений для всех, кто выполнял задачи этого модуля.

— Отлично! — сказал Эр Том, выключая игрушку и кладя простой компьютер на рабочий стол Энн. Наклонившись, он крепче обнял Шана и потерся щекой о мягкие волосы такого странного цвета. — Гешада, Шан-сын. Ты действительно молоц.

Шан завертелся в его объятиях.

— Ги-шада! — объявил он и рассмеялся.

Эр Том негромко подхватил его смех и разжал руки.

— И где же новые, о мой умник?

Он забылся и задал вопрос на низком лиадийском. Однако Шан, почти не колеблясь, схватил Эр Тома за руку и потянул за нее.

— Пойдем, Мирада. Нужен новый.

— Ты уже говорил.

Он встал и разрешил протащить себя через комнату туда, где спала древняя и поцарапанная полуухора Энн, закутанная в пластик. Под ней находился стол из настоящего дерева.

— Здесь, — сказал Шан, выпуская руку Эр Тома. Он наклонился и начал безрезультаатно дергать единственный ящик стола. Шумно вздохнув, он выпрямился и посмотрел на Эр Тома невинными серебристыми глазами. — Застрял.

— Вижу.

Он нагнулся и потянул ящик.

Тот действительно выдвигался немного туго — но не слишком. Однако, когда его открыли, он оказался пуст.

— Больше нет! — обнаружил Шан, заглядывая внутрь. Он покачал головой. — Ну хорошо.

«Ну хорошо — еще бы, — подумал Эр Том. — А ребенок уже опережает модули...»

— Показать тебе, как работает мой компьютер? — предложил он, протягивая вниз руку. Шан ухватился за нее — как всегда, без колебаний, — и они пошли к письменному столу Энн.

Эр Том уселся в большое кресло и посадил ребенка себе на колени. Он на время закрыл нахальное письмо Джил вен-Эпон и пододвинул пульт поближе, отладив высоту экрана.

Согласно данным «Смешай и Составь», его производителем была фирма «Продукты Бинтелла».

— Так уж получилось, — негромко сообщил сыну Эр Том, нажимая нужные клавиши, — что Корвал ведет торговлю с дочерними фирмами «Продуктов Бинтелла». Мы сможем без особого труда отыскать весь набор модулей.

На это ушло несколько минут, и все это время завороженный Шан сидел верхом на коленях отца, не отрывая взгляда от экрана и мелькающих на нем данных.

— Ну вот.

Эр Том остановил изображение, выделил свой выбор и запросил более полную информацию.

— По-моему, нам следует заказать тебе этот самый «Доскобуч», — рассеянно пробормотал он на низком лиадийском. — Ты находишь «Смешай и Составь» чересчур легким, правда? «Доскобуч» обладает сложностью. Самопрограммирование, индивидуальная структура обучения... да! Я думаю, что это тебе чрезвычайно понравится, денубии.

Он сделал заказ. Увы, его должны были доставить в Тре-алла Фантрол, поскольку доставка на Университет была бы осуществлена спустя несколько недель после того, как Шан окажется на Лиад.

— Ну вот.

Он закрыл список товаров и снова открыл рабочий экран. У него на коленях Шан издал вздох полного удовлетворения.

— Быстро, — заметил он, протягивая руку к клавиатуре.

Эр Том поймал быстрые жадные пальчики и слегка их сжал.

— Это — мой, — твердо сказал он на земном. — Если хочешь, то можешь смотреть, как я работаю, или можешь заняться чем-то другим.

— Смотреть, — решил его сын безо всяких колебаний и уютно прижался к его груди. — Говори... расскажи мне свою работу, Мирада.

— А!

Он прикоснулся к клавишам, вызывая информацию по «Мандрагоре», одному из небольших торговых кораблей Корвала. — Нам надо подумать, как лучше использовать Дил Тона сиг-Эрлана на этом маршруте. Он еще очень юн, видишь ли, хотя и имеет некоторый опыт. По правде говоря, у него может оказаться достаточно способностей, чтобы получить ранг мастера. И долг того, кто уже стал мастером, заключается в том, чтобы предоставить ему возможность развиваться и оттачивать свой талант — но не слишком быстро. Мы не хотим погубить его слишком большим количеством ошибок или слишком большими успехами.

Он откинулся назад — и Шан сделал то же, так что его макушка оказалась под подбородком Эр Тома. Мужчина улыбнулся, обхватил ребенка руками и закрыл глаза, размышая о Дил Тоне сиг-Эрлане.

На литаксинском маршруте было не так уж много места для творчества. Это был маршрут в лучшем случае второстепенный, и в него входило семь планет. Его сохраняли только из-за старинных связей Корвала с Эробом, главным кланом Литаксина. Однако должен был найтись какой-то способ проверить, из чего сделан сиг-Эрлан, выбить его из рутины и бросить в неожиданное...

— А! — Эр Том открыл глаза, вспомнив нечто очень странное, что уже несколько лет без движения лежало в одном углу третьего склада Корвала в Солсентре. — Думаю, это как раз то, что нужно. Да.

Он подался вперед и добавил в список грузов «Мандрагоры» еще одну строчку.

— Что сделал? — спросил Шан, ухватив взрослого за рукав.

— Я сделал юному сиг-Эрлану подарок, — ответил Эр Том, нажимая иконку «отправить». — И пусть он принесет ему радость.

Он улыбнулся и потянулся, зацепившись взглядом за указатель времени в верхнем углу экрана.

— Проголодался? — спросил он у Шана и получил полный энтузиазма утвердительный ответ.

— Прекрасно. — Он поставил ребенка на пол и встал, протягивая ему руку. — Пойдем приготовим ленч.

Небо было голубым с едва заметной прозеленью, воздух был напоен ароматами цветов.

Даав йос-Фелиум с привычной небрежностью бросал обтекаемый автомобиль в повороты и зигзаги подъездной аллеи Треалла Фантрол. Останавливаясь на стоянке, он увидел мать Эр Тома: она сидела на Восточной террасе, греясь на солнце. У нее на коленях лежала неоткрытая книга в переплете. Он вздохнул, справляясь со старой печалью, и направился по газону прямо к старой женщине.

— Доброе утро, тетя Петрелла!

Она подняла голову, не пытаясь встать с кресла. Значит, у нее плохой день.

— Полагаю, достаточно доброе — для тех, у кого нет других дел, как только носиться в модных машинах.

Он ухмыльнулся.

— О, но я не только ношуся. На самом деле вы наблюдаете меня в тот момент, когда я весь полон деловитости. Я только сегодня получил узколучевое послание от моего брата Эр Тома, в котором он попросил меня купить от его имени концертную омнихору и проследить, чтобы ее немедленно доставили к нему домой. От имени моего брата я так и сделал. Ее должны доставить сегодня днем.

Она возмущенно воззрилась на него.

— Омнихору?

— Омнихору, — согласился он с подобающей серьезностью.

— Эр Том не играет на омнихоре, — мрачно сообщила мать этого господина.

— О! Тогда, возможно, инструмент предназначен гостю, — предположил Даав, широко раскрыв глаза в совершенно неискренней кротости. — Вы ведь знаете, тетя, что долг велит нам заботиться об удобстве и благополучии гостей.

— Учишь меня Кодексу, насколько я понимаю, — презрительно сказала Петрелла. — Бессчетные благодарности преподавателю.

Даав бесстрастно поклонился, любезно принимая высказанную благодарность. Петрелла фыркнула.

— Все-то ты знаешь, а? Надо полагать, тебе известно и имя уважаемого филолога, который станет нашим гостем. Однако непонятно, когда ты сочтешь нужным поделиться этой информацией.

— От вас, тетя Петрелла, у меня нет тайн! — нахально заявил ей племянник. — Имя филолога — Энн Дэвис.

— Энн Дэвис, — повторила она, поджимая губы. — И Энн Дэвис — естественно — специалист по омнихоре. Видимо, встреченная на каком-то чудесном музыкальном вечере, что устроили те, кто так любит...

— Полагаю, — мягко прервал ее Даав, — что Энн Дэвис занимается сравнительной лингвистикой и работает на факультете Лингвистики, базирующимся на Университете. Если вы желаете, я могу переслать вам копии ее публикаций, — тут он поклонился, — чтобы вы могли вести осведомленный разговор с гостью.

— Еще один урок манер! Я совершенно потрясена. А все же, какое отношение к ученному филологу может иметь концертная омнихора?

— Возможно, — предположил Даав еще мягче, — это хобби.

Петрелла колебалась, устремив на него чуть сощуренные глаза. Даав славился чрезвычайным — и даже глупым — добродушием. Однако этот ласково-мягкий тон был хорошим предостережением для всех, кто хорошо его знал: Даав был готов разгневаться, а в этом состоянии даже его чалекет едва мог возвратить к его разуму.

Вот почему Петрелла несколько смягчила свой напор и наклонила голову.

— Возможно, это действительно, как ты сказал, хобби. Несомненно, мы узнаем больше, когда филолог окажется среди нас. — Она подняла голову и шевельнула обеими руками в жесте вопроса. — Приходится только удивляться, что этому филологу вообще захотелось к нам прилететь.

Наступило недолгое молчание.

— Мой чалекет позволил мне узнать, что лингвист Дэвис была в дружбе с филологом йо-Керой из Университета Солситри. Достопочтенный филолог йо-Кера недавно скончался, и долг дружбы призвал филолога Дэвис на Солситру.

— Понимаю.

Это было вполне разумное объяснение, если не считать самого факта знакомства Эр Тома с филологом Дэвис. Петрелла подозревала, что этого объяснения ей не дают преднамеренно.

Однако еще один пристальный взгляд на племянника подсказал ей, что правильнее всего было бы оставить этот вопрос до той поры, пока она не сможет услышать всю историю, от начала и до конца, из уст своего наследника.

Выбрав осторожность, Петрелла наклонила голову.

— Приношу мою благодарность. Есть еще что-то, что можно узнать о гостью заранее, чтобы наиболее полно обеспечить ее комфорт и благополучие?

В глубине темных глаз Даава вспыхнули искры смеха. Он слегка поклонился.

— Полагаю, что нет. А теперь, с вашего разрешения, тетя, мне надо удалиться. Долг зовет.

— Конечно. Желаю тебе доброго дня.

— И я вам желаю доброго дня, тетя Петрелла.

И он бесшумно удалился по синевато-зеленой траве.

«Омнихора! — думала она, провожая взглядом машину Даава, пронесшуюся по подъездной аллее. — И ее доставят сегодня днем, боги! И если гостья преуспевает в своем хобби...»

С негромким ворчанием она вызвала господина пак-Ору.

— Сегодня днем сюда доставят омнихору. Проследите за ее установкой.

— Установкой, Тоделм?

Она выпрямилась в своем кресле, игнорируя боль, которую ей это причинило.

— Да, установкой. Говорят, что в бронзовой гостиной хорошая акустика. Пусть ее установят там. У нас будет музикальный салон.

Дворецкий поклонился.

— Будет сделано, Тоделм, — пообещал он и, тонко чувствуя ее настроение, поспешил удалиться.

Оставшись одна, Петрелла прикоснулась к своей книге, но не стала ее открывать. Спустя какое-то время она задремала на теплом солнце, и сон ее был таким крепким, что она не услышала ни как доставили омнихору, ни как прибыл специалист, которого поспешило вызвали, чтобы заняться акустикой бронзовой гостиной.

Глава четырнадцатая

Гильдия так называемых Целителей — интерактивных эмпатов — имеется в каждом лиадийском городе.

К Целителям обращаются для лечения таких заболеваний, как депрессия, наркомания и другие психологические расстройства. Несомненно, Целители являются умелыми психотерапевтами и могут похвастаться высоким процентом излечений.

Считается, что Целители способны стереть любое воспоминание со всех уровней сознания пациента. Говорят, что они, используя свои паранормальные способности, могут оказывать прямое воздействие на поведение человека, однако правила Гильдии недвусмысленно запрещают такого рода деятельность.

Из «Опровержения телепатии»

Мелодия развивалась по своей собственной логике, сдавая голубую стену звука, защищавшую Энн Дэвис от утомительных мыслей.

Эр Том купал Шана: это мероприятие уже шло в тот момент, когда она вернулась домой, и, похоже, требовало одновременной стирки рубашки Эр Тома. На секунду заглянув в крошечную ванную и быстро поздоровавшись с отцом и сыном, Энн сбежала, как это часто бывало в трудные моменты, в гостиную, к инструменту.

Сейчас музыка поменяла направление, и пальцы Энн послушно последовали за ней. Ее разум был за пределами мыслей, в каком-то совершенно ином пространстве, где существовали только звук, текстура и инстинкт.

Закрыв глаза, она превратилась в музыку и пребывала в этом состоянии неизвестно сколько времени — пока ее внимание не привлек тонкий, слышный внутренним ухом незвук: ее сын был рядом.

Она неохотно отделилась от музыки, сняла пальцы с клавиатуры и открыла глаза.

Шан стоял рядом с ней, уже в пижаме. Серебряные глаза на смуглом худеньком личике казались огромными.

— Красивые искры! — выдохнул он.

Энн улыбнулась и наклонилась, чтобы поднять его к себе на колени.

— Значит, опять искры, малыш? Ну, это очень удачный способ делать комплименты. Я вижу, ты весь чистый. А твой папа остался жив?

— Он часто их видит? — Это был Эр Том, такой же серьезный и негромкий, как обычно, хотя его темно-синяя рубашка намокла так же сильно, как и его волосы. В ответ на ее непонимающий взгляд он поднял руку в размеренном жесте: — Эти... искры.

— А кто может знать, видит ли он их сейчас? — отозвалась Энн, ероша Шану влажные волосы. — Когда его спрашивают, где эти искры, то ответом бывает удивленный взгляд и палец, направленный в пустое пространство. — Она резко подалась к сыну и обняла его. — Мама тебя любит, Шанни. Со всеми твоими искрами.

— Люблю маму! — Это заявление сопровождалось крепким поцелуем в щеку и нетерпеливым ерзанием. — Шан идет.

— Шан идет спать, — сообщила ему мать, умело перехватив его так, чтобы встать, продолжая держать его на руках.

— Мирада!

Но если он рассчитывал на поддержку с этой стороны, то он ошибся.

— В постель, как говорит твоя мать, — твердо сказал Эр Том. — Мы пожелаем тебе доброй ночи, и ты заснешь.

Энн ухмыльнулась.

— План. И даже удачный план. Посмотрим, как он выдержит проверку делом.

— Безусловно.

Он чуть поклонился, явно забавляясь, а потом прошел перед ней и открыл дверь спальни.

— Не хочу спать! — громко объявил Шан и сделал еще одну неудачную попытку обрести свободу.

— Шанни! — Энн остановилась и посмотрела на него, хмуря брови. — Пора спать. Будь хорошим мальчиком.

Секунду ей казалось, что он станет настаивать: пару мгновений он упрямо смотрел на нее, но потом вздохнул и положил голову ей на плечо.

— Пора спать, — признал он. — Хороший.

— Хороший мальчик, — повторила Энн.

Она унесла его в спальню и уложила в кроватку рядом с Мышом.

— Доброй ночи, Шанни. Крепко спи.

Она поправила ему одеяло, а потом отступила в сторону, пропуская Эр Тома.

— Доброй ночи, мой сын, — пробормотал он на земном и наклонился, чтобы нежно поцеловать Шана в губы. Выпрямившись, он добавил по-лиадийски: — Чиатабей крузон — спи сладко.

— Поконочи, ма. Поконочи, Мирада.

— Спи, — сказал Эр Том и жестом пригласил Энн идти первой.

Она пошла в гостиную, и он направился следом, полузакрыв дверь. В гостиной он улыбнулся и поклонился:

— План проверен в полевых условиях. Будешь вино?

— Вино — это было бы очень приятно, — отозвалась она, вдруг снова ощутив всю свою усталость. Она покачала головой. — Но я сама налью, Эр Том. Ты так вымок...

— Уже нет, — мягко прервал он ее, попробовав рукав большими и указательным пальцами. — Эта ткань быстро сохнет. — Он быстро провел пальцами по ярко-золотым прядям и поморщился. — Но вот волосы...

Энн рассмеялась.

— Приключения при купании! Тебе не обязательно было брать это на себя, мой друг. Я знаю, что Шан бывает шалуном...

— Не большим, чем были в его возрасте мы с Даавом, — негромко заметил Эр Том, направляясь на кухню. — Судя по тем историям, которые нам рассказывали. Хотя со временем я, похоже, утратил умение, с помощью которого суп попадал в уши...

— Это — дар, — серьезно сообщила ему Энн, привалившись бедром к кухонному столу.

— Вполне возможно, — отозвался он, не поворачиваясь к ней в своих розысках рюмок, штопора и бутылки с вином.

Энн завела руки за спину, положив ладони на крышку стола, и стала наблюдать за его плавными и ловкими движениями. Ее мысли куда-то поплыли, переключившись на стройное золотистое тело, скрытое сейчас под темно-синей рубашкой и серыми брюками. Это было чудесное тело: неожиданно сильное, чарующе гибкое, безусловно, сладко и тепло мужское... Энн беззвучно ахнула, ощущив удручающий прилив желания.

На другом конце крошечной кухни Эр Том уронил рюмку.

Она звякнула о край стола, освободив вино сверкающей рубиновой дугой, и, повинувшись силе тяжести, полетела к полу.

В ту же секунду он пришел в движение: рука стремительно опустилась вниз, спасла рюмку от превращения в осколки и плавно вернула ее в правильное положение, поставив на забрызганный вином стол.

— Прости меня, — проговорил он, чуть задыхаясь. Его широко открытые лиловые глаза были полны растерянности. — Я обычно не бываю таким неуклюжим.

— Это... бывает с... каждым, — отозвалась Энн, тоже задыхаясь. — И ты потрясающе ее спас. По-моему, рюмка осталась цела. Ну-ка...

Радуясь возможности оторваться от этих ярких, проницательных глаз, она вытащила из настенной пачки несколько бумажных полотенец и пошла вытираять столик, избегая его взгляда.

— Немного уберемся, и все будет в полном порядке. Хотя вино жаль.

— Вино есть еще, — ответил Эр Том.

Он вдруг оказался слишком близко для того, чтобы она могла чувствовать себя спокойно. Энн выпрямилась, но оказалась зажатой между столиком и Эр Томом и беспомощно посмотрела в его лицо.

Он поднял руки, демонстрируя ей пустые ладони.

— Энн...

— Эр Том... — Она судорожно сглотнула, чувствуя страшную растерянность. Уверяя себя в том, что он никак не мог подслушать ее страстные мысли, она помимо собственной воли спросила: — Эр Том, а ты сам видишь искры?

— А! — Он опустил руки, медленно, продолжая держать их на виду, пока они не упали, открытые и безопасные, вниз. — Я — не Целитель, — серьезно сказал он. — Однако тебе следует знать: Корвал дал немало Целителей и... и еще драмлиза.

Драмлизы — так назывались волшебники (за неимением более точного слова), намного более сильные, чем Целители. Способности драмлиз включали в себя интерактивную эмпатию, а к ней прибавлялось еще множество всего: телепортация, транслокация, телекинез, пирокинез, телепатия... Все пункты из списка чудесных способностей, которые в любую историческую эпоху приписывались любому шаману, ведьме или магу, достойным своего звания.

Если верить в подобные вещи.

«А Шан, — подумала Энн смятенно, — видит искры».

— Я... понимаю. — Она перевела дыхание и сумела выдать неуверенную улыбку. — Наверное, мне следовало внимательнее рассмотреть... насколько хороши твои гены.

Это была неудачная шутка — и даже опасная, но в глазах Эр Тома заискрился веселый смех.

— Конечно, следовало. Однако сделанного не вернешь, и нечего плакать над пролитым вином. — Он отступил назад и мягко поклонился. — Почему бы не пойти в комнату и не устроиться... удобно? Я через минуту принесу вино.

— Хорошо.

Она проскользнула мимо него, старательно избегая прикосновения даже к его рукаву, — и сбежала в гостиную.

— Ох, все просто ужасно, — говорила она через несколько минут, отвечая на его вопрос. — Администрация ведет себя просто скверно. Казалось бы... А, ладно.

Она вздохнула.

— Самая хорошая новость — это то, что все оказались на местах. Но чего это будет стоить в отношении работы... Профессор Диллинг все собрание только стоял в углу и трясясь, бедняжка. Я подошла к нему, чтобы узнать, не могу ли я чем-нибудь ему помочь, но он только твердил: «Тридцать лет исследований пропали. Пропали!»

Она снова вздохнула и повела своими крупными кистями, выражая полную беспомощность, а потом бессильно откинулась на диван.

— Но ведь компьютерные файлы... — пробормотал Эр Том из противоположного угла дивана.

— Бумаги, — устало поправила его Энн. — Старинные земные музыкальные записи. Среди них — оригиналы музыкальных произведений. Я пару раз помогала ему с ними разбираться. Его кабинет был настоящим складом. Бумаги, старинные инструменты — металл, дерево... Все разлетелось на части. Мелкие, крошечные части, как говорит Джерзи.

Она потянулась за своей рюмкой.

— А твоя работа? — тихо спросил Эр Том.

Энн засмеялась, хотя и без своей обычной веселости.

— О, я одна из самых везучих. Я потеряла последний вариант новой монографии, но предыдущий сохранился где-то в брюхе Главного компьютера. Кое-какие студенческие рабо-

ты, файлы, планы занятий — это самые большие потери. Все важное — записи, заметки, моя переписка — хранилось в архиве, который я делю с Джерзи, в крыле Театральных искусств. Думаю, их здание даже не тряхнуло.

— Ты счастливая.

На этот раз ее смех был уже по-настоящему веселым.

— Скорее склонная к паранойе. Мне не хотелось, чтобы моя работа валялась там, где ее мог бы взять и прочитать любой. Как правило, когда я над чем-то работаю, то держу записи при себе — прямо в портфеле. А в Главном компьютере мой файл имеет защиту и тройную кодировку. — Она крико улыбнулась. — Добро пожаловать в мир ученых-разбойников. Публикуйтесь или погибайте, господа: ваш выбор!

— Кто овладел контрашансом, овладел миром, — процитировал Эр Том по-лиадийски. Он чуть наклонил голову. — Ваша администрация... на тебя возложили новые обязанности в свете этой чрезвычайной ситуации?

— Нисколько! — заверила его Энн. — От нас требуют только, чтобы мы действовали так, как было бы, если бы факультет лингвистики не был... перестроен... таким несколько экстремальным способом. Экзамены должны состояться по расписанию. Администрация отыскала и выделила... альтернативные помещения! Оценки следует проставить в должные сроки — и никаких отговорок.

Она вскинула руки в жесте возмущения.

— Некоторые преподаватели потеряли все! Экзаменационные работы, которые они уже провели, похоронены под тоннами обломков, вместе с экзаменационными работами, которые только предстояло провести! Я по чистой, глупой случайности принесла свои домой, иначе мне пришлось бы проставлять финальные оценки совершенно наугад!

— А! — Эр Том отпил немного вина. — Взрыв... причину уже установили?

— Случайность, — отозвалась Энн, устало потирая затылок. — Что значит: они не знают. Не то чтобы они сказали простым преподавателям правду, даже если бы знали, — добавила она.

Она поднесла рюмку к губам и прикрыла глаза. Эр Том сидел молча, глядя на ее замкнутое лицо и усталые морщинки — и всем сердцем ненавидя требования необходимости.

«О полете на Лиад можно будет поговорить и завтра, — сказал он себе. — Она совершенно измучена и переволновалась». Он пригубил вино, пытаясь решить, позволяют ли приличия предложить вызвать к ней Целителя. Его возмущало, что эта услуга не была предложена ее работодателями. Люди едва избежали гибели вместе со зданием, в котором проходила их работа! Целители должны были бы присутствовать сегодня на встрече с администрацией и помочь всем, кто в этом нуждался. Если бы кто-нибудь из его команды пережил подобный стресс...

— Какое чудесное вино! — пробормотала Энн, открывая глаза. — Еgo ты точно купил не в местном магазине!

Он улыбнулся:

— Увы. Оно из личных запасов «Валкон Мелада» — корабля моего брата, который он... одолжил мне на этот полет.

— А разве он не будет немного недоволен тем, что ты выпил все его потрясающее красное вино? — поинтересовалась она.

Взгляд ее был странно пристальным, хотя вопрос был почти пустым.

— Даав не слишком любит красное, — ответил ей Эр Том, улыбнувшись своему отсутствующему родичу. Он повел плечами. — Но ведь мы же братья. Как можно ожидать, что мне принадлежит нечто, что не его, или ему — нечто не мое?

— Я... понимаю. — Энн моргнула и с удовольствием отпила еще глоток вина. — Он намного старше тебя?

— А? О нет, он младше... — Взмах руки отмел разницу, как ничего не значащую. — Это вопрос нескольких релюмм — пустяк. Ты увидишь, когда будешь у нас гостить.

Это была мелочь, и он не собирался развивать эту тему, но губы Энн сжались, а спина решительно выпрямилась.

— Я решила, — объявила она, не глядя ему в лицо, — что не полечу на Лиад. И Шан тоже.

Это было явным приглашением торговаться, и его следовало принять, немедленно и полностью.

— О!

Эр Том сделал глоток, ощущая вкус не столько вина, сколько печали из-за того, что она заставила его вести этот разговор именно сейчас, когда ее силы так истощены, а им движет необходимость — и к тому же он мастер-купец!

— Конечно, решение принимаешь ты, — негромко проговорил он, поворачивая к ней лицо, — в том, что касается тебя. Что до Шана, то это другое дело, как мы уже говорили. Делм должен его Увидеть. Существует необходимость.

Этот ответ был мягче того, что он дал бы любому другому в такой ситуации, — и все же ее лицо явно побледнело.

— Ты готов украсть у меня моего сына, Эр Том?

Ее голос звучал почти хрипло, в глазах начал разгораться гнев.

— Я не вор, — спокойно отозвался он. — Ребенок назван йос-Галаном. Ты сама так его назвала. Если существует вопрос о... принадлежности... то закон совершенно ясен.

Он пригубил вино, намеренно оттягивая время, когда надо будет посмотреть на нее.

Она действительно побледнела, на глазах ее блестели слезы, а губы превратились в линию боли — такой глубокой, что он прекратил торговаться и, вопреки здравому смыслу, поился вперед, чтобы взять ее руку обеими своими.

— Энн, тут Совету Кланов решать нечего. Между нами нет ничего такого, что бы сделало одного из нас вором! Шан — наш ребенок. Что может быть лучше, чем если бы оба его родителя поставили его перед Делмом, как положено и как подобает? А что до полного отказа от поездки — то как же твой друг, который умер и оставил тебе долг? Ты ведь не можешь отбросить эту необходимость, не говоря о другой...

Услышав себя, он понял, что бредит. Какое право он имеет говорить подобным образом? Требовать от нее выполнения долга и соблюдения требований чести? Что...

Она вырвала руку и в страхе прижала ее к груди.

— Эр Том, — проговорила она дрожащим голосом, хотя глаза ее были устремлены прямо на него, — я не лиадийка.

— Я знаю, — отозвался он, и его голос был едва громче шепота. — Энн. Я знаю.

Долгие мгновения они сидели так: ее глаза были прикованы к его глазам, оба не в состоянии были пошевелиться.

— У тебя неприятности, — медленно проговорила она, и в ее голосе звучала полная убежденность. — Эр Том, почему ты сюда прилетел?

— Увидеть тебя... еще раз, — ответил он с полной правдивостью, которую человек не обязан проявлять ни к кому, кроме родни — или спутника жизни. — Чтобы сказать — я тебя люблю.

— Только это?

— Да.

— Ты все это сделал, — сказала Энн, и лицо ее было мокрым от слез, хотя она так и не отвела взгляда. — Теперь ты можешь вернуться домой. Забыть...

— Ребенок, — прервал он ее, подняв руку в жесте отрицания. — Не могу. Существует необходимость. — Он вскинул обе руки, умоляя ее. Все торговые переговоры лежали вокруг обломками. — Энн, я ведь лиадиец.

— Да, — тихо отозвалась она, вкладывая свои руки в его. — Я знаю.

Она закрыла глаза. Ее тонкие пальцы чуть холодили ему ладони. Он наблюдал за ее лицом и страстно желал, чтобы сейчас здесь оказался Даав и показал бы им безопасный выход из этой отчаянной неразберихи, которая только сильнее запутывалась при каждой попытке что-то исправить...

— Ладно. — Энн открыла глаза. Она убрала свои пальцы с его ладоней — и он ощущил совершенно нелепое чувство потери. — Ладно, — снова повторила она и наклонила голову. — По окончании этого семестра мы с Шаном полетим с тобой на Лиад, — проговорила она в официальных тонах: это было формулировкой условий соглашения. — Шан будет Увиден твоим делом, и мы будем гостями Клана Корвал, пока я буду помогать коллеге профессора йо-Керы разбирать его записи. Когда этот долг... будет выполнен, мы с моим сыном вернемся домой. Решено?

Он еще не совсем потерял голову, чтобы понять: ни на что подобное он согласиться не может. Кто он такой, чтобы гадать, что именно может понадобиться Делму? И существо-

вала еще одна проблема относительно его и Энн, которую предстоит рассудить Делму...

Она пристально наблюдала за ним. Взгляд ее оставался острым, хотя в уголках глаз притаилась усталость.

— Я тебя слышу, — пробормотал он не менее официальным тоном. Он поклонился насколько можно низко, не вставая с дивана, и снова посмотрел ей в лицо. — Спасибо тебе, Энн.

Она слабо улыбнулась, хотя ее лицо оставалось напряженным, и потянулась к нему. Но не коснувшись его щеки, ее пальцы остановились — и упали вниз.

— Пожалуйста, — тихо ответила она и вздохнула.

Он ясно видел всю ее усталость и напряженность.

— Сейчас я тебя оставлю, — нежно сказал он, хотя больше всего ему хотелось заключить ее в объятия и успокоить, сидеть, если понадобится, хоть всю ночь напролет и следить за тем, чтобы ее сон не был нарушен.

Борясь с неуместными желаниями, он встал и поклонился.

— Спи спокойно, — пожелал он. — Я приду завтра, как сегодня, и буду заботиться о нашем сыне, пока тебя не будет.

— Ладно. — Энн не стала пытаться встать, словно боялась, что не сможет не пошатнуться. Она подарила ему еще одну усталую улыбку. — Спасибо тебе, Эр Том. Чиатабей крузон.

Он еще раз поклонился, глубоко тронутый ее словами.

— Чиатабей крузон, денубиа, — ответил он и настолько забыл все приличия, что ласковое обращение слетело с его губ, не пробудив и тени стыда.

Глава пятнадцатая

*Вселенную красит
сокровище чистое.*

Солснтра,
из «Стихотворного сборника»
Элабет пел-ОНгин, Клан Диот

Даав неохотно оторвал щеку от ее уютной груди.

— Олвен?

— М-м? — сонно отозвалась она и, подняв руку, уложила его голову обратно. — Перестань ерзать.

— Да, но мне надо уходить, — объяснил он, бесстыдно зарываясь в ее мягкое тело.

— Тебе надо уходить сейчас? — Олвен отпустила его и даже открыла глаза. — У меня еще остались для тебя задания, мой красавец, — сурово сообщила она ему. — Я как раз решала, какое тебе поручить прямо сейчас.

Он ухмыльнулся.

— Это очень соблазнительно, можешь не сомневаться. Но требования долга сильнее.

— Вот это я понимаю, намек! В следующий раз ты найдешь меня не такой нежной!

— И это когда мне нужно объяснить появление десятка новых синяков! — печально проговорил Даав. — Ну что ж. Те, кто ловит радость, должны быть готовы и к падениям.

— А! — с удовольствием рассмеялась она.

Приподнявшись на локте, она подняла руку, чтобы убрать волосы с его лба, и, внимательно взглянувши в его лицо, перестала смеяться.

— Старый друг. — Вздохнув, она прикоснулась к серебряной загогулине, висевшей в его ухе. — Я помню, как ты это заработал, — пробормотала она. — Когда мы первый раз были напарниками. Как бы мне хотелось...

— Знаю, — поспешил сказать он, ловя ее руку и поднося к губам. Он нежно поцеловал кончики ее пальцев. — Я остался бы разведчиком, Олвен, если бы вселенная была устроена по моему вкусу. Существует необходимость.

— Необходимость! — отозвалась она и поморщилась: реакция, свойственная исключительно разведчикам. — А тебе не приходит в голову, что необходимость убила даже больше лиадийцев, чем икстрапанцы?

— Не приходило. А ты уверена?

Он устремил на нее чересчур сильно округлившиеся глаза на таком невинном лице, что добился нового взрыва смеха.

— Я составлю программу и попробую проверить это на компьютере, капитан. — Смех снова стих, и она легко про-

вела пальцами по его щеке. — Береги себя, Даав. До новой встречи.

— До новой встречи, — ласково отозвался он, выскользнул из ее постели и оставил ее, мысленно проклиная необходимость.

До конца прыжка оставалось два часа, согласно показаниям путевого сканера, укрепленного на стене.

«А после этого, — подумала Энн, — еще около трех часов через оживленное пространство и посадка в порту».

В порту Солситры.

— Энни Дэвис, — сказала она себе, нагибая голову, чтобы пройти в низкую дверь, соединяющую освежитель со спальней каюты, — эта твоя идея к удачным не относится.

Она не хотела лететь в Солситру. Но, как ни обдумывала Энн всю ситуацию снова и снова, возможности избежать этого она не видела.

Уверенность в том, что у Эр Тома какие-то неприятности, ее не оставляла. Под ее нажимом он признался, что дома у него «затруднения», но тут же поспешил ее уверить, что они «не ею созданы и не могут ею решиться».

«Можно подумать, — недовольно подумала Энн, натягивая блузку, — что это как-то к делу относится».

Но уже в следующую секунду она признала, что очень даже относится. Она просто не могла допустить, чтобы он остался со своими «затруднениями» один на один.

Она на секунду прекратила застегивать блузку и посмотрела себе в глаза, отражавшиеся в слишком низко установленном зеркале.

«Он прилетел, чтобы меня найти».

Это само по себе было поразительно, потому что, конечно же, человек с положением Эр Тома йос-Галана мог легко заручиться поддержкой гораздо более весомой, чем та, которую может оказать внештатный профессор лингвистики. Если ему вообще нужна была чья-то помощь.

Однако он прилетел, чтобы найти ее — землянку. Прилетел, по его словам — и от этого короткого заявления он упор-

но не желал отказаться, — единственno для того, чтобы сказать ей о своей любви.

«Такие вещи, — подумала Энн, вдевая в шлицы ремень и застегивая пряжку, — мужчина говорит тогда, когда находится накануне смерти».

Она вздохнула и присела на край коротковатой койки, чтобы натянуть сапожки, и так и осталась сидеть, поставив локти на колени и глядя на пышный ковер.

«Полно тебе, Энн Дэвис, — пробормотала она, мысленно слыша интонации своего деда Мерфи, — говори правду, и пусть чертям будет тошно».

«И не желаешь выйти за него замуж ради приличия, капризная, своевольная девчонка!» — грозно закричал ее дедуля из прошлого, которое отделяли от нее бесконечные звездные годы.

Энн ухмыльнулась, и в ее мыслях дедуля расхохотался: «Ну и кто стал бы тебя винить? Он ведь мог бы все-таки сподвигнуться и тебя потискать хорошенъко!»

Хотя как раз с этим проблем не было — по крайней мере в обычном понимании близости, подумала Энн, качая головой. Казалось, будто годы разлуки только умножили их страсть друг к другу, так что одного взгляда, одного взгляда или слова было достаточно для того, чтобы вызвать ее вспышку.

И сила этой страсти — это глубокая, жгучая потребность быть с ним — казалась... пугающей.

«Тогда почему бы мне не выйти за него замуж? — спросила она сама себя. — Ты ведь согласилась на все остальные его просьбы. Возьми что-то для себя и не обращай внимания на то, что он сделал тебе предложение только потому, что это прилично!»

Но дело было в том, что он предложил ей брачный контракт — договор, очень похожий на стандартное земное соглашение о сожительстве, когда по прошествии оговоренного срока обе стороны идут каждая своим путем.

А при мысли о новом расставании с ним у нее стыла кровь, пересыхало во рту, а желудок сжимали спазмы.

И как она будет жить после отлета с Лиад по окончании каникул, пока оставалось непонятно.

«Я что-нибудь придумаю, — заверила она себя, вставая и направляясь к двери в коридор. — Все будет хорошо».

Она на секунду остановилась перед нишней, чтобы отдать дань уважения гербу Клана Корвал с мастерски изображенными Деревом и Драконом и еще раз рассмотреть смелый, почти высокомерный девиз: Фларан чаменти. Дерзаю!

«Не слишком уступчивый девиз», — с ухмылкой подумала Энн.

История о том, как Кантра йос-Фелиум и ее молодой второй пилот Тор Ан йос-Галан воспользовались экспериментальным космическим движителем, чтобы перевезти людей, которые теперь стали лиадийцами, с осажденной планеты на прекрасный новый мир, лежала в основе множества историй и пьес. Пилота йос-Фелиум изображали как даму раздражительную и не допускавшую покушений на свой авторитет. «Дерзаю» было, вероятно, совершенно правильным изложением ее взгляда на жизнь.

Продолжая ухмыляться, Энн поклонилась гербу и девизу, а потом подняла руку, чтобы погладить морду дракона, заглядывая в его ярко-зеленые глаза.

— Сторожи как следует, — сказала она ему и удивилась: насколько серьезными получились эти слова. Она еще раз погладила дракона, чуть задерживая пальцы на прохладной эмали, а потом пошла разыскивать Эр Тома.

Они вошли в кабину пилота из противоположных дверей, и Энн еще раз отметила про себя, насколько хорошо он подходит к этому кораблю. Каждый дверной проем, требовавший, чтобы она наклоняла голову перед входом, обрамлял стройную фигуру Эр Тома, словно благословение. Маленькие кресла с короткими спинками, заставлявшие ее сворачивать длинные ноги в нелепые подростковые узлы под сиденьем, радостно принимали и обхватывали Эр Тома так, словно были сделаны для него.

«Что, — с иронией сказала себе Энн, — возможно, соответствует истине».

При виде нее он поклонился, изящно и плавно, и улыбнулся, выпрямляясь.

— Здравствуй, Энн! Тебе хорошо спалось?

— Очень хорошо, — отозвалась она, отвечая на его улыбку и ощущая, как начинают исчезать все ее сомнения, связанные с разумностью их поездки. — Мне не хватало тебя.

— О! — Он подошел ближе. Его пальцы скользнули по ее руке, нежно и дразняще, прекрасное лицо поднялось к ней. — Пилот обязан оставаться бдительным.

— Конечно, — прошептала она, почти завороженная его взглядом. Она осторожно отступила на шаг и повернула голову к пульту. — Почти девяносто минут до окончания прыжка.

— И еще два часа до порта Солситры, — согласился он. — Мы будем в Джелаза Казон ближе к вечеру. — Он чуть наклонил голову. — Ты тревожишься, Энн?

— Нервничаю, — ответила она и быстро улыбнулась. — Я почти ничего не знаю о твоем чалекет и делме, если не считать того, что раньше он был разведчиком и что вы двое родили вместе. И твоя мать...

Тут она смутилась. То немногое, что она узнала про мать Эр Тома, похоже, говорило, что старая дама строга и, возможно, имеет немалый дар сарказма. Она сильно подозревала, что Тоделму йос-Галан не слишком понравится земная исследовательница Энн Дэвис, довольно нетрадиционная мать ее внука.

— Моя мать...

Эр Том мягко взял ее под руку, как он сделал в первую их встречу, такую давнюю, и провел через кабину в нишу, которая служила закусочным баром.

— Моя мать, — начал он снова, заказав им по чашке чая с пульта меню и усевшись напротив Энн за выдвижной столик. — Ты должна понять, что она... больна.

— Больна? — Энн изумленно заморгала, не донеся чашку до губ. — Эр Том, если твоя мать нездорова, то было бы невежливо... настаивать, чтобы я...

— Ты — моя гостья, — мягко прервал он ее. — Все в порядке, и ты не совершаешь никакой невежливости, поскольку приняла приглашение, которое было сделано охотно.

Он замолчал, чтобы отпить чай.

— Несколько лет назад, — медленно проговорил он, — клан пережил... трагедию. Когда все завершилось, оказалось, что мы потеряли Делма — мать Даава, сестру-близнеца моей матери — и А-тоделма йос-Галанов, моего старшего брата Се Зара.

Энн поставила чашку, устремив на Эр Тома широко раскрытые глаза. Он смотрел куда-то мимо собственной чашки, которую бережно держал в сплетенных пальцах.

— Такой удар по главным семьям трудно было выдержать. Конечно, Даава немедленно вызвали домой, чтобы он надел Кольцо. А я... мог взять на себя... обязанности а-тоделма... но мы оба еще не были совершеннолетними и рассчитывали, что оставшийся старейшина Клана будет нами руководить.

Он вздохнул.

— Чего она поначалу делать не могла, настолько отчаянным было ее положение. Мы опасались целую релюмму... что она последует за своей сестрой и сыном и оставит нас: юнца-делма, как называл себя Даав, и необученного тоделма — управлять Кланом одних.

— Но она не умерла, — выдохнула Энн, не в силах оторвать взгляда от его обращенного в сторону лица.

— Действительно, — пробормотал он. — Она окрепла. До какой-то степени. До очень специфической степени, увы. И это удалось ей больше благодаря силе воли, чем умению медиков. Радиация нанесла слишком глубокие повреждения, причинила слишком серьезный ущерб. Она нездорова. По правде говоря, она умирает. И медики, и автоврачи могут только в какой-то степени облегчить боль от ее решимости жить.

Он поднял чашку и стал пить чай, по-прежнему глядя в сторону.

— Мне страшно жаль, — с трудом выговорила Энн — и его глаза мгновенно устремились на нее, вспыхнув лиловым пламенем.

— Твоей вины тут нет, — мягко сказал он.

— Нет, — согласилась она, — но я все равно горюю вместе с тобой. Это... это была вендетта чести?

— В этом не было никакой чести! — резко возразил он, но тут же взмахнул рукой, прочертив в воздухе между ними официальный знак.

— Прости меня. Это были ложь и предательство, и хитрость чужаков, и самое глупое заключалось в том, что ловушка даже не была предназначена нам! Та, кто рассказала первую историю, кто подготовила приманку, — она ждала просто мастер-купца. Ей подошел бы любой. И только волей злой судьбы им оказался Се Зар йос-Галан: он вошел в бар, где она ждала, и заплатил за выпивку.

— Мне очень жаль, — снова повторила Энн, мысленно проклиная беспомощность этих слов. — Ты и твой брат были... очень близки?

— Близки? — Он наклонил голову и нахмурил лоб. — А, понимаю. Не слишком. Се Зар был на... одиннадцать-двенадцать стандартных лет старше. Он привозил нам с Даавом подарки, пару раз брал нас с собой в порт... Он был добрый, но старый, понимаешь? А мы были еще дети.

Он помолчал.

— У нас было... большое различие в положении, вот что надо понять, — проговорил он, и ей показалось, что он с невероятной тщательностью подбирает слова. — У делма... появилась необходимость дать клану еще одного ребенка. Старшему ребенку йос-Фелиумов к тому моменту исполнилось десять стандартных лет, и по мудрости делма новому ребенку необходим был еще один... близкий по возрасту... с кем он мог бы расти и учиться. Вот почему она приказала своей сестре, моей матери, также выйти замуж, а потом взяла под свою опеку ребенка от этого союза.

— И вот как вы с Даавом стали чалекет, — прошептала Энн, качая головой на слова «приказала выйти замуж». — Эр Том...

В кабине пилота прозвучал сигнал — чистая, звонкая нота. Эр Том встал.

— Прости меня. Мы сейчас войдем в нормальное пространство, и мне надо находиться за пультом. — Он приостановился и бросил на нее быстрый взгляд из-под золотистых ресниц. — Тебе хочется сидеть со мной там?

Энн понимала, что получить приглашение от мастер-пилота сидеть рядом с ним за пультом — это высокая честь. А для той, которая вообще не является пилотом, такая честь неоценима.

С переполненным сердцем она наклонила голову.

— Я почту это за честь, Эр Том. Спасибо.

— Это ты делаешь мне честь, — отозвался он.

Ей было известно, что такой ответ общепринят и не имеет никакого смысла. После этого он поклонился и вышел из ниши, а Энн — следом за ним.

Движение было не таким оживленным, как она предполагала, — или же прогулочная яхта Делма Корвала получала свободный пролет везде, где появлялась.

Что, признала она, немного подумав, может оказаться и не такой уж дикой мыслью.

Она подалась вперед на амортизационном кресле, которое совершенно не подходило ей по размерам, и, пока он работал с пультом, стала смотреть на его лицо, слушая его спокойные переговоры с диспетчерской Солситры. В быстром танце его пальцев по разнообразным клавишам переключателей и ручкам не было ни поспешности, ни неуверенности. Только чистая целесообразность, окутанная почти невероятной сосредоточенностью.

— Ты это любишь, — выдохнула она, едва замечая, что говорит это вслух. — По-настоящему любишь.

Лиловый взгляд обжег ее лицо.

— Это — да. Каждый взлет — это честь. Каждое возвращение — радость.

Она собиралась ответить — но вдруг вздрогнула, резко сосредоточившись на совершенно ином уровне сознания.

— Шан проснулся, — сказала она, вставая и отходя от пульта. — Я пойду и приведу его в пристойный вид.

Но Эр Том уже снова полностью ушел в прекрасный, не-постижимый танец пилота, так что она не поняла, услышал ли он ее.

Глава шестнадцатая

Каждый член Семейства обязан слушать голос тоделма, главы этого Семейства, и читать слово тоделма. Аналогичным образом, тоделм обязан слушать голос делма, главы всего клана, и низко преклоняться перед словом делма.

Достойное поведение заключается в том, что тоделм принимает решения для Семейства, а делм — для клана, и таким образом они лелеют меланти всех членов.

Выдержка из Кодекса достойного поведения

Эр Том шел чуть впереди, а Энн — следом за ним, держа Шана за руку. У конца трапа их встретила женщина в комбинезоне механика и с вышитой эмблемой Дерева и Дракона на рукаве.

— Приветствую вас, сударь, — проговорила она с низким поклоном.

Эр Том едва заметно наклонил голову.

— В меньшем трюме — багаж, который следует немедленно отправить в Треалла Фантрол, — проговорил он (как решила Энн, в модальности нанимателя к служащему). — Корабль следует немедленно проверить и подготовить в соответствии со стандартными требованиями.

Механик поклонилась, демонстрируя свое понимание приказа.

— Слушаю, сударь, — еще раз повторила она и отступила в сторону.

Без дальнейшего промедления Эр Том двинулся дальше. Энн по-прежнему отставала от него на шаг: ее задерживали мелкие шаги сына и собственное желание глязеть по сторонам. Она чувствовала себя туристкой, которой не терпится увидеть все сразу.

— Эй! — заявил Шан, когда они проходили мимо механика.

Это заслужило быстрый взгляд изумленных серых глаз и поклон — почти такой же низкий, как и тот, что был адресован его отцу.

— Здравствуйте, юный господин, — быстро проговорила женщина. Ее взгляд поднялся — и, едва коснувшись лица Энн, тут же опустился вниз: она снова поклонилась. — Здравствуйте, леди.

Энн заморгала, пытаясь сообразить, как следует ответить. Совершенно ясно было, что ее меланти никоим образом не может сравниться с меланти Эр Тома, чьему клану эта женщина служит. Не было ей известно и то, каков статус ученых по сравнению с космомеханиками, хотя она склонна была думать, что с точки зрения практических способностей механик стоит на несколько порядков выше простого профессора лингвистики.

От необходимости принимать решение ее избавило появление подчиненных женщины-механика, к которым та и повернулась, чтобы выпалить серию приказов. Чувствуя себя спасенной, Энн пошла к Эр Тому, ведя с собой Шана.

— Мне нужна карточка подсчета очков, — пробормотала она на земном и увидела в его глазах искры смеха.

— Гость Дома стоит выше наемного служащего Дома, — тихо сказал он. — Она не ждала ответа. Более того, с ее стороны было бы излишне смелым вообще произносить слова приветствия, если бы ее не вынудил этот юный мошенник.

Он опустил руку, чтобы взъерошить Шану волосы.

Энн вздохнула.

— Шанни, — проговорила она без особой надежды на успех, — не разговаривай с чужими людьми.

Встретившись с Эр Томом взглядом, она с иронией добавила:

— Не то чтобы он когда-то встречал чужих.

Он на секунду сдвинул брови, чуть нахмурив лоб, но почти сразу же его лицо разгладилось.

— Счастлив тот, кто находит родню в каждом порту.

— Достаточно точно, — согласилась она. — Если не считать того, что если другая сторона придерживается иной системы подсчета, то бедняга будет считать, что встретил буку.

— Кто такой Бука? — заинтересовался Эр Том.

Энн рассмеялась, качая головой.

— Извини, — сказала она, быстро отсмеявшись. — На самом деле бука — это никто. Просто образ, как и его друг бяка, который обычно ставит человека в неприятное положение. — Она сделала паузу, внезапно увлекшись образом. — По правде говоря, ты мог с ним встречаться. Его позиция обычно такая: либо будет по-моему, либо никак.

— А! — теперь он уже открыто ухмылялся. — Мы знакомы.

Он взял ее под руку и повел от посадочной площадки к невысокому дому чуть в стороне, на котором были нарисованы Дерево и Дракон.

— Нас ждет машина, — сказал он. — И потом мы поедем к Дааву. В любом случае нам следует уйти с поля.

Энн решила, что этого требует благородумие. На поле кипела работа. Между площадками и далекой машиной главного ангара сновали грузовые тележки. Помимо быстрых тележек тут были также цистерны с топливом, ремонтные установки, автоподъемники и тягачи. Некоторые из них тащили за собой корабли.

Знак Дерева и Дракона был виден на каждом приспособлении, на каждой тележке — и на нескольких кораблях, мимо которых они проходили.

— Все это принадлежит твоему... твоему клану? — спросила Энн, ощущая все растущее чувство страха.

Он поднял на нее глаза.

— Это — главный док Корвала в Солсентре, — пробормотал он. — У нас здесь еще три, и два — в Чонселте.

Возможно, ее обычную бдительность ослабило потрясающее сообщение о том, что Клану Корвал принадлежит не меньше шести доков и ремонтных мастерских для космических кораблей. Или, возможно, дело было в осознании того, что слово «богатый», каковое определение она туманно давала финансовому положению Эр Тома, было таким преуменьшением, что просто сбивало с толку.

«Шесть ремонтных доков!» — ошеломленно подумала она, бездумно идя следом за ним между спешащими машинами. Это не было имуществом торгового клана среднего ранга, который мог бы похвастаться парой почти сказочных героев и

двумя-тремя торговыми кораблями. Это было поразительное богатство, не просто Старинный Дом, но и Высокий...

— Эр Том... — начала она, намереваясь потребовать немедленного и точного отчета о меланти Клана Корвал. — Эр Том, где же все-таки...

— Искры! — крикнул Шан, вырывая у нее руку.

Она мгновенно повернулась, пытаясь его поймать, но он уже исчез, со всех своих коротеньких ножек бросившись вперед, наперерез транспорту, не обращая внимания на тяжелую ремонтную самоходку.

— Шанни!

Она рванулась за ним — но была поймана и отброшена в сторону, резко и неожиданно сильно. Стойкая фигурка в кожаной куртке пронеслась мимо нее. Эр Том бежал так стремительно, что, казалось, не касался земли.

Прямо на пути самоходки Шан наклонился, скребя пальцами по обожженному выхлопами асфальту. Энн видела, как водитель на верхушке самоходки отчаянно бьет по пульте управления, видела, что самоходка тормозит — но недостаточно, совершенно недостаточно...

Позже Эр Том уверял ее, что ее ужас заставил спасение казаться более драматичным, чем оно было в реальности.

Но была ли то истина или разыгравшееся воображение, только она видела, как чудовищные гусеницы неумолимо несли металлическую машину прямо к ее сыну — крошечному, не замечающему опасности.

А еще она увидела, как Эр Том, стремительно и не колеблясь, пронесся между Шаном и горой металла, подхватил мальчика на руки и откатился, сделав крушащее плечи сальто.

На одну мучительную минуту машина заслонила от нее их обоих, потом проехала мимо и, наконец, со скрежетом остановилась.

Эр Том уже вставал, крепко сжимая Шана руками. На плече старой, потертой куртки появилась новая белая царапина.

— Неужели... — Водитель весь трялся, привалившись к борту машины. С лица землистого цвета смотрели полубезумные от ужаса глаза. — Ребенок, леди! Боги, где ребенок?

— Здесь.

Эр Том вышел к нему, держа на руках неестественно неподвижного Шана с широко распахнутыми серебристыми глазами.

— Успокойтесь, — хладнокровно сказал Эр Том водителю. — Никто не пострадал.

Мужчина закрыл глаза и бессильно начал сползать вдоль борта. Энн видела, как дергается его кадык, пытаясь проглотить мучительную боль.

— Слава богам, — прохрипел он, а потом вдруг напрягся.

Выпрямившись и отодвинувшись от машины, он сделал глубокий поклон, который несколько портила все еще не прошедшая дрожь.

— Ваша милость...

— Да, — отозвался Эр Том в модальности нанимателя, обращающегося к служащему, что, как подумала Энн, которой наконец удалось заставить свои ноги прийти в движение, не допускало теплоты. — Вы — Дус Тин сиг-Эва, кажется?

— Да, сударь, — подтвердил мужчина, вытянувшись словно на параде.

Энн добралась до Эр Тома и протянула руки. Шан немножко неуверенно улыбнулся ей.

— Эй, ма, — прошептал он.

Эр Том даже не повернул головы.

— Вы вызовете помошь, — говорил он Дус Тину сиг-Эве все в тех же холодных тонах нанимателя, обращавшегося к служащему. — Когда помошь прибудет, вы в качестве пассажира вернетесь на свой пост, где сообщите о произшедшем своему начальнику. Если вы почувствуете потребность в Целителе, то эта услуга будет вам предоставлена. В любом случае вам будет предоставлен отдых в течение всей этой смены и в течение следующей вашей смены, с сохранением платы. Возможно, вам будет целесообразно пройти переподготовку для работы на этом механизме.

Мужчина поклонился.

— Да, ваша милость, — произнес он, как показалось Энн, потрясенно и с облегчением. Выпрямившись, он повернулся

и стремительно залез в кабину водителя, чтобы вызвать помощь.

Только тогда Эр Том повернул голову.

— А теперь, быстрый мой, — начал он на низком лиадийском.

Шан резко вывернулся у него на руках.

— Искры, Мирада!

Вид у Эр Тома был суровый.

— Искры, вот как? — проговорил он на земном, очень грозно. Спустив мальчика на землю, он крепко ухватил одну его ручонку. Энн схватила другую — и стиснула ее. — Покажи мне эти искры.

Шан послушно зашагал вперед, ведя с собой отца и мать. Всего в двух шагах за ремонтной установкой он нагнулся и наклонил голову, чтобы указать на нужное место носом, поскольку никто из родителей не желал отпустить его руку.

— Вот!

В асфальт был вплывлен граненый синий камень, сверкавший на ярком лиадийском солнце.

— А! И это — твои обычные искры или что-то немного другое?

Шан заморгал с очень печальным видом.

— Искры, — повторил он и попытался вырвать руку, которую держал Эр Том. — Шан идет! — потребовал он, топая ножкой.

— Шанни! — строго одернула его Энн, но Эр Том выпустил маленькую руку.

— Искры! — воскликнул Шан, указывая вниз на переливающийся камень. — Еще искры! — Его пальчик ткнул в точку чуть выше яркой головы Эр Тома. — Ма с искрами! Джерзи с искрами! Рилли. Все с искрами, но не трогаются. Эта искра трогается! Тронется эта — тронутся еще?

— А! — Эр Том опустился на асфальт на одно колено и очень серьезно посмотрел Шану в лицо. — Вот, — мягко сказал он и, к полному изумлению Энн, снял кольцо мастер-купца. Аметист вспыхнул ярко-фиолетовым огнем. — Тронь эту искру, денубиа.

Кулачок Шана жадно сжался вокруг большого камня. Завороженная происходящим Энн встала на колени с другой стороны от ребенка и отпустила его руку, однако крепко взяла за плечо.

— Теперь ты можешь тронуть те другие искры? — спросил Эр Том.

Долгие, напряженные секунды Шан рассматривал пустой воздух над головой Эр Тома, а потом осторожно поднял жаждущую руку.

— Ничего, — вздохнул он, и его тело мгновенно потеряло всю свою неестественную напряженность. Его глаза наполнились слезами, но он только покачал головой. — Не трогаются, Мирада.

— Может, когда станешь старше, — мягко сказал Эр Том, надевая кольцо обратно на свой палец. — А пока ты понял, что есть... разные виды искр, правда? Те, до которых ты можешь дотронуться, и те, которые ты только видишь. Ты сможешь это запомнить?

— Да, — ответил ему Шан с полной уверенностью.

— Хорошо. А еще ты должен запомнить, что нельзя убегать от матери. Это был нехороший поступок, который причинил ей боль. Мы не обращаемся так с родными людьми, которые заслуживают всей нашей любви и всей нашей доброты. Я недоволен.

Шан судорожно сглотнул, и его глаза снова налились слезами.

— Мне стыдно, Мирада.

— Так и должно быть, потому что ты виноват, — сказал ему Эр Том. — Но тебе следует дать матери успокоение, не правда ли?

Мальчик печально повернулся к Энн.

— Мне стыдно, ма.

— Мне очень жаль, Шанни, — отзвалась она. — Нехорошо было вот так убегать, правда?

Он кивнул, а потом слезы вдруг хлынули ручьем, и он бросился ей на шею, уткнувшись лицом в ее плечо.

— Мне стыдно, стыдно! — лепетал он и так отчаянно запыдал, что Эр Том заметно встревожился.

Энн улыбнулась ему и подняла палец.

— Ладно, — проговорила она, мягко растирая Шану спинку и разминая напряженные мышцы. — Думаю, это достаточно стыдно. Но ты должен сделать для меня еще кое-что.

— Что? — спросил Шан, поднимая залитое слезами лицо.

— Обещай, что больше не будешь убегать.

— Обещаю, — сказал он, а потом вздохнул, и его слезы высохли так же стремительно, как появились. — Я не буду убегать.

— Хорошо, — сказала Энн.

С этими словами она поставила сына на землю, но не забыла при этом крепко взять его за руку. А потом она посмотрела на Эр Тома, который тоже выпрямился.

— Почему он так плачет? — спросил он, и в глазах его все еще отражалась тревога.

Энн ухмыльнулась.

— Можешь написать благодарственное письмо Джерзи. Как-то раз Шан раскапризничался и начал хныкать из-за чего-то, а Джерзи сказал ему, что если он хочет выглядеть по-настоящему убедительно, ему надо учиться выражать свои чувства — и продемонстрировал, как это делается. К тому времени, как я вернулась, они оба сидели на полу посредине квартиры Джерзи, обнимая друг друга и обливаясь слезами.

Она покачала головой, но мгновенно стала серьезной.

— Ты в порядке? — спросила она, неуверенно прикасаясь к его плечу. — Падение было сильным.

— Со мной все хорошо, — серьезно заверил он ее.

— У тебя поцарапана куртка, — заметила она и потрогала царапину на коже, после чего осмотрительность напомнила ей, что руку следует убрать.

Он равнодушно посмотрел на царапину и пошевелил плечами.

— Если это — самое худшее, то нам следует благодарно поклониться удаче.

Он взял Шана за другую руку.

— А тем временем нас ждет машина, — напомнил он и повел их в обход остановившейся самоходки — и из дока.

Глава семнадцатая

Число Высоких Домов составляет ровно пятьдесят. И еще есть Корвал.

Из ежегодной Переписи Кланов

Автомобиль оказался низким, обтекаемым и удивительно просторным. Энн откинулась на пассажирском сиденье, которое было передвинуто так, чтобы с ее ростом ей было удобно. Держа на коленях задремавшего Шана, она смотрела, как мимо проносится Космопорт Солситры.

Она мысленно вздохнула, пожалев, что знакомство с портом оказалось таким коротким: Эр Том уже выводил машину из Главных ворот порта собственно в город.

Он на секунду перевел на нее серьезные лиловые глаза.

— Прости мне мою необходимость, — негромко попросил он, — и разреши показать тебе порт в другой раз — скоро.

Она моргнула, а потом наклонила голову.

— Спасибо тебе, Эр Том. Мне это будет приятно.

— Мне тоже, — ответил он и снова замолчал, ведя машину с такой же спокойной уверенностью, какую он демонстрировал за пультом космического корабля.

Энн откинулась на спинку сиденья и стала наблюдать за ним, бросая на скользящую мимо Солситру лишь беглые взгляды. В другой раз она увидит ее всю, погрузится в атмосферу, полагаясь на меланти и знания Эр Тома, и увидит все чудеса, на которые способен этот Город Драгоценностей.

Машина легко обогнула увитый цветами угол, проехала под древней аркой из резного камня, плавно вошла в поворот, набрала скорость — и внезапно выехала за город, оказавшись среди пышных лугов и обширных садов.

— Уже скоро, — сказал Эр Том так тихо, что она могла бы подумать, будто он говорит сам с собой — если бы его слова не были произнесены на земном.

Машина еще раз набрала скорость, луга и сады замелькали быстрее — и стали меняться. Дома стали больше и ото-

двинулись дальше от дороги. Некоторые были полностью скрыты, и их отмечали только ворота и подъездные дороги.

В дальнем конце долины были тоже видны деревья, а над ними в зеленоватое безоблачное небо возносились... Дерево.

— Что... — Она подалась вперед, так что Шан сонно за-протестовал. — Это же не может быть деревом!

— И все же это дерево, — отозвался Эр Том, пока машина спускалась с холма на дно долины. — Джелаза Казон, Дерево Корвала, которое находится у дома моего брата, тоже называемого Джелаза Казон.

«Джелаза Казон», услужливо подсказал ей уголок сознания, принадлежащий ученому-лингвисту, означает «Исполнение Джелы» или «Умиротворение Джелы». Она взорвалась на его невероятную высоту и судорожно облизала внезапно пересохшие губы.

— А кто такой Джела? — пробормотала она, едва заметив, что задала этот вопрос вслух: настолько она была поглощена самим Деревом.

— Напарник Канtrys йос-Фелиум: часть тому, кто погиб еще до Исхода.

Энн с трудом оторвала взгляд от Дерева — от Джелаза Казон — и перевела его на Эр Тома.

— Но... «Исполнение Джелы»? При том, что он так и не добрался до Лиад?

— А! Но ведь это было Дерево Джелы, понимаешь, и он взял с нее клятву, что она его сбережет.

— О! — Энн медленно откинулась обратно. Несколько минут прошли в молчании, а потом она сказала: — Значит, Делм — это Дракон, который охраняет Дерево. Вполне реальное Дерево. Значит, твой герб — это не... аллегория?

— Алле... — Он нахмурил брови, не скрывая недоумения. — Прошу прощения. Он... Когда мы были детьми, то наставление Делма заключалось в том, что на всех нас лежит груз обещания Канtrys и что если в живых останется всего один Корвал, то жизнь этого одного будет посвящена только хранению Дерева.

Энн медленно выдохнула и покачала головой.

— И это Дерево... то первое, которое принадлежало Джеле?

— Да, — тихо ответил Эр Том, тормозя машину, приближающуюся к зарослям низкого кустарника.

— Тогда, значит, ему сколько? Девятьсот лет?

— Несколько... больше, наверное, — отозвался он, бросая на нее беглый взгляд, а потом поворачивая машину в одну из длинных, таинственных подъездных аллей. — Мы уже приезжаем.

Джелаза Казон — дом оказался двухэтажным, под покатой крышей. Второй этаж опоясывал широкий балкон. На нем кое-где видны были кресла и шезлонги.

Энн с облегчением подумала, что дом выглядит уютным и не походит парадные особняки — пусть даже в него вместилось бы не меньше семидесяти квартир вроде той, что она сама занимала на Университете. Возможно, благосклонное присутствие Джелаза Казон, Дерева, способствовало тому, что он казался таким приветливым.

Ибо Дерево, чья вершина уже потерялась из виду, росло прямо из центра дома.

Когда она спросила об этом Эр Тома, он объяснил, что дом строился постепенно, с ростом Клан, пока не окружил Дерево со всех сторон.

— Мои комнаты расположены... располагались... на втором этаже и выходили во внутренний двор, где находится Дерево.

Машина бесшумно остановилась, и Эр Том ввел в пульт ее управления несколько быстрых команд, а потом повернулся на месте, чтобы оказаться лицом к Энн.

— Делм уже... очень скоро... Увидит нашего ребенка, и Клан будет радоваться, — очень серьезно проговорил он, беря ее за руку и глядя ей в глаза. — Энн. Если у тебя на сердце есть что-то, что нужно... решить, то ты можешь без колебаний изложить это Корвалу для... для решения.

Он сжал ей пальцы очень крепко — почти до боли, и у нее создалось впечатление, будто он пытается сообщить ей сведения, которые имеют первостепенную важность.

— Известно... прости меня!.. что от твоего лица говорить некому. Нам не хотелось бы... не оказать... необходимой услуги нашей... нашей гостье.

Он глубоко вздохнул и выпустил ее руки, неуверенно заглядывая ей в глаза.

— Я не хотел тебя оскорбить, Энн.

— Да, конечно, — мягко ответила она, пока ее мысли стремительно неслись вперед.

По традиции делм выносил решение тем, кто принадлежал к его собственному клану — говорил от их лица. Чтобы Делм Корвала был готов представлять кого-то вне своего клана — и к тому же землянку! — было чем-то довольно необычным.

Энн низко склонила голову.

— Я... обезоружена любезностью Корвала, — осторожно проговорила она. — Вы оказываете мне высокую честь. Я не колеблясь представлю вниманию делма любой вопрос, достойный этого.

Лицо Эр Тома осветила улыбка.

— Тогда это хорошо, — сказал он и опустил взгляд на Шана. — А теперь нам надо разбудить этого соню и взять его в дом.

Величественный человек, открывший им дверь, четко сообщил Эр Тому, что мастер Даав находится во Внутреннем дворе. Не будут ли лорд, леди и юный сударь так любезны, чтобы последовать за ним?

И они последовали за ним — по хорошо освещенному коридору, обшитому деревянными панелями, где их шаги заглушал яркий и пушистый ковер, мимо старинных дверей, по центру которых были закреплены древние фарфоровые ручки. Казалось, даже Шана впечатлило это зрелище: он держался рядом с Энн и цеплялся за ее руку.

Завернув за угол, они пошли по чуть более узкому коридору, который закончился стеклянной дверью. Их проводник красивым жестом распахнул дверь и с поклоном пропустил гостей во Внутренний двор.

Энн сделала три шага по саду — и замерла, изумленная множеством цветов и кустарников, обилием птичьих трелей и порханием ярких насекомых.

Эр Том двинулся дальше по шелковистой траве, поворачивая голову среди буйства цветов то в одну сторону, то в другую.

— Добрая встреча, брат! — раздался жизнерадостный возглас непонятно откуда.

Эр Том остановился и чуть склонил набок голову.

— Даав?

— А кто же еще? Хороший был полет?

— Без происшествий и проблем. — Эр Том подошел к мощному Дереву и, приложив ладонь к его серебристому стволу, посмотрел наверх, в сплетение ветвей. — Трудно разговаривать, когда я тебя не вижу.

— Это легко решить. Забирайся наверх сам.

— А ты не мог бы спуститься вниз? — осведомился Эр Том. — Я здесь не один, и есть вопросы, требующие твоего внимания.

— А. Вот видишь, как обстоят дела, брат: за время твоего отсутствия мои манеры полностью атрофировались.

— Так ты слезешь? — вопросил Эр Том.

В его голосе странно смешивались смех и досада. Энн подошла ближе. Молчаливый и настороженный Шан остался с ней рядом.

— Конечно, слезу! — весело заявило Дерево. — Будь осторожен, денубиа, и чуть посторонись. Не годится мне на тебя падать.

Среди безмолвных широких листьев почти не видно было движения. Когда гибкий темноволосый мужчина упал с ветвей, это было похоже на номер иллюзиониста: вот вы его видите...

— Ну вот.

Он ухмыльнулся Эр Тому и раскинул руки, не обращая внимания на сучок, запутавшийся у него в волосах, и на зеленую полосу на широком белом рукаве. Не колеблясь, Эр Том двинулся вперед, и два родича обнялись, прижавшись щекой к щеке.

— Добро пожаловать домой, мой милый, — проговорил темноволосый мужчина, и Энн ясно услышала его слова на низком лиадийском. — По тебе скучали.

Объятие было закончено, и Эр Том отступил на шаг, хотя его чалекет задержал легкую руку у него на плече, потирая большим пальцем новый шрам на кожаной куртке.

— Опасное путешествие, пилот?
— Падение в порту, — спокойно ответил Эр Том. — Ничего существенного.
— Ха! Но здесь присутствуют другие и есть вопросы, требующие моего внимания — или так сообщили мне самые последние слухи. Действуй, брат: я полностью в твоем распоряжении.

— Тогда ты должен пойти вот сюда и поклониться гостье, — сообщил ему Эр Том, ведя его по траве к Энн.

Эр Том протянул руку, на которой сверкало кольцо мастер-купца, и слабо прикоснулся к ее рукаву.

— Энн, — проговорил он, переключаясь на свой осмотрительный земной с заметным акцентом, — вот мой брат, Даав йос-Фелиум, Делм Клана Корвал.

Она улыбнулась темноволосому мужчине и поклонилась, принимая представление.

— Я счастлива познакомиться с вами, Даав йос-Фелиум.
— Корвал, — продолжал Эр Том. — Это — Энн Дэвис, профессор лингвистики.

Яркие темные глаза под четко прочерченными бровями взглянули на нее со смущающей прямотой, а потом он ответно поклонился.

— Филолог Дэвис, я крайне рад возможности наконец с вами встретиться.

Его земной оказался более правильным, чем у Эр Тома, а голос — ниже, почти с хрипотцой. Он был чуть выше и не столькостроен, сколько жилист, а лицом больше походил на лиса, чем на эльфа. С мочками правого уха свисало странно скрученное серебряное кольцо, а темные волосы, совершенно прямые, падали чуть ниже плеч.

— А это... — Тут Эр Том наклонился и чуть прикоснулся кончиками пальцев к щеке Шана. — Корвал, я Показываю Вам Шана йос-Галана.

— Так. — Даав йос-Фелиум сдвинул с места и легко опустился на колени перед ребенком, широко распахнувшим глаза. Он протянул руку, на которой блестел широкий обруч, богато украшенный эмалью. — Добрый день тебе, Шан йос-Галан.

Шан склонил голову набок и долгие мгновения рассматривал мужчину, оказавшегося прямо перед ним.

— Эй! — произнес он наконец свое обычное приветствие и протянул свободную ручонку, чтобы встретиться с терпеливо протянутой ему рукой мужчины.

Жилистые золотистые пальцы сомкнулись вокруг смуглой ручки, и Даав улыбнулся.

— Ты хорошо доехал, племянник?

— Ничего, — ответил ему Шан, делая полшага вперед и не сводя глаз с лица своего дяди.

Энн неохотно выпустила его руку, и он сделал еще один шажок, так что носки его ботинок почти уперлись в колени мужчины.

— А ты видишь искры? — вдруг спросил он.

— Увы, — ответил Даав, — не вижу. А ты видишь искры?

— Да, но не такие, что трогаются. У Мирады на руке такие, что трогаются. — Он покусал губу, серьезно глядя в лицо мужчине. — Ты даешь искры, — жалобно проговорил он. — Не видишь искры?

Четкие брови чуть сдвинулись.

— Даю искры? — пробормотал он.

— Он имеет в виду «делаете», — объяснила Энн. — Вы делаете искры.

— О, вот как? А я и не знал. Ты привез нам будущего волшебника, денубиа?

Этот последний вопрос был явно адресован Эр Тому.

— Возможно, — ответил этот господин. — Возможно, Целителя. Или, возможно, всего лишь того, кто имеет дар знать, когда другой счастлив.

— Неплохой дар, а?

Он улыбнулся Шану, а потом снова перевел свои яркие темные глаза на Энн.

— Если Корвал Увидит этого ребенка, он будет принадлежать Клану, — проговорил он, и его голос и взгляд были сосредоточенно-серьезными. — Вы это понимаете.

Энн кивнула.

— Эр Том объяснил, что... жизненно важно... чтобы Делм... сосчитал... нового йос-Галана.

— Вот как? А Эр Том объяснил, что приобретенное Корвалом Корвал не оставляет? Вы видели наш герб.

— Дракон над деревом... да. — Она помедлила и перевела взгляд с его лица на лицо Эр Тома, которое было таким же сосредоточенным.

— Шан йос-Галан — мой сын, — сказала она, заставляя свой голос звучать мучительно ровно. — Будет ли он членом... Клана Корвал... или нет.

— Да, — подтвердил Эр Том, прямо встречая ее взгляд и чуть поднимая руку навстречу ей. — А как может быть иначе?

— Филолог! — Голос Даава заставил ее взгляд вернуться к его лицу, которое оставалось по-прежнему крайне серьезным. — Филолог, если у вас есть хоть какие-то сомнения, отступите. Нет ничего бесчестного в том, чтобы подождать и увериться.

Она смотрела на человека, который стоял в траве на коленях и держал за руку ее сына. Запачканный зеленью, с лисьим лицом и смелым взглядом, худой и крепкий, словно докер... Он был за пределами ее жизненного опыта: полудикий и неизвестный, полностью, непонятно непохожий на Эр Тома, который был ее другом и который — она это точно знала — желал ей добра. А еще Эр Том желал добра их сыну.

— Мы для этого прилетели, — медленно проговорила она, и голос у нее сорвался.

Она тряхнула головой скорее ради того, чтобы разорвать этот трудный визуальный контакт, чем чтобы отрицать — что бы то ни было.

— Шана надо было показать Делму Корвала, после чего Эр Том смог бы снова успокоиться, а клану не было бы... неловко... за то, что в галактике оказался неприкаянный йос-Галан, которого не посчитал делм. Это была... моя ошибка, — пояснила она, снова глядя ему в лицо. — Я... на моей родной планете принято давать ребенку фамилию отца в знак... уважения. В знак признания. Следуя обычаям моей планеты, я... не подозревала, что у Эр Тома будут осложнения. Совершив эту ошибку, было бы... правильным постараться по возможности поместить ее в... контекст... и загладить тот ущерб, который я могла причинить.

— А!

Еще пару долгих секунд темные глаза не отпускали ее взгляда, а потом он наклонил голову.

— Тогда это сделано.

Он протянул руку, на пальце которой было широкое кольцо с эмалью, и приложил ладонь к щеке Шана.

— Корвал Видит Шана йос-Галана, ребенка Эр Тома йос-Галана и Энн Дэвис, — объявил он.

Слова высокого лиадийского разнеслись по саду ударами колокола, заставив птиц замолчать. Он нагнулся и поцеловал Шана в губы и только потом отнял руку.

— Добро пожаловать, Шан йос-Галан. Клан ликует.

«И это, — подумала Энн, ощущая поразительный и внезапный прилив радости, — все. Надеюсь, Эр Том считает, что хлопоты того стоили».

Шан рассмеялся и встал на цыпочки, чтобы выдрать лист из волос своего дяди, продемонстрировав ему свою добычу.

— Цветок.

— Лист, я полагаю, — мягко поправил его Даав. — И очень славный.

Он выпрямился одним плавным движением, продолжая одной рукой держать ребенка, а второй взмахнув театрально широко.

— Итак, все вопросы, требовавшие моего внимания! Пойдемте в дом и выпьем вина. И съедим ленч к тому же. Ибо я не постыжусь признаться тебе брат, что перед тобой — человек, умирающий от голода.

— В этом зрелище нет ничего нового, — спокойно отозвался Эр Том, подходя к Энн и подставляя ей руку. Он адресовал ей улыбку. — Ты выпьешь вина и поешь, перед тем как мы поедем в Треалла Фантрол, друг?

Ощущение счастья было головокружительным, неуместно пьянящим, так что она с трудом удержалась, чтобы не наклонить голову и не поцеловать Эр Тома в губы со всей страстью. Только сознание того, насколько это было бы неуместно — здесь, — помогло ей сдержать чувства.

Так что вместо того, чтобы его поцеловать, она одарила его улыбкой и продела свою руку в его.

— Вино и еда — это звучит прекрасно, — тепло сказала она и позволила ему увести ее в дом.

Глава восемнадцатая

Когда выбираешь союзника, соображения дома, клана, планеты и расы несущественны по сравнению с двумя основными вопросами, которые таковы:

1. Умеет ли он стрелять?
2. Будет ли он стрелять в вашего врага?

Извлечение из Вахтенного журнала
Канtry йос-Фелиум

Легкий ленч было приказано принести в Малую Гостиную, куда они и отправились. Вино было налито всем взрослым (Шан получил хрустальную стопочку, до половины наполненную цитрусовым пуншем) и выпито с должной церемонностью.

Вскоре после этого Эр Том объяснил, что ему надо позвонить своей родительнице, и с извинениями ушел. Даав и Шан направились к окну, и взрослый стал показывать ребенку, где в кустарниковых зарослях наиболее велика вероятность увидеть кроликов — если мальчик терпелив и зорок.

Ненадолго оставшись наедине с собой, Энн медленно обошла комнату, пригубливая терпкое белое вино и пытаясь рассмотреть все сразу.

Ковер... ковер был определенно харзианским шерстяным, вручную сотканным несколькими поколениями одной семьи. Один раз ей попалось голограммическое изображение подобного сокровища, и сейчас она узнала характерные каштановые и кобальтовые краски среди других, менее ярких. Они были умело соединены таким образом, что создавали пышный цветочный сад, где каждое растение было таким же неповторимым, как снежинка.

Ближе к одной из стен комнаты ковер оканчивался, обегая вокруг камина из темно-серого камня, в котором были приготовлены белые поленья. Каминная доска, обрамлявшая его, была вырезана из незнакомого ей блестящего красноватого дерева, с центральным медальоном размером чуть больше ее кулака. Изображение какое-то время дразняще не давалось ей, но потом она его опознала: Картушка Компаса, с изящной простотой выраженная гладким красным деревом.

Отступив от камина, она чуть было не споткнулась о столик с двумя удобными с виду креслами. На столе была разложена доска, размеченная голубыми и коричневыми клетками, окаймленная широкими полями, похожими на страны. Энн насчитала всего двенадцать стран, в каждой из которых содержалось двенадцать маленьких клеток.

На столе рядом с доской лежали четыре двенадцатигранные эбеновые игральные кости. Поблизости также оказались две неглубокие деревянные чашечки, каждая из которых была наполнена овальными камешками. Камешки в правой чашке были красными, а в левой — желтыми.

— Вы играете, филолог Дэвис? — неожиданно спросил Даав совсем рядом с ней.

Она подняла голову, едва заметно вздрогнув, и покачала головой.

— Это доска для контрапанса, да?

— Именно так. Вы должны попросить моего брата обучить вас: он страшно увлекается этой игрой. И к тому же прекрасно играет. — Он адресовал ей быструю улыбку, от которой от уголков глаз разбежались мелкие морщинки. — Хотя, конечно, ему не следует знать, что я так сказал.

Энн рассмеялась.

— Да. Я могу понять, что это было бы... неудачным ходом.

— Совершенно верно, — согласился он, приветственно приподнимая рюмку. — Я оставил юного Шана высматривать кроликов, — продолжил он спустя мгновение, указывая в сторону окна, где неподвижно застыл ребенок, прижавшийся носом к стеклу.

— Это займет его до ленча, — сказала она, ухмыляясь. — На Университете кроликов маловато.

— А! Ну, здесь их более чем достаточно, чтобы он смог ими насладиться, можете не беспокоиться.

Он чуть наклонил голову, изучающе глядя на нее.

Энн подняла рюмку — и тут же опустила ее, поскольку ее внимание привлекло какое-то движение у самого пола.

— Какая красавица кошка! — выдохнула она.

Даав йос-Фелиум повернул голову.

— Леди Достоинство, как любезно с вашей стороны к нам присоединиться. Проходите, не стесняйтесь, поздоровайтесь с гостьей.

Кошка прекратила свое движение по ковру и устремила на него взгляд круглых голубых глаз. Выждав секунду, она уселась, подняла лапку и начала умывать мордочку.

— Развратница, — спокойно проговорил мужчина, и Энн рассмеялась.

— Леди Достоинство? — спросила она. — Она очень робкая?

— Боюсь, что просто дурашливая. И очень высоко себя ставит. Однако она прекрасно справляется со своими обязанностями, так что я стараюсь не жаловаться.

— Со своими обязанностями? — Она выразительно осмотрелась. — Только не говорите, что у вас водятся мыши!

Он рассмеялся — весело и громко, совершенно непохоже на тихий и нечастый смех Эр Тома.

— Нет, не скажу! Но тем не менее она полезна.

Энн посмотрела туда, где на ковре устроилась кошка, уютно подогнув лапки под кремовую грудку и полузакрыв глаза на маске из более темной шерстки.

— Она отпугивает незваных гостей, — предположила Энн, и Даав округлил свои темные глаза.

— А разве я не для этого держу дворецкого? Нет, я вам признаюсь...

Он отпил немного вина и посмотрел на кошку — а потом снова на Энн.

— Моя сестра — очень благовоспитанная дама, — серьезно начал он, — и я ужасно ее огорчаю. Она говорит, что я лишен собственного достоинства — и боюсь, что она права. Однако выволочками не создашь того, чего не даровали боги,

и, признаюсь, мне надоело слушать напоминания о моем недостатке.

Он подбородком указал на дремлющую кошку.

— И вот я подрядил эту леди действовать за меня. Теперь, когда моя сестра вопрошаєт, где мое достоинство, я могу немедленно ее продемонстрировать.

Энн возвзилась на него. Ее улыбка становилась все шире, изгибая ее полные губы и зажигая искры в глазах. А потом улыбка сменилась негромким смехом, и она с напускной укоризной покачала головой.

— Ваша бедная сестра! Не думаю, чтобы ее это позабавило. Даав печально вздохнул, но глаза его искрились.

— Увы, боги обделили Карин чувством юмора.

— Даав! — воскликнул у окна бдительный Шан. — Смотри, Даав! Кот!

— Милосердные боги, в моем саду?

Он покинул Энн и пересек ковер быстрыми неслышными шагами, чтобы наклониться к плечу мальчика.

Энн медленно подошла к ним как раз вовремя, чтобы увидеть, как гигантский бело-рыжий кот исчезает в кустах у корней небольшого дерева.

— Релчин, — объяснил Даав. — Несомненно, отправился охотиться на птичек. — Он взглянул на Энн. — Он никогда ни одной не может поймать, но погоня его очень развлекает.

— Тренировка, — согласилась она очень серьезно.

— Совершенно верно, — пробормотал он и собрался было добавить что-то еще, когда у двери раздались шаги.

— А, вот и ты, брат! А мы как раз гадали, когда же ты вернешься и позволишь нам поесть! — Он проскользнул мимо Энн и пересек комнату, заслоняя от нее лицо Эр Тома. — И как ты нашел свою мать, мою тетку?

— Слегка... расстроенной сегодня.

Голос Эр Тома звучал как всегда мягко и ровно, однако Энн ощутила тревожную дрожь и потянулась, чтобы взять Шана за руку.

— Эр Том, если твоя мать не... может... взять на себя обузу в виде гостей... — начала она.

В следующую секунду он уже оказался рядом с ней и серьезно смотрел ей в глаза.

— Ничего подобного, — уверил он ее все так же мягко, хотя она вдруг похолодела от страха. — Она шлет свои извинения гостье из-за того, что не сможет приветствовать вас сразу же, как вы приедете. Она предвкушает удовольствие от встречи с вами за главной трапезой этим вечером.

Энн внимательно посмотрела ему в глаза, чувствуя — твердо зная, — что что-то не так. Очень не так. Эр Том лгал ей. И эта мысль, эта твердая уверенность, потрясла ее настолько, что лишила дара речи.

— Энн?

Он протянул руку, и она крепко вцепилась в нее, словно это была брошенная ей веревка, а она тонула в пучине.

— Что случилось? — отчаянно спросила она. Ее голос стал вдруг хриплым и сухим. — Эр Том...

Его пальцы оставались сильными, ответно сжав ее руку. Его глаза продолжали прямо смотреть на нее.

— У моей матери... неудобства, — терпеливо проговорил он. — Она не сможет встретить вас сразу же, но обязательно сделает это за трапезой. — Его пожатие усилилось — до боли, однако Энн не попыталась убрать свою руку. — Вы — желанные гости в моем Доме, Энн. Пожалуйста.

Она еще секунду удерживала его взгляд и руку, отчаянно пытаясь понять его проблему, определить болезнь. Наконец, сдавшись, она склонила голову и высвободила пальцы.

— Хорошо, — тихо вымолвила она и, подняв голову, успела увидеть, как темные глаза Даава Йос-Фелиума медленно переходят с ее лица на лицо Эр Тома.

Ленч прошел в оживленной светской беседе, для которой, похоже, у брата Эр Тома оказались просто неисчерпаемые запасы. Отщипывая кусочки сыра, Энн даже считала нелепым, что меньше часа назад он показался ей странным и пугающим. Теперь он стал просто занятным молодым человеком со вкусом к театральности и склонностью рассказывать самые смешные истории с совершенно серьезным лицом.

«На самом деле он немного похож на Джерзи», — решила она и вдруг почувствовала укол ностальгии.

Эр Том в разговоре участвовал мало: только подталкивал своего чалекет на очередную нелепую историю и снисходительно подтверждал истинность совершенно невероятных событий. В основном он занимался тем, что скормливал Шану кусочки сыра и ломтики фруктов с тарелки, которую наполнил для себя.

Тайком наблюдая за ним, Энн решила, что Шан справился почти со всем содержимым тарелки, а Эр Том, возможно, отведал со своим вином только чуть-чуть сыра. Понимая, что он тревожится, она гадала, насколько больна его мать.

Когда наконец ленч был окончен, Даав проводил их по длинному коридору до вестибюля, где еще раз обнял Эр Тома.

— Не будь далеким, — сказал он, и Эр Том улыбнулся (довольно бледно, решила Энн) и поймал брата за локоть.

— Приходи на главную трапезу. Пожалуйста.

Глаза Даава широко раскрылись.

— Что, сегодня?

— А почему бы и нет?

— Прекрасный вопрос. Приду, весь раздетый. А тем временем поклонись от меня своей матери.

Улыбка Эр Тома на этот раз получилась не такой напряженной. Даав наклонился, чтобы обнять Шана и поцеловать его в щеку.

— Пока, племянник. Приходи ко мне в гости часто, ладно? Думаю, мы с тобой великолепно поладим.

Шан ответил на объятия и поцелуй с немалым жаром, а потом отступил на шаг, чтобы помахать рукой.

— Пока, Даав.

Мужчина чуть поклонился. Энн истолковала поклон как приветствие между родичами.

— До скорого, юный Шан. До свидания, филолог Дэвис. — Ей был адресован поклон, выражавший уважение. — Надеюсь, что мы еще поговорим. Я ведь читал ваши работы, знаете ли, и был бы рад возможности обсудить ваши идеи более подробно, с вашего разрешения.

— Это было бы приятно, — ответила она ему, отвечая на его поклон поклоном, выражавшим почтение к делму, который не является твоим собственным. — Я буду с нетерпением ждать этого.

— Хорошо.

Его глаза зорко смотрели на нее, и ей снова показалось, что он совершенно ей недоступен, что он настолько чужд ей, что этого даже понять невозможно.

— А тем временем, — добавил он, став воплощением мягкой любезности, — если будет такой вопрос, в котором я мог бы вам быть полезен, знайте, пожалуйста, что я полностью в вашем распоряжении.

— Спасибо, — сказала она, стараясь как можно точнее подражать его интонациям. — Вы любезны и... добры... к чужаку.

Еще одну секунду темные глаза обжигали ее, а потом он с изящным поклоном рас прощался с ними у дверей.

— До трапезы, — крикнул он, подняв руку, когда Эр Том уже включил двигатель машины. — Будьте здоровы, все.

Глава девятнадцатая

Лучший совет землянину, которого томит желание посетить прекрасную планету Лиад: оставайся дома.

Из «Путеводителя по Лиад для землянина»

— Название долины, — сказал Эр Том (как показалось Энн, специально для того, чтобы помешать ей задавать новые вопросы), — звучит так: Валкон Беранта. Долина Корвала, как говорят в Солсентре. Пассажиры отдали ее Кантре йос-Фелиум и Тор Ану йос-Галану в уплату за пилотирование. Конечно, первым был построен Джелаза Казон — после того, как посадили Дерево. Треалла Фантрол — дом йос-Галанов — появился позже. Его построили как... сторожевой пост, как бы ты выразилась... чтобы охранять подъездную дорогу и слу-

жить первой линией обороны. И чтобы делм получил предупреждение.

Энн смотрела из окна на живописный пейзаж, переваривая новую информацию и мысленно поворачивая услышанные факты. Валкон Беранта? Лиадийское название, произнесенное Эр Томом, никак не могло означать «Долина Корвала». Сосредоточенно поразмыслив около минуты, она пришла к выводу, что его значение — «Цена Дракона», или, может быть, «Сокровище Дракона».

— Сторожевой пост? — спросила она, пока Эр Том притормозил и начал поворачивать на новую подъездную аллею. — Здесь были войны?

— О, ну, в давние времена, знаешь ли, случались... неустройства. Дела не всегда шли гладко, и Совет Кланов не всегда приходил к согласию. Даав говорит, что на цивилизованное поведение никогда нельзя рассчитывать. — Снова зазвучал его мягкий смех, такой непохожий на то, как смеялся его чалекет. — Не опасайся, что я прошу тебя гостить в крепости, друг. В Треалла Фантрол достаточно... уютно. Уже очень скоро...

Действительно, им понадобилось еще три минуты и два крутых изгиба обсаженной деревьями аллеи. Машина проехала под аркой, обильно увитой желтыми цветами, и оказалась на дуге, ведущей к дому.

Эр Том остановился у лестницы и выключил двигатель. Энн застыла на месте, пытаясь не глазеть слишком откровенно. Шан у нее на коленях тоже не шевелился.

Треалла Фантрол оказался дворцом, с мраморной лестницей и высоким гранитным фасадом. В сером камне бриллиантами сверкали стекла окон, в обе стороны уходили газоны, похожие на мягкий зеленый бархат.

— И это — сторожевой пост? — спросила она дрогнувшим голосом.

После теплой простоты дома Даава...

— Мы все жили бы в Джелаза Казон, — тихо проговорил Эр Том, — если бы могли.

Он ласково положил руку ей на плечо, но тут же снова ее убрал.

— Пойдем, позволь мне отвести тебя и нашего сына в ваши комнаты. Я на время вас оставлю, чтобы вы смогли отдохнуть и освежиться. Для ухода за нашим сыном нанят служащий — госпожа Интасси, которая была нашей няней, когда мы были маленькими. Она прибудет до трапезы. Я велю господину пак-Оре, чтобы ее немедленно привели к тебе...

«Болтает! — подумала Энн, немало изумившись. Тем временем Эр Том обошел машину и поставил Шана на ноги. — Эр Том просто меня забалтывает!»

Продолжая болтать, он провел их по мраморной лестнице, в парадную дверь и по гулкому вестибюлю, а потом — по Главной Лестнице, которая была сплошь покрыта резьбой, изображавшей Великое Переселение. А потом по бесконечному коридору до ее комнаты.

— В доме есть отпечаток твоей ладони, — сказал он ей, когда дверь открылась. — Если что-то окажется не совсем так, как тебе хотелось бы, только скажи мне — и недочет будет исправлен.

Он взглянул на нее, и его болтовня внезапно смолкла, а в глазах вспыхнул огонь. Он отвел взгляд.

— Извини, что я так сразу тебя оставляю, Энн. Я... необходимость. Позже, если хочешь, я покажу тебе дом — и территорию вокруг него. — Он положил ладонь ей на руку и на этот раз не стал убирать ее настолько быстро. — Мой личный код есть в твоем компьютере. Если я... чем-то... могу тебе служить, то без колебаний...

— Хорошо, — успокаивающе отозвалась она и вопреки всякому здравому смыслу протянула руку, чтобы погладить его по щеке.

Ей хотелось только немного умерить нервозность Эр Тома. Как только она к нему прикоснулась, то сразу поняла, что это было ошибкой. Чтобы понять это, ей даже не нужно было услышать его резкий вздох или видеть его пылающий взгляд, который был точным отражением вспыхнувшего в ней желания.

Снова попав во власть колдовства, она беспомощно смотрела в его глаза. Ее пальцы дрожали на его щеке и не желали — не могли — двигаться.

Первое движение сделал Эр Том.

Один шаг назад, взгляд обдает ее жаром. Ее рука безжизненно упала вниз, а он поклонился: почтение иуважение.

— Я вернусь, — произнес он едва слышно. — Пожалуйста. Чувствуя себя в нашем доме спокойно.

Повернувшись на каблуках, он исчез, и дверь с тихим шорохом закрылась у него за спиной.

Как было приказано, он явился в ее личную гостиную, одетый в простую рубашку и брюки, с пылью порта на сапогах. Его поклон был покорным и низким.

— Приветствую вас, матушка.

— Здравствуй, мой сын.

Петрелла рассматривала его из своего кресла. Она намеревалась заставить его подергаться, пока она неспешно разглядывает растрепанные ветром золотые волосы, тонкие крылья бровей над глазами — скорее лиловыми, чем голубыми, — приятную симметрию черт лица и твердую, недоверчивую линию губ. Эр Том, ее сын, который не был ее сыном. Он был отдан Чи, и вернулся к матери, которая его родила, только на двенадцатый день именования, когда взошел на борт «Исполнения Долга» в качестве юнги.

Петрелла вынуждена была признать, что он похож на Чи — а значит, и на нее саму, поскольку они с сестрой были близнецами, похожими, как две горошинки в стручке. Она знала его как воспитанного и послушного, до предела преданного долгу. Он был совершенно не такой, как его перемечивый чалекет — тот казался скорее подменышем, чем сыном Клана Корвал.

— Та женщина и ее ребенок в нашем доме? — спросила она, позволив ему услышать резкие интонации ее недовольства.

Он отвесил ей поклон, нисколько не смущившись.

— Филолог Энн Дэвис почтила Дом, став его гостьей, — проговорил он со своей обычной мягкостью. — Она — мать Шана йос-Галана, Увиденного Корвалом.

— О, вот как?

Петрелла выпрямилась во весь свой рост, готовясь перейти к нападению.

— Шан йос-Галан, — спокойно продолжил Эр Том, — это сын Эр Тома йос-Галана и внук Петреллы йос-Галан. — Он поднял голову. Лиловые глаза ничего не выражали. — Было бы... великоложно... если бы Тоделм продолжила то, что начал Делм.

— Ты посмел! — выдохнула она, и гнев придал ей жизненной энергии. — Разве твой Тоделм — это фишка контрашанса, чтобы танцевать под выбранную тобой музыку? Твой чалекет, Делм, видел твоего бастарда, да? Ты представляешь готовый факт, а я — слишком слабая, чтобы помешать позору — послушно делаю свой поклон и позволяю нахальному юнцу мною управлять?! Подумай хорошенько, мастер-купец. Этот ребенок — не из моих.

Она с удовлетворением заметила, что его твердые губы чуть сжались. Адресованный ей поклон был полон серьезности.

— Госпожа Интасси, — негромко сообщил он, словно она только что высказала ему какую-то пустую любезность, — приглашена заботиться о моем сыне. Сегодня днем она прибывает, чтобы возглавить детскую.

Секунду она могла только глязеть на него, а потом осторожно вздохнула. Ее пальцы угрожающе стиснули подлокотники кресла.

— Ясно. А если твой Тоделм попросит тебя снять дом в городе, где эти очаровательные отношения могли бы продолжаться как задумано?

Он поклонился еще раз, все так же вежливо и серьезно.

— Тогда я, конечно же, немедленно удалюсь.

И столь удачный брачный контракт с Синтебрай эл-Кемин никогда не будет заключен, поняла из его слов Петрелла. Она возмущенно смотрела на сына, обдумывая свой следующий ход.

— Просвети меня, пожалуйста, — приказала она спустя несколько мгновений, — где именно ты встретился с этой... персоной, которая имеет честь быть гостем йос-Галанов?

Разлетающиеся брови шевельнулись — и снова расправились.

— Мы с филологом Дэвис познакомились на Процишки, в тот момент, когда «Исполнение Долга» перевозило лиадий-

ский состав Объединенной Торговой Миссии. Филолог Дэвис проводила экспедицию по гранту Центрального Университета, где она преподает.

Он немного помолчал.

— Мы встретились на приеме у начальника порта, — договорил он мягко, — и заключили любовную связь.

— Рядом с тобой было столько лиадиек, а ты сделал своей возлюбленной землянку?

Она недоуменно взорвалась на него. Лиловые глаза сверкнули, но мгновенно спрятались в тени длинных темно-золотых ресниц. Эр Том ничего не сказал.

— Отвечай, сударик! Я желаю знать, как сын этого Дома мог настолько забыться, что...

— Я думал о себе! — резко прервал он ее и теперь уже не пытался скрыть своего гневного взгляда. — Ее не волновала возможность спать с а-тоделлом, не тревожил близкий контакт с Корвалом! Ей едва было дело до этого! — Тут он вскинул руку, и кольцо мастер-купца рассыпало лиловые искры. — Если не считать того, что вот это свидетельствовало о моей компетентности, а она восхищается компетентностью.

— Право! Ты меня заинтересовал. И скажи мне, до чего ей было дело, если не до того, кем ты являешься?

Он судорожно вздохнул, и его губы плотно сомкнулись в прямой линии.

— Ей было дело до меня, — тихо проговорил он. Казалось, пламя погасло так же стремительно, как и вспыхнуло. Он пошевелил рукой, чуть смягчая свои слова. — Возможно, поначалу дело было в том, что я лиадиец, экзотический человек, — и моя внешность была ей приятна. А какие вещи важны для лиадийских возлюбленных? Для меня было важно, что она дарила дружбу без расчета на прибыль, открыла мне свою дверь и свое сердце, словно я был с ней в родстве.

— И заимела твоего ребенка, к ее чести! — ехидно заметила Петрелла. — Странное событие для той, кто так восхищается компетентностью.

Эр Том наклонил голову.

— Поначалу я тоже так подумал, — признался он к ее удивлению. — Энн... филолог Дэвис, как мы уже говорили,

не лиадийка. Несмотря на это, она человек чести и безупречного меланти. То, что ее необходимость потребовала, чтобы она родила моего ребенка без должных переговоров... прискорбно. Однако, склонившись перед необходимостью, она попыталась должным образом следовать требованиям чести, по обычаям своей родной планеты. Итак, ребенок стал йос-Галаном. К вящей радости и увеличению Клана.

Петрелла обожгла его возмущенным взглядом.

— Я не допущу, чтобы ты играл на моих чувствах, сударик! Старайся об этом не забывать.

— Как скажете.

Он поклонился в знак повиновения и замер неподвижно, спокойно опустив руки вниз. Его лицо выражало только беспристрастное внимание.

Петрелла чуть было не рассмеялась: это была уловка из арсенала Чи, рассчитанная на то, чтобы смутить противника и заставить его отвечать — а очень часто и ошибаться. Она позволила молчанию затянуться, дразня его терпение. Когда она снова заговорила, ее голос зазвучал почти мягко:

— Итак, Шана йос-Галана Увидел Делм. Скажи мне, сделай милость, что именно Делм Увидел.

— Ребенка, которому скоро исполнится три стандартных года, — тихо сказал Эр Том, — с бледными волосами и серебристо-голубыми глазами, смелого и внимательного. Он успешно решает головоломки и складывает мозаики, рассчитанные на то, чтобы занимать детей в полтора раза его старше. Он видит то, что называет искрами, по которым может определить эмоциональное состояние другого.

Петрелла изумленно взорвалась на него.

— Землянин? — вопросила она.

Было видно, как Эр Том вздохнул.

— Йос-Галан, — терпеливо ответил он. — А эта семья в течение многих лет после Исхода дала десятки Целителей и драмлиз. Зачем же удивляться, когда еще один ребенок Семейства проявляет такие способности?

Петрелла закрыла глаза. Землянин, чтобы все лопнуло. В лучшем случае полукровка — йос-Галан. И в нем уже замет-

ны признаки таланта Целителя? Безусловно, столь раннее проявление — это редкость. А вместе с обещанием способностей к пилотированию... Легко понять, чем это неуместное дитя привлекло Делма Корвала. Почти понятно, что он рискнул навлечь на себя гнев Тоделма йос-Галан, чтобы приобрести для Клана такие перспективы.

— Филолог Дэвис, — тихо проговорил Эр Том, — лингвист, пользующийся большим уважением в своей области. Вы можете пожелать прочесть ее работы...

Петрелла открыла глаза.

— Ученые меня не интересуют, — безапелляционно заявила она. — Особенно земные ученые.

Несколько мгновений напряженного молчания — а потом Эр Том поклонился.

— В этом случае, — тихо сказал он, — я все же сниму дом в городе. Я не допущу, чтобы к ней было проявлено неуважение.

— Ты — что? — вопросила Петрелла, и в ее голосе послышалось глубочайшее изумление.

— Я сказал ясно, — ответил Эр Том, глядя ей прямо в глаза.

Она встретилась с ним взглядом и прочла его решимость. Так были заявлены условия: честь земной ученой или отказ от всякой надежды на более законного наследника йос-Галанов.

— Я убеждена, что ты сошел с ума, — объявила Петрелла, продолжая смотреть на него в упор.

Он поклонился, с изящной иронией принимая ее суждение.

— Так.

Она передернула плечами, ощущая, что силы вот-вот окончательно оставят ее.

— Отлично, — отрывисто бросила она ему. — Земной филолог будет гостью йос-Галанов. На дюжину дней. Если ее дела на Лиад потребуют, чтобы она задержалась дольше этого срока, она может гостить где-то в другом месте. В течение же указанного срока ей будет оказана вся надлежащая честь.

Секунду ей казалось, что он не удовлетворится таким компромиссом. А потом он поклонился в знак согласия.

— Это услышано.

— Хорошо, — огрызнулась она. — Пусть это также будет запомнено. А теперь уходи и оставь меня в покое. Я увижу тебя и гостьюю Дома за трапезой.

— Да, матушка, — отозвался он и добавил: — С нами также будет Даав.

— Конечно, будет, — устало сказала она. — Уходи.

Он так и сделал, хотя и без поспешности. Петрелла подумала, что он — слишком опытный игрок, чтобы дать ей преимущество, показав, что либо успокоен, либо расстроен результатами их разговора.

Петрелла закрыла глаза и позволила себе обмякнуть в кресле, сосредоточившись на собственном дыхании. Ее мысли начали разбегаться. В последнее время так бывало достаточно часто, и это было предпочтительнее, чем безрадостность постоянной боли. На этот раз она вдруг вспомнила один давний разговор со своей сестрой.

— Даав — лесное существо, сплошные зубы и глаза, — проговорила Чи, поднося к губам рюмку вина. — Он знает правила, этикет — но будет ли он им следовать? Вот в чем вопрос. — Она улыбнулась. — Ну ладно. Разведчики его приручат, можно не сомневаться. Что до твоего...

Петрелла пригубила вино, с привычным спокойствием выжидая, пока ее сестра не причешет свои мысли словами.

— Твой сын — это... чудо, учитывая его место в линии наследования, как сына Сестры-Близнеца Делма... — Тут они обменялись улыбчивыми взглядами, а потом Чи повела рукой и продолжила: — Он — милый ребенок, твой Эр Том: воспитанный, послушный и спокойный. Он знает все правила и применяет их как положено, без иронии или бунта. Время от времени я помечаю, как он подсказывает Дааву... и удивительно, что мой дикарь принимает эти подсказки снисходительно! Но ты не должна боятьсяся, что он туп. Они оба такие острые, что впору обрезаться. Просто меня тревожит эта мягкая порядочность, сестра. Это так не похоже на обычные качества Корвала...

Петрелла вспомнила, как она тогда засмеялась, отмахнувшись от опасений сестры.

— Стоит ли горевать, что наконец-то Корвалу — пусть по какой-то случайности! — удалось заполучить послушного ребенка?

— Послушного... — Чи отпила еще немного вина и устремила взгляд куда-то далеко, возможно, в иные миры. А потом вдруг сосредоточилась и адресовала сестре свою широкую ироническую улыбку. — Подозреваю, что однажды он сможет нас удивить, сестрица. И я достаточно хорошо знаю историю, чтобы беспокоиться, чем именно. Хотя я признаю, что когда это произойдет, это будет несомненно забавно.

Тогда Петрелла снова рассмеялась, подлила сестре еще вина — и разговор перешел на другие темы.

«И вот, — подумала Петрелла, открывая глаза в наполненном болью настоящем, — Эр Том наконец удивил».

И она гадала, позабавило бы это Чи или все-таки нет.

Глава двадцатая

Если ты оденешься в доблесть, то этого костюма хватит на всю жизнь.

Уильям Арнот

Более красивого наряда у нее в жизни не было.

Открывая платяной шкаф, Энн подумала, что на самом деле это — ее единственное вечернее платье. Оставалось только надеяться, что оно окажется достаточно официальным для лиадийской трапезы, на которой будет присутствовать не только делм и наследник делма, но и тоделм ее возлюбленного, бабка ее сына.

До встречи с Эр Томом йос-Галаном Энн просто насмешила бы мысль о том, чтобы иметь такой экстравагантный наряд, как то роскошное зеленое произведение портновского искусства, которое она приобрела на Процишки. Но... «Посольский прием, с танцами», — сказал ей Эр Том, как всегда мягко и нежно. Не будет ли ей интересно сопровождать его туда?

Ее заинтересовала бы даже перспектива сопровождать его в ад, с грустной улыбкой вспомнила она, снимая зеленое платье с вешалки. Она приняла его приглашение с радостью, не задумываясь, — а потом потратила целый день — и слишком большую часть своих скучных личных средств — на приобретение зеленого платья.

Дивная ткань скользнула по ее плечам, упала вниз и легла, гладкая, словно вода, на ее тело. Она надела туфли в тон платья и повернулась к зеркалу.

— О... боже!

Платье по-прежнему было волшебным, решила она, ошеломленно глядя на отражение в зеркале. Величественная дама, остановившаяся там, высокомерно ответила на ее взгляд. Смуглая кожа на фоне чистой зелени, блестящие каштановые волосы, глаза, полные бархатной чувственности.

От узкой талии до пышной груди платье было переплетено золотыми цепочками, настолько тонкими, что, казалось, их отковали в кузнице эльфийских владык. К платью прилагалась еще одна цепочка, которую следовало обвить вокруг шеи.

Тогда, на посольский прием, она еще надела золотую ленту, которую пропустила через сложно уложенные волосы. Лента была вскоре потеряна — а волосы ужасно растрепались. Бал оказался скучным, и они рано ушли, прихватив салфетку, полную деликатесов, похищенных со столика с закусками, — и открытую бутылку, предложенную снисходительным официантом.

Ослепительно разряженный Эр Том отвез их в Здание Торговли и вытащил из багажного отделения флиттера штуку ткани.

— Нельзя портить твоё платье, — пробормотал он, стряхивая бесценное кружево манжет с кистей рук и расстилая алый шелк, словно одеяло...

Энн встряхнулась.

— Хватит этого, — строго сказала она своему отражению, а потом решительно отвернулась.

Туалетный столик был приведен в порядок теми же заботливыми руками, которые распаковали ее одежду, аккуратно развесив и разложив все вещи.

Справа лежали ее гребень, щетка и зеркальце: лакировка на черном дереве потерлась, обернутые серебром ручки потемнели. Слева стояла обкованная лаковая шкатулка, в которой хранились ее немногочисленные украшения.

Оберегая изношенные пластиковые петли, она откинула крышку. В дальнем углу шкатулки, светясь в темной глубине наподобие свечки, лежала резная коробочка из слоновой kostи, в которой было колье, подаренное Эр Томом «чтобы сказать прощай». На секунду ей захотелось надеть это ожерелье сегодня вечером: ведь оно безусловно было самым красивым из ее жалких драгоценностей.

«Он просил тебя его не носить», — напомнила она себе, невольно прикасаясь к тонкой резьбе кончиками пальцев. Вздохнув, она покачала головой и вместо этого застегнула на шее золотую цепочку, прилагавшуюся к платью.

В мочки ушей она вдела простые золотые кольца, простила золотыми гребнями убрали с лица волосы.

Общая картина оказалась более строгой, чем ей хотелось бы, несмотря на волшебство зеленого платья.

«Ну что ж, — грустно подумала она, — и, может быть, мамочка Эр Тома пожалеет тебя, девочка Энни, поскольку совершенно ясно, что никаким меланти ты похвастаться не можешь».

Либо же мать Эр Тома может воспринять простоту украшений гостьи как личное оскорблениe. Энн судорожно сглотнула, стараясь успокоить трепещущее сердце.

— Может, мне лучше съесть мисочку супа и гренки у себя в комнате, — произнесла она вслух без всякой убежденности, потому что это точно было бы оскорблением, и мать Эр Тома была бы вправе за него мстить.

И в тот момент, когда Энн уже начало казаться, что в этом не было бы ничего плохого, прозвучал мелодичный звонок от двери.

В завихрении зеленого платья она вышла из спальни, пересекла просторную кухню и роскошную гостиную. На секунду задержавшись, она приложила ладонь к пластине замка, стараясь не морщить лоб и успокоить прыгающее сердце.

Не годится, чтобы господин пак-Ора, явившийся выполнить обязанности дворецкого и проводить гостю в столовую, увидел ее задыхающейся от страха.

Надеясь, что ее лицо выражает только спокойное ожидание, она открыла дверь.

Эр Том поклонился, низко и красноречиво, поднял голову и тепло ей улыбнулся.

— Добрый вечер.

— Добрый вечер, — выговорила она с трудом, потому что язык у нее вдруг прилип к гортани. Она сделала шаг назад и взмахнула рукой, не украшенной кольцами. — Входи, пожалуйста.

— Спасибо, — серьезно сказал он, как будто дверной замок не был закодирован и на его ладонь, а только на ее собственную.

Он прошел в комнату, и дверь у него за спиной закрылась.

На Эр Томе были облегающие темные брюки, считающиеся должностным официальным костюмом для лиадийских мужчин. Она по опыту знала, что ткань их на ощупь невероятно мягкая. Его белая рубашка с широкими рукавами была из шелка — или чего-то еще более драгоценного. Пена кружев у горла скрепляла булавка с изумрудом. Изумруды блестели у него в ушах и на изящных пальцах, полускрытых такими же пленными кружевами.

— Энн? — Его взгляд согрел ее лицо. — Что-то не так?

Она встряхнулась, только теперь заметив, что уставилась на него.

— Я просто думала о том, какой ты красивый, — сказала она и почувствовала, как у нее загорелись щеки. Ведь он пришел сюда, чтобы отвести ее к своей матери...

Эр Том тихо рассмеялся и поклонился — легко и весело.

— А я, — проговорил он, — изо всех сил старался не думать о тебе то же самое.

«Милосердные боги, комплимент!» Она чуть было не засмограла, но вовремя спаслась с помощью собственного поклона, принимая его восхищение.

Его глаза заискрились, но он чуть отвернулся и обвел рукой комнату.

— Здесь все так, как тебе хотелось бы? Нет ли чего-то еще, что Дом мог бы тебе предоставить?

— Все просто чудесно, — серьезно ответила ему она. — Мне будет не хватать всей этой красоты, когда мы вернемся домой.

И тут она все-таки изумленно заморгала, увидев его среди широких удобных кресел и высокого письменного стола.

— У вас часто гостят земляне?

— А? — Крылатые брови недоуменно сдвинулись. — Помоему, ты первая.

— Просто все... так удобно... для человека с ростом землянина. Я подумала...

— О! — Он понимающе улыбнулся. — Моя мать провела переоборудование, — пробормотал он, быстро обводя глазами гостиную.

Снова посмотрев на Энн, он почувствовал, как кровь у него разгорается от желания, но заставил себя ответить ей в соответствии с правилами вежливости.

— Она пожелала, чтобы гостья была принята как следует, — объяснил он. — Почему тебе не должно быть удобно в нашем доме?

Она с сомнением посмотрела на него, а потом вздохнула так глубоко, что на ее чудесной груди натянулась золотая шнурочка.

— Твоя мать сделала перестановку... перестроила эти апартаменты только для того, чтобы в течение нескольких недель мне было удобно?

— Конечно, — спокойно подтвердил он. — А почему бы ей этого не делать?

Он повел рукой, отвлекая ее от этой темы.

— Госпожа Интасси приходила с тобой поговорить? — спросил он, хотя сам только что беседовал с этой дамой. — Ты видела детскую и нашла ее приемлемой?

Энн рассмеялась, грациозно откинув голову назад.

— Твои понятия о... приемлемом, — проговорила она, но он расслышал в ее смехе беспокойство. А потом она тряхнула головой.

вой и стала более серьезной. — Детская выглядит чудесно. Госпожа Интасси, кажется... очень хорошо знает свое дело. — Она чуть помедлила. — Будет немного странно — и Шанни, и мне тоже, — что он будет спать так далеко...

— Не так уж далеко, — мягко ответил он. — Ты можешь навещать его всякий раз, как пожелаешь. Дверь имеет твой код.

Он чуть было не потянулся, чтобы взять ее за руку. Осмотрительность подавила этот порыв, не дав ему пойти дальше подергивания пальцев.

— Шан — наш сын, — повторил он те же слова утешения, что и днем, и увидел, как крошечные морщинки тревоги вокруг ее глаз разглаживаются.

Позволив себе улыбнуться, он поклонился и подал ей руку.

— Можно мне провести тебя в Первую Гостиную, друг? Моя мать очень хочет с тобой познакомиться. — Он бросил на нее озорной взгляд, ощущая непонятное веселье. — Не бойся, — шутливо сказал он ей. — Под рукой там будет вино.

Тут она засмеялась и приняла его приглашение, легко положив руку поверх его и переплетя их пальцы так, как он научил ее.

У самой двери она остановилась и заглянула ему в глаза. Ее взгляд потемнел от тревоги, так что его собственная жизнерадостность поблекла.

— Не дай мне сделать ошибки, — попросила она, и ее пальцы стиснули его руку.

На секунду его охватило изумление, сменившееся взрывом радости. Наконец-то он увидел знак ее намерений, который он надеялся увидеть с тех пор, как она отвернулась от брачного контракта.

«Не дай мне сделать ошибки». Она передала ему на хранение меланти, словно они — родня. Или спутники жизни.

— Эр Том?

Ее взгляд оставался встревоженным, и на ее лице начало проявляться сомнение.

Словно она могла бы думать, что то, о чем она попросила, не является его собственным горячим желанием... Он остановил себя, вспомнив, что она землянка и плохо знает обычай.

Мягко и очень осторожно он поднял руку, едва коснувшись ее губ кончиками пальцев.

— Конечно, — ответил он, оставаясь серьезным, несмотря на расцветающую радость. — Я не дам тебе сделать ошибки, Энн.

И несмотря на все его усилия, с его губ сорвался смешок.

— Но если мы опоздаем на Час Встречи с моей матерью, — предсказал он, — ничто не спасет нас обоих!

Ее сын и гости опаздывали — о, всего на несколько минут, как признала Петрелла, удобнее устраиваясь в кресле, — однако опаздывали.

В их задержке она почти смогла усмотреть собственную победу. Мысль о том, что его земная шлюха окажется здесь, в его родном доме, в окружении всего, что только есть элегантного, пристойного и лиадийского, заставила Эр Тома опомниться.

Она уже почти начала взвешивать, насколько разумно было бы принять этого ребенка — этого Шана — в число йос-Галанов. Естественно, не в качестве наследника Эр Тома — юная Синтебра, несомненно, сможет достаточно хорошо послужить ему в этом. Но нельзя отрицать и того, что Клану не следовало бы отвергать того, кто может стать пилотом и Целителем, только потому, что в его жилах течет подпорченная кровь.

Ее рука приподнялась и почти дотронулась до кнопки, которая вызвала бы господина пак-Ору, — и замерла.

В коридоре звучали голоса.

Первым до ее слуха долетел негромкий говор Эр Тома. Она не уловила слов, но интонации были не высокими лиадийскими и не низкими.

Ответивший ему голос прозвучал даже слишком ясно: он оказался звучным, но не пронзительным, с отзвуками такой власти, которая звучит в речи обученных пренама.

— Я отправила сообщение Друсила тел-Бана, — объявил звучный голос на совершенно понятном земном, — где говорилось, что я уже на планете и надеюсь на скорую встречу. Конечно, мне надо будет поехать к ней, а это значит — арендовать машину. Если ты назовешь мне...

— Дом, — теперь и слова Эр Тома уже стали ясно различимыми, — предоставит тебе машину, друг. И водителя, если ты пожелаешь.

«Ох, да неужели?» — подумала Петrellла, напрягаясь среди своих подушек. Однако это была просто досада, потому что, конечно же, самому Эр Тому принадлежало такое количество всяких транспортных средств, что земной ученой можно вообще никогда в жизни больше не ходить пешком.

«Почет гостье», — напомнила она себе и надела маску вежливого спокойствия, с каким подобает иметь дело с теми, кто не принадлежит к вашему клану.

Она не смогла бы ответить на вопрос о том, какой портрет Энн Дэвис ее воображение нарисовало заранее. Однако достаточно верным было бы утверждение, что женщина, которая пересекла порог, держась за руку Эр Тома, удивила. Полностью.

Конечно, она оказалась великаншей и возвышалась над своим высоким и хорошо сложенным спутником, но двигалась она неплохо. По правде говоря, в ее походке было нечто очень пилотское, а плечи она держала ровно и прямо, как подобает любому человеку, имеющему гордость.

И хотя вся она была крупная, Петrellла признала, что все у нее пропорционально ее росту и что фигура ее обладает приятной — хотя и не поражающей — симметрией.

Платье ее подходило к ее фигуре и не было — на взгляд опытной купчихи — слишком дорогим. Ее простые цепочка и серьги и отсутствие показухи в отношении колец — все говорило о том, что это человек, знающий себе цену, не стыдящийся своего положения и не стремящийся представиться кем-то более значимым.

Лицо, на которое перевела затем взгляд Петrellла, имело крупные черты. Для настоящей красоты нос был слишком длинным, губы — слишком полными, глаза посажены чуть близковато, упрямые скулы излишне резки, лоб — высок и гладок. Это лицо было не красивым, а скорее интересным: умным и веселым. Его оживляли сверкающие карие глаза, а в складке губ ощущалась доброта, которая в немалой степени компенсировала упрямый подбородок.

Если бы Энн Дэвис была лиадийкой, в этот момент Петрелла могла бы признать, что испытывает к ней немалый интерес.

Однако Энн Дэвис была неопровергимо землянкой, а Эр Том, приведший ее сюда, продемонстрировал, что по-прежнему остается во власти своего безумия. Значит, их ребенок, что бы он ни мог принести Клану, должен оставаться бастардом-полукровкой, не признанным йос-Галанами.

С решимостью, которую оказалось удивительно трудно собрать, Петрелла повернула окаменевшее лицо к сыну.

— Добрый вечер, — проговорила она холодно и на исключительно высоком лиадийском, едва наклоняя голову.

— Добрый вечер, матушка, — мягко ответил он, кланяясь в знак уважения.

А потом он вывел землянку вперед, словно она была какой-то приезжей королевой, и еще раз поклонился.

— Я представляю вам Энн Дэвис, профессора лингвистики, мать моего ребенка и гостя Дома.

Он неохотно отпустил руку женщины и повернулся, чтобы поклониться ей.

— Энн, перед тобой — Петрелла, Тоделм йос-Галан, чьим сыном я имею честь быть.

«Красивые слова, — сердито подумала Петрелла, — от того, кто не имеет при этом чести быть послушным».

Ее удивило, что он провел представление на высоком лиадийском: ведь, конечно же, землянка, пусть какая угодно ученая...

Женщина, стоявшая перед ней, поклонилась с легкостью, удивительной для столь большого человека, в модальности взрослого, обращающегося к человеку, облеченному высоким званием. Этот выбор был очарователен своим отсутствием каких-либо намеков.

— Петрелла йос-Галан, — сказала она своим ясным голосом сказительницы, — я рада с вами познакомиться. Позвольте мне сразу же поблагодарить вас за великодушие, которое позволило мне стать гостьей вашего дома.

Петрелла чуть было не заморгала. То, что эта любезная благодарность высказана на высоком лиадийском, было поистине удивительно, хотя ее речь и портил довольно сильный

акцент. Однако следовало признать, что не у всех бывает соллинтский говор, тем более что это компенсировалось совершенно правильными интонациями и паузами, говорившими о том, что гостья понимает свои собственные слова, а не просто повторяет нечто, затверженное наизусть.

На любезность необходимо было ответить любезностью. Это было требованием ее собственного меланти, даже если бы между нею и ее сыном не было больше ничего. Петрелла церемонно наклонила голову.

— Энн Дэвис, я также рада с вами познакомиться. Простите, что я не встаю, чтобы приветствовать вас должным образом.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, — ответила ее гостья. — Право, мое сердце тронула та доброта, с которой вы позволили мне и моему сыну быть здесь, несмотря на вашу болезнь. Я надеюсь, что мы не станем вас обременять.

Петрелла все еще пыталась понять, содержали ли эти поразительные слова намеренное оскорблечение, когда господин пак-Ора вошел сообщить о прибытии Делма.

Глава двадцать первая

Лиадийские кланы возникли как первичные формы организации общества, но потом развивались и оттачивались веками нелегкой жизни. Некоторые земные исследователи безоговорочно считают военными организациями, не осознавая, очевидно, что отношения старшинства в кланах бывают весьма гибкими и варьируются в зависимости от соображений меланти. Пусть делм — это «верховный главнокомандующий», а тоделм — его «заместитель», но ловкий подчиненный, преследующий собственные интересы, может осложнить жизнь этих командиров не хуже любого внешнего противника.

Из «Лекций приглашенного специалиста», т. 2,
Вильгельмина Невилл-Смит, Юнити-Хаус, Земля

— Даав йос-Фелиум, Делм Корвала, — сообщил присутствующим господин пак-Ора и отступил в сторону, пропуская пришедшего.

Неспешно и бесшумно он прошел по ковру, одетый почти так же, как Эр Том, с волосами, аккуратно стянутыми на затылке серебряной лентой. Перед креслом Петреллы йос-Галан он сделал поклон — низкий и почтительный.

— Доброго вам вечера, тетя Петрелла.

— Доброго вечера и тебе, племянник, — ответила старая дама, наклоняя голову. Ее тон был почти сердечным. Она подняла худую дрожащую руку, показывая в сторону Энн. — Насколько я понимаю, ты уже имел честь сделать поклон гостье йос-Галанов.

Тем не менее он сделал еще один.

— Здравствуйте, филолог Дэвис. Как приятно снова вас видеть!

Он говорил на высоком лиадийском, в модальности «двоев равных взрослых людей», которая, подумала Энн, была вершиной дружелюбия на высоком языке. Она с удовольствием ответила на его приветствие.

— Вы очень добры, — совершенно искренне сказала она. — Я тоже рада вас снова видеть, сударь.

Ей показалось, что в глубине его глаз промелькнул смех, но она не успела в этом убедиться: Петрелла снова потребовала его внимания.

— Я также хочу вас представить Эр Тому, А-тоделму йос-Галанов, мастер-купцу и наследнику Делма. Я убеждена, что вы не могли прежде видеть никого, кто был бы на него похож.

Ее племянник устремил на нее внимательные и яркие черные глаза, чуть склонив голову набок.

— Вы неверно обо мне судите, тетя Петрелла, — спустя мгновение отозвался он с величайшей мягкостью. — Хотя вы совершенно правы в том, что я никогда и нигде не видел никого, кто был бы на него похож.

Он повернул голову и улыбнулся Эр Тому с захватывающей дух теплотой.

— Привет, дорогой.

Улыбка Эр Тома была не менее теплой.

— Даав! Как мило, что ты пришел.

— Да, конечно, давай займемся превознесением моих достоинств, — с ухмылкой проговорил его чалекет. — Несомненно, у собравшихся найдется пара свободных секунд!

Энн рассмеялась, и Даав повернулся к ней, взмахнув широкой рукой и приняв комично серьезную мину.

— Что? Вы сомневаетесь в том, что моих достоинств хватит даже на такой промежуток времени?

— Напротив, — заверила она его с не меньшей серьезностью. — Я считаю, что с вашей стороны было очень мило дополнить число обедающих, особенно имея такие преимущества в достоинствах!

Старая дама напряженно застыла в своем кресле. Краем глаза Энн уловила это движение и наполовину повернулась к ней: беспокойство подавило в ней веселье. Оказалось, что Даав немного ее обогнал.

— А знаете, — заметил он все с той же напускной серьезностью, — моя тетка уже лет десять твердит мне то же самое. Не правда ли, тетя Петрелла?

— Действительно, — согласилась старая дама — как показалось Энн, не без яда, хотя ее пергаментное лицо оставалось все таким же бесстрастным. — Остается только выяснить, как повлиять на тебя таким образом, чтобы ты вел себя соответственно своему наряду.

Она резко повернулась, давая Эр Тому знак покачивающимся кончиком пальца.

— Несомненно, твоя гостья с удовольствием выпьет рюмку вина. Даав, ты мне нужен, если не возражаешь.

— Конечно, — негромко ответил он, когда Эр Том и гостья двинулись в дальнюю часть комнаты к подносу с винами. — Мне всегда приятно вам повиноваться, тетя Петрелла. И ввиду такого удовольствия было бы, наверное, невежливо заметить, что я тоже с удовольствием выпил бы рюмку вина.

Она молча смотрела на него с непроницаемым лицом, пока не решила, что остальные достаточно хорошо заняты собственным разговором, чтобы не интересоваться тем, что будет говориться у них за спиной.

— Итак, — сказала она наконец, посмотрев прямо на него, — до меня дошло, что теперь Делм принимает решение за йос-Галанов.

Даав выгнул бровь.

— Мне крайне неприятно первым сообщить вам известие о том, что Делм принимает решения за Корвал.

— И ты не видишь ничего обидного в том, что Делм принял решение — за Корвал! — еще до того, как к решению пришло Семейство. Понимаю.

Петрелла с трудом перевела дыхание. Глаза ее бесцельно скользнули по комнате — и остановились там, где Эр Том стоял со своей... с гостьюей йос-Галанов. Он подносил к губам рюмку вина и смотрел на землянку с таким восхищением, которое должно было бы насторожить — если не больно ранить. Она с трудом заставила себя снова перевести взгляд на Даава.

— Следует понять так, — проговорила она, не делая никаких попыток смягчить свой тон, — что в данный момент своей истории Клан не должен отталкивать никого из Семейств, не важно, насколько нестандартным было их появление. То, что ныне предложенный — скорее всего пилот и, возможно, Целитель, должно сделать его вдвое ценным для Клана. И то, что он — ребенок любимейшего родича, должно сделать его более чем приемлемым для тебя. Все кристально ясно.

Она помолчала, рассматривая его лицо. На нем не было написано ничего, кроме внимания. Черные глаза были прикрыты длинными темными ресницами.

— Однако, — продолжила Петрелла спустя несколько секунд, — в настоящий момент йос-Галан занят дисциплинарным вопросом немалой важности. Уважение к авторитету должно быть внушено таким образом, чтобы произвести на А-тоделма неизгладимое впечатление. Это — мой долг перед Делмом, который всегда должен быть совершенно уверен в том, что его указания будут выполняться. Я не знаю, как могло случиться, что А-тоделм стал так беспечен в отношении повиновения, но этот недостаток должна исправить я, как Глава Семейства.

Даав поклонился — неглубоко и очень серьезно.

— А юный Шан?

Она вздохнула, и пальцы на подлокотниках кресла сжалась сильнее.

— Ты скажешь, что я поступаю жестоко, используя ребенка как кнут, с помощью которого надо унизить его отца. Но я очень опасаюсь, мой Делм, что был Увиден ребенок Корвала, который не имеет иного дома, кроме — Корвала.

— Хм! И это — ваше последнее слово по этому вопросу?

Она раздраженно передернула плечами.

— Если он хорошо усвоит свой урок, — ответила она, имея в виду Эр Тома, — возможно, ребенка можно будет принять... позднее. Конечно, после моей смерти Тоделм поступит, как пожелает. Однако пока я попрошу Делма побеспокоиться о приемной семье для этого... Шана. Йос-Галаны не будут держать его здесь.

— Удаление ребенка в такое время скорее всего расстроит гостью, — заметил Даав. — Если только и это не входит в ваши намерения?

— Гостья пребудет здесь двенадцать дней, — спокойно ответила Петрелла. — Понятно, что поиски подходящей приемной семьи могут занять по крайней мере столько же времени. Филологу Дэвис не нужно испытывать боли из-за несвоевременного расставания.

— Вы добры, — проговорил он с такой горечью, что она изумленно взорвалась на него.

Однако выражение его лица было скрыто от нее из-за его поклона, который был таким же глубоким и уважительным, как обычно.

— С вашего позволения, тетя Петрелла, теперь я отчаянно нуждаюсь в вине.

— Тогда иди, — огрызнулась она, довольная предлогом позлиться на него. — И будь любезен позвать ко мне моего сына.

— Перемена мест, мой милый! — воскликнул Даав, подходя к паре, уединившейся за своим разговором у винного

столика. — Ты — к твоей матери, а я наконец-то выпью и придумаю красивые комплименты для услаждения нашей гостьи!

Эр Том повернулся, продемонстрировав более или менее спокойное лицо, на котором лиловые глаза пылали жаром, превосходящим все самые красивые комплименты. Энн Дэвис, глаза которой сверкали, позволила себе еще один чудесный смешок.

— Мы уже поговорили о платье, волосах и руках, — весело сообщила ей она. — Вам придется заставить поработать свою фантазию, сударь!

Он искренне ей улыбнулся.

— Но, видите ли, я могу восхититься тем, как прекрасно вы владеете высоким лиадийским, что для меня так же ново, как само наше знакомство. А если Эр Том еще не восхитился тем, как вы держались перед моей теткой, я могу только назвать его тузицей.

— Я неизменно нахожу манеру Энн исключительно восхитительной, — спокойно ответил Эр Том, в то время как взгляд выдавал его, заставляя брата изумляться все сильнее и сильнее.

— Лучше бы тебе быстро откликнуться на вызов, — заметил Даав, когда прошла еще секунда, а Эр Том не направился к своей родительнице. — Старайся держаться хорошо. Если боль окажется невыносимой, закричи — и я немедленно организую спасательную экспедицию.

С характерным тихим смешком Эр Том ласково поклонился своей собеседнице.

— Моя мать требует моего присутствия, друг. Прошу, позволь Дааву составить тебе компанию. Я даю за него слово, что он не будет неисправимо легкомысленным.

— Смелое обещание! — парировал Даав, заставив Энн рассмеяться.

Эр Том слабо улыбнулся и наконец ушел, чтобы уделить внимание своей матери.

— Я, наверное, выпью вина, — объявил Даав, придвигаясь в столику. — Могу я освежить ваш бокал?

— Спасибо.

Она прошла за ним и подставила бокал, до половины наполненный лучшим канарским его тетки.

Он стряхнул кружево с пальцев, наполнил ее бокал и взял себе чистый, налив в него мисравота. Едва он успел поставить графин на место, как стоявшая рядом с ним женщина очень тихо проговорила:

— Делм Корвал?

Он стремительно повернулся, изумленный тем, что слышит подобное обращение здесь, когда для подобающего решения нужны уединение, время и...

По ее лицу было видно, что ее смущила его быстрота. Она даже отступила на шаг, глаза ее расширились, а свободная рука поднялась в жесте, который, возможно, служил ей предостережением.

— Ха!

Понимание пришло к нему — как это бывало часто — на уровне интуиции, а не разума. Она хотела проявить вежливость, только и всего — и потому обратилась к нему с помощью того единственного титула, который был ей известен. Он наклонил голову и спокойно улыбнулся.

— Пожалуйста, — сказал он, переходя на земной, чтобы добиться нужного ощущения дружелюбной непринужденности, — пусть я буду Даавом, если вы не возражаете. Делм Корвал — это для... формальностей. — Он позволил своей улыбке стать шире, демонстрируя прямоту. — По правде говоря, Делм Клан Корвал — это занудный тип, который вечно занят каким-то делом. Я буду не меньше вашего рад избавиться от него на этот вечер.

Она улыбнулась в ответ, сразу же успокоившись.

— Пусть будет Даав, — согласилась она и перешла на земной, почти не выдав чувства облегчения. — А я буду Энн, а не скучная профессор Дэвис.

— Договорились, — сказал он с галантным поклоном. — Хотя я должен заявить, что пока не видел, чтобы профессор Дэвис была скучной. По правде говоря, целый ряд ее теорий чрезвычайно увлекателен.

Она чуть наклонила голову.

— Вы — лингвист?

— О нет. Всего лишь капитан Разведки, специалист. Увы, отставной.

Он сделал глоток вина и не поддался сильному соблазну покоситься в сторону и проверить, как дела у Эр Тома.

— Моя специализация — культурная генетика, — объяснил он Энн Дэвис, — но все мы, разведчики, обучены обобщать — и можем считаться лингвистами, на самом примитивном уровне. Нас учат быстро учиться и пользоваться широкими эмпирическими методами... — Тут она тихо засмеялась. — И на самом деле я достаточно хорошо говорю на нескольких языках, чтобы ясно объясниться с человеком, для которого один из них родной. Однако я все же не мог бы быть вам полезен. — Он вздохнул. — Боюсь, что мои способности лексикографа очень невелики.

— Как и мои, — призналась она. — Я уже целую вечность работаю над разговорником для перевода высокого лиадийского на стандартный земной. — Она покачала головой, хотя Дааву показалось, что это не было отрицанием чего бы то ни было, если только этим чем-то не была ее собственная мысль. — Мне начинает казаться, что я с этим опростоволосилась.

Даав мысленно пообещал себе исследовать это выражение.

— Возможно, ваше пребывание на Лиад вас вдохновит, — предположил он.

— Может быть, — согласилась она, но без всякой убежденности. — Но все так путано. Когда язык перевода так...

Она вздрогнула и бросила на него виноватый взгляд.

— Но вам неинтересно слушать о моей работе, — с улыбкой сказала она и нервно отпила вина. — Ученым свойственно утомлять даже самых заинтересованных слушателей, как часто напоминает мне мой брат! Было бы гораздо безопаснее, если бы мы стали говорить о вас.

Однако от этого сложного танца его избавило появление господина пак-Оры, объявившего о том, что в столовой их ждет трапеза.

Глава двадцать вторая

Порочные люди повинуются из страха, добродетельные — из любви.

Аристотель

Трапеза прошла без особых событий, хотя Дааву показалось, что он заметил, как пару раз Эр Том подсказал Энн, каким именно столовым прибором следует воспользоваться. Однако ничего плохого не произошло, а забота не была такой, какую внимательный хозяин дома не проявил бы к гостю совершенно другого сорта.

Для своего разговора Энн, похоже, выбрала более или менее нейтральную модальность разговора взрослых людей, и этот пункт Кодекса Петрелла поначалу хотела бы поставить под сомнение. Однако поскольку никто из остальных присутствующих не видел ничего, что помешало бы отвечать в той же модальности, то модальность взрослых людей стала общей.

После трапезы намечена была игра в карты, но поскольку гостья никогда раньше не пользовалась лиадийской колодой, партия проходила довольно неровно, и Петрелла вскоре ушла, сославшись, как решил Даав, на не вполне вымышленную усталость.

Казалось, это была подсказка: Энн также объявила о своем намерении отправиться спать и отказалась от сопровождения Эр Тома, сказав, что хочет ненадолго заглянуть в детскую. После чего обе дамы покинули гостиную следом за господином пак-Орой.

Братья неожиданно оказались одни и обменялись несколько недоуменными взглядами поверх карточного стола.

— Ну-ну, — заметил Даав. — И подумать только, что мы остались живы, чтобы рассказать о происшедшем!

Эр Том рассмеялся.

— И теперь, надо полагать, ты тоже начнешь прощаться?

— Чепуха! И что бы ты стал делать с собой весь этот длинный вечер, окажись я настолько трусливым?

— Моего внимания ожидают несколько сотен торговых деклараций, — ответил Эр Том, внезапно переходя на серьезный тон. — И с десяток сообщений от моего первого помощника. Вечер окажется почти переполненным, можешь не сомневаться.

— А! А я-то хотел посидеть за рюмкой вина и немного поболтать...

Эр Том адресовал ему свою медленную и милую улыбку.

— Что до этого — то рюмка вина и разговор будут очень приятными, брат. Декларации меня просто пугают.

— О, я слышу признание! Прекрасно. Ты займешься дверью, а я — вином. Полагаю, ты пьешь красное?

— Если ты будешь так добр.

Эр Том уже оказался на другой стороне комнаты, где с тихим стуком закрыл дверь.

— Моя доброта тут ни при чем, уверяю тебя! Вино ведь из подвалов йос-Галанов.

Он принес две рюмки к столику и устроился на подлокотнике кресла, глядя, как Эр Том складывает карты, которые были разложены для обучения Энн.

Делм, наделм, тоделм, а-тоделм, мастер-купец, корабль, затем — двенадцать простых карт, пока все три масти — красная, синяя и черная — не были снова соединены. Эр Том рассеянно выровнял колоду и начал ее тасовать. Его пыльцы быстро и умело управляли позолоченными прямоугольниками.

Даав сделал глоток мисравота.

— Твоя мать, моя тетка, показалась мне сегодня несколько... раздражительной, — пробормотал он, не отрывая взгляда от молниеносного танца карт. — Какой ты нашел ее раньше?

Перетасовка не замедлилась.

— Еще менее склонной вести себя вежливо, чем сегодня вечером, — спокойно ответил Эр Том. — Она отказалась признать ребенка, что не было полной неожиданностью, хотя и... вызывает сожаление. Я уверен в том, что после того как она будет иметь возможность встретиться с Шаном, она...

— Тоделм йос-Галан, — бесстрастно прервал его Даав, — попросила, чтобы Делм нашел семью, в которой бы воспитывался Шан йос-Галан, ребенок одного только Корвала.

Карты со стуком замерли в золотистых пальцах, крепко скавших всю колоду. Даав поднял взгляд на лицо своего брата.

— Он будет у меня, конечно, — сказал он с величайшей мягкостью, ибо в глазах Эр Тома было нечто, не обещавшее ничего хорошего.

— Я... благодарен, — проговорил Эр Том, переводя дыхание и откладывая карты в сторону. — Однако я должен упомянуть о том, что такое решение, вполне естественно... расстроит... филолога Дэвис.

— Да, я тоже сказал об этом. — Даав чуть склонил голову набок, пристально наблюдая за застывшим лицом брата. — Тоделм йос-Галан сообщила мне, что гостья пребудет здесь всего двенадцать дней.

— Тоделм йос-Галан — увы! — ошибается. Есть еще... проблемы... которые необходимо решить, но я уверен в том, что пребывание здесь Энн — филолога Дэвис — будет гораздо более длительным.

— О, вот как? — Даав моргнул. — И насколько более длительным, интересно? И какое дело Энн — прости, если я говорю чересчур прямо! — до того, что Корвал примет такие решения, которые сочтет наиболее правильными для члена своего Клана?

Эр Том опустил глаза, наткнулся взглядом на свою рюмку и взял ее со стола.

— Нет необходимости, — сказал он, обращаясь к сверкающей рубинами глубине, — чтобы мой... наш... ребенок был бы... лишен... общения с матерью. Они привыкли помногу часов в день проводить в обществе друг друга. Даже такое маленько расставание, как перевод Шана в детскую, причинил Энн... беспокойство, хотя, конечно, он достаточно взрослый, чтобы...

Казалось, он опомнился, встряхнулся и поднял глаза на встречу завороженному взгляду Даава.

— Мой Тоделм предложила, чтобы я снял дом в Солсинтре, — проговорил он со спокойствием, которое ничуть не обмануло его чалекет. — Полагаю, что в настоящий момент такой образ действий был бы самым разумным. Энн будет

чувствовать себя спокойнее в... не таком большом доме и сможет заниматься своими делами в университете. Госпожа Интасси сможет по-прежнему присматривать за Шаном...

— А ты сам? — негромко спросил Даав.

— Я? Я, естественно, буду жить с моим сыном и... и его матерью. Энн не... она не знает всех правил, знаешь ли, и рассчитывает на то, что я буду помогать ей советами.

— Да, конечно. А что же юная Синтебра? Она тоже станет членом твоего дома?

Мгновение Эр Том просто смотрел на него пустыми глазами. Потом в них зажглась искра понимания.

— А! Дочь Нексона. — Он отвел взгляд — возможно, чтобы отпить немного вина. — Это было бы... совершенно неприемлемо.

— Безусловно, — согласился Даав. — Так же неприемлемо, как общий дом с леди, с которой тебя не связывают никакие законные отношения, если не считать того, что она родила тебе ребенка без контракта!

Эр Том ответил ему серьезным взглядом.

— Раньше тебя скандалы никогда не тревожили.

— И если бы речь шла обо мне, — воскликнул Даав, подавив необычное желание придушить своего чалекет, — то меня бы и сейчас они не тревожили! Но речь идет о тебе, милый, — о том, на кого я всегда полагался, чтобы заручиться для меня благосклонностью Высоких Домов и вызволять меня из всех моих ужасных историй! Как мы будем жить, если оба окажемся за рамками Кодекса?

Эр Том вдруг как-то сразу обмяк: он привалился к подлокотнику кресла. Глаза его были широко открыты и совершенно серьезны.

— Я попросил Энн, — медленно проговорил он, — стать моей супружкой по контракту.

— Да неужели? — Даав изумленно моргнул и запоздало вспомнил, что нужно дышать. — А что она сказала?

— Она мне отказалась.

«И ученая землянка, — с благодарностью подумал Даав, — достойна всяческих похвал!»

— Тогда, конечно же, больше говорить не о чем. Если она тебя отвергла — значит, отвергла. Говорить об общем доме — значит только игнорировать слово дамы и наносить ущерб ее меланти. Определенно твои обязанности по отношению к ней...

— Я глубоко убежден, — мягко прервал его Эр Том, — что она желает, чтобы мы стали спутниками жизни. Как и я.

Дааву оставалось только безмолвно на него взираться — что он и сделал, совершенно открыто. Когда он наконец снова заговорил, его голос звучал абсолютно нейтрально, став простым повторением только что полученной информации.

— Ты желаешь, чтобы вы с Энн Дэвис стали спутниками жизни.

Эр Том наклонил голову:

— Всем сердцем.

— Почему?

Лиловые глаза смотрели все так же открыто, удерживая его взгляд.

— Я ее люблю.

— Ха!

Даав готов был признать, что это не является невозможным, хотя прежде страсти Эр Тома не были особенно теплы-ми. Он вспомнил горячий взгляд брата, устремленный на лицо землянки, то, как бережно он следил, чтобы она не сделала ошибки во время трапезы, и как потом пошел так далеко, что разложил перед ней всю колоду, тщательно объяснив роль каждой карты... Наверное, это действительно некий род любви. И все же...

— Прошло три стандартных года с тех пор, как ты с ней виделся, — спокойно заметил он. — И в течение всего этого времени...

— В течение всего этого времени, — пробормотал Эр Том, — я не встретил ни одного лица, которое показалось бы мне привлекательным, не чувствовал ни малейшего желания. В течение всего этого времени я был мертвеецом, лишенным радости. А потом я увидел ее снова, и это было как будто... как будто с нашей последней встречи прошел всего лишь день, и меня помнили — и мне были рады. Я был долгожданным. Желанным.

«О боги!» Даав едва заставил себя остатся сидеть на подлокотнике кресла, продолжая слабо сжимать пальцами чашу с мисравотом и смотреть брату в глаза. В душе его с рычанием проснулась ревность: ведь Эр Том принадлежал ему, любовь Эр Тома была его собственностью, которой он не собирался делиться с какой-то...

Он заставил себя тихо и медленно вздохнуть, утихомиривая свои чувства. Эр Том был его братом, человеком, которого он любил больше всех на свете, его идеальной противоположностью, его противовесом. Ранить своего брата — значило бы ранить самого себя, и какая радость будет от того, что оба получат смертельные удары?

— Это... — проговорил он и сам услышал, насколько хриплым стал его голос. Он откашлялся. — Это тот вопрос, который ты собирался представить Делму?

Эр Том согласно кивнул.

— Это так.

Он поднял взгляд, и в глазах его появилась тревога.

— Я... поговорил бы... немного... со своим братом — прежде чем беспокоить Делма.

— А кто бы так не сделал!

Даав протянул над игральным столом свою руку. Кольцо Корвала блеснуло в лучах света, и он с абсурдным чувством облегчения ощутил, как Эр Том сжал его пальцы в крепком и теплом пожатии.

— Делм пока ничего не слышал, — поспешил заявить он, проклиная меланти и дефект генов, из-за которых Карин не смогла получить Кольцо.

Однако Карин ни за что не Увидела бы юного Шана и скорее всего моментально отправила бы ученую землянку вовсюси, не дав ей ни кантры, ни решения. А Эр Том стал бы жертвой такого наказания, какое подсказало бы ей злорадство. Он резко вздохнул и крепко пожал пальцы брата.

— Ты должен мне рассказать, — попросил он. — Брат — то, что ты привез домой своего ребенка — и в особенности его мать! — как это делает тебя готовым заключить брачный контракт в соответствии с приказом твоего Тоделма?

Губы Эр Тома сжались, хотя он и не выпустил руки Даава.

— Ты сочтешь меня безумцем, — прошептал он, и в лиловых глазах блеснули слезы.

— Милый, мы все безумцы, — отозвался Даав, на этот раз не пытаясь смягчить правду. — Спроси кого угодно: все скажут тебе одно и то же.

Появилась легкая улыбка — всего лишь чуть приподнялись уголки губ, — и этот лучик осушил сверкающие слезы.

— Да, — негромко согласился он. — Но, видишь ли, я не целиком готов казаться таким самому себе.

Он чуть сжал пальцы Даава, а потом отпустил его руку.

— Когда я расстался с тобой несколько недель назад, я намерен был привести в исполнение один план, который почитал необходимым выполнить. После чего я... надеялся... предстать перед Целителями со спокойным лицом и уйти от них послушным.

Даав пошевелился на своем подлокотнике.

— Целители... в этом не было необходимости, если не считать того, что ты не привел свой план в исполнение.

— Да. — Эр Том вздохнул. — И тем не менее необходимость существовала. Как я уже сказал, последние три года я не видел ни одного лица, которое бы мне понравилось. Три года... траура... по той, кому я подарил нубиат. Какое право я имел являться с этим на заключение контракта? Дочь Нексона молода, это ее первый брак. Честь требует, чтобы ее супруг был внимательным, способным на... доброту. Мне давным-давно следовало бы обратиться к Целителям, но только я не хотел забывать...

Он судорожно вздохнул и взялся за рюмку, хотя пить не стал.

— Я хотел встретиться с Энн, — тихо признался он, — только чтобы сказать ей, что я ее любил. Я знал, что эти слова будут ей дороги. И я не мог допустить, чтобы этот факт полностью потерялся благодаря искусству Целителей. Это должно было стать... простым шагом, легко осуществимым.

— А ребенок? — тихо спросил Даав.

Эр Том поднял руку, чтобы провести пальцами по ярким волосам: эта привычка указывала на крайнее смятение мыс-

лей, и такой жест очень редко появлялся с тех пор, как он оставил детство позади.

— Никакого ребенка не было, — проговорил он, и в его голосе тоже проявилось смятение. — Три года назад не было ни ребенка, ни речи о ребенке.

— О! — Даав опустил глаза, остановился взглядом на колоде и взял ее, а потом застыл, держа ее в руке и пристально глядя в никуда.

— И ты все еще жаждешь эту женщину? — спросил он.

Эр Том рассмеялся — отрывисто и резко.

— Жажду? Я умираю без нее! Я поражаю самого себя своим желанием! Для меня нет звуков без ее голоса, нет ощущений без ее прикосновения!

Даав поднял голову, потрясенно глядя в лицо своего брата. Спустя пару мгновений он прикоснулся языком к пересохшим губам.

— И тем не менее она отказывается от брачного контракта, — упрямо продолжил он, намеренно заставляя себя говорить рассудительно-спокойным тоном. — Не исключено, что... глубина твоей страсти... может... без всякого для нее бесчестья... не быть взаимной!

— Она взаимна, — ответил ему Эр Том с абсолютной уверенностью одержимого, — во всех отношениях.

Даав прикусил губу.

— Хорошо, — уступил он, все еще спокойно и рассудительно. — И тем не менее чистая страсть — это не то основание, на котором нас учат строить союз спутников жизни. Ты употребляешь такие слова, что я вынужден заподозрить, что ты действительно сделал ошибку, дав нубиат слишком рано, прежде чем твоя страсть была удовлетворена. В таком случае более мудрым решением было бы отправиться с этой дамой на виллу на океане, позволить себе полную меру радостей, вернуться домой, когда ты ими насытишься, и...

— Когда насыщусь!

Эр Том стремительно вскочил на ноги. Даав инстинктивно встал — и встретился с братом взглядом, ощущая нечто похожее на ужас.

Эр Том подался вперед, прижав ладони к крышке карточного стола. Его глаза стали темно-фиолетовыми.

— Насыщения нет, — заявил он с абсолютной и полной решительностью.

Разведчиков обучают множеству приемов, которые позволяют им выживать среди потенциально враждебных людей. Дааву пришлось сейчас прибегнуть к одной из таких уловок: он намеренно расслабил мышцы тела, позволил губам раздвинуться в слабой улыбке, полураскрыл ладони. Спустя пару мгновений он с удовлетворением заметил, как Эр Том тоже расслабился: плечи его перестали быть такими напряженными, глаза остыли. Он вздохнул и выпрямился с немного виноватым видом.

— Прости меня, денубиа, — тихо сказал он. — Я не собирался с тобой драться.

— Конечно, нет, — мягко отозвался Даав. — Хотя я вынужден заметить, что ты планируешь рассказать Делму о весьма щекотливой ситуации. — Он склонил голову набок. — Возможно, было бы... поучительно, если бы я поговорил с Энн наедине... — Он намеренно ленивым жестом поднял руку, останавливая готового запротестовать собеседника. — Только чтобы услышать, как она сама рассматривает происходящее.

Он чуть кивнул и позволил себе улыбнуться.

— Мне ведь придется это услышать, рано или поздно.

Он получил в ответ слабую улыбку.

— Конечно, придется.

— Безусловно. И завтра для этого будет достаточно времени, потому что мне пришла пора — увы! — распрощаться и оставить тебя с этой пугающей кипой деклараций.

Он снова наклонил голову.

— А тем временем обещай мне, что не станешь арендовать дома в городе — по крайней мере завтра. Ладно?

— Обещано.

Эр Том кивнул, а потом обошел столик, чтобы предложить ему руку.

Рука об руку они прошли по всевозможным коридорам и через залитую лунным светом Восточную веранду. У машины Эр Том обнял Даава, и тот мысленно обругал свои предательские мышцы, которые чуть заметно напряглись.

Этого оказалось достаточно. Эр Том подался назад, глядя в его освещенное луной лицо.

— Ты на меня сердишься.

Он попытался говорить нейтральным тоном, но Даав ощущал скрытую за ним боль и бросился в его объятия.

— Денубиа, прости меня! Мои несчастные настроения. Я не сержусь. Я устал, а от той заварушки, которую ты представишь Делму, просто голова кругом идет.

— Ха!

Эр Том крепко его обнял, и когда спустя мгновение Даав попросил его поцелуя, он подарил его с готовностью — и облегчением.

Какое-то время Энн бродила по прекрасным и незнакомым апартаментам, но ходьба не смогла ее утомить. В конце концов она наугад сняла с полки одну из книг и, закутавшись в халат, устроилась в углу светло-пшеничного дивана, решив читать до тех пор, пока ее не сморит сон.

Спустя час она оставалась все там же, совершенно без сна, следя за течением лиадийских слов со страницы на страницу и упрямо не думая о том, как ей одиноко, как сильно ей его не хватает или...

Дверной звонок тихо просигналил — один раз.

Она вскочила, взметнув синими полами, стремительно пересекла комнату и приложила руку к пластине замка, только потом сообразив, что следовало бы затянуть на талии пояс. Однако в этом, оказывается, и не было нужды. Тот, кто ждал за дверью, видел все, что она могла показать, — и не один раз.

Эр Том поклонился и, выпрямляясь, устремил на нее жаркий взгляд лиловых глаз.

— Я пришел, — тихо сказал он, — пожелать добной ночи...

Не в силах говорить, она поймала его за руку и потянула в комнату. Дверь бесшумно закрылась за ними.

Глава двадцать третья

Гость священен. Благополучие и комфорт гостя должны стоять для Дома на первом месте в течение всего времени, пока гость там находится.

Из Лиадийского Кодекса достойного поведения

Даав йос-Фелиум, четвертый носитель этого имени в Семействе, мастер-пилот, капитан разведчик в отставке, специалист по культурной генетике, Делм Клана Корвал, лежал под двуциклом «Герберт-81», упираясь плечом в прохладный каменный пол, и усердно пытался отвинтить особо упрямую крышку сальника. Из сальника капало масло, и он старался не запачкать лицо, хотя ни толстая поношенная рубаха, ни потертые кожаные брюки, надетые на нем, не убереглись от пятен.

Какое-то время за работой его развлекали только трели птичьих песен, доносившиеся из-за дверей гаража, да редкие шорохи, говорившие о том, что на осыпанную росой траву вышли покормиться кролики. Однако в последние несколько секунд он заметил некое изменение: демонстративный, замедленный ритм, который заставлял вибрировать упертое в пол плечо и отдавался в голову.

Сосредоточившись на сальнике, он лениво подумал, не выпустили ли на газон слона. И немного огорчился, хотя и не удивился, когда спустя несколько минут топанье перешло в резкий стук каблуков, ударявших в каменный пол. Его сопровождало тихое шипение во внезапно наступившей тишине: его обостренные чувства разведчика интерпретировали его как человеческий вздох.

— И что, — вопросил голос его сестры, прозвучавший в модальности старшего ребенка, обращающегося к младшему, — ты делаешь там, внизу?

Крышка наконец поддалась его уговорам и отвалилась, вызвав короткий дождь смазки. Он отпрянул из-под капели, которая щедро украсила грудь его рубашки, и высунулся из-за переднего колеса «Герberта».

Его взгляду предстали кремовые кожаные сапожки, где прочерченные голубоватыми травяными пятнами. Плотные шелковые брюки, расширяющиеся книзу и заканчивающиеся ровно над подъемом, были такого же кремового цвета. Даав переключил свое внимание обратно на сальник.

— Доброе утро, Карин, — сказал он, соблюдая вежливость и выбирая для ответа модальность, предназначенную для разговора взрослых братьев и сестер.

Достопочтеннaya Карин йос-Фелиум разрешила себе вздохнуть еще раз.

— Что ты делаешь там, внизу? — снова спросила она, по-прежнему тоном раздосадованного выговора.

— Заменяю бобинный сальник и отлаживаю синх-мотор, — ответил Даав, тщательно протирая гнездо сальника смоченной в растворителе салфеткой.

Наступило короткое молчание, после чего его сестра с прискорбной предсказуемостью поинтересовалась:

— И это настолько срочное дело, что тебе необходимо им заниматься раньше, чем ты примешь свою родню?

— Ну, — рассудительно признал Даав, поворачивая новый сальник так, чтобы он встал в нужное положение, — тут имеется некоторая срочность. Да. Последняя запасная часть, необходимая для ремонта, прибыла с Земли только вчера вечером, и как только я отлажу синх-мотор, цикл будет в отличной готовности для гонок. Я признаюсь, что уже стандартный год жду возможности участвовать в гонках, но, как ты понимаешь, не следовало записываться с ненадежной машиной.

— Гонки! — В голосе Карин было столько отвращения, что для него больше подходила бы модальность старшей сестры, однако она выдержала ту модальность, которую предложил он. — Приходится надеяться, что ты относишься к своим обязанностям достаточно серьезно, чтобы не подвергать персону Главы Клана Корвал опасности на гонках. В особенности с учетом того, что ты не считал нужным дать Клану своего наследника.

— О нет! — отозвался Даав, с удовольствием слыша щелчок вставшего на место сальника. — Пожалуйста, ни секунды

больше не терзайся этим вопросом! Конечно, я назвал своего наследника. Только сегодня утром я заново подписал документ, касающийся этого вопроса.

— Только сегодня утром, — повторила Карин, и ее голос внезапно стал злорадно-шелковым. — Какой ты деловитый, младший брат! Несомненно, это новое подписание связано с последней непристойной выходкой представителя Семейства йос-Галан.

— Непристойной выходкой представителя Семейства йос-Галан? — спросил Даав, отпуская сальник и широко открытыми глазами уставившись на сапоги. — Только не говори мне, что тетя Петрелла снова буянила в тавернах!

— Да, очень смешно. Клан стоит на грани гибели, а ты позволяешь себе актерствовать!

Она оборвала себя так резко, что Дааву даже показалось, что он услышал, как она захлопнула рот.

— На грани гибели? — переспросил он изумленным тоном. — Так мы разорены? Неудивительно, что ты побеспокоилась найти меня здесь! Я преклоняюсь перед твоим чувством долга, заставившим тебя лично принести мне это известие.

Один сапожок поднялся. Даав с интересом наблюдал за ним, гадая, не удалось ли ему так легко довести Карин до того, что она топнет на него ногой.

Сапожок на секунду замер, а потом опустился на пол, едва слышно щелкнув каблуком.

— Ты не будешь любезен вылезти? — спросила она с по-разительной мягкостью. — Было бы лучше, если бы мы смогли обсудить некий вопрос лицом к лицу.

Даав нахмурился, оставаясь под циклом. Разговор Карин крайне редко опускался до вежливости. Похоже, ей очень нужно чего-то от него добиться.

— Ну, — проговорил он, пытаясь определить диапазон, — я надеялся сегодня утром сделать весь необходимый ремонт...

— Понятно. — Ну хотя бы это прозвучало так едко, как мог бы пожелать брат, — однако последовавшая далее фраза была просто пугающей: — Если ты назовешь время, когда тебе удобно будет поговорить со мной о проблеме, имеющей

наивысшую серьезность, то я постараюсь прийти к тебе в этот час.

«Ну и ну! — подумал Даав. — Если так пойдет и дальше, то мы скоро услышим, как она зовет меня по имени!»

Он на секунду прикинул, не отослать ли ее прочь до второй половины дня, но неохотно отказался от этого. Разговор с Энн Дэвис может оказаться долгим, а у него нет желания стесняться в деле такой важности.

Тихо вздохнув, он перевернулся на спину и объявил:

— Секунду! Я сейчас к тебе выйду!

После этого он выкарабкался из-под «Герберта» — что было операцией, не отличающейся изяществом — и, обойдя цикл, привалился боком к бамперу, снимая промасленные перчатки и внимательно всматриваясь в лицо сестры.

— Ладно, Карин. В чем дело?

Она содрогнулась при виде его одежды — что было вполне предсказуемо для человека, считающего грязь личным оскорблением, однако удержалась от замечаний.

Вместо этого она поклонилась — если и не уважительно, то по крайней мере с таким намерением, а выпрямившись, посмотрела ему в глаза.

— Стало известно, — сдержанно проговорила она, — что Делм Увидел ребенка, называемого Йос-Галаном, которого Йос-Галан не пожелал Увидеть. Столь необычное обстоятельство должно, к прискорбию, пробудить живейший интерес у тех, кто вращается в свете. То, что ребенок существует вне зареги-стрированного контракта, замешивает соус еще гуще, тогда как факт его смешанной крови добавляет остроты для тех, чьим любимым блюдом являются скандалы.

«И ты сама среди них главная», — недружелюбно подумал Даав. Он выгнул брови.

— Надо признать, что это выглядит очень плохо, при такой подаче.

— Однако не совершенно безнадежно, — заверила его Карин. — Если в дело вступит тот, кто знает свет, обладает необходимыми умениями и заботится об интересах клана, это блюдо может и не попасть на обеденный стол.

Она наклонила голову.

— И в этом я могу служить Корвалу.

— Ты предлагаешь заняться восстановительными работами, вот как?

Он скрипнул зубами, борясь с волной гнева, вызванного таким нахальством. Карин собралась умыть Эр Тома? Скорее Делм одобрят аренду дома в Солсунтре, чем...

— Сколько? — рявкнул он, с трудом удержавшись, чтобы не обратиться к ней в купеческой модальности.

Карин изумленно воззрилась на него.

— Прошу прощения?

— Ах, полно, полно! — Он повел рукой в широком и намеренно бессмысленном жесте. — Мы ведь слишком хорошо друг друга знаем, чтобы кокетничать! Ты предлагаешь оказать некую услугу. Я желаю знать твою цену. После этого я решу, будет ли эта цена справедливой или слишком высокой. — Он встретился с ее взглядом, и его глаза были жесткими, как черные бриллианты. — Говори, чего ты хочешь, Карин.

Она прикоснулась кончиком языка к губам, однако не отвела взгляда, глядя на него не менее прямо.

— Я хочу, чтобы мне вернули моего наследника.

«Ну конечно!»

Даав поднял руку и потрогал серебряный завиток, висящий у него в ухе, — сувенир от его работы в Разведке.

— Твоего наследника, — задумчиво повторил он, разрезшив своим глазам лениво скользнуть с ее лица и устремляя их в точку чуть выше ее головы. Он продолжал теребить свою серьгу. — Просвети меня. У твоего наследника есть имя?

— Его имя Пат Рин, как тебе прекрасно известно!

Ну, по крайней мере они покончили с этой неестественной вежливостью. Даав почти улыбнулся и оставил в покое свою серьгу.

— И ты в последнее время виделась с Пат Рином?

— Я видела его совсем недавно — еще и дюжины дней не прошло, — ответила она несколько раздраженно.

— Настолько недавно. Тогда ты сможешь рассказать мне о его новом увлечении.

— Его увлечении? — Карин отвела взгляд. — Ну, он увлечен своими занятиями, естественно, хотя я должна сказать, что Люкен бел-Тарда не настаивает на том уровне успехов, который я считаю...

Она замолчала ненадолго, задышав чуть быстрее, и потеребила пальцами броши у ворота.

— Он вечно бродит на улице, так что, полагаю, как все мальчики, он любит падать в ручьи и... и лазать по деревьям, и снимать птичьи гнезда...

— Оружие, — мягко проговорил Даав.

Голова Карин дернулась в его сторону так, словно он дернул ее за веревочку.

— Оружие? — недоуменно повторила она.

— Он обещает стать экспертом по оружию, — сообщил ей Даав. — Его интересует в нем все. Как оно действует. Почему один вид превосходит другой. Как его собирать. Как его разбирать. Относительное преимущество скорострельности по сравнению с размером заряда. Теория меткой стрельбы. — Он чуть поклонился. — Когда я в прошлый раз навестил его, то принес ему пистолет для начинающих, и мы немного постреляли в цель. Я сказал бы, что если его интерес не угаснет, то он обещает стать хорошим снайпером.

— Снайпером!

Карин даже не попыталась скрыть прозвучавшее в ее голосе отвращение.

Даав выгнулся одну бровь.

— Наша мать состояла в «Тэй Дор», так ведь? И в течение пяти лет успешно подтверждала свое место чемпиона клуба. Почему бы Пат Рину не оказаться таким же способным — или даже способнее? Или по крайней мере не получить возможности полностью удовлетворить свой интерес?

— Но тебя такие вещи совершенно не интересуют, — вернулся он к прежней теме. — Тебе, вполне естественно, интересно узнать, будет ли принято твое предложение об услуге. — Он сделал жест отрицания. — Твоя цена слишком высока.

— Вот что! — Она почти зашипела. — Эр Тому йос-Галану будет позволенbastard-полукровка, и от него даже не потребуется

буют поклона в сторону общества! А я, выполняя только свой долг и желая только служить клану, должна терпеть, что моего сына отдают на воспитание без моего согласия, единственно потому, что ты решил...

— Я напомню тебе, что решение принял Делм, — прервал ее Даав. — А еще я дам тебе два совета. Первый состоит в том, чтобы ты успокоилась. Второй — чтобы ты удалила из своего словаря выражения «bastard» и «полукровка». Имя ребенка — Шан йос-Галан. Он — сын Эр Тома йос-Галана и Энн Дэвис, и оба признают его своим, так что, как видишь, слово «bastard» здесь не подходит.

— А вот «полукровка» — это только правда! — вскрикнула Карин, видимо, решив игнорировать его первый совет.

— Я нахожу это слово оскорбительным, — ровным голосом сказал Даав и резко вздохнул. — Полноте, Карин, будь рассудительна! Тебя волнует то, что те, кому нечем заняться, кроме как поисками неприятностей, просмотрят старые выпуски «Газеты» и обнаружат, что между Эр Томом йос-Галаном и Энн Дэвис не было контракта с условием, что ребенок отойдет к Корвалу. Да?

— Да, конечно...

— И тем не менее ты считаешь нужным игнорировать тот факт, что те же личности без труда найдут сообщение о том, что Пат Рина йос-Фелиума взяли из приемной семьи и вернули матери. И они сразу скажут себе: «Взятка».

— А ты считаешь себя способным взяться за задачу очищения меланти Корвала перед Высокими Домами...

— Я еще раз напоминаю тебе, что я — Делм, — прервал ее Даав с исключительной мягкостью. — Если меланти Корвала будет нуждаться в ремонте, то моим долгом будет позаботиться о том, чтобы этот ремонт был проведен. Однако никаких починок не требуется. Клан принимает кого хочет, и вне Клана никакие объяснения не нужны.

Он осторожно перевел дыхание.

— Я рекомендую тебе меня оставить, Карин. Немедленно.

Ее губы приоткрылись, но ничего не произнесено. Спустя мгновение она уже кланялась ему.

— Доброго дня, — проговорила она настолько нейтральным тоном, что его можно было назвать лишенным модальности.

А потом она оставила его — быстро, сотрясая тяжелыми шагами мощенную дорожку.

Даав стоял на месте, пока не услышал, как включился двигатель — далеко внизу. Тогда, и только тогда, он позволил своей спине потерять непреклонную прямизну и, снова натянув на руки рабочие перчатки, принялся убирать по местам инструменты.

Они проснулись рано, вместе выпили немного утреннего вина и приняли неспешный чувственный душ. А потом, словно дети, тайком устроившие себе каникулы, отправились осматривать дом.

Энн вскоре совершенно заблудилась: в ее голове воцарилась полная неразбериха из Гостиных, Салонов и Приемных. Остановившись наконец в центре большого и пышно убранного зала, она расхохоталась.

— Не бросай меня, любимый, потому что иначе мне никогда не найти моих комнат! — Она покачала головой. — Вижу, что мне придется носить с собой мешочек с хлебными крошками и не забывать щедро ими сыпать!

— Да, но, видишь ли, слуги у нас хорошо вышколены, — отозвался Эр Том и придинулся ближе, чтобы улыбнуться ей. — Очень может быть, что все крошки будут сметены задолго до того, как ты пожелаешь вернуться.

— Тогда я пропала! Если, конечно, ты не нарисуешь мне карту.

— Если хочешь, — ответил он.

Она посмотрела на него — экзотичного и щемяще прекрасного в вышитом шлафроке. Он откинул назад широкие рукава и поймал ее руки.

— Показать тебе еще одну вещь? — спросил он, и в глазах его еще светились остатки улыбки. — А потом обещаю отвести тебя завтракать.

— Еще одну вещь, — согласилась она, строго напомнив себе: «Не смей на него глязеть, Энн Дэвис!»

— Тогда нам сюда, — сказал Эр Том, крепко ухватив ее за руку и держась так близко от нее, что полы его шлафрука грозили опутать ей ноги.

Однако они прошли по коридору без происшествий, а потом — до половины следующего, немного не такого длинного.

Шагнув вперед, он повернул окаймленную золотом фарфоровую ручку и отступил, гибко поклонившись.

— Входи, пожалуйста.

Энн на секунду замялась. Поклон выражал глубокое почтение, но в глазах Эр Тома горело ожидание, больше всего похожее на голод. Чуть улыбнувшись, она прошла в комнату.

Стены были обтянуты матовым бронзовым шелком, пол — упругой травяной циновкой цвета листьев Джелаза Казон. На комоде у дальней стены стояли две небольшие лампы, а на стенах на равных интервалах были закреплены бронзовые бра. Три ряда из двенадцати стульев каждый были расставлены ровным полукругом перед...

— Какая красота! — выдохнула она, двигаясь по плетеному покрытию так, словно омнихора схватила ее за руку и потянула к себе.

Энн погладила полированное дерево, отодвинула крышку и благоговейно провела пальцами по чистейшим клавишам из слоновой кости.

— Она тебе нравится? — спросил Эр Том у ее плеча.

— Нравится? Она поражает! Такой инструмент...

— Попробуй ее, — тихо предложил он.

Она бросила на него быстрый взгляд и, покачав головой, сняла пальцы с молчащих клавиш.

— Не соблазняй меня, — попросила она, и он услышал в ее голосе желание, — иначе мы весь день отсюда не уйдем.

Он поймал ее руку, вернул на клавиатуру и провел пальцами по тыльной стороне ее кисти.

— Включи ее, — прошептал он. — Сыграй для меня, Энн. Пожалуйста.

Большего поощрения ей не нужно было: она и так жаждала услышать голос омнихоры, испытать ее дух — и свой собственный.

Она заиграла ему свою любимую вещь, «Токкату и фугу ре-минор», древнее произведение, предназначавшееся для предшественника омнихоры, органа. Это был смелый выбор, потому что перед ней не было нот, но оказалось, что ее пальцы ничего не забыли, бросая музыку на безупречную клавиатуру.

Музыка наполнила комнату, словно океан, захлестывая исполнительницу, поднимая вверх на волне звука и чувства, пока ей не показалось, что она вот-вот умрет здесь. Музыка была так близко, что невозможно было бы сказать, где кончается мелодия и начинается Энн Дэвис.

В конце концов она нашла конец и разрешила нотам стихнуть, позволила себе выйти из великолепия и посмотрела на Эр Тома сквозь пелену слез. Откинув намокшие от пота волосы со лба, она улыбнулась ему.

— Какой прекрасный инструмент!

— Ты хорошо им владеешь, — отозвался он, и его негромкий голос прозвучал хрипловато.

Он сделал шаг и остановился рядом с ней. Только теперь Энн заметила, что его бьет дрожь.

— Эр Том...

Тревога прогнала прочь все другие мысли и чувства. Она развернулась на табурете, протягивая к нему руки.

— Тише. — Он поймал протянутые к нему пальцы, позволил ей притянуть его ближе. — Энн...

Он прижался щекой к ее волосам, мягко высвободил одну руку и погладил ее по плечу.

— Все хорошо, — прошептал он, ощущая, как ее мышцы дрожат от напряжения, передавшегося от него. Он отступил назад, заставил себя улыбнуться ради нее и ласково потянул за руку. — Давай пойдем и позавтракаем. Ладно?

— Ладно, — согласилась она после секундной паузы и повернулась, чтобы отключить омнихору и закрыть сверкающие клавиши.

Они сидели в столовой, занятые друг другом. Рядом с ними по столу были расставлены всевозможные блюда. На Эр Томе был домашний халат, на землянке — простая рубаха и брюки.

Петрелла несколько минут прожигала их взглядом, впиваясь пальцами в руку господина пак-Оры. Когда она наконец убедилась в том, что ни ее сын, ни его гостья в ближайшее время не повернут головы и не заметят ее в соответствии с приличиями, она с силой ударила в пол своей палкой.

Тогда к ней повернулись обе головы, но ей был нужен взгляд Эр Тома.

— Вы, судары! — рявкнула она. — На пару слов, будьте любезны.

И она заковыляла прочь, удостоив гостью одним только приветственным кивком.

Эр Том едва слышно вздохнул и отложил салфетку в сторону.

— Прости меня, друг, — мягко сказал он и ушел следом за матерью.

Глава двадцать четвертая

Дракон во всем следует своей необходимости и либо склоняется перед Обществом, либо нет. И неразумно оспаривать избранный Драконом путь или пытаться заставить его свернуть.

Из «Лиадийской книги Драконов»

— Ты будешь любезен объяснить, — объявила Петрелла, как только дверь веранды закрылась за дворецким, — почему три послания, отправленные на твой личный экран, остались без ответа с момента их отсылки и по сю пору?

Эр Том поклонился.

— Несомненно, потому, что я не заходил в свои комнаты с момента за час до главной трапезы вчерашнего вечера и не запрашивал послания из домашней базы.

Петрелла глубоко вздохнула, и ее пальцы угрожающе стиснули ручку палки. Ветерок секунду поиграл с цветами на краю веранды, бросил их, чтобы подергать рукава халата Эр Тома,

потом снова свернул, осыпав Петреллу ароматами лепестков, и, наконец, умчался прочь.

— Матушка, позвольте я вас усажу, — пробормотал он, заботливо подхватывая ее под руку. — Вы переутомитесь.

Именно такое нежное внимание она привыкла видеть с его стороны. Петрелла приняла его услугу, чувствуя, как глаза ее наполняются слезами, хотя она не смогла бы сказать, были ли то слезы ярости или любви.

Была ли то любовь или ярость, но когда она снова заговорила, голос у нее дрожал.

— Если ты думаешь, что я закрою глаза на любую непристойность, которую ты и эта... личность пожелаете себе позволить в этом доме...

— Простите меня.

Он не повысил голоса, но едва заметная резкость, немедленно узнаваемая всеми, кто принадлежал к Клану Корвал — и теми, кто имел с ними дела, — заставила ее замолчать.

— Филолог Дэвис — гость этого Дома, — продолжил он спустя пару мгновений, все так же мягко. — Кодекс учит нас, что благополучие гостя свято. В некотором отношении профессор Дэвис привыкла... полагаться на меня как на опору. Она чувствовала себя растерянной, оказавшись среди незнакомых людей, в мире, который совершенно не похож на ее собственный. Мне следовало обречь ее на бессонницу и тревогу из-за соображений благопристойности? Или все же мне следовало предложить привычное и очень необходимое утешение, чтобы ей было спокойно в нашем Доме?

— И все это — из-за заботы о госте! —sarкастически откликнулась Петрелла. — Ты меня просветил! Кто бы мог ожидать, что у тебя хватит гениальности извратить Кодекс подобным образом, и все ради того, чтобы достичь своих целей! Я считала тебя человеком меланти, но теперь я вижу, что это мнение — как и мнение твоей приемной матери — было ошибочным. Я вижу, что имею дело с хитрым недоростком, который кичится своим положением и выставляет свои убогие мыслишки на потеху всему свету! Не беспокойся, мне хватит здоровья на то, чтобы дать урок непослушному мальчишке. Дай мне кольцо!

Эр Том застыл. На побледневшем лице широко открытые глаза казались еще больше.

— Ну, сударь? Заставишь меня просить во второй раз?

Тогда он медленно поднял руки и так же медленно снял с пальца аметистовое кольцо мастер-купца. Шагнув вперед, он поклонился и бережно положил кольцо ей на ладонь.

— Так. По крайней мере у нас есть основа повиновения, на которой можно строить дальнейшее. Ты меня успокоил. — Она сжала пальцы, чувствуя, как грани камня впиваются ей в ладонь. — С этим кольцом ты даешь мне обещание, Эр Том йос-Галан. Ты дашь обещание, что воздержишься от представления той... поддержки, которую привык давать ученой-землянке, начиная с этой минуты. Если ты выполнишь это обещание, то по прошествии одиннадцати дней, когда ее визит закончится, ты сможешь попросить свое кольцо обратно. — С этими словами она крепче сжала кольцо, благодарно ощущая слабую и такую простую боль в ладони. — Нарушишь обещание, и я верну это кольцо в Торговую Комиссию и попрошу, чтобы твою лицензию аннулировали.

Не приходилось особо надеяться на то, что Торговая Комиссия согласится аннулировать лицензию мастер-купца Эр Тома йос-Галана. Однако прошение об аннулировании будет означать разбирательство. А разбирательство прервет право Эр Тома торговать как минимум на два стандартных года.

Эр Том глубоко вздохнул. Возможно, он намеревался что-то сказать. Если это и так, то от подобного неразумия его спас жизнерадостный голос и неожиданное появление его чалекет.

— Всем доброе утро! Какой чудесный день, право же!

Даав встал рядом со своим братом и поклонился, воплощая собой грацию и приветливость.

— Тетя Петрелла, как чудесно видеть вас такой отдохнувшей! Я пришел поговорить с гостьюей. Она в доме?

— Была в столовой, — ответила ему Петрелла почти невежливо, — когда ее видели в последний раз.

— Тогда я пошел в столовую! — Он повернулся и схватил Эр Тома за руку. — Доброе утро, милый! Ты нашалил?

Эр Том рассмеялся.

Даав с улыбкой поднял руку, которую держал, и наклонил голову, чтобы поцеловать палец, на котором совсем недавно было надето кольцо мастера-купца.

— Держись, мой хороший, — мягко сказал он.

А потом он отпустил руку брата и исчез в доме.

— Еще один невоспитанный ребенок! — недовольно огрызнулась Петрелла и махнула рукой. — Оставь меня, — приказала она сыну. — И не забывай о своем слове!

Энн поставила кофейную чашку и радостно перевела взгляд на тень, промелькнувшую в двери столовой.

Увы, этой тенью был не Эр Том, возвращающийся после разговора с матерью, а названный брат Эр Тома. Она поспешило встала и приветственно поклонилась ему, но, видимо, на ее лице все-таки отразилась какая-то тень разочарования.

— Ах, это всего лишь Даав! — воскликнул сей господин, стремительно встав в позу, выражавшую отчаяние, а потом ответно поклонился ей. — Доброе утро, профессор.

Это было так похоже на драматические сцены, которыми Джерзи сопровождал все действия в те дни, когда был особенно маниакально настроен, что она отреагировала вполне оправданным смехом.

— Но мы, кажется, договорились, чтобы я была не профессором, а Энн! — запротестовала она.

— Ах, мои ужасные манеры! — печально посетовал он, и Энн ухмыльнулась.

— Если вы ищете Эр Тома, то его матери понадобилось поговорить с ним на...

— Да, я их видел, — прервал ее Даав, отставляя модальность общения двух взрослых людей и переходя на земной. — Но я пришел, чтобы поговорить с вами. У вас найдется полчаса? — Он наклонил голову. — Дальше по коридору есть комната, где нам никто не помешал бы.

— Весь дом полон комнат, где людям никто не мешает, — отозвалась она, медленно выходя из-за стола.

— Вы осмотрели весь особняк Треалла Фантрол? Тогда вы должны были совершенно обессильть.

Он с поклоном пропустил ее в двери впереди себя.

— Только уголок, наверное. — Она вздохнула. — Я совершенно запуталась. Не уверена даже, что мне удастся снова отыскать комнату с омнихорой.

— Так вы ее видели, — пробормотал он. — Ну и как вы нашли омнихору?

— Она великолепна! — честно ответила Энн. — Лучшей нет даже в Академии музыки на Земле.

Он бросил на нее быстрый взгляд из-под ресниц. Этот прием был у него общим с Эр Томом, иначе Энн ни за что бы этого не заметила.

— Интересно, а вы были в Академии музыки на Земле?

— Я два года училась там по гранту, — ответила она невыразительно. — На третий год фонды закончились, а моя семья никак не могла...

Она пожала плечами, не договорив.

— Я вернулась домой, окончила колледж, получила стипендию и занялась научной работой.

«В рекордные сроки», — мысленно договорила она. Ею двигало горе из-за того, что она лишилась своей первой любви, музыки, но она была полна решимости преуспеть во второй и училась, отбросив все. Даже — в особенности — дружеские отношения...

— Понимаю, — сказал Даав, заводя ее в небольшую комнату и закрывая за ними дверь. Он приглашающе махнул рукой в сторону двух невероятно пышных и даже немного потертых мягких кресел. — Садитесь, пожалуйста. Можно налить вам вина?

— Спасибо. Белого, пожалуйста.

Выбранное ею кресло оказалось дивно удобным: сиденье было достаточно широким для ее бедер, высокая спинка обхватила плечи, а ножки были настолько высокими, что ей почти не пришлось убирать ноги назад.

Даав уселся напротив нее, поставив две рюмки на невысокий столик между креслами.

— Ну вот. — Он откинулся на спинку кресла. — У меня есть вопросы, на которые необходимо получить ответы. Поверьте, я

никоим образом не желаю вас огорчать или ранить. — Он улыбнулся. — Если бы я такое сделал, то Эр Том вручил бы мне мои уши на подносе.

Она рассмеялась:

— Да, ну еще бы!

— О, вы так не считаете? Но, конечно же, его долг требует охранять покой будущей супруги!

— Будущей... О! — Она покачала головой. — Эр Том рассказал вам, что просил меня заключить с ним брачный контракт. Я ему отказала. И если он вам об этом не говорил, то ему следовало бы это сделать.

— Говорил, — мягко отозвался Даав.

— Тогда что... — Она нахмурилась, вглядываясь в узкое лисье лицо. — Я не понимаю.

— А! — Он пригубил вино, рассматривая Энн поверх края рюмки. — Могу ли я узнать, — произнес он в конце концов, — каковы ваши намерения в отношении моего брата?

Она и сама этого не знала. Было совершенно ясно, что ей придется от него отказаться. И скоро. К несчастью, было не менее ясно, что отказ от него равносителен тому, чтобы вырвать у себя из груди живое сердце.

Энн потянулась за своей рюмкой и оттянула время ответа, отпив вина. Но и вернув рюмку на стол, она ничуть не приблизилась к ответу.

— А нам не следует, — спросила она, бросая быстрый взгляд на лицо Даава, — вести этот разговор на... высоком лиадийском?

— Безусловно, если так вам будет спокойнее, — с готовностью согласился он. — Но я нахожу земной таким свободным. Вы со мной не согласитесь? Нет нужды перебирать десяток модальностей в поисках нужного нюанса...

Она ухмыльнулась.

— Мне просто показалось, что раз уж я, похоже, говорю с деллом...

— О, опять мои ужасные манеры! Делм, этот чопорный тип, пока остается в стороне. Вы разговариваете с Даавом йос-Фелиумом, который выступает от лица брата, попросившего меня побеседовать с вами.

— Относительно моих намерений?

Черт подери этого мужчину, тогда почему он не спросил у нее сам?

— Или ваших чувств, — пробормотал Даав. Он наклонил голову набок. — Это нахальство, я понимаю. Увы, я всегда был нахальным типом. А мой брат мне очень дорог.

Она подняла взгляд, тронутая его прямотой.

— Ну что ж, — с горькой иронией сказала она, — он мне тоже очень дорог. Не знаю, как мне удастся терпимо попрощаться с ним в конце моего отпуска...

Она покачала головой.

— Мне не следовало лететь на Лиад. Теперь я это вижу. Просто дело в том, что он... он приехал, чтобы меня найти. Меня! У него были неприятности... — она улыбнулась, вспомнив, как это выразил сам Эр Том, — ...затруднения. И я довольно глупо решила, что могу помочь...

Она отвела взгляд.

— Нет ничего глупого, — мягко возразил Даав, — в желании помочь другу.

— Да, но мне следовало обо всем подумать, — отзвалась она, кусая губы. — Естественно, вы, или его мать, или... другие друзья были бы для него большей помощью, чем... чем землянка.

Она подняла взгляд, чтобы встретиться с черными глазами Даава.

— Я ему здесь только мешаю, в чем бы ни состояла его проблема. Но ему хотелось, чтобы делм сосчитал Шана... Это было так важно... А потом я получила известие от ассистентки почтенного йо-Керы, и... О,казалось, что все складывается одно к одному! Шана посчитают... это было такой малостью... ассистентка моего друга получит нужную помощь, и...

Она замолчала, судорожно сглотнув внезапно подступившие слезы.

— И вы поможете Эр Тому выпутаться из его затруднений, — закончил за нее Даав. Наступило недолгое молчание. — Вы не думали о расставании?

Она грустно засмеялась.

— Вначале я была готова — я ожидала, что он улетит. Конечно, ему пришлось бы улететь, я это понимала. Но он остался, и все настаивал, чтобы мы полетели на Лиад, а я все твердила, что мы с Шаном останемся на Университете...

Она покачала головой.

— Настоящий базар. И все понапрасну. Конечно, Эр Том настоял на своем. Это будет мне уроком: не пытайся переспорить мастер-купца! И чем дольше мы были вместе, тем меньше я думала о расставании. Он был со мной, и я его любила. Теперь — гораздо сильнее, намного сильнее, чем... чем раньше. — Она опустила глаза на стиснутые на коленях пальцы, вздохнула и снова подняла голову. — Вы это хотели узнать?

Даав смотрел на нее странно пристальным взглядом.

— А вы не думали о союзе спутников жизни? — спросил он. Энн нахмурилась.

— Я — землянка.

— А жена-землянка обязательно должна оказаться обузой, — сухо прокомментировал он. — И все же, если бы он предложил союз спутников жизни...

— Нет. — Она решительно покачала головой. — Нет, я не могу допустить, чтобы он сделал такое. Нет... никакой необходимости, чтобы он шел на такую... Я смогу... смотреть на него с сухим лицом, когда придет время отлета.

— Сможете?

Его голос звучал очень тихо, одна бровь резко выгнулась. Энн посмотрела на него в упор, ощущая, что у нее сжимается грудь.

— Да, смогу, — заявила она с уверенностью, которой отнюдь не чувствовала. — В конце концов такое уже один раз было.

— Я действительно могла бы вернуть ему его кольцо, — отрывисто сообщила племяннику Петрелла. — Он знает, что должен сделать, чтобы его заработать.

— Да. Однако подумайте только, какие пересуды начнутся среди тех, кому нечем себя занять, если только он появится в Солсинтре без него! — попросил Даав.

— У Эр Тома нет оснований отправляться в город.

Даав изумленно воззрился на нее.

— У него есть все основания это делать! — воскликнул он. — Обычные требования его работы заставят его побывать в Солситре и порту несколько раз за дюжину дней! — Он заставил себя перестать расхаживать по комнате. — Если, конечно, вы не освободили его и от нее тоже?

— Конечно, нет! — с чувством оскорбленной невинности заявила она. — Только Торговая Комиссия может освободить мастер-купца от его обязанностей.

— Тетя Петрелла, — проговорил он спустя секунду с достаточно убедительным, хотя и очень хрупким спокойствием, — если вы считаете, что Эр Том не будет исполнять своих обязанностей только потому, что вы пожелали, чтобы он не носил знак своего ранга, то вы очень странно представляете себе его характер.

— Спасибо! — огрызнулась она. — Я пожелала преподать ему урок послушания, сударь, как и говорила тебе вчера вечером. И ты в это вмешиваться не будешь.

— Вы сочли нужным опозорить мастер-купца Клана перед всем космопортом и утверждаете, что меня это не касается? Тетя...

Она стукнула по полу палкой.

— Я не допущу, чтобы он толковал Кодекс в свою пользу! Даав застыл, устремив на нее широко открытые глаза.

— А разве он не для того существует?

Петрелла гневно посмотрела на него. Ее худая грудь вздымалась от возмущения, руки словно птичьи когти сжимали ручку палки.

— Я могу прямо сейчас скончаться у тебя на глазах, — мрачно заявила она, — и оставить тебе в качестве тоделма бестолкового непокорного мальчишку. И ты этого заслуживаешь.

— А мне не нужен прибитый пес! — крикнул Даав, посыпая к чертям самообладание и мягкие речи. — Мне нужны ум, зоркий взгляд и преданность долгу. Как и моей матери до меня! И я заявляю вам сейчас, сестра Чи, если вы сломаете Эр Тома йос-Галана, то вы уничтожите Клан Корвал!

Она дернулась в кресле так, словно он ее ударил, судорожно набрала воздуха, сама не зная, для какого ответа... Слишком поздно. Даав исчез.

Глава двадцать пятая

Драмлизам нужны гены юного Тор Ана. Предсказатели предвидят от этого союза близнецов и предлагают девочку нам — Клану Корвал — в качестве уплаты.

Джела сказал бы, что присутствие волшебника на борту склоняет чашу весов в сторону выживания, что остается разумным доводом, хотя теперь мы уже живем на планете и занимаем высокое положение, или так сказал бы мне сам юнец...

Оказывается, Тор Ан встретился с той, кого ему предложили в супруги, несколько дней тому назад. Не сомневаюсь, что этому поспособствовала драмализма Руул Тайазан! Мальчишка, конечно, очарован, так что брак состоится.

Возможно, девочка не станет драмлизой...

Из Дневника Канtry йос-Фелиум

— Мастер-купец бел-Тарда, — объявил у двери господин пак-Ора. — Юный господин Пат Рин йос-Фелиум.

Петрелла с плохо скрытым нетерпением оторвала взгляд от бумаг на своем столе. Лю肯, по виду которого сразу можно было понять, что он торгует коврами, пересек комнату, ведя за руку темноволосого мальчика примерно шести стандартных лет от роду.

Мужчина адресовал ей поклон родича, в котором ощущался некий трепет. Поклон мальчика — ребенка Старейшине Клана — был полон важности и тщания. Он выпрямился, переложил коробку, перевязанную яркой лентой, из левой руки в правую и повернул к Петрелле лицо с резкими чертами и недоверчивыми карими глазами.

— Добрый день, Люкен, — проговорила Петрелла, наклоняя голову. Ради мальчика она прибавила к кивку и улыбку. — Добрый день, Пат Рин.

— Добрый день, двоюродная бабушка, — вежливо отозвался Пат Рин, но на его губах и в глазах не было и подобия улыбки.

Подавив вздох, она перевела взгляд на мужчину, который производил впечатление нервного ерзанья, хоть и стоял почти до боли неподвижно.

— Ну, Люкен? Какие обстоятельства я должна восхвалить за то, что имею возможность видеть твое лицо?

Лицо, которое она упомянула — прямое, честное и обычно добродушное, — потемнело от смущения.

— Мальчик пришел сделать подарок своему новому кузену, — сказал он, легко прикасаясь к худенькому плечу Пат Рина и бросая на Петреллу взгляд, полный уважительного трепета. — Как того пожелала бы его мать в соответствии с Кодексом и родственной заботой.

Видимо, пикантность точки зрения, приписавшей Карин йос-Фелиум способность пожелать, чтобы ее наследник имел хоть какие-то отношения с не по правилам появившимся ребенком с прискорбной родословной, избавила Люкена от выволочки, которую он столь явно ожидал. Петрелла удовлетворилась вздохом и замечанием относительно того, что новости распространяются быстро.

Люкен повел плечами.

— В чтении газеты нет ничего сложного, — отозвался он. — Делаю это каждое утро, пока пью чай.

Петрелла, которая этим утром впервые изменила своей привычке читать газету за завтраком, посмотрела на него с открытым изумлением.

— Ты хочешь сказать мне, что в утреннем выпуске есть объявление о рождении Шана йос-Галана? — спросила она.

Люкен явно встревожился, но отступать не стал.

— Прямо на первой странице, в колонке «Приняты». — Он прикрыл глаза и чуть нараспив прочитал по памяти:

Принят Корвалом, Шан йос-Галан, сын Эр Тома йос-Галана, Клан Корвал, и Энн Дэвис, Центральный Университет.

Он открыл глаза.

— Вот и все. Я еще подумал: как просто.

— Вот именно: просто шедевр простоты, — процидила Петрелла сквозь зубы. Добавить что-то еще ей помешало появление сына, который вошел без доклада, наконец облачившись в дневную одежду.

— Люкен! Рад встрече, кузен. — В голосе Эр Тома, как и в поклоне, была искренняя теплота. Улыбнувшись, он протянул лишенную кольца руку. — Привет, Пат Рин. Я рад тебя видеть.

Напряженное лицико чуть заметно разгладилось, и Пат Рин отошел от своего приемного отца, чтобы пожать протянутую руку.

— Привет, кузен Эр Том. — Он поднял нарядную коробку. — У нас подарок для кузена Шана.

— Это очень мило, — ответил Эр Том не менее серьезным тоном. — Не отвести ли мне тебя к нему, чтобы ты мог его вручить?

Пат Рин медлил, оглянувшись через плечо на своего приемного отца.

— Конечно, ты будешь рад возможности познакомиться со своим юным кузеном, — мягко подсказал ему Люкен, и Пат Рин перевел свой серьезный взгляд обратно на Эр Тома.

— Спасибо. Я буду рад познакомиться с моим новым кузеном.

— Хорошо. Тогда я прямо сейчас тебя к нему отведу. С позволения моей матери...

Он уважительно поклонился в ее сторону, взмахом руки позвал с собой Люкена и двинулся к двери.

Петрелла сжала подлокотники кресла.

— Эр Том!

Он повернул голову. На все еще бледном лице лиловые глаза оставались бесстрастно вежливыми.

— Да, матушка.

— Объявление о принятии твоего ребенка, — сказала она, заставляя себя говорить спокойно, — появилось в утреннем выпуске газеты.

— А! — тихо отозвался он и, заметив, что она ждет продолжения, добавил: — Это, должно быть, рука Делма.

— Понятно, — сказала Петрелла и повернулась обратно к столу, позволяя ему уйти.

Он как раз закончил анализировать срочные дела дня и подумывал о том, не забраться ли на Дерево. Когда он усядется на платформе, которую они с братом построили еще в детстве, а мир внизу будет сведен до должной незначительности, когда его окружит благосклонное присутствие Дерева — тогда он сможет результативно обдумать проблему Эр Тома.

И он отодвинулся от стола и уже прошел полкомнаты, когда услышал за дверью тихий звук шагов дворецкого и приостановился, склонив голову набок и гадая...

А в следующую секунду его ждала радость.

Господин пел-Кана поклонился от двери.

— Лейтенант разведки сел-Иприт! — доложил он и отступил, чтобы она могла пройти внутрь.

— Олвен!

Даав с улыбкой пошел ей навстречу. Господин пел-Кана тактично удалился, закрыв за собой дверь.

Она была в кожаном костюме, словно только что прилетела, и бережно несла в обеих руках небольшой горшочек с каким-то растением. Подняв взгляд, она ответила на его улыбку, хотя и не так радостно, как обычно, а потом прошла мимо, чтобы поставить горшок на стол.

Даав наблюдал за ней, вдруг ощутив холод.

— Олвен?

Она повернулась от стола и бросилась к нему, крепко обхватив руками за пояс и прижавшись щекой к его груди.

Она была нежной и привычной и согревала его внезапно похолодевшее тело. Даав прижал ее к себе, потервшись щекой о ее волосы.

Какое-то время они стояли неподвижно, и оба молчали, а потом она чуть пошевелилась, и ее мышцы напряглись, словно она собиралась отстраниться.

Он ослабил объятия, но не выпустил ее. Олвен вздохнула и теснее прижалась к нему.

— Чудесная новость, старый друг, — проговорила она так тихо, что он едва расслышал ее слова. — Меня направляют на работу.

— А!

Он закрыл глаза, остро наслаждаясь шелком ее волос, а потом заставил себя медленно вздохнуть.

— Когда ты улетаешь?

— Сегодня днем. — Ее руки сжались до боли, а потом она отпустила его и сделала шаг назад, подняв руку, чтобы мимолетно прикоснуться к его щеке. — Счастливо тебе, Даав.

Он поймал ее руку и поцеловал кончики прохладных пальцев.

— Хорошего взлета, Олвен. Береги себя.

— Как всегда, — отзвалась она, что было их давней шуткой.

Он проводил ее до дверей, а потом смотрел, как она идет по дорожке и садится в машину.

Когда звук мотора стал неслышен, он вернулся к себе в кабинет, проследив, чтобы дверь за ним полностью закрылась.

Нубиат стоял на его письменном столе, там, куда она его поставила. Он содрогнулся и склонил голову, задыхаясь. Поднятые ладони закрыли его лицо, хотя здесь никто не мог бы увидеть, как он плачет.

— Это, конечно, не мое дело, — пробормотал Люкен так тихо, что его мог слышать только Эр Том. Они шли по коридору рядом, а Пат Рин сильно их опередил. — И ты можешь не трудиться выдирать у меня волосы, если мне положено ничего не замечать. Но мне интересно, что случилось с твоим кольцом.

Эр Том выгнул бровь.

— Мой Тоделм взял его на хранение, — мягко ответил он и улыбнулся. — А дальше ты рискуешь своей шевелюрой, кузен.

— Спасибо за предупреждение, — откликнулся старший родич с добродушием, которое завоевало ему немало друзей как в порту, так и в самой столице.

— Объявление в газете стало для меня неожиданностью, — признался он. — Кстати, прими мои поздравления! Но когда я в последний раз слышал что-то по этому вопросу, йос-Галаны рассчитывали получить твоего наследника от Нексона... — Он бросил на Эр Тома быстрый взгляд. — Не то чтобы это было моим делом, конечно!

Эр Том рассмеялся.

— Бедняга Люкен! Мы тебя обижаем?

— Ну, — честно ответил его собеседник, — вы с Даавом в щенячьем возрасте были довольно неотесанными. Удивительно, как это вас не утопили, пока вы были юнцами. Хотя, — поспешил добавить он, словно опомнившись, — насколько я знаю, это относится к большинству юнцов.

— А став взрослыми, мы ежедневно дерем тебе патлы, — пробормотал Эр Том, — а вместо извинений натравливаем на тебя Карин.

— Нет, — возразил Люкен, начиная подниматься по лестнице. — Нет, я не хочу представлять дело именно так. Даав часто нас навещает, знаешь ли. Они с мальчиком привязаны друг к другу. И теперь, когда он ушел из Разведки и принял Кольцо, я нахожу его гораздо более легким в общении. А ты... ты всегда был рассудительным, кузен, а если временами и бывал резким, то, несомненно, я того и заслуживал. Я ведь не слишком умен, а вам, людям сообразительным, нелегко иметь дело с нами, тугодумами. Вот Карин...

Люкен вздохнул, глядя на ребенка, который шел впереди, такой не по-детски серьезный.

— Мальчик делает шаги вперед, — проговорил он после паузы. — Кошмары прошли... ну, почти. — Его губы сжались плотнее. — У меня крепкие плечи. Карин йос-Фелиум может делать со мной что хочет, если только это купит ребенку покой.

Эр Том положил руку на плечо кузена и легко его сжал.

— Спасибо тебе, кузен.

— А? — Люкен удивленно улыбнулся. — Не стоит благодарности. Но спасибо, конечно. — Он передернул плечами. — Между вами двумя и Карин всегда была огромная разница. Вы оба — добрые и не причиняете боль ради удовольствия сделать больно.

Тут он повысил голос:

— Эй, парнишка, дорогой, ты прошел нужную дверь!

Шедший впереди них Пат Рин повернулся и медленно пошел обратно, держа подарок обеими руками.

Эр Том приложил ладонь к замку детской и с поклоном пропустил своих родичей внутрь.

— Лови!

Энн бросила ярко-розовый мягкий мячик высокой медленной дугой.

Шан с громким хохотом попытался его поймать, мяч отлетел от его пальцев, и он с хихиканьем бросился его догонять по длинной комнате.

Энн отбросила волосы с лица и захлопала в ладоши, когда сын догнал мячик и высоко его поднял.

— А теперь бросай обратно! — воскликнула она, подняв руки над головой.

— Лови, ма! — крикнул ее сын и бросил мяч.

Попытка оказалась недурной, хотя мячик и должен был упасть с недолетом. Энн бросилась на колени и вытянула руки, пытаясь его поймать, — и повернула голову на перелив дверного сигнала, забыв об игре.

— Мирада!

Шан сломя голову кинулся отцу на шею, не обращая совершенно никакого внимания на двух гостей, пришедших вместе с ним.

Эр Том подхватил Шана и бурно обнял.

— Ну-ка, мой храбрец!

Рядом с ними старший из гостей — мужчина лет сорока пяти с песочного цвета волосами и открытым добродушным лицом — сжал губы и положил руку со скромным набором колец на худенькое плечо своего спутника. Энн улыбнулась мальчику с лицом лисенка и получила в ответ серьезный взгляд широко открытых карих глаз.

— ИграТЬ в мячик, Мирада! — приказал Шан, когда Эр Том поставил его на пол.

— Никоим образом, — негромко отозвался он. — Ты должен поклониться своим кузенам.

Повернув голову, он поймал взгляд Энн и одарил ее такой улыбкой, что она едва удержалась, чтобы не упасть.

— Энн, это — мои кузены, Люкен бел-Тарда и Пат Рин йос-Фелиум. Кузены, я хочу представить вам профессора филологии Энн Дэвис, мать моего ребенка и гостью Дома.

— Мое почтение, филолог. — Поклон Люкена бел-Тарды на секунду ее озадачил, но потом она поняла: он выражал почтение к Родителю ребенка Клана. — Я рад с вами познакомиться.

— Я тоже рада познакомиться с вами, Люкен бел-Тарда.

Для поклона Родителю ребенка Клана установленного соответствия не было, так что Энн избрала обращение двух взрослых, что было достаточно теплым, но не подразумевало никаких поспешных выводов относительно меланти Люкена бел-Тарды.

— Ну, это очень мило с вашей стороны, — отозвался он с нескрываемым удовольствием, а потом ласково сжал плечо мальчика. — Поклонись гостье, дорогое дитя.

Поклон гостю был выполнен со взрослой четкостью и быстротой.

— Счастливо вам погостить, филолог Дэвис, — произнес глуховатый мальчишеский голос, но карие глаза продолжали настороженно ее оценивать.

Энн адресовала ему поклон, выражающий почтение к ребенку Семейства, и, выпрямляясь, улыбнулась ему.

— Вы, должно быть, мальчик Даава, — мягко сказала она.

Пат Рин мотнул головой.

— Прошу извинения у леди, — быстро проговорил он, — но я наследник Карин йос-Фелиум.

— Но он действительно похож на дядю, — добавил Люкен, ероша темные волосы мальчика с небрежной теплотой и адресуя Энн невинный взгляд серых глаз. — Его мать тоже темноволосая. Не сомневаюсь, что вы вскоре с ней познакомитесь. Леди Карин не из тех, кто манкирует своими обязанностями.

— Я с радостным нетерпением жду знакомства с ней, — отозвалась Энн, как и требовали приличия, и недоуменно заметила, как он заморгал.

— А перед вами, — мягко вмешался Эр Том, — Шан йос-Галан. Шан-сын, это — твои кузены Люкен и Пат Рин. Поклонись им, пожалуйста.

Шан нахмурил брови, пытаясь разобраться в лиадийских словах.

— Шанни, — подсказала ему Энн на земном, — поклонись своим родственникам и скажи им «привет».

После еще одной короткой заминки он сделал поклон, не имеющий отношения ни к какой модальности. Выпрямившись, он расплылся в улыбке и адресовал им жизнерадостно:

— Эй!

Люкен бел-Тарда бросил на Эр Тома удивленный взгляд.

— Боюсь — это упущение, конечно! — что я совершенно не знаю... э-э... земного.

— Эй! — повторил Шан, приближаясь к своим кузенам.

Пат Рин наклонил голову, широко распахнув карие глаза.

— При-вет? — неуверенно сказал он.

Шан энергично закивал.

— Привет, да. Эй! — Он протянул руку. — Жмем!

Пат Рин вздрогнул и отшатнулся. А потом, поймав зубами нижнюю губу, он протянул руку и быстро прикоснулся к пальцам Шана.

— При-вет, — повторил он, поспешно отдергивая руку. — Я рад с тобой познакомиться, кузен Шан, — быстро добавил он на лиадийском и протянул коробку, которую держал в руке. — Мы принесли тебе подарок.

Шан взял коробку, не моргнув и глазом.

— Спасибо. Играем в мячик?

— Мой сын благодарит вас за внимание, — перевел Эр Том Люкену. — И он спрашивает, не может ли кузен с ним поиграть.

— Это очень мило. — Вид у Люкена был довольный. — Дело в том, что мы с мальчиком сегодня обещали быть в городе, но я буду очень рад в ближайшее время привезти его сюда в гости. Он мог бы провести здесь день, если ты не имеешь ничего против, кузен.

— Конечно. Пат Рину здесь всегда рады, — сказал Эр Том, и Энн заметила, что напряженное лицо мальчика чуть просветлело.

— Вот и договорились, — уютно заключил Люкен.

Повернувшись к Энн, он адресовал ей поклон, выражавший глубокое уважение к тому, кто предоставляет лечение.

— До свидания, профессор Дэвис. Счастлив с вами познакомиться, сударыня.

— До свидания, Люкен бел-Тарда. Надеюсь, что мы еще встретимся.

Без всякой подсказки Пат Рин поклонился, а потом Эр Том увел обоих гостей, у дверей обернувшись, чтобы послать ей улыбку.

— Ну вот! — Энн шумно выдохнула и ухмыльнулась сыну. — Не хочешь посмотреть свой подарок, Шанни?

Глава двадцать шестая

Не существует такого человека, который не был бы для кого-то опасным.

Маркиза де Севинье

Звонок заставил его, моргая, вернуться из мира накладных, прибылей и грузовых деклараций. Он встал, еще оставаясь в тумане, и открыл дверь.

— Энн!

В один миг весь туман испарился, и он протянул руку, чтобы взять ее за пальцы и ввести в комнату.

— Заходи, пожалуйста, — проговорил он, видя, как его радость отражается у нее на лице. — Знаешь, я должен попросить у тебя прощения за то, что так неожиданно навязал тебе Люкена. Я не знал, что ты окажешься с нашим сыном...

— Нет нужды извиняться, — ответила она с улыбкой. — По-моему, он — просто прелесть. — Потом ее улыбка стала чуть менее яркой. — Хотя Пат Рин очень... стеснительный.

Эр Том подумал, что Энн, как и следовало ожидать, сразу же поняла, насколько ребенок травмирован. Тем временем он вел ее мимо своего заваленного работой стола к двухместному креслу у камина.

— Пат Рин делает успехи, — заметил он, повторяя то, что услышал от Люкена. — Мне показалось, что он довольно решительно справился с нашим мошенником.

Она тихо рассмеялась и позволила ему усадить ее в кресло. Он остановился перед ней и взял ее за обе руки, улыбаясь ей в лицо, словно дурачок.

Ее руки стиснули его пальцы, а ясный лоб вдруг нахмурился. Она наклонила голову — а потом быстро ее подняла.

— Ты снял свое кольцо.

Голос ее звучал спокойно, но в глазах выражалась озабоченность — возможно, даже тревога.

— Действительно снял, — согласился он, словно это был сущий пустяк.

Он осторожно высвободил ту руку, на которой должно было надето это украшение, и заправил шелковистую прядь ей за ухо. Короткая прядь выскользнула у него из пальцев.

— Чем я могу тебе служить, Энн?

Она облизала губы, а в ее взгляде вспыхнули искры насмешки, адресованной ей самой.

— Продолжай в том же духе, паренек, и мы оба не сможем заняться делом.

Она повернула голову, чтобы мимолетно прижаться губами к его запястью, мгновенно заставив его пульс ускориться.

— А в этом? — прошептал он.

Она засмеялась и тряхнула головой, так что ему пришлось неохотно опустить руку.

— Оказалось, что мне нужна та машина, которую ты предлагал, — сказала она, неожиданно резко возвращаясь к действительности. — И, наверное, шофер тоже. Друсила Бана может увидеться со мной сегодня днем.

— А! Мне тебя отвезти?

— Это было бы приятно, — ответила она с улыбкой сожаления, — но я скорее всего задержусь там на какое-то время.

Если записи доктора йо-Керы окажутся именно в таком порядке, как она говорит... — Она покачала головой. — Тебе ни к чему несколько часов дожидаться, пока двое ученых будут болтать всякую чушь. Неудобно даже заставлять шофера...

— Тем не менее, — твердо заявил Эр Том, осмелившись прижать палец к ее губам, — ты возьмешь водителя. Договорились?

— Тиран! — Она засмеялась. — Хотела бы я посмотреть, что будет, если я не соглашусь. Но так уж получается, что я соглашаюсь. Я не очень хорошо знаю, куда ехать, а если работа заставит меня задержаться дотемна...

— Договорились, — согласился он. — Когда ты поедешь?

— Через час — это не слишком рано?

— Нисколько, — заверил он ее, ощущив укол сожаления. Он отступил на шаг, неохотно отпуская ее вторую руку. Энн встала.

— Спасибо тебе, Эр Том.

— Не за что, — пробормотал он, и она вздохнула.

— Да, ты всегда так говоришь. — Она легко прикоснулась к его щеке и улыбнулась. — Но все равно спасибо тебе. За все.

Она приложила палец к его губам, как он только что сделал с ней.

— Увидимся позже, любимый, — прошептала она, а потом стремительно повернулась и исчезла — словно оставаться было рискованно.

— Филолог Дэвис, как приятно наконец с вами встретиться!

Приветствие Друсила тел-Бана было по-настоящему теплым и прозвучало в модальности товарищей.

Энн улыбнулась и поклонилась ей.

— Я сожалею, что не смогла приехать быстрее.

— Достаточно и того, что вы вообще приехали! — заверила ее коллега. — Я едва смела надеяться... Но надо же! Когда я вам писала, я не знала, что вы так тесно связаны с Кланом Корвал. Увы, я редко читаю газету, а смерть Джин Дела... — Она взмахнула рукой, отметая в сторону конец своей фразы. — Но по

крайней мере я прочла сегодняшний выпуск! Позвольте мне вас поздравить.

— Спасибо. — Энн снова поклонилась. — Я передам ваши поздравления моему сыну и его отцу.

Глаза Друсила тел-Бана изумленно расширились, но она только пробормотала: «Да, конечно», — и, резко повернувшись, подняла указующую руку.

— Позвольте, я покажу вам кабинет Джин Дела. Его записи — те, что сохранились — остались в том виде, в каком их нашли, когда... Должна вам признаться, филолог, что ему несвойственно было терпеть беспорядок. Сначала я даже подумала, что... Но это, конечно же, глупости! Какой смысл красть черновики книги, которая может взволновать умы пары десятков ученых во всей галактике? Нет. Нет, наверное, просто дело в том, что он был болен — боюсь, намного серьезнее, чем думали мы все.

Энн посмотрела на невысокую женщину, которая шла рядом с ней, обратив внимание на ее изборожденное заботами лица, поникшие плечи, неустойчивые шаги...

— Смерть Достопочтенного филолога йо-Керы глубоко вас потрясла, — решилась она сказать, неуверенно нащупывая границу того, что сочли бы уже не должным сочувствием, а оскорблением. — Я это понимаю. Когда я получила ваше письмо, я едва смогла поверить в то, что его больше нет. Он был так полон жизни, у него был такой блестящий ум! Я знала его только по переписке. И я могу только догадываться, что должен чувствовать человек, оказавшийся на вашем месте, человек, который имел счастье ежедневно с ним работать.

Друсила тел-Бана подняла на нее блестящие от слез глаза и спешно отвела взгляд.

— Вы очень добры, — проговорила она сдавленно. — Он был... бриллиантом. Я не представляю себе, как... Но это потом. Сейчас надо привести в порядок работу Джин Дела, закончить его книгу. Вот... вот его кабинет.

Она повернулась, секунду возилась с пластиной замка и с поклоном отступила. Дверь открылась, свет в помещении загорелся.

— Прошу вас.

Энн переступила через порог — и улыбнулась.

На переполненных полках лежали пленки, книги в переплетах, диски и пачки распечаток. Два строгих стула тесно сдвинулись перед компьютерным столом, за ним находилось вращающееся рабочее кресло. Шкаф для папок был втиснут в один угол, поверх него стоял двойной ряд книг. Рядом оказался простой стол — как это ни странно, совсем без книг. Это упущение более чем компенсировало множество листов с распечатками, папками и карточками с записями, которыми была покрыта вся его поверхность.

На полу был расстелен темно-красный ковер, который, очень может быть, когда-то был хорошим. Стены были голыми, если не считать рамки с дипломом, который объявлял Джин Дела йо-Керу, Клан Йедон, ученым специалистом в области галактической лингвистики, и плоской фотографии, на которой трое высоких землян — две женщины и мужчина — стояли перед купой деревьев посреди травяного моря.

— В молодости он... уезжал с планеты, чтобы вести исследования, — сказала от двери Друсила тел-Бана. — На фотографии — Милдред Хиггинс и Салли Браннер со своим мужем, Джексоном Роем. Земляне того типа, который называется «аус». Джин Дел провел один сезон у них на... станции. Они научили его... стричь овец.

Энн быстро оглянулась и увидела дрожащую, размытую улыбку лиадийки.

— У него была еще одна фотография, овец. Он говорил, что они... неумные.

Энн ухмыльнулась.

— Мой дед держал овец, — сказала она, — у себя, на Новом Дублине. Он утверждал, что они умнее репы — когда в ударе.

Друсила тел-Бана улыбнулась, и в эту секунду Энн увидела ее такой, какой эта женщина была раньше: веселой, живой, умненькой. А потом облако горя снова окружило ее, и она указала на заваленный стол.

— Вот его записи. Пожалуйста, филолог, будьте так добры...

— Для этого я и приехала, — сказала Энн. Она развернула рабочее кресло к столу, а потом протянула руку, чтобы придвигнуть один из «студенческих» стульев с прямой спинкой. — У вас найдется время, чтобы со мной посидеть? — спросила она у Друсила тел-Бана. — На тот случай, если у меня в процессе работы возникнут вопросы?

— Мое время принадлежит вам, — ответила ее коллега, чопорно садясь на край жесткого стула.

Энн пришлось сесть в потрепанное и слишком маленькое рабочее кресло и придвигнуть к себе первую кипу папок.

Спустя несколько часов она наконец отодвинулась от стола, отбрасывая волосы с лица и тупо глядя в пустую стену прямо перед собой. Мышцы плеч и спины сводило судорогой, и она не сомневалась в том, что когда встанет, то ноги ее откажутся двигаться — но все это не имело значения.

Конечно, записи были в беспорядке: это было ясно по ее переписке с ним, тем более что ее мысль двигалась примерно в том же направлении, в каком шел Джин Дел Йо-Кера. Ему удалось найти то, что искала она сама: доказательство, эмпирическое и убедительное доказательство существования общего прайзыка, который породил трех непохожих детей-близнецов: лиадийский, земной и икстранный.

Джин Дел нашел его: его заметки, его логические выкладки, его проверки и перепроверки — все было на месте. Надо было только заново привести все в порядок, отбросить лишнее — и подготовить к публикации.

Все здесь, все готово.

Все, за исключением основного, решающего факта.

Энн перевела взгляд туда, где на жестком стуле по-прежнему терпеливо сидела Друсила тел-Бана. Ее тело было изборождено морщинами горя, но в остальном оставалось спокойным и безмятежным.

— А нет ли... — начала неуверенно Энн. — Простите меня! Мне не хотелось бы спрашивать... недолжное, но мне необходимо знать.

Друсила тел-Бана наклонила голову.

— В искреннем вопросе нет ничего постыдного, филолог. Вы это знаете.

Энн вздохнула.

— Тогда я спрошу, нет ли... людей... которые сочли бы, что их... меланти... оказалось бы под угрозой, если бы обнаружился факт, который бы связал Землю с Лиад?

— Таких много, — ответила ее собеседница со спокойной грустью. — Даже среди вашего народа. Разве нет Партии Земли, которая желает закрыть для Лиад торговые маршруты?

Партия Земли состояла из воинствующих психов, но таковая действительно существовала. А если существует Партия Земли, смиленно поняла Энн, то почему бы не существовать и Партии Лиад?

— Вам представляется, — робко спросила Друсила тел-Бана, — что в работе Джин Дела чего-то... недостает?

— Да, — сообщила ей Энн. — Отсутствует нечто очень важное. Центральный элемент его доказательств, по правде говоря. Без него у нас есть только предположения. И все эти записи заставляют меня думать, что у него имелось веское доказательство!

Сидевшая рядом с ней женщина обмякла на стуле и залилась слезами.

— Филолог!

Энн потянулась было к ней, но была остановлена рукой, которой Друсила тел-Бана заслонила свое лицо.

— Пожалуйста! — сквозь слезы выговорила она. — Я прошу вас не обращать внимания... обычно я так себя не веду. Я... обращусь к Целителям, со временем. Только скажите мне, что сможете, филолог.

Энн недоуменно заморгала:

— Смогу?

— Сможете заняться работой Джин Дела, чтобы найти его доказательство и завершить труд его жизни. Я не смогу. Я лишена искры. Но вы... вы блеском подобны ему. Именно ваша идея направила его по этому пути. И только правильно, чтобы именно вы завершили то, что началось благодаря вам.

И Энн вынуждена была признать, что в этом была некая справедливость. Джин Дел йо-Кера щедро одарял молодую

земную лингвистку своим временем и знаниями и любезно называл ее коллегой. Вдвоем они сформулировали направление поиска, результаты которого представляли записи, в беспорядке разбросанные перед нею. И то, что один из двоих до срока ушел из жизни, не означало, что поиск завершен.

Она вздохнула, стараясь не думать о том, что на поиски одного жизненно важного факта могут уйти целые годы.

— Мне надо будет взять все это с собой, — сказала она Друсила тел-Бана, взмахом руки обозначая все, чем был завален стол. — Мне понадобится разрешение просмотреть его файлы... в компьютере. И книги.

— Такое разрешение уже зарегистрировано от лица Главного филолога Университета. Если вы сочтете необходимым взять что-то еще, вам достаточно просто сказать мне об этом, филолог, и я все устрою.

Ученая лиадийка встала, подошла к компьютерному столу, выдвинула один из ящиков и извлекла оттуда портфель.

— Думаю, все, что лежит на столе, должно здесь уместиться.

Глава двадцать седьмая

Любовь: заблуждение, согласно которому одна женщина не похожа на другую.

Г.Л. Менкен

— Жертва?

Эр Том бессильно опустился на край стола, устремив на Даава потрясенный взгляд лиловых глаз.

— Энн сказала, что для меня было бы жертвой стать ее спутником жизни?

— Она это слово не произнесла, — признал Даав, — но, полагаю, фраза шла именно в этом направлении. Да.

— Я...

Он отвел взгляд, поднял узкую руку, лишенную кольца, и почесал Релчина за ушком.

— Здесь... должна быть какая-то ошибка, — проговорил он, когда кот начал мурлыкать. — Наверное, она не поняла. Он снова посмотрел на Даава.

— Энн не всегда так... уверено владеет высоким лиадийским, как...

— Мы говорили на земном, — прервал его Даав.
Эр Том моргнул.

— Я... не понимаю.

— Она сказала это тоже. — Даав вздохнул, смягчаясь при виде недоумения своего брата. — Она признает, что любит тебя, милый, — она очень прямая, твоя Энн! Однако она со-знает, что возлюбленная-землянка делает тебя уязвимым, и, как она утверждает, жена-землянка сделает тебя уязвимым вдвойне. — Он невесело улыбнулся. — Удивительно точный вывод, если учесть, что она не участвует в играх.

Эр Том начал жевать нижнюю губу.

— Она просила меня, — сказал он, не скрывая от собеседника своей растерянности, — она просила меня беречь ее меланти.

— Вот как? — теперь уже изумленно моргал Даав. — Традиционным... образом?

— Мы разговаривали на земном, — медленно проговорил Эр Том. — Вчера вечером, когда я пришел, чтобы проводить ее на вечернюю трапезу. Мы собирались выйти из ее апартаментов, когда она внезапно остановилась и посмотрела на меня... открыв свою душу. И она сказала: «Не дай мне сделать ошибки...»

— И ты принял на себя такую обузу?

— С радостью. Это было признанием, которого я жаждал — и которого она мне не давала, хотя, конечно, между нами было достаточно много другого... — Он замолчал, широко раскрыв глаза. — Это было очевидно, — упрямо заявил он. — Тут не могло быть ошибки.

— И тем не менее, — отозвался Даав, — леди сказала — совершенно ясно, уверяю тебя! — что намерена показать тебе сухие глаза, когда для нее наступит время заканчивать визит и возвращаться на Университет.

— Нет. — У Эр Тома сорвался голос. Он прочистил горло и повторил отрицание: — Нет. Она не может...

Даав нахмурился.

— Ты хочешь лишить взрослого человека права на собственную необходимость?

— Нет, конечно! Только здесь должна быть какая-то ошибка, какой-то нюанс, которого я не заметил. Энн — человек чести. Просить о заботе спутника жизни, а в следующую минуту говорить о вручении нубиата — это не ее обычай. Что-то было не так. Что-то...

— А что, если, — мягко прервал его Даав, ненавидя себя за то, что вынужден предположить, — леди просила не о заботе спутника жизни, а о заботе родича?

— Родича? — На лице Эр Тома появилось полное недоумение. — Я Энн не родич.

— Тем не менее ее сын принят Кланом Корвал, — проговорил Даав. — Это могло заставить ее считать себя... в какой-то мере в родстве... с тобой.

К Эр Тому пришло яркое воспоминание о том, как его тело сплеталось с телом Энн, какими были их поцелуи, как ее лицо пылало желанием... Он поднял взгляд.

— Я не верю, что она могла считать нечто подобное.

— Ха!

Губы Даава изогнулись — и тут же скжались ровно.

— Тогда другой вариант. Прими во внимание, что я чту ее способности в высоком лиадийском. Однако ты сам сказал, что ее владение порой оказывается недостаточным. А что, если ее понимание обычает так же не точно? А что, если она считает, что гости Дома может обратиться с такой просьбой к сыну Дома?

Он повел плечами.

— Она уже совершила одну погрешность против обычая, не так ли? — Он встретился с упрямым взглядом брата. — В отношении именования ребенка?

— Да, — вынужден был признать Эр Том спустя секунду. — Но нет никаких...

Он замолчал и судорожно вздохнул.

— Я попытаюсь добиться полной ясности, — медленно проговорил он, — и показать Энн...

Он замолчал, и на его лице появилась тревога.

— Возможно ли, что Делм... допустит союз спутников жизни между мной и Энн Дэвис?

— Делм...

Даав встал со своего кресла, сделал два шага в сторону письменного стола и своего брата — и остановился, раскинув руки с открытыми ладонями, показывая, что ничего не скрывает.

— Делм скорее всего попросит тебя подумать, что эта история уже тебе принесла, — ровным голосом произнес он. — Вероятно, он попросит тебя подумать о гневе твоего Тоделма, отказывающегося Увидеть твоего ребенка. Она готова устроить тебе такую выволочку, каких свет еще ни видывал! Делм может попросить тебя заметить, какие конфликты принесли твои действия всему Клану.

Он тихо вздохнул и встретился взглядом с братом.

— Скорее всего Делм спросит тебя, брат, нельзя ли с большей выгодой использовать другую валюту, а земную леди отпустить к ее необходимостям.

Эр Том молча ждал, широко распахнув глаза.

— Делм вполне может попросить, — заключил Даав с возможной мягкостью, — чтобы ты отказался от этой леди.

— А!

Эр Том закрыл глаза и остался сидеть боком на столе, упираясь одной ногой в покрытый ковром пол и положив неподвижную руку на спину Релчина.

— Со всем почтением к Делму, — пробормотал он спустя некоторое время на низком лиадийском, так что Даав понял, что пока Делм благополучно исключен из разговора, — будет ли дозволено... напомнить о многолетних попытках изгнать эту леди из памяти?

Он открыл глаза, ярко блестевшие от слез.

— И каким бы успехом ни увенчались эти усилия, она определенно осталась в сердце. — Он повел плечами, почти содрогаясь. — Делму не нужно напоминать мне о... преданно-

сти долг... за исключением одного этого вопроса. Отказаться от нее — это значит сейчас же, немедленно отправляться в Солситру и поручать себя заботам Целителей.

«И просить, чтобы Энн Дэвис вырвали не только из его воспоминаний, но и из повседневных мыслей, — подумал Даав, справившись с собственным содроганием. — В каковой просьбе Целители определенно откажут».

Однако если бы Энн Дэвис улетела в соответствии с высказанным ею намерением, Целители легко согласились бы смягчить то горе, которое Эр Том будет испытывать из-за расставания.

Даав смотрел в лицо брата, видя его боль, ощущая его смятение и жажду.

«Это нехорошо, — предостерег он себя, хотя заранее знал, что не станет слушать собственного предостережения. — Ты подводишь его к провалу. Ты кладешь приманку в капкан, который навяжет ему забвение того, о чем ему больше всего хотелось бы помнить...»

— Даав?

Он вздрогнул, шагнул вперед и заключил брата в объятия. Прижавшись щекой к его теплым ярким волосам, он закрыл глаза и разрешил себе на секунду представить, что они снова стали мальчишками, и ничто не грозит испортить их отношения. Они были единым разумом в двух телах, и ни один не был выше другого. Ни один из них не владел темной властью, имея возможность единственным словом изменить другого, необратимо и навсегда...

— Предлагаю пари, — прошептал Даав, не обращая внимания на то, что у него дрожит голос. Это не имело значения. Эр Том ухватится за наживку. Должен ухватиться. Даав сделал шаг назад и встретился глазами с братом.

— Пари, милый, — мягко повторил он.

— Говори.

— О, всего лишь это: ухаживай за леди, пока она здесь. Покори ее — открыто, учти — и с полным взаимопониманием между вами! Добейся ее согласия — и получи все. Делм заставит Тоделма йос-Галанов подчиниться, леди будет сто-

ять подле тебя, ребенок станет твоим признанным наследником. Все.

Его губы изогнулись в невеселой улыбке.

— Но если твое ухаживание не заставит леди отказаться от ее необходимости, то в день ее отлета с Лиад ты адресуешь свой поклон мастер-Целительнице Кестре.

— А!

Губы Эр Тома изобразили бледную улыбку, а его взгляд был устремлен на брата.

— Я проиграю, брат? — тихо спросил он.

— Я отвечу тебе, — сказал Даав с полной прямотой, необходимой между родичами, — что, по-моему, да.

— Маловерный! — Эр Том повел плечами. — Это всего лишь продолжение хода, сделанного три года назад. Игра продолжается. — Его улыбка стала шире, и, не слезая со стола, он чуть поклонился. — Мы играем.

Даав ответил на его поклон, потеряв дав речи и переполняемый болью. Ему впору было возненавидеть делма и Клан, и родную планету, и необходимость, связывающую все творение...

— Не тревожься.

Эр Том спрыгнул со стола и подошел к Дааву, чтобы прижать ладонь к его щеке и провести пальцем по смелой черной брови.

— Не тревожься, милый, — прошептал он и прикоснулся к варварской серебряной серьге, заставив ее задрожать. — Я не проиграю.

Несколько часов спустя Даав откинулся на спинку рабочего кресла и со вкусом потянулся, подняв сжатые в кулаки руки высоко над головой.

— Ну что ж, — проговорил он, выпрямляясь и глядя на сидящего рядом с ним Эр Тома, который молча смотрел на экран. — Как ты считаешь, мы все предусмотрели?

— Полагаю, это достаточно хорошая основа, — отозвался Эр Том, беря свою рюмку и отпивая глоток. — Контракт об официальном союзе Клана Корвал и Энн Дэвис. Бесплатный проезд на любом корабле Корвала. Право навещать нашего сына...

— И половина твоего личного состояния, — закончил за него Даав, тоже пригубливая вино. — Твоей матери это крайне не понравится, милый.

Эр Том пожал плечами, как сделал это и прежде, когда вопрос только был поставлен.

— Деньги заработать нетрудно, — заметил он, отбрасывая неудовольствие своей матери как сущий пустяк. — Почему бы Энн не жить хорошо?

— Действительно, почему бы? — Даав вздохнул. — Но я не уверен...

Эр Том обжег его быстрым взглядом лиловых глаз.

— В чем ты не уверен?

— Только в том, понимала ли леди наш обычай настолько, чтобы осознать, что ее ребенок принадлежит Клану Корвал. У меня сложилось довольно отчетливое впечатление, что она намеревалась увезти его с собой, улетая на Университет. — Он сделал еще глоток вина. — Хотя я мог и ошибиться.

— Я уверен, что она понимает: Шан — член Клана Корвал, — сказал Эр Том. — Мы обсуждали это — несколько раз.

— Это был настоящий базар, как описала это сама леди, — согласился Даав. — И все же я не уверен в том, что она действительно это знает.

— Поскольку я уже ступил на путь полной ясности, то позабочусь о том, чтобы убедиться в ее понимании. — Эр Том нахмурился. — А что такое «базар»?

— Спор, — пояснил Даав. — Назван так, насколько я наслышан, по возможно мифическому торгу, который совершался на Земле с немальным шумом. — Он ухмыльнулся. — Роскошный язык, признай!

— Боюсь, что мои знания ежедневно оказываются ущербными, — грустно проговорил Эр Том.

Где-то в глубине здания начали бить часы.

— Боги, ты только послушай, сколько времени! А мне рано утром нужно быть в порту...

Даав с сомнением посмотрел на него:

— Нужно ли?

— Да, определенно. Сначала мне надо будет заняться кое-какими делами «Исполнения Долга», потом разместить заказы, кое с кем повидаться...

— Что вполне естественно, поскольку ты некоторое время отсутствовал. Однако... — Даав немного помедлил. — Твой Тоделм считает, что тебе нет нужды появляться в порту. Или так она мне сказала.

Эр Том посмотрел на свою голую руку, а потом — снова на Даава.

— Мой Тоделм, — проговорил он невыразительно, — увы, ошибается.

— Да, — согласился Даав. — Я сразу подумал, что это скорее всего так. — Он махнул рукой на экран. — Тогда отправляйся домой. Я перешлю этот пакет господину дэ-Гауссу. Он за пару дней должен подготовить для тебя контракты по всей форме. Мы с тобой можем обсудить все необходимые поправки перед тем, как окончательный вариант будет представлен Энн.

— Хорошо. — Эр Том встал и улыбнулся. — Спасибо тебе, Даав.

— Ты меня благодаришь, вот как? Иди домой, милый, ты пьян.

Он вошел в дом через дверь, выходившую на Восточную террасу, и уверенно и бесшумно пошел по коридорам, освещенный по-ночному неярко.

В коридоре верхнего этажа он прижал ладонь к пластине замка и осторожно вошел в темную комнату за дверью.

Энн лежала в длинной широкой кровати и крепко спала в полосе звездного света, падавшего в незанавешенное окно в потолке. Она казалась страшно ранимой и абсолютно бесценной: сокровище, ради которого мужчина может поставить на кон все и не думать о проигрыше.

Он вздохнул и остановился над ней. Ему было вполне ясно пари Даава, и он видел ожидающие его опасности и понимал, что брат не мог не предложить ему это пари — так же, как он сам не мог его не принять. Быть деллом — значило

возложить на себя пугающие и опасные обязанности. Даав никогда не желал Кольца — это Эр Том знал совершенно четко. Он умолял своего Делма обойти его, передать Кольцо в более надежные руки...

В руки Эр Тома.

Она отказалась, что было мудро, и таким образом Даав стал главой Клана Корвал, да сжался над ним боги. Даав в полной мере обладал тем качеством, которое позволило ему предложить своему чалекет нечто подобное этому хитроумному пари — ожидая, что тот проиграет. Ради блага Клана.

«Как это ужасно для делма, — думал Эр Том, склоняясь над своей спящей любимой, — иметь брата».

Под расцвеченным звездами одеялом Энн повернулась — и подняла руку.

— Эр Том?

Ее голос был одурманен сном — и оставался прекрасным. Он поймал ее ищущую руку и наклонился ниже, чтобы поцеловать ладонь.

— Тише, милая, — успокаивающе прошептал он на низком лиадийском, — я не хотел тебя разбудить. Спи...

— И ты тоже, — потребовала она на земном. — Уже поздно.

— Конечно, мне утром надо в порт...

— Вели компьютеру тебя разбудить, — пробормотала она, и ее пальцы в его руке обмякли, показывая, что она снова соскальзывает в сон. — Иди в постель...

Невероятно бережно он уложил ее руку на одеяло, а потом неподвижно застыл в звездном свете, наблюдая за ней и вспоминая приказ своего Тоделма.

И думая о проклятом, хитроумном пари Даава.

«Покори леди. Добейся ее согласия и получи все...»

Энн опасается, что объединение его меланти с такой спутницей жизни поставит под угрозу его место в этом мире. По его мнению, такое опасение только делало ей честь и доказывало — если бы ему вообще нужны были доказательства — глубину ее любви.

Чтобы ее покорить, ему нужно еще один, последний раз, нарушить обычай, открыть ей свое сердце и свои самые завет-

ные мысли — как если бы они уже много лет были спутниками жизни.

По его мнению, в таком способе действий не было ничего бесчестного. Энн была избранницей его сердца, его истинной спутницей жизни — что бы ни принес рассвет.

Приняв решение, он прошел через комнату к пульту и ввел команду разбудить его на рассвете.

Вернувшись к кровати, он разделся и скользнул под одеяло, свернувшись рядом с теплой Энн, — и провалился в сон.

Глава двадцать восьмая

Меланти требует, чтобы человек не обманывал ни словом, ни делом и не имел причин прятать от мира свое лицо.

Из Лиадийского Кодекса достойного поведения

Он вошел в свой рабочий кабинет на борту «Исполнения Долга», не успев опустить воротник куртки, поднятый, чтобы защититься от дождя, шедшего в порту. Секунду он стоял неподвижно, пока за ним закрывалась дверь: опустив веки, он вдыхал особый корабельный запах, прислушиваясь к мириаду едва заметных, привычных звуков, говоривших о том, что «Долг» живет вокруг него.

Вздохнув почти с облегчением, он открыл глаза и прошел через комнату к своему рабочему столу, развернув к себе экран.

Спустя двадцать минут он все еще стоял над экраном, а его пальцы стремительно летали по клавиатуре. Он едва обратил внимание на шорох двери, открывшейся у него за спиной, и чуть не вздрогнул, когда раздался голос его первого помощника.

— А, вот вы где! — воскликнула Кэйзин Не-Зейм в товарищеской модальности, которой они обычно придерживались при разговоре друг с другом. — Мне следовало бы знать, что вы прилетите еще до раннего шаттла. Примите мое поздрав-

ление, старый друг, с тем, что Корвал принял вашего ребенка! Когда я буду иметь удовольствие познакомиться...

Эр Том осторожно перевел дух и демонстративно повернулся к ней лицом, не пряча своих рук.

Она остановилась на полуслове, стремительно переведя взгляд на его лицо.

— Старый друг?

Вопрос звучал очень осторожно — а ведь это была Кэйзин, которая знала его с двенадцатых именин. Эр Том чуть было не вздохнул.

Однако вместо этого он был с ней любезен и мягок, как и следовало вести себя с другом.

— Мой статус не изменился, — проговорил он, махая рукой в сторону компьютера. — Вы можете связаться с Гильдией и удостовериться в этом, если желаете.

— Да, естественно. — Она передернула плечами. — Кен Рик озабочен гондолой номер восемнадцать и просит о встрече с капитаном. Радистка, направленная Гильдией... не смогла удовлетворить наши требования. Я взяла на себя смелость отправить ее в порт. Груз с планеты Треллен будет ожидать нас на Арсдреде, это как-то связано с кредитной политикой компании, которая осуществляет доставку. Я, конечно, этим еще займусь...

Эр Том присел на край стола, а Кэйзин подошла ближе и устроилась на подлокотнике кресла. Оба погрузились в дела, которые были им хорошо знакомы, — и между ними не было ни обвинений, ни тени недоверия.

День на складах прошел несколько менее приятно, чем утро на корабле. Никто не отказывал принимать его заказы, однако он поймал на себе немало косых взглядов, которых ему пришлось проглотить столько, что хватило бы до конца очень долгой жизни.

Один тип даже потребовал канту, чтобы «зарезервировать» товар — к весьма заметному ужасу своего помощника. Эр Том одарил его долгим взглядом, а потом быстро бросил извлеченную из кармана монету, которая завертелась на прилавке.

— Расписку, — потребовал он совершенно хладнокровно. Торговец судорожно сглотнул.

— Конечно, мастер-купец, — пролепетал он, не попадая пальцами по клавишам.

Все так же хладнокровно Эр Том взял протянутый листок, неспешно прочитал написанное на нем, а потом сложил и спрятал к себе в карман. После чего он пошел своим путем, решительно впечатывая каблуки сапожек в стертые камни пола.

Какое-то время спустя он оказался в общем зале Купеческого Бара, завершив пустяковое дело с Зар Кином пел-Одмой. Многоопытный и умный купец Зар Кин даже не позво-лил себе взглянуть на руки мастер-купца йос-Галана. Что, решил Эр Том, неспешно допивая рюмку холодного сладкого вина, характеризовало не только меланти купца пел-Одмы, но и скорость, с которой в порту распространялись новости.

Он отключил портативный комм, еще раз пригубил вино и закрыл глаза, прикидывая, стоит ли ему пойти на авеню Ювелиров в надежде на то, что мастер-ювелир Мунел будет расположен с ним говорить.

— Капитан йос-Галан, какая удача встретить вас здесь, сударь!

Голос показался ему незнакомым, говор был откровенно чонсентский.

Эр Том открыл глаза и увидел перед собой пару решительных серых глаз на упрямо-веселом лице. Волосы тоже были серые, подстрижены коротко по обычаям земных пилотов. Этот стиль выгодно подчеркивал ее уши и целую дюжину серег, вдеветую в каждое. На руках у нее оказался не ожидаемый беспорядочный набор колец портовой крысы, а один крупный аметист с выгравированным символом Купеческой гильдии.

— Мастер-купец Джил вен-Эпон. — Так она представилась, как беслановая, и адресовала ему поклон равных. А выпрямившись, бросила на него многозначительный взгляд. — Капитан.

Эр Том принял ее представление едва заметным наклоном головы и устремил на нее взгляд, который заставил бы персону со сколько бы то ни было значимым меланти серьез-

но усомниться в разумности и дальше навязывать ему свое общество.

Джил вен-Эпон была далека от подобных сомнений. Без всякого приглашения она выдвинула стул, с которого совсем недавно поднялся Зар Кин пел-Одма, и села, положив руки на стол перед собой.

— Довелось услышать, — проговорила она, подаваясь вперед с деланным простодушием, — что Эр Тома йос-Галана видели сегодня в порту лишенным кольца мастера-купца. Конечно, это не может не причинить боли всем нам, кто желает ему всяческих благ, каковых — конечно же! — немало. И, право, удачно, что один из таких благожелателей, а именно я, имеет возможность предложить... облегчение потери.

— О, неужели? — Эр Том поднял брови. — Вы меня заинтересовали. Но, конечно же, вы просто намеревались продать мне новое кольцо.

Серые глаза сузились, лицо растеряло часть своей веселости, хотя она и выгнула губы в пародии на улыбку.

— Капитан... любит пошутить, — признала она. — Однако вопрос, в котором я могу предоставить облегчение, лежит в области торговли. — Она бросила на него пристальный взгляд. — Возможно, вы не получили моего послания относительно некоего очень выгодного делового предприятия. Несколько торговцев уже оценили перспективы этого... предприятия не только в отношении денежных сумм в кантрах, которые оно принесет, но и в качестве возможности получить более высокий ранг. Действительно, я не думаю, чтобы тот, кто поможет привести этот проект к завершению, оказался бы вне сферы внимания Торговой Комиссии. Для некоторых перспектива приобретения — или возвращения — ранга мастера-купца должна иметь первостепенное значение.

Так вот какой приманкой она воспользовалась для того, чтобы залучить йо-Лэни и Клан Иврекс. Эр Том холодно посмотрел на нее.

— Я припоминаю ваше послание, — твердо сказал он. — И скажу вам, что питаю серьезные сомнения относительно осуществимости вашего предприятия и весьма огорчен тем,

что вы все еще не расстались с надеждой соблазнить других принять участие в деле, которое обязательно потерпит неудачу. Я предлагаю вам — очень настоятельно — пересмотреть свой план действий в этом случае, иначе неизбежным станет рассмотрение этого дела Гильдией.

— Ох, да неужели?

Она рассмеялась и демонстративно неспешно налила себе в чашу вина из графина.

— Уж не вы ли предложите рассмотреть мои действия, капитан? Право, вам стоит попытаться! — Она сделала большой глоток вина и ухмыльнулась. — Но, конечно, если аметист вас больше не интересует, то и говорить не о чем.

Эр Том отставил в сторону свою чашу, повернул портативный комм экраном к ней и передвинул клавиатуру по столу.

— Вы могли бы, — мягко предложил он, — запросить в Гильдии список мастер-купцов, находящихся сегодня в порту.

Он откинулся на спинку стула, сложив перед собой руки. Его лицо и взгляд оставались совершенно спокойными.

Секунду ее изумление было явно заметным, а потом она одарила его еще одной натянутой улыбкой, включила питание и ввела запрос.

Все еще ухмыляясь, она допила вино до капли, налила новую порцию и перевела взгляд обратно на экран.

Ухмылка исчезла.

Эр Том наклонил голову.

— Меня учили, что мастер-купец создается умением, и кольцо, которое он получает, когда достигает такого уровня умений, является знаком, а не лицензией. — Он выгнул бровь. — Несомненно, в других кланах учат иначе.

Джил вен-Эпон быстро облизала губы.

— Действительно.

— А! Позвольте мне дать вам совет, который мастер-купец может предложить человеку, надевшему кольцо. Откажитесь от сделки с литием. Верните взносы, которые вы уже собрали. Это будет справедливо и не похоже на провал, и не будет заслуживать внимания Гильдии.

— Вы мне угрожаете, надо понимать.

— Я из Корвала, — тихо отозвался Эр Том. — Я просто говорю вам, как обстоят дела.

Тут она заставила себя еще раз рассмеяться, хотя уже не так убедительно, как до того, и одним глотком прикончила вино. Затем она встала, чтобы достаточно пристойно поклониться в знак прощания, — и пошла прочь по залу развязной походкой головореза из Нижнего порта.

Мунел оказался у себя и, как это ни странно, был расположен разговаривать, из-за чего Эр Том вернулся домой намного позже главной трапезы, застав мать пьющей чай с леди Карин.

Он поклонился им от двери и, повинувшись жесту матери, вошел, чтобы посидеть и выпить чаю.

— Я прошу прощения, — проговорил он в соответствии с приличиями, — что явился сюда весь пропыленный. Я только сейчас вернулся из порта.

Мать бросила на него пристальный взгляд. Карин осмотрела его более неспешно — и, конечно же, от нее ничего не укрылось.

— О, кузен Эр Том, — проговорила она с фальшивой озабоченностью, — кажется, вы где-то потеряли свое кольцо?

Он совершенно спокойно встретился с ней взглядом.

— Вы ошибаетесь, кузина. Я хорошо знаю, где находится мое кольцо.

— Но идти в таком виде в порт, — не унималась Карин, в глазах которой вспыхнуло злорадство, — где отсутствие кольца мастера обязательно заметят и начнут обсуждать... Разве это не было... легкомысленно?

— Разве верность своему долгу является легкомыслием? — удивился Эр Том, делая глоток чая. — Я не могу с этим согласиться.

Карин прищурилась, но не успела начать новую атаку: его мать переменила тему разговора, и остаток визита сестры прошел почти мило.

Когда Карин начала прощаться, он встал и тоже собрался уйти, но его мать отрывисто бросила:

— Останься.

Подняв брови, он снова сел, сложил голые руки на коленях и принял позу послушного внимания.

— Был в порту, да? — прорычала Петрелла спустя секунду. — Преклоняюсь перед твоим чувством долга, сударь мой. И где, интересно, велело тебе ночевать твое чувство долга?

Эр Том молча смотрел на нее, широко открыв невинные глаза.

— Понятно, — проговорила его мать спустя долгие секунды. Она прикрыла глаза. — Во время первого Даава, — сказала она спустя какое-то время, — некая Эба йос-Фелиум была публично выпорота своим Тоделмом. Для этого использовалась утяжеленная кожаная плеть, которой Эбе нанесли шесть ударов, проложенных крест-накрест по обнаженной плоти. История гласит, что всю оставшуюся жизнь она носила на себе шрамы.

Открыв глаза, она посмотрела на непроницаемое лицо сына.

— Тебе неинтересно это слышать, — предположила она. — Или, возможно, ты считаешь меня слишком слабой, чтобы поднять плеть. Ну, не важно. Мы поговорим о более приятных вещах. Например, о чудесном визите Делма Нексона, который он нанес мне сегодня днем.

Только молчание со стороны Эр Тома, глаза и лицо которого были по-прежнему обращены к ней.

— Делм Нексона, — сказала Петрелла, — интересуется — вполне естественно! — что имел в виду Корвал, опубликовав во вчерашнем номере газеты свое объявление. Она пытается понять, не играет ли Корвал с Нексоном, сначала обнадежив его возможностью союза, который был бы выгоден обеим сторонам — как она говорит! — а затем лишив его всякой надежды столь невежливым образом. Делм Нексона интересуется, сын мой, не была ли она оскорблена, хотя и надеется — весьма искренно, — что это окажется не так.

Он продолжал молчать, и она устремила на него суровый взгляд.

— Ну, сударь? Тебе есть что сказать на это или ты намерен сидеть здесь до рассвета, словно пень?

Эр Том вздохнул.

— Делм Клана Нексон, — тихо проговорил он, — прекрасно понимает, что никакого оскорблений им не наносилось. Никакого контракта не существует. Предварительные переговоры о брачном союзе чуть ли не ежедневно прерываются или заканчиваются неудачей. А если говорить о том, что мог иметь в виду Корвал, опубликовав объявление о приеме Шана в Клан, — то это полностью соответствует Кодексу и никоим образом не касается Нексона.

— Смелые слова, — заметила Петрелла. — Очень смелые слова, А-тоделм. Особенно пока еще существует вопрос о наследнике Семьи — который не имеет никакого отношения к этому Шану. Я желаю получить от тебя должного наследника, сударь, и в дочери Нексонавижу подходящую пару.

Она подняла руку, отметая его протестующее движение.

— Ты скажешь, что незнаком с этой леди, что мы сейчас живем не в то время, что первый Даав. Это верно. И я не имею желания заталкивать тебя в покой брачных контрактов с леди, лица которой ты не видел. Ты встретишься с ней заранее.

— Я не буду... — начал Эр Том, но Петрелла прервала его решительным взмахом руки.

— Я устала слушать, что ты будешь и чего не будешь! Ты будешь делать то, что тебе прикажет твой Тоделм. А тебе приказано явиться на прием, который состоится в этом доме вечером через два дня. В этот момент ты познакомишься с Синтеброй эл-Кемин, которую я советую тебе рассматривать в качестве своей супруги.

Глаза Эр Тома горели, но голос оставался холодным:

— Филолог Дэвис все еще будет гостьей этого дома.

Петрелла передернула плечами.

— Филолог может присоединиться к обществу, если у нее будет такое желание. Это может оказаться для нее... поучительным.

— Нет!!! — Он стремительно вскочил, возвышаясь над ней, стройный и напряженный, словно режущее полотно. — Матушка, я сейчас заявляю вам, что не буду...

— Молчать! — крикнула она, стукнув палкой в пол.

Она подняла ее, мучительно медленно, пока ее конец не оказался на уровне его носа.

— Ты не будешь повышать на меня голос, — приказала она ему, как Тоделм члену Семьи. — Проси у меня прощения.

Долгие секунды он стоял неподвижно, вибрируя от ярости, которая горела у него в глазах. А потом медленно поклонился, извиняясь:

— Я прошу прощения.

Продолжая удерживать его взгляд, она опустила конец палки на пол.

— Оставь меня, — сказала она тогда. — Если ты умен, то уйдешь к себе в комнаты и поразмыслишь о том, что требует от тебя долг.

Долю секунды он медлил, а потом поклонился в знак уважения к Тоделму — и послушно ушел.

Глава двадцать девятая

Как правило, браки по контракту продолжаются восемнадцать стандартных месяцев. Переговоры об их заключении ведут администраторы кланов, которые после тщательного рассмотрения генных карт, личностных карт и сеток интеллекта принимают решение относительно того, который из возможных брачных союзов наиболее выгоден для обоих кланов.

В отличие от таких браков союз спутников жизни — это вопрос гораздо более серьезный и распространяется на всю продолжительность жизни партнеров, даже если один из них умирает. Один из спутников жизни должен оставить свой родной клан и стать членом клана другого. В этот момент принимающий клан выплачивает «цену жизни», которая основана на профессии данной личности, ее возрасте и ценности для прежнего клана.

Согласно традиции, спутников жизни соединяет «союз сердца и разума». Ввиду того, что лиадийская

культура приемлет существование волшебников, некоторые исследователи интерпретируют это так, будто спутники жизни соединены «психически». Или, наоборот, что подлинные узы спутников жизни существуют только между волшебниками.

Эта теория почти ничем не подтверждается. Конечно, союзы спутников жизни среди лиадийцев редки. Однако это относится и к таким бракам землян, которые сохранялись бы до конца их жизни.

Из «Брачных обычаях лиадийцев»

Энн со вздохом отодвинулась от компьютера. Поднявшись из-за стола, она потянулась, встав на цыпочки, — и плитки потолка оказались в дюйме от кончиков ее пальцев.

«Пришлось улететь на Лиад и поселиться среди людей, которые вдвое тебя ниже, чтобы найти достаточно высокие потолки». Ухмыльнувшись, она опустила руки и посмотрела в сторону рабочего стола доктора Йо-Керы, за которым сидел Шан, склонив шелковистую головку над «Доскобучем».

«Доскобуч» оказался саморегулирующимся по скорости и самопрограммирующимся чудом, которому удавалось полностью завладеть вниманием Шана. Энн склонила к плечу голову, наблюдая за тем, как работает ее сын, и ощущая где-то в подсознании жужжание сосредоточенной решимости.

«Точь-в-точь как его ма, — подумала она, чувствуя, как ее губы изгибаются в улыбке. — И его па тоже, по правде говоря».

Ее улыбка стала чуть печальной. Она проснулась в сером рассвете, почувствовав прикосновение теплых губ к ее щеке и нежные пальцы, гладившие ее волосы.

— Спи дальше, милая, — прошептал Эр Том на низком лиадийском, в интимной модальности, предназначеннной только для близкой родни. — Мы встретимся вечером.

Сонно послушная Энн свернулась под одеялом и снова проснулась уже несколько часов спустя, когда солнце уже вовсю светило. Она с изумлением поняла, что за одну ночь услышала от Эр Тома даже две ласковые фразы.

«Да возлюбят боги этого человека, — с досадой подумала она. — Как же я уеду, если он теперь станет нежным?»

— Ма? — Шан оторвался от своего прибора. — Говорит — играй и отдыхай.

— Модуль закончен?

Она подошла к нему и наклонилась, чтобы взглянуть на миниатюрный экран.

«ПОРА ПОДВИГАТЬСЯ!» Верхняя строчка была написана на земном, веселыми синими буквами. Ниже, зелеными буквами шел приблизительный перевод на лиадийский: «ИГРАЙ ТЕЛОМ, ОТДЫХАЙ УМОМ».

Энн моргнула и посмотрела на светлую макушку сына.

— Что здесь говорится? — спросила она, указывая на земные буквы.

— Время двигаться, — ответил Шан терпеливо, хотя и не совсем правильно.

Энн указала на лиадийскую строчку.

— А здесь что говорится, Шанни?

— Иганин братха, виан сеунтор. — Он запрокинул голову назад, устремив на нее большие серебристые глаза. — Играй телом, отдыхай умом. Так Мирада говорит. Мирада говорит, пилоты бегут и думают.

— Ну, тут Мирада определенно прав, — с иронией отзовалась Энн, вспоминая, как Эр Том безумно метнулся между громадной самоходкой и своим сыном.

«Рассчитал ту траекторию с точностью до миллиметра, паренек, — подумала она. — А потом назвал это пустяком». Она вздохнула и прикоснулась кончиками пальцев к щеке сына.

— Тебе очень нравится Мирада, Шанни?

— Люблю Мираду. — Он серьезно заморгал. — Теперь играть, ма?

Она со смехом взъерошила ему волосы.

— Настоящий мошенник. — Она печально покачала головой. — Думаю, мне тоже не мешает отдохнуть. Как тебе это понравится, парнишка? Сейчас мы с тобой сбегаем в буфет в дальнем конце коридора, чего-нибудь пожуем, а потом вер-

немся сюда еще на час, чтобы я могла закончить одну мысль. Ладно?

— Ладно! — энергично согласился он, вскакивая с места. — Последний победитель — тухлое яйцо!

Понятиям первого победителя и последнего победителя Шана научил Джерзи: эта философская концепция была пре-дельно далека от лиадийского образа мыслей. Энн чуть по-медлила, чтобы обвести взглядом маленький и уютный каби-нет доктора йо-Керы.

Лиад.

Лиадийцы.

Целая культура, где ведутся счеты, где меланти и сохран-ность меланти считается жизненно важными. Культура с же-сточайшей конкуренцией во всех мыслимых областях, где люди делятся на два лагеря — родичей и противников.

На Лиад никогда не бывает первых победителей и послед-них победителей.

На Лиад ты выигрываешь. Или проигрываешь.

Энн содрогнулась, вспомнив горестный полубред Друсила-Баны. Имело ли место какое-то таинственное сведение официальных счетов, в котором доктор йо-Кера проиграл, тем самым лишившись центрального доказательства работы всей его жизни?

И при этом лишился и жизни тоже?

— Ма?

Шан потянул ее за руку, заставив выйти из мрачных раз-думий. Она улыбнулась ему.

— Ма ведет себя как глупая девчонка. Не обращай вни-мания.

Она открыла дверь, потом дернула ее, убеждаясь в том, что она заперта, а потом снова посмотрела на сына и карти-нно бросила его руку.

— Последний победитель — тухлое яйцо! — крикнула она, и они побежали.

Ей понадобилось больше часа — и даже двух, — чтобы закончить систематический просмотр файлов доктора йо-Керы.

В какой-то момент она заставила себя оторваться от работы, вызвать Треаллу Фантрол и оставить два сообщения: одно — хозяйке дома, извиняясь за то, что не сможет присутствовать на главной трапезе.

И одно — Эр Тому, несколько более теплое, с сожалениями по тому же поводу и надеждой увидеться с ним позже.

«Ты совсем потеряла стыд, — сказала она себе. — Почему бы прямо сейчас не попрактиковаться в том, как ты будешь с ним расставаться?»

Но, с другой стороны, у нее еще будет масса времени для того, чтобы привыкать к жизни без Эр Тома — потом. Энн вздохнула и посмотрела на Шана, который свернулся на крышке рабочего стола, крепко заснув в гнездышке из ее жакета, пристроив голову на Мыше.

Он проснулся сам в тот момент, когда она закончила копировать данные. Диск с тихим шипением выехал из паза. Она вынула его и отключила главную систему, качая головой.

Поиски не дали результата.

Конечно, она это предвидела, однако надежда оставалась. Надежно пряча диск в портфель, она решила, что следующим этапом должен стать поиск в книгах. Это было пугающей задачей, которая скорее всего займет гораздо больше времени, чем у нее осталось до начала следующего семестра.

Интересно, можно ли будет договориться с Эр Томом о скидке, чтобы перевезти все эти вещи на Университет.

«Книги вместо балласта, — подумала с усталым смешком. — А почему бы и нет?»

— Ну ладно, паренек. Отправляемся домой!

Шан зевнул и вылез из ее жакета. Она подхватила его под мышки и поставила на пол.

— Собери свои вещи и пойдем.

— Ладно.

Очень скоро «Доскобуч» уже был уложен в сумку, Шан был облачен в куртку, а Мыш сидел у него на руках. Энн тоже набросила жакет, еще раз обвела взглядом крошечный кабинет, крепко сжала в руке ручку портфеля и кивнула сыну.

— Смотри, держись рядом со мной.

Она убедилась, что дверь заперта, дважды проверив замок, повернулась — и чуть было не налетела на мужчину, оказавшегося у ее локтя.

— Ради...

Она отступила на шаг, так что ее спина прижалась к двери, и поднесла руку к горлу в жесте удивления.

Мужчина лет тридцати со странно невыразительным лицом и непонятно тусклыми карими глазами, в аккуратном незапоминающемся костюме и с аккуратной неопределенной прической — тоже отступил на шаг и низко поклонился.

— Я прошу у вас прощения, — произнес он на лишенном всяких интонаций торговом. — Мне показалось, что вы испытываете затруднения с дверью, и я решил предложить вам помочь.

Энн посмотрела на него сверху вниз — довольно далеко вниз, поскольку он оказался намного ниже Эр Тома — и ответила ему четким поклоном незнакомца, обращающегося к жителю другой планеты.

— Спасибо, — ответила она, выбрав в высоком лиадийском модальность неродственника, которая была холодной. Весьма холодной. — Я не испытывала никаких затруднений. Я просто хотела убедиться, что замок защелкнулся.

Незнакомец на секунду отвел взгляд, а потом снова поклонился, на этот раз выражая уважение к знаниям. Когда он снова заговорил, то перешел на высокий лиадийский, в модальность студента, обращающегося к преподавателю:

— Вы должны простить меня, если вас обидело мое использование торгового. Поначалу я не догадался, что вы, конечно же, достопочтенный филолог, который будет завершать работу доктора йо-Керы. — Он прижал руку к сердцу в формальном приветствии. — Я — Фил Тор Киррэ, техник-лингвист и аспирант.

Энн наклонила голову.

— Я — Энн Дэвис с Университета, филолог-лингвист.

— Конечно. Но я задержал вас в коридоре! Пожалуйста, позвольте мне донести ваш портфель и проводить вас до...

— Ма!

Голос Шана звучал пронзительно. Энн удивленно посмотрела на него и увидела, что он смотрит на стоящего перед ней мужчину... с испугом?

— Домой, ма! Домой сейчас!

— О боже!

Наклонившись, она подхватила его на руки, почувствовав, как дрожит его тело. Она адресовала аспиранту с невыразительным лицом рассеянную виноватую улыбку.

— Сожалею, сударь. Мой ребенок требует внимания. В другой раз мы поговорим.

— В другой раз. — Фил Тор Киррэ четко ей поклонился. — Почитаю за честь познакомиться с вами, филолог Дэвис.

— И я считаю честью знакомство с вами.

Энн едва понимала, что именно она говорит. Шан никогда — НИКОГДА! — не пугался незнакомых людей. Ее начало подташнивать от страха. Повернувшись, она быстро пошла по коридору, спеша вернуться к машине.

Терпеливый шофер устроил их на заднем сиденье и быстро оставил университетский городок позади. Постепенно дрожь Шана унялась. Он вздохнул и прижался к ней.

— Теперь все хорошо, Шанни?

— Угу.

Энн потерлась щекой о его волосы, и сама тоже почувствовала себя значительно лучше. «Право же, — сказала она себе. — Что за глупости, Энни Дэвис»...

— Что случилось? — тихо спросила она у сына.

Он уткнулся лицом ей в шею.

— Нет искорок, — прошептал он и снова вздрогнул.

Она выходила из детской, намереваясь разыскать Эр Тома, когда ее перехватил не кто иной, как дворецкий Йос-Галанов.

— Прошу прощения, филолог Дэвис. — Величественный и суровый, он наклонил голову. — Тоделм Йос-Галан просит вас доставить ей удовольствие своим обществом. Она в Малой гостиной.

Эта просьба, с иронией сказала себе Энн, по силе равна приказу. Подавив вздох, она кивнула.

— Я буду счастлива побыть в обществе Тоделма йос-Галан, — ответила она, радуясь тому, что модальность согласия высасывает всякий привкус нечестности из ее слов.

— Следуйте за мной, пожалуйста, — сказал дворецкий и быстро развернулся на месте.

— Вина филологу Дэвис, — приказала Петрелла йос-Галан, и ей было подано вино.

Господин пак-Ора также подлил вина в чашу, стоявшую подле старухи, а потом ушел, чуть слышно щелкнув замком двери.

Петрелла взяла свою чашу и поднесла к губам. Ее движения были четкими и официальными. Энн последовала ее примеру: сделала маленький глоток вина и бережно отставила рюмку.

— Вам удобно в нашем доме, филолог?

Этим вечером Петрелла избрала модальность хозяина дома, разговаривающего с гостем.

Энн наклонила голову и ответила в соответствующей модальности.

— Мне чрезвычайно удобно. Благодарю вас за заботу, сударыня.

— А!

Петрелла опустила взгляд и чуть поправила на среднем пальце левой руки кольцо с эмалью. А потом она резко подняла взгляд, и ее поблекшие голубые глаза стали очень внимательными.

— Ваше владение высоким лиадийским достойно похвалы, если мне будет позволено сделать комплимент, — проговорила она с официальным холодком. — Возможно, нельзя было рассчитывать на то, что ваше понимание обычая окажется таким же четким. — Тут она чуть улыбнулась — также прохладно. — И действительно, мне известно, насколько различаются обычай от планеты к планете. Чтобы никогда не сделать ошибки, нужно обладать зрением разведчика. Увы, немногим из нас удается достичь столь глубокого понимания.

Энн с сомнением смотрела на старую даму, гадая, не намерена ли та устроить ей выволочку за пропущенный обед. Она осторожно наклонила голову.

— Насколько известно, чалекет капитана йос-Галана был разведчиком.

— Действительно был. Детей йос-Фелиумов часто направляют в Разведку: находят, что подготовка их приручит. — Она помолчала. — Разведчики учат, что все обычаи равно обязательны, что, вполне возможно, верно в масштабе галактики. На Лиад дела обстоят совершенно иначе.

Энн молчала, крепко сжав руки на коленях и дожидаясь, чтобы хозяйка дома перешла к существу дела.

Бледная улыбка скользнула по тонким губам Петреллы, и она наклонила голову, словно молодая женщина что-то ответила.

— Можно кое-что вам сказать, филолог Дэвис?

— Конечно.

— Вы, — проговорила Петрелла после секундной паузы, — родили моему сыну ребенка. Знайте, что мы благодарны. В данный период истории Клана, когда прямые линии стали столь немногочисленными, любой ребенок, каким бы неправильным ни было его появление, становится сокровищем. Вы не должны сомневаться в том, что благодарность клана будет должным образом выражена, как и в том, что ребенок будет получать всяческую заботу, внимание и обучение.

Она помолчала, пристально глядя на Энн, и та горячо надеялась на то, что ее лицо остается в должной мере бесподобным, ничем не выдавая ее недоумения.

— Однако существует необходимость, — медленно продолжила Петрелла. — Она существовала до того, как появились вы и ребенок, которого вы дали Корвалу. Она существует и сейчас, не изменившись. Каким бы сокровищем для клана ни стал ваш сын, нельзя отрицать того, что он лишь наполовину принадлежит к Книге Кланов. Такого нельзя принять в качестве наследника того, кто скоро станет Тоделмом йос-Галаном. А-тоделм это сознает. Он знает также, что ему избрана супруга по контракту и что ему необходимо вступить в брак. И действительно, собрание в честь будущего подписания контракта должно состояться в этом доме вечером второго дня. Вы приглашены присутствовать на этом собрании, если захотите пожелать А-тоделму и его невесте счастья.

«Захочу пожелать ему счастья? — подумала Энн, ощущая удар ледяного, невообразимого горя. — Неужели нельзя было дождаться, пока я уеду?» Ей отчаянно хотелось выкрикнуть этот вопрос в лицо женщины, сидевшей напротив нее. Но вместо этого она проглотила крик и молчала, сжав руки на коленях в кулаки, усилием воли разглаживая свое лицо.

Блеклые глаза Петреллы снова внимательно всмотрелись в нее. И снова она наклонила голову, как будто Энн дала ей какой-то подобающий к слухаю ответ.

— Мой сын высоко о вас отзывается, филолог. Думаю, что разделенное вами наслаждение должно надолго остаться в памяти. Однако теперь А-тоделму пора исполнить свой долг. Он будет рассчитывать на то, что вы отойдете в сторону.

Она опустила глаза, рассеянно потирая кольцо пальцем.

— Полагаю, — пробормотала она, — что даже среди землян возлюбленная должна уступать место жене.

«Спи дальше, милая», — нежно прошептал Эр Том в ее воспоминаниях.

Смятение поднималось к ней, грозя сорвать хрупкую маску спокойствия. Ей показалось, что она вся дрожит. Подвергать слово Тоделма йос-Галан сомнению было бы роковой ошибкой. И даже вопрос о том, каков будет статус Шана в Клане Корвал, показал бы ее слабость, сделал бы ее уязвимой...

Она осторожно наклонила голову.

— Я благодарна за заботу Дома, — проговорила она, сосредоточившись на том, чтобы точно придерживаться модальности гостя, обращающегося к хозяину дома. — Естественно, не хотелось бы совершать ошибок...

Больше ничего ей в голову не приходило, но, похоже, этого оказалось достаточно.

Петрелла улыбнулась своей холодной, истерзанной улыбкой и подняла руку, на которой свободно крутилось кольцо Тоделма.

— Пожалуйста, не будем больше об этом. Дом считает честью направлять гостя.

— Да, конечно. — Энн встала, отчаянно приказывая своим ослабевшим ногам держать ее, и поклонилась хозяйке

дома. — Я уверена, что вы простите меня за столь ранний уход, — сказала она, хотя отнюдь не была в этом уверена. — День у меня выдался долгим и довольно утомительным. Я испытываю необходимость в отдыхе.

— Конечно, — отозвалась Петрелла, взмахнув рукой с остатками изящества. — Доброго здоровья гостю.

— И хозяину, — ответила Энн, как полагалось, после чего заставила себя медленными и твердыми шагами уйти из комнаты.

Глава тридцатая

Присутствие Целителя необходимо обеспечить при каждом рождении. Он должен проследить, чтобы душа матери осталась в ее теле и чтобы роды проходили легко.

Такое внимание вдвое необходимо той, что имеет честь рождать ребенка для союзного клана. В этом случае клан ребенка должен также попросить Целителя размыть воспоминания и смягчить болезненные чувства, которые в противном случае могла бы испытывать мать.

Целителя также следует вызвать перед тем, как тот, кто дал семя ребенку, вернется к своим родичам.

Из Лиадийского Кодекса достойного поведения

«Ребенок будет получать всяческую заботу, внимание и обучение...

Засыпай, дорогая...

Даже среди землян возлюбленная должна уступать место жене...

Я не вор, чтобы красть нашего сына...

Нет искорок!

Благодарность клана будет выражена...»

— Энн?

Ахнув, она обернулась, выставив вперед руки, словно пытаясь защититься.

Эр Том поймал обе руки с наполовину сжатыми кулаками. Его пальцы были поразительно теплыми, надежно сильными. Ее друг, ее возлюбленный, ее союзник против Лиад и ужасов лиадийских обычаев...

Который все-таки согнал и украл ее сына. Который приходил к ней в постель с ласковыми словами на губах, а сам в это время планировал жениться на другой...

— Энн!

Его пальцы сжались сильнее, встревоженные лиловые глаза смотрели на нее с лица, на котором ясно читалось изумление.

Она сделала над собой невероятное, мучительное усилие. Было бы роковой ошибкой отталкивать Эр Тома. Было бы роковой ошибкой считать... считать...

— Ты делаешь мне больно.

Ее голос прозвучал монотонно, с холодной сталью. Холодная сталь, смертельно опасная для принца эльфов...

Его пальцы немного разжались, но не отпустили ее. На обращенном к ней лице отражалось беспокойство, казавшееся совершенно неподдельным. Он обратился к ней на низком лиадийском.

— Что случилось, любимая? Ты дрожишь...

— Я иду от твоей матери...

Она выпалила правду на земном, не успев придумать, какая ложь лучше всего прикроет ее волнение.

Однако оказалось, что правда сослужила ей достаточно хорошую службу. Глаза Эр Тома гневно потемнели, губы угрожающе сжались.

— Понимаю. Нам необходимо поговорить. — Он окинул взглядом коридор. — Сюда. — Он потянул ее за руки. — Пожалуйста, Энн. Пойдем, посиди со мной.

Она разрешила ему провести ее по незнакомому коридору, откуда они попали в комнату, где вся мебель была закрыта чехлами, а свет лился из пыльной люстры под потолком.

Ее мысли уже начали работать — гладко и неестественно четко, складываясь в планы. Ее разум ушел за границы боли и недоумения и был занят только необходимостью.

— Сюда, — снова повторил Эр Том.

Его земной звучал довольно нечетко, явно говоря о его собственном волнении. Он отпустил ее, чтобы сбросить чехол с кушетки у холодного каминса, свернув ткань в небрежный узел и отбросив в сторону.

— Пожалуйста, Энн. Сядь.

Она послушалась, свернувшись в углу кушетки с высокой спинкой. Эр Том сел рядом с ней, повернувшись боком, пристроив одно колено на выцветшем парчовом сиденье и упервшись локтем в спинку. Вид у него был элегантный: воплощение грации и красоты в рубашке с широкими рукавами и брюках с мягким ворсом. Энн отверла взгляд.

— Моя мать тебя расстроила, — мягко сказал Эр Том. — Я сожалею об этом. Ты расскажешь мне, о чем она говорила?

Энн обдумала его вопрос, заставив себя оставаться холодной. Прежде всего ей нужно получить подтверждение своих самых страшных подозрений. Однако она должна получить это подтверждение так, чтобы Эр Том не заподозрил о том, что она планирует.

— Твоя мать... смутила меня... относительно пары вещей. Мне казалось, что я понимаю...

Она замялась, но все же заставила себя встретиться с ним взглядом.

— Шан принят в Клан Корвал, правда?

В глазах Эр Тома промелькнула какая-то тень — но слишком быстро, чтобы она смогла ее понять.

— Да, конечно.

— Но твоя мать сказала, что он не... недостаточно хорош, чтобы быть твоим наследником, — продолжила Энн, пристально наблюдая за ним.

В его глазах снова появился гнев, хотя она почувствовала, что это чувство адресовано его матери, а не ей самой. Он протянул узкую руку без колец.

— Энн...

— Просто дело в том, — сказала она, обращаясь к холодным кирпичам каминса, — если Шанни будет для твоего клана обузой, может быть, мне стоило бы просто увезти его на Университет...

— А! — Его рука на секунду сжала ее колено. Ее тело приятно потеплело под тканью брюк. — Конечно, Шан не будет обузой для Клана. Клан рад детям — и вдвойне рад такому ребенку, как наш сын! Утащить его от родичей и дома, когда Клан только-только принял его, как собственного...

Он неуверенно посмотрел на нее.

— Постарайся понять, денубиа. Моя мать принадлежит... к старому миру. Она всегда держалась Книги Кланов и Кодекса Лиад. Измениться сейчас, когда она больна и так много потеряла, служа Клану... — Он повел плечами. — Не думаю, чтобы она смогла. И, со всем уважением, мы, кто ей близок, не должны требовать от нее такой перемены.

Секунду он, похоже, колебался. Его рука потянулась к ее щеке — и снова упала ему на колено.

— Я сожалею... очень сожалею, что она нашла необходимым говорить с тобой о нашем сыне в таких тонах. Если ты согласишься, то я попрошу тебя принять извинения, которые я за нее выражают.

У нее в горле словно застрял камень, который не давал дороги словам, почти прервал дыхание. То, что он способен так нежно просить за мать, которая не выказывает ему ни грамма тепла, которая призывает его к себе так, словно он ее раб, а не сын... Энн наконец удалось набрать воздуха в легкие, несмотря на камень в горле.

«Подтверждение, — объявила странная новая часть ее сознания, которая так активно строила планы. — Мы идем дальше».

— Я... Конечно, я ее прощаю, — сказала она камину. — Перемены даются трудно, даже тем из нас, кто... не стар и не... не болен...

Она резко кашлянула, и теперь у нее в голосе вообще не осталось стали.

— Твоя мать сказала мне, что ты собираешься жениться...

— Нет!

Его руки лежали у нее на плечах, дыхание шевелило тонкие волоски у ее виска. Энн отодвинулась дальше в угол кушетки. В горле у нее застряло рыдание.

— Энн! Нет, денубиа, выслушай меня...

Его руки поднялись с ее плеч и нежно обхватили ее лицо, нежно, но решительно поворачивая ее лицо к нему.

— Пожалуйста, Энн, ты должна мне доверять.

Доверять ему? Когда он только что признался во лжи, в похищении ребенка, в злоупотреблении доверием, которое она ему дарила, чтобы... Нет.

На Лиад ты выигрываешь. Или проигрываешь.

А ей совершенно необходимо выиграть.

Она позволила ему повернуть ее лицо. Она открыла глаза, встретилась с ним взглядом — и неожиданно увидела в лиловых глубинах его глаз нежность, заботу и томление.

Эр Том улыбнулся — очень нежно — и провел подушечками больших пальцев по ее щекам в двойной ласке, а потом убрал руки.

— Я люблю тебя, Энн. Всегда помни это.

— Я тоже тебя люблю, — услышала она собственные слова.

И это была правда. Да сжимается над ней боги — ведь этот человек украл ее сына.

«Не важно, — сказал ей хладнокровный планировщик, поселившийся в уголке ее сознания. — Обезоруживай его правдой, тем лучше. Пусть все его подозрения будут полностью развеяны. Тогда твой план сработает».

Он отодвинулся (как ей показалось, неохотно) и аккуратно сложил руки у себя на колене. Обращенное к ней лицо было открытым, взгляд — нежным и встревоженным.

— Этот брак, которого желает моя мать, — тихо сказал он ей, — он из старого мира, и как послушный сын я должен согласиться на союз и дать Клану моего наследника. Этот долг мне давно следовало исполнить. — Он наклонил голову, и на секунду тревога пересилила нежность. — Ты должна понять: так... принято поступать и... в этом не было для тебя обиды.

— Я понимаю, — отозвалась она и услышала, что в ее голос снова вернулась сталь.

Эр Том наклонил голову.

— Так. Но случилось так, что есть ты, и есть наш сын, и мы двое... любим. Между нами есть узы, которые... даже спу-

стя такой срок... остаются все такими же прочными. Неразрывными. Это правда, Энн, так ведь?

— Правда.

«Правда...»

— Поскольку мы не хотим расставаться, поскольку мы хотим в действительности стать спутниками жизни, то брак, на который надеется моя мать, — это... ничто. Я просил совета по этому вопросу. Союз спутников жизни между нами будет разрешен, если Делм услышит из твоих уст, что это не только мое желание, но и твое. Я сожалею, что моя мать попыталась... вмешаться в игру... стараясь разделить нас и разорвать узы, которые нас связывают.

Если мы будем стоять рядом, если будем держаться как спутники жизни, которыми мы скоро станем, то она не сможет победить, — горячо говорил Эр Том. — Возможно, будет трудно, но мы добьемся своего. Нам надо только дать ей то, чего она хочет — в какой-то мере. Она желает, чтобы эта леди пришла сюда и познакомилась со мной. И мы не спорим, понимаешь? Эта леди — дитя. Я ей не нужен. Ей нужен почет от брака с а-тоделмом, от рождения ребенка для Корвала.

Неуместность... предложенного брака можно будет легко ей продемонстрировать, мягко и со всем уважением, как раз во время такого собрания, какое планирует моя мать.

Его пальцы больно стиснули Энн руку, но она промолчала.

— Нам надо только стоять рядом, — серьезно повторил он еще раз. — Ты не должна позволить себя запугать и заставить уехать из нашего дома. Сделать это — значит отдать победу моей матери. Тебе надо только прийти на собрание и держаться спокойно. Почему тебе так не поступить? Когда собрание закончится, мы предстанем перед Деллом, рука в руке, и попросим его принять то, что уже реально существует.

Спутники жизни? На секунду ей показалось, что она кувыркается в пустоте, потеряв все привычные вехи своей жизни. На секунду ей показалось, что этот план лучше, что так рядом с ней останется ее сын и ее возлюбленный тоже, без лукавства, без лжи, без боли. На секунду она почувствовала желание броситься ему в объятия и выплакать всю свою боль и смятение, отдать все на его волю...

Эта секунда миновала. Холодный разум возобладал. Эр Том лгал. С самого начала он намеревался украсть у нее Шана, хоть и клялся, что не станет делать такого. Не было оснований думать, что его предложение о союзе спутников жизни более честное, чем другие его обманы.

— Энн?

Она перевела взгляд на колени, на пальцы, змеями перевивавшиеся друг с другом, так что побелели костяшки ее холодных пальцев.

— Твоей матери, — сказала она, едва узнавая собственный голос, — будет достаточно и того, что я тебя опозорю.

— Исключено, — мягко проговорил Эр Том. — Ты никогда не опозоришь меня, Энн.

Ей казалось, что она не сможет испытать большей боли. Дурочка! Она не мигая смотрела на свои руки, сжимая зубы с такой силой, что даже кости захрустели.

— Мы можем завтра поехать в Солситру, — добавил Эр Том через секунду, — и найти должный наряд.

— Я...

«Что? — смятенно спросила она себя. — Что ты скажешь этому человеку, Энни Дэвис?»

Но ей не понадобилось больше ничего говорить — этого звука оказалось достаточно. Эр Том легко прикоснулся к ее колену.

— Спутники жизни могут предлагать такие вещи, — прошептал он, — без всякой обиды. Без долгов.

«О боги...» Откуда-то к ней пришло мужество, позволившее ей поднять голову и встретиться с ним взглядом.

— Спасибо тебе, Эр Том. Я... думаю, что мне нужно пласти для... для этого собрания.

Его лицо осветилось радостью — и гордостью. Он улыбнулся — широко, ласково.

— Мы продолжаем игру, — объявил он и тихо засмеялся. Его пальцы скользнули по ее щеке. — Отважная Энн.

Она судорожно вздохнула и постаралась улыбнуться. Пожалуй, попытка оказалась не вполне удачной, потому что Эр Том встал и предложил ей руку — воплощенная заботливость.

— Ты страшно устала. Пойдем, разреши мне проводить тебя в твои комнаты.

Уже поднявшись, она застыла, глядя ему в глаза.

— Энн, что случилось?

— Я...

Боги, она не сможет спать с ним. Ей не выдержать и одного поцелуя, не то что целой ночи. Она скажет ему все — и все потеряет...

— Я подумала, — изумленно услышала она собственный голос, — что, возможно, нам следует... спать отдельно... пока не пройдет собрание. Твоя мать...

— А! — Он серьезно кивнул. — Понимаю. Моя мать увидит, что все складывается так, как она желает, да? Что гостья прислушалась к ее словам и ведет себя с честью по отношению к непослушному сыну Дома.

Он улыбнулся, и она с трудом удержалась, чтобы не зарыдать в голос.

Вместо этого она выпрямилась, взяла его под руку и разрешила провести себя по незнакомым коридорам к двери ее апартаментов.

Уже у своей двери она остановилась, и какой-то демон заставил ее задать один последний вопрос.

— Твоя мать сказала, что Клан будет... благодарен... за усыновление Шана. Я не совсем...

— Это означает предложение о союзнических отношениях, — мягко ответил Эр Том, — а также другие соображения. Мы с Даавом вчера составили бумаги, и на твое имя создан денежный фонд. — Он нежно улыбнулся ей. — Но эти вопросы не будут иметь значения, когда мы станем спутниками жизни.

Онемев, она воззрилась на него, гадая, какие... соображения... какая денежная сумма... могла считаться в Клане Корвал достаточной, чтобы купить ребенка.

— Ты устала, — тихо проговорил Эр Том. — Я желаю тебе доброй ночи. Спокойных снов, любимая.

Он взял ее руку, прижался губами к ладони и отпустил ее.

Ослепшая от слез Энн повернулась и неловко приложила ладонь к пластине замка, наконец получив пронизанное горем одиночество.

— Почему именно сейчас? — спросил Даав.

Петрелла спокойно смотрела на него с экрана комма.

— А почему не сейчас? Его достаточно долго берегли и лелеяли. Нексон усомнился в меланти Корвала. Как лучше всего ответить на такой вопрос, как не действуя в соответствии с планом?

— С вашим планом! — огрызнулся Даав и вздохнул, подняв руку к серебряному кольцу в ухе. — Тетя Петрелла, будьте великодушны. Через два вечера гостья по-прежнему будет у вас. Она очень высоко ставит Эр Тома, заметили вы это или нет. Что вы можете приобрести, нанеся ей такую рану? Такой поступок наносит меланти Корвала гораздо больший ущерб, чем это могла бы сделать вся обидчивость Нексона!

Петрелла подняла руку.

— Надеюсь, мы не настолько невежливы и не забываем своих обязанностей по отношению к гостю, — строго заявила она. — Конечно, была дана информация. Нельзя было надеяться, что гостья знакома с нашим обычаем. Оказалось, что достаточно было дать ей нужный совет. Я нахожу филолога Дэвис весьма разумной женщиной.

— Ах, да неужели?

Даав на секунду закрыл глаза и мысленно повторил успокаивающую процедуру разведчиков, стараясь не думать об отчаянной ставке Эр Тома и о том, что теперь будет с его сватовством.

— Да, это так, — ответила Петрелла. — Буду ли я иметь честь видеть вас на собрании, мой Делм?

— О, конечно же, — ответил он, услышав, что, несмотря на все усилия, его голос прозвучал резко. — Всегда можно рассчитывать на то, что я попляшу для вас, тетя Петрелла. Доброй ночи.

Гневным ударом ладони он очистил экран и вскочил на ноги, словно собираясь немедленно выбежать в темноту.

Вместо этого он очень медленно подошел к окну и, опустив руку, погладил листья и белые цветы растения, которое ему оставила Олвен. Нузиат.

— Ах боги, брат! — прошептал он, обращаясь к растеньице. — Что за узел мы с тобой завязали...

Глава тридцать первая

Приняты Кланом Корвал: одногодчевые близнецы, дети Кин Дала йос-Фелиума и Ларин йос-Галан.

Приняты Семьей йос-Галан: Петрелла, дочь Ларин.

Принята Семьей йос-Фелиум: Чи, дочь Кин Дала.

Из газеты от четырдня баним в третью релямму года под названием йергин

Всего два дня назад Энн мечтала о таком посещении Города Сокровищ. Тогда Солсинтра пролетала мимо окна машины блеском возможностей, и она представляла себе, как будет идти по ее широким улицам, опираясь на надежную руку Эр Тома, защищенная его меланти, под его заботливым руководством.

Сегодня она воспаленными глазами смотрела на город, ставший серым, и слушала, как хладнокровный интриган в уголке ее сознания строит свои холодные и необходимые планы.

Сегодняшний день и завтрашний станут ее последними днями на Лиад. Утром после собрания в честь помолвки Эр Тома они с сыном уедут. Таким был план.

План требовал точного расчета времени. Он требовал хитроумия, чтобы предотвратить немедленное обращение Эр Тома к делму с просьбой признать их спутниками жизни. Он требовал, чтобы она немного обманула ни о чем не подозревающего шофера йос-Галанов. Он требовал решимости оставить позади все — все, кроме ее сына и того, что можно поместить в портфель.

Существовала необходимость. Все это можно сделать.

План также требовал достаточных денежных средств, чтобы забронировать проезд для нее и ее ребенка на первом же отлетающем корабле.

Наличность была основной проблемой: у нее было мало денег, и все в земных монетах, обменный курс которых на Лиад был... неравным.

Конечно, она продаст свои драгоценности, какими бы они ни были жалкими. Прощальный подарок Эр Тома будет самым дорогим из них, но она не настолько глупа, чтобы надеяться, что он покроет хотя бы десятую часть стоимости перелета до Нового Дублина.

Ибо она намеревалась лететь в Новый Дублин, где существует нормальное законодательство и где у нее будет твердая, упрямая поддержка брата.

«Дорога от Лиад до Нового Дублина обойдется дорого», — устало сказала она себе — как говорила это и накануне ночью, когда, усталая и дрожащая, металась по своим апартаментам.

Она попыталась решить, смеет ли спросить Эр Тома, как получать деньги из того фонда, который он учредил для нее. Пока она взвешивала все «за» и «против», машина въехала на парковку и остановилась.

— Мы приехали, — тихо объявил Эр Том и повернулся к ней. — Ты здорова, Энн?

Он уже один раз задал ей этот вопрос, за завтраком. Энн на секунду отчаянно испугалась, что, проведя весь день в ее обществе, он поймет, что ее тошнит от страха, распирает от лжи. Она потеряет...

«Я не проиграю, — твердо сказала она себе. — Шан — не имущество Клана Корвал. Мой сын не продается».

Она решительно изобразила самую широкую улыбку, на которую только были способны ее одеревеневшие мышцы лица.

— Я в порядке, — солгала она. — Просто... устала. Я не очень хорошо спала.

— А! — Он нежно прикоснулся к ее руке кончиками пальцев. — Когда мы станем спутниками жизни, то, возможно... У

Кланы есть особняк у Южного моря. Мы могли бы поехать туда, если захочешь, чтобы отдохнуть и... стать ближе.

В ней шевельнулась боль — всего лишь искра муки на фоне гораздо большего мучения, вызванного его предательством. Энн снова улыбнулась.

— Звучит чудесно, — отзвалась она, и это было правдой. — Мне бы очень этого хотелось, Эр Том.

«Если бы все было по-другому. Если бы ты не лгал. Если бы ты не строил планов и не хитрил. Если бы я осмелилась хотя бы сделать вид, что это может быть правдой...»

— Когда все будет позади. — Он улыбнулся. — Давай пойдем и отдадим тебя в руки Эйлы.

Эйла дэа-Лорн отошла на шаг, склонив седую голову к плечу. На ее морщинистом лице играла озорная улыбка.

— Значит, ваша милость привели мне сложный случай, — сказала она Эр Тому, потирая свои ловкие руки. — Прекрасно.

Энн она адресовала только неглубокий поклон. Глаза ее сверкали.

— Ах, но вы дадите мне такую чудесную возможность, леди! Я приношу вам благодарность! Для вас — ничего обычновенного, а? Ничего такого же, что было у Такой-то на рауте лорда Как-его-там. Ха! Нет, для вас все должно быть новым, оригинальным!

Она снова бросила быстрый взгляд на Эр Тома.

— Самобытная личность. Невозможно сравнить эту леди ни с какой другой светской дамой. В этом свет нас подвел, но леди будет принята на условиях ее собственных возможностей. Я правильно выразила мысль вашей милости?

— Как всегда, — ответил ей Эр Том, у которого подрагивали уголки губ. — Вы — идеальное зеркало, Эйла.

— Льстец! Вспомните, кто сшил вам ваш первый плащ, сударь, и извольте говорить уважительно! — Она поманила Энн. — Прошу вас пройти со мной, леди. Мне нужно снять мерки... О, у нее движения пилота! Отлично, отлично. Отдайтесь целиком в мои руки. Мы представим вас таким образом, какой редко бывает в свете! Какие пропорции! Какой рост! А

грудь — какая гордая! Шея... О, вы просто дар богов, леди, а я-то уже готова была умереть от скуки или задушить следующую «такую-же-как», которая переступила бы мой порог!

Жар крошечной женщины прорвался даже сквозь серую безнадежность, окружившую Энн. Она ответно улыбнулась.

— Боюсь, что окажусь слишком непохожей на всех для такого дебюта, — проговорила она, пока ее вели в задние комнаты, где находилась примерочная.

— Даже не думайте! — энергично приказала ей Эйла. — Свет — это трус. Просто имейте прямой взгляд и любезное выражение лица, и он перед вами склонится. Конечно, кто-то будет фыркать, но на таких вы можете просто не обращать внимания. Самобытный человек — сам себе Кодекс. И на вашей стороне Корвал, который возвысил самобытность до настоящего искусства.

Она снова потерла руки, пристально рассматривая Энн с ног до головы.

— А теперь, — проговорила она, подходя к незаметному пульту, — если я могу попросить вас раздеться...

Платье должны были доставить в Треаллу Фантрол завтра, не позже середины утра. И оно должно было иметь цвет старинного золота, чтобы «подчеркнуть эту чудесную коричневую кожу». Эйла дала Эр Тому лоскут ткани, который тот очень серьезно спрятал себе в карман.

— Скоро мы отправимся к мастеру Мунелу, — негромко сообщил он. — Когда фасон будет установлен, возможно, вы смогли бы связаться с ним и позволить назвать подходящего ювелира.

— Он захочет работать сам, — с улыбкой предсказала Эйла. — Только покажите ее ему. Малый срок Мунела не смущит, если речь будет идти о такой витрине для его мастерства.

Она сжала руки у груди и распрощалась с ними энергичным поклоном.

— И подумать только, я еще вчера вечером подумывала об уходе на покой!

* * *

— Вы с Эйлой — добрые друзья? — спросила Энн, просто потому что что-то говорить было необходимо. Ей требовалось, чтобы Эр Том считал, будто между ними все по-прежнему, а все странности ее поведения списывать на результат беспокойной ночи.

— Дэа-Лорн и Корвал давно сотрудничают, — пробормотал он, ведя ее по раздушенной цветами улице, бережно прикасаясь к ее локтю. — Эйла захочет составить тебе весь гардероб.

— Это было бы неправильно?

— Нет. Ничего неправильного. На самом деле это вполне может оказаться разумным. У Эйлы дар видеть именно то, что перед ней находится, а не то, что ей хотелось бы видеть. — Он улыбнулся, заглянув Энн в глаза. — В прошлом считалось... разумным пользоваться услугами нескольких портных, чтобы покровительством Корвала нельзя было злоупотребить.

— Но если ваши Дома заключили союз...

— Мы не в союзе. Не совсем. Мне трудно это выразить на земном. Дело в том, что... во времена моего четвертого по счету прадеда младший дэа-Лорн, который как раз закончил ученичество, пришел с предложением о торговле. Дэа-Лорн возьмет на себя обязательство шить заказанную Корвалом одежду по себестоимости взамен поставки материи по себестоимости.

Энн сдвинула брови:

— Это звучит довольно смело.

— Так оно и было на самом деле. Однако эта смелость позабавила моего деда. Он рассмотрел те вещи, которые дэа-Лорн предложил в качестве образцов своей работы, и выдвинул встречное предложение. Он готов был предоставить место в одном из складов Корвала в Верхнем порту и очень выгодную скидку на материю, наряду с опциями на некие... экзотические ткани. Все это должно было составить его долю и сделать владельцем половины дела дэа-Лорна, который действительно будет шить Корвалу одежду. Бесплатно.

— Но взамен он получал бесплатную рекламу, — заметила Энн, — и возможность появления его нарядов в собраниях высшего общества...

— И потому он процветал, — закончил Эр Том. — Дочь дэа-Лорна смогла перевести мастерскую туда, где она находится и сейчас, и выкупить долю Корвала. Однако торговые соглашения остались в силе — а дэа-Лорн время от времени шьет Корвалу одежду. По себестоимости.

Он посмотрел на нее, прикрыв глаза ресницами.

— Энн?

Она осторожно перевела дыхание и заставила свое лицо оставаться спокойным.

— Да?

— Мне хотелось бы, — сказал Эр Том очень тихо, — чтобы ты поделилась со мной тем, что тебя тревожит.

«О боги!» Она сглотнула и отвела взгляд, пытаясь найти какую-нибудь убедительную ложь...

— Я понимаю, что это глупо... — услышала она свой сбивчивый ответ, — но у меня не получается об этом не думать.

«Энн Дэвис, — вопросила она мысленно, совершенно растерявшись, — о чем ты болтаешь?»

— А!

Рука Эр Тома у нее на локте немного сжалась, и он направил ее к краю тротуара, где под цветущим деревом стояла скамья.

— Скажи мне, — попросил он.

Скамейка оказалась не слишком просторной. Нога Эр Тома, прижавшаяся к ее ноге, разбудила целую бурю чувств, самыми сильными из которых были страсть и боль. Энн закусила губу и чуть не вскрикнула, когда он взял ее руку в свою.

— Энн? Возможно, я смог бы помочь тебе, если бы только понял, в чем затруднение.

«Ну и что ты ему скажешь?» — с интересом спросила она себя.

Однако планировщик в уголке ее сознания не дремал.

— Наверное, это пустяк, — услышала она свои неуверенные слова. — Но... вчера я брала с собой Шанни — в кабинет доктора Йо-Керы. Я просматривала файлы в его компьютере, и на это ушло больше времени, чем я рассчитывала... Я отправила тебе записку.

— Да, действительно, — отозвался Эр Том, которого, похоже, нисколько не смущило ее довольно бессмысленное по-вествование.

— Да. Ну, когда мы все-таки собирались уходить, было уже довольно поздно... В коридорах уже включилось ночное освещение. Я убедилась в том, что дверь кабинета заперта, а когда повернулась, там оказался... мужчина. Он очень меня испугал, хотя, конечно...

Она покачала головой — отчасти укоряя себя, отчасти вспоминая свой испуг.

— Мужчина-лиадиец? — тихо поинтересовался Эр Том.

— О! Да. С очень непримечательной внешностью. Сначала он обратился ко мне на торговом... Боюсь, что я была довольно резка, поправляя его. После этого он был вежлив и... предложил понести мой портфель... И конечно, он имел полное право там находиться, раз он аспирант...

— Ты не помнишь его имени?

— Фил Тор Кирэ, — легко воспроизвела она его имя. — Техник-лингвист и аспирант.

— Так. А каков его клан?

Энн нахмурилась.

— Он не сказал.

— Вот как?

Эр Том посмотрел на нее очень пристально.

— Не сказал, — повторила она, словно ей необходимо было защищаться. — А зачем ему было это делать? Было гораздо важнее дать мне знать, что он изучает лингвистику и имеет вполне законное право находиться там, где мы встретились.

— Да, конечно. — Эр Том мягко сжал ее пальцы. — Тогда что тебя встревожило?

— Дело в Шане, — ответила она и вздрогнула, вспомнив испуг сына. — Он никогда — ты же знаешь, что он никогда никого не боится! Но Фил Тора Кирэ он испугался. Потребовал, чтобы мы ехали домой сейчас же.

Она посмотрела Эр Тому в глаза.

— В машине я спросила его, что случилось. И он ответил «нет искорок» и спрятал лицо...

Глаза Эр Тома потемнели.

— Нет искорок?

Он отвел взгляд, кусая губу.

— У меня есть мысль... — сказал он спустя несколько секунд. — Моя бабка была Целительницей, знаешь ли. Помню, один раз она сказала мне, что ни у кого нет ключей от всех комнат. Что те, кто заперт и темен для одного Целителя, могут оказаться открытыми и полными света для другого.

Он заглянул Энн в лицо.

— Шан очень мал. Если это — первый встреченный им человек, который... не транслирует на той же частоте, как сказал бы Даав... то он вполне мог испугаться. — Его взгляд стал более сосредоточенным. — Было бы разумно, если бы мы попросили Делма вызвать к нашему ребенку Целителя. Он слишком юн для того, чтобы испытывать подобные стрессы. Может быть, возможно что-то сделать, чтобы смягчить неприятные ощущения вроде вчерашнего.

«И только Целитель может знать, что следует делать, — подумала она, внезапно похолодев. — Что ты себе думаешь, Энни Дэвис, если собираешься увезти паренька отсюда, где он может получить такую помощь? Как он поймет, что делать со своими искрами, когда среди землян нет таких, кто мог бы его обучать?»

Она отдернула руку.

— Эр Том!

— Да, денубиа? — Его голос успокаивал, прикосновение было надежным. — Что еще тебя тревожит?

Она чуть было не сказала ему. Это уже вертелось у нее на кончике языка — вся сумятица любви, надежды, неприятия и смятения. Еще секунда — и она бы уткнулась лицом ему в плечо и выплакала бы все.

На тротуар из-за дерева вышла пара — очень шикарная в своих дневных нарядах и драгоценностях. Женщина повернула голову и встретилась взглядом с Энн. На безупречных лиадийских чертах отразилось отвращение. Она сжала руку своего спутника и подалась ближе, сказав ему что-то шепотом.

Он повернул голову: его взгляд и выражение лица были ледяными.

Они пошли дальше.

Энн прокашлялась.

— Больше ничего, — сказала она, но не смогла встретить-ся взглядом с Эр Томом. — Я... благодарю тебя, Эр Том... за то, что ты меня выслушал.

Наступило долгое молчание, но она так и не смогла заставить себя посмотреть ему в лицо. Наконец он чуть отодвинулся и легко встал на ноги, продолжая крепко держать ее за руку.

— Я выслушаю тебя, когда бы ты ни пожелала поговорить, — мягко сказал он. — Ты теперь поедешь со мной в порт?

— Да, — тупо согласилась она, встала и позволила ему увести ее обратно к машине.

Мастер-ювелир Мунел оказался настолько же молчаливым, насколько Эйла дэа-Лорн была говорлива. Он взял из руки Эр Тома лоскут ткани и хмуро рассмотрел его, словно подозревая какой-то подвох.

— Завтра? — рявкнул он и перевел взгляд на Энн. — Это — леди, которой предназначены вещи?

— Филолог Энн Дэвис, — пробормотал Эр Том, — гость Корвала. Пожалуйста, считайте себя вправе дать Эйле другое имя, мастер, если срок слишком мал.

— Да, как же. — Мунел развернулся на своей табуретке к ним спиной и потянулся за инструментом. — Я пришлю их к полудню. Доброго утра.

— Доброго утра, мастер Мунел, — сказал Эр Том, кланяясь спине старого мастера.

Он улыбнулся Энн и протянул ей руку. Рука об руку они вышли на узкую уличку Ювелиров.

— Не хочешь ли съесть ленч? — предложил Эр Том, когда они свернули на немного более широкую боковую уличку.

— Добрый вам день, капитан йос-Галан!

Прохожая, адресовавшая ему это приветствие, имела коротко подстриженные седые волосы и множество серег. Она протянула руку через полтурара, и солнечные лучи заиграли на ее кольце мастера-купца.

— Я пока ничего не слышала от Гильдии, сударь! — весело добавила женщина.

Ее зоркие глаза быстро скользнули по лицу Энн, после чего незнакомка исчезла, нырнув в толпу.

Лицо Эр Тома застыло от гнева, губы сжались в тонкую линию. Энн изумленно заморгала.

— Кто это был?

Он набрал полную грудь воздуха, мощно его выдохнул, а потом устремил на нее спокойные лиловые глаза.

— Это — никто, — отрезал он. — Давай пойдем на ленч к Онгиту.

Глава тридцать вторая

Последний из тех, кто участвовал в поимке и позоре Эбы йос-Фелиум семь лет тому назад, мертв. Счеты сведены.

Даав йос-Фелиум, шестой Делм Корвала

Запись в Дневнике Делма за втородень треаннав четвертую релюмму года под названием сандир

— Утреннего вина или красного?

— Красного, пожалуйста, — рассеянно ответил Эр Том, устремив взгляд на доску контрашанса, разложенную перед камином.

Даав наполнил рюмку и вложил ее в руку брата, а потом плеснул немного утреннего вина к себе в чашу и бросил пронизительный взгляд на задумчивое лицо своего родича.

— Что случилось?

— М-м?

Эр Том отошел к доске. Он взял пару костей, лениво встряхнул их и бросил. Восемнадцать.

— Правда ли, — негромко спросил он, словно обращался к костям, — что Эба йос-Фелиум была публично выпорота Тоделлом?

Даав поднял брови.

— Да, — подтвердил он спокойно. — Но ты должен учесть, что это было средством, с помощью которого спасли ее жизнь.

Сверкнувшие лиловые глаза быстро скользнули взглядом по его лицу.

— О, вот как?

— Определенно. Время было... неспокойное. Упрощая сложную историю, скажу, что Эба оказалась в руках у тех, кто желал Корвалу зла. Затем они продемонстрировали ее, все еще истекающую кровью после похищения, с приставленным к горлу ножом, ее Тоделму, который был к тому же ее чалекет.

Враги Корвала решительно потребовали, чтобы Эба была наказана за некое оскорбление, которое они придумали. Тот, кто держал нож, заявил право на ее жизнь и утверждал, что готов немедленно исполнить свою угрозу. Однако при этом присутствовали более холодные головы, которые сочли, что их цель может быть достигнута и с помощью публичного позора.

Даав отпил немного вина.

— Юный Тоделм счел шансы на выживание Эбы — не говоря уже о выздоровлении — гораздо более высокими в том случае, если бы он работал плетью сам, так что он вступил в спор — и добился в нем победы — за это право.

Эр Том снова взял кости и сделал новый бросок. Шесть.

— И?

Даав передернул плечами.

— И он нанес удары, а потом со слезами побежал к ней, чтобы разрезать ее путы. Его спину защищали все члены Кланна, способные держать оружие. Сведение счетов началось немедленно после того, как она оказалась в укрытии Джелаза Казон и ее раны были обработаны. Для завершения потребовалось семь лет, поскольку в происшедшем участвовало несколько Домов.

Он выгнул бровь.

— Мне показать тебе соответствующие записи из Дневников?

— Спасибо, — негромко проговорил Эр Том, поднимая рюмку и встречаясь взглядом с Даавом поверх ее края. — В этом нет необходимости.

— А. — Даав взял свою чашу, но пить не стал. — Твой Тоделм угрожала выпороть тебя, милый?

Эр Том ухмыльнулся:

— В конце концов было проявлено удивительное неповиновение.

— Так мне говорили. А тебе не захотелось задуматься, откуда у тети Петреллы могли появиться такие странные взгляды на приличия?

— Возможно, ее болезнь... — предположил ее сын и со вздохом очень тихо добавил: — Мне так не хватает нашей матери.

— Как и мне.

Даав тоже подошел к игральному столу, взял кости и бросил. Одиннадцать.

— По-моему, нашей матери понравилась бы твоя Энн, — пробормотал он. — И вся дьявольщина в том, что, по-моему, тете Петрелле она тоже вполне понравилась бы, если бы мы могли присписать ее к какому-нибудь Семейству и Дому!

Стоявший напротив него Эр Том вздохнул. Даав посмотрел на него, выразительно поднимая брови.

— Ты удивляешься, почему Делм готов просить тебя от нее отказаться, а? Но, к несчастью, анализ ситуации, который сделала сама леди, совершенно правилен: принятие землянки делает Клан уязвимым. Это можно сделать, если придется делать. Но насколько проще было бы жить так, как мы жили прежде. Что до Даава...

Он повел плечами и сделал еще один бросок. Семь.

— Дааву она очень нравится, и ему очень жаль, что Лиад должна быть настолько полна лиадийцев.

Эр Том рассмеялся.

— Слова, достойные разведчика! Но полно. Когда это мы жили, как настоящие лиадийцы? Дневники говорят нам, что этого в нашем контракте нет. Например, наши матери рождены вопреки Собственному Слову Делма, просто потому, что Кин Дал и Ларин не смогли жить друг без друга.

— И нас посылают становиться разведчиками и купцами, — согласился с ним Даав. — Что делает нас еще более

странными. — Он склонил голову. — Как Энн приняла известие о твоей помолвке?

— С болью, — ответил Эр Том, хмурясь. — Для человека, который заявляет, что не желает участвовать в играх, моя мать бросает кости с неожиданной энергией.

— Интересно, Энн появится на собрании?

— Обязательно. Мы это решили между собой. — Он улыбнулся. — Полагаю, что скоро смогу дать тебе доказательство выигрыша, брат, и попросить Делма Увидеть мою спутницу жизни.

— Вот как? Я с радостью пожелаю вам счастья, милый. Есть ли соображения, по которым выигрыш должен быть объявлен после собрания?

— Доброта по отношению к дочери Нексона, — тихо ответил Эр Том. — На собрании у меня будет возможность показать ей, что мы друг другу не подходим. А еще, отчасти, это вопрос сведения счетов. Нехорошо было устраивать это мероприятие в такой момент. Добавь к этому то, как моя мать сочла нужным говорить с Энн относительно нашего сына... Должен сказать тебе, брат, что это очень встревожило Энн! Она растеряна, обеспокоена... Дому должно быть стыдно, что с гостью так обошлись, не говоря уже о наказании, которое Тоделм сочла нужным назначить А-тоделму!

Он поднял рюмку и сделал глоток, адресуя Дааву смущенную улыбку.

— Тем не менее она согласилась прийти на собрание, имея по-настоящему сильное сердце, и продемонстрировать Нексону и его дочери спокойное лицо. Не говоря уже о Тоделме йос-Галан.

— Почет и уважение леди, — совершенно искренне сказал Даав. — Возможно, она еще сможет стать опасным игроком.

После короткой паузы он добавил:

— Если ты представишь Делму спутницу жизни, то ради блага Клана будут выдвинуты некоторые условия. От вас потребуется, чтобы вы дали Клану еще несколько детей. А твоя спутница жизни должна будет пройти подготовку на пилота.

Эр Том наклонил голову.

— Я обговорю эти вопросы с Энн.

Даав посмотрел на него не без удивления.

— О, да неужели?

— Конечно, — подтвердил Эр Том. — А как иначе?

— Действительно, как иначе? — вежливо отозвался его брат.

— Но есть вопрос, к которому необходимо привлечь внимание Делма, — продолжил Эр Том, то ли не заметив, то ли не обратив внимания на ironию. — Наш сын недавно встретился с кем-то, кто его испугал — что весьма необычное событие. Своей матери он объяснил причину своего испуга тем, что личность, о которой идет речь, не обладала «искорками». Учитывая его очень юный возраст и рано проснувшиеся способности, было бы разумно обратиться к Целителю, прежде чем он испытает еще один — возможно, беспочвенный — испуг.

— Да, понимаю. — Даав хмуро стал рассматривать доску контрашанса. — Он слишком мал для этого, правда? Как правило, способности появляются в подростковом возрасте...

Он встряхнулся и поднял голову.

— Конечно, надо обратиться к Целителю. Делм проследит за тем, чтобы это было сделано.

Эр Том снова наклонил голову.

— Я сообщу Энн о заботливости Делма.

Он снова взял свою рюмку и осушил до дна.

— Сейчас я вынужден с тобой проститься. Нет ли каких-то поручений, которые я мог бы выполнить для тебя в порту?

— Благодарю тебя, нет. Сегодня мой путь лежит в деловой центр. Делм и господин дэа-Гаусс вызваны для ведения новых переговоров с Винтиром.

— Ха! — Эр Том поморщился. — Винтири никогда не бывает доволен, брат.

— Я уже начинаю это замечать. Полагаю, что смогу привлечь внимание господина дэа-Гаусса к этому факту. Похоже, показана перемена курса.

— Тогда я желаю Делму удачного взлета, — сказал Эр Том с жизнерадостным поклоном. — Я увижу тебя на собрании?

— Конечно. Как я могу не прийти, когда тетя Петрелла была так любезна, что приказала мне явиться?

Эр Том встревоженно посмотрел на него.

— По-моему, ее болезнь все сильнее на нее давит.

— Мне тоже так кажется, — согласился Даав и решительно отряхнул с себя странное оцепенение. — Сегодня вечером я приду, чтобы оказать тебе поддержку, можешь не сомневаться. До скорой встречи, милый.

— До скорой, Даав.

«Вот так, Энн Дэвис! А ты так гордились своим зеленым платьем и считала себя такой нарядной!»

Это новое платье тоже имело глубокий вырез и плотно облегало ее талию. На этом его сходство с зеленым кончалось.

Широкий воротник поднимался вверх, расправляясь, словно цветок, чтобы обрамлять ее лицо. Длинные рукава ниспадали изящными складками, привлекая внимание к пальцам, а юбка до пола, обманчиво узкая, имела разрез, позволяющий делать привычно широкие шаги.

Эйла дэа-Лорн одернула юбку, добиваясь более красивых складок, и улыбнулась.

— Да, — сказала она, отступая и сжимая перед собой руки. — Думаю, его милость будет доволен.

Не успела Энн ничего на это ответить, как крошечная модистка подняла палец.

— А теперь слушайте меня, леди. Платье — это хорошо, и драгоценности Мунела никому не стыдно бывает надеть. Однако если вы будете разумны, то примете мои советы относительно некоторых вопросов. Во-первых, волосы. Зачешите их наверх. Да, я знаю, что они у вас не длинные. Наверх и назад тем не менее. Воротник задуман для того, чтобы обрамлять лицо. Немного смело, признаю, но не развязно. Возможно, характеризует изысканность, которую мастер-купец может встретить — и оценить — далеко за орбитой Лиад.

Она удовлетворенно потерла руки.

— Вы хорошо двигаетесь, у вас плавная, красивая походка. Платье сшито так, чтобы это учесть. Ваши пальцы... Они такие

красивые, ваши пальцы! Демонстрируйте их, вот так. — Она приподняла руку и быстро повернула кисть. — Попробуйте.

Энн скопировала жест портнихи. Рукав легко скользнул с ее запястья, открыв изящные сильные пальцы.

— Хорошо, — одобрила Эйла. — Самобытная личность — сама себе Кодекс. На всей Лиад нет никого, кто был бы на вас похож. Правила, которые вас связывают, находятся не на планете, а в вас самой. Помните об этом и держите голову — вот так! Э? Многим придется задирать голову, чтобы полюбоваться вами, но это их проблема, а не ваша. Будут и такие, кто будет отворачивать лица и кричать, что вы не такая, как они.

Она подняла руку, пряча наигранный зевок.

— Увы, невежи встречаются даже в самых высоких Домах.

Энн бледно улыбнулась и наклонила голову.

— Вы очень добры, давая мне советы.

— Ха! — Эйла отмела ее благодарность энергичным взмахом руки. — Я не хочу, чтобы мои труды пропали втуне, только и всего. — Она улыбнулась и начала собирать свои швейные принадлежности. — Его милость намерен устроить вам красивый дебют, так что мне будет выгодно, если это платье понравится.

Будет забавно посмотреть, как вас примет свет, леди. И как вы примете его.

Шан капризничал и куксился. Он бегал из конца в конец детской, и даже «Доскобуч» не мог удержать его внимания дольше, чем пару минут. Все попытки Энн привести его в более спокойное состояние заканчивались полной неудачей.

Наконец, чувствуя, что ее напряженные нервы вот-вот лопнут, она посадила его себе на колени, решив, что нежные объятия будут полезны им обоим.

— Нет!

Он дернулся от нее. Его тело было напряжено, серебристые глаза расширены.

— Шанни!

— Нет! — снова крикнул он и оттолкнул ее руку, что было настолько нехарактерно для Шана, что она изумленно его отпустила.

— Мирада! — Он топнул ногой, гневно глядя на нее. — Хочу Мираду! Уходи! Уходи, плохая ма!

И с этим он убежал, сломя голову помчавшись по длинной детской, — и оказался в руках госпожи Интасси, которая как раз вошла в игровую через дверь, которая вела в отдельную кухню детских апартаментов.

— Плохая ма! — крикнул Шан, обхватывая няню за ноги и утыкаясь лицом ей в платье. — Хочу Мираду!

— Все это хорошо, — отзывалась госпожа Интасси на земном, твердо и непреклонно. — Однако вы не слишком добры к вашей матушке. Вам следует попросить у нее прощения.

— Нет! — упрямко сказал Шан, отказываясь поднять голову.

Чувствуя сильную тошноту, дрожащая и измученная Энн встала и покачала головой крошечной няне, бывшему разведчику.

— Не важно, — проговорила она, заметив, что у нее дрожит голос. — Если он не хочет, чтобы я побыла с ним здесь, я уйду.

Она повернулась к двери, не заметив встревоженного взгляда госпожи Интасси.

— До свидания, Шанни, — сказала Энн. — Может быть, мы увидимся с тобой завтра.

Дверь детской закрылась у нее за спиной.

Спустя какое-то время она лежала в постели, тупо глядя в стеклянный купол над кроватью. Лиадийское небо было ярким, зеленовато-голубым и безоблачным.

Яркий свет терзал ее, выжигая из головы смятенные мысли, превращая чувства в пепел.

Когда она снова открыла глаза, яркий свет поблек. Она повернула голову на подушке. Часы у кровати сказали ей, что на подготовку к собранию у нее осталось два часа.

Вздыхая, чувствуя себя не только усталой, сколько выжатой — лишенной всех мыслей, эмоций и намерений, не считая ее плана, — она встала с широкой кровати, посмотрела в зеркало у противоположной стены комнаты и нахмурилась.

На туалетном столике под зеркалом среди знакомых вещей оказались две непривычные шкатулки.

Большая шкатулка была обтянута шикарным малиновым бархатом. Энн подняла ее крышку.

Там оказалась веревка, свитая из трех золотых нитей — розовой, желтой и белой, плачущих капельками желтых бриллиантов, цвет которых точно повторял цвет ее наряда. Крошечные желтые бриллиантовые подвески на серьгах — сверкающая прелесть. Плетеные золотые гребни и шпильки, усыпанные желтыми осколками, чтобы уложить волосы, зачесав их наверх и назад.

Энн смотрела на сокровища бархатной шкатулки — на драгоценности, стоимость которых была больше, чем она могла бы заработать за всю свою жизнь, созданные для того, чтобы оттенить один наряд, который, в свою очередь, создан для одного вечера...

«Его милость намерен устроить вам красивый дебют».

Энн вздохнула, ощущив, пожалуй, едва заметное облегчение.

Теперь у нее будет достаточно денег, чтобы оплатить перелет. Домой.

Меньшая шкатулка была деревянной, с резьбой в виде лоз и цветов, а в центре оказалась вставка с инкрустацией из слоновой кости. Открыв ее, она обнаружила квадратик сложенной кремовой бумаги. На верхней части неуверенными земными буквами было написано ее имя.

Буквы внутри листка были лиадийскими, уверенными и четкими.

«Моей любимой. Чтобы сказать здравствуй и никогда не говорить прощай. Эр Том».

На атласной подушечке покоилось кольцо из розового золота. Камни были утоплены в металл, огранены очень просто и чисты как боль. Их цвет был точно таким же, как цвет ее глаз.

Долгие секунды она просто неподвижно стояла, не зная, сделает ли ее сердце следующий удар, примут ли легкие следующий вздох.

Когда стало понятно, что она все-таки осталась в живых, она закрыла маленькую шкатулку и осторожно отставила ее в

сторону. Листок кремовой бумаги она спрятала к себе в портфель, закрыв в одном отделении с диском из компьютера Джин Дела йо-Керы.

Бархатную шкатулку она оставила открытой, позволив заливать дорогим блеском комнату, а сама начала наконец готовиться к собранию.

Глава тридцать третья

И вот мы стоим: старуха, подросток, два младенца; контракт, корабль и Дерево.

Клан Корвал.

Как бы посмеялся Джела.

Из Вахтенного журнала Канtry йос-Фелиум

«А-тоделм йос-Галан, — решительно напомнила себе Синтебра, — человек, обладающий меланти, сын старинного и уважаемого Дома. Быть избранной ему в супруги — это неоспоримая честь».

Стискивая под накидкой ледяные пальцы, она пыталась убедить себя в том, что брак с а-тоделмом Корвала был бы действительно чем-то великолепным.

Увы: ее сердце — этот предательский орган, на котором стало так легко при известии о том, что Корвал Увидел ребенка А-тоделма йос-Галана, — ее сердце снова превратилось в заледеневший камень, вставленный ей в грудь, и отнюдь не считало этот брак чем-то великолепным. В чем она очень нерешительно призналась своему отцу.

— Не выходить замуж за йос-Галана? — Ее отец изумленно взорился на нее, и Синтебра вынуждена была признать, что это изумление вполне правомерно. — Ты с ума сошла?

Синтебра почувствовала, что глаза у нее наполняются слезами, и лицо ее отца смягчилось.

— Несомненно, ты думаешь, что раз его ребенка Увидели, то ему незачем жениться. Уверяю тебя, что ничто не может быть дальше от истины. В последнее время Корвал находится

в печальном состоянии: конечно, для них это весьма прискорбно, зато для нас это обещает радужные перспективы, если только мы умело будем бросать кости!

Он подался вперед с видом человека, обещающего чудесный подарок.

— Да ведь если тебя не захочет взять йос-Галан, то ведь и сам Глава Корвала по-прежнему не имеет наследника!

Но это было еще хуже: ведь Делм Корвала был разведчиком, и это все знали! А Синтебра боялась разведчиков.

Заливаясь слезами, она попыталась объяснить это своему родителю. Время от времени она встречала разведчиков в порту, куда она являлась — покорная долгую, — чтобы налетать необходимое количество часов. Разведчики обладали совершенно немыслимыми манерами и нервировали ее тем, что смотрели прямо в глаза собеседнику!

Разведчики постоянно радовались какой-то непонятной шутке или тайно смеялись над чем-то. Синтебра склонна была думать, что они смеялись над ней.

— А, чушь! — воскликнул ее отец, теряя терпение. — Ты будешь делать то, что тебе скажут, и без всяких чувствительных сцен! Послушать тебя, то можно подумать, будто у йос-Галана на лице шрам, а Глава Корвала предается разврату! Тебе очень повезло, девочка моя. Я рекомендую тебе искать единения, чтобы обдумать эту сторону вопроса.

Вот как получилось, что Синтебра вошла в огромный парадный вестибюль Треалла Фантрол вместе со своим Делмом, отдала накидку слуге и послушно попыталась не забывать, что брак с А-тоделмом йос-Галаном — это нечто великолепное.

— Ракина Лиргэл, Делм Нексона, — объявил господин пак-Ора. — Синтебра эл-Кемин.

Они медленно шли по залу. Немолодая леди легко опиралась на руку своей юной спутницы. Обе не были одеты по последней моде, хотя наряд молодой женщины был несколько более праздничным и должен был показать ее привлекательные формы в самом хорошем свете.

Стоя рядом с креслом матери, Эр Том наблюдал за их движениями. Пышные волосы юной Синтебры были уложены в высокий узел, из которого с рассчитанной непринужденностью спускались локоны, целовавшие ее обнаженные плечи. Кое-где в буйных черных завитках поблескивали бриллианты. Бриллианты сверкали в изящных ушках, а один камень, подвешенный на тонкой, словно мысль, цепочке, дрожал у основания шеи.

— Делм Нексон, — проговорила Петрелла со своего кресла, — добро пожаловать в наш Дом.

Глава Нексона поклонилась, и блеск ее ювелирных украшений почти скрыл Кольцо Клана.

— Ваше приветствие очень любезно, — заявила она. Выпрямившись, она указала на свою молодую спутницу. — Позвольте познакомить вас с Синтеброй эл-Кемин, дочерью второго Семейства Нексона. Синтебра, перед тобой — Тоделм йос-Галанов.

Поклон Синтебры был очарователен, хотя, на взгляд Эр Тома, несколько рваный в самом начале.

Петрелла наклонила голову и подняла руку, которая заметно дрожала. Эр Том ощущил укол тревоги. Сегодня вечером его мать напрягает свои силы до предела. Если боги будут милосердны, то она не перенапряжет их фатально.

— Мой сын, — говорила тем временем своим гостям его мать, — Эр Том, А-тоделм йос-Галан.

Он поклонился Главе Нексона, получив в ответ кивок и вежливое:

— Здравствуйте, сударь.

Затем он адресовал поклон Синтебре, что было несколько сложнее, поскольку ему нельзя было быть ни настолько холодным, чтобы это заметила его зоркая мать, ни настолько теплым, чтобы сама леди могла питать какие-то несбыточные надежды.

Посему он, как требовали приличия, проговорил только:

— Здравствуйте, Синтебра эл-Кемин, — и добавил: — Я рад наконец с вами познакомиться, сударыня.

Огромные, опалово-голубые глаза смотрели на него с напряженного лица, сочные алые губки сжались до белизны.

«Бесчисленные боги, дитя просто в ужасе!» — подумал Эр Том и ощущил прилив гнева, адресованный родителям обеих сторон, настоящих на этом фарсе.

Синтебра сделала поклон — несколько менее изящный, чем первый.

— Сударь, — отозвалась она прерывистым глухим голоском, — А-тоделм йос-Галан. Я... очень... счастлива нашему знакомству.

«Ну что ж, — с иронией подумал Эр Том, подчиняясь знаку матери и направляясь налить вина гостям, — будет очень нетрудно показать ей, что мы друг другу не подходим...»

Синтебра изо всех сил старалась сдержать слезы. И она была совершенно не в состоянии заставить себя смотреть на высокого джентльмена, стоявшего рядом с ней, как не могла придумать ни одной веселой, остроумной или хотя бы разумной фразы, которую можно было бы ему адресовать.

Он решит, что она дурочка. Он... нет, ее собственная Делм...

— Выпейте вина, дитя.

Голос звучал очень мягко, модальность была предназначена для разговора двух взрослых. Синтебра вздрогнула и подняла глаза.

И встретилась взглядом с лиловыми глазами, которые смотрели на нее из-под взметнувшихся к вискам золотых бровей.

— Вы почувствуете себя лучше, — тихо сказал он, поднося к губам свою рюмку. Когда он ее опустил, Синтебра увидела, что он едва заметно улыбается. — Я вас не съем, не бойтесь.

Такие близкие слезы чуть не полились у нее из глаз. Она не ожидала доброты. По правде говоря, она не ожидала от столь великолепного господина ничего, кроме презрения. Конечно, он совсем старый, и, наверное, для молодой особы, которой уже исполнилось двадцать стандартных лет, не слишком лестно слышать обращение «дитя»...

— Говорили, — заметил А-тоделм йос-Галан своим мягким голосом, — что вы совсем недавно получили лицензию второго класса. Вы намерены добиваться первого?

Первого класса? Она ужасно жалела о том, что получила второй! Самым неудачным днем в ее жизни пока был тот, когда она так успешно прошла предварительное тестирование. Она ненавидит пилотирование. Она ненавидит корабли. Она ненавидит порт с его шумом, с его сбродом, с непонятной суматошностью...

Но, конечно, подобные чувства нельзя высказывать человеку, который является одновременно мастер-пилотом и мастер-купцом. Синтебра поспешила пригубить вино — и была избавлена от необходимости отвечать пугающим объявлением дворецкого:

— Даав йос-Фелиум, Делм Корвала!

Делм Корвала оказался даже страшнее, чем она ожидала.

Он потратил какое-то время на разговор с Главой Нексона и Тоделмом йос-Галанов, как и диктовалось приличиями. Однако после того как почти без перерыва было объявлено о приходе господина Люкена бел-Тарды и леди Карин йос-Фелиум, он направил свои бесшумные шаги разведчика туда, где она стояла тет-а-тет с А-тоделмом йос-Галаном.

По правде говоря, Синтебра давно мечтала о том, чтобы произошло нечто подобное. Однако волею злой судьбы ее спаситель оказался человеком, которого она боялась даже сильнее, чем того, от кого он ее спасал.

— Мое почтение, сударыня.

Он удостоил ее легкого поклона и такого смелого взгляда черных глаз, что ей захотелось провалиться сквозь пол.

К счастью, смелый взгляд уже в следующую секунду устремился на родича, к которому Глава Корвала и обратился:

— Добрый вечер, милый. Гостья все же будет с нами?

— Думаю, что да, — ответил А-тоделм йос-Галан как всегда мягко. Он пояснил Синтебре: — Филолог Энн Дэвис, гостья Дома, также должна присутствовать здесь в этот вечер.

Синтебра чуть было не заморгала. Филолог Энн Дэвис? Но ведь... Она поймала на себе пристальные взгляды двух пар очень ярких глаз и прижала руку к шее.

— Я... э-э... леди-землянка? — едва сумела пролепетать она, пытаясь сделать вид, что встреча с землянкой для нее — дело привычное.

Брови А-тоделма йос-Галана чуть поднялись.

— Верно, — вежливо проговорил он. — Леди-землянка.

— Вам нет причин тревожиться, — добавил Глава Корвала своим низким хриплым голосом, — она совсем не страшная.

Синтебра быстро посмотрела на него, но его лицо оказалось совершенно спокойным, без тени иронии, которая, как она подозревала, пряталась у него в душе.

— Просто дело в отсутствии знания земного, — сказала она, пытаясь вернуть себе самообладание. — А говорить на торговом было бы неуместно.

— О нет, умоляю вас не видеть в ней причину для такой неволовкости, — сказал Глава Корвала. — Она вполне хорошо владеет высоким лиадийским.

— Филолог Дэвис, — пробормотал А-тоделм йос-Галан, — специализируется на изучении лингвистики.

В эту минуту объявили о приходе лорда и леди йо-Лана, затем — Делма Гвайара. Оторвав взгляд от череды этих блестящих особ, Синтебра увидела, как А-тоделм йос-Галан обменивается быстрым взглядом со своим родичем.

— Филолог Энн Дэвис, — объявил дворецкий, и Синтебра увидела, как А-тоделм йос-Галан улыбнулся.

— А! — Он изящно поклонился Синтебре, а потом кивнул своему делму. — Прошу меня извинить.

В следующую секунду его уже не было рядом с ними: он пересек комнату, чтобы встретить только что вошедшую леди.

Синтебра только что рот не разинула от изумления. Она-то считала А-тоделма йос-Галана и Делма Корвала невообразимо высокими, однако филолог Дэвис заставила ее пересмотреть эту идею.

А-тоделм йос-Галан приветствовал ее поклоном равных и, тепло глядя ей в лицо, предложил ей свою руку. Леди оперлась на нее, и они пошли по комнате, время от времени приостанавливаясь, чтобы выполнить должную процедуру знакомства.

— Ну вот, — заметил Делм Корвала, — она совсем не кажется дикаркой, правда?

Он явно смеялся над ней! Конечно, эта леди совсем не казалась дикаркой, хотя Синтебра совершенно не понимала, как столь высокая и пышногрудая женщина может выглядеть настолько величественно. Она обошла зал под руку с А-тоделмом йос-Галаном, словно и сама принадлежала к Высокому Дому. Ее поклоны были исполнены изящно, а ясный голос без усилий достигал углов внезапно затихшего помещения.

— Она говорит с акцентом! — сказала Синтебра Делму Корвала.

Ее собеседник выгнул бровь.

— Ну и я тоже, — благодушно сказал он. — Боюсь, что мой земной звучит просто отвратительно.

Ей не понадобилось отвечать на эти слова, потому что как раз в эту минуту гости и А-тоделм йос-Галан подошли к ним.

— Привет, Даав!

Землянка улыбнулась, бесцеремонно называя Главу Корвала по имени — словно они в родстве, возмущенно подумала Синтебра. Она вся сжалась в ожидании обжигающей отповеди на подобное нахальство.

Ничего подобного!

— Привет, Энн! — отозвался Корвал с улыбкой, превратившей его лицо в почти красивое. Он ласково поклонился. — Вы выглядите великолепно. Потанцуйте со мной попозже, очень вас прошу.

Землянка даже рассмеялась, и глаза у нее озорно заблескали.

— А вы танцуете только с великолепием, сударь?

— Ах, не надо меня дразнить! — с отчаянием воскликнул Глава Корвала. — Если вы мне откажете, мне не останется ничего делать, как только танцевать с моей сестрой.

— Каковой судьбы желать невозможно. — Она улыбнулась и наклонила голову. — Тогда можете рассчитывать на мою выручку.

Она перевела взгляд на Синтебру.

— Синтебра эл-Кемин, Клан Нексон, — негромко проговорил А-тоделм йос-Галан. — Филолог Энн Дэвис, гостья Корвала.

«Право, — подумала Синтебра, делая поклон, — это плачево совершенно разнужданное».

Однако в поклоне земной леди не было никакой разнужданности, как и в ее совершенно правильном приветствии:

— Синтебра эл-Кемин, я рада с вами познакомиться.

— Энн Дэвис, я рада с вами познакомиться, — ответила Синтебра, поскольку другого выхода у нее не было.

Ей пришлось задирать голову, чтобы посмотреть в лицо земной леди. Это лицо никак нельзя было назвать красивым, и к тому же его портили морщинки в углах губ и глаз. В серьезных серых глазах мелькнула тень улыбки, и Синтебра капризно подумала, что стать предметом насмешки землянки — это уже чрезвычайно.

— Позволь мне предложить тебе вина, — сказал А-тоделм йос-Галан.

Земная леди согласилась на его предложение, и они ушли, оставив Синтебру наедине с Делмом Корвала.

— Скажи мне, пожалуйста, — тихо спросил Эр Том на земном, — кольцо тебе не понравилось?

Задавать этот вопрос не следовало, а тем более не следовало задавать его здесь и сейчас. Но вид ее голых рук причинил ему боль — мучительную. Как будто он наклонился, чтобы ее поцеловать, а она отвернулась.

— Кольцо... чудесное, — ответила Энн, упорно не желая встречаться с ним взглядом. — Я... я просто не захотела его надевать.

У него сбивалось дыхание, и он ощущал странную близость слез. Делая невероятные усилия, чтобы держать себя в руках, он налил вина и подал рюмку ей. Она приняла рюмку, не поднимая глаз.

— Энн...

Боги, он вот-вот сломается и опозорит их обоих, расплакавшись на глазах у всех собравшихся! Он качнулся, смело

приблизившись к ней на полшага, не заботясь о том, что это мог увидеть кто-то из присутствующих.

— Энн, я умоляю тебя, скажи мне, что случилось!

Его умоляющий шепот вырвался с силой крика, и наконец она подняла голову.

Ее глаза были опустошенными — и решительными. Он увидел, как из их глубины поднимается ложь, ощущал, как дорого это ей обходится — так, словно эту ложь вырвали из его собственного сердца.

— Ничего не случилось, — ответила она и вздохнула. — Разве тебе не следует занимать эту хорошенькую девочку?

— Эта хорошенькая девочка, — проговорил он, сам услышав, насколько резко звучит его голос, — страшно меня боится. Самое лучшее, что я могу для нее сделать, — это устроить дело так, чтобы нам не нужно было больше встречаться.

Энн осмотрелась и увидела, как к Синтебре с Даавом подходит Лю肯 бел-Тарда.

— Тогда ты не расстроишься, если она достанется Люкену, — заметила она, поднося рюмку к губам.

— Если Лю肯 сможет ее выносить, так пусть берет на здоровье.

Он отвернулся и налил себе рюмку красного вина.

— По крайней мере скажи мне, — попросил он, снова глядя на нее, — намерена ли ты по-прежнему оказать мне честь стать твоим спутником жизни.

Мучительная боль. Кипящая щелочь хлынула на открытую рану его сердца. Он охнул, сжимая рюмку. Комната вокруг него пошла кругом — а потом остановилась. Перед ним было лицо Энн — застывшее, с безнадежными глазами, в которых сверкали слезы.

«Она солжет, — подумал он, едва слыша свои мысли за звоном в ушах. — Боги, если она снова солжет мне, я этого не вынесу!»

Энн резко повернула голову, разорвав контакт их взглядов.

— Я должна попросить Даава, чтобы он представил меня своей сестре, — резко бросила она и без дальнейших церемо-

ний оставила его, двигаясь так плавно, что ее платье почти не шелестело.

Эр Том сделал глоток, чтобы успокоиться... потом еще один... и прошел в зал, старательно играя роль хозяина дома.

Глава тридцать четвертая

Нижние доки порта Солситры — это территория воров, убийц, мошенников и всякого рода преступников. Лишившимся клана и отчаявшимся людям нечего терять, и они всегда готовы отнять у зазевавшегося кошелек — а часто и жизнь.

Из «Путеводителя по Лиад для землянина»

Когда последний гость наконец откланялся, Эр Том беспомощно привалился к стене и провел обеими руками по волосам.

В какой-то момент вечера он потерял Даава из виду. Скорее всего его чалекет просто тихо ускользнул, когда толпа чересчур его утомила. Он помнил, что Энн ушла примерно в середине танцев. Даав, взявший на себя роль ее кавалера, скорее всего удалился вскоре после этого.

Более или менее точно определив, где находятся два самых дорогих для него человека, Эр Том закрыл глаза, стараясь не обращать внимания на рев в ушах, и стал вспоминать эпизоды вечера, сохранившиеся у него в памяти.

У него создалось смутное впечатление, что он выполнил обязанности хозяина дома удовлетворительно, хотя и без блеска. Даав оставался рядом с Энн, и за эту доброту его брат любил его еще сильнее.

Люкен вел юную Синтебру к столу и несколько раз танцевал с нею. Долг требовал, чтобы Эр Том пригласил ее хотя бы на один танец, что он и сделал — после чего ушел, не понимая, как Люкен мог вынести то, что этот ребенок весь вечер цепляется за его руку.

С другой стороны, сказал он себе, откидывая голову на стену, Люкен — человек терпеливый и добродушный. Не-

скрываемого смятения этой малышки было уже достаточно, чтобы он начал о ней заботиться.

Остаток вечера он совершенно не заломнил, если не считать ощущения пронизывающего до костей холода, тошноты и желания расплакаться в самый неподходящий момент.

«Болен, — подумал он, смахивая волосы со лба. — Наверное, я болен».

Ему случалось болеть пару раз — так давно, что он едва мог вспомнить, когда это было, и совершенно забыл все симптомы. Он попытался вспомнить, в какой момент вечера он впервые плохо себя почувствовал — и задохнулся, стремительно выпрямляясь.

Энн.

Он разговаривал с Энн. Энн уже несколько дней была на себя не похожа. Энн лгала ему и без всякой причины отказалась надеть его кольцо. Энн...

«Боги, если Энн заболела...»

Он бросился бежать по коридору, почти бегом, дрожа от страха. Ведь она может лежать без сил, нуждаясь в помощи, а он ничего не знает...

Дверь в Малую гостиную открылась. Его мать сделала один шаг в коридор и подняла руку.

— Пару слов, сударик. Сейчас же.

— Прошу прощения, — пролепетал он, едва понимая, что именно он говорит. — Я должен немедленно найти Энн.

Рука его матери метнулась вперед с прежней скоростью, пальцы сомкнулись у него на запястье, сминая кружево, впиваясь в плоть.

— Не думаю, — угрожающе заявила она.

Несмотря на всю ее неожиданную силу, он мог бы легко разжать ее пальцы. Однако она была родней. Она родила его и отдала другим, чтобы его растили с Даавом йос-Фелиумом, его любимым вторым «я», — и за это он был у нее в долгу.

— Матушка, — мягко проговорил он, оставаясь на том месте, где она его задержала, — у меня есть основания думать, что гостья больна.

— Понимаю, — отозвалась она отчужденно-вежливо. — Очень серьезное дело, согласна. Господин пак-Ора будет от-

правлен, чтобы справиться о здоровье гости. А ты пойдешь со мной.

Секунду ему казалось, что он не послушается, казалось, что он полностью отвергнет Клан, вырвет у нее руку и убежит наверх, к возлюбленной своего сердца.

Однако он ощутил скрытую дрожь в сжимающих его пальцах, увидел глубокую усталость на ее лице и полубезумный блеск в глазах, которые говорили о том, что она держится на одной только силе воли.

— Конечно, — пробормотал он, и они вместе вошли в Малую гостиную.

Петрелла тяжело опиралась на руку своего предполагаемого пленника.

Эр Том усадил ее в кресло у пылающего камина, а потом отошел, серьезно разглядывая столик рядом с ее креслом.

Сверкающие глаза Петреллы впились в его лицо.

— Думаешь, что я не в состоянии сдержать свое слово, а? — огрызнулась она и придинула к себе переговорное устройство.

Приказ справиться о состоянии здоровья гости был отрывисто отдан, и она оттолкнула переговорное устройство от себя.

— Удовлетворены, А-тоделм?

Эр Том поклонился.

— Благодарю вас, матушка.

Она не ответила на это и какое-то время молча сидела, глядя ему в лицо и стиснув подлокотники кресла.

— Землянка-филолог выглядела этим вечером необычайно хорошо, — проговорила она наконец более мягким тоном, чем он ожидал. — Работа Эйлы дэ-Лорн, кажется?

Эр Том ничего не ответил. Несмотря на пламя камина, ему было холодно, страшно холодно. Он не сомневался в том, что от матери не укрылось то, как он дрожит.

— И драгоценности, — продолжила она спустя несколько секунд. — Только Мунел мог придумать золотую веревку с бриллиантами! Позволь мне выразить вам мое восхищение, А-тоделм: вы щедры с вашими любовницами.

Она помолчала, прожигая его взглядом.

— А теперь будьте любезны назначить день этой релюмы, в который вы женитесь на Синтебре эл-Кемин.

Эр Том наклонил голову.

— Я не женюсь на Синтебре эл-Кемин, — сказал он твердо.

— Ни в эту релюмму, ни в какую-либо другую.

— Ах вот как? — Его мать выгнула брови, выражая вежливую заинтересованность. — И почему же, извольте объяснить мне?

— Во-первых, потому, что этот ребенок меня боится.

— Положение дел, — указала ему Петрелла по-прежнему угрожающе мягко, — которое вы этим вечером не пытались изменить. Но я вас прерываю! Если было «во-первых», то должно быть и «во-вторых»! Просветите меня, молю вас.

Его руки были как лед. Он почувствовал, как на лбу у него выступают капли пота. Живот сводило судорогой, в ушах стоял такой шум, что он заглушал рев огня. Эр Том скрипнул зубами и поклонился.

— Филолог Дэвис и я договорились стать спутниками жизни, — проговорил он, с трудом проталкивая слова мимо вставшего в горле кома. — Завтра мы намерены отправиться к Делму.

Молчание. Было только видно, как Петрелла закрыла глаза — а потом снова их открыла.

— Я это запрещаю.

— Вы не можете, — ответил он.

— Ах не могу? — Она подалась вперед, и ее пальцы когтями впились в резные подлокотники кресла. — Напоминаю тебе, что я — Тоделм йос-Галанов. Это я принимаю решения относительно вопросов Семьи, и я решила, что брать землянку в род йос-Галанов не нужно. Зачем нам это делать? Мы — лиадийцы!

— Мы — Корвал! — Выкрик Эр Тома поразил его самого не меньше, чем его мать. — В разнообразии — сила, в единобразии — слабость! Вы читали журналы Канtry...

Он вскинул руки, демонстрируя ей открытые ладони.

— Матушка, вы даже не видели ребенка, который у нас родился, — проговорил он чуть более спокойным голосом. —

Он — умный, отважный и сообразительный. Не менее сообразительный, чем любой член клана его возраста — сообразительнее многих! Почему это может быть плохо? Да ведь клану пригодилась бы и дюжина таких, как он!

— И он еще может их иметь, если я приму решение размножать тебя именно столько раз!

Петрелла поднялась на ноги. В свете огня ее лицо казалось почти совершенно бескровным.

— Матушка...

— Молчать!

Модальность приказа: Тоделм обращается к Члену Семьи. Она пригвоздила его к полу яростным взглядом.

— Тебе запрещено, — заявила она в модальности Безусловного приказа. — С этого мгновения тебе запрещено видеть Энн Дэвис, касаться ее, говорить или думать о ней. Она не для тебя. Тебе приказано назвать день, в который ты женишься на Синтебре эл-Кемин. Немедленно.

— Никогда! — крикнул он. — И что до отказа от Энн, то я не намерен этого делать! Мы — спутники жизни во всем, кроме названия! Завтра утром мы станем спутниками жизни во всем! Вы не можете отменить нашу встречу с Делмом, не можете...

— Я запрещаю этот союз! — зарычала Петрелла. — Упорствовать в нем — роковая ошибка, А-тоделм, если только вы не собираетесь оказаться со своей «спутницей жизни» в Нижнем порту!

Эр Том застыл на месте, крепко сжав зубы. Он посмотрел прямо в глаза матери.

— Мастер-купцу нет нужды отправляться в Нижний порт, — проговорил он, и его интонации были ближе к земным, чем к общепринятым модальностям. — А если вы сочтете нужным поставить под вопрос мою лицензию, тогда я напомню вам, что мастер-пилоту нет нужды идти дальше штаб-квартиры своей Гильдии в Верхнем порту.

Он поклонился.

— Если вы желаете, чтобы было так, сударыня, то так и будет. Я хотел бы — всем моим сердцем, — чтобы все было иначе. Но раз это невозможно, то я сам и мои...

— Довольно!

Это тоже была модальность приказа, но только обращенного к члену Клана Делмом. Эр Том не докончил своей фразы. Даав быстро и бесшумно шагнул в комнату.

— Вы! — Он стремительно выбросил руку в сторону Петреллы. Черные глаза ярко горели на лице, словно выточенном из золота. — Сегодня мы никого не отлучаем от Клана! Вы! — Рука метнулась в сторону Эр Тома, и Кольцо Корвала поймало пламя камина. — Мы никого силком не затаскиваем в Клан. Никогда!

Эр Том вздрогнул было — и снова замер, обожженный взглядом черных глаз.

— Леди сказала мне — сегодня вечером! — что она не желает союза с тобой. Она поклялась в этом, и я ей верю. Игра закончена.

— Нет! — Эр Том стряхнул с себя взгляд Делма. — Я должен увидеть ее, поговорить с ней! Что-то пошло не так, и она...

— Молчать! — приказал Корвал, и Эр Том задохнулся, глядя в черные бездонные глаза.

В камине шумно раскололось полено, выпустив дождь искр.

— Ты пойдешь в свои комнаты, — приказал Глава Корвала, — и будешь ждать Целителя. Энн Дэвис тебе чужая. Я надеюсь, что ты больше не станешь ее тревожить.

Она отвергла его. Его разум запустил эту мысль кольцом, которое стало прокручиваться снова и снова. Энн отвергла его. Энн отвергла его. Энн... Энн.

Его тело пришло в движение, неловкое, одеревеневшее: почтительный поклон Делму, затем еще один, Тоделму. Его ноги начали двигаться, пронеся его мимо Делма и Тоделма, из комнаты, в коридор, по переходам — угольно-черным и обжигающе холодным, пока наконец переход не окончился.

Он обвел взглядом то место, в котором оказался. Посмотрел на заваленный бумагами рабочий стол, на каминную доску, уставленную безделушками с сотни планет, на кресла и кушетку, уютно расставленные у камина, где лежали незажженные дрова.

Он прошел к камину, и его взгляд упал на всплеск красного и золотого среди множества вещиц на камине. Протянув руку, он взял увиденное и застыл, глядя на то, что сжимали его пальцы.

Лоскут красного шелка не длиннее его ладони — вот и все. Лоскут ткани — и обрывок поблекшей золотой ленты, сложный узел которой составлял разваливающийся цветок, через который был заботливо продет красный шелк.

— Энн!

Ее имя было воплем, полным мучительной боли. Он рухнул на колени, держась за кусочек шелка так, словно это был спасательный трос, склонил голову — и заплакал.

— Так. — Петрелла обмякла в своем кресле, дрожа всем телом. Она посмотрела в застывшее лицо племянника. — Надо полагать, что лучше поздно, чем совсем никогда. Меня утешает то, что ты наконец видишь, в чем заключается благо Клана.

— Благо Клана, — невыразительно повторил Даав. Он смотрел на нее сверху вниз, и его глаза были черными и холодными. — Неужели Корвал настолько богат, тетушка, что мы можем изгнать мастер-пилота и отмахнуться от цены? Или в ваши намерения всегда входило, чтобы род йос-Галанов закончился с вашей смертью? Говорите прямо, прошу вас.

— Род йос-Галанов закончился... А! — Петрелла закрыла глаза и позволила своей голове упасть на мягкий подголовник кресла. — Ты слышал, как я угрожала ему Нижним портом, так? Тогда ты слышал и то, как он бредил. Я говорила, чтобы напугать его, чтобы потрясение вернуло ему разум.

— И в обоих намерениях потерпели неудачу, — отрезал Даав. — Он готов был принять ваши условия, сударыня, в тот момент, когда Делм приказал ему замолчать!

Наступило недолгое молчание. Петрелла открыла глаза.

— Полагаю, что ты не разобрался в происходящем, племянник.

— Да неужели? — с горечью откликнулся Даав. — «Тогда я сам и мои...» — вот что он сказал! Неужели я единственный из

нас могу ясно услышать, каким был бы конец этой фразы? — Он поклонился — низко и насмешливо. — Примите мои комплименты, тетушка: вы одним ходом сделали вашего сына бесклановиком и вором.

В глубине своего кресла Петрелла дрожала под натиском боли, которая совсем не походила на ту, что раздирала ее тело.

— Он... болен, — с трудом проговорила она спустя несколько мгновений. — Отвернуться от Клана и последовать за землянкой? Это...

— Мастер Кестра придет к нему завтра. Очень жаль, что она не смогла оказаться здесь сегодня.

Даав отвернулся и стал смотреть в огонь. А потом он резко повернулся обратно!

— Проклятие на вас, упрямая старуха! — воскликнул он. — Почему вы не оставили их в покое? Леди сказала, что не хочет их союза! Она слишком сильно его любит, чтобы вы знали, тетушка, — слишком сильно, чтобы принять от него такую ЖЕРТВУ, как союз с землянкой! Если бы только его мать любила его хотя бы наполовину так сильно! Но вы... Вам обязательно надо было требовать, унижать и доказывать свою власть, каждым ходом игры сея боли!

Он сделал один шаг вперед и остановился, глядя на нее так, словно он был охотником, а она — добычей.

— Леди улетела бы! — крикнул он. — Она добровольно покинула бы нас и попыталась найти хоть какое-то исцеление! Мой брат также обратился бы к Целителям, чтобы ослаить горе, вызванное расставанием с ней. И для обоих в этом была бы честь — и минимум боли.

Он сделал паузу, и Петрелла почувствовала, что снова может дышать, хотя и не осмеливалась отвести взгляда от него.

— И исключительно благодаря вашей мудрости, — договорил он с безжалостным спокойствием, — теперь у нас двое истекают кровью от ран, которые, возможно, никогда не заживут как следует. А наверху ребенок громко плачет и зовет обоих.

Он отвесил ей глубокий издевательский поклон. В полной тишине, воцарившейся в гостиной, был слышен шелест его кружев.

— Хорошего вам сна, тетя Петрелла. Я вернусь завтра.

Она не ответила ему — едва заметила его уход. Она смотрела на огонь — а потом на золу, позволив своему сознанию плыть на волнах боли, пока она не вернулась в то время, когда ее сестра-близнец была жива и перед ними лежала вся жизнь.

Глава тридцать пятая

Сегодня утром Эр Том упал с Дерева.

Я спешу добавить, что все в порядке, хотя, конечно, ему досталось. Но все обошлось сломанными ребрами и вывихнутым плечом — это самые тяжелые из последствий. Вполне в пределах возможностей автв врача.

Не могу точно сказать, как именно получилось, что он упал: Даав смог сообщить мне только то, что они вдвоем «еще никогда не были так высоко». Эр Том тянулся, чтобы лучше увидеть порт, и в этот момент конец ветки сломался под его весом.

Исхлестанный ветвями и потерявший сознание, он приземлился на большой боковой ветке примерно в семи метрах над землей — тебе эта ветка знакома, сестра. Удача дважды была с ним: ребенок не помнит, как падал.

Даав все видел, но не потерял головы: могу поклясться, что он оказался гораздо более хладнокровным, чем я смогла бы остаться в свои восемь стандартных лет! Именно он спустился вниз, вызвал меня с переговоров с господином дэа-Гауссом и показал мне, где лежит Эр Том.

А потом он отказался расставаться со своим чалекет, а дежурил около автв врача, а потом — у его постели. Мне удалось наконец убедить его лечь, пока я подожду вместо него, он мгновенно заснул — но спустя чет-

верть часа проснулся, крича, чтобы Эр Том вернулся. «Назад! Ветка ломается!»

Я пишу эти строки в ожидании Целителя...

Отрывок из частного письма Чи йос-Фелиум,
адресованного Петрелле йос-Галан

Шан вяло взял ее за руку и без своей привычной болтовни пошел с ней по длинному коридору, ведущему к кабинету доктора йо-Керы. К груди он крепко прижал Мыша.

Энн встревоженно смотрела на него. По словам госпожи Интасси, он провел беспокойную ночь: его сон прерывали приступы плача и кошмары. Это выглядело до удивления похоже на ту ночь, которую провела сама Энн, и она ошеломленно гадала, она ли вызвала беспокойство сына, или кошмары сына передались ей.

Она тряхнула головой. «Да уж, боли хватает: каждому достанется его доля». Наверняка ночь Эр Тома прошла не лучше: она помнила, какой был у него взгляд, когда он умолял ее сказать ему, что случилось.

«Энни Дэвис, надеюсь, ты соображаешь, что делаешь».

Однако, открывая замок двери доктора йо-Керы, она постаралась убедить себя в том, что другого выхода у нее нет. К этому времени Даав уже должен был сказать Эр Тому, что Энн солгала, пообещав стать его спутницей жизни. Эр Том, конечно же, не сможет простить такой лжи, такого удара по его меланти. Конечно, он последует за ней: но он все равно последовал бы за ней, как только обнаружил исчезновение Шана. К тому моменту как Эр Том ее нагонит, она намерена была оказаться в пределах юрисдикции Земли.

— Ма? — Шан поднял на нее серебристые глаза с припухшими веками. — А где Мирада?

О боги! Она уронила свой тугу набитый портфель и опустилась на колени, крепко притянув к себе тельце сына.

— Мирада не может ехать, Шанни, — прошептала она, прижимаясь щекой к его волосам. — Он нужен своему Клану.

Его руки обвились вокруг ее шеи. Она услышала, как он вздохнул, а потом спросил:

— Нам остаться здесь? С Мирадой?

— Нет, малыш, — прошептала она и закрыла глаза, чтобы удержать слезы. — Мы поедем домой — навестить дядю Дикки. Погостим у него долго-долго.

Она мельком подумала о своей работе на Университете. Можно попрощаться с надеждой стать штатным профессором. Ну что ж: наверняка она сможет устроиться на работу на Новом Дублине. Она сможет стать переводчиком в порту или преподавать стандартный земной в какой-нибудь частной школе.

Или выращивать овец. Она крепче обняла сына.

— Я люблю тебя, Шанни.

— Люблю тебя, ма. — Он чуть отодвинулся от нее и поднял ладошку к ее лицу. Его пальцы стали влажными от слез. — Грустно.

— Грустно, — повторила она срывающимся голосом и постаралась улыбнуться, но улыбка казалась совершенно неподходящей к ее лицу. — Мы снова будем счастливы. Обещаю.

Она встала и посадила его на стол. Подняв с пола Мыша, она устроила его у Шана на коленях.

— Я сейчас вызову такси, — сказала она ему, — и мы сможем уехать в порт.

Ей понадобилось несколько минут и некоторая изобретательность, чтобы освоить университетскую систему связи, но в конце концов она смогла выйти на внешний канал и сделать нужный вызов. Ей было обещано такси через пятнадцать минут, у боковой площадки, как она и попросила. Энн кивнула сама себе и отключила комм, а потом в последний раз обвела взглядом уютный кабинет доктора Йо-Керы, полный всякой всячины.

В океане муки боль от незаконченной работы и вынужденного отказа от поиска утраченного подтверждения было еще одной едкой каплей. Джин Дел Йо-Кера был ее другом постоянно, на протяжении дюжины лет. По-своему, она его любила. Боги свидетели, она обязана ему очень многим — и ей никогда с ним не расплатиться. Оставить его вот так — когда его исследование в беспорядке, чтобы память о его блеске померкла в умах его коллег...

Она покачала головой, запрещая себе слезы, из-за которых набитые книгами полки стали превращаться в калейдос-

коп разноцветных пятен. Отвернувшись от полок, она остановилась взглядом на плоской фотографии трех аусов на овцеводческой станции: Милдред Хиггинс, Салли Браннер, Джексон Рой. Они производили впечатление людей сильных и прямых — и улыбались ей из своей потертой рамки. Люди, не видевшие ничего странного в том, чтобы учить лиадийского филолога стричь овец.

Плоская фотография чуть сморщилась, словно кто-то недавно вынимал ее из рамки, а потом установил недостаточно тщательно. Потом Энн пришло в голову другое объяснение: возможно, фотография настолько старая, что бумага начала распадаться. На секунду ей захотелось снять рамку со стены и аккуратно разгладить фотографию. Качая головой и удивляясь собственной импульсивности, она снова повернулась к Шану.

— Пора идти, паренек, — сказала она, ставя его на пол. — Теперь держи Мыша покрепче.

Она подняла с пола свой портфель, крепко взяла сына за руку и вышла в коридор.

Шан пронзительно взвизгнул и тут же замолк, а его пальцы у нее в руке вдруг стали ледяными.

Фил Тор Кинрэ закончил свой поклон и холодно улыбнулся, удерживая ее взгляд.

— Филолог! Как удачно, что я с вами встретился. Нам надо о многом поговорить.

Энн наклонила голову и позволила себе говорить с чуть заметным раздражением.

— Увы, сударь, сегодня я не могу с вами беседовать. Мне нужно в порт.

— Тогда мне вдвойне повезло, — произнес он странно монотонным голосом. — Я тоже направляюсь в порт. Позвольте мне вас довезти.

— Нет, спасибо. Меня ждет машина.

Она попыталась пройти мимо него, но он неожиданно загородил ей дорогу. Пистолет у него в руке совершенно не дрожал. И он направил его на Шана.

— Похоже, вы не поняли ситуацию, филолог, — сказал он, и это была модальность вышестоящего к нижестоящему. — Вы позовите мне довезти вас до порта. Вы будете полностью под-

чиняться моим приказам. Если вы этого не сделаете, то я обязательно нанесу повреждения... вот этому.

Пистолет чуть заметно пошевелился, указывая, что речь идет о Шане.

— Он же только ребенок! — медленно проговорила Энн.

Фил Тор Кирэ наклонил голову.

— Совершенно верно. Извольте идти в эту сторону, и прошу вас не делать никаких глупостей.

Он пришел в себя в сером предрассветном освещении. Он лежал лицом на каминном коврике, сжимая в руке потрепанный лоскут красного шелка и поблекший, растрепанный бант.

Все тело у него удивительно болело, но это не имело значения. Его ум был совершенно ясным.

Он видел сны.

Это были непонятные, полные горя видения, облекавшие самые простые вещи в хитроумные, чужие опасности, так что его тошнило от глубокой растерянности, а голова готова была расколоться.

Время от времени у него требовали плату, и он отдавал то, что просили: свое кольцо, свое состояние, свой покой. В ответ ему обещали благополучный переход через окружавшие его опасности. Ему обещали любовь, меланти — и возвращение покоя.

Сборщик пошлин потребовал у него сына.

— Это мой сын, Эр Том! — воскликнул он с таким чувством, словно у него заново разбилось сердце. — Он — гражданин Земли! Твой Клан не хочет знать, твоему Клану нет дела!

Он закрыл лицо руками и громко заплакал.

— Я вернулась домой, — прошептал он растерянно, — а вас не было...

Совершенно проснувшись, в здравом уме и с полным спокойствием, он перевернулся на спину, не обращая никакого внимания ни на протестующие мышцы, ни на свой наряд. Он смотрел на залитый серым светом потолок и размышлял о собственной глупости.

Конечно, Энн не важно было, какое место Шан займет в Семье: для этого надо было думать по-лиадийски. Чтобы ду-

мать по-земному — чтобы думать, как Энн, — необходимо было взвесить ответы на такие вопросы и найти в них доказательство, что мужчина, которого она попросила заботиться о ее меланти — мужчина, которого она любила так сильно, что не могла допустить его жертвы, — намеренно обманул ее, украл ее ребенка и поместил его вне ее досягаемости. Навсегда.

А потом этот же человек делает свое предложение, и испуганная Энн мгновенно оказывается участницей игры — настолько сложной, что даже опытный игрок почувствовал бы себя неуверенно.

Мужчина предлагает союз спутников жизни — он лжет? Он ведь уже единожды солгал, не так ли? Предположим, что он лжет: этого требует необходимость. Солжем ему в ответ — чуть-чуть. Даже лучше: позволим ему обмануть самого себя. Будем тянуть время, будем ждать одной слабой возможности вырваться на свободу.

Она сыграла хорошо — блестяще для человека, не привыкшего к подобным играм. Однако даже необходимость не смогла заставить ее лгать до конца. Честь не позволила ей надеть кольцо, которое он ей подарил.

Лежа на полу, он пытался понять, знала ли она, что ее откровенный разговор с Даавом закончится именно так: что Эр Том будет благополучно нейтрализован, а ее путь от детской до космопорта окажется свободным. Это казалось достаточно правдоподобным.

Он вздохнул и беспокойно подвигал головой из стороны в сторону.

Удобный момент Энн приходится на сегодня — на это утро. Она им воспользуется — не может не воспользоваться, иначе вся игра окажется напрасной. У него создалось впечатление, что она попытается купить перелет на драгоценности Мунела — и это предприятие может оказаться более трудным, чем ей представлялось.

Ему было совершенно ясно, что нужно делать. Он лишь на секунду подумал о брате — но, похоже, он уже был не в состоянии ощущать новую боль. Скоро должна появиться Целительница: когда это произойдет, она должна найти только пустую комнату.

Он встал на ноги, чуть морщась из-за болезненного протеста всех мышц, и отправился в душ, на ходу избавляясь от нарядного костюма.

Горячий душ немного умерил мышечную боль. Эр Том надел простые добродетельные брюки, простую рубашку и удобные полусапоги. В каждом каблуке было спрятано по кантре.

Ремень, который он продел в пояс, скрывал между слоями кожи две дюжины кантр, а искусно изготовленную серебряную пряжку можно было продать либо по стоимости металла, либо как художественное произведение.

Из сейфа он достал другие виды денег: земные монеты, связки раковин и малахита, грубо ограненные драгоценные камни. Их он распределил по нескольким потайным карманам своего костюма. Когда он закрывал сейф, там оставалось еще в десятки раз больше денег, чем он оттуда вынул.

Он засунул руки в рукава кожаной пилотской куртки и почувствовал, как она тяжело легла на его плечи. Между двумя слоями подкладки были защиты монеты, а еще одна порция монет оттягивала нижний край.

Он коснулся шкатулки для драгоценностей, нахмурил брови, но потом принял решение их не брать. Придвинув к себе вторую шкатулку — меньшего размера, — он достал оттуда пистолет.

Умело раскрыв зарядник, он проверил его, снова собрал оружие и спрятал во внутренний карман. Дополнительные пули отправились в еще не занятые карманы. Закрыв шкатулку, он аккуратно вернул ее на место.

Так. Он осмотрел комнату, еще раз пересматривая свой план.

Первой целью Энн должен стать отлет с Лиад. Таким образом, он должен найти ее в порту. Необходимость может требовать, чтобы она увезла своего сына, но она любит Эр Тома йос-Галана. Он твердо это знал. Она разрешит ему приблизиться настолько, чтобы он мог с ней говорить, — настолько, что он сможет до нее дотронуться.

Оружие оттягивало его карман, словно тяжелый камень. Секунду он ненавидел его с остротой, которая должна была

бы поразить его самого, — а потом отбросил это чувство. Ему следует спешить. Очень скоро здесь появится Даав с Целительницей.

По-пилотски стремительно он вернулся в гостиную и широко распахнул окно. Дверь осталась незапертой: он не стал трудиться ее запирать или менять код доступа. Такая тактика не задержит Даава надолго. Лучше всего скрыться — и как можно скорее.

Он разрешил себе бросить один взгляд на Джелаза Казон, высоко и ровно вздымающееся на другом конце долины: видимое свидетельство любви Канtry йос-Фелиум к Джеле, своему напарнику и отцу своего ребенка. У него защипало глаза от слез. Он смахнул их с лица, перекинул ноги через подоконник и начал карабкаться вниз.

Даав бросился к открытому окну. Сердце его готово было выскочить из груди.

«Боги, нет! Он не стал бы...»

Но искаленное тело его брата не лежало на дорожке, далеко внизу. Более того — несколько более спокойное рассмотрение лозы, которая вилась вдоль окна и внизу, позволило обнаружить раздвинутые листья, оторванные побеги и смятые цветы: именно такие повреждения может оставить человек, который слезает вниз.

Даав выругался — хотя скорее с облегчением, чем с гневом. Путь вниз по отвесной каменной стене был просто ужасающим, а лоза не смогла бы задержать падения.

— Однако он не упал, — заметила мастер-Целитель Кестра позади него. — Так что попрошу вас отбросить этот страх.

Он повернулся к ней и низко поклонился.

— Приношу мои извинения, мастер-Целитель. Похоже, у моего брата появились... дела вне дома.

— И очень срочные дела, — согласилась она в своей суховатой манере.

Затем она прошла к каминному коврику и нагнулась, чтобы поднять лоскуток красной материи и обрывок золотой ленты.

— Комната, — пробормотала она, и с ее лица исчезла привычная суровость: она сосредоточилась на оттенках чувств, которые находились вне сферы обычного восприятия. — Комната говорит мне о глубоком страдании. О двух людях, раненных, однако борющихся за понимание... за разрешение...

— Двух? — резко вопросил Даав.

Эр Том не мог настолько пренебречь его приказом, чтобы... Принесшийся из окна ветерок посмеялся над этой мыслью. Мастер Кестра у камина нахмурилась.

— Два? Конечно... Нет. Нет, похоже, вы совершенно правы. Три человека. Но ведь один из них... ребенок? Довольно исключительный ребенок. Думаю, мне было бы интересно познакомиться с этим ребенком.

— Такое намерение существовало, — отозвался Даав.

Тем временем его мозг лихорадочно работал, складывая деталь за деталью, пока у него не получилась примерная картина того, как все должно было происходить.

«Леди не пожелала уехать без ребенка, — понял он с ледяным спокойствием. — А Эр Том не пожелал остаться без леди. Если мне повезет, то я догоню их в порту».

— Мастер-Целитель, мне срочно необходимо оказаться в другом месте.

Она оторвалась от своего изучения камина и адресовала ему лениво-насмешливый взгляд. Все это время она бесцельно крутила в изящных руках красное с золотом украшение.

— Ну так идите. Я буду ждать вашего возвращения.

Даже не поклонившись, он исчез, двигаясь с максимально доступной ему быстротой.

Еще через несколько минут в открытое окно донесся шум отъезжающего автомобиля, который быстро стих вдали.

Целительница уселась на каминный коврик, подобрав ноги под себя. Ее взгляд был мечтательным и чуть сонным. Разглядев потрепанный дар любви на ладони, она закрыла глаза и подготовилась слушать.

Глава тридцать шестая

Оказаться вне клана — значит умереть для клана.

Из Лиадийского Кодекса достойного поведения

По дороге в порт Солситры Энн один раз заговорила, предложив взявшему их в плен лиадийцу драгоценности, лежавшие у нее в портфеле, — в обмен на их освобождение.

— Я не отличаюсь терпением, филолог, — ответил Фил Тор Кинрэ, не удостоив ее взглядом.

Энн сидела на коротком и тесном сиденье, ударяясь плечами о затмненное окно. Обхватив руками сына, она пыталась думать.

Стрельба в цель была обязательным предметом в программе Академии музыки. Она так и не свыклась с оружием — и перестала носить его при себе, как только вернулась на Новый Дублин.

Конечно, она посещала обязательные курсы самообороны, которые устраивались для членов факультета с перерывом в один семестр. Однако она холодела от одной только мысли о том, что ей предстоит отнять оружие у явного профессионала, позабывшись при этом, чтобы он не застрелил ее ребенка.

Возможно, такой шанс представится ей тогда, когда они выйдут из машины. Если ей удастся оказаться между Шаном и пистолетом... Сидевший у нее на коленях Шан повернулся, чтобы уткнуться лицом ей в грудь.

Он не издал ни звука после испуганного вскрика там, в коридоре. Это было уже много минут и миль тому назад. Энн прижалась щекой к его волосам и молча начала гладить. Она слышала отголоски его страха, и ее мышцы напрягались в ответ на его испуг.

«Не смей! — решительно приказала она себе. — Ради всех богов, девица, не накручивай себя и его. Паренек и так сильно испуган, а тебе нужна вся твоя соображалка».

Она закрыла глаза и заставила себя увидеть Эр Тома таким, каким он был на Университете, после того, когда они

договорились, что Шан полетит на Лиад. Именно тогда они смогли чувствовать себя друг с другом непринужденно. Она думала о его спокойном юморе, его заботливости и предупредительности. Она представила себе, как он сидит прямо на полу, участвуя в строительстве башни из кубиков. Она представила себе, как он сажает Шана себе на колени, рассказывая ему сказку своим мягким, негромким голосом...

У нее на коленях Шан немного расслабился, и впившиеся в ее рукав пальчики чуть ослабили свою хватку. Энн упрямо думала о приятных моментах — и ей вдруг показалось, что она видит его перед собой: волосы ярче золота, лиловые глаза под разлетающимися бровями. Эта мысленная картина становилась все ясней, пока ей не стало казаться, что ей довольно только протянуть руку — и она ощутит шелковистую кожу его старой куртки, нащупает новый шрам у плеча, еще раз прикоснется к его щеке...

Машина остановилась.

Она села прямее, Шан у нее на коленях снова напрягся. Может быть, сейчас...

Дверь распахнулась. Фил Тор Кинрэ нырнул в машину, схватил Шана за руку и стащил его с колен Энн.

— Ma! — крикнул мальчик, а потом резко замолчал.

Энн стремительно выпрыгнула из машины — и замерла, глядя на пистолет.

— Прекрасно, — заявил мужчина без всякого выражения. — Будьте любезны прихватить свой портфель, филолог. Если ребенок издаст еще хоть один звук, он об этом пожалеет. Объясните ему это.

Энн судорожно облизала губы и посмотрела в широко открытые серебристые глаза сына.

— Шанни, — сказала она, заставляя свой голос звучать твердо и ровно, — тебе нужно вести себя очень тихо. Хорошо?

Он слотнул и кивнул, отворачиваясь от мужчины, который его удерживал. Энн протянула руку в машину и вытащила свой портфель.

— Прекрасно, — повторил Фил Тор Кинрэ и чуть двинул пистолетом. — Сюда, филолог.

Они оказались в проулке — узком, грязном и пустынном. Энн миновала два пустых магазина и, повинуясь движению пистолета, свернула в третий. Мужчина обогнал ее и плечом открыл дверь, затащив Шана в сырой вестибюль. Там он указал пистолетом на хлипкую винтовую лестницу.

— Наверх.

Она послушно стала подниматься наверх, осторожно ступая на низкие ступеньки. Тайным уголком сознания она слышала безмолвные рыдания сына.

Лестница привела их к еще одной двери — эта оказалась чуть приоткрытой.

— Заходите.

Энн открыла дверь шире и вошла внутрь. Позади нее дверь закрылась — и защелка громко лязгнула.

Сидевшая за пультом женщина стремительно повернулась в рабочем кресле и так резко встала, что ее многочисленные серьги зазвенели.

— Космос, да это же землянка йос-Галана! — Жесткий седой взгляд скользнул мимо Энн. — И полукровка. Ты спятил?

Фил Тор Кинрэ с небрежной жестокостью оттолкнул Шана к Энн и прошел в комнату, передернув плечами.

— Какое мне дело до того, что йос-Галан держит коров?

— И настолько небрежен, что их теряет, — согласилась женщина, приглаживая коротко остриженные волосы рукой, на которой блестел аметист кольца мастер-купца. — Ну ладно. Однако этот ребенок принадлежит Корвалу, друг мой, и если ты считаешь, будто Дракон не разгромит порт до основания, чтобы его найти, то ты действительно сошел с ума!

— Но их в порту нет, мастер вен-Эпон, — объяснил Кинрэ своим монотонным голосом. — Они в университете.

— О, да неужели? — Жесткий взгляд скользнул по лицу Энн. — Это может получиться, — признала она. — Хочу надеяться, что никто не видел, как вы их увозили. — Выражение ее лица изменилось. — И надеюсь, что вы позволите их найти также далеко отсюда. Мне не нужны неприятности с Корвалом, покорно вас благодарю. Йос-Галан уже оказал мне честь назвать мое имя перед Гильдией, шрам ему на лице!

Кинрэ воззрился на нее.

— Если я пожелаю оставить их здесь, то надеюсь не услышать от вас ни слова, мастер.

— Хотите заставить меня убирать за вами? — возмутилась щуплая лиадийка, прижимая обе ладони к крышке стола. — Сами за собой прибирайтесь, нечистый вас побери!

Человек с пистолетом равнодушно посмотрел на нее.

— Мне помнится, что вы получили щедрую плату.

— И отрабатывать мне ее пришлось весьма усердно! — парировала женщина. — Я же говорю вам: меня вызывают в Гильдию! А что, если я отмоюсь и продемонстрирую достойным купцам способ, с помощью которого покупается лицензия мастера?

— Хотите спеть эту песенку? — без всякого выражения спросил он. — Но птички живут так недолго, мастер вен-Эпон.

Он небрежно повел дулом пистолета.

— Я зайду заднюю комнату и рассчитываю, что меня не побеспокоят.

Пистолет снова был наставлен прямо на Энн, которая прижимала к себе Шана и гладила его по голове.

— Очень трогательно. Сюда, филолог. — Вытянув руку, он оттащил Шана от нее, ухватив за воротник курточки. — Захватите свой портфель.

Энн не пыталась продать драгоценности самому Мунелу, не видели ее и на Бирже Драгоценных камней. Эр Том сомневался, чтобы она знала менее приличные заведения на границе Верхнего и Нижнего портов. И к тому же там ей не дали бы той суммы, которая ей необходима.

Она не обратилась к нему с просьбой о деньгах: не исключено, что это следует считать ошибкой в игре. Ведь было бы очень просто напомнить ему о том, что ее кошелек слишком тощий. Он моментально опустошил бы свои карманы. Между спутниками жизни так принято.

Но Энн — размышлял Эр Том, стоя на углу Биржевой улицы, — Энн сочла бы такую просьбу непорядочной, а сами деньги — грязными, обесцененными обманом.

Пытаясь придумать, где теперь можно ее искать, он засунул руки в карманы и содрогнулся, когда пальцы одной из них прикоснулись к пистолету.

«О боги, любимая, неужели другого пути нет?»

Но что поделать: Энн выбрала их дорогу, и поменять выбор невозможно. А поскольку он привязан к ней шелковой паутиной любви и лжи, то теперь ему придется следовать за ней.

Эр Том сошел с тротуара и пересек оживленную улицу, направляясь к своей машине и гадая, куда могла поехать Энн. Хмурый и сосредоточенный на своих мыслях, он приложил руку к пластине дверцы — и вдруг резко повернулся, не сомневаясь в том, что кто-то окликнул его по имени.

Улица позади него оказалась почти пустой. Никто не стоял рядом, приветственно подняв руку.

Он снова услышал оклик, на этот раз чуть громче. Да, его звали по имени, и голос доносился, похоже... с востока. У границы портов.

Затаив дыхание, он нырнул в машину, включил двигатель — и застыл в ожидании, напрягая слух, хоть и понимал, насколько это глупо. Когда зов раздался снова, он тронулся с места и последовал за затихающим эхом, доносившимся сквозь шумный говор внешнего мира.

— Будьте любезны отдать поддельные доказательства, связывающие лиадийский язык с земным.

Энн настороженно следила за Фил Тором Киррэ. Пистолет по-прежнему был направлен прямо на нее, но он хотя бы позволил Шану сесть рядом с ней на жесткую деревянную скамью. Плач, раздававшийся у нее в подсознании, прекратился, сменившись каким-то усталым отупением.

— Если они поддельные, то зачем вам с ними возиться? — спросила она похитителя.

Он невозмутимо встретил ее взгляд.

— Я коллекционирую ложь, филолог. Это мое призвание. Отдавайте мне материалы или платите. Извольте понять, что я могу получить от вас любую плату, какую пожелаю. Вспомните об уничтожении факультета лингвистики на Универси-

тете и поверьте мне. — Он снова пошевелил пистолетом. — Доказательства, филолог. Немедленно.

— У меня их нет, — ответила она, глядя прямо в пугающие бесстрастные глаза и сосредоточив всю силу воли на том, чтобы заставить его этому поверить.

— У Джин Дела йо-Керы они были, — ответил он.

— Так мне кажется. Однако в его записях центрального довода не оказалось. Я решила, что он может находиться у него в компьютере, но не смогла его найти. — Она кивком указала на свой портфель, прислоненный к стене. — Я переписала себе все его данные. Диск у меня в портфеле. Вы можете взять его себе.

— Неужели могу? Но как же вы добры! Однако меня не интересуют отрицательные результаты, филолог. Я предлагаю вам еще одну возможность сотрудничать со мной: отдайте мне основной довод Джин Дела, этот шедевр заблуждения, который пытается привязать Лиад и Землю к общему праязыку.

Тело ее сына было факелом, обжигавшим ее бок, его присутствие у нее в голове — будильной дремотой. Она посмотрела прямо в глаза похитителя, и в их глубинах увидела смерть Джин Дела йо-Керы.

— У меня нет такой информации.

— Понятно. Мне представляется, филолог, что вы не до конца осознали, насколько уязвимо ваше положение. Возможно, вам нужна демонстрация.

Голос больше не окликал его по имени.

Эр Тому, стремительно и ловко пробиравшемуся по все более узким улочкам порта, казалось, что теперь его ведет уже не голос, а принуждение. Он повиновался ему — и вскоре остановил машину у въезда в проулок, сразу позади еще одного, неприметного и чуть потрепанного автомобиля.

Он вышел из машины и прошел совсем немного. Ему потребовалось меньше минуты на то, чтобы заставить входную дверь впустить его в помещение, после чего он, не теряя времени, поднялся по шаткой лестнице.

Джил вен-Эпон стремительно обернулась на звук распахнувшейся двери, и ее рука метнулась к пистолету, лежавшему наготове на столе, — но опоздала.

Пистолет Эр Тома был уже извлечен и наставлен — с прискорбной для нее точностью — прямо в центр ее лба.

Энн попыталась преградить мужчине дорогу своим телом — и заработала за это удар кулаком в плечо. Он попытался схватить Шана.

Мальчик отшатнулся к стене, и его ноги в мягких сапожках брыкнули мужчину в лицо.

— Мирада! — завопил он истерически. — Мирада! Мирада!

Фил Тор Кинрэ выругался и сделал новую попытку его схватить. Крючковатые пальцы потянулись к нежному горлу ребенка. Энн вывернулась, отбросила мужчину назад и ударила локтем так, как ее учили.

Одного удара достаточно, чтобы перебить человеку дыхательное горло. Кинрэ камнем рухнул на пол. Он еще падал, когда Энн выхватила у него из руки пистолет и притянула Шана к себе.

— Тише, малыш. Тише. Ладно?

Уткнувшись носом ей в плечо, он кивнул. Энн прижимала его к себе, лихорадочно соображая, что делать. Женщина в соседней комнате: надо быть готовой к тому, что ее тоже придется убить. Энн судорожно сглотнула, ощущая вес пистолета. Его пластиковая рукоять была еще теплой от руки Кинрэ.

— Шанни, послушай меня. Ты слушаешь?

— Да.

— Ладно. Я на минутку выйду. Ты должен оставаться здесь. — «С мертвцом на полу, Энни Дэвис?» — Я вернусь через минуту, и тогда мы уйдем. — «Если богам будет угодно». — Обещай мне, что останешься здесь, пока я за тобой не вернусь.

— Обещаю, ма.

— Хорошо. — Она крепче обняла его. — Я люблю тебя, Шанни.

Предупреждения почти не было — едва слышные шаги за дверью. Энн стремительно вскочила, заслоняя собой сына, подняв пистолет.

Дверь распахнулась.

— Мирада!

Эр Том стремительно скользнул взглядом по ней, успел увидеть Шана и останки Фил Тора Кинрэ на полу. Он убрал свой пистолет и протянул руку.

— Давайте уходить. Быстро.

Эр Том держал портфель, Энн несла Шана — и не могла точно сказать, чью дрожь она ощущает: его или свою собственную.

Они прошли через комнату с пультом. Беглый взгляд сказал Энн, что на полу и за столом нет окровавленного трупа. Она слглотнула странную смесь тошноты и облегчения, вспомнив о том, что осталось на полу в задней комнате.

— Как ты здесь оказался? — спросила она Эр Тома.

Собственный голос показался ей каким-то тусклым.

Он адресовал ей быстрый взгляд лиловых глаз.

— Я услышал твой зов.

— О! — Она судорожно глотнула воздух, крепко прижимая к себе Шана. — Мы улетаем с Лиад, Эр Том.

— Да, — отозвался он, первым начиная спускаться по не надежной лестнице. — Знаю.

Сойдя с последней ступеньки, он повернулся к Энн.

— Тебе и нашему сыну необходимо как можно скорее получить помошь Целителя. Поэтому нам следует забронировать билеты на «Челду», которая улетает сегодня во второй половине дня. В ее экипаже есть Целитель. После того как мы будем достаточно далеко, можно будет поменять место назначения.

Она остановилась, изумленно моргая глазами, устремленными в его прекрасное, любимое лицо.

— Мы?

Он встретил ее взгляд — и его лицо было полностью открыто ей.

— Если ты мне не откажешь.

Если она ему не откажет?! Энн осторожно перевела дух, остро ощущая, как у нее на руках дрожит Шан.

— Нам необходимо поговорить, — сказала она.

Эр Том чуть поклонился.

— Да, необходимо. Давай сядем на «Челду». Целители позаботятся о тебе и нашем сыне. Мы поговорим. Обо всем, даю тебе слово. И если после этого ты решишь, что нам следует идти разными путями, я больше не буду тебя беспокоить.

Он неуверенно протянул руку.

— Ты можешь поверить мне в этом, Энн?

Она легко прикоснулась кончиками пальцев к его руке.

— Да.

— Хорошо, — серьезно проговорил он. — Тогда давай уйдем отсюда.

Глава тридцать седьмая

В том случае, если клан теряет своего члена в результате действий человека, не имеющего родственных связей с этим кланом, то назначается цена возмещения. Такая цена справедливо учитывает род деятельности, возраст и положение в клане того человека, который был потерян. Приложенная таблица впредь должна служить эталоном, по которому все кланы будут вычислять данную цену возмещения.

Из Хартии Совета Кланов,
пятое исправленное издание

— Да, я понял. — Целитель аккуратно сложил руки у себя на коленях. — Для ребенка — забвение. И для вас также, если вы этого пожелаете, леди.

Энн обнаружила, что смотрит в яркие карие глаза.

Она нахмурилась, пытаясь привести в порядок мысли, которые казались замороженными и неуклюжими. Эр Том

взял на себя все разговоры в кассе, легко расправившись с тем, что Энн туманно восприняла как гору бюрократических проблем. Он забронировал для них каюту-люкс на борту «Челды» — она помнила, как он сообщал ей об этом. Но сейчас она не в состоянии была вспомнить, говорил ли он ей еще что-нибудь.

Подумав немного, она решила, что они вполне могли уже находиться на «Челде», в том самом люксе, который забронировал Эр Том, хотя полет на шаттле совершенно испарился у нее из памяти. Единственное, что она помнила совершенно ясственно, — это ту сцену в задней комнате в порту, где она убила человека и оставила его лежать на полу...

Целитель смотрел на нее, склонив голову к плечу. Лицо у него было внимательным и дружелюбным.

— Забвение, — едва сумела выговорить она, отстраненно заметив, что голос у нее сильно дрожит. — Вы можете заставить Шана забыть то, что случилось?

Целитель наклонил голову.

— Без всякого труда, леди. Мне это сделать?

— Так было бы лучше всего, — тихо проговорил рядом с ней Эр Том.

Она крепко прижала Шана к своей груди.

— Да, — неуклюже согласилась она. Мертвец все так же маячил перед глазами. — Если вы будете так добры.

— Прекрасно. — Он встал на ноги — крошечный человечек с копной кудрявых седых волос — и протянул руку. — Нам надо остаться одним, мне и Шану. Это не займет много времени.

Шан у нее на коленях сел прямее и устремил на крошечного мужчину потухшие серебряные глаза. А потом он вдруг зашевелился, пытаясь высвободиться из рук Энн.

— Красивые искорки! — объявил он, протягивая руку к Целителю. — Покажи мне.

Целитель улыбнулся:

— Обязательно.

Шан снова начал извиваться — и Энн разжала руки. Сын соскользнул у нее с колен и схватил Целителя за руку. Вдвоем они исчезли в соседней комнате.

— Энн? — В голосе Эр Тома звучала тревога. Она повернулась к нему. — А ты тоже примешь забвение?

Забыть... Ей хотелось забыть — отчаянно хотелось. Больше всего ей хотелось забыть то последнее мгновение, когда ее тело начало действовать независимо от сознания и... она убила человека. И она сделала это намеренно. Он угрожал жизни ее сына — и ее собственной. Он убил Джин Дела йо-Керу — он сам в этом признался — и разрушил здание факультета, когда только по счастливой случайности никто не погиб...

— Энн!

Эр Том положил ладони ей на плечи.

Она поняла, что ее сотрясает дрожь, и бросила на него испуганный взгляд.

— А что случилось... случилось... с мастер-купцом?

Его пальцы разминали ей плечи, и их движения устанавливали ритм, противодействовавший ее дрожи.

— Она не должна тебя заботить.

— Ты ее убил.

— Нет. — Он снял одну руку с ее плеча и нежно приложил к ее щеке. — Это не понадобилось. Она убежала.

Он тихо наклонился и прижался губами к ее губам, нежно, с невероятной теплотой.

Слезы хлынули у нее из глаз. Она рванулась вперед, уткнувшись лицом ему в плечо и крепко обняла его за пояс. Дрожь стала неудержимыми содроганиями, слезы перешли в рыдания, которые вырывались сквозь стиснутые зубы.

Эр Том обнимал ее, гладил ее по голове, по открытому затылку. Он говорил на низком лиадийском, восхищаясь ею, любя ее. По правде говоря, он едва замечал, что именно говорит, — знал только, что эти слова изливались из его души. Казалось, что звук его голоса ее успокаивает.

Буря прошла — неожиданно быстро, несмотря на ее силу. Дрожащая Энн обмякла у него в объятиях, прижавшись щекой к его плечу.

— Запомни за меня одну вещь, — хрипло попросила она, и тепло от ее дыхания коснулось его шеи.

Он еще раз погладил ее по голове.

— Что я должен буду вспомнить?

— Этот... Фил Тор Кинрэ. Ему нужно было основное доказательство — тот материал, которого не хватало в работе доктора йо-Керы. Я знаю... кажется, я знаю, где оно. — Она судорожно вздохнула. — Оно за плоской фотографией с... с овцеводами-аусами. У него в кабинете. Запомни это, Эр Том.

— Я не забуду, — пообещал он ей.

— Спасибо.

Она вздохнула и снова положила голову ему на плечо. Казалось, она стала немного спокойнее, хотя все еще продолжала дрожать.

Дверь соседней комнаты открылась. Целитель заговорил с непринужденностью человека, для которого в жизни почти не бывает неожиданностей.

— Ребенок спит. Если леди пройдет со мной, я посмотрю, чем ей можно помочь.

Она пошевелилась и убрала руки с его пояса. Эр Том сделал шаг назад, взял ее за руку и помог встать. Продев ее руку в свою, он довел ее до двери и передал Целителю.

— Я буду с тобой, — сказал он, с улыбкой глядя в ее любимое и измученное лицо, — когда ты проснешься.

Она ответила ему неуверенной улыбкой.

— Ладно, — пробормотала она и разрешила Целителю себя увести.

По лицу Целителя было заметно, как много сил ему пришлось затратить. Он с непрятворной благодарностью согласился выпить рюмку вина и со вздохом опустился в придвижное кресло.

Эр Том сел напротив него, пригубил вино — и отставил рюмку в сторону.

— Очень удачно, — проговорил Целитель, сделав пару глотков, — что ими удалось заняться спустя столь недолгое время после происшествия. Я не предвижу каких-либо осложнений для ребенка. Когда он выйдет из транса, воспоминание будет совсем смутным, как сон, а в течение следующих двух-трех дней полностью исчезнет.

Леди, на мой взгляд, сможет вспомнить все случившееся, если будет существовать необходимость. У нее дисциплинированный ум и очень сильная воля. Если ей будет трудно сосредоточиться или появятся нарушения сна, сразу же обращайтесь ко мне. Я почту за честь ей помочь.

Эр Том наклонил голову.

— Я благодарю вас.

— Рад служить, — официально ответил Целитель и снова подкрепил силы глотком вина.

— Ребенок... — сказал он затем и посмотрел в глаза Эр Тома. — Возможно, ваша милость не знает, что ребенок представляет собой нечто необыкновенное. Было бы разумно, если бы его в самое ближайшее время показали... мастер-Целителю или отвели в представительство гильдии.

Эр Том еще раз наклонил голову.

— Я поговорю на эту тему с миледи.

— Конечно.

Целитель допил вино и встал, чтобы откланяться.

Эр Том также поднялся на ноги, степенно ответил на поклон Целителя и протянул руку, в которой блеснула монета в шесть кантр.

— Прошу вас принять материальное свидетельство моей благодарности за ту помощь, которую вы оказали моей супруге и сыну.

— Ваша милость очень любезны.

Монета исчезла, и Целитель наклонил голову.

— Доброго вам дня, сударь. Удачи вам и всем вашим.

— И вам, Целитель.

Эр Том проводил крошечного человечка до двери и выпустил его в широкий коридор космолайнера. Закрыв дверь, он запер ее — а потом прошел через гостиную в спальню, чтобы дежурить у постели Энн, пока она не проснется.

Пробуждение было похоже на переход из плотной тучи в более светлое облако, потом — в густой туман, потом — в дымку, а оттуда — на яркий, ничем не отягощенный солнечный свет.

Энн сладко потянулась. Она чувствовала себя необыкновенно хорошо, беззаботно и беспечально. Впервые за много дней она была совершенно спокойна и полна радости.

Она еще раз потянулась, твердо зная, что они забронировали каюту люкс на космолайнере «Челда», который направляется на Литаксин, а оттуда — еще дальше, и уходит с орбиты Лиад прямо сегодня днем. Ее сын в безопасности и счастлив — и она ощущала, что в эту минуту он крепко спит. Эр Том летит с ними: она не могла точно вспомнить, как это получилось, ведь, конечно же...

Эта мысль куда-то ускользнула, растворившись в теплом сиянии счастья.

— Привет, Энн, — произнес его голос на мягком земном. — Ты хорошо себя чувствуешь?

— Хорошо? — Она открыла глаза и улыбнулась ему, лениво подняла руку и провела кончиками пальцев по его щеке, наслаждаясь медленным пробуждением желания. — Я просто прекрасно себя чувствую. Наверное, мне нужно было подремать.

— Да... наверное, — тихо согласился Эр Том. Он осторожно провел пальцем по ее брови. — Ты прекрасна.

Она рассмеялась.

— Нет, паренек, тут ты ошибаешься. Я вовсе не прекрасна.

— Тебе придется позволить мне с тобой не согласиться, — пробормотал он, и его пальцы мотыльками трепетали у ее губ. Он улыбнулся, прослеживая пальцами линию ее щеки, и его глаза стали дымно-лиловыми. — Прекрасная Энн. Милая Энн. Любимая моя.

Она ахнула — не только от наслаждения, которое дарили его прикосновения, но и от неожиданности.

— Ты же не... Ты никогда не говорил... такое.

Его пальцы уже обжигали ее нежную кожу шеи.

— Это мои ужасные манеры, — прошептал он, наклоняя золотую голову, пока его ловкие пальцы расправлялись с застежками ее рубашки. — Прости меня.

Его губы жарко прижались к нежной ямочке у основания шеи, где отчаянно бился пульс. Тем временем под его пальцами набухал ее сосок.

— Научи меня, — прошептал он, поднимая голову, чтобы поцеловать ее щеку, веки, подбородок. — Что еще мне нужно сказать, Энн?

Она тихо засмеялась, обхватывая его голову обеими ладонями и заставляя замереть неподвижно.

— Думаю, что сейчас тебе можно больше ничего не говорить, — ответила она и поцеловала его — очень крепко.

Она снова проснулась, переполненная радостью и любовью, и увидела над собой его лицо, пронизанное нежностью. Задрожав, она потянулась к нему.

— Эр Том, что-то не так?

— О! — Он нежно убрал прядь волос упавшую ей на лоб. — Мне... будет не хватать... моего Клана.

В ее душу проник холод, неся с собой смятение. Почему он здесь? План... Разве ее план не заключался в том, чтобы ей с Шаном улететь на Новый Дублин? Эр Том должен был остаться со своим Кланом, разве не так требовалось по плану? Как... Она попыталась ясно вспомнить, что случилось. Воспоминание ускользнуло от нее, заставив ее отчаянно заморгать. Ее стало лихорадить от одиночества. Она чувствовала себя уязвимой, такой ранимой, какой не была никогда раньше.

— Ты мог бы... — Боги, ей даже дышать было трудно! Она проталкивала слова мимо огромного кома, застрявшего у нее в горле. — Корабль ведь все еще на орбите, да? Ты мог бы... вернуться домой.

— Нет, как бы я вернулся? — Он нежно улыбнулся и приложил палец к ее губам. — Ты и наш сын улетаете с Лиад. Как я могу остаться? — Он поцеловал ее в щеку. — Я научусь, милая. Я буду рассчитывать на то, что ты будешь меня наставлять.

Она смотрела на него, потеряв дар речи, — а потом вдруг моргнула: ее внимание отвлеклось на новую информацию.

— Шан просыпается.

— Я пойду к нему, — сказал Эр Том, соскальзывая с широкой кровати и наклоняясь за своей одеждой. Он улыбнулся Энн. — Если хочешь, мы втроем можем пойти на обзорную палубу и посмотрим, как корабль уходит с орбиты.

Он намерен оставаться с ними, и пусть будут прокляты одиночество и незащищенность. Она всем своим существом почувствовала его решимость. Он повернется спиной к своему Клану, к богатству и высокому положению, он свяжет свою судьбу с внештатным профессором лингвистики Энн Дэвис...

— Эр Том...

— Тише. — Он быстро наклонился к ней, прервав ее возражения поцелуем. — Я люблю тебя, Энн Дэвис, всем сердцем люблю. Если ты не принимаешь Лиад, тогда ты должна вести меня в другие места и обучить меня новым обычаям. Только не отталкивай меня... — Его голос прервался, глаза предательски засияли. — Энн?..

— Ты лгал, — неуверенно проговорила она, потому что это вдруг вспомнилось совершенно ясно. — Ты сказал, что ты не вор...

— И это так. — Он сел на край кровати и взял ее руки в свои. — Энн, выслушай меня. Если бы существовал ребенок, который был Дэвисом, и я бы заставил привезти его в Клан Корвал, это было бы воровством. Но если в Клан Корвал привозят ребенка, названного йос-Галаном... Как может йос-Галан украсть йос-Галана?

Его пальцы крепко сжимали ее руки. Она чувствовала его искренность, словно пламя, которое растапливало ее застарелые страхи.

— Я сделал ошибку. Это было, да. Я неправильно понял местный обычай и решил, что дал достаточные объяснения. Я считал, что, отдав честь в виде имени, ты теперь передаешь Клану полную радость иметь еще одного йос-Галана, как принято и положено. По-лиадийски. Я признаюсь в глупости. Я признаюсь в гордости. Но ты должна снять с меня обвинение во лжи, Энн. Этого я никогда не делал.

— И ты полетишь с нами? — изумленно спросила она. — На Новый Дублин?

— А ты направляешься туда? — Эр Том повел плечами. — Я буду рядом с тобой. Я хочу именно этого. — Он склонил голову набок. — Возможно, нам придется задержаться на Литаксине. Нашего сына нужно отвести в Гильдию Целителей... Или такая существует на Новом Дублине?

Она покачала головой.

— Нам нужно будет поговорить, — сказала она и услышала какое-то туманное, размытое эхо.

Не испытывая ни малейшего любопытства, она позволила ему стихнуть.

Эр Том наклонил голову.

— И мы обязательно это сделаем. Сейчас я пойду к нашему сыну.

— Я разберусь со своей одеждой, — с иронией отозвалась Энн, — и очень скоро выйду к вам в гостиную.

Шан объявил, что хочет и есть, и пить. Несколько неохотно он позволил причесать себе волосы и протереть лицо влажным полотенцем, а потом добровольно взял Эр Тома за руку, чтобы пройти с ним в гостиную.

Ступив в комнату, Эр Том застыл на месте, воззрившись на мужчину в черной кожаной куртке, непринужденно устроившегося на низком диване, вытянув перед собой ноги, аккуратно скрещенные в щиколотках. Он приветственно поднял рюмку с кроваво-красным вином и отпил из нее глоток. Свет ламп каплями стекал с эмали его единственного кольца.

— Даав! — радостно воскликнул Шан.

— Привет, племянник, — ласково отозвался мужчина. Его черные глаза перешли на Эр Тома. — Привет, брат. Вижу, что я успел вовремя.

Глава тридцать восьмая

Выбирайте путь, противоположный общепринятому, и вы почти никогда не ошибетесь.

Жан-Жак Руссо

Шан был усажен за низкий столик в углу, с хрустальным стаканом сока и какими-то сырными закусками под рукой. Эр Том вернулся в центр комнаты и остановился, глядя сверху вниз на сидящего на диване.

— Мы всей семьей, — проговорил он после паузы — и на земном, — направляемся на Новый Дублин.

Даав поднял рюмку, задумчиво поджав губы.

— Пасторальная планета, — признал он на том же языке. — Вы планируете задержаться там надолго?

— Мне представляется, что Энн намерена там поселиться.

— Да неужели? — Даав выгнул бровь. — Не представляю тебя в роли фермера, денубиа.

— Это не играет никакой роли, — бесстрастно сообщил ему Эр Том.

— А! Ну, это, право, весьма обидно. — Он картинно повел рюмкой и переключился на низкий лиадийский. — Выпей со мной, брат.

— Мне очень неприятно вам говорить об этом, — отозвался Эр Том, упрямо придерживаясь земного, — что ваш брат скончался.

— О боги! Но тебя дезинформировали, знаешь ли, — мягко сказал Даав, продолжая свою часть диалога на низком лиадийском. — Моего брата видели совсем недавно. Он оплачивал полет трех человек на «Челде». Если обслуживание этой фирмы не пошло вразнос, то логично предположить, что он продолжает наслаждаться своим обычным здравием.

— Мирада! — окликнул его Шан через комнату. — Еще сока! Пожалуйста!

— Тебе придется приучить его называть тебя как-то иначе, — пробормотал Даав и снова выгнул бровь, когда Эр Том вздрогнул. — Отец? — подсказал он, встретившись с полными решимости лиловыми глазами. — Папа? Па? Что-нибудь в этом роде.

— Мирада? — снова окликнул его Шан.

Эр Том подошел к сыну, налил ему еще сока и взъерошил волосы цвета инея. А потом вернулся на прежнее место, чтобы в упор смотреть на непрошеного гостя. Даав продолжал невозмутимо пить вино.

— Я отвергаю Клан, — заявил Эр Том.

Высокий лиадийский был полон гиперпространственного холода.

— Да, но, видишь ли, — отозвался Даав серьезно на низком лиадийском, — Клан тебя не отвергает. При иных обстоятельствах я вполне мог бы от тебя отмахнуться. Но обстоятельства не иные, милый. Ты нужен Клану — ты сам, а не просто твои гены. Я не могу допустить, чтобы ты нас оставил. Необходимость.

Он поднял голову и кивком указал на Шана, поглощенного своим перекусом.

— И если ты думаешь, что я отпущу этого ребенка за пределы влияния Гильдии Целителей, пока он не завершит должного обучения, то я прошу тебя поменять свой образ мыслей. — Он иронично подергал бровью. — Возвращайся домой, милый, прошу.

Губы Эр Тома сжались, в глазах отразилась боль.

— Мы всей семьей, — упрямо повторил он, хотя его земной стал звучать очень странно, — направляемся на Новый Дублин. Корабль отлетает через час.

Даав вздохнул.

— Нет, — мягко поправил он Эр Тома, — корабль не отлетает.

Эр Том осторожно перевел дыхание.

— Расписание полетов... — начал он.

— Я вижу, что выразился недостаточно ясно. — Он показал остатком вина и поднял взгляд, сверкнув черными глазами. — Этот корабль никуда не полетит, пока я с него не уйду. А я не уйду, не взяв с собой тебя и твоего сына.

Он поднял рюмку и допил остатки вина.

— От Клана Корвал должны доставить важный пакет, — добавил он чуть мягче. — Корабль задержали, пока пакет не доставят. Конечно, это несколько нарушит все графики, но это проблема начальника порта, а не моя.

Он поставил рюмку на стол.

— Когда я улечу с корабля, этот пакет доставят, и «Челда» отправится в полет. — Он сделал жест рукой, словно бросая кости. — Теперь твой ход, брат. Сколько времени нам придется висеть на орбите?

Наступило долгое молчание.

— Мы с Энн... связаны, — в конце концов проговорил Эр Том. Его брат с облегчением услышал, что он переключился на низкий лиадийский. — Пойми меня. Я услышал ее зов — через весь порт. Я последовал за ее мыслью в место... — Он передернул плечами. — В заднем помещении склада на границе верхнего и нижнего портов лежит мертвый человек, которого звали Фил Тор Кинрэ.

— Какая прелесть! Твоя работа?

— Энн. Она спасала нашего сына. — Он поднял руку и провел пальцами по волосам. — Целитель был у них обоих.

— Очень хорошо. Я не решаюсь напомнить, что в Треалла Фантрол тебя дожидается мастер-Целитель Кестра.

Эр Том напрягся.

— Мы с Энн связаны. Я только что сказал тебе об этом.

— Моя ужасная память! — пробормотал Даав. — Однако я припоминаю, как эта леди клялась, что не желает связывать свою жизнь с твоей. Это приводит меня к неприятному выводу о том, что любая... связь существует только с твоей стороны.

Эр Том адресовал ему поклон, полный великолепной иронии.

— Как пожелаешь. Будь она односторонней или нет, но она существует. Раз необходим выбор, я отправляюсь с Энн. Я не могу поступить иначе.

— О, неужели не можешь?

Даав нахмурился и повернулся голову.

Дверь спальни тихо открылась, и в комнату вошла Энн. Она прошла, чтобы встать рядом с Эр Томом, и опустила глаза. Лицо у нее было безмятежным, какими обычно и бывают лица у тех, кто недавно прошел Исцеление. Даав наклонил голову.

— Добрый день, Энн.

— Здравствуй, Даав, — серьезно отозвалась она. — Ты пришел, чтобы забрать Шана?

— Даже хуже, — ответил он, наблюдая за ней со всей пристальностью разведчика. — Я пришел, чтобы забрать твоих сына и возлюбленного.

В ее взгляде шевельнулось какое-то чувство: он истолкал его как гнев.

— Эр Том сам принимает решения, — ровным голосом сказала она. — Мой сын летит со мной.

— На Новый Дублин? — спросил Даав, чей голос оставался мягким, а поза не выражала угрозы. — Энн, твой ребенок обещает стать довольно выдающимся Целителем, если в подростковом возрасте не проявит себя как один из драмлиз. Как на Новом Дублине его научат использовать такие способности? Или ты хочешь дождаться, чтобы он по неведению причинил кому-то зло? Или ты дождешься, чтобы он начал сходить с ума, и только тогда отправишь его на Лиад для обучения?

Он продемонстрировал ей пустые ладони.

— Какая польза от меня, если я допущу, чтобы сын моего чалекет не получил подготовки, необходимой для его выживания? Какая польза Корвалу, если талант будет отправлен в изгнание?

Он опустил руки и невесело ей улыбнулся.

— Волею судьбы Шан принадлежит Корвалу. Мы находимся в пространстве Лиад, где действуют законы и обычай Лиад. Делм Шана требует, чтобы он остался дома. Закон скажет то же самое.

Она нервно облизнула губы.

— Земной закон...

Даав наклонил голову.

— Ты имеешь право пойти по этому пути. Однако на те годы, в течение которых наверняка продлится разбирательство, ребенок останется с Кланом Корвал — семьей, к которой он причислен.

Он пришел в движение: одним изящным движением поднялся на ноги и протянул руку просительным жестом.

— Энн, выслушай меня. Волею судьбы ты привезла своего ребенка на Лиад. В галактике нет такого места, где его таланты понимались бы столь же хорошо. В этом я тебе не враг, а друг. Только задумайся — и ты поймешь, что это так!

Ее губы были плотно сжаты, глаза метали молнии.

— Похоже, ты загнал меня в тупик, — проговорила она. — И что ты предлагаешь мне делать? Оставаться гостьей Клана Корвал, пока мой ребенок не достигнет совершеннолетия?

Даав чуть наклонил голову, краем глаза наблюдая за Эр Томом.

— Ну, что до этого, — спокойно ответил он, — то вот мой брат заявляет, что может только стоять рядом с тобой, какую бы позицию ты ни заняла. Он довольно убедительно это показал, наплевав на приказ своего делма и сбежав из своих комнат по лозе. Если бы дела обстояли иначе, я вполне мог бы счесть, что подобная преданность заслуживает справедливой награды. Но, видишь ли, загвоздка в том, что — он мне нужен. Он нужен Корвалу. Он пойдет со мной, даже если мне придется уводить его с этого корабля в цепях.

— Значит, великий Дом Корвал берет заложников? — вспыхнула Энн. — И это — порядочность?

— Мы собирались... поговорить, — очень тихо произнес стоявший рядом с ней Эр Том. — Возможно... мы могли бы найти приемлемый компромисс... на Лиад.

Энн стремительно повернулась к нему. Глаза у нее расширились.

Эр Том прямо встретил ее взгляд.

— Состоит ли цель переговоров в том, чтобы мы трое остались вместе? — спросил он. — Или в том, чтобы мы вечно оставались на... на...

— Ножах, — рассеянно подсказала она ему. — И ты повесил бы на себя на Лиад землянку?

Под недоверчивым вопросом прятались нотки надежды. Даав осторожно позволил себе расслабиться. Эр Том взял ее за руку и улыбнулся, продолжая смотреть ей в глаза.

— Ты ведь готова была повесить на себя лиадийца, — прошептал он, — на Новом Дублине.

Даав почувствовал, как в его ладонь просунулись маленькие пальчики, и посмотрел в яркие серебряные глаза Шана.

— Эй, Даав, — спокойно сказал этот юный господин, после чего одарил улыбкой всех троих взрослых. — Теперь мы едем домой?

— Я могу предложить вам еще фруктов, мастер-Целитель? — спросила Петрелла йос-Галан, сидевшая во главе стола. — Или сыра?

— Спасибо, я уже совершенно сыта.

Мастер-Целитель Кестра наклонила голову.

Внутренний слух Целителя чутко улавливал глубокое недовольство тоделма йос-Галан, направленное на ее сына. Конечно, не полагалось обсуждать эмоциональные моменты с человеком, не обратившимся за помощью, и Кестра скрупулезно придерживалась обычая. Пока. Однако она не могла не признаться себе, что ее симпатии лежат на стороне неожиданно исчезнувшего а-тоделма и той леди, от которой его сердце не пожелало отказываться.

Потрепанный матерчатый сувенир покорял, как и борьба, которую она ощущала в задержавшихся в комнате отголосках. Два человека, любящих друг друга, и оба стремились поступать правильно. Тем более обидно, что оба обладают меланти и что правильные поступки от планеты к планете меняются, словно фазы луны.

— Я должна принести извинения, — недовольно проговорила Петрелла йос-Галан, — за то, что мой сын выказал такое отсутствие манер. В последнее время он стал весьма неуправляемым, к прискорбию Клана.

— В извинениях нет необходимости, — мягко отозвалась Кестра. — Люди Корвала славятся своей неуправляемостью.

Тут она улыбнулась.

— Я помню, как Делм — тогда он был кадетом-разведчиком йос-Фелиумом — обратился за Исцелением, после того, как его корабль вышел из строя. Понадобились усилия четырех Целителей, чтобы сгладить это воспоминание. Я сама и один Целитель в ранге мастера, с двумя продвинутыми посвященными. А ведь он желал забыть!

Она отпила остывающего чая и с тихим стуком поставила чашку на стол.

— И при этом нам не удалось полностью достичь цели. Нам удалось смягчить воспоминания, но он не забыл. Я совершенно в этом уверена. Правда, воспоминание стало далеким, лишенным эмоций, словно он прочел о случившемся в книге. Но я глубоко убеждена, что он смог бы вернуть воспоминание со всеми его ужасными подробностями, если у него возникнет уверенность в том, что это необходимо.

На это хозяйка дома ничего не ответила, и после короткой паузы Целитель добавила — что было уже не положено:

— Возможно — прошу меня простить! — осталось незамеченным, что любовь вашего сына к этой леди и их ребенку уходит очень глубоко.

— Ну и что? — резко ответила Петрелла. — Мы все теряли то, что любили, Целитель. Это свойственно игре.

— Конечно, — согласилась Кестра. — Но это — не цель игры.

— Просветите меня, — попросила тоделм с язвительной любезностью, — разве вы приглашены, чтобы Исцелять меня?

Кестра наклонила голову.

— Сударыня, нисколько. Вы должны простить меня и списать все на мой возраст. Я нахожу, что старухи часто бывают нахальными.

— Чтобы не сказать неисправимыми, — заметила Петрелла, и Кестра улыбнулась, ощущив в ауре собеседницы искры смеха.

— Я пообещала Главе Корвала, что буду дожидаться его возвращения, — сказала Кестра. — Если это не обуза для Дома...

Однако она не успела больше ничего добавить. В коридоре послышался глухой шум, дверь столовой распахнулась, и Делм Корвала вошел в комнату своими широкими бесшумными шагами. Его сопровождала высокая леди и светловолосый мужчина, который нес ребенка. Целитель быстро встала: ее внутренний взор был ослеплен.

Неловко, словно новопосвященная, она стала разбираться в образах. Тоделма йос-Галан она уже могла игнорировать. Как и яркую эмоциональную картину Главы Корвала. Остальные...

Самым сильным было сияние переливающихся цветов и неприрученного света — словно наблюдатель головой вниз летел в калейдоскоп. Целитель с трудом проследила переливающиеся узоры до их источника, совместила их с тем, что видит физический взгляд, ахнула — и машинально приглушила собственную реакцию.

— Я... считаю за честь... познакомиться с Шаном йос-Галаном, — заявила она, обращаясь, наверное, ко всем присутствующим. — Я была бы рада — я, право, требую! — возможности провести с ним побольше времени. Но если мое основное внимание должно быть уделено А-тоделму йос-Галану, я должна попросить, чтобы ребенка увеличили. Он... исключительно яркий.

В следующую секунду Глава Корвала уже стоял у настенного переговорного устройства. А-тоделм йос-Галан тоже прошел вперед, оставив высокую леди стоять одну у двери.

— Матушка, — проговорил он, грациозно опускаясь на колено у кресла Петrellы йос-Галан, — я привел к вам вашего внука, Шана, чтобы вы с ним познакомились.

Аура старой дамы, которую Кестра едва могла разглядеть за бушеванием красок, свойственным этому ребенку, отразила тягу — и даже привязанность. Однако лицо, которое было обращено к человеку, стоящему перед ней на коленях, было полно неуступчивой горечи. Она даже не подняла взгляда к ребенку.

— Грустные искорки, — заявил вдруг ребенок и попытался выскользнуть из рук а-тоделма.

Оказавшись на полу, он протянул ручонки и обхватил обеими сморщенную руку Петrellы.

— Эй! — сказал он на земном, а потом уже на низком лиадийском: — Тразия волекта, таулана.

— Бабушка, вот как? — Петrellла хмуро посмотрела на детское лицико, а потом вдруг резко, судорожно вздохнула. — И тебе добрый день, дитя. Отправляйся теперь к твоей няне, пока ты не ослепил Целительницу.

— Иди, Шан-сын, — тихо проговорил а-тоделм.

Он взял мальчика за руку и повел к няне, которая мялась у дверей.

— Госпожа Интасси! — закричал Шан, бросаясь к ней. — Мы ездили в порт!

— Ну, право, настоящее приключение! — отозвалась госпожа Интасси и увела его с собой, тщательно закрыв за ними дверь.

Мастер-Целитель Кестра испустила вздох глубокого облегчения, прибегла к приему для успокоения напряженных нервов и сосредоточила свой внутренний взор на а-тоделме.

У него оказалась приятная аура: четкая и хитроумная, с тонким чувством юмора и глубоким, хорошо защищенным внутренним стержнем страсти. Целительница готова была еще раз вздохнуть: вот человек, который любит глубоко — или не любит вовсе. В фоне ауры присутствовали признаки стресса, что было вполне предсказуемо, а поверх всего дрожала хрупкая, почти воздушная конструкция, которая...

Целитель нахмурилась и сконцентрировала свое внимание на этой аномалии. Да, вот она: подпитывается непосредственно из того стержня, который он так старательно от всех защищает. А его второй конец питается... где?

Она внимательно прошла вдоль воздушного мостика — и встретила совершенно другой узор ауры.

Этот также был упорядоченным, красивым и страстным — и покрыт тонкой оболочкой недавнего Исцеления. Юмор был более ярким, сердечная сеть — не такой защищенной, более открытой. Целительница потеряла мостик в узле страсти и приязни.

— О! — Мастер-Целитель Кестра открыла внешние глаза и встретилась со сверкающими черными глазами Главы Корвала. — Они — спутники жизни.

Глава тридцать девятая

Существуют такие разведчики — и другие неинформированные лица, — которые выступают за то, чтобы Книга Кланов была расширена за счет включения в нее не-лиадийцев.

Я хочу заявить Совету, что день, когда на страницах Книги Кланов появится землянин, станет днем начала распада Лиад!

Из выступления перед Советом Кланов
председателя Коалиции по запрету
Лиадийской разведки

— Прошу прощения, — язвительно возразила Петрелла. — Они безусловно не являются спутниками жизни!

Мастер-Целитель повернулась к ней.

— На самом деле являются, — сказала она, стараясь, чтобы ее голос оставался мягким. — Это практически классический случай из учебника: возможно, немного бледный, но безошибочно узнаваемый.

Петрелла повернула голову и бросила гневный взгляд на высокого а-тоделма и его еще более высокую леди, которые стояли у двери плечом к плечу.

— Я запрещаю это! — заявила она, и в модальности Приказа звучали раскаты грома.

Кестра заметила искры в ауре а-тоделма и поспешила предвосхитить ответ, который причинил бы боль всем присутствующим.

— Прошу меня простить, — твердо сказала она Петрелле, — но мне ясно, что вы не сумели понять ситуацию полностью. Я не говорю о милых подписях на контрактах и официальном объявлении в газете. Я говорю о поддающемся проверке физическом факте, который никоим образом не поддается вашим приказам.

— Спутники жизни? — бросила Петрелла с полным боли презрением. — И скажите на милость, кто из них волшебник?

— Ну, мой дедуля — он был водяной ведун, — проговорила высокая леди необычным напевным голосом, и ее ауру осветили отблески смеха.

Целительница нахмурилась, пытаясь понять смысл ее заявления, пытаясь найти какое-то сходство с земным, но не находя точного...

— Водяной ведун, — проговорил Глава Корвала в модальности разговора двух взрослых, — это тот, кто обладает способностью обнаруживать воду под землей, не пользуясь приборами. — Он бросил быстрый взгляд на земную леди. — Правильно?

Она качнула головой вверх-вниз — что было земным согласием.

— А еще он мог находить вещи, — добавила она на вполне понятном лиадийском, хоть и с некоторым акцентом. — Потерявшихся овец. Пару раз — драгоценности. Заблудившегося ребенка. Но в основном он занимался водой. — Она пожала

плечами. — Если верить рассказам на Новом Дублине, то все предки были... мы их называем «отмеченными даром». Это делает фамильное дерево весьма колоритным.

— Значит, вы сами — волшебница?

Голос Петреллы оставался резким.

Земная леди покачала головой:

— Нет, профессор лингвистики.

— Ты точно знаешь, когда ребенок проснулся, — негромко произнес стоявший рядом с ней а-тоделм. — Ты чувствуешь, когда у меня проблемы. Я услышал, как ты звала меня — за много миль от тебя. И я смог пойти на твой зов.

— А в то же время оба не являются драматизами, — твердо заявила мастер-Целитель. — Я помню, как а-тоделма в детстве проверяли в Гильдии Целителей. Мы проверяли его дважды, потому что он ведь принадлежит к Клану Корвал.

Она повела плечами и поймала на себе пристальный взгляд Главы Клана.

— Простое тесто без изюминки, ваш а-тоделм. Вы сами... у вас есть нечто, милорд. Если нам когда-нибудь удастся это определить, я вам сообщу.

Он наклонил свою темноволосую голову.

— Вы очень любезны.

— Вот вы — опасны. Но не будем драматизировать. Именно этого от Корвала и следует ожидать.

Она снова перевела взгляд на Петреллу.

— Они оба не претендуют на владение волшебством, Тоделм. Подозреваю, что единственный талант, которым оба владеют, — это способность узнать друг друга и соединиться. Эта работа шла как должно — увы, преодолевая препятствия, создаваемые обычаями, меланти и родней. Ее нельзя ни остановить, ни уничтожить.

Она подняла открытые ладони.

— Вы говорите о том, чтобы облечь а-тоделма забвением, чтобы отправить леди прочь. Говорить о таком можно, только не имеяальной информации. Даже если между ними окажется вся галактика, они все равно найдут друг друга. Они — спутники жизни, Тоделм. Если ваша гордость не может сми-

риться, вы должны распорядиться, чтобы леди была убита. И ребенок тоже. Тогда а-тоделм будет от нее освобожден.

— Однако история говорит нам о том, что леди мастер-волшебника Рула Тайазана жила в нем после гибели своего тела, — заметил Глава Корвала из дальней части комнаты.

Кестра поклонилась, чтобы скрыть улыбку.

— Действительно. Вы должны иметь в виду, что узы между этими двумя могут оказаться не столь сильными. А могут быть и достаточно сильны. Оба определенно обладают сильной волей. Оба определенно любят друг друга. Может оказаться и так, что области, где их союз не является совершенно безукоризненным, не являются такими, которые... особо важны. Кто может сказать?

В комнате воцарилось молчание. Корвал вышел чуть вперед, притянув к себе взгляды всех присутствующих.

— Признайте поражение, тетушка Петрелла, — мягко предложил он. — Исход игры определила судьба.

— Судьба, — пробормотала землянка, и в прекрасном стройном узоре ее ауры пробежал трепет страха. — Судьба без выбора.

— Выбор был сделан, — отозвался а-тоделм йос-Галан, — несколько раз. — Он взял ее за руку и серьезно посмотрел ей в глаза. — Я люблю тебя, Энн Дэвис.

Его признание затрепетало в ее ауре, пробудив резонанс с его собственной. Она улыбнулась.

— Я люблю тебя, Эр Том йос-Галан. — Улыбка погасла, и она добавила довольно строго: — Но нам все равно надо будет поговорить.

— Обязательно, — ответил он, улыбаясь так, словно они были в комнате одни. — Показать тебе лабиринт? Там нас никто не потревожит.

— Хорошо...

Он повернулся к остальным присутствующим, адресуя им поклоны. Его аура была полна ослепительной чувственности.

— До свидания, мастер-Целитель, — проговорил он со степенностью, которая противоречила радости, звеневшей в нем. — До свидания, матушка.

Последним он повернулся к Главе Клана и замер. Громкая радость, пронизывавшая его, дала сбой.

Очень бережно, безмолвно он отдал поклон уважения Делму.

Выпрямившись, он шагнул назад, открыл дверь и позволил своей леди пройти перед ним в коридор.

— Мастер-купец бел-Тарда, — объявил от двери господин пел-Кана.

Даав устало оторвался от рабочего экрана.

Люкен приобрел новую куртку — удивительную модель ярко-синего цвета с рукавами раструбом и цитриновыми пуговицами. При поклоне пуговицы раздражающе засияли.

— Вина мастеру бел-Тарде, — распорядился Даав, обращаясь к дворецкому, и помахал рукой. — Садись, кузен, и скажи мне, что побудило тебя уехать так далеко от столицы.

— Ну, не так уж и далеко, — серьезно ответил Люкен, с непривычной осторожностью усаживаясь в кожаное кресло напротив рабочего стола Даава.

Получив от господина пел-Каны затребованную рюмку, он отпил положенный глоток, встревоженно наблюдая за Даавом поверх края рюмки.

Даав улыбнулся, взял свою почти пустую чашу и тоже выпил немногого, но как только господин пел-Кана закрыл за собой дверь, чаша вернулась на стол.

— Ну, Люкен, советую тебе во всем признаваться. Я ведь не смогу защищать тебя перед Советом Кланов, если не буду знать всех ужасных подробностей.

— Перед Советом Кланов!.. Ну, тут ведь нет ничего... — залепетал Люкен, а потом опомнился и замолчал.

— Неудивительно, что нас считают странными, — сурово заявил он, — когда ты постоянно даешь волю этому своему чувству юмора.

— Ужасно, правда? — согласился Даав. — Ну вот, ты излил свои чувства, а теперь, может, скажешь мне, что случилось? Что-то с Пат Рином?

— А? О нет. Нет. Успокойся насчет этого. С мальчиком все в порядке, хотя вчера у нас была его мать. Почему эта женщина настаивает... Ладно.

Он опустил глаза и смахнул со своего невероятного рука-ва несуществующую соринку.

— Я насчет юной Синтебры, — проговорил он и поспеш-но поднял руку. — Ну, я знаю, что она предназначена для Эр Тома, но дело в том, что... ну, не выйдет ничего из этого!

Даав выгнулся бровь и на секунду развеселился.

— Да что ты говоришь?

— Он ее страшно пугает, — горячо заявил Люкен. — И ты тоже, если уж на то пошло. И она вовсе не виновата. Она ведь совсем ребенок, видишь ли, и к тому же из Среднего Дома. Едва понимает, как надо вести себя в обществе, не говоря уже о том, чтобы общаться на равных с членами Высоких Домов. Я не хочу сказать, что она не смогла бы успешно с этим спра-виться, — но на нее надо затратить больше труда, чем это сможет себе позволить Эр Том. Он — человек занятой и стоит слишком близко к Делму.

Даав резко отвел взгляд, взял свою чашу и осушил до дна.

— Да неужели?

— Ну, он ведь твой наследник, так? И вы оба такие бы-стрые и блестящие, и сложные, знаешь ли... Вот что я тебе скажу: устаешь, пытаясь за вами угнаться! Девочка будет не-счастна, растеряется и потеряет всякую уверенность в себе.

Он пристально посмотрел на Даава.

— Ты меня пугаешь, кузен. Мне определенно не хотелось бы, чтобы один из членов Клана Корвал стал причиной таких страданий. Однако я почему-то уверен в том, что ты собирал-ся предложить мне решение всех проблем юной Синтебры.

Люкен чуть пристыженно ухмыльнулся.

— Видишь меня нас kvозь, да? Ну и пусть. Я знаю, что не слишком умен. Вот что: я готов жениться на Синтебре. Еще один ребенок меня не обременит: моя старшая сейчас проводит на занятиях больше времени, чем дома, а от Пат Рина вообще никаких проблем не бывает. Нексон успокоится, а для Эр Тома можно будет отыскать более подходящую супругу.

— Эр Тому, несомненно, можно отыскать более подходящую супругу, — пробормотал Даав, обращаясь скорее к себе самому. А потом, ухмыльнувшись, он снова посмотрел на Люкена. — Насколько я понимаю, эта леди не находит тебя... э-э... пугающим, а, кузен?

— Нисколько, — уютно признал Люкен и улыбнулся. — Ведь я в ладах почти со всеми.

— Конечно.

Даав закрыл глаза и не позволил себе потерять разламывающийся лоб. Спустя секунду он открыл глаза.

— Я завтра же поговорю с Тоделмом Йос-Галан, — пообещал он Люкену. — Однако я уверен в том, что твое предложение будет принято. И теперь, когда в Треалла Фантрол снова занята детская, Пат Рина можно будет переместить туда на время твоего брачного контракта. — Он выгнул бровь. — Если ты не сочтешь это неразумным.

Люкен пождал губы.

— Я поговорю с пареньком, — сказал он, подумав, — и дам тебе знать о его пожеланиях. — Он бросил на Даава внимательный взгляд. — Не то чтобы он не был привязан к своему кузену Эр Тому или чтобы юный Шан не казался подходящим ребенком. Но мне не хотелось бы идти против сильно-го нежелания мальчика, если такое будет.

— Конечно. — Даав наклонил голову. — Ты много для нас делаешь, кузен, — добавил он с неожиданной и искренней благодарностью. — Я нахожу тебя достойным членом и украшением Клана.

Люкен покраснел так, что его щеки залило темное золото, отвел взгляд и взялся за рюмку.

— Ты очень добр, — пробормотал он и припал к ней.

Ему понадобилось сделать два больших глотка, чтобы прийти в себя. Он посмотрел на Даава.

— Так ты дашь мне знать? — с надеждой спросил он.

Даав наклонил голову.

— Полагаю, что ты получишь мой ответ уже завтра.

— Хорошо, — сказал Люкен. — Отлично! — Он встал. — Ты — человек занятой, так что я попрощаюсь. Спасибо тебе.

— Не за что, — отозвался Даав, тоже вставая и выходя из-за стола. Помешав Люкену начать поклоны, он взял его за локоть и повернул к двери.

— Позволь мне проводить тебя до машины, кузен...

Было довольно поздно.

Даав не имел точного представления, насколько поздно. Он уже довольно давно погасил свет, предпочтя выпить рюмку-другую в одиночестве, пока комнату освещает только огонь камина.

Огонь камина превратился в отсвет углей, а рюмка-другая в бутылку. Даав откинул голову на спинку кресла и вспомнил холодное лицо и отчужденный поклон брата.

«Боги, что я наделал?»

Он закрыл глаза, чтобы не видеть даже отсвета углей, и попытался вообще ни о чем не думать.

— У тебя завтра голова будет раскалываться, — проговорил любимый, мягкий голос.

Со всяческой осторожностью Даав открыл глаза и поднял голову. Эр Том устроился на подлокотнике кресла, стоявшего перед столиком с доской для контрашанса. Кто-то бросил в камин свежее полено. Волосы брата в свете пламени сверкали золотой грудой.

— У меня, — отозвался Даав с щепетильной точностью, — раскалывается голова уже сейчас.

— А! — Эр Том улыбнулся. — Я подозревал, что это так.

— Ты пришел, чтобы вырвать из меня печеньку? — спросил Даав, снова роняя голову на спинку. — Полагаю, на столике с вином найдется достаточно тупой нож.

— Я не слишком хорошо умею вырезать печеньки, — проговорил Эр Том после секундной паузы. — Не хочешь ли чая?

— Боги, в такой час? Какой бы сейчас ни был... — Он отрицательно помахал рукой. — Нет, не тревожь прислугу.

— Хорошо, — мягко согласился Эр Том.

Он встал и исчез в отблесках пламени. Негромкий стук донесся от столика с вином. Даав довольно туманно подумал, не решил ли Эр Том все-таки взяться за нож.

— Выпей со мной, брат.

Даав открыл глаза. Эр Том стоял перед ним, высвечененный пламенем, и держал две чаши.

— Спасибо, — сказал Даав, ощущая внезапный прилив слез. Он принял чашу, отпил из нее — полный глоток, — проглотил и рассмеялся. — Вода?

— Если ты выпьешь еще вина, то скорее всего захрапишь, — заметил Эр Том, поднимая свою чашу.

На пальце одной руки блеснула фиолетовая искра.

— Восстановлен в правах, милый?

— Моя мать пытается благодушно принять исход. — Он улыбнулся. — Она говорит о том, что... возможно... примет ребенка.

— Очень любезно с ее стороны. — Даав вздохнул. — Как ты думаешь, твоя Энн будет счастлива с нами?

Улыбка стала чуть шире.

— Полагаю, этого можно будет добиться.

— А! Значит, моя роль в качестве Делма не свелась исключительно к нарушению графика орбитального движения и угрозам заковать моего родича в цепи...

Он содрогнулся и заглянул в лиловые глаза брата.

— Окно меня сильно испугало.

Эр Том наклонил голову.

— Я приношу извинения за окно, — пробормотал он. — Но, понимаешь, когда из него вылез, то его уже никак не получается закрыть.

Даав ухмыльнулся.

— Готов поверить.

Эр Том склонил голову к плечу.

— Я могу узнать, какой платы с меня может потребовать Делм?

— Платы... — Даав закрыл глаза, но почти сразу же снова их открыл. — Как Делм может требовать плату, когда это он не желал услышать то, что ты хотел ему сказать?

Эр Том нахмурился.

— Я не думаю, что дело обстояло именно так, — заявил он с привычной мягкой серьезностью. — Разве кто-то из нас мог

ожидать столь необычного поворота? Вспомни: ведь я дарил нубиат! Возможно, что такие... трудности... с которыми мы столкнулись, оживили и укрепили наши узы.

Он поклонился: неглубоко и с иронией.

— По мудрости Делма.

— Да уж, смейся, смейся.

Даав попытался напустить на себя серьезность, но его губы упорно изгибались самым недостойным образом. Сдавшись, он открыто улыбнулся.

— «Все хорошо, что хорошо кончается», — процитировал он на земном, — как твоя леди обязательно подтвердит. Передай ей: «Плодитесь и размножайтесь».

Эр Том рассмеялся.

— Сам можешь ей это говорить. В конце концов мы ведь захотим, чтобы завтра Делм нас Увидел.

— Зачем это? Я прекрасно помню, что мастер-Целитель Кестра сообщила нам о том, что ваш союз выходит за рамки Кодекса и ему не подчинен.

— О, но, видишь ли, — совершенно серьезно отозвался Эр Том, — нужно подчиняться местному обычью. Мне не хотелось бы пренебрегать теми деталями, какие считает необходимыми общество.

— Ну конечно же. Ведь в конце концов у Корвала есть свои жесткие требования!

Эр Том засмеялся.

Глава сороковая

Первая атака стала ударом молота по Звездному Кольцу. Дюжина планет была потеряна сразу же, включая и ту, которая была домом драмлизам, а также место, которое Солдаты называли Штабом. Ходили слухи о корабле посева — даже о сотне кораблей посева, отправленных с Антора в момент гибели. Можно подумать, им это поможет.

Джела говорит, что Враг намерен уничтожить связь, а потом не спеша поглотить каждый изолированный мир.

Джела говорит, что теперь все, у кого есть корабль, становятся контрабандистами. А каждый контрабандист становится солдатом.

Я никогда ничего подобного не видела...

Из Вахтенного журнала Канtry йос-Фелиум

Было раннее утро, и в коридорах еще не было ученых — не считая филолога, которая шла рядом с Эр Томом. Когда они подошли к нужной двери, он посторонился и стал смотреть, как она наклоняется к дверному замку. Ловкие смуглые пальцы быстро справились с вводом кода.

Выпрямившись, она бросила в его сторону улыбку и, поймав его за руку, втащила за собой в тесный захламленный кабинет, в котором пахло книжной пылью и запустением.

Перешагнув порог, он остановился, удержав Энн рядом с собой, и осмотрел убогую комнатку, забитую книгами. Убедившись в том, что они здесь одни, он дал себя ввести еще на шаг внутрь и повернулся запереть дверь.

Энн засмеялась.

— Можно подумать, что в толпе замшелых профессоров нам может что-то угрожать!

Эр Том прикусил губу. Конечно, она ничего не помнит. Он не сомневался в том, что поступил правильно, когда призвал Целителя, чтобы Энн не мучилась. Ее увезли под дулом пистолета, ее ребенку и ей самой угрожала смертельная опасность, она вынуждена была лишить другого жизни: такие вещи лучше сразу же стереть из памяти, чтобы разум, потрясенный насилием, мог обрести спокойствие.

Однако теперь оказывалось, что, оказав ей наилучшую доступную ему услугу, он допустил, чтобы в будущем ей угрожала новая опасность. Один безумец с пистолетом не обязательно предвещает появление второго, но разумно не терять бдительности.

И очень трудно оставаться бдительным, если воспоминание о прошлой опасности стерто начисто.

— Эр Том? — Она смотрела на него, хмуря лоб, и в ее глазах читалась тревога. — В чем дело?

Он поймал ее за руку и очень серьезно посмотрел ей в лицо.

— Энн, мне хотелось бы, чтобы ты запомнила — и я говорю это очень серьезно, денубиа! — мне хотелось бы, чтобы ты помнила: Лиад — это не... безопасное место. Тут есть люди, которые совсем не любят землян. Есть такие, кто активно ненавидит... и кто может попытаться повредить тебе просто из-за того, что ты землянка, или за то, в каком направлении тебя ведет твоя работа... Лиадийцы... существует гордость, понимаешь? Многим нравится думать, что Лиад — это центр вселенной, а остальные... ниже. Для некоторых это отношение превращается в одержимость. Крыло Корвала сильно, но лучше оставаться бдительной, чтобы делму не пришлось сводить счеты.

— Осторожность еще никому не вредила, — пробормотала Энн и кивнула. — Я понимаю, Эр Том. Спасибо тебе.

Она немного помедлила, а потом снова встретилась с ним взглядом.

— Я раньше умела стрелять из пистолета. Я готова освежить свои знания и носить пистолет с собой.

Он облегченно улыбнулся.

— Это было бы разумно. Если хочешь, я тебя поучу.

— Хочу.

Она широко улыбнулась, быстро ската его пальцы, а потом отпустила и тремя быстрыми шагами пересекла кабинет, чтобы бережно снять со стены плоскую фотографию в рамочке.

— Эр Том, — проговорила она, укладывая рамку фотографией вниз и начиная осторожно снимать заднюю часть. — А разве ты не лиадиец?

Он медленно придинулся к рабочему столу, наблюдая за ее лицом. Она смотрела вниз и была поглощена делом.

— Мы принадлежим к Клану Корвал, — тихо ответил он. — Ты должна понять: мы не из Старого Мира — его называли Солситрой. Как записано в Вахтенном журнале, Кантра прилетела с Края, а Тор Ан был родом со Звездного Кольца: его прислали на Солситру учиться. Бедный ребенок: к тому моменту, когда его обучение закончилось, на Звездное Кольцо возвращаться уже было нельзя.

Энн подняла голову и теперь пристально на него смотрела.

— А все остальные кланы на Лиад могут проследить свое происхождение до... Солситры?

— Да, конечно. Но Солситра была всего лишь одной планетой в громадной империи. — Он адресовал ей улыбку. — И притом не слишком... развитой.

— Вам это известно, — проговорила она, очень тщательно подбирая слова, — с исторической точностью?

Он поклонился.

— Тот, кто будет Главой Клана Корвал — и тот, кто может стать делмом, — обязаны штудировать вахтенные журналы и дневники Кантры йос-Фелиум, а также дневники тех Делмов, кто ее сменил.

Она закусила губу. Он ощутил ее чувство... жажды?.. и понял, что для того, кто занят такими изысканиями, как Энн, сведения, которыми он только что поделился, могут стать по настоящему бесценными жемчужинами.

— Одна империя, — пробормотала она. — И один язык?

— Официальный язык и планетные диалекты. По крайней мере так можно предположить на основе Вахтенного журнала. — Он поднял раскрытые ладони. — Сами журналы написаны на языке, который в чем-то родствен икстранскому. Как ты понимаешь, они — не для всех. Корвал и без того считают достаточно странным, так что не годится, чтобы весь мир счел нас порождениями врага.

— А мне можно будет их видеть? — В голосе Энн зазвучало едва сдерживаемое волнение. — Те журналы?

Эр Том улыбнулся.

— Весьма вероятно, что тебе будет велено их прочесть, любимая.

Ее лицо осветилось улыбкой.

— Домашнее задание для нового Дракона, — пошутила она и снова сосредоточилась на разборке ветхой рамки.

Дело двигалось медленно: похоже, Энн старалась сохранить рамку целой, а сама рамка была полна решимости рассыпаться. Однако в конце концов терпение Энн победило, и покоробившаяся подложка была отделена.

Поверх плоской фотографии лежал тонкий квадратик серой бумаги.

Энн взяла его и, сдвинув брови, всмотрелась в один ряд букв.

— Что это? — спросил Эр Том тихо, чтобы не нарушить ее сосредоточенности.

— Обозначения, — пробормотала она. — Я что-то не вполне...

Она протянула ему листок, озадаченно качая головой.

Это действительно были обозначения — и они были знакомы ей так же хорошо, как лицо его брата.

— Нижняя часть второго квадранта с уклоном в восемьдесят градусов. — Он легко прочел символы для пилотирования и поднял взгляд на Энн. — Увы, у меня нет пульта и экранов.

Она устремила взгляд на него. Он увидел, как в ее взгляде загорается искра понимания, — а в следующую секунду она уже схватила его за руку, чтобы повернуть к переполненным книгами полкам.

— Нижняя часть, — пробормотала она, двигаясь к стеллажу и пристально глядя на книги, словно те могли разбежаться, если бы она хоть на мгновение оторвала от них взгляд, — второго квадранта...

Она опустилась на колени и приложила руку к ряду корешков, а потом стремительно оглянулась на него, словно задавая вопрос.

Он наклонил голову.

— Определенно.

— С уклоном... В восемьдесят гра... Милосердные боги!

Ее указательный палец выдвинул из тисков двух пухлых томов маленькую тонкую книжицу, переплетенную в потерянную темно-серую кожу. Больше всего она была похожа на записную книжку с личными долгами, которую забыли под дождем.

Энн благоговейно открыла ее: тонкие пальцы с необычайной бережностью перелистали густо исписанные страницы. Она то и дело внимательно всматривалась то в одну страницу, то в другую.

Эр Том опустился на колени рядом с ней.

— Это именно то, что ты искала?

— Кажется... — Она осторожно закрыла книжку и накрыла ее второй ладонью, словно это была птичка, способная улететь. — Мне надо будет внимательно ее изучить... получить точную датировку... Похоже... похоже...

Ее голос прервался, и она, ахнув, наклонила голову к книжке.

— Энн?

Она тряхнула головой, что он истолковал как просьбу помолчать и дать ей время подумать.

— Эр Том?

Ее голос сильно дрожал, и она не смотрела ему в лицо.

— Да?

— Был человек... человек с пистолетом. Я... Аспирант. Он убил доктора йо-Керу. Из-за этого. Чтобы скрыть эти данные.

Она наконец подняла голову, и он увидел печально осунувшееся лицо и глаза, в которых блестели слезы.

— Он требовал от меня сведений... угрожал Шану. — Она судорожно сглотнула. — Я его убила. Фил Тор Кинрэ.

— Да. — Он поднял руку и погладил ее по щеке, а потом нежно положил ладонь ей на лоб. — Я знаю.

Энн кусала губы. А потом она заглянула ему в глаза, и в ее взгляде он прочел отчаяние.

— Они придут и потребуют сведения счетов! — сказала она. — Его клан.

Эр Том выгнул бровь.

— Скорее они придут и будут очень смиленно молить Корвал о прощении за свою ошибку: ведь это их отпрыск был готов похитить тебя и нашего сына и угрожать вам! — Он передернул плечами. — В любом случае этими делами занимается делм.

— Правда?

— Конечно, правда, — твердо ответил он. — Мне вызвать к тебе Целителя, Энн?

— Ты уже это делал.

Она наклонила голову и поймала его руку, сосредоточенно переплетая свои пальцы с его пальцами. Подаренное им кольцо ярко блестело на фоне ее кожи.

— Думаю, — тихо проговорила она, — думаю, что попробую обойтись без... забвения. Это не... теперь это кажется... очень туманным. Словно произошло давно... — Она с улыбкой посмотрела ему в глаза. — Если станет хуже, я тебе скажу. Ладно?

— Договорились. А тем временем ты попрактикуешься в стрельбе из пистолета.

— Я попрактикуюсь в стрельбе из пистолета, — пообещала она и перевела взгляд на книгу, которую продолжала бережно держать в руке. А потом она снова посмотрела в лицо Эр Тому. — А... делм... не захочет... скрыть эту информацию — при условии, что она достоверная?

— Насколько я знаю, относительно подобных вопросов делм получил инструкцию от своей бабки, — очень осторожно ответил ей Эр Том. — Я имею в виду, как ты понимаешь, бабушку Кантру. Ее взгляды, отраженные в Вахтенном журнале, заставляют меня считать, что делм не считает нужным скрывать подобные вещи, хотя он вполне может увидеть необходимость в выборе способа, как именно они будут преподнесены миру. — Он наклонил голову. — Для блага Клана.

— Я... понимаю. — Она еще раз взглянула на книжицу, а потом улыбнулась, глядя ему в глаза, и нежно сжала его руку. — Ну, она слишком ценная, чтобы оставлять ее здесь, так что, наверное, я просто поручу ее заботам делма, перед нашим отъез-

дом в свадебное путешествие. — Она ухмыльнулась. — Кстати, если мы не тронемся в ближайшее время, то опоздаем на собственную свадьбу.

— А вот это, — заявил Эр Том, — было бы очень нехорошо. Я предлагаю, чтобы мы отправились немедленно.

— А я предлагаю, — прошептала Энн, чуть придвигаясь к нему, — чтобы мы отправились через минуту.

— Это гораздо разумнее, — согласился он и подался на встречу ее поцелую.

ПУТЬ
РАЗВЕДЧИКА

Команде Бинджали: прошлой, настоящей и будущей

Глава первая

Как правило, клан, получающий ребенка от брака по контракту, платит брачное вознаграждение второму клану брака, который также получает иные материальные выгоды. По завершении контракта уезжающий супруг часто получает премиальные.

Таким образом вступление в брак по контракту — это не просто вопрос подчинения Закону, но и экономическая необходимость для некоторых Домов, не относящихся к Высоким: член такого клана может в течение всей своей взрослой жизни заключать браки один за другим.

Из «Брачных обычаев Лиад»

— Сайнит, неужели ты не можешь не читать за столом?

Голос Вени звучал звонко и ясно. Эллиана слышала, что это считается хорошим свойством, хотя и не настолько ценным, как ее лицо.

В этот момент и лицо, и голос говорили о легкой скуке, столь подобающей старшей сестре, которой приходится выполнять утомительную обязанность воспитывать младшую.

— Нет, я просто как раз дошла до интересного места, — ответила Сайнит, не поднимая головы от книги.

Она подняла руку и стала на ощупь искать чашку.

— Право же, — лениво протянула Вени, пока Эллиана брала сладкую булочку с центрального блюда и разламывала

ее на части, — даже Эллиана понимает, что за столом книг не читают!

— Это про антропологию, — пробормотала Сайнит, продолжая шарить по столу в поисках чашки. — Правда, я уже почти закончила, только перестань меня дергать...

— Если ты продолжишь в том же духе, — негромко заметила Эллиана, устремив взгляд в свою тарелку, — то твоя чашка опрокинется, и Ран Элд устроит ужасную выволочку. Отложи книгу, Сайнит, будь умницей. Если ты поторопишься с завтраком, то еще успеешь закончить чтение до прихода гувернера.

Их самая младшая сестра шумно вздохнула и закрыла книгу несколько более энергично, чем требовалось.

— Наверное, ты права, — неохотно признала она. — Это — из тех вещей, о которых Ран Элд обожает разглагольствовать, правда? А если бы я пролила чай, было бы еще хуже. А все равно книга чудовищно интересная. Я и понятия не имела, до чего эти земляне странные! Нет, — уточнила она, благородно пряча книгу себе на колени, — я, конечно, знала, что они странные. Но только представь себе: вступать в брак с тем, кто тебе понравится, и даже не говорить об этом со своим делмом. И... и целовать тех, кто с тобой не в родстве! И...

— Сайнит! — Вени поспешила вернуть на тарелку надкусенную гренку. Ее хорошенъкое личико побледнело, она судорожно сглотнула. — Это же отвратительно!

— Нет, — горячо возразила Сайнит, наклоняясь над своей тарелкой так низко, что подвергла опасности шнуровку своей рубашки, — нет, это вовсе не отвратительно, Вени. Просто дело в том, что они земляне и не понимают, как надо себя вести. А как они могут поступать должным образом, когда у них нет делмов, которые бы обеспечивали дисциплину, и нет Совета Кланов, который устанавливал бы порядок? А что до браков с кем захочешь, то и тут все обстоит точно так же, правда? Раз в жизни нет кланов, и каждому человеку приходится вступать в такой союз, который представляется ему самым хорошим, не имея возможности руководствоваться Кодексом или Книгой Кланов, то как же еще...

— Сайнит! — Эллиана сочла за лучшее остановить это увлеченное объяснение, пока брезгливая Вени не сочла необ-

ходимым вообще изгнать из столовой их младшую сестру. — Ты ведь, кажется, хотела быстро позавтракать и уйти в гостиную, чтобы там дочитать?

— О! — Вспомнив свой план, Сайнит схватила половинку булочки и щедро намазала ее джемом. — По-моему, вступить в брачный союз было бы очень интересно.

Для Сайнит это можно было считать переменой темы разговора.

— Ну, я сомневаюсь, чтобы ты в ближайшем будущем это могла проверить, — заявила Вени, к которой вернулась ее привычная строгость. — Особенно если ты упорно будешь поднимать за обеденным столом такие... неприличные темы.

— Ага, как же! — утонченно отозвалась Сайнит, запихивая в рот умашенную джемом булочку. — Просто ты уже сто раз была замужем, поэтому тебе все это смертельно надоело.

Глаза Вени опасно вспыхнули.

— Еще не сто раз... пока... милая сестрица. Но льщу себя надеждой, что мои брачные контракты принесли Клану немалую выгоду.

Разрывая булочку на кусочки, Эллиана мысленно согласилась с тем, что Вени говорила правду. В свой тридцать один год Вени побывала замужем пять раз — и всякий раз к вящей выгоде Мицела. Она была хороша собой, прекрасно держалась на людях и знала Кодекс до последней точки: ценное дитя Клана. Только вчера она намеренно проговорилась о том, что Делм подумывает о шестом брачном контракте, с молодым лордом пел-Рулой. Это было бы действительно достижением, и квартальная доля Вени взлетела бы до головокружительных высот.

— Эллиана была замужем, — провозгласила Сайнит, немного увязая в булочек. — Это было интересно и чудесно?

Эллиана пристально уставилась в свою тарелку, благодаря богов за густую занавесь своих волос.

— Нет, — прошептала она.

Вени рассмеялась.

— Эллиана, — сообщила она, переходя на высокий лиадийский и модальность наставления, — была так любезна,

что дала Делму знать, что больше никогда не примет контракта.

Сайнит устремила округлившиеся от изумления глаза на Эллиану, которая неподвижно и горестно застыла над своим раскрошенным завтраком.

— Но... но приемы, и масса новых нарядов, и...

— Доброе утро, дочери!

Байрин Кэйлон, Делм Клана Мицел, вплыла в столовую, опираясь на царственную руку своего сына Ран Элда, Наделма. Разрешив ему усадить себя за стол и налить чашку чая, она обвела взглядом сидящих.

— Сайнит, у тебя на лице джем. Эллиана, мне бы хотелось, что ты либо ела, либо нет, и в любом случае прекратила бы терзать свою еду. Вени, милочка, завтра в полдень нас навестит леди пел-Рула. Мне бы хотелось, чтобы ты приняла ее со мной.

Вени широко ухмыльнулась.

— Да, матушка.

Мицел повернулась к сыну, который успел занять свое обычное место рядом с ней.

— Мы с тобой должны встретиться через час, кажется? Будь в форме, сударь: я рассчитываю на то, что ты продемонстрируешь мне, почему разумно держать основную часть нашего капитала в акциях Йерлинда.

— Это неразумно, — сообщила Эллиана своей тарелке — едва слышно.

Увы, как оказалось — недостаточно тихо. Ран Элд замер, не донеся до рта бокала с утренним вином и изумленно выгнув брови.

— Прошу прощения?

«Я сошла с ума», — решила Эллиана, глядя на раскрошенные остатки завтрака, к которому она даже не притронулась. Только сумасшедшая могла вот так поставить под вопрос суждение Ран Элда. Наделм был, мягко говоря, не склонен терпеть нахальство любого, кто состоял в длинном списке низших по рангу. И, к несчастью для Эллианы, ее имя в этом списке значилось первым.

«Попроси у него прощения, — горячо умоляла она себя, сжимая на коленях похолодевшие руки. — Согнись, вынеси насмешки, будь покорной, будь слишком жалкой, чтобы спровоцировать нападение!»

Эта стратегия в прошлом тысячу раз ее выручала. Однако сегодня утром голова Эллианы осталась привычно полуопущенной, лицо пряталось за шелковой занавесью волос, а глаза вперялись в тарелку так пристально, словно она поставила себе задачу запомнить мельчайшие детали каждого цветочка росписи, блекнувшей на желтеющем фарфоре.

— Эллиана...

Голос Ран Элда превратился в мурлыканье, полное злобы. Она поняла, что теперь просить прощения было бы уже поздно, — и еще крепче сжала руки.

— Кажется, у тебя появилось... мнение, — проговорил Ран Элд, — относительно инвестиций Клана. Умоляю тебя: не стесняйся, намекни нам, как именно следует действовать. Благо Клана должно стоять превыше всего.

Да, конечно. Если не считать того, что благо Клана уже очень давно стало означать усиление власти самого Ран Элда Кэйлона. Эллиана быстро провела кончиком языка по губам и без удивления заметила, что дрожит.

— По акциям Йерлинда, — сказала она совершенно спокойно и в модальности наставления, словно обращалась к ошибающемуся студенту, которого ей приходится поправлять, — выплачивается два процента, что следует признать жалким доходом, когда другие фондовы бумаги предлагают от трех до четырех и одной десятой процента. Их ликвидность тоже не превосходит другие, поскольку Йерлинду требуется трое суток, чтобы перевести сумму кантр, равную стоимости акций. Есть несколько других высокодоходных бумаг, перевод средств по которым занимает всего двадцать восемь часов.

Наступило короткое молчание, которое нарушил голос ее матери, прозвучавший потрясающе буднично:

— Мне хотелось бы, чтобы ты поднимала голову, когда разговариваешь, Эллиана, и проявляла внимание к человеку, с которым ты разговариваешь. Ты так упорно прячешь свое

лицо, что можно подумать, будто у тебя меланти меньше, чем у какого-нибудь землянина. Не могу понять, как получилось, что у тебя появились такие плохие манеры.

Вени захихикала, чего и следовало ожидать. Ран Элд сокрытые ледяное молчание, в котором Эллиана услышала свою гибель. Теперь ее уже ничто не спасет: ни покорность, ни извинения не купят снисходительности Ран Элда после того, как она унизила его перед Делмом и младшими сестрами.

Эллиана подняла голову, легко стряхнув волосы себе за спину, — и встретилась взглядом с братом. Ярко-синие глаза, подобные сапфирам чистой воды, бесстрастно смотрели на нее из-под выгнутых дугами золотистых бровей. Ран Элд Кэйлон был красивым мужчиной. Увы — при этом он был тщеславен и одевался с пышностью, которая не соответствовала его положению, и в отношении ювелирных украшений тоже не знал меры.

Вот и сейчас он поставил на стол свой бокал вина и начал поправлять свои многочисленные кольца.

— Естественно, — пробормотал он, не обращаясь ни к кому в особенности, — высказывание Эллианы меня просто заворожило. Я поражен, узнав, что она так прилежно изучает экономику.

— И все же, — неожиданно возразила ему Глава Клана, — ее доводы звучат убедительно. Зачем нам держать наш капитал в двухпроцентных акциях, когда его можно было бы разместить в четырехпроцентных?

— Акции Йерлинда проверены временем, которое доказало их надежность, — ответил Ран Элд. — Те другие... варианты, которые представляет моя уважаемая сестрица, не прошли столь строгой проверки.

— Ормит — это самые новые ценные бумаги из тех, которые я рассматриваю, — с изумлением услышала Эллиана собственное заявление, по-прежнему произнесенное в модальности наставления. — Право, пятидесяти лет должно быть достаточно, чтобы обнаружить какие-то изъяны, если такие существуют.

— И что я знаю об акциях Ормита?

Ран Элд даже нахмурился, а в глубине его глаз появилось выражение, которое не обещало Эллиане ничего хорошего, как только разговор пойдет в отсутствие Делма.

Она встретила его взгляд с легкой дрожью ужаса, но тем не менее ее ответ прозвучал спокойно.

— Рассмотрение данных по биржевым торгам всего за дюжину дней покажет, насколько стабильно держится цена акций Ормита, — ответила она. — Сведения об инвестициях и имуществе этой фирмы могут быть в любое время получены через информационную сеть.

Его брови сдвинулись сильнее, однако голос продолжал звучать по-прежнему сладко.

— Просвети меня, сестрица: ты стремишься занять место финансового советника Клана?

— У нее это может получиться лучше, — заметила Делм Мицела, — чем у нашего нынешнего советника.

Ран Элд повернул голову так резко, что у него зазвенели серьги.

— Матушка...

Она предупреждающе подняла руку.

— Спокойствие. Представляется, что Эллиана думала над этим вопросом. Следовало бы проверить ее соображения наряду с твоими собственными.

Она посмотрела на сидящую напротив нее дочь.

— Что ты скажешь, дочь, относительно того, чтобы самостоятельно распорядиться твоей квартальной выплатой и посмотреть, что из этого получится?

Распорядиться своей собственной квартальной выплатой? Получить целых четыре кантры, которые можно будет инвестировать по своему усмотрению? Эллиана сжала руки с такой силой, что ногти врезались в ладони.

— Выпустить Эллиану на свободу, вручив ей четыре кантры? — Ран Элд пожал элегантным плечом. — А если в конце квартала она все потеряет?

— Я не думаю, чтобы она оказалась настолько неумелой, чтобы потерять начальную сумму, — не без строгости заявила

Глава Мицела. — В самом плохом случае, на мой взгляд, она вернет нам четыре кантры — по истечении года.

— По истечении года? — вопросила Вени, которая, как всегда, выступила союзницей Ран Элда. — Предоставить Эллиане такую свободу на целый год может оказаться не очень разумно, сударыня.

— Вот как? — Глава Клана Мицел со стуком поставила чашку на блюдце, вглядываясь в лицо своей средней дочери. — Что скажешь, девица? У тебя есть какие-то взгляды относительно продолжительности срока, который должен быть отведен на этот эксперимент?

— Квартал — слишком короткий срок, — спокойно заявила Эллиана. — За два квартала уже могут проявиться заметные расхождения. Однако, насколько я понимаю, Делм хочет получить демонстрацию тенденции, которая могла бы послужить для сравнения с установленной практикой Дома. Год для такого эксперимента представляется не чрезмерным сроком.

— Значит, пусть это будет год, — объявила Делм и бросила быстрый взгляд на своего наследника. — Ты переведешь на имя сестры ее квартальную долю не позже сегодняшнего вечера. Посмотрим, как ее теории пройдут испытание Биржей.

Тут Сайнит рассмеялась, а Ран Элд потемнел как туча. Вени налила себе еще чашку чая.

Эллиана осторожно отодвинулась от стола, встала и поклонилась Делму.

— Прошу меня извинить, — пробормотала она, едва слыша, что именно говорит, — мне необходимо подготовиться к занятиям.

Мицел небрежно взмахнула рукой, и Эллиана сбежала из столовой.

— Но именно так своими инвестициями занимаются земляне! — возбужденно воскликнула Сайнит. — Каждый человек сам отвечает за свое собственное состояние. По-моему, такая система ужасно интересна, а вы как считаете?

— По-моему, — догнал Эллиану в коридоре ясный голос Вени, — антропология тебе идет не на пользу, сестрица.

Глава вторая

Каждый должен дать своему клану ребенка своей крови, который будет выращен кланом и будет принадлежать клану, какие бы события впоследствии ни вывели его родителя из-под власти клана. И это должно быть Законом для каждого члена каждого клана.

Из Хартии Совета Кланов, составленной на Шестой год после Высадки, город Солснтра, Лиад

— Леди йос-Галан! — объявил у порога дворецкий.

Мужчина, сидевший за столом, оторвал взгляд от экрана, встал и пошел навстречу пришедшей, приветливо протягивая руки.

— Энн! Ты сегодня рано встала. — Его земной звучал с акцентом, но не таким заметным, как еще год назад, а улыбка выражала искреннее удовольствие. — Ты здорова? И мой брат, твой спутник жизни, и мой совершенно превосходный племянник! — они наслаждаются своим обычным крепким здоровьем?

Энн Дэвис широко улыбнулась ему с высоты своего роста и тепло сжала его пальцы, прежде чем их отпустить.

— Ты виделся с нами всего пару дней назад, — сказала она. — Что могло бы испортиться настолько стремительно?

— Да что угодно! — заверил он ее, принимая трагическую позу, которая была вознаграждена негромким смешком. — Ты только посмотри, как бывает: сейчас, утром я еще свободный человек, а уже вечером буду помолвлен!

Тень пронеслась по ее подвижному лицу — что было вполне понятно, поскольку она была землянкой и не слишком высоко ставила браки по договоренности и контракту. Разумом она готова была признать эффективность этого обычая, но эмоционально не принимала их и предпочитала говорить о чем-нибудь другом.

— Это будет для тебя очень гадко, Даав?

В ее голосе звучало сестринское сочувствие, которое было вполне приемлемым со стороны спутницы жизни его названного брата. И, как с горькой иронией признал Даав, такого он не получал от своей собственной сестры, которая при известии о его скором контракте позволила себе скептически поздравить его с тем, что он наконец-то решился исполнить свой долг.

— А, ну... В конце концов, необходимо подчиняться Закону.

Он повел плечами, показывая, что предпочел бы прекратить этот разговор, и направился к столу с винами.

— Что я могу тебе налить?

— Чай есть?

— По правде говоря, есть, — ответил он, наливая ей и себе по чашке из серебряного чайника. Перенеся обе чашки на стол, он вернулся на свое место, жестом пригласив ее сесть в кресло на углу стола.

— А теперь скажи мне, что заставило тебя выйти из дома в такой ранний час?

Энн сделала небольшой глоток, а потом с тихим стуком вернула чашку на блюдце, устремив на него очень серьезные карие глаза.

— Мне нужны указания Делма, — заявила она на высоком лиадийском в очень подходящей модальности уважения к Делму.

Даав моргнул:

— О боже!

Уголок рта Энн чуть заметно изогнулся, но в остальном она сохранила невозмутимость.

Тихо вздохнув, он посмотрел на свои руки — длинные, умелые пальцы с коротко обрезанными ногтями, с мозолями у ладоней и на кончиках. Он не слишком любил украшения и носил всего одно кольцо: оно охватывало безымянный палец левой руки от сустава до сустава. Богатая эмаль изображала Дерево, покрытое листвой, над которым парил Дракон, наполовину расправивший крылья. Кольцо Клана Корвал, говорившее о том, что он — Делм.

— Даав?

Голос Энн оставался намеренно нейтральным.

Он встряхнулся и снова посмотрел ей в лицо, выгнув бровь, подсмеиваясь над самим собой.

— Возможно, тебе лучше было бы познакомить меня с деталями своего требования, — проговорил он на благословленно непринужденном земном. — Делм может и не понадобиться — ведь он такой скучный тип!

По ее губам снова пробежала тень улыбки.

— Хорошо, — согласилась она, с готовностью переходя следом за ним на свой родной язык.

Даав позволил себе расслабиться. Он не мог точно сказать, насколько этот очень не-лиадийский член его Клана разбирается в меланти. Он ни разу не замечал, чтобы она сделала ошибку в обществе, но это вполне можно было бы счесть счастьем заслугой ее спутника жизни, который, конечно же, не допустил бы, чтобы она поставила себя в рискованное положение. Однако что бы сюю ни руководило — понимание или интуиция, — она готова была на какое-то время позволить ему сбросить бремя своего делмства, и это вполне устраивало Даава.

— Повинуясь Слову Делма, — сказала Энн, сделав еще глоток чая, — я изучала Дневники предыдущих Делмов Корвала, а также Вахтенный журнал, который вела Кантра йос-Фелиум — э-э... основательница Клана.

Даав наклонил голову. Было необходимо, чтобы все члены Основных Семейств освоили данные, содержавшиеся в Дневниках и Журнале. Хотя Энн и была землянкой, но от Кольца ее отделяли всего две жизни — и это было еще одной темой, которую ей не хотелось обсуждать. Немалая часть Дневников была связана с политикой: надо полагать, что Энн наткнулась на записи о каком-нибудь старинном Сведении счетов и испытала — вполне извинительно! — недоумение.

Даав улыбнулся, поскольку это не требовало Указаний Делма, а всего лишь разъяснений, которые более старший член Клана охотно может дать более младшему.

— В Дневниках нашелся отрывок, который нельзя назвать совершенно понятным? — Он ухмыльнулся. — Ты меня поражаешь.

Она в полной мере ответила на его улыбку, но тут же снова посерезнела. Глаза у нее потемнели, но она ничего не сказала.

— Так скажи мне, — пригласил ее Даав, почувствовав, что такая подсказка необходима, — что в прискорбной истории Корвала тебя смущило?

— Вряд ли она полностью... прискорбна, — тихо сказала Энн, а потом уже тверже сказала: — Контракт.

— Вот как? — Он позволил себе поднять обе брови. — Ты сомневаешься в подлинности контракта Кантры с Домами Солситры?

— О нет! — ответила она с безмятежностью специалиста-филолога, каковым и являлась, — он совершенно подлинный. Что у меня вызывает сомнения, так это предположение Корвала о том, что он остается в силе.

— Предположение. А мне он представлялся таким несложно сформулированным документом! По правде говоря, прямо-таки живительно простым. Но я должен спросить, почему мой чалекет не смог разрешить для тебя эту проблему? Мы с ним получили примерно одинаковые сведения на этот счет, поскольку он является наследником Делма.

Она смотрела на него совершенно серьезно.

— Я не спрашивала его об этом. Ему было достаточно сложно объяснить мне насчет Дерева.

— Ты поставила под вопрос Джелаза Казон? Это смело. — Он махнул рукой в сторону широкого окна у себя за спиной, где сквозь заросли цветов и кустарника возносился вверх мощный ствол Дерева. — Сознаюсь, что предпочел бы начать с чего-нибудь менее определенного.

Энн тихо засмеялась.

— Более тупоголового, — согласилась она и немедленно двинулась дальше, не оставив ему времени, чтобы поразмышлять над удивительной картиной, вызванной подобной идиомой. — По словам Эр Тома, Дерево... говорит.

Да, и Даав мысленно признал, что это так, хотя, наверное, он не стал бы признаваться ей в этом — пока и таким образом. Однако Дерево действительно... общалось с теми, кто

принадлежал к Основным Семействам. Эр Том, человек, совершенно не склонный к полетам фантазии, знал это с полной определенностью и сообщил об этом своей спутнице жизни, от которой его сердце не имело тайн.

— Я вижу, что перед ним стоит непростая задача, — серьезно сказал Даав. — Поэтому справедливость требует, чтобы защиту Контракта я взял на себя. Это будет правильно. Я скажу прямо: Контракт не говорит. То есть он говорит только то, что в нем написано.

— Чего вполне достаточно для нашего разговора, — отозвалась Энн. — В параграфе восьмом записанные в нем слова говорят, что... — Она замолчала и бросила на него смущенный взгляд. — Может, вам захочется вывести на экран копию Контракта, чтобы видеть, о чем я говорю?

— В этом нет нужды: Контракт принадлежит к числу... тех нескольких документов, которые мой Делм заставил меня заучить наизусть во время моей подготовки. — Он сделал глоток чая, отставил чашку и встретился с ней взглядом. — Как я понимаю, в основе твоих затруднений лежат условия, оговаривавшие его выполнение Капитаном и ее наследниками. Мне эта часть представляется наиболее просто написанной. Покажи мне, в чем именно я ошибаюсь.

— Контракт очень просто написан, — спокойно проговорила Энн. — И это вполне понятно: ведь они шли на отчаянный риск. Обязанности Капитана оговорены очень четко, как и цепь инстанций. В ситуации, когда предположение может привести к гибели людей, никаких предположений не допускается. У меня нет проблем с первоначальным назначением этого документа. Моя проблема проистекает из того, что Клан Корвал по-прежнему предполагает, что Контракт остался в силе.

О боги! До чего это очаровательно по-земному! Даав наклонил голову.

— В нем не указаны сроки истечения его действия, — спокойно заявил он. — И Совет Кланов пока не снял с Корвала возложенные на него обязанности. Делм Кланы Корвал, по совершенно четкой формулировке этого восьмого параграфа

графа, считается Капитаном и дает клятву действовать в интересах своих пассажиров.

Он улыбнулся.

— Что стало обозначать всех лиадийцев — и я готов признать, что такое толкование может считаться расширительным. Однако не следовало бы ограничиваться простым наблюдением за благополучием одних только потомков первоначальных Домов Солсинтеры. Даже если не считать того, что бабушка Кантра никогда не заключила бы контракта, который делил бы пассажиров на более низкий и более высокий классы, правящим органом стал Совет Кланов. А в Хартии говорится, что Совет Кланов выступает от лица всех кланов.

Он передернул плечами и адресовал Энн еще одну улыбку.

— Таким образом, обязанности Капитана расширяются.

— Даав, этому Контракту уже тысяча лет!

— Почти, — признал он, кивая по-земному.

Она закрыла глаза и сделала глубокий вдох — возможно, чтобы успокоиться. Не открывая глаз, она без всякого выражения заявила:

— Восьмой параграф делает тебя королем всей планеты.

— Отнюдь, если вспомнить этот бесконечный список обязанностей! Я всего лишь очень узко ограниченный... как это называется... клоун?

— Джокер — карта, которая подставляется вместо любой другой. — Она открыла глаза. — И ты действительно признаешься... меланти Капитана? Ты считаешь себя надсмотрщиком всей планеты — всех пассажиров?

— Я обязан, — тихо ответил он. — Контракт остается в силе.

Она шумно выдохнула: это было наполовину смешком, наполовину досадливым возгласом.

— Совершенно лиадийская точка зрения!

Даав выгнул бровь.

— Милое мое дитя, я такой же лиадиец, как и ты.

Энн стремительно подняла на него взгляд, и ее лицо стало напряженным, но почти сразу же она успокоилась и улыбнулась.

— Ты имеешь в виду, что был разведчиком: Я готова признать, что ты знаешь вселенную так, как мне ее никогда не узнать. Вот почему я и нахожу все это столь странным. Совет Кланов наверняка забыл о том, что Контракт вообще существует! Тысяча лет? Но ты же подвергаешь себя — и Клан — опасности, беря сейчас на себя такую обязанность?

— Ты аргументируешь свою точку зрения очень по-лиадийски, — сказал Даав с ухмылкой и поднял руку к витку серебряной проволоки, продетому в мочку его правого уха. — В меланти Корвала не входят домыслы относительно того, что мог или чего не мог забыть Совет. Второй экземпляр Контракта был предъявлен на открытом заседании Совета триста лет тому назад — это был последний случай, когда потребовался Суд Капитана.

— Триста лет тому назад?

Он кивнул, позволив себе слабую улыбку.

— Как видишь, обязанности не очень обременительные. Я слежу за благополучием пассажиров так, как меня обучил мой Делм, руководствуясь Дневниками и Вахтенным журналом, и не предвижу необходимости взять на себя меланти короля.

Молчание. Взгляд Энн был устремлен куда-то за его спину. По ее гладкому лбу пролегли морщины.

— Я тебя не удовлетворил, — мягко заметил Даав. — И беда в том, видишь ли, что Делм ничего сделать не может.

Она посмотрела ему в лицо и виновато улыбнулась.

— Я буду над этим работать, — пообещала она довольно печально. — Хотя я не уверена, что создана для говорящих Деревьев и тысячелетних Капитанов.

— Мы — странный Клан, — признал Даав с наигранной серьезностью. — Безумны, как лунные лучи. Тебе любой это подтвердит.

— Непочтительно высказаться о Высоком Доме Корвал? Не думаю. — Энн усмехнулась и встала, протягивая ему руку. — Спасибо за то, что уделил мне время. Мне очень жаль, что я такая плохая ученица.

— Нет ничего плохого в том, что ученый задает вопрос «Почему?». — Он встал и принял протянутую ею руку. — Разре-

ши мне проводить тебя до машины. Твой спутник жизни по-прежнему намерен составить мне сегодня вечером компанию, так ведь? Не знаю, что я стану делать, если он откажет мне в поддержке.

— Можно подумать, он на это способен! — ответила Энн, укоризненно качая головой. — И ты станешь делать точно то же, что и всегда, будет ли он с тобой или нет.

— Ах нет, ты ко мне несправедлива! Эр Том обеспечивает мне доступ в Высокие Дома. Его манеры открывают все двери.

— Тогда как перед Главой Клана Корвал все двери закрываются, — с иронией проговорила она.

— Так непременно было бы, если бы среди нас оказалось больше ученых-историков. Но ты же видишь: гуманитарные науки гибнут! Никто больше не заучивает великие события: всех занимают только сплетни и мелочи.

На середине залитой солнцем террасы Энн остановилась и устремила на него вдруг ставшие серьезными карие глаза.

— А сколько это — «несколько»?

Он вопросительно поднял бровь:

— Прошу прощения?

— Ты сказал, что помимо Контракта тебе пришлось выучить наизусть «несколько» документов. Мне интересно...

— А! — Он чуть поклонился. — Я один раз подсчитал — от нечего делать, знаешь ли! — что для того чтобы переписать тот материал, который я запомнил, мне понадобится три целых и три десятых релюммы. Ты должна учесть, что я запоминал только жизненно важную информацию на тот случай, если ресурсы Джелаза Казон окажутся для меня... недоступными.

— Три целых три десятых... — Энн резко тряхнула головой. — У тебя... все в порядке?

— Я — Глава Клана Корвал, — заявил Даав с суворостью, которая поразила его самого не меньше, чем ее. — Здравый рассудок — это соображение вторичное.

— И Эр Том... Эр Том прошел такую же подготовку.

Так вот что ее вдруг так расстроило. Даав улыбнулся.

— Да, во многом такую же. Но тебе следует помнить, что Эр Том запоминает целые торговые декларации исключительно ради удовольствия.

Она рассмеялась.

— Совершенно верно!

Стремительно наклонившись, она поцеловала его в щеку: знак сестринской симпатии, который необычайно его согрел.

— Береги себя, Даав.

— Береги себя, Энн. До скорой встречи.

Своей стремительной походкой она прошла через террасу и скользнула в ожидавший ее автомобиль. Даав смотрел ей вслед, пока машина не прошла первый изгиб подъездной аллеи, а потом неохотно вернулся в дом — за свой рабочий стол и к обязанностям Делма.

Глава третья

Поступившие в Академию Разведки проходят серьезное обучение, по окончании которого овладевают способностью, отрешившись от собственных пристрастий, иметь дело с сообществами невообразимо чужеродными и даже невероятно дикими.

Разведчики по определению люди отважные, талантливые, обладающие высочайшей приспособляемостью и бесконечной находчивостью.

Из «Все о лиадийских разведчиках»

— Вопрос, который мы решаем при таком развитии событий, — резко ответила Эллиана, — формулируется не «способен ли я выполнить математические расчеты такой сложности без поддержки компьютерной лаборатории», а «признаю ли я такие усилия невозможными и буду готовиться к смерти?»

Шестеро студентов — пять разведчиков и полевой инженер — переглянулись. Их, несомненно, изумила ее горячность. Ну и пусть. Если их жизнь будет куплена ценой этого изумления, их преподаватель оказал им добрую услугу. Она наклонила голову и продолжила:

— Я исхожу из того, что все студенты, дошедшие до данного уровня обучения, обладают достаточно цепкой памятью и силой воли, чтобы успешно бороться за свою жизнь — при условии, что в их распоряжении также есть корабль с функционирующей установкой для гиперпространственных прыжков.

Ее слушатели выжидательно смотрели на нее.

— Наличие таблиц вен-Туры было бы полезным, однако полных таблиц не потребуется, если возможно определить следующее. Вашу исходную массу с точностью до трех процентов. Ваш начальный прыжковый заряд с точностью до двадцати процентов — при условии, что он остается в пределах Соотношения пел-Эндры, которое, как вы уже успели узнать, можно вывести из местного собственного электронного контраспина и примерной масс-кривой ближайшей крупной массы. Если вы находитесь вне пределов крупной гравитационной ямы, то можете игнорировать Соотношение и двигаться дальше.

Она помолчала, обведя взглядом шесть сосредоточенных лиц, шесть пар жадно-внимательных глаз, а потом завершила список необходимого:

— И наконец — и что самое важное, — вам необходимо заучить наизусть строчки базовой таблицы с двадцатой по сто девяносто девятую.

Кто-то застонал. Эллиана решила, что это Вар Мон, самый юный и неугомонный из шестерых, и устремила на него строгий взгляд.

— Напоминаю вашу задачу: вы застряли в неисследованном секторе. Координаты потеряны, главный компьютер и навигационный компьютер уничтожены или вышли из строя. Ваша цель заключается в том, чтобы выйти на расстояние подлета к одной из планет, обладающей способностью совершать космические перелеты. Используя тот подход, который я вам предлагаю, вы нарушите много разных правил, но вы будете следовать главнейшему правилу — выжить.

Она снова сделала паузу.

— Перед тем как воспользоваться этим подходом, необходимо подумать. До начала прыжка вам необходимо знать си-

стем-энергетические координаты того места, куда вы будете направляться. Здесь существует возможность ошибки, поскольку уравнение прыжка требует, чтобы вы переместили свое текущее соотношение массы и энергии в соотношение, точно эквивалентное цели, куда вы направляетесь. Следовательно, первоначальное определение, включая и первое Допущение, должно быть точным до тысячных или даже десятитысячных долей, чтобы обеспечить совпадение магнитной и темпоральной магнитуды.

Эллиана снова обвела взглядом обращенные к ней лица — и увидела несколько пар полных сомнения глаз. Они правы, что сомневаются: опасность вполне реальна. Неправильное уравнение означает схлопывание, перевод в массу, взрыв... одним словом, гибель. В ее обязанность входит продемонстрировать им, что такая ситуация, какую предусматривают сформулированные ею условия — и которая слишком часто встречается в работе разведчиков, — не исключает возможности выжить. Она подняла руку.

— Проведу демонстрацию, — сказала она. — Прошу вас задать мне следующие параметры. Рема — уравнение какой-либо существующей системы.

Оно было дано — немного слишком легко. Эллиана занесла его на автодоску, воспользовавшись дистанционным пультом, и позволила себе мысленно улыбнуться озорству разведчиков. Каждый класс считал, что им удастся поймать ее на хитроумной уловке. И каждый класс убеждался в своей ошибке — рано или поздно.

— Вар Мон — разумную массу и заряд вашего корабля...

Он назвал ей цифры, и она обратилась к другим, получая части уравнения и записывая их на доску. Так.

— Игнорируем тот факт, что человеку, застрявшему в порту Солсинтры, достаточно просто вызвать такси, что делает эту ситуацию вполне благоприятной для выживания. Действительно, есть возможность прыгнуть с Солсинтры к внешнему краю земной системы, получив величину спина из таблицы — обратите внимание на строчку четырнадцать и ее соответствие в строчке сто девяносто семь, часть третья доказательства.

Класс пристыженно захихикал, а Эллиана притворилась, будто ничего не услышала. Ну надо же — считать, будто она не сможет опознать координаты самого крупного космопорта планеты! Она подняла руку, требуя внимания слушателей.

— На следующее занятие вы принесете доказательство, о котором я только что упомянула, с иллюстрацией на основе полученных данных. А также объяснение самого опасного допущения, которое было сделано тем студентом, который давал уравнение земной системы.

Она обвела взглядом полукруг студентов. Некоторые еще продолжали что-то писать в своих блокнотах. Капрал-разведчик Рема вен-Дилен, обладавшая эйдетьеской памятью, устремила затуманенные мыслью глаза на автодоску.

— Есть вопросы? — негромко спросила Эллиана, когда постукивание блокнотных клавиш стихло.

— Математик Кэйлон, вы не станете моей напарницей?

Этот вопрос задал Вар Мон — как всегда неугомонный.

— Боюсь, что вы убедитесь в моей полной трусости, если придется сражаться с дикими зверями или вести разговоры с примитивными людьми, — сказала она, наклоняя голову и делая вид, будто рассматривает дистанционный пульт.

— Я ни за что не подвергну такой ресурс пилотирования опасности встречи с дикими зверями! Клянусь честью, что вы останетесь в безопасности, на корабле!

Рема рассмеялась.

— Не верьте ему, математик: он просто хочет, чтобы кто-нибудь работал головой за него, пока он будет спать. Хотя действительно, — глубокомысленно добавила она, — Вар Мон удивительно подходит для выполнения... э-э... неквалифицированной работы. Правда, Баан?

Пилот-разведчик Баан йо-Нелон выразительно передернул плечами, а Вар Мон поник в кресле, живописуя глубочайшую обиду.

— Мне никогда, никогда этого не пережить! — простонал он. — Математик Кэйлон, скажальтесь! Спасите меня от этих чудовищ, которые хотят зваться моими товарищами!

Но это было просто шутовство Вар Мона, на которое не следовало обращать внимания. Эллиана так и сделала, встав, чтобы дать знак окончания занятия.

Ее студенты дружно встали и почтительно поклонились.

— Спасибо вам, математик, за поразительный урок, — проговорил полевой техник Киарта тел-Озан, который, как старший по возрасту, часто говорил от лица всего класса. — Для нас, как всегда, было наслаждением наблюдать за ходом вашей мысли.

Это, конечно, было красивым высказыванием, но неточным — смертоносно неточным для тех, чья жизнь может зависеть от правильности их расчетов. Эллиана резко вскинула руку, требуя внимания класса.

— Наблюдение за ходом моей мысли может быть наслаждением, — заявила она, отбрасывая волосы с лица и по очереди очень серьезно глядя на каждого из них. — Но вам следует всегда помнить о том, что математика — это реальность, она описывает взаимоотношения пространства, времени, расстояния и скорости. Математика может сохранить вам жизнь — или убить вас. Она — не для слабовольных и... — тут она, к вящей радости Ремы, посмотрела на Вар Мону, — ...не для ленивых. Уравнения позволяют понимать реальность.

У нее начала дрожать рука. Она опустила ее вниз и тайком сжала похолодевшие пальцы в кулак.

— Я не хочу услышать о том, что кто-то из моих студентов погиб глупо из-за того, что ему не хватило смелости понять и использовать то, что ясно показывали уравнения.

Наступило недолгое молчание, после чего полевой техник поклонился еще раз, выражая почтение Мастеру.

— Мы вас не опозорим, математик.

Эллиана наклонила голову. Ее волосы скользнули вперед, закрыв занавесью лицо.

— Я на это рассчитываю. До свидания, встретимся снова в полдень треслана.

— До свидания, математик, — уважительно пробормотали студенты и потянулись к выходу.

Рема и Вар Мон о чем-то тихо спорили.

Эллиана снова села на место преподавателя, оттягивая время ухода, неспешно очищая автодоску и переправляя копии лекции в свой офисный компьютер и директору Барку.

Как часто заявлял директор, технический колледж Чонсельты гордится тем, что в нем преподает специалист по субрациональной математике Эллиана Кэйлон. Он определенно мог гордиться ее семинаром по практической математике. То, что Академия Разведки направляла своих самых талантливых учащихся в техколледж Чонсельты для повышения квалификации, служило на пользу меланти колледжа.

Такая превосходная репутация приносила ей премию почти каждый семестр — о каком факте она не считала нужным уведомлять своего брата. Ран Элд предпочитал, чтобы она низко кланялась ему и называла «господином», отдавая ему свой заработок. По правде говоря, один раз он даже удрил ее за дьявольскую болтливость — но, что удивительно, это действие заставило Делма бросить на него недовольный взгляд. Однако Эллиана с тех пор тщательно следила за тем, чтобы больше не адресовать брату болтовню.

Копии были сделаны и отправлены, автодоска очищена. Коридор за дверью опустел: она не ощущала там присутствия какого-нибудь терпеливого молчаливого разведчика. Они достаточно быстро усваивали, что вне занятий она не умеет ни красиво двигаться, ни красиво говорить. Семестр начался достаточно давно, так что маловероятно, чтобы кто-нибудь нарушил ее ненадежное спокойствие предложением ее сопровождать.

И тем не менее она осталась сидеть на месте, низко склонив голову и устремив взгляд на пальцы, переплетенные на крышке стола. В Клане Мицел она не имела никакого ранга: ее единственное кольцо было предсмертным подарком ее бабушки. Эллиана разглядывала старинные переплетения и узлы, пока исцарапанное серебро не превратилось в серый потек.

Как она могла совершить такую глупость? Ее мысли, освободившиеся от строгой дисциплины занятия, вернулись к прежним тревогам. О чём она думала, бросая вызов авторитету Ран Элда, подвергая сомнению его суждения и ставя его в

неловкое положение в присутствии Делма? В последние полгода брат начал следить за ней менее бдительно. Она осмелилась надеяться... и теперь вот это! Обида, которая не останется неотомщенной, рожденная несколькими словами, которые она прошептала, забыв о необходимой осторожности... Эллиана закусила губу.

Спокойствие заключалось в покорности, безопасность — в незаметности. Заинтересоваться — чем бы то ни было, — поднять голову и бросить вызов унылой, неизменной повседневности означало стать заметной. А привлечь к себе внимание Ран Элда значило сказать «прости» спокойствию и безопасности.

Хотя в аудитории было тепло, Эллиана стала дрожать. Она решительно расцепила пальцы, аккуратно положила пульт управления автодоской на место и встала. По коридору она шла бесшумно и незаметно, опустив голову и глядя в пол, себе под ноги.

Она трусливо задержалась у себя в рабочем кабинете и вернулась домой уже прохладным вечером, призраком скользнув по полутемному вестибюлю, и начала подниматься по главной лестнице к своим комнатам.

Он вырвался из теней на площадке второго этажа и поймал ее за руку, крепко сжав запястье.

Эллиана застыла на месте, безмолвно терпя его прикосновение. Его пальцы сжались, впиваясь ей в плоть жестким браслетом.

— Нам не хватало тебя за главной трапезой, сестрица, — пробормотал он, и ей не удалось сдержать содрогание.

Рад Элд расхохотался.

— Как ты меня ненавидишь, Эллиана! А? — Он тряхнул ее руку, и его кольца еще больнее врезались в ее тело. — За завтраком ты вела себя достаточно смело, правда? Подняла голову и посмотрела мне в глаза. Мне показалось, что я заметил следы твоей прежней несдержанности, но, возможно, это была всего лишь игра света. Однако мне следует это проверить, чтобы знать, как поступать дальше.

Второй рукой он стремительно сгреб ее волосы и рывком заставил поднять голову.

Она ахнула — это был едва слышный вскрик — и закрыла глаза, борясь с волной тошнотворной паники. Именно так с ней снова и снова обращался ее муж, пока ее тело не начало протестовать против прикосновения любой руки, доброй или сурьей.

— Смотри на меня! — рявкнул Ран Элд.

Именно так ей приказывал и ОН. Кажется, дважды, в самом начале, она упрямо оставляла глаза закрытыми. Он очень быстро отучил ее от этих глупостей.

Полузадохнувшись от страха, она заставила себя открыть глаза.

Целую вечность она была скована злобой, переполнявшей взгляд ее брата, терпя жестокую хватку на запястье и мучительную боль в скальпе и неестественно вывернутой шее. Ужас заставил все ее мышцы превратиться в настоящее ничто.

— Так.

Он еще сильнее дернул ее волосы — возможно, надеясь добиться еще одного вскрика. Когда его не последовало, он близко придвинул свое лицо к ней. В полуутяме лестничной площадки его глаза ярко блестели.

— Мне пришло в голову, сестрица, — промурлыкал он, и его дыхание обожгло ей щеку, — что ты вносишь очень маленький вклад в содержание нашего Клана. Та жалкая плата, которую ты приносишь мне за свое преподавание, едва сравняется с тем, что могли бы дать один-два удачных брачных контракта.

У нее оборвалось сердце. Она заставила себя сглотнуть слюну, неподвижно обвиснуть в его руках и держать глаза открытыми под его обжигающим взглядом.

— Делм, — прошептала она дрожащим голосом, — Делм дала мне свое Слово. Я избавлена от новых браков.

— Конечно, — так же шепотом ответил Ран Элд, сверкнув глазами. — Однако новый Делм вполне способен по-другому понимать необходимости Клана и обязанности, которые следуют выполнять... кое-кому.

Он внезапно усмехнулся, пристально глядя на нее.

— О, мне сдается, что об этом ты не подумала! Бедняжка Эллиана, неужели тебе никто не говорил, что наделмы становятся делмами?

Наверное, на ее лице полностью отразился ее ужас, потому что он засмеялся и выпустил ее, толкнув так, что она отлетела к перилам.

— Я рад возможности обсудить с тобой этот вопрос, — добавил Ран Элд, кланяясь ей с едкой иронией. — Право, было бы ужасно, если бы ты и дальше жила, не черпая сил в предвкушении приятного будущего.

Он еще раз засмеялся и тряхнул рукой, расправляя кружеvной манжет. Эллиана жалась там, куда он ее оттолкнул, сжимая перила с такой силой, что у нее свело болью пальцы.

Ее брат повернулся, чтобы уйти, но тут же обернулся снова.

— О да. Чуть не забыл, — проговорил он с наигранной небрежностью. Его рука шевельнулась. Четыре монеты блеснули в полутьме и упали на пол. — Твоя квартальная доля.

Он улыбнулся.

— Инвестириуй ее разумно, сестрица. И не забывай предосставлять мне отчет о состоянии своего портфеля акций каждые двенадцать дней. Я не исполнял бы своего долга, если бы не следил пристально за столь рискованным предприятием. — Он поклонился. — Доброй ночи, Эллиана. Хороших тебе снов.

Он ушел. Она наконец разрешила себе закрыть глаза, слушая, как его шаги спускаются вниз по лестнице и гулко стучат по каменному полу вестибюля. Еще через мгновение дверь гостиной заскрипела на своих древних петлях, замерла — и закрылась.

Эллиана упала на колени на вытертый ковер площадки. Боги, как она могла быть настолько глупой? Как она могла забыть, когда из одного-единственного факта вытекало все то, чем она стала сегодня? Наделмы становятся делмами!

Конечно, становятся.

А она, близорукая дурочка, считала, что Слово Делма будет вечно ее защищать, надеялась, что ей достаточно только умиротворить Ран Элда, показать ему, что она никогда, нис-

колько не хотела этого. Верила, что рано или поздно все наладится.

Ран Элд когда-нибудь станет Делмом. Если боги будут милосердны, то не скоро.

Но когда он все-таки займет свое законное место, то он немедленно поставит перед собой одну задачу: уничтожение Эллианы Кэйлон, своего давнего и злейшего врага.

Она с содроганием подумала, что Ран Элд ее убьет. Он будет заставлять ее рожать, пока ее тело не откажет. И он будет выбирать ей таких мужей, по сравнению с которыми ее первый окажется чудом нежности. Он будет требовать, чтобы она умоляла его о пощаде, и наслаждаться, отказывая в ней. Он будет публично давать ей пощечины и отшвыривать к стене, ради удовольствия слышать ее вскрики.

Боги, как она могла не понимать, что всякий раз, когда нынешний Делм останавливает руку Ран Элда, два удара откладывают на будущее?

«Мне нужно уходить».

Эта мысль была такой потрясающей, такой безупречной, что Эллиана подняла голову, отбрасывая с лица спутанные волосы, чтобы легче было смотреть в полутемное пространство. Земляне ведь обходятся без кланов? И, судя по всему, процветают... по крайней мере умные люди процветают. Нужно только разумно вкладывать свои деньги и...

Вкладывать деньги.

Она рванулась вперед, запуская руки в потрепанный ворс ковра. Ее отчаянные пальцы быстро нашли монеты, и, задыхаясь, она скжала прохладные кружки в горячей ладони.

Четыре канtry.

Конечно, это нельзя назвать состоянием, хотя, если считать ее припрятанные премии, у нее получится почти семь. Этого может оказаться достаточно, чтобы вырваться из того будущего, где Делмом будет Ран Элд.

Сжимая в руке свое жалкое сокровище, она с трудом поднялась на ноги. Она оставит Клан, оставит Лиад и начнет новую жизнь среди свободных землян. Она скроется немедленно. Сегодня же.

Она спрятала четыре кантры в кармашек на правом рукаве, бережно его застегнув.

А потом бесшумно, затаив дыхание, спустилась по лестнице. Прошла по вестибюлю тихо, словно дуновение ветерка, вышла из парадной двери и скрылась в затянутой туманом ночи.

Глава четвертая

Подобно тому, как каждый человек стремится служить Клану, так и Клан обязан предоставлять все, что необходимо для наибольшего благополучия каждого. В Клане каждый должен находить правду, родство, тепло и заботу. Вне Клана находятся опасности и злоба.

Те, кого Клан горестно отвергает, не могут быть Приняты никаким другим Кланом. Они не должны ни пытаться вернуться к своим прежним родичам, ни требовать квартальной доли, пищи и помощи.

Оказаться вне Клана — значит стать мертвым для Клана.

Из Лиадийского Кодекса достойного поведения

Даав вышел в Малую гостиную, удивленно поднимая брови.

— Добрый вечер, брат. Я опоздал?

— Нисколько, — ответил Эр Том йос-Галан, с улыбкой отворачиваясь от окна. — Это я пришел раньше времени, чтобы мы могли поговорить, если ты пожелаешь.

— А почему мне этого не пожелать? Вина?

— Спасибо.

Эр Том предпочитал красное. Даав налил хрустальный бокал и протянул его, с улыбкой рассматривая вечерний наряд своего чалекет.

— Ты выглядишь чрезвычайно, милый. Клан Биндан откроет сегодня вечером двери без колебаний.

— А они, конечно, задумались бы, прежде чем впустить Главу Корвала, — заявил Эр Том, эхом повторяя слова своей спутницы жизни.

Даав ухмыльнулся и налил себе бокал бледно-голубого мисравота.

— Конечно: ведь это же ты у нас красавец. Какое удовольствие Биндану может доставить такой лисолицый тип, как я? — Он отпил глоток вина. — Конечно, если не принимать во внимание союза, от которого не отказался бы любой здравомыслящий человек.

— Такая горечь, брат?

В мягком голосе Эр Тома появился оттенок печали.

Даав передернул плечами.

— Горечь? Скажи лучше, пресыщенность, и вообще извини со своим всегдашим великолодшием мое проклятое настроение! — Он поднял бокал. — О чем ты хотел со мной поговорить?

— Мы говорим на мою тему, — негромко сказал его брат. — Мне думается, что ты... не слишком доволен... этим браком.

— Доволен браком? — переспросил Даав, изумленно взрившись на Эр Тома.

Сомнений по поводу брачного контракта логично было бы ожидать от Энн. Но услышать такой вопрос от Эр Тома, лиадийца до мозга костей — это заставляло задуматься.

— У тебя есть сведения, — спросил он, тщательно подбирая слова, — которые могли бы... изменить решение Делма по этому вопросу?

— Мне нечего сказать Делму. На самом деле и сама леди, и ее Клан представляются совершенно безупречными — с точки зрения союза и генов. Моя тревога относится исключительно к моему чалекет, который, как мне кажется... мог не вполне смириться с этим браком.

— Я смирился с необходимостью, — заявил Даав, что не было ответом на высказанную братом озабоченность и имело единственное достоинство в том, что не было ложью.

Во взгляде Эр Тома явно читалась тревога.

— Даав, если он тебе не нравится, отойди в сторону.

Действительно, откровенные слова! Даав не стал прятать удивления.

— Милый, а что ты советуешь мне сделать? Закон совершенно ясен. Необходимость еще яснее. Я должен дать Клану наследника. Более того — целью Делма должны были бы стать полные детские в Джелаза Казон и Треалла Фантрол, потому что нас стало мало — опасно мало.

Он увидел, что его слова попали в цель: истина заключалась в том, что Основные Семейства в последние годы понесли серьезные потери. И все же...

— Если леди тебе не нравится, — продолжил Эр Том со всей настойчивостью, на какую может быть способен мастер-купец, — отойди в сторону. Попроси господина дэа-Гаусса найти другую...

— Что до этого, — оборвал его Даав довольно сурово, — то она нравится мне не меньше, чем любая другая леди, которых навязывали мне на голову в течение последних шести лет.

— Ты ожесточился. Этого я и опасался. — Он отвернулся, чтобы поставить бокал на стол. — Думаю, что я не пойду с тобой сегодня вечером.

Потрясение холодной струйкой побежало у Даава по спине. Не веря своим ушам, он услышал свой собственный голос, зазвучавший опасно мягко:

— Ты отказываешься содействовать своему Делму в этом деле, имеющем такую важность для Клана?

Плечи Эр Тома напряглись, но он не повернул к Дааву лица.

— Делм прикажет мне его сопровождать? — негромко осведомился он.

«Можно подумать!» — сказал себе Даав с печальной усмешкой. Стоит отдать Эр Тому подобный приказ, и в качестве своего спутника на этот вечер Даав получит манекена с безупречными манерами — тогда как ему нужен добровольный и умный союзник. Он и сам не мог бы требовать большего, если бы они поменялись местами.

Поскольку Эр Том был не менее подлинным сыном Корвала, чем сам Даав, оставалось только одно: убедить его. Даав протянул руку и осторожно положил ее на плечо брата.

— Послушай, зачем нам ссориться из-за того, чего нельзя избежать? Если не эта леди, так какая-нибудь другая. Я принял решение покончить с этим делом, а наилучшим путем к его окончанию представляется начало.

Эр Том повернул голову и поднял встревоженные лиловые глаза.

— И все же это... не подобает, когда ты к ней равнодушен, когда любая может оказаться на месте...

— Нет, — мягко прервал его Даав. — Нет, милый, ты совершенно упустил из виду обычай. Кодекс говорит нам, что супруга по контракту выбирается по генам и тем выгодам и доходам, которые может счесть необходимыми Делм. Кодекс гласит, что результата можно добиться быстрее, если оба супруга в целом мыслят схоже и ни один не испытывает отвращения к другому. Ты же знаешь Кодекс: согласись, что я прав.

— Ты прав, — признал Эр Том, наклоняя голову. — Однако я позволю себе заметить, что Кодекс не...

— А я позволю себе заметить, — снова прервал его Даав, еще более мягко, — что ты научился у своей землянки-жены.

Лиловые глаза сверкнули:

— И это — плохо, если я правильно понял?

— Ничуть. Разведчики усваивают, что все обычай равно действенны — на своей собственной планете. Я хочу напомнить тебе, что Корвал базируется — как это ни прискорбно — на Лиад.

Глаза Эр Тома едва заметно округлились.

— Это так, — пробормотал он после секундной паузы, а потом вдруг широко улыбнулся. — Мы могли бы переселиться.

— Полагаю, на Новый Дублин, — отозвался Даав, с улыбкой называя родную планету Энн. — Контракт по-прежнему в силе.

— Увы.

Эр Том снова взял свой бокал и отпил вина, скользнув взглядом по комнате.

Даав с облегчением подумал, что победа осталась за ним, и прибег к собственному бокалу.

— Мне очень хотелось бы, — негромко произнес Эр Том, — чтобы тебе удалось найти ту, которая будет тебе дорога — как мы с Энн...

Даав выгнул брови.

— Я дам объявление в газете, — заявил он, намереваясь пошутить. — «Даав йос-Фелиум ищет ту, которая могла бы полюбить его ради него самого. Имеющие искомые качества могут обращаться в Джелаза Казон, Солсунтра, Лиад».

Эр Том нахмурился.

— Ты считаешь, что такой не существует?

— За шесть лет, в течение которых я ношу Кольцо, я встречался со многими, — с такой же серьезностью сказал ему Даав. — Если такая и существует, то она это... удачно скрывает.

Тут Эр Том отвел взгляд, но недостаточно быстро, так что Даав успел заметить блеснувшие у него в глазах слезы.

Они допили вино в молчании, которое было не таким уютным, как обычно.

— Пора, брат, — сказал наконец Даав. — Ты пойдешь со мной?

— Да, конечно, — ответил Эр Том. — Я оставил накидку в вестибюле.

— Моя там же, — объявил Даав, и они вышли из гостиной рука об руку.

Час был поздний.

Эллиана не могла точно сказать, насколько поздний: ее мысли, страхи и открытия спутали часы до полной неразличимости.

Последний поспешный анализ показал ей, что ее первоначальный план — немедленно оставить Клан Мицел и Лиад — следовало изменить. Она бесконечное количество часов ходила по туманным улицам, снова и снова обдумывая все шаги, взвешивая необходимость и уверенность, честь и страх.

Факт: в свое время, если не принимать в расчет неприятных инцидентов, наделмы действительно становятся делами.

Факт: ученый специалист по субнациональной математике Эллиана Кэйлон, недавно принявшая решение бежать с

родной планеты ради удобств земного поселения, не знает ни слова на стандартном земном — как, впрочем, и ни на одном из многочисленных земных диалектов. Она, конечно, говорит на торговом и немного понимает язык жестов, которым пользуются разведчики, но, по трезвом размышлении, она не может считать, что эти знания уравновесят ее невежество.

Она могла бы воспользоваться гипноуроками, чтобы исправить свое недостаточное владение языками. Однако даже гипноуроки требуют времени, а приобретенные таким путем навыки необходимо упражнять в состоянии бодрствования, иначе они будут забыты, как любой другой сон.

Конечно, существуют комфортабельные космолайнеры, пассажирам которых предоставляются такие услуги, как модули гипнообучения, но билет на такие лайнера был бы...

Факт: не по ее скучным средствам.

Визит в билетную кассу в центре города показал, что семи кантр действительно хватит, чтобы купить проезд до земной планеты — на бродячем торговом корабле. Если она пожелает выполнять обязанности члена экипажа в уплату части проезда — и если капитан корабля на это согласится, — то стоимость полета может быть снижена до четырех кантр.

В любом случае она окажется на месте — некой планете Пустошь — без Клана, без денег, без знания языка, обычаяв и местных условий жизни.

Это в любом случае было бы весьма ущербным уравнением.

Эллиана привалилась к влажной колонне и закрыла глаза, подавленная количеством вещей, которые ей неизвестны.

Ран Элд прав, безнадежно подумала она. Она — дура. Как она могла даже думать улететь с Лиад? Она — не разведчик, знакомый с бесчисленными странными обычаями, способный выучить любой язык, просто слушая, как на нем говорят...

— Математик Кэйлон?

Голос был знакомым — веселым и молодым, а модальность, как это ни странно, товарищеской, хотя она старалась ни с кем не заводить дружбы.

— Математик Кэйлон! — упорствовал голос, ставший более настоятельным. Она почувствовала, что очень близко от

нее кто-то стоит, хотя обращавшийся пока не позволил себе прикосновения. — Это Рема, математик. Вам нужна помощь?

Рема. Капрал-разведчик вен-Дилен. Та, у которой эйдетьическая память. Эллиана с трудом разлепила глаза.

— Прошу меня извинить, — прошептала она, ответив на тепло товарищеской модальности прохладой не-родича. Ее взгляд скользнул мимо лица разведчицы.

— Право, это сущий пустяк. Я просто остановилась переходнуть на...

Ее глаза сфокусировались на том, что находилось позади разведчицы, и сознание Эллианы впервые усвоило ту информацию, которую давало ей ее зрение.

— Что это за место? — спросила она, оглядывая совершенно незнакомую площадь.

Двойная радуга лампочек вспыхивала и переливалась над тротуаром, словно золотая лента. Кругом оказалось неприятно много народа. Большинство были в накидках и вечерних костюмах, их элегантные фигуры были украшены целыми созвездьями ювелирных украшений. Другие были одеты более просто. Кое-где мелькали кожанки разведчиков — такие же, как та, что была надета на стоявшей перед ней девушке.

— Порт Чонсельты, — терпеливо сказала Рема, по-прежнему настаивая на товарищеской модальности. — Это — новый игорный дом, казино Квенпалта. Мы все пришли на него посмотреть — и, похоже, то же самое сделала половина Солсиницы, судя по толпам.

Порт Чонсельты. Боги, она пересекла весь город, пройдя через складские кварталы, незаметно для себя прошла в ворота, а потом отмерила еще почти такое же расстояние. Сейчас должно быть... должно быть...

— Время! — спросила она с новой тревогой. — Сколько сейчас времени?

— Местная полночь — или около того, — ответила Рема. Она сделала полшага к Эллиане. — Прошу меня простить, математик. Вам явно незддоровится. Позвольте мне вызвать ваших родных.

— Нет!

Она вскинула руку в решительном протесте. Взгляд Ремы последовал за ее движением, зацепился за что-то — и спешно скользнул в сторону.

Изумленная Эллиана посмотрела на свою руку. Браслет из синяков, охватывавший ее запястье, стал желто-зеленым и неприятно выделялся в ярком свете.

— Возможно, — мягко спросила разведчик, — есть какое-то место, где вы предпочли бы провести ночь. Возможно, есть какой-то... друг, в чьем обществе вам было бы спокойно. Я готова охотно проводить вас, математик, если только вы скажете мне, куда направляйтесь.

У нее вдруг защипало от слез глаза — а она-то считала, что давно разучилась плакать!

— Вы очень добры, — пробормотала она совершенно искренне, хоть и не посмела разрешить себе перейти на товарищескую модальность. — Вам не нужно обо мне беспокоиться. Я просто зашла дальше, чем собиралась, и потеряла счет времени.

— Понимаю, — очень серьезно отозвалась Рема.

Она колебалась, видимо, собираясь сказать еще что-то.

— О, ради космоса! — произнес раздраженный голос, явно принадлежавший Вар Мону. — Если ты собираешься всю ночь стоять в этом проклятущем тумане...

Он заморгал, остановившись у Ремы за спиной.

— Математик Кэйлон! Добрый вечер, сударыня. Вы пришли сорвать банк?

— Сорвать банк? — тупо повторила она, гадая, как можно будет объяснить свой поздний приход, когда Ран Элд уже и без того зорко наблюдает за ней, выискивая возможность причинить ей боль.

— Ну конечно! Разве вы не учили нас, что в азартных играх не властвует случайность? Для каждой игры существуют закономерности, которые можно определить и использовать в соответствии с законами математики. Ты же помнишь ту лекцию, Рема! Я уверен, что помнишь.

— Помню, — коротко бросила его спутница, не удостаивая его взглядом. — Математик, пожалуйста. Вам явно очень

нездоровится. Позвольте той, кто питает к вам высочайшее уважение, предложить вам помочь.

— Нездоровится? — Сверкающие глаза Вар Мона скользнули по лицу Эллианы, после чего он уверенно ткнул Рему в плечо указательным пальцем. — Она промокла, и только И кто угодно вымокнет, стоя в этом дурацком тумане. Если уж на то пошло, я и сам начал промокать. Рюмочка бренди все поправит.

Он махнул рукой в сторону золотистого тротуара и каскада разноцветных ступенек, которые вели к широким эбеново-черным дверям.

— Ближайший источник бренди находится прямо здесь. Не говоря уже об укрытии от непогоды. За нашим столом найдется место для математика. Когда она согреется, мы усадим ее в такси, а потом сами тронемся назад, в Академию. Все будет бинджали, да?

Бинджали. Нелиадийское слово, которым пользовались только разведчики. Насколько Эллиана знала, оно означало «превосходно» или «отлично». Она заставила свой затуманенный разум работать. Необходимо что-то предпринять, чтобы рассеять столь заметную тревогу Ремы. Разведчики очень наблюдательны, а некоторые к тому же обладают даром эмпатии или способностями Целителя. Возможно, рюмка-другая вина и лекция по практической математике в отношении азартных игр...

— Этот план звучит неплохо, — сказала она, переводя взгляд с серьезных глаз Ремы на озорное лицо Вар Мона. — Я вся отсырела и буду рада возможности высохнуть.

— Отлично! — отозвался паренек, широко улыбаясь.

Без дальнейших разговоров он развернулся на месте и зашагал по людному тротуару, явно рассчитывая, что они последуют за ним.

— Математик? — тихо произнесла Рема, но Эллиана притворилась, будто ничего не услышала, и, оторвавшись от дружелюбной стены, пошла за затянутой в кожу спиной Вар Мона сквозь нарядную толпу.

Глава пятая

Помни, кто мы.

Мы не с Солситры.

Мы не происходим из Старинных Домов.

Мы — Корвал.

Исполняй Контракт, оберегай Дерево, собирая корабли, выживай.

И никогда, никогда не позволяй никому заставить тебя забыть, кто ты.

Вал Кон йос-Фелиум, Второй Делм Корвала

Запись в Дневнике Делма от двенадцатидня джелума в четвертую релюмму года под названием кин

Леди рассчитывала на более дорогое украшение.

Не то чтобы она оказалась настолько невоспитанной, чтобы прямо об этом сказать, однако разведчики обучены читать язык мышц и поз. Для Даава ее разочарование не было бы более очевидным, даже если бы она объявила о нем во весь голос.

Поначалу он был обижен: украшение было милым, и он потратил время и внимание на его выбор. Однако присущее ему чувство юмора быстро помогло ему умерить обиду.

«Полно, Даав, — укоризненно сказал он себе. — В чем же выгода от союза с Кланом Корвал, если ты не можешь хвастаться перед всем миром роскошными украшениями? Поскольку ты сам не испытываешь особой любви к драгоценностям, этот аспект ты явно упустил из виду».

Он сделал глоток вполне приемлемого красного вина.

«Не важно, — подумал он. — Теперь, когда мне известны предпочтения дамы, свадебные украшения будут выбраны более правильно».

Рядом с ним Самив тел-Изак аккуратно уложила подарок в честь помолвки в резную деревянную шкатулку и поставила ее на столик. Даав ощущал новый укол сожаления. Он вырезал шкатулочку сам — правда, надо признать, отнюдь не имея в виду эту леди, а просто как способ успокоить мысли и серд-

це в один из дней давно прошедшего года. Тем не менее ее пальцы должны были бы распознать ручную работу — и это было достаточно необычно, чтобы заслужить хотя бы еще один взгляд.

Самив тел-Изак взяла свой бокал и подняла на него серьезные глаза.

— Благодарю вашу милость за ваш благосклонный дар.

Это было сказано в соответствии с требованиями приличий, в модальности обращения к Делму чужого клана. Однако она могла бы выбрать одну из нескольких вполне допустимых модальностей: обращения к гостю Дома, разговора двух взрослых или даже разговора двух пилотов. Правда, модальность пилотов приближалась к низкому лиадийскому и могла быть сочтена чересчур смелой.

Самив тел-Изак не позволяла себе смелости. Надежная дочь надежного Дома средней руки: Даав подозревал, что инструкции ее Делма потребовали от нее более высокопарной модальности, чем она выбрала бы сама. Обращаться к Делму чужого клана значило поднимать высокий лиадийский понастоящему высоко.

В ответ Дааву следовало высказаться в модальности обращения к человеку, не принадлежащему к его Клану, что было бы неприятно близко к модальности неродственности. Вместо этого он решил дать пример добрых дружеских отношений в этой их первой встрече наедине — надеясь, что ее воспитанность заставит ее последовать его примеру.

— Делать подарки — это радость, — сказал он ей в модальности взрослых собеседников, а затем выразил открытое предложение дружбы: — Радость была бы сильнее, если бы вы сочли возможным обращаться ко мне по имени.

Длинные каштановые ресницы лукаво опустились, а разворот плеч громко возвестил о торжестве — и некоторой смелости.

— Ваша милость очень добры.

Бровь Даава дернулась — что было знаком предостережения, которого она не заметила. Он отпил вина, бесстрастно глядя на тщательно отрепетированный изгиб шеи.

«О, так я должен потерять голову?» — сарденически подумал он. Но потом у него возникло иное предположение: возможно, его хотят наказать за столь жалкий подарок? И он не мог бы сказать, что сильнее вызывает у него раздражение — злорадство или жадность.

— Стало известно, что ваш контракт с «Луда Солдер» вступает в силу несколько раньше, чем предполагалось вначале, — негромко проговорил он, упрямо придерживаясь модальности для разговора равных взрослых. — Когда ваш взлет?

— Мастер-купец счел за благо изменить маршрут, — ответила она, упрямо следя избранной ею модальности. — Мы уходим с орбиты завтра, на рассвете по времени Солситры.

Пилот первого класса тел-Изак подписала контракт о найме с капитаном только что построенного торгового корабля «Луда Солдер» незадолго перед тем, как ее Делму стало известно о заинтересованности Корвала. Это первое обязательство стало причиной, по которой сегодня вечером Самив и Даав подписывали не брачный контракт, а только соглашение о намерениях.

После его подписания они будут связаны друг с другом условиями соглашения, в которых оговаривалось, что брак должен начаться не позже, чем через трое суток после того, как «Луда Солдер» освободит пилота тел-Изак от ее обязанностей. Со стороны Биндана были выдвинуты обычные условия по выкупу контракта. Корвал, как Клан, высказавший желание заключить брачный союз, отказался от права расторжения контракта.

— А пожелал ли мастер-купец также изменить срок службы? — поинтересовался Даав, пристально наблюдая за той, кому в скором будущем предстояло стать его нареченной.

Ее лицо оставалось подобающее серьезным, хотя вздох, предшествовавший ответу, был чуть более глубоким, чем предыдущие.

— Напротив, мастер-купец порекомендовал планировать подписание брачного контракта на третий день будущего стандартного года.

Три стандартных месяца — очень разумный срок для пробного рейса нового корабля. Даав наклонил голову и, повину-

ясь побуждению своего неуместного чувства юмора, предложил леди сомнительный комплимент:

— До вашего возвращения я каждый день буду считать за три.

— Ваша милость очень любезны, — проговорила она, и Даав не услышал в ее голосе ни удовольствия, ни иронии.

От необходимости придумывать ответ на это довольно пустое заявление его избавило появление дворецкого, явившегося вызвать их в комнату для соглашений, где Делм Биндана и Эр Том уже целую вечность все улаживали и оговаривали.

Самив тел-Изак тут же встала и поклонилась, пропуская его вперед, как ему было положено по рангу. Он подавил вздох и пошел за дворецким по коридору. По дороге он пришел к выводу, что благопристойность сведет его с ума еще до того, как это сделают жадность или злорадство.

Стол оказался большим и был окружен шумной толпой. Эллиане нашлось место между Ремой и Вар Моном. Нехватку стульев быстро компенсировали, ловко ограбив соседние столы.

Потребовали бренди.

— Двойную порцию для математика! — приказал Вар Мон.

Выпивку принесли с целым набором разнообразных тарелок. Рема тут же схватила украшенную филигранью тарелку и начала нагружать ее экзотическими закусками.

Эллиана сделала осторожный глоток бренди, потрясенно наблюдая за действиями своей соседки. Ее собственный аппетит никогда не был велик, а такого количества еды ей, наверное, хватило бы на неделю. Однако Рема явно считала эту нагруженную едой тарелку простым перекусом — или ночным ленчом.

Она решилась сделать еще глоток бренди, наслаждаясь подаренным этим напитком ощущением тепла. Бренды не было для Эллианы привычным напитком — по правде говоря, она редко пила даже вино, — однако оно оказалось приятным. Она сделала третий глоток, немного больший, чем первые два.

— С вашего позволения, математик.

Это опять говорила Рема. Эллиана поставила рюмку и с изумлением и испугом воззрилась на тарелку, которую разведчица решительно поставила перед ней.

— Здешнее бренди очень крепкое, — пробормотала Рема. — Вам захочется что-нибудь съесть, чтобы свести к минимуму его воздействие.

Объявив свои распоряжения, разведчица отвернулась — и была волей-неволей втянута в оживленный спор, начавшийся на другом конце стола. Поскольку менее половины реплик звучало на лиадийском — и ни единой на торговом, — Эллиана быстро потеряла нить разговора и невольно вынуждена была сосредоточить свое внимание на своей пугающе полной тарелке.

Клан Мицел держал очень простой стол, а Эллиана не претендовала на светскость своего старшего брата, чтобы постоянно есть в лучших ресторанах. Среди закусок, которые ей положили, она смогла более или менее уверенно опознать сыр, свежие овощи и тонкий ломтик фруктового хлеба. Все остальное осталось тайной.

Ну что ж, сказала она себе, еще несколько коротких мгновений назад бренди тоже было тайной, однако знакомство с ним оказалось очень приятным.

По правде говоря, бренди раскрывало все больше чарующих свойств. Она не только согрелась, но и, что было довольно мило, отключилась от реальности, словно страхов, изгнавших ее из Кланового дома Мицела считанные часы тому назад, почему-то больше не существовало. Она вздохнула и взяла совершенно незнакомый кусочек, с охотой раскусывая его.

На самом деле ей потребовалось совсем немного времени на то, чтобы очистить свою тарелку от всех ее чудесных тайн. Наевшись, Эллиана откинулась на спинку своего стула, время от времени отпивая чуть-чуть бренди, и стала сонно наблюдать за своими сотрапезниками, не обращая внимания на их разговор даже в те минуты, когда они переходили на понятный ей язык.

Ей вдруг пришло в голову, что она чувствует себя непринужденно. Это состояние она смутно помнила по детству, когда

была жива ее бабушка, пока Ран Элд Кэйлон еще не открыл способа победить самую опасную свою сестру.

«Кажется, — подумала Эллиана, разрешив себе еще один глоток, — что я могла бы очень полюбить бренди».

— Уже согрелись, математик?

Это говорил Вар Мон. Она повернулась к нему и откинула волосы назад, прямо встретившись с ним взглядом.

— Совсем согрелась, благодарю вас, — вежливо ответила она — и увидела, как его большие карие глаза вдруг открылись еще шире.

Не успела она этому удивиться, как он встал и отступил назад, адресовав ей легкий поклон.

— Вы не пройдетесь со мной? Прогулка по казино под руку с вами не может не быть поучительной.

А почему бы и нет? Такую возможность посмотреть, как область ее изучения работает в полевых условиях, не следовало легкомысленно отвергать.

— Конечно.

Поставив свою рюмку, она легко поднялась на ноги. Ее мышцы, не обремененные страхом, двигались с чудесной легкостью. Некое незнакомое, разбуженное бренди чувство сказали ей, что Рема тоже встала — и она чуть было не улыбнулась ее продолжающейся беспокойности разведчика.

Интересно, знает ли Рема о целительных свойствах бренди? Скорее всего знает: разведчики владеют подобными странными сведениями. Поскольку это было так, то постоянная бдительность Ремы указывала на то, что в природе целительности бренди может оказаться нечто не вполне здоровое.

Эта мысль должна была бы вызвать тревогу, однако Эллиана позволила этому чувству испариться и пошла с Вар Моном через ресторан, к первому игорному залу.

Серебристого света луны было больше чем достаточно для того, чтобы обладающий прекрасным зрением разведчик смог находить дорогу на знакомых ветвях Дерева.

Постоянный подъем, длившийся десять минут, привел его на деревянный помост, крепко установленный между тремя толстыми ветвями.

Даав устроился на нем, привалившись спиной к одной из ветвей и осторожно подобрав под себя ноги. Они с Эр Томом построили это убежище в детстве, две дюжины лет тому назад. Тогда этот помост казался просто огромным.

Он откинул голову на теплое дерево и вздохнул. Словно откликнувшись эхом, ветерок шевельнул ветки вокруг него. Что-то с резким стуком упало на доски у его руки. Он поднял упавшее — орех.

— Спасибо, — тихо сказал он Дереву, вскрыл кожуру, сломав скорлупу пальцами и почтительно съев сладковато-мягкую сердцевину.

— О боги!

Он закрыл глаза и перестал сдерживать слезы. Здесь никто — и ничто, — кроме Дерева, не увидит, что он плачет.

Его скорый брак — это был лишь самый малый источник боли. Пусть леди мелочна и жадна, и ценит в нем только его высокое положение, иного он и не ожидал. От нее нужно было одно: чтобы она родила здорового ребенка. Если она окажет ему эту единственную услугу, то он с радостью даст ей все драгоценности и дорогие побрякушки, которые она только пожелает.

Его собственного ребенка, которого он мог бы обнимать, согревать и лелеять. Этот образ наполнил его такой сильной тоской, что его почти замутило от неисполненного желания. Его собственного ребенка, на которого можно было бы изливать всю любовь, которая грозит перекиснуть из-за того, что заперта у него в сердце. Собственного ребенка, который мог бы заменить ту любовь, которой его лишил союз Эр Тома с его спутницей жизни...

Нет!

Эр Том не стал любить его меньше, и к этой опоре добавилась еще и искренняя привязанность Энн, не говоря уже о несдержанной теплоте Шана, наследника Эр Тома. Одиночество Даава не было порождено тем, что Эр Том от него отдалился, и его спутница жизни ничем его не обидела. Истина была гораздо более печальной.

Здесь, прислонившись к мощной ветке Дерева, Даав признался себе в том, что завидует счастью брата — и немного

поплакал из-за того, что не может стать достойнее и воспринимать счастье брата как свое собственное.

Слезы быстро кончились, потому что он был не из тех, кто часто плачет, и он остался сидеть, прислонившись к Дереву. Его разум был открыт и ни на чем не сосредоточен.

Негоже, чтобы новый ребенок принял на себя обузу в виде всей любви Даава. Если он обнаружит, что из него получается настолько плохой родитель, ребенок будет немедленно передан на воспитание Эр Тому, чтобы там его любили и приучали к дисциплине умеренно.

И нельзя рассчитывать на то, что Эр Том, у которого теперь есть спутница жизни и наследник, а также обязанности мастер-купца и тоделма, полностью удовлетворит потребности своего неугомонного чалекет в общении с людьми. Необходимо найти иное решение, иначе Даав действительно может впасть в уныние.

«Ради блага Клана», — подумал он и неожиданно зевнул, надышавшись прохладным воздухом с легким ароматом мяты.

Возможно, он даже задремал — на несколько минут, не более, — но проснулся он с готовым ответом в уме.

Обдумав случившееся, он улыбнулся: ведь это было совершенно очевидным шагом, который ему следовало бы сделать самому, и давно.

— Спасибо тебе, — еще раз сказал он Дереву, и ему показалось, что листья шевельнулись в легком, ироничном поклоне.

А потом он спустил ноги с настила и начал спускаться вниз.

Глава шестая

Твой корабль — это твоя жизнь. Рискуй своим воздухом раньше, чем рискнешь кораблем, — и своей душой раньше, чем рискнешь и тем, и другим.

Из Вахтенного журнала Канtry йос-Фелиум

Игра шла на большие ставки, и, как всегда, Вин Син челя Мара был там, где они были самыми большими, вытягивая

канtry из карманов юных светских щеголей, как магнит, притягивающий к себе железные опилки.

Он был настоящим волшебником в том, что касалось карт, этот чел-Мара, и все его дружки это подтвердили бы. И нужно было быть любимцем богов или невинным младенцем, чтобы сесть за игрный стол напротив него и взяться за карты.

В этой вселенной хватало любимцев богов, которых бы мог стричь чел-Мара, а вот невинные младенцы в тех местах, где он обретался, были редкостью. Однако похоже было, что этой ночью один такой младенец случайно попал в глубины казино Квенпалта — и теперь эта девочка стояла, наблюдая за игрой широко раскрытыми затуманенными глазами.

Она была совершенно не на месте среди толпы игроков — их блистающих драгоценностей и шуршания шелков. Одета в стеганую рубашку, широкую и бесформенную, туго зашнурованную вокруг хрупкой шеи, а единственным украшением ей служило старинное серебряное кольцо-головоломка.

Ее волосы — темно-русые или светло-каштановые — слишком сильно закрывали лицо, а ее глаза показались заметившему ее первым йо-Вааду серыми или, может быть, дымчато-зелеными.

Она стояла у стола тихо, как мышка, а по обе ее руки встали юнцы в кожаных костюмах разведчиков. Дымчатые глаза на худом лице, полускрытом волосами, глядели сосредоточенно.

Поначалу ему показалось, что она нацелилась на чел-Мару — настолько пристально она наблюдала за его игрой. А почему бы и нет? Он — мужчина видный, из хорошей Семьи, хотя это должно ее интересовать меньше, чем скопившиеся перед ним канtry. Йо-Ваад точно знал, что чел-Мара никогда не заинтересуется кем-то столь неприметным, но что дурного в том, что мышка немного помечтает?

Но потом он понял, что она наблюдает за картами, — и мысленно нахмурился. Насколько чел-Мара был разборчив в выборе постельных подружек, настолько рад был играть с кем угодно. Однако, как мог судить йо-Ваад, эта оборванная девочка не может иметь за душой и канtry...

— Вы находите игру забавной?

Вопрос чел-Мары звучал на грани обращения вышестоящего к нижестоящему, что было вполне допустимо для отпрыска Высокого Дома Солсинтры, разговаривающего с мышкой невысокого происхождения. Было бы любезнее обратиться к ней иначе, поскольку он — гость ее родного города, но чел-Мара любезным человеком не был. Он забрал очередной выигрыш и сложил монеты перед собой аккуратными башенками по дюжины, едва удостоив взглядом худое мышкино лицо.

— Я нахожу игру интересной, — отзывалась она неожиданно звучным голосом в модальности разговора взрослых. — И совершенно не могу понять, сударь, почему вы продолжаете выигрывать.

Чел-Мара поднял брови в аристократическом изумлении.

— Я продолжаю выигрывать потому, что играю лучше других.

— Это не так, — заявила она с такой уверенностью, что йо-Ваад открыто на нее воззрился. — Вы следуете глубоко порочной стратегии, сударь. Со временем она должна привести к значительному проигрышу.

Чел-Мара откинулся на спинку своего стула и равнодушно посмотрел ей в лицо.

— До чего... интересно, — промурлыкал он, лениво указывая на стол, карты и канtry. — Нам представляется возможность проверить вашу теорию.

Она совершенно не колебалась. Выйдя вперед, она села на место, которое только что освободил сиг-Анди. Ее телохранители-разведчики тоже прошли к столу и встали у нее за плечами.

— Конечно, сударь.

— Конечно! — откликнулся чел-Мара. — Но до чего же храбрая мышка садится с кошками! — Не вставая с места, он поклонился, и его приветствие было глубоко ироничным. — Что вы поставите, леди Мышка?

— Мою квартальную долю, — объявила она — и выложила ее на стол.

Четыре канtry, что было больше, чем ожидал йо-Ваад, но все же гораздо меньше, чем обычно ставил чел-Мара.

— Ну что ж, пусть будет четыре кантры, — согласился он, беря из своих стопок такую же сумму.

— О да, очень красиво! — воскликнул сиг-Анди, не умевший красиво проигрывать. — Бедная леди поставила всю свою квартальную долю, а вы ставите против нее четыре монеты из своего запаса! Какая в том честь? Поставьте нечто, что будет для вас столь же чувствительно в случае проигрыша, и сделайте ее игру стоящей!

Чел-Мара выгнул брови.

— Не могу представить себе, — лениво протянул он, — что значило бы для меня так много, как четыре кантры для этой... леди.

Сиг-Анди напряженно усмехнулся.

— Так почему бы не ваш корабль?

— Мой корабль?

Чел-Мара изумленно посмотрел на сиг-Андира. Тем временем вокруг стола начала собираться толпа, которую заинтересовал их спор.

— Именно так и делалось бы, — неожиданно заявил юноша-разведчик, — в Солсинтере. — Его свежее лицо расплылось в улыбке, и он адресовал чел-Маре уважительный поклон. — Милорд может быть спокоен, делая здесь ставку на меланти. Меня заверили в том, что казино Квенпалта стремится не уступить любому игорному дому Солсинтеры. — Он повысил голос: — Книгу Пари сюда, пожалуйста!

Толпа загудела, пропуская запыхавшегося распорядителя зала, который принес Книгу и ручки.

— Ставка на меланти! — громко прошептал кто-то из собравшихся вокруг стола. — Ценность на ценность в абсолютных размерах. Корабль против квартальной доли.

Долгое мгновение чел-Мара смотрел на Книгу, которую раскрыл перед ним распорядитель. Потом изящная рука поднялась, пальцы сомкнулись на протянутой ручке. Он картическим росчерком записал свое имя.

Книгу положили перед мышкой, которая взяла ручку и что-то быстро записала. Распорядитель сделал пометку казино и отступил, благоговейно закрыв позолоченный переплет.

Лениво, почти любовно чел-Мара уложил свои четыре монеты в соответствующий столбик. Потом таким же жестом он достал связку корабельных ключей, закрепленных на украшенной камнями цепочке, и бережно положил их рядом с квартальной долей мышки в центре стола.

— Корабль против квартальной доли, — пробормотал он, наклоняя голову. — Вам сдавать, леди Мышка.

Игра получилась долгая, а мышка оказалась гораздо более хорошим игроком, чем думалось йо-Вааду. Она поначалу даже выигрывала, превратив свои четыре кантры в шесть... семь. А потом чел-Мара разыгрался и мышкины кантры вернулись на его сторону, пока у нее не осталась всего одна.

Йо-Ваад решил было, что это — все, однако он не принял во внимание разведчиков.

По правде говоря, он совершенно забыл о разведчиках, которые терпеливо и безмолвно стояли за столом мышки, напоминая две облаченные в кожаные костюмы статуи. И потому он вдвойне изумился, когда юнец перегнулся через плечо мышки — и его рука без колец ненадолго опустилась на крышку стола.

Он выпрямился, и йо-Ваад посмотрел на банк мышки, который стал богаче на три кантры.

Чел-Мара хмуро посмотрел на разведчика.

— Вы входите в игру, сударь? Насколько я понял, это — проверка теории, которую осуществляет эта... леди — и я.

— Выплата давнего долга, ваша милость, — хладнокровно сообщил разведчик.

По толпе пронесся ропот.

Мышка ничего не сказала. На самом деле она не говорила ничего с самого начала игры: похоже, она была из тех, кто все внимание сосредоточивает на картах.

Чел-Мара еще мгновение смотрел в лицо разведчика.

— Я вас видел, — объявил он таким тоном, который ясно сказал: «И раз увидев, я вас буду долго помнить».

Разведчик поклонился.

— Действительно. Ваша милость видели меня всего три ночи назад, в порте Солсинтры, в «Звездной пыли», где ваша

милость имели удовольствие выиграть квартальную долю Лин Дена Коши и некие выплаты из еще трех квартальных долей.

Чел-Мара иронично взмахнул рукой.

— Есть люди, с которыми удача не дружна.

— Вам виднее, ваша милость.

Разведчик снова застыл неподвижно, а чел-Мара вернулся к своим картам.

— Ты что, с ума сошел? — прошипела Рема на ухо Вар Мону. — Заставить ее играть против Вин Сина чел-Мары...

— Моя милая подруга, я ее не заставлял. Она сама села играть против его милости. И что тут страшного?

— И ты еще спрашиваешь, когда он на твоих глазах разорил Лин Дена? А что, если она проиграет? Она же пила бренди!

— Она выигрывает, и ты это знаешь. Я почти вижу, куда идет ее игра, а ты ведь соображаешь лучше меня. Куда она идет, Рема?

— Я... точно не знаю.

— Но она выигрывает.

— Может быть.

— Тут нет никаких «может быть», — заявил Вар Мон, глядя на выходящие карты. — Ты этого не видишь, и я этого не вижу, но математик Кэйлон видит: а игру ведет она.

Он замолчал, глядя, как Эллиана берет взятку, а потом тихо добавил:

— А что до бренди... Ты только посмотри на нее! Вид у нее точно такой же, как во время лекции. Мне бы такое спокойствие за пультом перед прыжком!

— Если он возмутится...

— Камеры наблюдения работают, — успокоил ее Вар Мон. — Математик играет честно. Она видит закономерность и у нее есть ключ к ней, пусть даже ее студенты не настолько умны, чтобы это разгадать. Как он может возмущаться честной игрой? Перестань дергаться.

После того как в игру вошли три кантры разведчика, ее темп несколько изменился.

Йо-Вааду показалось, будто мышка наконец нащупала тот путь, который искала, хотя и до этого ее игру отнюдь не портило смущение.

Теперь же она играла с уверенностью, внушавшей наблюдателям благоговение. Карты шли ей в руку, словно родня. Ей понадобилось меньше часа на то, чтобы все монеты перешли обратно на ее сторону, пока там не оказались все семь, а на стороне чел-Мары, объявившего Царственный Клан, — только ключи.

Именно к этому и шла вся игра — к этой последней сдаче, этому поединку воли. Зрители затаили дыхание, и даже йо-Ваад не решался дышать полной грудью. Лицо чел-Мары стало заметно влажным. Мышка сидела хладнокровная, словно вода со льдом. Карты ровным веером расправились в ее спокойных пальцах — и она взяла прикуп.

— Путь Разведчика, — объявила она своим изумительно ясным голосом.

Это, конечно, было довольно необычное сочетание, но оно не побивало Царственного Клана. Она по очереди выложила карты на стол рубашкой вниз, чтобы все их видели, и посмотрела на чел-Мару.

— А!

Он вздохнул, и его тело оставило огромное напряжение, так что йо-Ваад уже начал жалеть бедную отважную мышку.

Карты чел-Мары легли умелым веером, демонстрируя всем картинки: Делм, Наделм, Тоделм, А-тоделм, Мастер-купец...

— Корабль! — зашептались в толпе. — У него нет Корабля! Разбитая комбинация... Леди выиграла...

— Леди выиграла! — объявил Вин Син чел-Мара так громко, что его голос разнесся по всему залу. Он прищелкнул пальцами. — Несите компьютер!

— Компьютер! — забормотали в толпе. — Компьютер лорду чел-Маре!

Компьютер был принесен, и он ввел в него одну команду, потом еще одну, а потом посмотрел на свою недавнюю противницу, которая воззрилась на свою комбинацию так, словно никогда еще карт не видела.

— Ваше имя? — бесстрастно осведомился он. Когда она, вздрогнув, перевела взгляд на него, он с неестественной терпеливостью пояснил: — Чтобы изменить регистрацию корабля, мне необходимо ввести ваше имя, как его нового владельца.

— О! — отозвалась она и взяла со стола ключи, глядя на них нахмуренно. И только потом она ответила: — Эллиана Кэйлон, Клан Мицел.

При этом по толпе пронесся какой-то шорох, и Йо-Ваад попытался определить вкус услышанного имени. Оно ничего ему не говорило. Совершенно очевидно, что оно ничего не сказали и Чел-Маре. За столом мышки два разведчика продолжали нести безмолвную стражу.

Чел-Мара снова сосредоточился на клавиатуре, закончил вводить данные, нажал кнопку подтверждения и отодвинул компьютер. Он встал с места и застыл, глядя на мышку сверху вниз. Йо-Ваад решил, что его взгляд не обещал ничего хорошего. Совсем ничего хорошего.

— Корабль называется «Полоса удачи», — сообщил он. — Он находится в ремонтных мастерских «Бинджали», в порту Солситры. Он перейдет в ваше владение на рассвете по времени Солситры. Я воспользуюсь этим временем на то, чтобы забрать свои личные вещи. — Он отвесил ей поклон — низкий и насмешливый. — Желаю вам насладиться вашим выигрышем, леди Мышка, — негромко сказал он.

Он повернулся, чтобы уйти, — и тут его взгляд упал на Сиг-Андира, который открыто улыбался.

— Довольны, сударь? — промурлыкал он и дождался, чтобы улыбка погасла, а с лица юноши сбежала краска.

Только тогда он развернулся и прошел сквозь толпу к залу отдыха и бару.

— Добрый вечер, Жон.

Мужчина за столом дописал до конца строку и только потом поднял голову. Оказалось, что поднимать ее нужно достаточно сильно, поскольку сам он сидел, а рост у его гостя оказался выше среднего — для мужчины-лиадийца.

Одет он был в рабочий кожаный костюм, а на пальце не было кольца, соответствующего его рангу, — это означало, что целью его визита не являются аристократические сплетни. Непокорные черные волосы были аккуратно собраны в хвост, который спускался ниже плеч. С правой мочки свисала перекрученная серебряная петля, которую он получил от предводительницы Мана.

Он поклонился как ученик учителю и выпрямился. Свет настольной лампы упал на лицо с острыми чертами, оставив в тени черные глаза.

— Мне нужна работа, — сказал гость в модальности друзей: в «Бинджали» всегда разговаривали именно так.

— Ха! — Жон потер переносицу. — Так уж получилось, что у нас есть работа. — Он резко дернул головой в сторону окна, за которым располагались ремонтные доки. — Пройди туда и обратись к Трилле.

— Спасибо.

Еще один поклон — и он ушел, двигаясь бесшумной походкой разведчика, растворившись в тенях, словно его тут и не было. Еще через секунду Жон увидел, как он идет через док и машет рукой Трилле, стоящей на помосте. Звукоизоляция у офиса была первоклассная, так что Жон не услышал оклика, сопровождавшего этот жест. Однако он увидел, как Трилла ответно помахала рукой и сделала знак: «Иди поговорим».

Нужна работа, вот как? Жон разрывался между смехом и тревогой. Вздохнув, он вернулся к своим бумагам.

— Мне можно будет поработать и завтра?

Жон неспешно закончил вытираять руки, встряхнул тряпку и повесил ее обратно на гвоздик.

— Мы берем временных рабочих. Ты это знаешь.

— Да. Я просто хотел убедиться, что не окажусь... некстати.

— Некстати. — Жон ухмыльнулся, протянул руку, поймал молодого человека за локоть и повернул к так называемой гостиной команды. — Давай выпьем по чашке чая. Я задам несколько бесцеремонных вопросов, ты сдерешь у меня с головы последние волосы, и мы расстанемся друзьями. Идет?

Его собеседник рассмеялся. Его громкий, звучный смех неизменно заставлял губы Жона дэа-Корта растягиваться в улыбке — с самого первого раза, как он его услышал.

— Договорились! — воскликнул он, но потом мгновенно стал серьезным и искоса бросил на него взгляд сверкающих черных глаз.

— И насколько стар твой чай, хотел бы я знать?

— Ему уже часов шесть-семь, — бесстыдно признался Жон.

— Великолепно.

Спустя несколько секунд оба они уже сидели на шатких табуретках. Жон забрал себе последнюю черствую булочку и теперь сосредоточенно макал ее в глубокую кружку.

— Мастер Жон, как это твои кружки никогда не плавятся?

— Сделаны по заказу из взрывопрочного стекла, — отозвался Жон, в два укуса расправившись с размокшей булочкой.

Он сделал обжигающий глоток гадкого чая и бросил на своего бывшего ученика суровый взгляд.

— У тебя недостаточно дел в Долине Драконов, капитан?

— Увы, у меня там несообразно много дел, — последовал ответ. — Честное слово, мастер Жон, если меня заставят разговаривать с еще одним лиадийцем, то я сойду с ума и его придушу.

Жон рассмеялся.

— Слыши слова истинного разведчика! Но дело в том, что ты слишком важная персона, чтобы позволить себе сойти с ума или передушить большую часть населения. — Не то чтобы, — признал он, делая еще глоток чая, — большинство из них не стоило бы придушить. Но это не по Кодексу, сынок. Местное население скорее всего было бы недовольно.

— Это понятно. И потому я прошусь поработать.

— Я могу давать тебе работу. Но мне хотелось бы знать, что ты не отворачиваешься от вопросов, которые требуют твоего внимания. Нас всех учат, что существуют такие вещи, которые способен делать только капитан — то есть ты. Если ты начнешь ими пренебрегать, то мир может понести немалый ущерб.

— Ты меня пугаешь.

— Поуважительнее со старшими, будь любезен. Я могу предоставить тебе работу, но уверен ли ты, что тебе нужна именно работа?

Его собеседник осторожно отпил из своей кружки и сморщил лицо в комическом отвращении.

— Великолепно! — объявил он и устремил на Жона дэакорта широко открытые черные глаза.

— Мой брат, — пробормотал он, — почти готов предложить нам перебраться на Новый Дублин.

— Я рад слышать, что твой достопочтенный родственник хоть и с опозданием, но получил свое наследие, — отозвался Жон довольно едко. — А что-нибудь полезное он не предложил?

— Ты к нему суров. Да, нечто полезное.

— Но будь ты проклят, если скажешь мне, что именно, — совершенно спокойно заключил Жон.

Он допил чай и встал, чтобы перелить остатки из чайника в свою кружку.

— Ладно, — объявил он, снова устраиваясь на своем табурете. — Если тебе нужна работа, я дам тебе работу. Свободное расписание. Если тебя здесь ждут, а тебе что-то помешало, ты звонишь. Но если за релюмму твое самолечеение не поможет, то у меня больше не найдется для тебя работы, юный капитан, и тогда я буду настаивать — как друг, — чтобы ты посетил Целителей.

— Релюммы будет больше чем достаточно для того, чтобы обрести равновесие. Я благодарю тебя.

Молодой человек встал, вылил чай в раковину, сполоснул кружку и поставил ее в сушку.

— До завтра, мастер Жон.

— До завтра, дитя. Будь здоров.

Глава седьмая

*Количество Высоких Домов составляет
ровно пятьдесят. И потом есть еще Корвал.*

Из ежегодной Переписи Кланов

— Что за давний долг? — осведомилась Эллиана у расплывающегося в ухмылке Вар Мона, когда они вышли из игорного зала.

— О, просто плата за честь сидеть у ног Эллианы Кэйлон в течение целого семестра и ловить жемчужины мудрости, падающие с ее губ!

Он остановился, чтобы отвесить ей поклон, тем самым прервав движение между игорным залом и музыкальным салоном.

Эллиана нахмурилась.

— Это нелепо.

— Не говоря уже о том, что нахально, — вмешалась Рема, добавив что-то в адрес своего спутника с помощью быстрого языка знаков.

Эллиане это показалось списком: двенадцать вариантов знака «идиот». Вар Мон рассмеялся.

— Поделом тебе будет, если математик Кэйлон просто прикарманит твои три кантры и больше ничего не скажет, — вслух выговорила ему Рема. — Что ты будешь делать тогда?

— Нет-нет! — поспешило сказать Эллиана. — Я не хочу оставлять себе деньги Вар Мона. Но нехорошо было говорить, что вы платите долг, когда никакого долга не было!

На мгновение воцарилась полная тишина. Ее спутники устремили на нее округлившиеся глаза.

— Пристыжен, — пробормотал Вар Мон.

— И вполне справедливо, — подхватила его подруга. — Местный обычай.

— Совершенно верно. — Он еще раз поклонился, на этот раз стараясь не помешать тем, кто оказался рядом. — Я прошу у вас прощения, математик, — проговорил он в модальности обращения низшего к высшему. Это была модальность высокого лиадийского, и в его голосе не было и отзыва смеха. — Вы очень любезны, что указали мне на мою ошибку.

Эллиана пристально посмотрела на него, подозревая шутку. На лице юноши отражалась только вежливая серьезность — и, кажется, легкое беспокойство. Его три кантры были надежно скжаты у нее в кулаке вместе с дорогой цепочкой и ключами от... ключами от ЕЕ корабля!

— Вы знали этого лорда, — решительно заявила она.

По его лицу скользнула тень удивления.

— Мне известно его имя, — признал он все в той же модальности нижестоящего, обращающегося к вышестоящему. — И его репутация.

— Вин Син чел-Мара, — негромко добавила Рема. — Клан Арагон.

Эллиана вздохнула. Как и любой ребенок, она заучила рифмованный список Кланов и Знаков, Домов и Задач. Но детство прошло уже давно, а ее знание в этой области сильно уступало тем, кто вращался в свете.

— Высокий Дом?

Это было единственным, что она могла предположить, глядя на Рему.

Разведчик изумленно моргнула.

— Не такой высокий, как Корвал, — медленно проговорила она.

Это было просто отговоркой. Кто мог встать выше Дракона? Даже Эллиана знала ответ на этот вопрос: никто.

— По... понимаю, — сказала она.

Ключи жгли ей руку.

— Игра была честная. — Это сказал Вар Мон. — Нас окружали люди, которые разбираются в карточных играх, и камера наблюдения работала.

Он улыбнулся — и серьезный молодой джентльмен, которым он только что был, вдруг превратился в мальчишку.

— Математик Кэйлон, ведь вы не хотите сказать, что игра была нечестная?

— Игра была совершенно честная, — язвительно отзывалась она. — И вам было совершенно необязательно предлагать ваши канtry. Игра его милости была безнадежно неправильной.

Она протянула ему упомянутые монеты.

— Благодарю вас за помощь, хотя в ней не было никакой нужды.

— Ох! — тихо сказал Вар Мон и с поклоном принял свои деньги.

Эллиана поерзала на откидном сиденье между креслами двух пилотов и внутренним люком, обдумывая свои обстоятельства.

Похоже, она действительно стала обладательницей космического корабля — что казалось совершенно нереальным. И в эту минуту она направлялась осматривать этот корабль.

Она закрыла глаза, чувствуя, как колотится ее сердце. Она — владелица космического корабля. Возможности самые разнообразные.

Если она права и корабль окажется игрушкой богача, то она сумеет незаметно его продать и тем самым обеспечит себе плату за проезд и некую сумму, с помощью которой можно будет начать новую жизнь.

Если, вопреки всем ее ожиданиям, «Полоса удачи» окажется рабочим кораблем, то она...

Она оставит его себе.

Пилот-собственник может найти работу где угодно, она не будет привязана ни к одной планете. Пилот-собственник ни у кого не одолживается и ни от кого не зависит.

Пилот-собственник... свободен. Одинок, независим, самостоятелен, ничем не связан... Эллиана откинулась на своем сиденье, ощущая, как у нее сводит желудок от страстного желания достичь этого состояния.

Если «Полоса удачи» окажется рабочим кораблем...

Конечно, пилот-собственник имеет лицензию на пилотирование, какой у Эллианы Кэйлон нет. Жизнь, которую она с такой жадностью себе нарисовала, требует, чтобы она стала прыжковым пилотом.

— Спите, математик?

Голос Вар Мона оторвал ее от этих довольно мрачных размышлений.

— Не совсем, — ответила она.

Рема, сидевшая в кресле первого пилота, тихо засмеялась.

— Отлично, — заявил Вар Мон, нисколько не смущившись. — Мы сядем через три минуты, если только Рема не забыла все процедуры. Если хотите, я провожу вас на «Бинджали» и познакомлю с мастером дэа-Кортом.

Эллиана открыла глаза.

— Спасибо, — сказала она, по трепыханию желудка определив, что корабль снижается. — Я была бы благодарна, если бы вы меня представили.

* * *

— Мастер Жон! Радости вам, сударь!

Вар Мон быстро вышел в центр ремонтного дока. Он задрал голову вверх, голос его был полон жизни.

Эллиана, отставшая от него на несколько шагов, увидела, как к краю тени, отброшенной рабочим подъемником, направляется коренастый человек, на ходу вытирающий руки выцветшой красной тряпкой.

— Я больше не дам тебе в долг ни кантры, мошенник! — недовольно проворчал мужчина, хотя и в дружеской модальности. — И к тому же тебе через двадцать минут положено быть на сравнительной культурологии, и я не желаю, чтобы меня обвиняли в твоих опозданиях!

— Ничего подобного! — вскричал Вар Мон, которого, похоже, это кислое приветствие нисколько не смущило.

Опуская руку в кошель, он вприпрыжку зашел в тень. Схватив только что вытертую руку, Вар Мон выложил на широкую ладонь две блестящие монеты и крепко сжал пальцы.

— Долг оплачен! — весело объявил он и, повернувшись, картинно поклонился, привлекая внимание к Эллиане, которая все еще медлила между тенью и светом.

— Мастер Жон, я привел к вам Эллиану Кэйлон, владелицу «Полосы удачи». Математик Кэйлон, это — мастер Жон дэа-Корт, владелец ремонтной мастерской «Бинджали».

— Кэйлон?

Мастер Жон наконец вышел на свет — и оказался далеко не молодым мужчиной, скорее коренастым, чем полным. Прическа его сводилась к коротко подстриженной полосе ржаво-серого цвета шириной примерно в три ее пальчика. Глаза цвета старинного янтаря смотрели на нее с пристальностью разведчика.

— Математик Эллиана Кэйлон? — переспросил он, и его гулкий голос звучал мягко, хотя он продолжал говорить в товарищеской модальности. — Автор новой редакции Таблиц вен-Туры?

Она наклонила голову и ответила в модальности взрослых собеседников:

— Вы очень добры, вспомнив об этом.

— Вспомнив? А как могу я — да и любой пилот — забыть такое?

Тут он поклонился, пугающе низко: это был поклон уважения к мастеру — и выпрямился, прижав ладонь к груди.

— Математик, вы делаете честь моему заведению. Чем мне позволено вам служить?

Эллиана подняла руку, отметая почтение, звучавшее в голосе старика. Признать ее автором поправок к самому важному из множества инструментов пилота — это было комплиментом, хоть и не совсем неожиданным. В прошлом Жон дэ-Корт явно был разведчиком, и Эллиана была склонна думать, что обращение «мастер» было производным от «мастер-пилот».

— Прошу вас, судары! — проговорила она, заметив, насколько неуверенно звучит ее голос. — Вы делаете мне слишком много чести. Право, это вовсе не...

Тут она замолчала, не зная, как можно продолжить свое отрицание, не поставив под сомнение меланти мастера.

— Вар Мон, ты еще здесь, юный ты мошенник? — зарычал старик, поворачивая голову.

— Так точно, мастер Жон!

— Тогда лети отсюда, черт подери, — и смотри не опоздай на занятия!

— Слушаю, мастер Жон! Доброго вам дня, математик. До треслана!

Вар Мон исчез, бесшумно пробежав мимо Эллианы. Она какое-то время не слышала ничего, а потом взмыла и вздохнула дверь для персонала.

— Ага. — Жон дэ-Корт улыбнулся, так что от его глаз и углов рта разбежались морщинки. — Вы собирались сказать мне, что я делаю вам слишком много чести. А сколько чести я должен положить к ногам математика, который спас жизни больше чем полутысяче пилотов?

— Полуты... О, это средняя цифра за все годы после публикации!

Эллиана потупилась: оказавшись вне привычной роли преподавателя со студентами, она, как всегда, не знала, что говорить и как держаться.

— Вы должны понять, — сказала она носкам собственных ботинок и прокашлялась. — Таблицы нуждались в уточнении, и я смогла взять на себя эту задачу. Вспомнить мое имя как той, кто выполнил работу, это любезно. Но вы должны понять, что приписывать такую честь той, кто просто...

Она сбилась, нервно переплетая пальцы.

— Я преподаю математику, — беспомощно договорила она.

Наступило короткое молчание, а потом Жон дэа-Корт заговорил — спокойно, в товарищеской модальности:

— Ну, тут нет ничего дурного, правда? Я и сам преподавал пилотирование, и таким безнадежным щенкам, каких, я надеюсь, вам никогда не придется увидеть!

Эллиана подняла взгляд, заставив спущившиеся на лицо волосы заколыхаться.

— Вы — мастер-пилот?

— Совершенно точно. Здесь большинство из нас такие. — Он склонил лысеющую голову к плечу и адресовал ей новую улыбку. — Чем я могу быть вам полезен, преподаватель математики?

Она опустила глаза, не ответив на его улыбку, как не ответила и на товарищескую модальность.

— Я пришла осмотреть «Полосу удачи», владелицей которой являюсь.

— Так сказал мой трудный ребенок, — безмятежно отзвался Жон дэа-Корт. — Я не знал, что «Полоса удачи» продается.

— Я... она не продавалась. — Эллиана передернула плечами. — Я выиграла ее прошлой ночью у лорда Вин Сина чел-Мары — в пикит.

— Обыграли его в его любимую игру! — В голосе мастера дэа-Корта послышалось нескрываемое ликовение, из чего Эллиана заключила, что его милость не был здесь любимым клиентом. — Молодец, преподаватель математики! Ну-ка давайте я приведу тележку и сам вас отвезу. Обыграла чел-Мару в пикит! Боги! Одну минутку...

— Это — славный кораблик, — говорил Жон дэа-Корт спустя несколько минут, на полной скорости ведя тележку по

центральному проезду мастерской. — В последнее время у него была плохая полоса, но он надежный. Обращайтесь с ним по-хорошему, и он вам прекрасно послужит... Ну, вот и приехали.

Тележка дернулась и остановилась. Мастер дэ-Корт вылез с водительского места и зашагал к трапу.

Сидя на месте пассажира, Эллиана молча смотрела на корабль. Руки у нее были холодные и мокрые от пота.

— Математик Кэйлон?

В гулком голосе зазвучало беспокойство.

Эллиана с трудом заставила себя оторвать взгляд от корабля — ее, ее собственного! — и посмотреть в лицо мужчины, стоявшего рядом.

— Это — прыжковый корабль! — сообщила она ему, словно столь важный факт мог каким-то образом ускользнуть от внимания опытного мастера-пилота.

Он оглянулся через плечо в сторону трапа, а потом снова устремил свои янтарные глаза в ее лицо.

— Класса «А», — серьезно согласился он и дружелюбно протянул ей руку. — Хотите заглянуть внутрь?

Она не помнила, чтобы когда-нибудь хотела чего-то столь же сильно.

— Да, — жадно ответила она и слезла с тележки, ловко уклонившись от прикосновения Жона дэ-Корта.

Эллиана включила пульт и завороженно смотрела, как корабль проводит процедуру автоматической проверки систем. Каждый зеленый индикатор пополнял ее запасы радости, так что вскоре она обнаружила, что вцепилась в спинку кресла пилота и ее влажные пальцы оставляют пятна на кремовой коже.

Проверка закончилась тремя звонкими нотами. Она неохотно нажала выключатель и разрешила Жону дэ-Корту увести ее в другие помещения корабля.

Там оказался альков-столовая с автоповаром для гурмана, а также крошечный лазарет с самым лучшим автоворачом.

— Любит, чтобы все было бинджали, этот чел-Мара, — пробормотал мастер дэ-Корт, после чего провел ее по короткому коридору.

Эллиана зашла следом за ним в помещение, которое должно было служить каютой пилота, — и замерла, недоуменно взирая на груды шелков, спальных мехов и подушек всевозможных цветов и размеров. Пол покрывал ковер — такой великолепный, что у нее заболело сердце из-за необходимости наступать на него ботинками. Гobelенные сады, полные спелых фруктов, превращали стены в настоящий оазис.

Освещение каюты оказалось необычно ярким, и Эллиана перевела взгляд наверх, ожидая увидеть светильник под стать всему остальному.

Вместо этого она заглянула в ту же комнату, в которой стояла. У двери застыл Жон дэа-Корт: его морщинистое лицо оставалось демонстративно равнодушным, тогда как ее собственное выглядело побледневшим, с полуоткрытыми губами.

Она опустила глаза, не сумев подавить вздоха, и спросила, не оборачиваясь:

— Все бинджали?

— Поймите, — серьезно проговорил дэа-Корт, — человек Мара — не пилот. Так уж случилось, что ему этот корабль был нужен для других дел. А зеркала — высшего качества.

— Понятно.

Она прошла мимо него в каюту напротив, которая на любом другом корабле предназначалась бы для второго пилота. На этом корабле это была копия комнаты для оргий. Эллиана снова вздохнула и выключила свет.

— Наверное, вы готовы увидеть трюм, — сказал дэа-Корт и показал ей, как открывать дверь и как ввести свой собственный код.

Дверь отъехала в сторону, зажегся свет — и первое, что она увидела, были те же проклятые зеркала. Она едва успела удивиться, как это человек способен быть таким павлином, — и тут увидела остальное.

Некоторые вещи она могла назвать: шелковые веревки и кожаные хлысты, несколько не слишком странных приспособлений, выложенных в коробках, качели, прикрепленные к потолку, столб с укрепленными наручниками.

Однако большая часть оставалась непонятной. Например, для чего мог понадобиться стол такой странной формы, или скамья с противовесом, или...

Эллиана судорожно вздохнула, медленно повернулась и подняла голову. Решительно посмотрев в глаза дэа-Корта, она прочла в них сочувствие.

— Мастер дэа-Корт, мне нужен ваш совет, — проговорила она, все еще придерживаясь модальности разговора двух взрослых.

— Преподаватель математики, спрашивайте.

Она заставила себя не опускать голову и говорить ровным голосом, но ее спрятанные за спину руки нервно дергались, сплетая пальцы в потные узлы.

— Я считала, — сказала она, — что получила рабочий корабль. Похоже, вместо этого я получила... бордель. Как вы оцениваете время и расходы, необходимые для того, чтобы вернуть корабль к его первоначальным... параметрам?

— Ни канtry, — немедленно ответил он, — и примерно три дня. Или четыре, в зависимости от того, какую бригаду получу.

Он ухмыльнулся.

— И вовсе не надо смотреть на меня так, словно я собираюсь вам зубы рвать, — сказал он ей. — Я же говорил, что чел-Мара любил, чтобы все было бинджали, так? Эти игрушки кое-что стоят, если предложить их кому надо. А уж зеркала... Преподаватель математики, одной только выручки за зеркала хватило бы, чтобы переоборудовать корабль заново! Они ведь установлены на шарнирах, чтобы сохраняли ориентацию независимо от того, какое ускорение и вращение будет у корабля. И сделаны из сканерного стекла, чтобы выдерживали взлетные нагрузки и не текли. Редкое чудо, эти зеркала, и найдутся такие, кто оценит это чудо.

Эллиана прикрыла глаза, пытаясь размышлять, продумывать все шаги.

— А вы знаете нужных... нужных покупателей? Должна признаться, что я не...

— Я могу выступить посредником, — охотно вызвался он. — Возьму десять процентов от выручки. Мы приведем корабль к

рабочему весу, вычтем оплату труда и материалов, а выручку положим на счет вашего корабля. Идет?

Она открыла глаза.

— Выручку?

— Наверняка останется кантра-другая, — ответил он, обводя взглядом сверкающую площадку для игр. — Некоторые из этих игрушек сделаны на заказ, да и зеркала цены не потеряли.

— О! — отзвалась Эллиана, испытывая немалую растерянность. Она наклонила голову, как предписывали правила. — Благодарю вас, сударь. Я принимаю ваши условия.

— Ну, вот и славно.

Он махнул рукой, пропуская ее вперед.

— Вы намерены пустить его в работу сразу же? — спросил он, когда они пошли по коридору обратно.

— Сразу же? Я... мне нужно сдать экзамен по пилотированию, — медленно проговорила Эллиана. — И... налетать время...

У нее за спиной раздался какой-то странный звук — словно мастер дэа-Корт чихнул.

— А вы не... Прошу меня простить. Насколько я вас понял, у вас нет лицензии пилота.

— Сейчас нет, — ответила она, — но я буду сдавать экзамен. Завтра у меня занятия... Я буду сдавать экзамен в баним. Для местных перелетов на корабле класса «А» нужна лицензия второго класса, сударь?

— Да, верно.

Они дошли до лазарета. Эллиана приостановилась, заглядывая под матовый купол автovрача.

— Значит, мне нужен второй класс, — сказала она, ощущая, как необходимость камнем лежит у нее в желудке. — Я буду летать на этом корабле.

— Я в этом не сомневаюсь, — заявил Жон дэа-Корт у ее плеча. — Если хотите, я могу вас испытать — или кто-нибудь из моей команды. Как я уже говорил, у нас у всех класс мастера. Или вы можете заранее связаться с Гильдией пилотов в Чонселе и договориться, чтобы они приняли вас в баним.

— Думаю, так будет лучше, — отзвалась она, продолжая смотреть в темноту.

— Я могу связаться с ними прямо сейчас, — предложил он, — пока вы воспользуетесь установкой.

Она резко обернулась.

— Воспользуюсь установкой?

— Нет смысла оставлять это без лечения, когда есть возможность все поправить, — пояснил он, постукивая по собственному запястью. — Просто удивительно, насколько такие мелочи могут мешать сосредоточиться. — Он пошел дальше по коридору. — Я сейчас свяжусь с Гильдией Чонсeltты...

Он ушел. Эллиана посмотрела на синяки, браслетом охватившие ее запястье. Сейчас они казались еще более яркими, чем несколько часов назад, у входа в казино Квенпалта. И, вспомнив о них, она почувствовала, что они болят.

Она с досадливым смешком сказала себе, что оказалась здесь — и автovрач тоже здесь. И, вылечив синяки, она хотя бы избавится от этой довольно неловкой заботливости.

Приняв решение, она ввела в установку нужный код, закатала рукав и вложила руку под открытый колпак.

Глава восьмая

*Что значит имя? Роза пахнет розой,
Хоть розой назови ее, хоть нет.*

Из «Ромео и Джульетты», акт II, сцена 2,
Уильям Шекспир

Вин Син чел-Мара не привык к пристальному вниманию со стороны своего Делма. И в особенности он не привык к удовольствию быть объектом этого внимания во время довольно запоздалого завтрака.

— Как это, должно быть, приятно, — вежливо проговорил глава Клан Арагон, когда перед ним поставили чашку чая, — спать так долго, чтобы справиться с утренней трапезой и полуденной за один раз. Я просто восхищен эффективностью такого подхода.

Поскольку такой подход существовал уже несколько лет, не пробуждая неудовольствия Делма, то его слова на этот раз следовало, несомненно, считать прологом к какому-то иному, менее приятному, разговору. Чел-Мара наклонил голову, словно принимая комплимент, и налил себе вторую рюмку вина.

— Единственный недостаток, какой я могу усмотреть в такой системе, — продолжил Глава Клана, — заключается в том, что она мешает делу сбора слухов и историй. А я не сомневаюсь в том, что вы не станете оспаривать жизненно важный характер этой работы. Например, сегодня я услышал от Делма Гвайара весьма забавный рассказ, родившийся — кто бы мог подумать! — в Чонселе. Если бы я последовал вашему примеру спать до позднего часа, а не вставать рано утром, чтобы присутствовать на званом завтраке у леди йо-Ланна, то не смог бы собрать эту забавную — и поучительную крупуницу.

Чел-Мара заставил свое лицо сохранять спокойствие, неспешно поднял рюмку и отпил глоток.

— Вы небрежны, Вин Син, — мягко укорил его Делм. — Хорошие манеры требуют, чтобы вы предоставили мне удовольствие поделиться своей новостью.

Вин Син чел-Мара правил игорными столами с самыми высокими ставками не в силу своей глупости. Однако на этот раз он вынужден был уступить этот кон Делму Арагона и принять то наказание, которое ему будет назначено. Он не привык служить объектом неудовольствия своего Делма, но считал, что шансы быстро поправить свои дела у него достаточно высоки.

Он наклонил голову.

— Простите меня, сударь. Боюсь, что в этот ранний час я ужасно туп. И какой же рассказ из Чонселты вас позабавил?

— О, превеселая история — лучше многих, что мне доводилось слышать на утренних приемах! — спокойно заявил Глава Арагона. — Оказалось, что в порту Чонселты открылось некое казино Квенпалта. И, по слухам, оно может сравниться с тем, что способна предложить Солсинтра. И действительно, прошлой ночью немалая часть жителей Солсинтры предпри-

няла поездку на другую сторону планеты, чтобы самолично увидеть это чудо.

— И реальность оказалась соответствующей слухам?

Арагон поджал губы, раздумывая.

— Слухи и реальность, судя по всему, великолепно совпадли, — проговорил он, выждав пару секунд. — Все говорят, что казино Квенпалта именно такое, в каком, скажем, некто вроде вас чувствовал бы себя абсолютно непринужденно.

Он замолчал, чтобы сделать глоток чая. Чел-Мара не стал поднимать рюмку с вином.

— Чтобы не затягивать рассказа, — мягко заговорил Арагон, — скажу, что, как выясняется: некто вроде вас действительно присутствовал вчера в казино Квенпалта и, получив определенные суммы, брошенные в его сторону джентльменом, который, увы, так и не освоил искусство игры в пикит, решился на поединок со вступившей в игру посетительницей.

Арагон задумчиво смотрел в лицо Чел-Мары.

— Вновь вступившая в игру посетительница отличалась некоторыми странностями. По рассказам, она была бедно одета и говорила просто — когда говорила вообще. Сама она не назвала своего имени — а у нее имени не спросили. Ее сопровождали двое разведчиков — мужчина и женщина, оба очень молодые.

Бедно одетая леди объявила, что поставит свою квартальную долю — примерно четыре кантры, как мне сообщили. Джентльмен, столь похожий на вас, взял четыре кантры из своего выигрыша — но был остановлен личностью, которую он только что обыграл. Ему напомнили — вполне правильно! — о некоторых тонкостях меланти, что поддержал и мужчина-разведчик. Попросили принести Книгу Пари, и ставки были записаны следующим образом: квартальная доля против корабля. Вам будет интересно узнать, что это стало самой первой записью в Книге Пари казино Квенпалта.

Делм снова пригубил чай. Чел-Мара совершенно окаменел, и руки у него стали ледяными.

— Так. Бедно одетая леди выиграла партию. Ей снова помог мужчина-разведчик, который, как мне рассказали, выбрал очень

интересный момент игры для того, чтобы расплатиться по давнему долгу. Корабль джентльмена, столь похожего на вас, сменил владельца. В ходе регистрации выигрыша бедно одетая леди наконец назвала свое имя: Эллиана Кэйлон.

Пора было заканчивать этот спектакль. Чел-Мара наклонил голову, являя собой воплощение вежливости.

— Именно так она и сделала.

— Именно так она и сделала! — мягко отозвался его Делм. — И хотя вы услышали это имя уже дважды, оно по-прежнему не будит в вас интереса. Боюсь, Вин Син, что вы не так внимательно изучаете свет, как я прежде полагал.

Чел-Мара проглотил резкий ответ, сохранив маску вежливости — не без труда.

— Эллиана Кэйлон, — продолжил Глава Арагона, потратив еще мгновение на то, чтобы насладиться остатками своего чая, — третий ребенок из четырех, рожденных Бирин Кэйлон, которая имеет честь быть главой Клана Мицел. — Он передернул плечами. — Мицел едва может считаться Средним Домом. Я убежден в том, что он скатится в Низкие Дома, когда его главой станет нынешний наделм. Но это — не та карта, которую нам необходимо побить.

— Эллиана Кэйлон, — предположил чел-Мара с тонкой иронией, — поддерживает шаткое положение своего Клана, исполняя... карточные фокусы, скажем так?

Арагон задумчиво выгнулся бровь.

— Это могло бы подойти, — мягко признал он, — хотя, полагаю, что диапазон этой леди выходит за пределы простых... карточных фокусов. — Его взгляд стал остree. — Слова «Таблицы вен-Туры» не будят никаких ассоциаций, Вин Син?

— Конечно.

— О, чудесно. Тогда вы сможете назвать мне имя автора пересмотренной версии, которая была выпущена, насколько я знаю, лет восемь тому назад?

Чел-Мара нахмурился.

— Имя? Право, сударь. Это был какой-то один математик — или другой. Я с ним не встречался.

— До вчерашней ночи. Как неприятно, что вы не смогли подобающим образом приветствовать почтенного ученого, специалиста по субнациональной математике Эллиану Кэйлон, когда вас представили ей.

Арагон подался вперед, положив ладони на светлую скатерть.

— Лучший математик этой планеты, — проговорил он с удивительной мягкостью, — которая специализируется на изучении случайных событий. Ее диссертация — классическая работа в этой области, как меня заверил Глава Гвайара — носит название «Хаотическая картина псевдослучайных событий». В этой работе докторант демонстрирует, как можно предсказать выход карт на основе упорядоченного уменьшения общей вероятности, что и наблюдается при игре в пикит.

Он снова откинулся назад и тихо вздохнул.

— По чистой случайности — я не расцениваю это выше — комбинацией, дающей финальный выигрыш в иллюстрации математика Кэйлон, служит Путь Разведчика. И эту женщину вы рассчитывали обыграть в пикит, Вин Син! Ну не забавно ли? Могу вас заверить, что Делм Гвайара, который постарался находиться рядом со мной на протяжении всего приема, счел происшедшее донельзя забавным. До того забавным, что рассказывал о нем всем и каждому.

Чел-Мара скрипнул зубами и посмотрел прямо в глаза своему Делму.

— Но вы не улыбаетесь! — воскликнул Глава Арагона, неожиданно спокойно откидываясь назад. — Моя пикантная новость оказалась не забавной. Ну ничего: у меня есть добавка, которая рассчитана на то, чтобы доставить вам удовольствие. Вы припомните разведчиков?

— Конечно, сударь, я их помню. Очень четко.

— А, тогда вы, конечно, знаете их имена.

Чел-Мара выгнулся бровь.

— А это зачем?

Его Делм укоризненно поднял палец.

— А вот это уже небрежность. Всегда следует узнавать имена тех, с кем имеются дела по сведению счетов. И насколько же

удачно, что я способен сообщить вам эту жизненно важную информацию! Имя женщины-разведчика — Рема вен-Дилен, Клан Итаксин. Высокий Дом, как вы видите. Мужчина — это Вар Мон пин-Акер, Клан Майдис: надежно Средний Дом. Они с капитаном вен-Дилен напарники. А кроме того, он имеет честь считать своим чалекет некоего Лин Дена Коши, чья квартальная доля трагически потерялась в Рассветном казино три... или, возможно, четыре... ночи тому назад.

Наступило молчание. Чел-Мара смотрел в темные глубины своего вина, обдумывая ловушку и умение, с которым она была поставлена.

Конечно, чалекет может взять на себя сведение счетов от имени своего сводного брата. И то, что ловушка была поставлена умело и даже хитроумно, делало происшедшее еще более болезненным.

— Безымянная дама в сопровождении разведчиков подходит к вашему столу и перед всеми присутствующими ставит под сомнение вашу игру, — задумчиво проговорил Делм Арагона. — А вам не пришло в голову, Вин Син, что есть некий шанс... того, что вас подставляют?

— Увы, сударь, не пришло. Это было ошибкой, признаю.

— Неужели? Но как это мило с вашей стороны!

Едкий сарказм, прозвучавший в голосе Делма, заставил брови Чел-Мары взметнуться к самым волосам.

Арагон смотрел на него в упор, не скрывая гнева.

— Я не стану говорить больше о том, как вы были неосторожны вчера ночью, — отрывисто бросил Арагон. — Добавлю только, что, по моему мнению, вы заслуженно лишились корабля — и я не вижу необходимости, чтобы Арагон квитался за ценнейший урок, который преподнесла вам Кэйлон. А вот относительно этого второго вопроса... Вы расскажете мне, Вин Син, не стало ли для вас привычкой грабить юнцов и простофиль.

Чел-Мара ощутил вспышку собственного гнева и опустил взгляд, чтобы его не выдать.

— Как вы отметили, сударь, леди не была простофилей. Что же до сударика Коши — боюсь, что он сам нарвался, а потом не понял, когда следует откланяться.

— А вы, вполне естественно, не дали ему знать, а продолжали игру, пока он не потерял не только свою квартальную долю, но и значительные суммы из будущих поступлений. Более того, вы дождались, пока его чалекет не оценил ситуацию и не предпринял меры, чтобы с ней покончить. В конце концов, ведь сударик Коши мог опереться на мудрость, накопленную в течение целых семнадцати лет. А его чалекет, насколько я знаю, даже достиг восемнадцати стандартных лет.

— Его допустили к игре, — бесстрастно сказал чел-Мара. — Я должен считаться нянькой любому младенцу, которому хватает денег, чтобы купить колоду?

— Понятно. Вы решили, что стрижка детей прибавляет вам меланти. Мне крайне грустно сообщить вам, что ваш Делм придерживается иной точки зрения. Вы вернете господину Коши его квартальную долю и избавите его от груза долгов. Вы сделаете это до главной трапезы сегодняшнего дня. Я ожидаю, что вы отобедаете сегодня дома, Вин Син.

Чел-Мара позволил себе выказать удивление.

— Конечно, я выполню ваши распоряжения относительно сударика Коши, сударь. Однако я обещал обедать с...

— Отмените обед. — Делм поднял пустую чашку, и чел-Мара вынужден был налить ему еще чая. Глава Арагона сделал осторожный глоток. — Прекрасно. Да.

Он отставил чашку и встретил взгляд чел-Мары с холодной улыбкой.

— Вы считаете, что я суров, но, право, я забочусь исключительно о вас, чтобы вы имели возможность как следует попрощаться со своими близкими родичами.

— Попрощаться? — Чел-Мара буквально раскрыл рот. — Я не планировал путешествий, сударь.

— О, я был неуклюж! Вашему Делму, Вин Син, необходимо отправить вас в поездку по делам Клана. На ваше имя забронирована койка на борту «Ренегата Рэндалла», который уходит с орбиты за час до полуночи по времени Солситры. Главная трапеза начнется на час раньше обычного, с учетом того, что вам придется рано уйти.

Чел-Мара окаменел, а холод с его рук перешел на все тело.

— Если я действительно приобрел столь крупную порцию неудовольствия моего Делма в деле с судариком Kochi и математиком Кэйлон, то я, конечно же, в отчаянии, — сказал он очень мягко. — Но... чтобы меня отправили с планеты на грузовом корабле землян? Право же, сударь...

Глава Арагона поднял руку.

— Вы собирались сказать, что такая мера делает счет чрезмерным, не так ли? Я повторю, что урок, который Кэйлон преподала вам сама, превосходит все то, что я мог бы предпринять от ее лица. Что до господина Kochi, то, на мой взгляд, возвращение его проигрыша и избавление от угрозы долга вполне возместит ему ущерб, причем он получит дополнительную выгоду за счет очень серьезного испуга. — Он сделал глоток чая. — Да, мне представляется, что ваше столкновение с судариком Kochi заканчивается немного в нашу пользу.

— Тогда эта поездка, сударь... этот... корабль...

— А! Да. — Он снова откинулся назад, обхватив ладонями чашку. — Мы с Главой Гвайара хорошо знаем друг друга, — проговорил он. Человеку постороннему могло бы показаться, что Делм Арагона отклонился от темы. — Нас нельзя назвать товарищами, конечно: интересы наших Домов пересекаются довольно редко. Однако я знаком с Гвайаром уже много лет — еще до того, как на его пальце появилось Кольцо. Я готов признать его меланти суровым. Однако я никогда не находил его злорадным, Вин Син, — и в разговорах он никогда не отклонялся от фактов, которые можно проверить.

Чел-Мара взял свою рюмку и одним глотком выпил половину вина. Оно легло на его бунтующий желудок, словно масло, подлитое на открытый огонь.

— Вот почему, — мягко продолжил Арагон, — когда мы уходили из дома йо-Ланны, я предложил подвезти Гвайара на его следующую встречу — и он был настолько любезен, что принял мое предложение. Его любезность распространилась и на рассказ о некоторых ваших прежних предприятиях — и он откровенно высказал свою озабоченность.

Чел-Мара прокашлялся.

— Право, сударь, слухи и...

— Остаток утра я потратил на проверку сведений Гвайара, — добавил его Делм, — что оказалось... поучительным.

Он поднял взгляд — и Чел-Мара не смог отвести глаз.

— Возможно, вы не в курсе некоторых тенденций в положении Клана Арагон. Действительно, вас так мало интересуют дела Дома, что я совершенно уверен в вашем неведении! Однако в течение последних нескольких лет мы были в положении несколько — однако тревожно — неблагоприятном. Процентные ставки поднялись. Гарантийные сроки сократились. Даже самые простые заказы сопровождаются наценками. При возобновлении контрактов условия оговариваются настолько жестко, что можно подумать, будто каждым занимался сам дэа-Гаусс. И я удивлялся, Вин Син. Я удивлялся, почему это происходит. Гвайар показал мне ответ, и я считаю себя его должником.

— Сударь...

— Не меньше трех делмов тех Кланов, с которыми мы обычно ведем дела, проиграли — катастрофически крупно проиграли — вам за игорным столом. Два из них были в тот момент не старше господина Kochi. Четыре тоделма и такое же количество наделмов... И в этом списке еще не учтены любимые младшие родственники и чалекет, которые были публично унижены вами за столом с того момента, как вы достигли совершеннолетия.

Он резко вздохнул.

— Я знал, что вы нам дорого обходитесь. Но я совершил ошибку, не сумев понять, насколько дорого. Теперь, когда мне об этом сообщили, мой долг очевиден. Возможно, Клан еще получит от вас какую-то пользу. Такую попытку следует сделать, иначе я буду несправедлив к тем, кто поручен моим заботам.

Чел-Мара сидел, сжимая руки на коленях, и думал: «Этого не может быть!» И однако его Делм продолжал говорить совершенно серьезно:

— Этим вечером вы подниметесь на борт «Ренегата Рэндалла», Вин Син. Моя собственная машина доставит вас к шаттлу. В должный срок вас высадят на Ардире, где вас встретит ваша тетка, а моя сестра Софи пел-Тегин, которая отвезет вас в семейное поместье и проинструктирует относительно

ваших обязанностей. Скажу вам, что, как я полагаю, эти обязанности на первых порах будут заключаться в освоении составов различных почвенных смесей, необходимых для поддержания тех растений, которые выращиваются в поместье. Основную долю дохода поместью дают именно эти растения, так что вам легко будет понять, какое важнейшее значение будет иметь ваше знание почвы.

Чел-Мара судорожно облизал губы.

— Дядя...

Делм Арагона достал из рукава карточку.

— Ваша карта-удостоверение. Я рекомендую вам бережно ее хранить, потому что ее необходимо будет предъявлять всякий раз, как вы пожелаете оказаться за пределами той земли, к которой вы отныне приписаны.

Карта была протянута ему. Чел-Мара поднял потяжелевшую от ужаса руку и заставил ослабевшие пальцы сжаться на гладком пластике. Он сделал несколько судорожных вдохов и посмотрел в лицо своему Делму.

— Как долго?

Глава Клана допил остаток чая и поставил чашку на блюдце.

— Ваша тетя выражает уверенность в том, что вы сумеете освоить все тонкости дел Дома на Ардире за пять стандартных лет. Я оставляю это на ее усмотрение: возможно, она сочтет нужным продлить срок обучения.

— Пять стандартных лет!

На ферме? Осваивая составы почвы? Это шутка. Этого не может быть...

Делм Клана Арагон встал. Чел-Мара тоже поднялся и адресовал ему поклон, едва сознавая, что делает.

— Итак, до главной трапезы, — сказал Арагон и повернулся.

Пройдя середину комнаты, он остановился, словно вспомнил еще что-то. Чел-Мара вздохнул, почувствовав, как его настроение поднимается: конечно же, сейчас Делм признается, что пошутил, и...

— Да, я чуть было не забыл, Вин Син. Невероятно забавная штука! Хотите послушать?

Он заставил свои губы изобразить улыбку и слегка поклонился.

— О, конечно, сударь.

— А, отлично. Насчет этой планеты, Ардира. Азартные игры запрещены правительством планеты. Любой, у кого хотя бы найдут колоду карт, приговаривается к году исправительных работ, без права на апелляцию. Забавно, правда? Доброго вам дня.

Арагон ушел.

Чел-Мара опустился на стул и закрыл глаза, крепко сжимая тонкую пластиковую карточку в руке.

Он еще никогда в жизни не был так далек от смеха.

На Чонселе было разгар дня.

Начало пути от остановки поезда до Кланового дома Мицела Эллиана прошла с удивительно легким сердцем. Ключи от ее корабля висели у нее на шее, на цепочке, которую для нее нашел Жон дэа-Корт.

С помощью комма «Бинджали» она убедилась в том, что право собственности переведено на ее имя, открыла счет корабля в офисе начальника порта и перевела на него накопленные ею премиальные, которые лежали на счету внутреннего банка техколледжа Чонсельты.

Она просмотрела отчеты по обслуживанию «Полосы удачи» — и к тому же обнаружила, что размещение корабля в ремонтных мастерских «Бинджали» оплачено на целый год вперед.

— Мне надо возместить эту сумму лорду чел-Маре? — неуверенно спросила она у Жона дэа-Корта.

Старый разведчик фыркнул.

— Корабль оплатил стоянку со своего прежнего счета. По договору с чел-Марой он платил вперед без права возмещения на тот случай, если он решит поменять место стоянки. Вам повезло, преподаватель.

— Наверное...

Ее познакомили с подмастерьем мастера дэа-Корта — кренастой жизнерадостной личностью, говорившей с заметным инопланетным акцентом.

— Трилла, познакомясь с Эллианой Кэйлон, преподавателем математики и владелицей «Полосы удачи».

— Здравствуйте, Эллиана Кэйлон. — Поклон был энергичным и спокойным и сопровождался улыбкой и взглядом ярких глаз. — Удачного взлета.

— Спасибо, — ответила Эллиана, с облегчением отвечая на поклон.

Слава богам, от Триллы неловкого уважения не последовало — только свойственное разведчикам приятие действительности.

Уйдя из «Бинджали», она не забыла зайти в фондовая контору Ормита распорядиться своей квартальной долей, после чего села на паром до Чонселты.

И теперь, направляясь домой, она чувствовала легкое головокружение — но отнюдь не усталость — и снова оценивала свое положение.

По ее расчетам, у нее есть год, за который надо получить лицензию пилота первого класса, выучить земной и собрать как можно больше денег. Делм дала ей год, чтобы доказать свою правоту в отношении вложения средств. Ран Элда будут сдерживать ровно столько времени — при условии, что Эллиана не сделает ничего, чтобы его спровоцировать или внушиТЬ ему подозрения.

Так тому и быть. У нее десятилетний опыт по умиротворению Ран Элда. Ради «Полосы удачи» — ради собственной свободы — она может выдержать еще один год.

Она шла по улице Дождеблеска, погруженная в свои мысли, ничего не замечая — так что оклик сестры заставил ее сильно вздрогнуть.

— Эллиана! — Сайнит поймала ее за рукав и поспешило потащила по улице. — Иди через заднюю дверь, ладно? Ран Элд следит за парадным входом. — Она захихикала. — Приготовился устроить тебе ужасную выволочку!

Она с ужасом посмотрела на сестру.

— И в чем я виновата на этот раз?

— Ну, ты ведь не вышла к завтраку, — ответила Сайнит, заходя на задний двор и решительно таща за собой Эллиану. — Это его раздосадовало. Он отправил Вени тебя будить, но тебя в комнате не оказалось. Это раздосадовало его еще сильнее... Ну, ты же знаешь Ран Элда! А потом выяснилось, что тебя вообще нет дома!

Она ухмыльнулась и занялась запором на калитке Мицела.

— Вени сказала, что ты спать не ложилась. Она говорит, что ты завела любовника! — Она подняла взгляд, полный смеха. — Ран Элд этого терпеть не намерен!

— Любовника? — Эллиана застыла, уставившись на сестру. — Вени думает, что у меня есть любовник?

— А почему бы и нет? — спокойно отзывалась Сайнит. — Заходи быстрее! По черной лестнице и к себе в комнату. И изволь не забыть выйти к главной трапезе!

Она решительно втолкнула Эллиану во двор и повернулась, чтобы запереть калитку.

Долгое мгновение Эллиана медлила, ощущая, как у нее колотится сердце.

А потом она повернулась и бросилась в дом, стремительно взбежав по узкой черной лестнице.

Бесшумно, как разведчик, она скользнула по короткому коридору, который вел к ее комнатам, вбежала туда и — бесполезный жест! — заперла за собой дверь.

Она притворилась, будто не видит, как мигает индикатор сообщений на ее комме, затемнила окна и прошла к узкой кровати.

Не раздеваясь, она легла на покрывало, закрыла глаза — и заснула.

Глава девятая

...данная запись передает вышеупомянутый участок и здание лиадийской Разведке с целью создания Академии и центра подготовки будущих разведчиков и тех, кого разведчики сочтут целесообразным готовить...

Из Дарственного контракта за подпись
Джени йос-Фелиум, девятого
Делма Клана Корвал

— Нам не хватало тебя за завтраком, сестрица.

Голос Ран Элда звучал нежно и негромко, что было дурным знаком.

Эллиана поставила чашку на стол и устремила взгляд на свою тарелку. За столом они сидели вчетвером: Делм присла-ла сказать, что присоединится к ним позднее.

— Такое необычное обстоятельство, — продолжал Ран Элд. — Наша сестра начала беспокоиться о твоем здоровье. Вообрази ее изумление, когда она вошла к тебе в комнату и обнаружила, что ты отсутствуешь, а кровать аккуратно зас-телена!

— Я благодарна сестре за ее заботу, — сказала Эллиана своей тарелке, хотя ей казалось, что эти слова вот-вот застря-нут у нее в горле.

— Как оно и следует, конечно, — огрызнулась Вени со своего места за столом. — Но это не отвечает на вопрос о том, где ты была всю ночь, Эллиана.

— А где я могла быть? — тихо удивилась Эллиана.

— Именно это я и хочу узнать! — резко заявила ее сестра. — Право, Эллиана! Надо думать, ты станешь отрицать, что даже не ложилась!

— Нисколько. Я... — Она сосредоточенно разглядывала сероватый кубик овощного пудинга, — ...я не ложилась всю ночь, обдумывая самое разумное вложение моей квартальной доли. Этим утром я разместила мои средства так, как мне казалось правильным. — Она тихо кашлянула и потянулась за чашкой. — Мне не хотелось медлить с исполнением распоря-жения моего Делма.

Наступила напряженная тишина, которую нарушил голос Ран Элда — очень сухой:

— Весьма похвально.

— Ну, по-моему, действительно похвально! — объявила Сайнит со своего места у дальнего конца стола. — Право, Ран Элд, послушать тебя — так повинование слову Делма стано-вится проступком! Кодекс ясно говорит нам...

— Спасибо тебе, сестричка. Полагаю, что понимаю Ко-декс несколько... лучше, чем ты.

— О, ну тогда ты видишь, что устроил глупый шум из-за дела, которое тебя не касается! — воскликнула Сайнит, изобра-жая озарение. — Меня это очень утешает. Не стоит обращать на

них внимания, Эллиана: Ран Элд не в духе, а Вени огрызается из-за того, что леди пел-Рула не понравился ее наряд.

— Ты подслушивала под дверью! — Голос Вени дрожал от возмущения. — Я скажу матери. Что за...

Сквозь завесу волос Эллиана увидела, что Сайнит ухмыляется.

— Леди пел-Рула сказала, что платье Вени нескромное и совсем не из тех, какие следует надевать леди с безупречным воспитанием. — Ее ухмылка стала еще шире. — И к тому же это была правда.

— Что ты в этом понимаешь? — зарычала Вени. — Этот покрой скопирован с наряда, созданного для йос-Галан! Леди пел-Рула — такая провинциалка, что отворачивается от образа, одобренного Корвалом...

— Тогда туда ей и дорога! — подсказала Сайнит, невинно раскрывая глаза.

Вени нахмурилась и изящно потянулась к своей рюмке.

— Нет, конечно. Мы с матерью должны нанести ее милости визит завтра после ленча.

— И ты наденешь менее смелое платье, правда, Вени?

Эллиана увидела, что пальцы Вени сжимаются на ножке рюмки с такой силой, что костяшки побелели. Старшая сестра ответила жестким от ярости голосом:

— Можешь оставить в покое мой гардероб, Сайнит. Если ты будешь продолжать, то я сочту это нахальством.

— Сайнит, перестань, — напряженным шепотом посоветовала Эллиана.

— Прекрасный совет, — вмешался Ран Элд голосом, приторным, словно переслащенный чай. — Как мило, что ты следишь за своей сестрой, Эллиана, и даешь ей маленькие советы. Позволь мне сделать то же по отношению к тебе самой.

Эллиана взяла свою чашку. Она оказалась пустой. Она судорожно сглотнула пересохшим ртом и сложила руки на коленях, устремив взгляд на неотведенную трапезу.

— Конечно, — ответила она, слыша, как дрожит ее голос. — Я рада советам того, кто настолько меня старше и хорошо знает свет.

— Да, а ты ведь света совсем не знаешь, правда? — проговорил Ран Элд, покачивая рюмку с вином. — Порой забываешь о том, насколько ты не приспособлена к тому, чтобы заботиться даже о малой доле меланти Клана. Но оставим это. Если те, кто умудрен опытом, не станут тратить время на то, чтобы учить нижестоящих, то умудренные должны разделять их позор в том случае, когда произойдет неизбежный провал.

Он пригубил вино, сделав выжидательную паузу.

Эллиана стиснула руки.

— Ты прав, — прошептала она.

Вени захихикала и положила себе добавку печеної дыни.

— Вот именно, — лениво продолжил Ран Элд. — Нет, Сайнит, помолчи, умоляю. Мы с Эллианой согласились на том, что она рада моим наставлениям.

Он допил вино и отставил рюмку, а потом сдвинул в сторону тарелки, мисочки и соусники, сложив руки на столе перед собой.

— Смотри на меня, — пробормотал он, наклоняясь вперед.

Стиснув зубы, она подняла голову и, содрогаясь, встретилась с ним взглядом.

— Так. — Он улыбнулся — не слишком приятно. — Разведчики, Эллиана.

Онемев, она уставилась на него. Его губы нетерпеливо сжались, и она выпалила:

— Я учу разведчиков.

— Вот именно, — промурлыкал он, удовлетворенно улыбаясь. — Ты обучаешь разведчиков, за что получаешь плату. Прискорбная необходимость. Однако эта необходимость заканчивается с окончанием учебного дня. Тебе нет нужды — и, напротив, есть все основания, чтобы воздерживаться от... общения с разведчиками.

— Разведчики — не наши люди, — пояснила Вени, возможно, ради Сайнит. — Разведчики, пилоты, механики: это все сводится к дурным манерам, масляным пальцам и грязным лицам. Надеюсь, что никто из Клана Мицел не будет настолько глуп, чтобы приписывать подобным людям геро-

изм или глубокие познания. Героизм — это полная чепуха. Я бесконечно выше ставлю хорошие манеры.

Перед Эллианой промелькнули мысленные картины: Жон дэа-Корт, аккуратно вытирающий свои широкие ладони красной тряпкой, безупречно чистый кожаный костюм и заботливость Ремы, озорная и отмытая до блеска юная мордашка Вар Мона...

— Я...

Ран Элд предостерегающе поднял руку и подался через стол, сверля ее взглядом.

— Разведчики — неподходящее общество для члена Клана Мицел. Для любого члена Клана Мицел, — заявил он медленно, словно у нее были проблемы со слухом — или с мозгами. — Ты меня понимаешь, Эллиана?

«Склони голову! — в отчаянии приказала она себе. — Будь кроткой. Помни. Помни про свой корабль!»

— Я тебя понимаю, — прошептала она, чувствуя, как кровь стучит у нее в висках.

— Ну и что тут у нас, живая картина? — В дверях стояла Бирин Кэйлон. Подняв руку, на которой блеснуло кольцо Клана Мицел, она ткнула пальцем в сторону сына. — Ран Элд играет роль ненасытного кота, который готов слопать несчастную мышку, изображенную Эллианой. Так! — Она опустила руку и вошла в комнату. — Я угадала?

Ран Элд рассмеялся и откинулся на спинку стула.

— Вы как всегда обо всем догадались, матушка!

— На самом деле, сударыня, — сообщила Вени, вставая и отодвигая стул Делма, — мы просто пытались доказать Эллиане и Сайнит нежелательность общения с разведчиками и другими подобными личностями.

— Бокал вина, Ран Элд, сделай милость. И плошку супа, если он еще остался.

Получив заказанное, она пригубила вино и только потом повернулась к своей средней дочери, которая продолжала сидеть в позе мышки, которую вот-вот проглотят. Бирин Кэйлон ощущала прилив сострадания. Вид у девочки был неваж-

ный: худое лицо заострилось, под туманными глазами легли огромные темные тени.

Бирин вдруг задумалась, не был ли этот урок должного поведения связан с каким-то определенным разведчиком. Она съела ложку супа. «Право, — решила она, — Ран Элд слишком суров с девочкой».

— Несомненно, разведчики — люди со странным характером, — проговорила она после еще одной ложки супа. — Я помню твоего отца, Эллиана. До чего он любил задавать вопросы! Готов был без конца рассуждать о какой-нибудь смеси для чая или обычай пить утреннее вино только по утрам или о том, умеют ли кошки шутить. И самые простые вещи служили поводом для бурного веселья. Чуть было не довел меня до сумасшествия, а ведь он только проходил подготовку в Академии и не был настоящим разведчиком!

Она вздохнула.

— Твоя бабка, которая, конечно, в тот момент была Деллом, находила его совершенно безобидным. Он, в свою очередь, обращался с ней крайне уважительно и отзывался о ней очень высоко, так что он отнюдь не был лишен должных взглядов, как некоторые склонны думать о разведчиках.

— И в то же время вы не отрицаете, что он, как и все разведчики, держался странно, — сказал Ран Элд.

— Да, — ответила Бирин, хмурясь своим мыслям, — да, сын мой, я не могу отрицать того, что он был очень не похож на всех. В тот момент я подозревала, что он надо мной подсмеивается. Однако со временем я поняла, что большая часть его странностей должна быть отнесена на счет его подготовки.

Тем, кто берет на себя полные опасностей обязанности разведчика, приходится пройти интенсивное и очень специализированное обучение, которое помогает им выжить в огромной вселенной. Приходится сожалеть о том, что достижение успехов в этом обучении делает человека... другим.

Я слышала даже, будто разведчики — не лиадийцы, что, конечно, чепуха. По моему мнению, разведчики отягощены пониманием, которое охватывает не только Лиад, но и всю вселен-

ную. — Она потянулась за вином. — Думаю, что это понимание навсегда отделяет их от тех, кто не видит дальше Лиад.

— Тогда вы видите в разведчиках героизм, не так ли, сударыня?

В голосе Сайнит ясно прозвучал смех, и Бирин нахмурилась на нее.

— Я вижу в разведчиках непохожесть, — строго проговорила она. — И, возможно, одиночество. Допускаю, что у них можно чему-то научиться, если человек обладает способностью это сделать. Не все способны — и в этом нет ничего позорного. Нет ничего позорного и в том, что у человека есть подобная способность.

Она перевела взгляд на Ран Элда, который сидел напротив нее, являя собой воплощенное внимание.

— Я не вижу ничего плохого в общении с разведчиками.

Он вежливо склонил голову. Удовлетворенная его реакцией, Бирин снова занялась супом.

Тишину нарушил звук отодвигаемого от стола стула. Эллиана встала и поклонилась матери.

— Если вы не возражаете, сударыня. Мне нужно проверять работы студентов.

Бирин взмахнула рукой.

— Конечно. Доброго тебе вечера, дочь.

— Доброго вечера, — прошептала девушка и придвинула свой стул к столу, оставив нетронутую тарелку с едой и пустую чайную чашку.

У двери столовой она остановилась и повернулась, протянув вперед руку. Серебряное кольцо, принадлежавшее ее бабке, поймало свет — и тут же потеряло.

— Пожалуйста, сударыня, скажите, — взволнованно спросила она. — Что с ним стало?

Бирин подняла голову, хмуря лоб.

— С кем?

— С моим... моим отцом.

— Дитя, откуда мне знать, что с ним стало? В последний раз я виделась с ним двадцать семь лет назад, когда мы подписали соглашение об окончании контракта.

— О! — Плечи под широкой, как кокон, рубашкой поникли. — Конечно. Доброго вам вечера, сударыня.

— Доброго вечера, Эллиана, — сладко пожелал ей Ран Элд — но в дверях уже никого не было.

— Что он сделал? — Вар Мон воззрился на своего чалекет с откровенным недоверием. — Ты с ума сошел?

— Я — нет, но милорд чел-Мара — определенно сошел! — расхохотался Лин Ден. Он бросился на шею своему чалекет и поцеловал его в щеку. — Давай радоваться, милый: мне теперь не придется вступать в ряды земных наемников!

— Можно подумать, тебя бы приняли, — ворчливо отозвался Вар Мон. — А если бы приняли, то тебе удалось пережить хотя бы первый день боев. А обязанность сообщить об этом твоему отцу наверняка легла бы на меня. Лин Ден, ты уверен в том, что это был Вин Син чел-Мара?

— Неужели я мог бы забыть его лицо? — парировал тот, начиная кружиться на месте от избытка чувств. — Привет, Рема!

— Привет, Лин Ден. — Она кивнула и встала рядом с Вар Моном. Ее лицо оставалось совершенно серьезным. — Как у тебя дела?

— Великолепно. Головокружительно! Мне несказанно повезло, если только я смогу убедить моего жестокого чалекет в том, что я совершенно в здравом рассудке.

— Или хотя бы в таком здравом, как раньше, — пробороматал Вар Мон.

Рема коротко улыбнулась.

— Что произошло? Твой отец заплатил твой долг?

— Лучше! В десять раз лучше! Вин Син чел-Мара сам нашел меня после утренних занятий... только представь себе, что его милость дождался в университете коридоре!.. Так вот, он нашел меня и вернул мне мой проигрыш — и дал бумагу, в которой говорилось, что я больше ничего ему не должен в будущем и что все, что я был должен ему в прошлом, прощено. Вот! — Он извлек из нарукавного кармана листок пергамента, сложенного в несколько раз. — Прочти сам!

Вар Мон вырвал бумагу у него из рук и развернул ее. Рема пригнула голову к его голове, и они оба быстро прочли короткий документ.

— Это его подпись, определенно, — пробормотала она, трогая каплю оранжевого сургуча и прикрепленную им серебряную ленту. — И запечатано как положено, извольте видеть.

— Ну что ж...

Вар Мон снова сложил листок и сунул его обратно сводному брату, сдвинув брови совершенно не по-вармоновски.

— Я считаю, что ты столкнулся с совершенно невероятной удачей. Остается только надеяться, что пережитый тобой страх поможет тебе избегать казино всю твою оставшуюся жизнь.

— О, конечно! Я намерен жить в уединении и развлекаться очень редко, да и то исключительно у себя дома.

— Смейся, смейся! — строго бросил Вар Мон. — Нам с Ремой до экзамена на самостоятельное пилотирование осталось всего десяток дней. Сделай милость, позволь мне не тревожиться за тебя. Или я должен бросить Академию и стать твоим опекуном?

— Ну-ну, стариk, не злись! — Лин Ден снова бросился Вар Мону на шею и прижался щекой к обтянутому кожаной курткой плечу. — Я буду паникой, милый, не бойся. Правда, я усвоил урок. Я согласен больше никогда в жизни карт не видеть!

— Ладно. — Вар Мон отстранил своего чалекет, разрешив себе нежно улыбнуться. — Изволь быть осторожным. А теперь тебе пора идти. Нам нужно идти на пилотирование, а тебе пора подумать о занятиях.

— Чудовище! — Лин Ден ухмыльнулся, но тут же посервился. — Я еще тебя увижу до отлета на экзамен?

— Конечно, — ответил Вар Мон. — Ты же знаешь, что я не посмею улететь с планеты, не засвидетельствовав уважения моей матери — твоей тетке.

— Это верно. — Лин Ден со смехом отвесил поклон. — До свидания, пилоты! Удачного взлета.

— Береги себя, Лин Ден, — крикнула Рема вслед легко бегущей по пандусу Академии фигурке. Проводив его, она встретилась с недоуменным взглядом Вар Мона. — Странный курс проложил его милость, — заметила она.

Вар Мон вздохнул.

— Знаешь, я как раз сам так подумал.

Глава десятая

Гильдия различает четыре категории пилотов. Пилоты начального уровня, или третьего класса, имеют право работать внутри планетной системы и орбиты и водить корабли не выше класса «Б».

Пилоты среднего уровня, или второго класса, имеют право поднимать любой корабль вплоть до класса «АА» внутри планетной системы и орбиты.

Пилот, имеющий лицензию первого класса, должен уметь входить в гиперпространство и выходить из него, совершая прыжок.

Звание мастер-пилота присваивается тому, кто владеет всеми аспектами пилотирования на высшем уровне. Пилоты этой категории имеют право брать на себя обучение и испытание пилотов более низких уровней.

Согласно данным Правилам, лицензия пилота, прошедшего подготовку разведчика, приравнивается к лицензии мастер-пилота.

Из «Правил Гильдии пилотов»

Экзаменационная кабинка была знакомой и даже успокаивала. Именно в таком боксе она проходила университетские тесты, когда получила полную стипендию для обучения математике в Университете Лиад.

Даже задания, которые так быстро пробегали по экрану, успокаивали. В них не было ничего таинственного, ничего опасного. Ничего непонятного.

Пальцы Эллианы стремительно летали по клавиатуре, строя и перестраивая уравнения пилотирования в соответствии с заданиями. Она немного смущилась, когда темы вопросов сместились с практических заданий на законодательство и правила, однако быстро переключилась и продолжила отвечать, постепенно наращивая скорость.

Экран погас. Раздался мелодичный звон, который прозвучал несколько неожиданно в тишине, сменившей стук клавиш.

— Часть первая экзамена завершена, — объявил механический голос откуда-то из-под потолка кабинки. — Прошу дождаться вашего экзаменатора с результатами.

Эллиана откинулась на спинку скрипучего стула, строго сложив руки на коленях, чуть наклонив голову и устремив взгляд на замолчавшие клавиши.

Она не испытывала беспокойства относительно этого первого этапа проверки. Задачи на пилотирование оказались довольно простыми — почти скучными. Резкий переход от математических формул к юридическим терминам был неожиданным, но сами вопросы ничего сложного в себе не заключали.

Гораздо меньше оптимизма ей внушала ее способность адекватно действовать за реальным пультом управления. Конечно, она уже поднимала и сажала прыжковый корабль. Но верно и то, что она делала это всего три раза, под внимательным наблюдением лейтенанта разведки Лис Финдин, одной из ее самых блестящих — и самых невозможных учениц.

За завесой волос Эллиана позволила себе улыбнуться. Лис прошла дополнительное обучение, завоевав себе наивысшую награду. Покидая Лиад, она стала первопроходцем, одним из лучших во всей Разведке. Она была готова в одиночку лететь по неосвоенным пространствам, вступать в первый контакт с неизвестными цивилизациями, наносить на карты неисследованные планеты и звездные системы.

Именно Лис пыталась уговорить свою преподавательницу «идти в разведчики» и просто не приняла отказа, когда речь зашла о том, чтобы Эллиана вела настоящий корабль.

— Теория — это, конечно, прекрасно, — заявила разведчица, — но, черт подери, Элли, нельзя обучать пилотов математике выживания, ни разу не подержав в руках корабль!

Лис в том споре победила, и Эллиана подняла-таки корабль.

Следующая кампания заключалась в том, чтобы Эллиана записалась на курсы пилотирования, однако она закончилась ничем: Ран Элд определенно не разрешил бы сестре тратить свой заработок на такие вещи и вполне мог бы счесть нужным нанести ей ответный удар, чтобы напомнить ей о своей власти над ней.

Поэтому Эллиана прослушала курс пилотирования в техколледже Чонсельты, прочла все пособия — от начального до самого продвинутого, — занималась на тренажерах в лаборатории пилотирования, и Лис пришлось этим удовлетвориться.

— Математик Кэйлон!

Дверь ее кабинки открылась, впустив старшего экзаменатора Джарла. Он поклонился.

— Я рад сообщить вам, что вы безупречно сдали первую часть экзамена. Если вы пройдете со мной в комнату тренажеров, то можно было бы начать вторую часть проверки.

Обстановка и задания опять были знакомыми, понятными и успокаивающими. По правде говоря, Эллиане тренажер показался медлительным, не таким чутким, как тот пульт, на котором она по-прежнему изредка работала в лаборатории пилотирования.

Медленная реакция немного сбивала ее во время проверки систем и получения разрешения на взлет. Когда пришло время включать вращение и взлетать, она уже почти приспособилась к более медленному темпу, хотя заторможенный навигационный компьютер раздражал. В конце концов она просто стала решать уравнения сама, вводя цифры через клавиатуру и выполняя нужные маневры, не дожидаясь запоздалого подтверждения компьютера.

Она вышла на предписанную орбиту, и, как и в первый раз, экран неожиданно погас. Затренькал звонок, сеть безопасности втянулась в кресло, купол открылся. Эллиана вышла в зал.

Старший экзаменатор Джарл, который контролировал ее действия по главному пульту, тихо откашлялся.

— Очень быстро, э-э... математик. Я заметил, что вы все время опережали навигационный компьютер.

— Компьютер работал медленно, — ответила Эллиана, опуская голову. — Было гораздо проще самой выполнять расчеты и вводить результаты вручную. — Она помолчала, кусая губы. — Меня оштрафуют, сударь?

— Что? — Он снова покашлял. — А, нет! Нет, не думаю, математик. Хотя я должен вам напомнить, что портовые правила требуют, чтобы во время взлета и нахождения на орбите навигационный компьютер корабля был включен.

— Да, сударь, — прошептала Эллиана. — Я не забуду.

— Хорошо, — сказал он, вставая и потирая руки.

Он бросил на нее быстрый взгляд, словно у нее вдруг выросла вторая голова, а потом еще раз ей поклонился.

— Как и в первый раз, математик, безупречные — хотя и несколько отступающие от правил — действия. Полагаю, нам с вами пора пройти на площадку и посмотреть, что у вас получится на учебном корабле.

— Да, — согласилась Эллиана и прошла за ним из тренажерного зала, понурив голову и ощущая прилив тошнотворной тревоги.

Эллиана включила программу проверки систем и зафиксировалась в кресле пилота, нервно перебирая в уме всю калибровку. Она включила навигационный компьютер и ввела проверочную задачу, сравнив результаты компьютера со своими собственными.

Убедившись в том, что они совпадают до стотысячных долей, и с облегчением отметив, что скорость вычислений у него оказалась выше, чем у тренажера, она повернула голову к экзаменатору, который пристегнулся сетью безопасности на месте второго пилота.

— Я здесь в качестве наблюдателя, математик, — сообщил он, демонстративно складывая руки на коленях. — В случае возникновения проблем или если станет ясно, что управление кораблем осуществляется неумело, я отключаю ваш пульт. Если это произойдет, то это будет означать, что вы не сдали

третий элемент экзамена и можете пройти его повторно по прошествии двенадцати дней. Тем временем мне запрещено отвечать на любые ваши вопросы или предлагать какую бы то ни было помошь — за исключением переключения управления на себя и возвращения на площадку. Это понятно?

— Да, сударь.

— Хорошо. Тогда я говорю вам, что рассчитываю оказаться на тринадцатой расчетной орбите в течение часа по местному времени. Когда стабильная орбита будет достигнута, вы получите указания относительно возвращения на поверхность планеты. Вам разрешено действовать.

Эллиана глубоко вздохнула, откинула волосы за плечи и включила связь с диспетчерской Чонселты.

Стабильная орбита Р-13 была достигнута без малого за час. Подъем прошел без происшествий. Эллиана неукоснительно следила за навигационным компьютером и прокладывала курс, который был удивителен своей благовоспитанностью.

Следует признать, что в ходе этого величественного и не требующего никаких усилий движения Эллиана ловила себя на том, что рассчитывает более быстрые и не такие старушечьи маневры. Один раз ее рука сама собой поползла в сторону кнопки связи, пока мысленно она прикидывала, какие именно изменения маршрута следует доложить диспетчерской.

Судорожно втянув в себя воздух, она отдернула руку и продолжила полет по заявленному маршруту.

— Расчетная орбита 13 достигнута, мастер-пилот, — доложила она, вводя последние команды и откидываясь в кресле. — Мы вышли на стабильное вращение.

— Я это вижу. — Старший экзаменатор Джарл развернул свое кресло в ее сторону. — Вы меня разочаровали, математик. После такой демонстрации на тренажере я ожидал не сравнимого ни с чем взлета.

Она слегкнула и заставила себя встретиться с ним взглядом.

— Этот навигационный компьютер работает лучше, сударь.

— Ну, этим все и объясняется, конечно, — отзвался он довольно сухо. Он посмотрел на свой пульт, а потом бросил

присальный взгляд на Эллиану. — Скажите мне, математик, сколько времени можно было сэкономить, если бы в середине подъема вы воспользовались той возможностью изменить курс?

— Я... порядка пяти целых пяти десятых минуты, сударь. Возможно, шесть — в зависимости от ориентации при выходе на орбиту.

— Вижу, — повторил он. — Однако вы сочли нужным идти по тому курсу, который установили с самого начала, несмотря на значительный выигрыш во времени. Интересно, почему?

Эллиана наклонила голову.

— Показатель безопасности был немного выше, — прошептала она, — а также возможность полного успеха. Мне... очень важно... получить эту лицензию, сударь. Я не посмела идти на риск, который мог бы помешать удачному результату.

— Не посмели рисковать своей лицензией, да? Простите меня, математик, но это не звучит многообещающе. Вы ведь не можете не знать, что в первую очередь пилота должны заботить его пассажиры и его корабль. Если он лишается своей лицензии, спасая пассажиров или корабль, то это печально, но неизбежно.

Эллиана закусила губу, чувствуя, как капли пота собираются у нее на груди, где висели ключи «Удачи». Нет, он не может, не может провалить ее только потому, что она выбирала менее рискованный маршрут. Правила...

— Я дам вам возможность оправдаться, математик, и продемонстрировать мне ваши способности.

Она перевела дыхание, едва смея поверить тому, что услышала.

— Простите, сударь?

Он наклонил голову и едва заметно улыбнулся.

— Я желаю, чтобы вы вернули нас на место взлета. И я рассчитываю на то, что вы уменьшите свое время вдвое — или еще сильнее.

Полет пугал — и возбуждал. От нее потребовалось все ее внимание, так что она перестала потеть и волноваться, а так-

же тратить драгоценные секунды на расчет какого-нибудь другого, менее отчаянного снижения.

Она почти в самом начале отказалась от навигационного компьютера, оставив его тихо журчать что-то самому себе, пока она мысленно решала нужные уравнения и вводила результаты вручную.

Местное движение никаких трудностей не представляло, хотя она поймала обрывок болтовни какой-то медлительной баржи: по крайней мере один пилот решил, что она рискует. Она забыла эти слова, едва услышав.

Числа мелькали, уравнения составлялись, менялись и составлялись снова. Эллиана стремительно провела учебный корабль сквозь одиннадцать орбит, по касательной тронула двенадцатую и камнем упала в атмосферу.

Лис научила ее открывать крылья и задерживать включение двигателей. Это был прием разведчиков, рассчитанный на то, чтобы экономить топливо в обстоятельствах, когда топлива может оказаться мало.

— Лети на нем столько, сколько сможешь, — сказала ей разведчик. — Тормозные двигатели можно не включать до тех пор, пока не разглядишь улицу, на которой живешь.

Лететь оказалось немного труднее, чем просто взлетать или опускаться с помощью реактивных двигателей. Во время трех предыдущих эскапад Эллианы местные погодные условия оказались мягчайшими.

Сегодня дело обстояло иначе.

Корабль дергался и выворачивался, и нос его уходил вниз, несмотря на все ее попытки его стабилизировать. Сканеры сообщали о наличии осадков и турбулентных воздушных потоков. Главный компьютер предупредил об опасности.

Эллиана включила двигатели.

На самый малый срок, как это сделала бы Лис: только чтобы поднять нос и умерить рывки. Полет стал плавным — на минуту, вторую...

Эллиана снова включила двигатели.

И еще раз.

И в последний, когда подлетала к порту Гильдии. На этот раз она не стала их отключать, позволив им погасить остатки

скорости, так что корабль завис и приземлился на указанной площадке — легко, словно пылинка.

Двигатели отключились автоматически. Эллиана убрала крылья, провела требуемую правилами проверку систем, сообщила в диспетчерскую о своей благополучной посадке и, повернув кресло, подняла голову и встретилась взглядом с экзаменатором.

— Прибыли, сударь. Кажется, время несколько меньше, чем половина времени взлета.

— Да. — Он закрыл глаза, глубоко вздохнул, открыл глаза и отключил сеть безопасности. — Насколько я понимаю, вы обучались у разведчика.

Он встал и посмотрел на нее сверху вниз. Его лицо влажно блестело от пота.

— Такой способ посадки весьма эффективен и вполне приемлем, когда вы перевозите разведчиков или... неживой груз. Для обычных пассажиров, однако, следует двигаться более осторожно.

Эллиана наклонила голову.

— Да, мастер-пилот.

Он снова закрыл глаза и вздохнул, чуть менее глубоко. Видимо, восстановив таким образом равновесие, он адресовал ей поклон как собрату по Гильдии.

— Если вы пройдете со мной в отдел регистрации, пилот, я буду рад выписать на ваше имя условную лицензию второго класса.

Эллиана изумленно взорвалась на него, глотнула воздуха и с трудом поднялась на ноги, которые вдруг стали ватными. Она ответила ему поклоном, который сопровождался жестом, выражавшим благодарность учителю.

— Да, так. — Он откашлялся. — Вам необходимо будет налетать определенное количество часов, чтобы получить полный статус. Летную практику необходимо пройти в течение реляммы, считая с этого дня, и она должна подтверждаться мастер-пилотом. Я вижу, что вы знакомы с Жоном дэ-Кортом. Он или любой его служащий имеют нужную квалификацию — я бы сказал, уникальную квалификацию — для того,

чтобы оказать вам помошь и обеспечить то дополнительное обучение, которое вы можете пожелать пройти.

Эллиана наклонила голову.

— Да, мастер-пилот. Благодарю вас, сударь.

— Полагаю, что благодарности тут не нужны, пилот. Вы заработали свою награду своими руками. Следуйте за мной, пожалуйста.

Дрожа от волнения, с колотящимся от страха — или от восторга — сердцем, Эллиана последовала за ним.

Глава одиннадцатая

Сегодня я получил Кольцо Клана Корвал из рук Петреллы, Тоделма йос-Галан, которая получила его от самой Главы Клана, когда та умирала.

Мой первый долг перед Корвалом состоит в том, чтобы свести счеты с теми, кто отнял у Клана Чи йос-Фелиум, любимую родительницу и Делма, а также Се Зара йос-Галана, любящего кузена, А-тоделма, мастер-купца. И есть еще Петрелла йос-Галан, которая, как я опасаюсь, получила смертельную рану.

Се Зар погиб, защищая своего Делма. Честь ему и хвала.

Чи йос-Фелиум погибла из-за второго предательства и своей смертью помогла своей сестре, моей тетке, которой единственной из трех удалось добраться до дома.

Имя планеты, которая отняла у Корвала эти жизни, Ганджир, РП-7026-541-773, Сектор Типры, Первый квадрант.

Корвал сведет счеты так: начиная с этого часа корабли Клана Корвал и союзников Корвала не будут останавливаться на Ганджире. Товары Корвала не будут туда отправляться. Канtry Корвала не будут там инвестироваться. И эти условия останутся в

силе, даже если Ганджир будет умирать от голода без нашей помощи.

...Я отмечаю, что моя мать все равно мертва.

Даав йос-Фелиум, восемьдесят пятый Делм Корвала.

Запись в Дневнике Делма от восьмидня финьяла
в первую релюмму года под названием саро

Даав вручную закрутил последний винт, протянул руку и установил электроотвертку на место.

Ремонт был монотонный, детали расположены неудобно, и вообще противная оказалась работа. Спина болела от согнутого положения, запястья ломило из-за вибрации электроотвертки, левая нога онемела уже несколько минут назад, и теперь к ней возвращалась чувствительность настоящим потоком острых иголок.

Он выровнял отвертку по отношению к первому винту, подпер ее левой рукой, а правой хлопнул по кнопке включения. Вибрация сотрясала ему руки и воплем отдавалась в мозге. Он приветствовал эти мелкие неприятности, как до этого приветствовал и другие.

Он завернул второй, третий и четвертый винты, отключил питание и отпустил отвертку, дав ей уехать наверх на ее подвеске. После этого он осторожно выпрямился.

Натруженные мышцы спины срочно требовали заслуженного отдыха. Даав развел руки в стороны, потом свел их над головой и встал на цыпочки, вытягивая до предела все тело.

На пределе растяжки, с дрожащими от напряжения мышцами, он закрыл глаза и мысленно проделал последовательность упражнений, которыми его научили еще в Академии разведки. Цвета закружились перед его мысленным взором, а потом его внутренний слух уловил резкий щелчок. Даав снова развел руки в стороны, а потом опустил их вниз, ощущая, как напряжение и мелкие боли уходят из тела волной сладкого тепла.

Опустившись на всю ступню, он уже чувствовал себя так, словно проспал если не целую ночь, то хотя бы несколько часов.

— Отлично, — сказал он себе — или, может быть, Заплатке, кошке «Бинджали», которая наблюдала за ходом ремонта с тележки для инструментов. — Похоже, это все.

Заплатка зевнула.

— Ну да, конечно. Принижай мои труды. Нечего мне засоситься. Однако я должен тебе напомнить, что я — всего лишь временный работник, чем и объясняются мои неуклюжесть и неповоротливость. Не сомневаюсь в том, что мастер дэа-Корт — или даже ты сама! — справились бы с этим очень ловко и вдвое быстрее. Возможно, что когда-нибудь в ближайшем будущем я буду удостоен чести видеть мастера дэа-Корта за работой.

То, что он в последнее время не имел такой чести, виноват был не Жон, а сам Даав, что он первым признал бы. По правде говоря, после того, как он с таким красноречием добился немедленного доступа в «Бинджали», обязанности главы Клана Корвал заставили его скрыться на несколько дней подряд. Он вернулся только этим утром, чтобы услышать бесценное своей небрежностью приветствие Жона, который отправил его ремонтировать запасной грузовичок.

Спустя примерно час Жон окликнул его и сказал, что отправился к Апель пропустить стаканчик. Как было известно Дааву, это мероприятие занимало несколько часов. Трилла должна была прийти во второй половине дня, а Клонак, Сайри, Ал Бред и еще кто-то — когда им заблагорассудится. Если возникнут проблемы, с которыми сам Даав справиться не сможет, то Жон выразил пожелание оторваться от своего вина, чтобы изумиться этому факту.

Ремонт был завершен, а Триллы, Клонака или еще кого-нибудь видно не было. Даав переместил Заплатку с тележки к себе на плечо и сложил инструменты. Кошка улеглась ему на плечи палантином и с мурлыканьем сунула нос прямо в его беззащитное ухо.

— Полагаю, тебя не волнует тот факт, что нос у тебя холодный и мокрый? Так я и думал. Будь любезна, постарайся оставить мои волосы расти у меня на голове. А если я замечу хоть какое-то пополнение в сторону моей серьги, то ты, милая моя госпожа, пойдешь на корм мышкам.

Аккуратно убрав инструмент, Даав закрыл тележку и бесшумно направился к выходу из гаража, на ходу снимая рабочие перчатки. При виде своих голых рук он вздрогнул и поднял руку, проверяя цепочку на шее. Надежно спрятанное Кольцо Клана Корвал висело под шнурковкой его рубашки.

— Знаешь, — сообщил он кошке, ехавшей у него на плече, — посмотрю-ка я, не получится ли у меня починить чайник. У меня создалось впечатление, что Жон сбил калибровку заварочного датчика, чтобы экономить на заварке.

Заплатка зевнула. Этот разговор был для нее привычным. Десятки разведчиков запускали свои руки в чайник, пытаясь исправить роковой дефект — и пока безуспешно.

— А может, я просто куплю новый, — размышлял Даав, огибая лестницу, которая вела на леса. — И заменю его какнибудь, когда он уйдет увиваться за госпожой Апель.

Эта идея ему понравилась. Даав поднырнул под оттяжку и оказался в тесном пространстве помещения для служащих. На обшарпанном столе перед чайником — практически закрывая собой этот массивный объект — стояла коробка. К коробке была прикреплена бумага с ярко-оранжевыми каркалями. Даав сорвал бумагу с коробки.

«Оставь мой чайник в покое, убийца! — Почек Жона дэ-Корта, лишенный наклона, не узнать было нельзя. — Когда ты закончишь этот пятиминутный ремонтник в доке, отвези это на Восьмую верфь. Гат рассчитывает на доставку до полуночи по времени Солситри». —

Даав ухмыльнулся.

— Отвратительный тип, — с симпатией объявил он, почесывая Заплатку за ушком.

Мурлыканье усилилось, передаваясь на плечи приятной вибрацией.

— Ну что, дружок, последишь за делами, пока Трилла не появится? Или нам вернуться в контору и попробовать разобраться с графиками работы? Там...

Заплатка резко поменяла позу у него на плече, царапнув когтями по кожаному жилету.

Даав повернулся навстречу открывшейся двери, которая впустила в комнату клин дневного солнца — и массивную нерешительную тень.

Эта тень сделала два шага внутрь гаража, двигаясь с бесшумностью, чем-то похожей на походку разведчика, а потом остановилась, поворачивая голову из стороны в сторону. Дверь за ее спиной закрылась.

Заплатка встала на ноги и спрыгнула с плеча Даава, шумно приземлившись на одну из ветхих табуреток.

— Привет?

Голос оказался звучным и ровным, странно контрастируя со столь неуверенной манерой держаться. Она прошла вперед, бесшумно ступая по жесткому полу.

— Мастер... О! — Все тело напряглось, словно в ожидании удара, голова судорожно дернулась. — Я... прошу прощения... — пролепетала она в модальности разговора взрослых. — Я хотела... Мастера дэа-Корта здесь нет?

— В данную минуту — нет, — ответил Даав, намеренно расслабляя все мышцы и позволив своим губам выгнуться в слабой улыбке. — Я не могу вам помочь? Я — Даав, один из здешних работников, как видите.

Поворотом головы он указал на черно-белую кошку, которая уже важно восседала на табурете, обтянутом тусклозеленой кожей.

— Заплатка может за меня поручиться.

Женщина быстро повернула голову, словно ожидая укора, и прошла вперед еще на несколько шагов, прислонившись бедром к самой дальней табуретке из тех, что стояли неровным полукругом вокруг стола.

— Заплатка?

— Совладелица и местная кошка, — отозвался Даав, заставив свой голос звучать чуть дурашливо. — Мы с ней знакомы уже не меньше восьми лет. Ее рекомендация ценится не ниже слова Жона.

Она снова повернулась к нему и резко подняла голову, так что он впервые увидел напряженное лицо с тонкими чертами и огромные, печальные зеленые глаза.

— Вы... разведчик.

— Увы — отставной, — уточнил он, надеясь, что мягкая серьезность будет воспринята лучше, чем дружеское подшучивание. — Я не могу вам чем-то помочь?

— Я пришла... — начала она — и, ахнув, замолчала, не столько отпрянув, сколько застыв на месте, и опустила голову, чтобы изумленно взорваться...

На Заплатку, которая начала изгибаться, тереться о ее бедро и оглушительно мурлыкать.

— Что...

Ее голос замер, словно она задохнулась. Даав осторожно шагнул вперед.

— Она хочет, чтобы вы почесали ее за ушком, избалованное создание. Вот так.

Он наклонился, стараясь не испугать женщину резкими движениями, и продемонстрировал, что следует делать. Мурлыканье достигло пугающей громкости.

— Понимаю.

Она протянула худую руку, украшенную старинным кольцом-головоломкой, и неуверенно провела двумя пальцами по шее в черных пятнах.

— Немного энергичнее, — тихо проинструктировал Даав. — Боюсь, что она — особа чувственная.

Незнакомка снова резко вскинула голову, блеснув удивленными глазами. А потом она снова наклонилась к кошке, спрятав лицо за водопадом темно-русых волос.

Даав держался спокойно — так, как его пыталась научить Скалоцвет, освободив разум от всех суждений — и позволил стоящей рядом с ним женщине проявиться самостоительно.

Оказалось, что она вовсе не массивная, а отчаянно худая, просто скрывается и защищается множеством слоев слишком просторной одежды. Диковатая чуткость и бесшумные неуверенные движения были элементами той же защиты, которой полагалось держать окружающий мир на расстоянии.

«Отведи взгляд, — словно говорили ее напряженные плечи. — Смотри на кого угодно, на что угодно, только не на меня».

Кто бы она ни была, но с ней плохо обращались — и она отчаянно нуждалась в благословении дружбы.

«Очередная бездомная собачонка Жона», — решил было Даав, однако тут что-то не вполне сходилось. Он наблюдал, как она прикасается к кошке — уже более уверенно. Следуя недвусмысленным указаниям Заплатки, она уже почесывала не шею, а голову за ушком.

Возможно, ей действительно нужны друзья — и кто-то, кто проследил бы, чтобы она ела как следует, однако она не была по-настоящему бездомной. В развороте напряженных плеч ощущалась решимость, а из-под неуклюжей, сковывающей брони вырывалась такая мощная энергия, что у Даава мурашки по коже побежали.

Худое тело женщины уловило его движение — и ответило на него полной неподвижностью. Ему показалось, будто зеленые глаза читают его лицо даже сквозь завесу волос.

— Я пришла, — проговорила она с явным акцентом жительницы Чонселты, — узнать, не готов ли к полетам мой корабль. Мастер дэ-Корт сказал... что, возможно... он будет готов... сегодня. В зависимости от расписания работ.

— А! Тогда я смогу вам помочь. Если вы пройдете со мной в контору, то мы можем свериться со списком.

— Я вам благодарна, — официально отозвалась она и недоверчиво последовала за ним в офис Жона позади дока. Заплатка шла рядом с ней, высоко задрав хвост.

Даав выдвинул экран и нажал выключатель.

— Я могу узнать название вашего корабля? — тихо спросил он, когда она подошла ближе, остановившись так, чтобы их разделял массивный рабочий стол.

Заплатка ловко вспрыгнула на заваленную бумагами поверхность и дружелюбно привалилась к незнакомке.

— «Полоса удачи».

Не успев вывести список на экран, он замер и стремительно оглянулся на ее закрытое волосами лицо. Даав был знаком с Вин Сином чел-Марой — настолько, насколько это допускала их взаимная неприязнь — и был немного осведомлен о привычках его милости. Он кашлянул.

— Сударыня...

— Он не готов, — прервала она его, и плечи под широкой поношенной рубашкой ссутулились. — Я надеялась... Но, конечно, работы было много. А в этом списке, сударь... в списке не сказано, когда он будет готов к взлету?

— Ну, — пробормотал Даав, — давайте посмотрим.

Он ввел необходимый запрос — и застыл, глупо моргая глазами и снова и снова перечитывая имя, занесенное в заявку на работы.

— Соответствует нормам и готов к взлету, — сообщил он спустя несколько секунд, не отрывая взгляда от экрана.

Еще секунда — и он смог шевельнуться, переведя взгляд на человека, стоявшего рядом.

— Простите меня. Вы — Эллиана Кэйлон?

Зеленые глаза, показавшиеся из шелковистой волны волос, встретились с его взглядом.

— Да, я... О, вам нужно удостоверение личности! Прошу...

Она снова наклонила голову, достала из нарукавного кармана тонкую металлическую карточку и протянула ему, не поворачивая лица к нему.

Он механически взял карточку, отметив нечеткую фотографию и дату... Два дня назад. Условный второй класс.

— Спасибо, — пробормотал он и мысленно выругал себя, пытаясь мысленно соединить эту неуверенную женщину с разительным умом, внесшим уточнения в Таблицы вен-Туры — с блестящим ученым, преподававшим курс практической математики, или, как его называли в Академии разведки, курс Математики выживания.

— Вы — редактор...

— Таблиц вен-Туры, — поспешило проговорила она, буквально выхватывая лицензию у него из рук. — Да. Пожалуйста, не надо кланяться. Я... я уже объяснила мастеру дэа-Корту...

— Чего, конечно, достаточно для нас обоих, — ответил Даав, отчаянно пытаясь обрести равновесие. Он улыбнулся. — Ваш корабль готов и может взлетать. Как я вижу, вы обладаете умениями, которые для этого необходимы. Удачного взлета, пилот.

— Я... то есть... — Она беспомощно замолчала, судорожно вздохнула и, подняв голову, посмотрела прямо ему в глаза. — Дело в том, что мне нужно налетать часы. Я никогда не взлетала... Понимаете, я никуда ни разу не летала. А по правилам... Я думала, мастер дэ-Корт...

— Понимаю. — Даав наклонил голову, обдумывая услышанное. — Дело в том, что Жон оставил мне поручение. Если хотите, я могу стать вашим вторым пилотом — и вам будет куда лететь. Если конкретно — то на Восьмую верфь.

Зеленые глаза вдруг вспыхнули.

— Я бы этого хотела... очень, сударь.

— Тогда именно так мы и поступим. Однако я должен настаивать на одном условии.

Огонь погас, сменившись настороженностью, и зеленые глаза заметно поблекли.

— Условии?

— Относительно безболезненном условии, — ответил он, адресуя ей улыбку. — В «Бинджали» принятая товарищеская модальность. Никто этого не требует, просто таков обычай. Но в любом случае я не «сударь». Я предпочитаю, чтобы меня называли Даавом. Если вы находитите это слишком непринужденным, то приемлемым будет обращение «пилот». — Он склонил голову набок. — Вы можете принять такое условие?

Она очень серьезно кивнула.

— Могу... пилот.

— Вот и хорошо, — сказал он, отключая компьютер Жона. — Давайте посмотрим, вышла ли Трилла на работу.

Глава двенадцатая

Делим должен иметь класс пилота-контрабандиста: уметь брать от йос-Галанов, если не помогает йос-Фелиум, что весьма вероятно. Я — мутация, плод длинной цепочки случайных элементов, а Джела...

Предки юного Тор Ана были пилотами с того времени, как первые корабли стали выходить за пределы

атмосферы, далеко среди мертвого Звездного кольца. Йос-Галаны будут рождать себе подобных..

Делмом должен становиться лучший пилот Клана, независимо от его генеалогии. Это должно стать Законом Клана.

Наследник Делма должен быть пилотом того же класса, что и Делм, и в клане должно быть как можно больше таких — столько, сколько позволят гены и удача.

Клан должен иметь корабли: в рабочем состоянии, готовые к полету, — столько кораблей, сколько можно приобрести. Обслуживание такого количества кораблей, естественно, требует денежных средств — целые верфи должны обеспечивать их готовность. Следовательно, Клан Корвал должен стать таким богатым, какими только мечтали стать мы с Джелой.

*Исполняйте Контракт, покуда он действует.
Этот тип наверху не терпит нарушения клятв.*

Из Вахтенного журнала Канtry йос-Фелиум

— Летите на Восьмую верфь? — Трилла ухмыльнулась. — Передайте Гату мою неувядающую любовь.

— Ага, обязательно, — отозвался пилот Даав, надевая поношенную кожаную куртку.

Эллиана с завистью посмотрела на этот потертый предмет одежды. Большинство назвали бы его «летной курткой» за ее покрой. Можно подумать, что водитель баржи третьего класса такой обзаведется! На самом деле право носить летнюю куртку имели только те, кто освоил прыжок через гиперпространство.

Трилла рассмеялась и подмигнула Эллиане.

— Математик, хорошего вам дня. Как ваши успехи в Гильдии Чонсельты?

— Условно второй класс, — ответила она, отрывая глаза от куртки пилота Даава и настороженно глядя в озорные глаза спросившей.

— Все сделано, кроме полетной практики! Гешада, пилот!

К изумлению Эллианы, инопланетная женщина адресовала ей поздравительный поклон. Когда она выпрямилась, ее лицо стало чуть более серьезным.

— Даав — один из лучших, кого вы могли бы получить в кресло второго пилота, можете не беспокоиться. Он прекрасно знает корабли... Так, мастер Даав?

— Я повержен вашими словами, мастер Трилла.

Она снова рассмеялась, сложив пальцы в знак «мошенник».

— Тогда забирайте свою коробку и отправляйтесь. Мне нужно работать. Где Мастер?

— У Апель.

— Казалось бы, могли зажить одним домом. Это обошлось бы дешевле, что должно было бы соблазнить Жона.

— Да, но Апель не настолько глупа, — серьезно возразил мужчина. — И кроме того, думаю, ей нравится чай, пригодный для питья.

— Это гораздо убедительнее, признаю. Что-нибудь слышал о команде?

— Клонак, возможно, и Сайри скоро будут. Ал Бред — вечером, если вообще появится. Запасной грузовик работает.

— Он это тебе поручил, да? — Она ухмыльнулась, приветственно вскинула руку, а потом пошла к конторе в сопровождении Заплатки. — Удачного взлета, пилоты.

— Спасибо, — прошептала Эллиана, глядя, как ее спутник пристраивает себе на плечо громоздкую коробку.

— Идите первой, пилот, — любезно сказал он.

Его черные глаза смотрели прямо и спокойно. Это были глаза разведчика, которые все замечали, почти ничего не выражали и никогда не осуждали.

— Конечно, — пролепетала она и повернулась к двери, ощущая, как он идет за ней, бесшумный и крепкий.

За дверями он установил коробку в кузов грузовичка, выпрямился и посмотрел на нее с высоты своего роста, склонив голову набок.

— Вы поведете или я?

Эллиана судорожно сглотнула, безрезультатно пытаясь успокоить нервы, которые события последних нелегких дней

натянули до звона. Получение драгоценной лицензии пилота не только не улучшило ее положения в Клане Мицел, но, наоборот, усилило необходимость не вызвать у Ран Элда ни малейшего сомнения в ее полной покорности. Ей пришлось умиротворять брата не один раз, а несколько, всякий раз сгибаясь все сильнее, пока во рту у нее не застрял вкус пыли от ковра, смешанный с желчью бессильной ярости.

Она рисковала сегодня, тайком улизнув из дома: эта мысль заставляла ее сердце панически сжиматься. Обычно она проводила дни в своем крошечном кабинете в техколледже Чонселты. Ран Элд об этом знал. А что, если он отправится туда, чтобы ее найти, — и обнаружит, что дверь с ее именем заперта? Он захочет узнать, где она была — потребует, чтобы она ему сказала. А что она сможет сказать такое, что внушило бы ему доверие и при этом обеспечило бы ей прежнюю ограниченную независимость? Она просто сошла с ума. Сходит с ума, да помогут ей боги. Как она могла подумать...

— Математик Кэйлон!

Спокойный низкий голос, теплое ощущение стоящего близко — слишком близко! — человека, что-то едва заметно прикоснувшееся к ее рукаву...

Она ахнула и отпрянула в сторону, стремительно втянув голову в плечи. Сквозь завесу волос она увидела, как по лицу высокого разведчика пробежала тень тревоги, которая мгновенно сменилась полной нейтральностью. Его рука — это была его рука — упала с ее рукава, и он отступил назад, за границы безопасной зоны, которую она для себя очертила.

Если бы он просто повернулся и ушел, то она определенно сбежала бы на паром и всю обратную дорогу до Чонселты молила бы сонм равнодушных богов о даре неразоблачения.

Он не ушел. Он заговорил в модальности общения взрослых, очень четко, так что выговор Солсинтеры резко отдавался у нее в ушах.

— Я сожалею, что мое присутствие вас беспокоит, математик. Позвольте мне привести Триллу, чтобы она могла лететь с вами вторым пилотом.

Его присутствие ее действительно беспокоило. Высокий, стройный и ловкий, с его странной перекрученной серьгой и

аккуратными, чересчур длинными волосами, с черными глазами, смело глядящими с резкого, властного лица — он беспокоил ее точно так же, как та кошка, и по той же самой причине.

Кошка — такая мягкая, такая уютная. Стоило Эллиане начать ее гладить, и остановиться было невозможно. Радость, которую животному дарили ее ласки, пробудила какую-то опасную безымянную потребность...

Кошка ее ВИДЕЛА!

И высокий Даав с его яркими черными глазами тоже ее видел и знал, что она... настоящая.

— Математик?

— Я... — Она откинула волосы с лица, заставив себя посмотреть прямо в эти зоркие глаза. — Я еще раз прошу у вас прощения, сударь... пилот. Последние несколько дней были... неспокойными. Думаю, было бы лучше мне сегодня не взлетать.

— А! — Его губы чуть изогнулись. Улыбка была дружелюбная, но взгляд остался нейтральным. — Мы в Академии это называли «небесные нервы», — проговорил он, снова перейдя на товарищескую модальность. — Лучшее лекарство — это взлетать, как собирались.

«Взлетать, как собирались». Эллиана почувствовала, что эти слова попали прямо в почти забытый центр ее существа.

Она сделала глубокий прерывистый вдох и наклонила голову.

— Несомненно, это прекрасный совет, — сказала она и уви-дела, как в глубине глаз разведчика что-то шевельнулось. — Однако я попрошу, чтобы грузовик пилотировали вы. Это пред-ставляется мне самым надежным способом попасть на место.

Улыбка стала заметнее.

— Я поведу его с наслаждением, — заявил он и направил-ся вокруг грузовичка к месту водителя.

Эллиана зарегистрировала маршрут, который требовал довольно сложных вычислений, скрупулезно позаботилась о том, чтобы включить навигационный компьютер, и воспользо-

валась четвертью часа до взлета для того, чтобы проинспектировать «Полосу удачи».

Переоборудованный трюм был в высшей степени удивительным, но каюта пилота осталась в прежнем роскошном состоянии, лишившись только зеркал на потолке.

Эллиана обвела взглядом помещение, ощущая слабую вибрацию корабельных двигателей, слыша тихое журчание систем жизнеобеспечения, приглушенные переговоры порта, доносившиеся из переговорного устройства, которое в соответствии с правилами оставалось включенным, — и привалилась к стене. Все вокруг расплывалось в непривычных слезах, прыгнувших к ее глазам.

Это все — ее!

Яростное чувство собственника согрело ее — и привело в ужас. Хотеть чего-то настолько сильно — опасно. Так много препятствий может возникнуть, и Клан... До того дня, когда она уйдет с орбиты Лиад, направляясь к месту прыжка, она остается ценностью Клана Мицел. И ее собственность принадлежит не столько ей, сколько Клану. Мицел легко может продать корабль Эллианы Кэйлон — так же, как по закону имеет право распорядиться самой Эллианой.

— Пилот? — Негромкий голос Даава раздался из настенного динамика у ее плеча. — Нам разрешено взлетать через две минуты.

— Спасибо, — отозвалась она, с трудом выпрямляясь. «Небесные нервы»... — Уже иду.

Полет до Восьмой верфи был почти... отдыхом. Несмотря на статус мастера, Даав спокойно работал вторым пилотом. Пробормотав: «С вашего разрешения, пилот», — он взял на себя связь и не навязывал ей ни пустой болтовни, ни личных вопросов.

В отличие от смотрителя верфи Гата.

— Какой корабль?

Это прозвучало не столько вопросом, сколько требованием, и так громко, что это услышала даже Эллиана, сосредоточенная на подлетной траектории. Она бросила на своего второго пилота полный изумления взгляд.

Золотистая сильная рука быстро повернула нужную рукоятку. Эллиана заметила, что по безымянному пальцу пролегла полоска более светлой кожи и едва заметное углубление, словно пилот Даав не надел привычного кольца.

— «Полоса удачи», — ответил он на резкий вопрос. — На управлении пилот Эллиана Кэйлон. На месте второго пилота — Даав из «Бинджали». Компьютер верфи получил данные о корабле две целых четыре десятых минуты тому назад, смотритель, и дал нам направление на причал тридцать два.

— Меня не интересует ее имя и как хорошо она умеет считать! Пилот с условной лицензией второго класса подходит к моей верфи по нестандартной траектории. Что она понимает в стыковке? Откуда мне знать, что она не продырявит мне кольцо?

Даав ухмыльнулся, что неожиданно приятно смотрелось на его лисоподобном лице.

— Ах, сладкое ожидание! — весело отозвался он. — Не тревожьтесь, сударь, все выяснится через считанные минуты. Если, конечно, вы не предпочтете, чтобы мы просто сбросили груз и улетели.

— Вам бы все шутить, да? — огрызнулся смотритель. — Причал тридцать два готов принять «Полосу удачи». Даю вам восемь минут, чтобы пристыковаться, сдать груз и отвалить.

— Если только мы не продырявим кольцо, — вежливо согласился Даав.

На линии связи осталось только жужжание фона.

Даав рассмеялся, сверкнув глазами на Эллиану. Она быстро наклонила голову, но отворачиваться не стала.

— Нестандартная траектория? — спросила она, услышав, как прерывается ее голос.

— А, милый Гат. Он просто хотел сказать, что по сравнению с подлетными траекториями других пилотов с условной лицензией второго класса, шедших на пристыковку к кольцу, ваша чуть более скоростная и пологая. По правде говоря, почти как у разведчика. — Его пальцы быстро и уверенно заскользили по пульту. — Две трети относительной скорости необходимо сбросить в ближайшие сорок три секунды, пи-

лот, иначе мы заработаем резкую пристыковку и неудовольствие Гата.

— Милосердные боги!

Эллиана стремительно повернулась к своему пульту.

Через семь целых и девять десятых минуты «Полоса удачи» кувыркнулась от тридцать второго причала, выровнявшись и начала спуск.

Под руками Даава пульт был послужен. Его приятно удивила «Полоса удачи»: казалось, корабль вокруг него буквально поет от радости.

Не меньше его удивила и Эллиана Кэйлон, которая, несмотря на свою пугливость и робость, прекрасно знала, как управлять кораблем. С набора скорости до ее сброса не было сделано ни одной погрешности. Небольшую заминку при подлете следовало отнести на счет Гата, который нарушил ее сосредоточенность и вернул в ненадежный мир человеческого общения.

Курс, который она выбрала для подлета к Восьмой верфи, был несколько амбициозен для пилота с условной лицензией второго класса, однако оказался вполне ей по силам. Несколько раз Даав заметил, что она торопит навигационный компьютер, словно его вполне приличное быстродействие кажется ей нестерпимо медленным. Заявленный маршрут посадки был достоин разведчика, и Даав не сомневался в том, что она пройдет его уверенно.

Глядя, как ее хрупкие руки порхают по главному пульту, он думал, что Эллиана Кэйлон может оказаться редчайшим сокровищем: прирожденным пилотом.

По правилам Гильдии, мастер-пилот, занимающийся оценкой младшего, должен был выбрать и осуществить необходимую подготовку. Но Эллиана, по мнению пилота-разведчика и мастера Даава йос-Фелиума, была вполне способна достичь первого класса. Не исключено, что в ее силах было бы стать и мастер-пилотом, если бы она пожелала на релянну-другую оставить свою работу и посвятить себя исключительно обучению.

Таким образом, уместно было отклониться от простого набора полетного времени, необходимого для подтверждения лицензии второго класса. Даав опытным взглядом пробежал по

показаниям приборов на своем пульте, еще раз проверил траекторию и обратился к пилоту, заставив свой голос звучать достаточно негромко, чтобы не нарушить ее сосредоточенности.

— Я хотел вас спросить, — пробормотал он, не отрывая взгляда от своего пульта, — нет ли у вас желания попробовать совершить приземление в люльку.

— Сейчас? — спросила она изумленно.

— Рано или поздно вы должны будете освоить этот прием, — проговорил он с мягкой рассудительностью. — Так почему не начать сегодня?

— Сообщать об изменении маршрута, занимать аварийную люльку порта...

— Изменение маршрута будет совсем небольшое, — успокоил ее Даав, — а порт вообще можно не затруднять. В «Бинджали» есть люлька.

Она колебалась. Даав еще раз проверил показания и осмелился заговорить немного настойчивее — пока у них оставалось время.

— Если хотите, я могу связаться с Жоном и узнать, может ли он нас принять. В первый раз мы будем заходить на автопилоте, конечно. — Он помолчал. — Если только вы уже не отрабатывали подлета к люльке.

— Нет...

— Я с ним свяжусь, — сказал Даав, устанавливая связь.

— Добрый день, милый капитан! — Спустя секунду кабину наполнил голос Клонака тер-Мьюлина. — Какую услугу буду иметь наслаждение оказать вам я, ничтожный?

Губы Даава чуть дернулись.

— А где Жон?

— По горло в ремонте гироскопов. Чем могу быть полезен?

— Приземление в люльку, на автопилоте, текущие координаты... — Он быстро назвал их, поскольку был уверен в способностях Клонака так же, как в своих собственных. — План полета передается — передан. Есть разрешение?

— Разрешение дано, о капитан. Вы и ваш пилот можете подремать. До скорого.

— До скорого, Клонак.

Он отключил связь и повернул голову к Эллиане.

Она смотрела на него. Ее зеленые глаза были широко открыты и не так тусклы, как раньше. И в них читалось нечто похожее на... смех.

— Похоже, посадка в люльку неизбежна, — заметила она, и в ее красивом сильном голосе тоже зазвучала улыбка.

Даав улыбнулся.

— Прошу прощения, пилот. Вам ли не знать, каковы разведчики!

— Постоянно озорничают, — согласилась она удивительно спокойно, — и упрямо идут выбранным маршрутом. — Она снова повернулась к пульту, и ее волосы упали, скрыв ее лицо. — Я введу измененную траекторию посадки.

Они уже довольно долго спускались по новой траектории, когда какое-то едва заметное изменение заставило Даава бросить взгляд на верхний правый квадрант своего пульта. Похоже, медлительность навигационного компьютера стала просто невыносимой, потому что его полностью отключили. Он потянулся за кнопкой перезагрузки.

— Компьютер врет, — резко сообщила Эллиана Кэйлон.

— Врет?

— На две последние цифры.

Ее пальцы так и летали по пульту. Иначе и быть не могло, сообразил он: ведь она прокладывала курс вручную! Он включил навигационный компьютер.

Он действительно врал. Теперь ошибка захватила уже три последние цифры. Молча проклиная случившееся, он подключил дублирующее устройство. Оно заработало с подозрительным заиканием, приняло задание — и отключилось.

Глава тринадцатая

В отсутствие членов Клана допускается, чтобы напарник, товарищ или второй пилот взяли на себя обузы и радости родственных обязанностей. В присутствии родича обязанности

по отношению к напарнику, товарищу или второму пилоту должны встать на почетное второе место.

Из Лиадийского Кодекса достойного поведения

— Второй компьютер отказал, — объявил Даав, стремительно оценивая показания приборов. Менять курс было уже поздно: это надо было сделать по крайней мере несколько минут назад.

— Мы вынуждены выполнять посадку в люльку. Я свяжусь с Жоном и сообщу об изменении статуса. Объявляйте мне свои числа для перепроверки.

— Хорошо, — отозвалась она, не отводя взгляда от пульта. Даав включил связь.

— Навкомп скомпрометирован, — сообщил он Клонаку спустя мгновение. — Дублирующий сдох.

— Как тебе повезло, милый!

Даав ухмыльнулся.

— Пилот Кэйлон будет сажать корабль в люльку в ручном режиме.

Короткая пауза, после которой Клонак жизнерадостно провозгласил: «Отлично!», считая, что удачно имитирует выговор аусов.

— «Полоса удачи», конец связи.

— Пока!

Даав отключил комм, загрузил свой блок приемки и нырнул в реку чисел.

Уравнения текли через его блок ровным и быстрым потоком, непрерывной безупречной струей анализа и согласования. Он забыл про навкомп, который по правилам должны были бы проверить и сертифицировать. Он забыл о странностях женщины, сидевшей рядом с ним. Он забыл, что он Делм Корвала.

Существовали только уравнения, которые текли к нему, холодные и чистые: их нужно было перепроверить и ввести. Существовали показания приборов. Существовало чувство корабля, окружавшего его. По линии общей связи слышен был фон рутинных переговоров.

— Как только почувствуете контакт с люлькой, — сказал он, едва слыша собственные слова сквозь стену сосредоточенности, — отключайте двигатели. Немедленно.

Тот крошечный участок его мозга, который не был занят стремительными вычислениями, данными и кораблем, ожидал протестов. Ведь отключение двигателей означало, что они немедленно и необратимо оказываются в когтях силы притяжения. Отключение двигателей приведет к тому, что корабль начнет падать...

— Есть, — отозвалась Эллиана Кэйлон и больше ничего не добавила.

Он получил очередную последовательность чисел, отметил, что это — завершение. Последнее уравнение. Он проверил его, убедился в его правильности и ввел команду, чуть откинувшись назад в сети безопасности.

— Двенадцать секунд. Следите за люлькой, пилот...

Оно пришло — четкое ощущение того, что движение корабля прервано, что металлическую броню и взрывопрочное стекло крепко сжали челюсти невообразимого чудовища...

Эллиана отключила двигатели.

Желудок подпрыгнул к горлу, вестибулярный аппарат возмутился, сердце оборвалось: на секунду ему показалось, что челюсть чудовища ослабела, что корабль выскользывает, что...

— Пойманы, — негромко объявил Даав. — Идержаны. Трудная задача, прекрасно выполненная. Гешада, пилот.

— Поздравления не нужны, — сказала она. — Вы оказались правы. Мне понадобится это умение. — Она повернулась к нему: на бледном золотистом лице глаза горели изумрудным огнем. — Какова процедура освобождения из люльки?

— Жон присыпает рабочую лошадку и перевозит корабль на площадку. Тягач уже едет: на вашем втором экране.

— Вижу. А пилоты?

— В данном случае, полагаю, пилотам следует поспешить к мастеру дэ-Корту. Нам повезло, что вы заметили ту ошибку вовремя.

Она снова обратила на него взгляд ослепительно зеленых глаз.

— Я знаю, что по правилам навигационный компьютер должен работать, но он меня отвлекает. Несомненно, дело в моей неопытности. Я надеюсь привыкнуть со... — Она замолчала, сжимая губы. — Я не могу не проверять вычисления, и когда он стал давать неправильные результаты...

— То это стало отвлекать вас еще сильнее, — дружелюбно договорил за нее Даав. — Вполне естественно. К вашему сведению: по правилам в этих обстоятельствах положено включать запасной компьютер.

Она заметно смущилась, и яркость ее глаз немного уменьшилась.

— Я не знала, что существует запасной навкомп, сударь.

— Даав. Кораблям этого класса по спецификации положено иметь основной навкомп и вспомогательный. Большинство пилотов устанавливают и второй вспомогательный. Некоторые предпочитают иметь даже больше. Разумно проверить это, прежде чем прибегать к ручному управлению, особенно если вы совершаете одиночный полет.

Она склонила голову.

— Я запомню.

— Отлично, — сказал он, убирая сеть безопасности. — И поскольку урок закончен, то я предлагаю нанести визит Жону.

— Прекрасная посадка! — провозгласил Жон дэа-Корт, поднимая большую и тяжелую даже на вид чайную кружку. — Не то что некоторые, которые мне довелось видеть, когда корабль садится вверх тормашками и задом наперед, а, Даав?

Клонак, пухлый разведчик с волосами на лице («Это — усы», — прошептал Эллиане на ухо пилот Даав, заметив, как она вздрогнула от изумления), громко расхохотался и, не вставая, отвесил насмешливый поклон:

— Тебе никогда этого не забудут, капитан.

— Похоже, что так, — безмятежно отозвался пилот Даав и снова перевел взгляд на мастера дэа-Корта. — Как насчет навкомпа, Жон?

Пожилой разведчик сделал добрый глоток из кружки.

— Я бы сказал — заменить.

— Заменить?! О нет! — Эллиана соскользнула с табурета, который заняла по настоянию Жона, и встала, сжимая перед собой руки. — Навигационные компьютеры очень... Мастер дэа-Корт, «Полоса удачи» — корабль небогатый. Я намерена на нем работать, но пока работа не будет найдена, расходы необходимо свести к минимуму. Вы были очень добры... поистине щедры — в отношении переоборудования, но я...

Она окончательно смущилась и замолчала.

Пара веселых янтарных глаз внимательно смотрели на нее.

— Выкладывайте начистоту, преподаватель математики. Вы тут среди друзей.

Она судорожно вздохнула и, дрожа, заставила себя не опускать глаз.

— Замена навкомпа мне не по средствам.

— Гм. — Мастер дэа-Корт в поисках совета устремил взгляд в потолок. После небольшой паузы он сказал: — В правилах все сказано недвусмысленно. Пока корабль работает в пространстве, контролируемом из порта, навкомп должен быть включен. Если, конечно, штрафы и временный запрет на полеты вам менее не по средствам, чем смена компьютера.

— Его... его вовсе не нужно отключать, ни на секунду! — воскликнула Эллиана.

План складывался у нее по мере того, как она высказывала свои мысли вслух. Она подалась вперед, сплетя ледяные пальцы в тугой клубок, устремив взгляд на Жона дэа-Корта.

— Я буду включать навкомп, сударь, я вам обещаю! Это будет... я привыкну не обращать на него внимания и просто управлять вручную, как сегодня. А потом, когда работы будет достаточно...

Что-то промелькнуло в глазах ее собеседника, и она замолчала, задыхаясь.

Тишину нарушил приглушенный голос Клонака:

— Даав, я влюбился.

— Что — снова?

Звуки его спокойного низкого голоса напомнили ей о не выполненнном долге, и она повернулась, глядя мимо его лица.

— Я проявила невнимание. Вы справились очень хорошо, пилот, выдержали скорость. Я... я благодарна вам за помощь и за то, что вы поделились со мной своим опытом.

Трилла, сидевшая рядом с Клонаком, громко хохотнула. Жон ухмыльнулся. Клонак вскочил со своего места и поклонился в знак глубочайшего почтения.

— Мы еще сделаем из тебя пилота, о капитан!

Эллиана в ужасе ахнула. Она вовсе не намерена была выставить его на смех перед его товарищами, а хотела искренне поблагодарить за помощь. Щеки у нее загорелись.

— Нет, я...

Но Даав уже адресовал Клонаку ответный поклон.

Он был настоящим чудом, этот поклон: отведен так, словно рабочий кожаный костюм был самым дорогим вечерним нарядом Высокого Дома. Одна вытянутая рука отлетела вверх и в сторону, изящно отводя мнимый плащ, а гладкая черноволосая голова склонилась до изящно выставленной вперед ноги.

— Ты делаешь мне слишком много чести.

— Вполне возможно, — объявил Жон, быстро бросив взгляд в сторону. — Клонак, либо садись, либо уходи. И в любом случае помалкивай. Даав, изволь спуститься с небес на землю. Преподаватель математики, слушайте внимательно.

Она повернулась к нему, продолжая крепко сжимать руки.

— Да, сударь, — смиленно сказала она.

— Ха!

Он снова посмотрел в потолок, а потом — на нее. Его глаза и лицо были совершенно серьезными.

— Никто здесь не станет говорить, что нельзя всегда управлять кораблем вручную, не делая ошибок. Но здесь не найдется никого, кто хотя бы раз не сделал ошибки и не был рад, что у него есть подстраховка, которая его спасает. И у нас всех лицензия мастера.

Он по очереди кивнул в сторону каждого — Триллы, Клонака, Даава — и потом ткнул себе в грудь толстым указательным пальцем.

— Мастера! Мы не полагаемся на то, что корабль сам нас повезет, как было с чел-Марой. Это мы ведем корабль. Но

кровь и кости устают, преподаватель математики, — и даже разведчикам нужен сон. Скажем, вы травмированы и должны на время лечь в автovрача: вы поручите корабль компьютеру с глюками или будете сидеть за пультом и надеяться, что не упадете в обморок?

Она облизнула губы.

- Но ведь в Солситре... В околопланетном пространстве...
- Случайности всегда действуют — счастливые и несчастливые. И лучше не дразнить судьбу.

Жон подался вперед на своем табурете, уперев руку в мощное бедро.

— Мы говорим не о правилах, дитя. Мы все признаем, что правила можно игнорировать — если для этого есть веские причины. Сейчас речь идет о здравом смысле. Об инстинкте выживания. Вы знаете, как выживают.

— Да, — прошептала она и с трудом проглотила ставший в горле ком. — Мастер дэа-Корт, мне не по средствам заменять компьютер. И я не могу себе позволить не летать. «Полоса удачи» — это рабочий корабль, и я хочу, чтобы мы... мы себя окупали.

— И если это так, — проговорил Даав у нее за спиной, — поручите ремонтной мастерской «Бинджали» заменить навкомп и вдобавок два запасных. Жон получает ваше обязательство, и вы расплачиваетесь, как только работа начнет приносить прибыль.

Жон смотрел на нее все так же серьезно.

— Это — хороший совет, преподаватель математики.

— Даав вообще человек разумный, — вмешался Клонак, такой же неугомонный, как и Вар Мон. — Хотя признаю, что по его виду этого не скажешь.

— Я... я не могу просить вас... взять долговое обязательство. За три замены? Мастер...

— Выбирать не приходится, — заявила Трилла в своей прямой инопланетной манере. — Чтобы взлетать, нужен нормальный навкомп. Чтобы оплатить навкомп, нужна работа. — Она ухмыльнулась. — Можно, конечно, взять ссуду под залог корабля...

— Нет!

— Ха! — опять вмешался Жон. — Тогда, похоже, все решено. Я буду держать обязательство за стоимость материалов плюс работу... Вы расплатитесь со мной, когда сможете. Тем временем, если мне нужно будет что-нибудь перевозить, вы это будете за свой счет, и мы назовем это процентами. Договорились?

Трилла была права: выбирать не приходилось. И все же Эллиана еще секунду сопротивлялась неизбежности. Долг такого размера определенно увеличит время ее пребывания на Лиад, тем самым увеличивая вероятность того, что Клан все узнает. И в то же время работу можно будет получить только в том случае, если корабль будет в рабочем состоянии.

Она наклонила голову, давая себе слово, что постарается расплатиться с этим долгом как можно быстрее.

— Договорились, мастер дэа-Корт.

— Вот и хорошо. Когда у тебя смена закончится, Даав?

— В полночь.

— Мазохист. Забирай Клонака и идите снимать этот компьютер. Я найду новые. — Он улыбнулся Эллиане. — Ваш корабль будет готов завтра к полудню, преподаватель математики. Я переведу все счета в базу данных вашего корабля.

— Спасибо, — сказала она, почувствовав, что глаза у нее засипали от слез. Она наклонила голову. — Я вам благодарна.

Жон спрыгнул с табурета и потянулся.

— Мы сделали бы то же самое для любого из наших. Никакой благодарности не нужно.

— Клонак, старина, на твои умения сегодня спрос!

Даав уже повесил на плечо сумку с инструментами и протягивал товарищу вторую.

— А я-то собирался обедать! — вздохнул пухлый разведчик. Проходя мимо Эллианы, он повернулся и отвесил ей нелепо пышный поклон. — Для вас, богиня, я откажусь даже от пищи!

— И наверняка не умрешь с голода, — заметил Даав.

— Это жестоко, капитан!

— Просто честно. Ну, пошли, милый. — Черные глаза поймали ее взгляд, хотя она и пыталась его отвести. — Пилот

Кэйлон, это был редкостный полет. Я надеюсь снова быть вашим вторым пилотом.

— Спасибо, — пролепетала она.

Ей показалось, что следовало бы сказать еще что-то — но Даав уже исчез.

— Навкомп снят, опечатан и отправлен начальнику порта с пилотом тер-Мьюлином, который клянется, что ему надо поесть и выпить, чтобы не умереть с голоду.

— Ну что ж, — одобрил Жон, сливая остатки чая из чайника в свою кружку.

Он оглянулся через плечо на стройного мужчину, который пристроился на зеленом табурете. У него на коленях столбиком уселась Заплатка.

— Булочку хочешь?

— Спасибо, нет.

— Недостаточно черствая на твой вкус?

Жон выбрал себе покрытый глазурью пончик и унес чай и перекус к своей любимой табуретке.

— Слишком черствая, увы. Мой чалекет настаивает на том, чтобы у него к столу подавалась свежая выпечка, и вот как на меня подействовала его развращенность!

Жон хмыкнул и откусил кусок пончика, запив его чаем.

— Интересно, — задумчиво проговорил Даав, теребя кошке уши, — кто проверял этот навкомп во время обслуживания?

— Я сам проверял, — ответил Жон несколько невнятно. — Работал как миленький и не делал ошибок.

Он отпил еще глоток и вытянул палец:

— А ты не задумывался над тем, как это чел-Мару, который вручную управлял разве что наземным автомобилем, не размазало отсюда до моря, если он пользовался автопилотом с сумасшедшим навкомпом?

— Задумывался. — Даав вздохнул. — Я целый час пытался найти следы саботажа, но если они и были, то их очень умело скрыли.

— А их уже и не должно оставаться, — пояснил Жон. — Я проверил вахтенный журнал. Я ведь подозрительный старик, знаешь ли. И похоже, что ты обещаешь стать таким же.

Он в два укуса расправился с пончиком.

— В вахтенном журнале сказано, что в ту ночь, когда Вин Син чел-Мара — ты его знаешь как лорда чел-Мару — играл в пикит с преподавателем математики и лишился из-за этого своего корабля, он заехал в мастерскую и зашел в бывший свой корабль, чтобы забрать личные вещи. На это ушло совсем немного времени. По правде говоря, оказалось, что он оставил там немалое количество небольших по размеру — и весьма ценных — предметов.

Даав сказал что-то очень невежливое на языке, который был родным для некоего дикого племени, проживавшего на расстоянии примерно в четырнадцать световых лет (если считать зигзагами) от Лиад. Жон ухмыльнулся.

— Доказательств нет. Не то чтобы я сам не склонялся к такому мнению — по личным причинам. Чел-Мара весьма бережно относится к своему меланти. Конечно, меланти человека не повышается при проигрыше корабля. Но фиаско будет не столь сокрушительным, если корабль потерпит аварию сразу же после этого.

— Что и случилось бы, — проговорил Даав с таким жаром, что Заплатка спрыгнула на пол, — если бы на ее месте был любой другой пилот с условным вторым классом, который пытался бы совершить первую посадку в люльку в тот момент, когда компьютер отказал... — Он шумно вздохнул. — Прошу прощения.

— Не о чем говорить. — Жон усмехнулся. — Чудо она, эта наша преподаватель математики, правда?

Даав повел плечами.

— Я хотел бы знать, кто поднимает на нее руку.

— Я бы и сам был рад таким сведениям. По крайней мере сегодня ее не прислали к нам в царапинах и синяках — слабое утешение. — Он допил чай и посмотрел прямо в глаза своему молодому собеседнику. — Это ты хорошо придумал: чтобы у меня было ее обязательство.

— Я могу выступить поручителем уплаты, если хочешь, — тихо предложил Даав. — Или просто назови мне номер счета и сумму, и я переведу деньги прямо сейчас.

— Не глупи. Она намерена работать на своем корабле, и я скажу тебе, что я по этому поводу думаю. Я считаю, что если наш преподаватель математики за что-то берется, то это все равно что сделано. Я буду ждать, пока она расплатится.

— Если это станет обузой, дружище, тебе достаточно просто сказать мне. В конце концов существует Фонд помощи пилотам.

— Действительно. Ну ладно.

Он спрыгнул с табурета и потянулся, громко застонав. Даав легко соскользнул со своего места и встал, глядя на Жона сверху вниз. На острокулом умном лице ясно читалась симпатия.

— Ха! — Жон улыбнулся ему. — Завтра придешь?

— Может, послезавтра.

— Ну ладно. Рад, что ты сегодня тут оказался. Все могло бы сложиться плохо, даже несмотря на то что она превращается за пультом в настоящего мага.

— Она не стала бы пытаться совершить посадку в люльку, если бы я не предложил... не потребовал этого. — Он чуть помедлил. — Она — прирожденный пилот, Жон.

— Да неужели? — отозвался тот без всякого удивления.

Даав рассмеялся и поклонился.

— Доброй ночи, мастер.

— Доброй ночи, паренек. Передай мое глубочайшее уважение своему чалекет.

Глава четырнадцатая

Дракон не забывает. И помнит все точно.

Из «Лиадийской книги Драконов»

— Мастер дэа-Корт просил засвидетельствовать тебе его уважение, брат.

Даав и его чалекет шли рука об руку по большому газону Треалла Фантрол, следя примерно в сторону природного парка и реки.

Эр Том резко вздохнул.

— Какой мой поступок мог заслужить внимание Жона дэа-Корта? За двенадцать лет мы едва ли пару раз поздоровались, настолько редко наши пути пересекаются — а в последние несколько релюмм, куда бы я ни пошел, я все время слышу о его уважении! Только вчера Клонак тер-Мьюлин перебежал Биржевую улицу в порту в час пик, чтобы принести мне пожелания мастера дэа-Корта относительно моего пребывания в добром здравии!

Даав засмеялся.

— Ну, наверное, ты заслужил его восхищение, милый. Это для тебя обуза?

— Нет, просто загадка, поскольку я живу как прежде — за исключением того, что получил кольцо Йос-Галанов. Но я не понимаю, почему это могло бы заинтересовать Жона дэа-Корта!

— А это его и не интересует. Ты совершенно прав: то, что человек принял свое наследие, не вызовет у Жона интереса — и тем более восхищения, — пробормотал Даав. — Нет, я полагаю, что его сердце было завоевано союзом с твоей спутницей жизни.

Эр Том напрягся и устремил на Даава ярко вспыхнувшие лиловые глаза.

— Моего союза? Но этот предмет также не попадает в сферу его законных интересов.

— Ты очень суров, — отозвался Даав, успокоительно похлопывая названого брата по плечу. — Не забывай: Жон — разведчик. Он глубоко восхищен трудами Энн. А что до тебя, то он восхищается твоей... крутостью, как он выразился.

— Крутостью? — переспросил Эр Том, не понявший земное слово.

— Смелостью, — довольно свободно перевел Даав. — В конце концов далеко не всякий лиадиец сделал бы спутницей жизни землянку, идя наперекор обычаям и — как сказали бы некоторые — здравому смыслу.

Эр Том негромко засмеялся.

— Право, выбора у меня не было!

— Да, но нам не следует признаваться в этом Жону! — серьезно отозвался Даав. — Умоляю тебя: позволь ему и даль-

ше считать, что вы с Энн стали спутниками жизни потому, что любовь оказалась сильнее обычая!

— Конечно... — Он замолчал и с тихим смешком добавил: — Ну что ж, пусть Жон дэ-Корт думает что хочет! Мне только хотелось бы, чтобы он не был так щедр на выражение своего почтения.

— Если ты находишь его уважение обузой, можешь отправить ему сувенир для сведения счетов, — ухмыльнулся Даав. — По правде говоря, я даже знаю, что именно можно послать! У тебя не осталось коробки того утреннего чая, который нравится Энн?

— «Радостного восхода»? Конечно! Я с удовольствием расстанусь с дюжиной, если тебе кажется, что дело стоит того.

— Думаю, одной коробки хватит. И карточки от твоей леди, где будет выражено пожелание, чтобы мастер дэ-Корт наслаждался этим напитком так же, как она.

— Ха! Будет сделано сегодня же вечером. — Эр Том улыбнулся, но сразу же стал серьезным и спросил: — Какие вести от пилота тел-Изак?

Даав выгнул бровь.

— Вести? Нет-нет, милый, ты совершенно неправильно понял ситуацию. Это мне положено слать вести. Леди считает, что я у ее ног. — Он с тихим вздохом вошел в проход через живую изгородь. — И, боюсь, хочет, чтобы я там оставался.

Уже прошедший сквозь изгородь, Эр Том остановился и обернулся на него с таким возмущенным видом, что Даав едва не расхохотался во весь голос.

— Ты — у ног Самив тел-Изак? Ну, нахальство у нее есть, как я вижу.

— Нет, только самодовольство. — Он искоса посмотрел в недовольные глаза Эр Тома и испустил печальный вздох. — Ты ее невзлюбил.

— Конечно! А как могло быть иначе, если она весь вечер придерживалась модальностей высокого лиадийского и отказалась даже проявить... — Эр Том обиженно поджал губы. — Ты шутишь!

— Ах! — Даав поймал спутника за руку и мягко повернул в сторону дикорастущего парка. — Увы, это не шутка, а про-

стое наблюдение. Пилот сочла, что сватовство к ней Корвала является проявлением уязвимости.

Он помолчал. Взгляд Эр Тома оставался все таким же возмущенным. Он балансировал на грани полного неприятия Самив тел-Изак — из-за Даава.

И это, как вдруг понял Даав, было бы некрасиво и немилосердно. Самив тел-Изак станет его супругой, и по условиям контракта должна будет жить вдали от своего клана и родичей, в окружении незнакомцев, от которых она должна будет рассчитывать на ту повседневную доброту, какую одно человеческое существо может получать от другого. Войти настолько незащищенной в Дом, где столь важная персона, как чалекет ее мужа, питает к ней неприязнь... Нет, так не годится.

— Это предположение, несомненно, исходит от Делма этой леди и не может считаться совершенно идиотским, — проговорил он, серьезно глядя в глаза Эр Тому. — Только подумай: весь свет хочет заключить брачный контракт с Корвалом — а Корвал выбирает Самив тел-Изак. Корвал вступает в браки только с пилотами, а она — пилот. Тем не менее, помимо Самив тел-Изак, существуют и другие пилоты, но выбор падает не на них.

Взгляд Эр Тома стал чуть менее мятежным.

— Это так, — признал он несколько неохотно.

— Это так, — проговорил Даав и выгнулся губы в мягкой улыбке. — Подумай еще немного, брат. Ведь это ты убеждал меня отступить, если брак меня не устраивает. Мы — разведчики и торговцы. Странные люди, по общему признанию. Мы вполне готовы повернуться спиной к обычаям — даже рискуя навлечь на себя гнев нашего Делма, да?

Эр Том тихо засмеялся.

— Вот именно. — Даав позволил своей улыбке превратиться в широкую ухмылку. — Однако подумай о той, кто лишена наших возможностей — для кого обычай имеет вес закона. И ее Делм желает, чтобы она послушно взяла на себя выполнение долга. Она должна принять то толкование событий, которое дает ей ее Делм: Дракон предлагает контракт Самив тел-Изак, потому что только она его устраивает. — Он

передернул плечами. — Стоит ли нам лишать столь малого утешения ту, кто будет среди нас так недолго?

Наступило недолгое молчание.

— Конечно, леди может находить для себя любые утешения, — мягко проговорил Эр Том через несколько секунд. — Меня возмутило то, что, как мне показалось, она мало тебя ценит.

— Это все мое прискорбное чувство юмора, — виновато признался Даав и протянул руку.

Эр Том принял ее, и они продолжили прогулку по искусно выращенной «дикой» роще, поворачивая то в одну сторону, то в другую, пока Даав с сожалением не направился обратно к дому.

— Совет Кланов сожрет остаток моего дня, — сказал он.

— Опять заседание? — Эр Том нахмурился. — Они умно-жаются.

— В геометрической прогрессии, — подтвердил Даав. — Между кланами Мэндор и Пикс возник территориальный спор. На мой взгляд, здесь должны были бы потрудиться два-три поверенных, а не весь Совет.

— А почему бы тебе не предложить им господина дэ-Гаусса в качестве третейского судьи? — пробормотал Эр Том, упоминая главного поверенного Корвала.

— Пикс уже принял меланти обиженнего, — ответил Даав, — и избрал Совет, как самую широкую аудиторию для выражения своей злости.

Он резко вздохнул и прошел через очередную живую изгородь.

— Ты слышал о том, что Вин Син чел-Мара проиграл свой корабль в пикит?

— В порту только об этом и говорят, — отозвался Эр Том. — В тех рассказах, которые я слышал, остается одна неясность: имя выигравшего. Некоторые говорят, что это была пара неопрившихся разведчиков, другие называют профессионального шулера из Чонсельты.

— Вот как? А я слышал, что это была Эллиана Кэйлон.

Разлетающиеся к вискам брови Эр Тома сдвинулись к переносице.

— Математик? Кто это говорил?

— Клонак. Его отец присутствовал при игре.

— Ну что ж, тогда в этом сомневаться не приходится, — заявил Эр Том, который знал Делма Клана Гвайар как человека просто яростной точности. — Удачного взлета и безопасного приземления математику.

Он помолчал, и его пальцы чуть сильнее сжали руку Даава.

— Знаешь, — тихо добавил он, — я слышал и еще кое-что.

Говорят, что чел-Мара отправлен с планеты своим Делмом в наказание за потерю корабля. — Его лиловые глаза быстро скользнули по лицу брата. — Чего он вполне заслуживал, независимо от того, кто был выигравший. Какой дурак делает корабль ставкой в азартной игре?

— Очевидно, такой дурак, как чел-Мара, — ответил Даав. — Ну что ж: если Делм Арагона наконец-то счел нужным его приструнить, то весь мир дважды в долг перед математиком Кэйлон.

Эр Том негромко рассмеялся.

— Ты имел в виду «трижды», брат, если только ты видел, как чел-Мара летает.

— Ну что ж, — с улыбкой уступил Даав, — возможно, именно это я и имел в виду.

И их разговор перешел на другие темы.

— Ваша посадка в люльку — просто бинджали, математик Кэйлон! — Вар Мон с улыбкой плюхнулся на свое место. — Мы посмотрели запись, а потом до рассвета гоняли тренажер, но никто так и не приблизился к вашему результату — даже Рема.

— Ну, так уж и до рассвета! — укоризненно сказала Рема, вошедшая в аудиторию несколько менее энергично и адресовавшая Эллиане должный приветственный поклон. — Добрый день, математик Кэйлон.

— Добрый день, Рема.

Эллиана ответила на ее поклон наклоном головы, а потом откинула волосы назад и посмотрела на Вар Моня.

— Я благодарю вас за похвалу. Однако следует помнить, что у меня был в высшей степени умелый второй пилот. Я

сомневаюсь, что посадка получилась бы такой ловкой, если бы я попыталась сделать ее в одиночку.

Лицо Вар Мона мгновенно стало совершенно непроницаемым. Он опустил глаза и шумно начал возиться со своим блокнотом.

— Конечно, ваш второй пилот был образцовым, — проговорила Рема на фоне шума, поднятого ее напарником. — Однако запись ясно показывает, что это ваша рука посадила корабль, математик. Наш полетный инструктор объявил этот полет безукоризненным.

— А большей скромности на похвалы вы нигде не найдете! — закончил Вар Мон, возвращаясь к своей привычной манере так же неожиданно, как ее оставил. — Математик Кэйлон, вы должны поступать в Разведку!

— Нет, не должна, — решительно ответила она.

Баан, Киарта и Нерин вошли в аудиторию и заняли свои места.

— Добрый день. Сегодня, как вы знаете, наш последний семинар. Я научила вас всему, чему могу научить, чтобы каждый из вас имел наибольшие шансы выжить. Несмотря на все мои усилия, есть вероятность того, что какое-то вещи я осветила недостаточно хорошо. Это последнее занятие принадлежит вам. Что вам представляется не до конца понятным и ясным? Вспомните сейчас все, что мы обсуждали с вами в течение этого семестра. Никакой вопрос не должен считаться слишком мелким. Я готова буду выслушать ваш первый вопрос через шесть минут.

Они стремительно раскрыли свои блокноты и начали лихорадочно прокручивать записи. Рема откинулась на спинку кресла и устремила туманный взгляд куда-то в угол потолка.

Эллиана наклонилась над учительским пультом и почувствовала, как ее губы складываются в столь редкую улыбку.

«Прекрасная посадка!» — зааплодировал Жон дэ-Корт в ее воспоминаниях, а голос Даава произнес менее эмоциональную похвалу: «Трудная задача, прекрасно выполненная». А теперь еще и это: «Посадка в люльку — просто бинджали, математик! Поразительный полет...»

Эллиана закрыла глаза и почувствовала, как давление у нее в груди ослабело, так что следующий ее вздох стал более глубоким, чуть менее поспешным — как будто она сделала маленький глоток бренди.

Прозвенел таймер, и Эллиана подняла голову, улыбнувшись своему классу и подняла руку, приглашая задавать первый вопрос.

Разногласия между Кланами Пикс и Мэндор были улажены с внушающей радостью быстротой. Всего шесть других делмов сочли необходимым встать с места и высказать свое мнение по вопросам, имевшим слабое отношение к теме, а результаты голосования дали явное преимущество заявленным Мэндором правам.

Даав отключил свой экран и почти улыбнулся, ощущая прилив жизнерадостности. Целый день освободился для того, чтобы потратить его как ему заблагорассудится, без деловых встреч и требований долга. Он подумал, не пойти ли ему в «Бинджали» — но для этого надо было вернуться домой, сменить официальный костюм делма на удобный кожаный. Может быть...

— Мы видим Главу Хедрида. Встаньте и сформулируйте свое дело.

Голос председателя звучал суховато, что, как решил Даав, снова включая свой экран, было неуместно.

Клан Хедрид был старинным: его имя можно было найти в списках пассажиров «Быстрого исполнения», куда оно было занесено решительным угловатым почерком Кантры. Более того: Вел Тер Йо-Берн из Дома Хедрид был одним из тех, кто подписал Контракт между Кантрой и Домами Солситры.

Однако вся эта слава осталась в прошлом: Клан Хедрид уже не принадлежал к числу Высоких Домов. В течение последних веков он числился в верхних пяти процентах Средних Домов, и этим удовлетворялся, не выступая на Совете и не интересуясь делами, лежащими за пределами орбиты Лиад.

В зале тихо зашебуршали, а потом среди столов пятого яруса встала фигура, отвесившая небрежный поклон в сторону Председателя.

— Хедрид вызывает Корвал.

Голос был звучным, немолодым, женским.

Подавив изумление, Даав поднялся на ноги и поклонился в сторону пятого яруса.

— Корвал здесь.

Наступила короткая пауза, чтобы прошел ропот удивления, пронесшийся по зале. Хедрид при полном Совете требует к ответу Корвал? Трудно было представить себе два Клана, у которых было бы меньше точек соприкосновения.

«В чем дело?» — спрашивали друг у друга делмы — шепотом или взглядами. Пересуды настолько затянулись, что Председатель Совета сочла необходимым позвонить в колокольчик и призвать всех к молчанию.

— Корвал встал по слову Хедрида. Хедрид может говорить.

— Присутствующим здесь, — объявила Глава Хедрида, обращаясь к затихшей зале, — не нужно напоминать о том, какое место Клан Корвал занимает в истории. Наверное, о Корвале в большей степени, чем о каком-либо другом клане, можно было бы сказать: «Этот Клан в родстве с Лиад».

«Это, — подумал Даав, стоя в позе внимания, предписанной обычаем, — ничего хорошего не обещает».

— Учитывая столь славную историю, — продолжала Делм Хедрида, — и такую близость Корвала к Лиад и лиадийцам, надо считать простым... недосмотром тот факт, что недавно Корвалом было опубликовано нечто, бросающее тень как на нашу родную планету, так и на всю историю. — Она исполнила поклон, выражавший глубокое уважение. — Я призываю Главу Корвала разрешить эту загадку.

«Ах, — подумал Даав, когда зала вновь взорвалась тихими пересудами, — ах, проклятие!»

Председатель Совета снова тряхнула свой колокольчик — на этот раз очень энергично — и повысила голос, чтобы перекрыть шум собравшихся.

— Корвал может отвечать на запрос Хедрида.

Даав поклонился — сначала Председателю Совета, затем Делму Хедрида, а потом чуть повернулся и развел руки в жесте мягкого удивления.

— Следует предположить, что достопочтенный Глава Хедрида имеет в виду некое научное исследование, составленное одним из членов Клана Корвал и недавно выпущенное в свет Университетским издательством. — Он замолчал и снова поклонился, тщательно избегая иронии. — Хотелось бы узнать, каким образом это исследование бросило тень на нашу родную планету.

— Упомянутое исследование, — ответила Хедрид ради тех, кто наблюдал за этим неожиданным и чудесным спектаклем, — якобы устанавливает связь между Землей и Лиад, демонстрируя существование древнего общего языка. — Она поклонилась. — Корвал, конечно же, поправит меня, если в этом резюме присутствует ошибка.

— Резюме абсолютно правильно. Непонятно лишь, какой вред был тем самым нанесен Лиад.

Последовала короткая пауза, которая показалась обострившемуся чутью Даава неприятно колючей.

— Это исследование, — продолжала Делм Хедрида, выждав несколько секунд, — написано женщиной Клана Корвал, которая по рождению является землянкой. На свежий взгляд это сочетание фактов указывает на человека, увидевшего ценность богатого и разнообразного меланти и вознамерившегося потратить эти ценности на благо себе подобных.

Его захлестнул гнев. Как она смеет...

Он закрыл глаза, прошел через успокаивающую последовательность «Радуги разведчиков», вспомнил о том, что нужно дышать. Это было прямым нападением на Корвал. Ответить гневно — значило бы ответить неправильно. Здесь на кон были поставлены меланти Энн и Эр Тома — и его собственное. Он в родстве с Лиад, вот как? Ну так он, черт подери...

Он ухватился за ускользающую мысль, повернулся, поискав взглядом — нашел то лицо, которое хотел отыскать высоко на девятом ярусе, и поклонился.

— Корвал вызывает Йедон.

Делм встала так стремительно, что он решил: она ожидала его вызова.

— Йедон здесь.

— Требуется подтверждение первоначального исследования, которое легло в основу обсуждаемой публикации, — проговорил Даав, заставив свой голос звучать ровно, хотя ощущал гневную дрожь в локтях и коленях. — Припоминается, что первым наличие общего языка, от которого произошли земной и лиадийский, было обнаружено Почтенным доктором Джин Делом йо-Керой, Клан Йедон.

— У Корвала, — серьезно отозвалась Глава Клана Йедон, — память безупречная — и долгая.

При этих словах по зале вновь разнесся шумок. Даав поклонился.

— Помнится также, что до своей смерти филолог йо-Кера завершил значительную часть работы по подготовке публикации.

— Совершенно верно, — ответила Глава Йедона и, повернувшись к Делму Хедрида, пояснила: — Джин Дел считал эту работу венцом своих трудов. Он намеревался опубликовать свои результаты. То, что филолог Дэвис нашла возможность разобрать его записи и проследить за их публикацией в соответствии с выраженным им пожеланиями, может только радовать его родичей и коллег.

Хедрид наклонила голову.

— Вы говорите мне, что лиадиец сформулировал эту теорию и намеревался предать ее гласности? — Она воздела руку. — Но, возможно, опубликованная теория — отнюдь не та, которая была выдвинута Почтенным доктором?

На этот раз волна гнева была не такой мощной, зато более холодной и угрожающей. Даав разрешил себе тихо вздохнуть, когда Йедон ответила:

— На самом деле я видела эту работу до ее публикации, как и несколько коллег Джин Дела. Она во всех деталях соответствует его намерениям. Филолог Дэвис щедро распорядилась своим талантом.

В зале воцарилась тишина. Спустя несколько секунд Председатель прикоснулась к своему колокольчику.

— У Хедрида есть какие-то дополнительные претензии к Корвалу по этому вопросу?

Хедрид вздрогнула, с явным усилием взяла себя в руки и поклонилась.

— У Хедрида нет к Корвалу таких вопросов, которые следовало бы обсуждать на Совете, — официально объявила она и села на место.

Даав поклонился в свою очередь, освобождая Делма Йедона, и с величайшей осторожностью уселся.

Вскоре после этого Председатель закончила заседание и прикоснулась к колокольчику, чтобы отпустить всех присутствующих. Даав начал неспешно складывать и перекладывать бумаги, и с помощью этой нехитрой школьской уловки ушел из залы один — последним.

Глава пятнадцатая

«Лиадийский разведчик», как становится ясно, — это неверное название, потому что стать разведчиком означает стать не таким, как прочие лиадийцы. Это значит отвернуться от своей родной планеты и принять такой взгляд на мир, в котором любой обычай, каким бы он ни был чужим, воспринимается как равно справедливый и уместный.

Некоторые наставники говорят нам, что не все могут стремиться — а из стремящихся не все могут достичь — такого извращенного восприятия, которое требуется от тех, кого характеризуют как «людей со взглядом разведчика».

Мы должны радоваться этому, отдавая разведчикам полную дань за то, что в прошлом они давали прибежище лишенным гражданских прав, искателям приключений и просто странным людям.

Из выступления на Совете Кланов председателя
«Коалиции по отмене Лиадийской разведки»

Женщина за прилавком имела на плече кожаной куртки вышитую эмблему, на которой дракон с бронзовыми крыльями и зелеными глазами парил над деревом, покрытым обильной яркой листвой. Под изображением было написано не

«Дерзаю!», что было бы завершающим элементом и характеризовало бы обладательницу эмблемы как члена основного семейства Клан Корвал, а только «Джазла пен-Эдрик, диспетчер».

Она выслушала Эллиану серьезно и внимательно, сложив руки перед собой.

— Нам действительно иногда нужны услуги независимых пилотов, — сказала она, когда Эллиана закончила свою несколько сумбурную презентацию. — Я могу видеть вашу лицензию?

Эллиана протянула тонкую карточку, горько сожалея о том, что не может заставить свои пальцы не дрожать, а потом сложила руки перед собой, подражая диспетчеру, которая повернулась, чтобы вложить лицензию в считающее устройство.

Клан Корвал — это корабли. Все это знали. Ни один клан не имел их в таком количестве и ни один клан не нанимал такого множества пилотов. Так было всегда — вплоть до того самого корабля и тех самых пилотов, которые благополучно доставили лиадийцев сюда через все ужасы Переселения.

Клан Корвал относился к пилотам и пилотированию очень и очень серьезно. Вот почему Эллиана первым делом отправилась в Диспетчерскую Корвала в Солсинтре, попросив, чтобы ее имя было внесено в список пилотов, готовых летать.

— Эллиана Кэйлон, — проговорила диспетчер, устремив внимательный взгляд на экран. — Условный второй класс, лицензия дана совсем недавно. Одно полетное задание выполнено по поручению Ремонтной мастерской «Бинджали». Мастер-пилот дэа-Корт лично записал себя поручителем. Так.

Она ввела через свой пульт какую-то команду, извлекла наружу лицензию Эллианы и вернула ее с серьезной улыбкой.

— Я буду очень рада внести ваше имя в наш список, пилот Кэйлон. Я могу узнать, каким образом с вами лучше всего связаться?

— Техколледж Чонсельты, — Эллиана назвала номер комма своего кабинета, — или можно оставить сообщение в «Бинджали», — тут она повторила номер, который ей дал Жон дэа-Корт. — Возможно, вы захотите отметить, что я владею однотрюмным кораблем класса «А».

— Так, — снова сказала диспетчер, быстро пробежав пальцами по клавиатуре. — Пожалуйста, свяжитесь с нашим офицером сразу же, как ваш статус изменится, пилот. — Она подняла на нее глаза. — Должна вам сказать, что возможности получения работы у пилота с условной лицензией второго класса невелики. То, что вы имеете корабль, очень ценно. То, что вы уже успешно выполнили одно задание, тоже очень хорошо. — Она улыбнулась. — Конечно, как и ручательство мастера дэ-Корта.

Эллиана судорожно сглотнула, чувствуя, что лицо у нее застыло.

Диспетчер наклонила голову.

— Если вы не считаете это неуместным, пилот, я могла бы предложить вам совет.

— Я буду благодарна за совет, — искренне ответила Эллиана, сжимая свою лицензию ледяными пальцами.

— Зарегистрируйтесь в офисе Гильдии, на улице Навигации. Скажите, что вы управляете собственным кораблем и готовы перевозить как грузы в трюме, так и курьерские пакеты. Попросите, чтобы вас внесли в список начальника порта. — Она поптчила повернула голову. — Возможно, они не захотят этого делать, пока вы не подтвердите свой второй класс. Но все равно спросите. А когда налетаете необходимые часы, вернитесь и спросите снова.

Эллиана поклонилась.

— Мне кажется, что вы дали мне хороший совет. Я благодарю вас.

— Не стоит благодарности, — заверила ее диспетчер. — Удачного взлета, пилот.

— Безопасного приземления, — отозвалась Эллиана.

Положенный ответ показался ей удивительно сладким. Она откланялась и ушла из офиса Корвала, направившись в следующую диспетчерскую станцию, занесенную в ее тщательно продуманный список.

— Это ты такую шутку придумал? — вопросил Жон, высоко поднимая ярко раскрашенную жестянку на открытой ладони.

Даав секунду внимательно ее разглядывал, а потом повернул серьезное лицо к своему старшему другу.

— Увы, мастер Жон: как я ни пытаюсь, но не вижу в этом предмете ничего забавного. Это похоже на обычную коробку чая.

— Обычную? — взревел Жон так громко, что Трилла свесила голову с помоста, а Сайри с любопытством высунула голову из-за ящика с инструментами.

Жон повернул жестянку в ее сторону.

— Идентифицируй вот это.

— Утренняя смесь «Радостный восход», — с готовностью откликнулась она.

— В стазисной упаковке! — уточнил Жон и угрожающе посмотрел на Даава. — Ты знаешь, сколько такая коробка стоит в порту?

Даав округлил свои черные глаза.

— Нет. Откуда мне знать?

— Щенок! Чтоб ты знал: канту, и то в такие дни, когда рынок перенасыщен.

— А, тогда мне понятно твое беспокойство! — воскликнул Даав понимающие. — Такая заварка недостойна столь заслуженного чайника, мастер! Лучше вам вернуть ее купцу, который ее продал, и попросить меньшую упаковку более благородной смеси.

Высоко на помосте Трилла расхохоталась. Сайри подняла руку, чтобы спрятать улыбку, а кошка Заплатка подошла к Дааву, чтобы потереться о его ноги.

Все заметили, что уголки губ у Жона задергались.

— Полагаю, ты не имеешь никакого отношения к тому, что йос-Галан счел нужным сделать мне именно такой подарок?

— Йос-Галан? — переспросил Даав, прекрасно изображая изумление.

— Ого, уж не хочешь ли ты, чтобы я поверил, будто это придумала леди йос-Галан? Может, это и ее почерк, юный капитан, но я прекрасно понимаю, что идею приписывать ей не стоит.

Жон поднял голову и крикнул:

— Трилла, неси сюда молоток!

— Сейчас, мастер Жон!

Она закрепила страховочный трос и быстро спустилась на нем вниз, приземлившись со щегольским салютом.

— Иди со мной, — приказал Жон и направился к комнате отдыха. Трилла последовала за ним.

Сайри изумленно взорвалась на Даава.

— Но он же не станет разбивать упаковку молотком?

— Может, он просто намерен казнить чайник, — предположил Даав, нагибаясь, чтобы подхватить Заплатку.

Посадив ее себе на плечо, он двинулся следом за Жоном.

— Не может быть! — возразила Сайри, пристраиваясь рядом с ним. — Он любит этот чайник, как ребенка. Он скорее прибьет молотком Заплатку.

— Ха! В таком случае нам лучше прекратить догадки и довериться свидетельству наших чувств.

Она рассмеялась, услышав основной принцип Разведки. Словно две тени они скользили по мастерской. Заплатка гордо восседала на обтянутом кожанкой плече мужчины.

— Мы прибьем полку вот тут, — говорил Жон Трилле, стуча пальцем в стену рядом с чайником. — И учти: ее надо сделать красивой и прочной. А еще нам понадобится стеклянная витрина, в которой мы выставим карточку леди. Ты, — повернулся он к Дааву, — отправляйся в лавку Мин Дела и скажи ему, что мне нужна витрина, вот такая... — Он провел рукой по воздуху, второй продолжая держать жестянку. — И быстренько. И скажи, чтобы она была настроена только на мою руку, и больше ни на чью! Будь я проклят, если допущу, чтобы вы, хулиганы, могли взломать мою жестянку и заменить заварочный лист полынью!

— Но, мастер Жон, — запротестовала Сайри, — разве его не надо заваривать?

— Заваривать? — Жон уставился на нее. — Ты что, рехнулась? Пить «Радостный восход»? Да я скорее...

Дверь комнаты шумно открылась, и Заплатка спрыгнула с плеча Даава, бросившись навстречу вошедшей с высоко задранным хвостом.

Эллиана Кэйлон наклонилась и погладила спинку кошки, которая начала тереться о ее ногу в восторженном приветствии. Выпрямившись, она попыталась пройти дальше, но обнаружила, что запуталась в кошке. Она снова остановилась, наклонилась и погладила — и чуть не упала, когда ее маленькая поклонница весело оплелась вокруг ее ног.

Эллиана колебалась секунду... две... а потом снова наклонилась и неумело взяла кошку на руки. Заплатка прижалась к ее бесформенной груди, блаженно жмуря глаза и запуская коготки в рукав плотной рубашки. Эллиана пошла вперед.

— День добрый, преподаватель математики! — воскликнул Жон, приветственно поднимая жестянку.

— Добрый день, мастер дэа-Корт, — серьезно отозвалась она.

Она остановилась. Заплатка, как влюбленная кошка, мурлыкала в корзинке ее рук. Эллиана обвела взглядом Триллу, занятую измерениями, Сайри с озабоченным выражением лица, руку Жона и жестянку чая. Вопрос, когда он прозвучал, был адресован Дааву.

— Прошу меня простить. Мне хотелось бы знать... не случилось ли чего-нибудь плохого?

— Ничуть! — жизнерадостно заявил он. — Просто Жон делает полку, чтобы было куда поставить его только что обретенное сокровище.

Эллиана снова повернула голову к Жону. Ее волосы замерцали.

— Жестянку чая? — спросила она с явным удивлением.

— Будь я проклят, вы ничуть не лучше его! — воскликнул Жон, махая свободной рукой в сторону своего высокого друга. — Это не простая жестянка чая, преподаватель математики, это — подарок мастер-купца Эр Тома йос-Галана, почтенного сына славного Дома Корвал! Ну, что вы теперь скажете, а?

Эллиана рассеянно прижала Заплатку к себе.

— Это — очень красивая жестянка, — сказала она после минутного размышления.

Трилла задохнулась и чуть не уронила рулетку. Сайри судорожно сглотнула и на заплетающихся ногах направилась исследовать содержимое коробки с булочками.

— Красивая... — тусклым голосом повторил Жон.

Он запустил руку в жилетный карман и благоговейно извлек сложенную карточку из тех, на которых принято присыпать приглашения. Он торжественно продемонстрировал ей лицевую сторону карточки: Дерево и Дракона с ярким тиснением «Фларан Чаменти» — и сунул ее Эллиане под нос.

— Тогда прочтите вот это.

Она ловко перехватила Заплатку удобнее, взяла карточку и открыла ее одной рукой. Секунду она хмурилась на содержащуюся внутри надпись, а потом подняла голову, так что ее волосы упали назад. Она протянула карточку обратно Жону.

— Мне стыдно признаться, что я не умею ни читать, ни говорить на земном, — тихо сказала она. — Это недостаток, который я намерена в ближайшее время исправить. Однако на данный момент я невежественна.

— Ха! — Жон снова открыл карточку. — Здесь сказано... это от леди йос-Галан, имейте в виду — почтенного лингвиста Энн Дэвис, из Земного сообщества. Здесь сказано: «Мастер-пилоту Жону дэа-Корту. Прошу вас принять этот знак... уважения от меня и моего...» Наверное, это следовало бы перевести как «лорда», а, Даав?

Даав выгнул бровь.

— Откуда мне знать?

— Необычайно хитер, — заметил Жон, снова возвращаясь к своей записке, — «...лорда. Нам хотелось бы... чтобы вы получили такое же удовольствие от подарка... как мы — от возможности его сделать». И дальше тут подпись, видите: «Энн Дэвис, леди йос-Галан».

Голова Эллианы склонялась над Заплаткой, так что от кошки были видны только блаженно подергивающиеся кончики лапок.

— Похоже... что она — в высшей степени любезная леди, — проговорила она спустя мгновение. — Хотя я не могу не предположить, сударь, что ей хотелось бы, чтобы вы пили этот чай.

— Правда, Жон, — проговорила Сайри, оторвавшись от созерцания каменеющих булочек, — леди йос-Галан не могла предназначать свой подарок для того, чтобы ты запер его в витрине. Какая в этом радость?

— Очень даже много радости, — мгновенно отозвался он. — Сколько гаражей могут выставить напоказ подарки от Корвала, а, Даав?

— Понятия не имею, мастер Жон. Мне провести расследование?

Жон ухмыльнулся.

— Мне казалось, что я послал тебя к Мин Делу с поручением.

— Я могу взять его на себя, — предложила Сайри. — Моя смена кончилась, и мне нетрудно изменить маршрут так, чтобы пройти мимо лавки Мин Дела по пути в порт.

— Достаточно нетрудно, — согласился Жон. — Ты завтра здесь?

— До обеда, — ответила Сайри. — А потом меня ждет моя команда. — Она поклонилась. — До свидания, пилот Кэйлон. Доброго вам здоровья и легких полетов.

— Легких полетов, — отозвалась Эллиана, как требовала вежливость, однако Заплатка закапризничала, превратив ее поклон в поспешную попытку вернуть ее на пол.

Когда Эллиана выпрямилась, Сайри уже ушла, а Трилла направлялась в дальнюю часть мастерской.

— И чем вы сегодня занимались, преподаватель математики?

Эллиана вздохнула и повернулась к Жону дэа-Корту, который бережно прятал записку Корвала в карман жилета.

— Я была в диспетчерских и в Гильдии, где просила, чтобы мое имя внесли в списки внештатных пилотов, — сказала она. — Диспетчер в офисе Корвала посоветовала мне включить мое имя в список начальника порта, но представитель Гильдии вынес решение, что сначала мне следует подтвердить мою лицензию второго класса.

— Значит, вы и правда ходили в офис Корвала.

Это сказал Даав, который успел бесшумно устроиться на высоком табурете.

— Конечно, — отозвалась она, на секунду переведя на него взгляд зеленых глаз. — Ведь Клан Корвал — это корабли.

— Безусловно, — совершенно серьезно согласился он с ней. — Ваше имя там внесли в список?

— С готовностью. И попросили сразу же сообщить им, как только я достигну полного второго класса.

Она снова повернулась к Жону дэ-Кортю:

— Ваша рекомендация очень мне помогла, сударь. Я... благодарна вам... за вашу доброту.

— Доброта тут ни при чем, — ворчливо заявил он. — Если бы вы летали плохо, то я бы рекомендации не дал. А раз получилось так, что вы все сделали бинджали, то и заслужили все, что я сказал. А как вы собираетесь учить земной?

Она присела на край табуретки и растерянно заморгала.

— Право... не знаю, — призналась она чуть пристыженно. — Я думала... гипноуроки, знаете ли. Библиотека в техколледже Чонсельты не очень богатая...

— Ха! Ничего удивительного. Вы могли бы получить копии гипноуроков в Академии Разведки. Ваше имя там дороже кантр. Проблема с гипноуроками в том, что новые сведения надо отрабатывать, иначе все знания снова испаряются.

— Большинство из нас свободно владеют земным, — сказал Даав, адресуя ей улыбку. — А какой именно земной вы хотите выучить?

Она снова заморгала:

— Какой... именно?

— Ну конечно. Вы ведь преподаете практическую математику, правда? Ну вот: вы хотите выучить практический земной или его теорию?

— О! Ну конечно. Я... хотела бы понимать и быть понятой в... в полевых условиях.

— Ну, это легко! — заявил Жон, переходя к чайнику и наливая себе полную кружку. — На торговом вы можете объясняться?

— Мне нетрудно разговаривать на торговом, — заверила его Эллиана, переходя на безмодальную монотонность этого языка.

— Ну, тогда все еще легче. Мы научим вас на основе торгового, правда, Даав?

— Думаю, так было бы лучше, — ответил он. — Вы сами подберете гипноуроки?

— Было бы лучше учиться наяву. — Жон выбрал себе булочку и побрел обратно к табуретам. — У вас есть какие-то сроки?

Она сглотнула, набрала в грудь воздуха и посмотрела ему в глаза.

— Как можно быстрее, — сказала она напряженным, севшим голосом. — Было бы... желательно... чтобы я могла свободно разговаривать по прошествии года.

Янтарные глаза на долгие мгновения задержали ее взгляд, а потом Жон отвел глаза и взобрался на зеленый табурет.

— Ладно. Мы заложим основы, а потом по мере необходимости станем добавлять гипноуроки. Из моей нынешней команды свободнее всех разговаривает Даав. Трилла тоже хорошо владеет земным. Клонак тоже, если его удается убедить оставить ауссский диалект. Боюсь, что я понимаю лучше, чем говорю, а читаю достаточно свободно. Сайри примерно на одном уровне со мной... Нет, Сайри завтра возвращается к своей команде... — Она замолчал и сделал глоток чая. — Такой курс обучения вас устроит?

— Я... — Она откашлялась, переводя взгляд со старика на молодого мужчину. — Я благодарю вас... чрезвычайно. Однако... я должна чем-то с вами расплатиться. Я не могу...

Жон шумно вздохнул.

— Первый урок земного, преподаватель математики. Слушайте внимательно.

Она снова сглотнула.

— Да, сударь.

— Перестаньте думать по-лиадийски. — Он ухмыльнулся. — Думали, это будет легко, да? Я ведь говорил вам, что здесь мы все — друзья. Говорил, да? Так вот: это правда. Все должны то, что получают: уют, защиту и поддержку. Мы в расчете, поняли?

Его слова словно остались звучать. Она сидела на краешке табуретки, прислушиваясь к ним, ощущая, как они по очереди проникают в самую сердцевину ее существа. То, что они предлагали ей, было... Кланом. О чем они просили ее — это

пытаться жить на самом высоком из доступных ей уровней, на благо всем.

«И вот что я скажу, Байрин Кэйлон: на путь Делма следовало бы поставить Эллиану, а не этого твоего тщеславного самодовольного мальчишку!» Голос Ганелур Кэйлон в ее воспоминаниях оставался таким же звучным, каким он был дюжину стандартных лет тому назад, когда дверь гостиной по небрежности осталась приоткрытой, и две пары ушей услышали то, что следовало бы оставить невысказанным.

Эллиана подняла голову и встретилась с проницательными янтарными глазами Жона дэ-Корта.

— В расчете, — решительно пообещала она. — Я буду стараться.

Глава шестнадцатая

О Драконах следует помнить следующее: иметь с ними дело способны только особые люди. Если вы будете им лгать, они станут вас обкрадывать. Если вы нападете на них без причины, они растерзают вас. Если вы броситесь от них в бегство, они вас засмеют.

Таким образом, вести себя с Драконами следует спокойно, открыто и честно. Давайте им то, что они купили — не больше и не меньше, и они станут так же поступать по отношению к вам. Оказывайте им поддержку — и они будут поддерживать вас. Никогда не забывайте, что Дракон в первую очередь Дракон, и только потом друг, напарник, возлюбленный.

Никогда не думайте, будто нашли уязвимое место Дракона, пока он не умер и не забыт, ибо радость скоротечна, а месть Дракона вечна.

Из «Лиадийской книги Драконов»

В этом уголке сада было тепло. Тепло и блаженно тихо. Настолько тихо, что бело-рыжий Релчин бросил охоту на птичек и разлегся в тени старой каменной стены, глядя, как Даав копается в земле.

На Клан Корвал работали несколько очень умелых садовников, чьей задачей был уход за регулярным парком и газонами. Самый старший из этих впечатительных личностей каждую релюмму совершал обход Внутреннего двора, высказывая предложения и советы — но и только. Уход за Внутренним двором, начиная с сада камней и кончая самим Деревом, был добровольной обязанностью и ревностно оберегаемой привилегией Даава.

Этим утром он был занят выкапыванием и делением луковиц гладиолусов. Большая часть добычи будет передана его садовникам, но он решил отложить дюжину для подарка леди йо-Ланна, которая была лучшей подругой его матери и сможет оценить дар в виде любимых цветов Чи йос-Фелиум.

От приятного занятия его оторвали шаги — а затем и сама персона — его дворецкого.

— Сударь, Делм Биндана пришла по вопросу приближающегося супружества вашей милости.

Даав сел на пятки, держа в одной руке совок, а в другой — луковицу.

— Глава Биндана здесь? — глупо переспросил он.

Господин пел-Кана наклонил голову.

— Я провел ее в Малую гостиную, сударь.

Даав закрыл глаза и проглотил ответ, о котором ему потом пришлось бы жалеть.

— Предложите Делму Биндана закуски, — сказал он вместо того, что ему хотелось. — Я приду к ней... скажем, еще до начала следующего часа.

Господин пел-Кана с поклоном удалился, а Даав остался сидеть, тупо глядя на свои облепленные землей рабочие перчатки и грязный комбинезон. На одну безумную секунду ему захотелось встать и пройти прямо в Малую гостиную, не приводя себя в порядок. Это было бы не больше того, что она заслужила, не предупредив его о своем визите ни карточкой, ни звонком.

Безумная секунда прошла. Он со вздохом отложил совок, устроил луковицы в гнездышко из влажного мха и встал, снимая перчатки.

— «По вопросу приближающегося супружества вашей милости», — сообщил он Релчину, с жестокой точностью передав величественные интонации господина пел-Каны.

Большой кот ухмыльнулся ему, сощурив зеленые глаза. Даав бросил перчатки рядом с совком и неохотно ушел в дом.

До начала следующего часа оставалось всего несколько минут, когда он явился в Малую гостиную, приняв душ и переодевшись в удобную белую рубашку и мягкие синие брюки.

Он поклонился ей как Делм Делму, и Глава Биндана встала, чтобы сделать то же. Все ее тело было напряжено от возмущения.

— Я сожалею о том, что вам пришлось меня дожидаться, — сказал он, откликаясь на ее возмущение. — Если бы меня заблаговременно предупредили, я был бы в вашем распоряжении сразу же.

Ее глаза чуть сузились, но в остальном выражение ее лица не изменилось.

— Я постараюсь запомнить этот урок, — проговорила она, наклоняя голову. — Но тем временем, Корвал, в отношении нашего контракта есть один момент, который следует обсудить.

— О! Тогда вы должны позволить мне долить вам вина и самому взять рюмку.

Ему было позволено это сделать, хотя у Даава сложилось впечатление, что она предпочла бы отказаться. Отпив положенный по этикету глоточек, она отставила свою рюмку в сторону.

Даав тоже отпил вина и поставил рюмку, а потом откинулся в кресле.

— Чем Корвал может быть полезен Биндану?

Она несколько секунд молча смотрела на него и только потом наклонила голову.

— Известно, — начала она, тщательно подбирая слова, — что Клан Корвал прокладывает свой собственный курс и не обращает внимания на скандалы. Возможно, не так хорошо известно то, что Биндан сторонится тех вещей, которые могут привести к тому, что его имя будут выкрикивать на открытом Совете.

Даав выгнул бровь.

— Мне кажется, тот вопрос, по которому Корвала призвали к ответу на состоявшемся вчера Совете, оказался отнюдь не скандальным.

— Оказалось, — язвительно заявила Делм Биндана, — что Корвал уклонился от ответа на вопрос, продемонстрировав, что первоначальное открытие было сделано лиадийским филологом, принадлежащим к клану ученых настолько безумных, что могли пожелать предать подобную вещь широкой огласке. — Она иронично наклонила голову. — Величие Корвала — это не результат случайности.

Он стиснул зубы, борясь с раздражением, и наклонил голову, хладнокровно принимая ее выпад.

— Я намерена спросить вас прямо, милорд: вы будете держать вашу землянку в рамках пристойности?

Наступило напряженное молчание — достаточно долгое, чтобы Глава Биндана в полной мере ощутила масштабы своего промаха.

— Тоделми йос-Галан, — проговорил Даав с нарочитым спокойствием, — является уважаемым членом Клан Корвал. Она не совершила ничего такого, что вызвало бы порицание ее Делма — и много такого, что внушает ему чувство гордости. Я напоминаю вам, что контракт о брачном союзе никоим образом не ставит Корвал под юрисдикцию Биндана.

Она сжала губы, но надо отдать ей должное — взгляда она не отвела.

— Я повторяю еще раз: наш Дом не привык к скандалам. Заботам Корвала вскоре будет поручено одно из драгайших сокровищ Биндана. Если Корвал не в состоянии избегать скандалов на время своего союза с Бинданом, то Корвалу стоит искать контракта с кем-то другим.

На долю секунды ему захотелось принять предложенный ею выход и радоваться возможности избавиться от Клан Биндан и Самив тел-Изак.

А потом он вспомнил, что утомительную череду поисков придется начинать сначала: рассматривать структуры, взвешивать генные карты... И не найдется ни одной женщины,

что в сущности своей отличалась бы от Самив тел-Изак. И все они будут такими же респектабельными и тяжеловесными, как Биндан. Имя Корвал означало проблемы, скандалы и странности. Так было всегда. Иначе и быть не могло, ведь они были потомками пирата, солдата и бескланового школьника.

«Боги, — подумал он, — только дайте мне поскорее взять на руки мои дитя!»

Он наклонил голову под возмущенным взглядом Главы Биндана.

— Корвал приложит все силы к тому, чтобы избегать скандала, начиная с этого часа и до прекращения наших отношений с Бинданом, — официально проговорил он, а потом снова посмотрел на свою гостью. — Но Биндан должен учесть, что у Корвала... особый образ жизни.

— Образ жизни меня не тревожит, — ответила она. — Меня волнуют скандалы.

Она встала и откланялась, и Даав сделал то же. Он прикоснулся к звонку — и явился господин пел-Кана, который увел Делма Клана Биндан.

— Точность до пятого десятичного знака! — объявила Эллиана, со вздохом откидываясь на спинку кресла пилота.

— По крайней мере пока мы сидим в безопасности с отключенными двигателями, — уточнил Даав, заканчивая собственную проверку и погружая запасной компьютер в сон.

Эллиана повернулась к нему. В свете индикаторов волна ее волос блестела, как шелк.

— Вы подозреваете, что ошибка была в главной системе?

— Ах нет, ничего подобного! — Он поспешил поднял руку, и его улыбка окрасилась иронией. — Просто Жон дал добро прежнему компьютеру в тот момент, когда корабль стоял на площадке — и видите, что с нами чуть было не случилось во время полета!

Он повел плечами и бросил быстрый взгляд своих черных глаз на ее лицо.

— Жон предрекал, что я стану недоверчивым стариканом.

— Это лучше, чем умереть наивным юношем, — ответила она, и ее светло-коричневые брови высоко взлетели над зелеными глазами. — Вы правы. В свете предыдущего сбоя разумная проверка должна включать в себя взлет и приземление.

— Ха! — Он широко улыбнулся. — Запросите разрешение, пилот?

Она готова была радостно согласиться — но вдруг заколебалась, переведя взгляд с его лица на пульт управления. То, что сказали ей часы, прогнали слова согласия, не успевшие слететь с ее губ. Она вздохнула и снова посмотрела на Даава.

— Сегодня у меня не осталось времени, чтобы провести нужную проверку. Когда вы работаете завтра? — Она закусила губу. Темное золото стыдливого румянца залило ее щеки, и она опустила глаза. — Простите меня, — проговорила она сдавленным голосом. — Я не хотела вас обидеть, пилот.

— Никакой обиды и не было, — отозвался Даав все в той же теплой дружеской модальности. — Я ведь говорил, что для меня честь сидеть с вами за пультом и что я надеюсь снова это сделать. Видят боги, лицо у меня не слишком привлекательное, но разве оно кажется вам лживым?

Она стремительно подняла на него глаза, изумленно распахнутые, ярко-изумрудные. И Дааву пришлось сидеть совершенно неподвижно, открыв взгляд и лицо, словно перед другом или родичем, пока она внимательно изучала каждую его черточку.

— По правде говоря, — проговорила она по прошествии довольно значительного времени и совершенно серьезно, — я не нахожу его ни непривлекательным, ни лживым. Что же до остального... Я ведь правильно понимаю: вы — мастер-пилот, работающий у господина дэ-Корта? Тогда мне неуместно вам приказывать.

— А вы мне и не приказывали, — напомнил он ей. — Вы просто спросили, в какую смену я работаю завтра. На что должен последовать такой ответ — поскольку я временный работник и Жон дал мне просто скандальную свободу — когда вы будете готовы к взлету?

— Я...

Ее глаза снова скользнули по пульту, включенному и готовому принимать команды. Жажда и головокружительное желание развернуть кресло немедленно, установить связь с диспетчерской Солситры, зарегистрировать траекторию взлета — и скрыться, умчаться прочь и навсегда...

— Завтра, — сказала она мужчине, сидевшему рядом с ней, и заглянула в его спокойные глаза, — я смогу быть здесь в первый час после солситрского рассвета.

Лучше... гораздо лучше уйти из Кланового дома Мицела прежде, чем ей начнут задавать вопросы или вообще запретят уходить.

Даав наклонил голову.

— Я буду ждать вас у трапа, — пообещал он, — в первый час после рассвета, завтра. — Он ухмыльнулся. — И тогда мы его проверим как следует, да?

Ей показалось, что в глубине ее груди ослабел еще один узел, который теперь можно было бы распустить. Эллиана почувствовала, что у нее радостно изгибаются губы, и она встретилась с его блестящими черными глазами.

— Обязательно проверим.

— Ха! — Даав чуть склонил голову набок. — Скажите, а вам нужно уходить прямо сейчас?

Она снова бросила взгляд на часы — и ее тревога снова проснулась.

— До отхода парома, — медленно проговорила она, — осталось почти три часа.

— Тогда у нас хватит времени на то, чтобы проверить ваше аварийное оборудование, — энергично заявил он, — и убедиться в том, что гермоистюмы работают.

Она посмотрела на него с нескрываемой растерянностью.

— Я... прошу меня извинить. Боюсь, что я даже не знаю, где хранятся костюмы.

— Я так и подумал, — откликнулся Даав, странно двигая головой из стороны в сторону. Он встал и поманил ее изящной рукой. — Пойдемте, пилот.

Мастер Даав объявил, что ее аварийное оборудование приемлемо, хотя долго хмурился над аккуратным рядом из четырех

рех баллонов с кислородом, постукивая указательным пальцем по циферблатам давления.

— Внимательно следите за ними, — сказал он, и Эллиана услышала в глубине его теплого низкого голоса какую-то странную холодную дрожь. — Без воздуха оставаться не следует. Было бы разумно добавить еще баллон-другой, на случай отказа.

— А велика ли вероятность того, — спросила Эллиана, — что система жизнеобеспечения откажет?

— Один раз я оказался на корабле, который потерял систему обеспечения, — ответил он, хмуро глядя на баллоны. — Хотя подобные отказы крайне редки, я утверждаю, что одного будет более чем достаточно, если у вас окажется недостаточно большой запас кислорода, плохое аварийное оборудование или костюм с дефектом.

Он глубоко вздохнул, а потом встряхнулся и бросил ей короткую улыбку.

— Ну, я не хотел вас пугать. Просто советую внимательно следить за оборудованием, как и положено хорошему капитану. Дополнительные баллоны станут необходимыми в том случае, если вы будете брать второго пилота. Пока же... — он повернул руку ладонью вверх, — ...это остается на усмотрение пилота.

Она моргнула и наклонила голову.

— Благодарю вас. Я запомню ваши советы.

— Отлично, — энергично сказал он и, повернувшись, положил руку на вешалку с костюмами. — Скажите, вам когда-нибудь приходилось надевать такой?

— Добрый вечер, капитан, милый!

Когда Даав проходил мимо, Клонак резко вскинул руку, выпустив красный мяч размером примерно в два кулака Эллианы.

Мяч полетел по совершенно дикой траектории, ныряя и рыская в воздухе, так что от попытки проследить за ним заболели глаза.

Почти не замедляя шага, Даав небрежно протянул руку, поймал мяч и пустил его обратно одним ловким, неспешным движением.

— Привет, Клонак.

Пухлый разведчик прыгнул на шаг вперед и на два в сторону, поймал мяч и бросил его снова.

— Ваш слуга, богиня.

Эллиана заморгала, чувствуя прилив паники, — и увидела, как ее рука взметается вверх и сжимается. Она ощущала странный вес мяча и бросила его, инстинктивно рассчитывая траекторию, которая доставит его...

Клонак со смехом подпрыгнул — и прижал мяч к груди. Едва носки его сапог коснулись пола, он снова бросил мяч.

— Отличный бросок! Я бросаю вам вызов, и проигравшему придется выпить кружку чая, заваренного Жоном!

— Вызов? — выдавила из себя Эллиана. — Я не могу...

Но мяч уже летел — не совсем на нее. И она даже не успела как следует оценить действия своего тела, как уже оказалась на том месте, где мяч должен был упасть, подхватила его — и с силой отправила обратно.

— Ага! Она решила меня травмировать, Даав!

Клонак рванулся вперед, сделал перекат — и бросил мяч с пола.

— А ты сам напросился, — отозвался Даав, забираясь на ящик с инструментами и подбиравая длинные ноги под себя.

Странная траектория бросила мяч к полу по совершенно невероятной дуге. Когда он полетел к Эллиане за спину, она развернулась, чтобы поймать его, — и споткнулась, ослепленная собственными волосами, которые хлестнули ее по глазам.

— Промах! — воскликнул Клонак, бросаясь по проходу за своей игрушкой. — Я выиграл!

Стоя на одном колене, полуослепленная своими волосами, Эллиана почувствовала прилив злости на собственную неуклюжесть и едкий вкус поражения в желудке. Она медленно встала на ноги и понурилась, убирая прилипшие ко лбу пряди.

— Выиграл из-за того, что противник вышел из соревнования, — говорил тем временем Даав своим низким голосом. — У пилота Кэйлон был гандикап.

— Выигрыш есть выигрыш, — не согласился Клонак, перебрасывая мяч из руки в руку.

— Ты всегда выбираешь легкий маршрут, — заметил Даав, а потом чуть более резко бросил: — Пилот!

Эллиана подняла голову, невольно приняв его оклик на свой счет. Он улыбнулся, завел руку к затылку, повернул ее — и сделал бросок.

— Не давайте ему легкого выигрыша, — сказал он. — Заставьте его потрудиться.

Рука Эллианы стремительно вытянулась — и подхватила в воздухе простое серебряное кольцо для волос. Она снова посмотрела на Даава, который остался сидеть на ящике с инструментами, скрестив ноги. Волосы у него рассыпались по плечам, одна бровь выгнулась, а улыбка стала почти... вызовом?

Ее руки снова начали двигаться самостоятельно: они отвели массу волос назад, закрутили и надежно скрепили кольцом. Она повернулась к Клонаку и наклонила голову.

— Я готова принять ваш вызов, сударь.

— Ладненько! — сказал он.

И сделал бросок.

На этот раз все было труднее. Вселенная сжалась до мячика с его чудачествами, до абсолютной необходимости поймать и бросить, и поймать, и...

Мячика не было.

Растерявшись, Эллиана повернулась — и обнаружила, что Клонак стоит с пустыми руками, а на его круглом лице с усиками играет виноватая улыбка. Справа Даав продолжал сидеть на ящике с инструментами, а волосы у него были аккуратно заплетены. Слева стоял Жон дэа-Корт, в высоко поднятой руке у которого оказался красный мяч.

— Выиграл я! — объявил Жон, пронзая Клонака взглядом. — И сколько все это продолжалось?

— Примерно полчаса, — подал голос Даав. — Право, мастер Жон, я как раз собирался объявить конец, потому что пилоту Кэйлон нужно успеть на вечерний паром.

Жон перевел возмущенный взгляд на Эллиану, которая только теперь заметила, что сердце у нее стремительно колотится и что она разгорячилась и довольно сильно вспотела.

— Если вы собираетесь успеть на паром, преподаватель математики, то вам нужно лететь. Доброго вечера.

Она поклонилась, стараясь усмирить бурное дыхание.

— Доброго вечера, мастер дэа-Корт. Клонак...

— С Клонаком я сам разберусь, — угрожающе произнес Жон. — Шевелитесь.

Эллиана моргнула и бросила взгляд на Даава. Его пальцы шевельнулись на колене, сложив знак из молчаливого слова-ря разведчиков: «Летите».

В дальнем конце ангара часы, настроенные на официальное время порта, пробили четверть часа.

Эллиана бросилась бежать.

Только сойдя с парома в порту Чонселты и быстро шагая к вокзалу, она вспомнила о кольце для волос и подняла руку, чтобы его снять.

Ее волосы упали вперед, скрывая ее от мира. Медленно, почти неохотно, она спрятала кольцо в карман.

«Завтра, в первый час после рассвета», — сказала она себе и улыбнулась в своей крепости из волос. Какое наказание ей ни устроит этим вечером Ран Элд, завтра она полетит.

Глава семнадцатая

Берегите свою жизнь, берегите своих людей, берегите Дерево, чего бы это ни стоило. Унизьтесь, если этого потребует ваш враг, умоляйте, проглотите любое оскорблениe. Останьтесь в живых, сохраните себя и своих близких.

Будьте бдительны, внимательно наблюдайте. И когда ваш враг повернется к вам спиной, убейте его и бегите на свободу.

Из Вахтенного журнала Канtry Йос-Фелиум

Как только дверь ангара закрылась, Жон снова повернулся к Клонаку, держа красный мячик, словно улику.

— Мне было бы очень любопытно услышать, — заявил он в самой высокой модальности из всех, какие приходилось

слышать от Жона, — какие соображения заставили тебя устроить игру в баули с пилотом Кэйлон.

Клонак только что рот не разинул. Он быстро оглянулся на Даава, но не получил от него никакой поддержки, кроме очень серьезного кивка.

— А почему бы и нет? — спросил он, снова устремляя взгляд на Жона. — У нас получилась хорошая партия.

— Хорошая партия! — Взгляд Жона стал еще более мрачным. Он сделал шаг вперед, энергично встряхивая мяч для баули, так что встроенный в него гироскоп запищал. — Хорошая партия! Ты хоть знаешь, сколько времени я стоял и наблюдал за тобой?

— Ну... — признал Клонак, чуть пятясь от наседающего на него старика, — я сосредоточился на игре, мастер Жон, и на моей богине, которая готова была снести мне голову, если ей представится такая возможность. — Он ухмыльнулся. — Ведь я как-то привязан к моей голове, так что мне казалось благоразумным следить за мячом во все глаза.

— Ты в жизни не был благоразумным, легкомысленный ты... — Жон резко оборвал свою тираду. — Я пятнадцать минут стоял и смотрел, как ты — ты, ежедневно посещающий спортзал и проходящий полную тренировку! — едва мог устоять против сидящей за письменным столом, наполовину истощенной ученои, которая только-только получила лицензию второго класса! Я подумываю сказать твоему тренеру, что...

— Второго класса? — взвыл Клонак, отступая на шаг и бросая назад взгляд, полный глубочайшего изумления. — Даав!

— Условная лицензия второго класса, — спокойно подтвердил этот господин, — была выдана всего десять дней назад.

— Какой недоумок дал ей условную лицензию? Реакция у нее не хуже, чем у любого пилота первого класса — лучше, чем у большинства, кого я знаю!

— Вылетанные часы, мастер Клонак, — мягко упрекнул его Даав. — Правила на этот счет сформулированы совершенно определенно.

Клонак сказал про правила нечто весьма непочтительное.

— Да, милый. Сегодня я показал ей, где хранятся гермоистюмы, и помог проверить по списку аварийное оборудование.

— Не может же она быть настолько зеленой!

— Она именно настолько зеленая! — взревел Жон. — И если бы ей удалось зашвырнуть твою пустую башку в следующую релюмму — что, клянусь, ей и следовало бы сделать! — она заикалась бы, лепетала извинения и обвиняла себя, и мы больше никогда не увидели бы здесь Эллиану Кэйлон.

Он сделал огромный глоток воздуха и испустил оглушающий рык:

— Сонмы богов, я обязательно скажу твоему тренеру!

— Но этого же не случилось! — воскликнул Клонак. — Жон, ради всего...

— А ты!

Жон мощно швырнул мяч направо и вниз. Он закрутился, зажужжал, заскользил и полетел в сторону ящика с инструментами, набирая скорость. Даав вытянул руку, стремительно поймал игрушку и пристроил себе на колено, поглаживая сильными пальцами так, словно это был особо разревившийся котенок.

— Я?

Он выгнул изящную бровь.

— Нечего демонстрировать мне повадки Высокого Дома! О чём ты, к дьяволу, думал, когда допустил такое? Следил за временем, да? Полагаю, тебе и в голову не пришло, что надо вмешаться? Восседал тут, словно набитый меланти земляной червяк...

— Нет, конечно, — ответил Даав, и его спокойный голос без труда прервал возмущенную речь Жона. — Надеюсь, что знаю свой долг как тренера, товарища и второго пилота. Во всех этих лицах я был бы слепым, если бы не видел, что ей необходимо научиться драться — и поскорее.

Нельзя было утверждать, что у Жона отвисла челюсть. Однако молчание несколько затянулось, а потом он неохотно признал:

— Ну, это — первая разумная вещь, высказанная за последние десять минут, если подумать. И все же, парень, она могла получить травму. У Клонака было преимущество.

— Так я же говорю! — жалобно воскликнул Клонак. — Моего так называемого преимущества хватало ровно настолько, чтобы за ней успевать. — Он передернул плечами. — Не стану говорить, будто не смог бы ее вымотать, если бы дело дошло до испытания на выносливость. Но неприкрашенная правда, мастер Жон, в том, что она вполне могла бы выбить меня раньше, чем дело дошло бы до того, у кого запас сил больше! — Он упер руки в бока и вернулся Жону его негодующий взгляд. — Ну и пожалуйста, доноси моему тренеру!

— Ха! — Жон бросил взгляд в сторону. — Даав?

— Достаточно близко к моему собственному суждению, хотя полагаю, что Клонак напрасно беспокоился за свою голову. Мне казалось, что она метила ему в нос.

— Расквасила бы в спелую сливу! — пригорюнился Клонак. — И усы бы слиплись от крови.

— Ободрись, милый: автврач все поправил бы.

— Да, но, знаешь ли, — совершенно серьезно возразил Клонак, — это все равно больно!

— Одна из несправедливостей жизни, — объявил Жон и вздохнул. — И почему я позволил вам двоим сдать пилотирование, мне до сих пор непонятно. Как получилось, что ты стал вторым пилотом нашего преподавателя математики, юный капитан?

— Она попросила, чтобы я сопровождал ее во время тщательной проверки нового навкомпа и дублирующих устройств, — ответил Даав, бесшумно соскальзывая на пол. Он небрежно бросил мяч баули Клонаку, который поймал его за секунду до соприкосновения с пряжкой ремня. — Мы должны взлететь завтра, через час после рассвета.

— Если она сохранит такой темп, то получит подтверждение своей лицензии задолго до срока, — заметил Жон. — Ну что ж, удачного вам взлета.

Он направился к себе в офис.

— Хорошего полета, мастер Жон, — негромко отозвался Даав и бросил выразительный взгляд на Клонака. — Конец смены, дружище?

Пухленький разведчик вздохнул и кончиками пальцев разгладил усы.

— Наверное, ты прав, — согласился он, шагая рядом с Даавом к выходу из ангара. — Ну почему ты всегда прав, капитан?

— Ну, знаешь ли, мне представляется, что я часто ошибаюсь.

— Пугающее утверждение! Умоляю тебя, никому больше в этом не признавайся! Что до меня, то можешь не сомневаться в моем молчании: я унесу твою тайну с собой в могилу!

Выходная дверь открылась, и они вышли в сумерки. Клонак с шумом втянул в себя свежий воздух и с ухмылкой посмотрел на Даава.

— Пошли к Апель: я угощу тебя рюмкой вина.

Рюмка вина с Клонаком имела прискорбную тенденцию превращаться в много рюмок вина, а вечер — становиться настолько поздним, что его вполне можно было назвать ранним утром. Даав повел плечами и ответил на улыбку друга.

— В другой раз. Мне рано взлетать.

— Действительно! Ты напомнил мне, что я тебя ревную! — Клонак вскинул руку и направился прочь. — До скорой встречи, милый.

— Береги себя, Клонак.

Даав потянулся, наслаждаясь вечерним воздухом, а потом повернулся в сторону улицы Механиков, где стоял его автомобиль. «Мне рано взлетать», — подумал он и улыбнулся.

Ран Элд вошел в ее комнату, не потрудившись звонком оповестить ее о своем присутствии. Он давно обзавелся устройством, отключавшим кодовый замок на дверях Эллианы, и пользовался им, словно имел на то полное право. Она подозревала, что он также прослушивает ее якобы личную линию комм-связи, и потому давала всем только номер своего кабинета в техколледже.

Эллиана отключила считыватель и развернула рабочее кресло, поспешно вставая из-за стола. Она не имела желания, чтобы Ран Элд застал ее за чтением работы по земной культуре — или чтобы она оказалась запертой на своем месте за столом так, что Ран Элд нависал бы над ней.

Ее положение и без того было не слишком выгодным: она стояла спиной к столу, имевшему форму буквы «Г», а справа путь к отступлению отрезал книжный шкаф. Тем не менее она успела встать, а это уже было неплохо, сказала она себе, пока ее брат подходил все ближе и ближе, держа в узанной кольцами руке пачку распечаток.

— Добрый вечер, Эллиана. Как приятно застать тебя бодрствующей!

В его сладком голосе звучали обычные нотки злости, однако что-то в его интонациях говорило о том, что ему было бы гораздо приятнее, если бы ему пришлось поднять ее с постели.

Он небрежно взмахнул пачкой листков, направив ей в лицо холодный ветерок. Эллиана содрогнулась.

Ран Элд улыбнулся.

— Я получил сообщение о состоянии твоих инвестиций, сестрица. Позволь мне поздравить тебя с тем, что ты вовремя предоставила мне его. Увы, я должен сказать, что не убежден в превосходстве выбранного тобой фонда: похоже, он идет вровень с моим.

— Двенадцати дней для проверки недостаточно, — сказала Эллиана, ненавидя себя за дрожь в голосе. — Ты это знаешь.

— Вот как? Но, возможно, я просто забыл. Как глупо с моей стороны.

Он придинул бумагу ближе, прижав острый край к ее щеке. Эллиана отпрянула, но бумага последовала за ней — и острый край начал врезаться ей в щеку. Она застыла неподвижно.

— Я слышал, — спокойным тоном проговорил Ран Элд, — что ты взяла в привычку посещать игорные дома. Что даже после наставлений со стороны старших ты стремишься бывать в обществе разведчиков. То, что я слышал, — правда, сестра?

Край бумаги жег ей кожу. Одно быстрое движение руки ее брата — и ее щека будет расположена от края глаза до челюсти. Эллиана судорожно вздохнула и заставила себя встретиться с ним взглядом.

— Как я могу посещать игорные дома? — спросила она, заставив свой голос звучать униженно, на этот раз радуясь его презренной, трусливой дрожи. Иногда Ран Элд не наказывал ее — если ее униженность оказывалась достаточно забавной. — Мой заработка целиком поступает тебе, брат. И у тебя в руках свидетельство того, что происходит с моей квартальной долей.

— Действительно.

Он отвел бумаги в сторону, бросил на них взгляд — и посмотрел на нее.

— Я вижу, что копия адресована Делму. Почему?

— Я... Я просто решила, что это было бы подобающей процедурой, — выдохнула она. — Ведь все предприятие было начато по Слову Делма. Я... я не имела в виду обиды, я только хотела сделать все как надо.

Последовала новая пауза, мучительная для ее натянутых нервов.

— Лучше перестараться в правильном действии, чём не отдать полного долга, — признал наконец Ран Элд, хотя, похоже, собственное суждение ему не понравилось. — Я предупреждаю тебя, что в дальнейшем посыпать доклады Делму не нужно. Ты меня поняла?

Она трусливо наклонила голову, благословляя упавшую на лицо завесу волос.

— Я понимаю тебя, брат.

— Отлично. Относительно того первого вопроса — изволь смотреть на меня, Эллиана.

Пытаясь справиться с подступающим к горлу ужасом, она подняла голову. Боги, а что, если в казино Квенпалта ее видел кто-нибудь из друзей Ран Элда? Что, если до его ушей все-таки дошел рассказ о ее выигрыше? Ее корабль... Нельзя, никак нельзя, чтобы Ран Элд...

— Я снова спрашиваю тебя сестрица, играла ли ты в казино. И не приобрела ли ты случайно... космический корабль, когда играла в азартную игру с лордом из Высокого Дома Солсинтры?

— Корабль? — Она уставилась на него, пытаясь выглядеть полной идиоткой. — А что бы я стала делать с космическим кораблем?

Взгляд Ран Элда буквально буравил ее. Каком-то образом она вынесла это, ощущая тяжесть ключей от «Полосы удачи», холодивших ее намокшую от пота грудь.

— Я так и подумал, что это — пьяные бредни, — проговорил он наконец, отводя взгляд от ее лица.

Все ее силы до последней капли ушли на то, чтобы не привалиться к столу и не зарыдать от облегчения, хотя она все-таки решилась снова опустить голову, чтобы занавеска волос закрыла ее лицо. Возвышаясь над ней, Ран Элд вздохнул:

— Ты не забыла, какую инструкцию получила относительно разведчиков, Эллиана?

— Я... я должна только обучать тех разведчиков, которые записались на мой курс, — хрипло проговорила она, — и избегать контактов с ними во все оставшееся время.

— Совершенно верно. Я предупреждаю тебя, сестрица, что тебе придется очень и очень плохо, если я обнаружу, что ты игнорируешь эту инструкцию. Разведчики — неподходящее общество для члена Клана Мицел — даже если это всего лишь ты. Ты меня поняла?

— Поняла, — прошептала она, ощущив внезапное желание увидеть в эту же секунду всю команду «Бинджали» и особо возблагодарить судьбу в том случае, если в их числе окажется Даав или коренастый Жон дэ-Корт.

— Прекрасно, — проговорил Ран Элд, возвращая ее в унылую реальность. — Я пожелаю тебе доброй ночи, сестра. Спокойных снов.

Она приподняла голову, чтобы видеть, как он идет через комнату и проходит в дверь. Затворившаяся створка словно ножом перерезала нити страха, которые удерживали ее на ногах.

С сухим рыданием она рухнула на колени, закрыв ладонями лицо. Свернувшись под столом в клубок, она долго не могла унять дрожь.

Глава восемнадцатая

Сегодня вечером мы подписали окончательный текст контракта. Хотя они еще подавятся Правосудием Капитана. Глупые планетники. Откуда нам знать, сколько времени будет длиться полет — при условии, что нам вообще удастся вырваться? Откуда нам знать, остались ли вообще планеты, на которые можно было бы бежать? В подобных ситуациях закон всегда должен быть чей-то один голос, а не дурацкий комитет. И закон должен быть в пользу корабля и наибольшего блага. Капитан может быть только один. Один голос. Один закон. Для того, чтобы у корабля были наилучшие шансы выжить.

Из Вахтенного журнала Канtry йос-Фелиум

В порту Солситры шел дождь.

Эллиана бежала под ливнем, не ощущая, что промокла: ее кровь подогревала радость, превращавшая Клан Мицел в крошечную точку, а Ран Элда Кэйлона — в неприятное ощущение, оставленное ночным кошмаром.

Здесь, в мире бодрствования, у корабельного трапа она вскоре встретится со своим вторым пилотом, и сама Лиад тоже останется позади, сведется к математической необходимости, одному из множества факторов, которые надо ввести в уравнения пилотирования.

Она добралась до площадки «Полосы удачи», обогнула угол, скрывавший от нее конец трапа, — и чуть не закричала в голос. Отчаяние заставило ее резко остановиться.

У конца трапа ее не ждала высокая стройная фигура, чьи плечи были усыпаны блестящими, как драгоценные камни, дождевыми каплями. Эстакада была пуста от площадки до люка. Эллиана судорожно сглотнула, начав дрожать под холодным ливнем, и прошла остаток пути на заплетающихся от разочарования ногах.

Слева вдруг возникло какое-то бесшумное движение. Эллиана стремительно повернулась — и из-под трапа вынырнул

Даав. Воротник его кожаной куртки был поднят для защиты от сырости, изящные пальцы жизнерадостно заплясали знаками приветствия.

Облегчение нахлынуло головокружительной волной, заставив ее громко рассмеяться, отбрасывая промокшие волосы с лица.

— Да уж, совершенно прекрасное утро! — вслух ответила она на его молчаливое приветствие. — Я решила, что ты обо мне забыл!

— Нет, у меня превосходная память, — серьезно отозвался он. — Даже Жон это за мной признает. — Он тяжело вздохнул и сгорбил плечи, изображая преувеличенное раскаяние. — Виной твоему огорчению стала моя прискорбная избалованность, за что я приношу низайшие извинения.

Все еще кружась на волне радости, Эллиана улыбнулась и наклонила голову, пытаясь понять, что кроется за озорным взглядом черных глаз, в чем суть его шутки. Но уже в следующую секунду она отказалась от попытки и прервала контакт с глазами, которые слишком легко читали ее чувства, оставаясь при этом загадкой для нее самой.

— Избалованность? — переспросила она.

— Ну, видишь ли, — признался он, проскальзывая мимо нее и бесшумно взлетая вверх по трапу, — мне гораздо больше нравится быть сухим, а не мокрым.

Она подавилась новым приступом смеха и пошла следом за ним, вытягивая ключи, висевшие у нее на шее на цепочке, и снимая их через голову.

— Меня удивляет, что мастер дэ-Корт позволяет работать на него человеку, который так любит комфорт.

— Еще бы тебе не удивляться, когда мастер дэ-Корт и сам этому удивляется? Часто. И громко.

Она чуть было не рассмеялась снова, но ее смех погасила тонкая дрожь тревоги. Площадка перед люком была очень узкой, и Даав при всей его стройности занял немалую часть ее пространства. Чтобы открыть замок люка, Эллиане придется практически прижаться к его груди.

Казалось, Даав ощущал ее неуверенность всем своим телом: он развернулся на трапе боком и развел руки. Одной

рукой он ухватился за поручень, а другую прижал к корпусу корабля. Широко улыбнувшись, он наклонил голову.

— Твоя защита от дождя, пилот. Поспеши, умоляю тебя, иначе я весь вымокну!

Она проскользнула мимо него, ощущая его близость у себя за спиной, словно солнечное тепло. Подняв щиток, она вставила в паз первый ключ. Зажегся пульт идентификации. Она ввела свой код и вставила второй ключ. Раздался тихий щелчок, и дверца люка начала подниматься вверх.

Эллиана вытащила ключи и осторожно повернулась на площадке, наклонив голову и вымученно улыбнувшись.

— Быстрее, пока ты не промок насеквоздь.

— Пилот идет первым. — Даав остался на месте и только выгнул бровь. — Я хорошо усвоил правила.

«Пилот идет первым».

Эллиана заморгала, наслаждаясь звучанием этих слов, а потом сделала глубокий вдох и шагнула в корабль, заставив себя расправить плечи.

Даав вошел следом за ней. Наружная дверца люка опустилась, и у них за спиной щелкнул замок.

Впереди него Эллиана застыла у внутренней двери люка. В ее позе он почувствовал настороженность, которая не имела никакого отношения к страху, и в одном из свойственных ему озарений понял, что Эллиана замерла на краю пропасти, имя которой — перемены. Здесь и сейчас она расставалась с чем-то давним и сильным и одновременно протягивала руки к чему-то новому и бесконечно драгоценному.

Он осторожно перевел дыхание и заставил себя сохранять полную неподвижность, чтобы не отвлечь ее в этот момент от самого рискованного шага.

Он решил, что она, по-видимому, готова принять свои способности, свой корабль и своих товарищей. Еще он пришел к заключению, что этот момент перемены был каким-то образом спровоцирован тем, что он прятался под трапом. Это было довольно ясно видно по тому, как она была разочарована, увидев пустой трап, и какое радостное облегчение почувствовала при его появлении. Даав не знал, заметила ли она, что уже разговаривает с ним в товарищеской модальности.

В обрамлении внутреннего люка Эллиана наконец пришла в движение — и обернулась к нему.

— Ты не проведешь проверку систем, пока я буду сушиться? — спросила она так, как это мог сделать только товарищ.

Она протянула ему корабельные ключи на двух цепочках — короткой и длинной. Даав шагнул вперед и с улыбкой принял их у нее.

— Конечно, проверю.

— Спасибо.

Она шагнула из коридора в кабину пилотов, а потом направилась налево. Мокрая одежда тяжело обвисала и липла к телу, демонстрируя формы, которые призвана была скрывать. Даав повернулся налево, перебирая ключи в поисках того, который подходил к пульту...

— Даав?

Она впервые произнесла его имя. Интуиция его не подвела! Он повернулся, стараясь, чтобы его движения оставались мягкими, и улыбнулся.

— Да, Эллиана?

Она сделала несколько шагов навстречу ему. В пальцах протянутой руки что-то блеснуло серебром.

— Я... унесла твоё кольцо для волос... вчера вечером...

— А! — Он поднес руку к стянутым сзади волосам. — Как видишь, у меня есть еще одно. И, похоже, вчера ты применила его с немалой пользой. Будь добра, оставь его себе. — Он позволил себе широкую улыбку. — Клонак может потребовать матч-реванш, знаешь ли.

Ее глаза вспыхнули, губы изогнулись в улыбке, пальцы сомкнулись вокруг пустячного подарка.

— Спасибо, — снова сказала она и замялась, склонив голову к плечу. — А как там Клонак? Жон не...

— Смертельных ран не было, — жизнерадостно объявил он. — Клонак обладает умением доставать, против которого нет иммунитета даже у Жона.

По ее лицу промелькнула улыбка, которая уже через секунду исчезла. Не добавив больше ни слова, она повернулась

и ушла в глубь коридора. Выждав мгновение, Даав прошел к пульту и уселся в кресло второго пилота.

Толстая рубаха отказывалась отдавать впитавшуюся в нее влагу.

Эллиана, которую освежитель в каюте пилота одновременно согрел и высушил, неуверенно потрогала мокрую бежевую ткань.

С остальными предметами одежды автокамердинер спривился великолепно, выдав их наружу отглаженными и мягко благоухающими жасмином.

«Хотел, чтобы все было бинджали, этот чел-Мара», — подумала она с невольным восхищением, натягивая черные брюки, простую майку и белую повседневную рубашку, отделанную поблекшей от времени зеленою лентой. Все предметы одежды были не новыми и сидели на ней не слишком хорошо. По правде говоря, из-за отсутствия верхней рубахи брюки пришлось сильно затянуть на талии ремнем, чтобы они хоть как-то держались на месте. Рубашка, подаренная Сайнит на какой-то давний день именования, имела широкие рукава, собранные на манжеты с зеленою отделкой, и свободный покрой, хотя шелк в некоторых местах упрямо прилипал к телу.

Однако главным в ее костюме была верхняя рубашка. Она взяла за правило всегда носить этот предмет одежды: рубашка была ее кольчугой, ее убежищем, ее стеганым плащом-невидимкой.

И она висела в ее пальцах, холодная и мокрая, словно дюжина свежепойманных рыб.

Эллиана закусила губу. Автокамердинеру удалось просушить даже ее сапожки, которые вернулись к ней ярко начищенными, с заново выровненными каблуками. То, что самый нужный предмет оказался...

— Диспетчерская дала нам разрешение на взлет, пилот, — прозвучал из динамика голос Даава. — Они ждут, чтобы мы сообщили им наш маршрут.

— Я приду... через секунду, — с трудом выдавила она и, не дожидаясь его ответа, снова повернулась к автокамердинеру, открыла его дверцу и запихнула внутрь мокрую рубашку.

Выбрав на пульте режим «усиленная сушка», она захлопнула дверцу и снова повернулась, оказавшись перед зеркалом.

Теперь это было не чудо, рассчитанное на перегрузки, а простой квадрат отполированного металла, в котором отразилась болезненно худая женщина в мешковатых брюках и поношенной шелковой рубашке. Высущенные под сильной струей воздуха волосы неопрятными прядями свисали на лицо.

Эллиана пальцами расчесала наэлектризованные шевелюру, собрала ее на затылке и прочно прихватила кольцом Даава.

Женщина в зеркале колебалась еще долю секунды, напряженно приподнявшись на цыпочки. Ее худое тело трепетало, широко распахнутые глаза ярко выделялись на тонком бледном лице.

А потом она наклонила голову, тихо сказала себе: «Удачи, пилот», — и вышла.

Кружка чая на подлокотнике ее кресла испускала ароматный парок. Рядом с ней лежал пончик с сыром. Даав, откинувшись в кресле второго пилота и вытянувшись перед собой длинные ноги, повернулся к ней, доедая свой пончик. Серебряная петля у него в ухе весело закачалась.

— Надеюсь, ты не против сыра, — извиняющимся тоном проговорил он. — Право, я собирался заказать только для себя, но так уж получилось, что палец у меня соскользнул и автоповар выдал два пончика!

Эллиана внимательно посмотрела на него.

— Хотела бы я посмотреть, как у тебя пальцы соскальзывают, — решила она после секундного размышления.

Даав ухмыльнулся.

— Увы, это бывает даже слишком часто. Я страшно неуклюжий!

— Не сомневаюсь, что это даже Жон подтвердит, — совершенно серьезно согласилась она, усаживаясь в свое кресло.

Она взяла чашку и, нахмурив брови, заглянула в ее красноватые глубины.

— Интересно, — подумала она вслух, — почему разведчики так любят всех кормить?

— Ну, видите ли, нас приучают уважать оперативность и устранять все то, что может помешать результативной работе. Наблюдения показывают, что человек, у которого вес тела значительно ниже оптимального, имеет пониженную работоспособность. Такие люди подвержены утомлению, нечетко мыслят и поддаются приступам страха, что не только снижает эффективность их работы, но и представляет реальную угрозу безопасности.

Она изумленно подняла голову — и встретила взгляд очень серьезных черных глаз.

— Пилот следит за своей физической формой, — проговорила она, цитируя правила Гильдии.

Даав наклонил голову.

— Конечно, — тихо согласился он. — И долг второго пилота — следить за тем, чтобы первый пилот был здоров. А товарищу положено отвечать заботой на нужды другого.

— Понимаю. — Она вернула чашку на широкий подлокотник и взялась за пончик. — Я очень долго была... в стороне от жизни, — сказала она, разламывая булочку и вдыхая сырный аромат. — Может быть, пока я ем, ты скажешь мне, нет ли у тебя каких-то идей насчет того, как лучше всего проверить работоспособность навигационного компьютера?

— У меня их даже несколько, — с готовностью отозвался он. — Но сначала ты должна сказать мне, сколько у тебя времени.

Эллиана посмотрела на часы на пульте, а потом — на своего второго пилота.

— Двенадцать часов.

— О! — с улыбкой проговорил он. — Ну, в этом случае...

Глава девятнадцатая

За год по стандартному календарю статистически значимое количество пилотов оказываются экз-ликти — невернувшимися. Некоторые из них наверняка становятся жертвами постоянно присутствую-

ищих в их деятельности опасностей, но есть основания полагать, что большинство из них просто находят такую планету, которая подходит им больше, чем их родная, и решают там остаться.

Некоторые авторы утверждают, что разведчики, ставшие экликти, — это самые успешные разведчики из всех.

Из книги «Все о лиадийских разведчиках»

Лиад повисла на ее третьем экране сверкающим магическим шаром, пойманном в плотную сеть движения на ее орбитеах. Четвертый, пятый и третий доки, зависшие на краю этой сети, также присутствовали на экране — но на удовлетворительном удалении. От края прыжкового пространства «Полосу удачи» отделял только первый маяк — и станция Разведки.

Эллиана вздохнула.

— Устала, пилот?

— Нисколько, — отозвалась она, разворачивая кресло так, чтобы встретиться с улыбкой своего второго пилота. — Я просто думала о том, как... приятно было бы продолжить полет.

— Невероятно приятно, — согласился Даав, и его улыбка стала чуть кривой, — и очень соблазнительно. Лиад время от времени начинает действовать на нервы.

Он протянул руку со следом кольца, которое он почему-то не носил, и блокировал свой пульт.

Эллиана прикусила губу и подняла руки, чтобы ввести последние команды на свой.

— Ты... вышел в отставку... уже очень давно? — спросила она о том, что ее совершенно не касалось.

— Шесть лет назад, — ответил Даав так, словно ее вопрос был вполне естественным. — А до этого десять лет работал.

— Клонак... Клонак называет тебя капитаном, — напомнила она ему так, словно он мог этого не заметить.

Даав рассмеялся.

— Ну, Клонак — странное создание, что вынуждены признать даже те, кто его любит. На самом деле я был руководителем группы, хотя в тот момент он почти не удостаивал меня

такого обращения. И, — доброжелательно добавил он, — пока ты не вывихнула себе язык, пытаясь не задать следующий вполне закономерный вопрос: капитан-разведчик, специализировавшийся по культурной генетике.

Она быстро подняла на него взгляд.

— Я прошу меня простить, — проговорила она, чувствуя, как к ее щекам приливает жар. — Меня учили, что невежливо спрашивать у... у...

Она беспомощно замолчала. «Посторонний» было тем словом, которое она готова была произнести, однако оно тут не годилось. Да и слово «неродич», которым она могла бы его заменить, тоже не было более точным. По правде говоря, она скорее могла получить поддержку и точные сведения от «постороннего» Даава, чем от Ран Элда.

— Что соответствует Кодексу и очень верно — в своем месте и в свое время, — отозвался Даав, легко поднимаясь на ноги. — И этим местом будет так называемое общество воспитанных людей. Но ты имеешь полное право меня спрашивать, Эллиана. Я — твой второй пилот и твой товарищ. Совершенно необходимо, чтобы ты мне доверяла, поскольку в какой-то момент мне может понадобиться принять решение от твоего имени. Если ты считаешь, что я могу поступить не так, как это сделала бы ты, то тебе следует узнать об этом как можно быстрее.

Она несколько долгих секунд смотрела на него, а потом со вздохом встала.

— Я решусь утверждать, что ты в любом случае не станешь поступать так, как я, — медленно проговорила она. — Но я предпочту доверять твоему суждению, а не своему собственному.

— Тогда ты — не пилот.

Она вздрогнула, возмущенно выпрямилась и скжала кулаки.

— Я — пилот! — вскрикнула она так, словно эти слова вырвались из самого ее сердца. — Года не пройдет, как я освою прыжки!

Даав выгнул бровь.

— Допускаю, — проговорил он с холодной и отстраненной вежливостью, которая очень напомнила ей леди пел-Рула. —

Однако должен признать, что еще не встречал ни одного прыжкового пилота, который ставил бы чужое суждение выше своего собственного, если речь идет о его собственном корабле.

Она возмущенно посмотрела на него, но в памяти у нее зазвучал ее собственный голос: «Я не желаю услышать, что кто-то из моих учеников погиб по глупости...»

Она осторожно перевела дыхание.

— Мастер-пилот! — сказала она.

Даав наклонил голову.

— Да, пилот?

— Я стараюсь быть хорошей ученицей, — официально заявила Эллиана и поклонилась ему так, как ей мог бы поклониться кто-нибудь из ее учеников: выражая уважение к дающему знания. — Я много лет находилась вдали от мира. Эта информация сообщается не для объяснения ошибки, а как подсказка для оценки инструктора. Возможно, я недостойна внимания инструктора. И мне определенно нужно еще очень многому научиться.

— Но только не в том, как следует резко осаживать собеседника! — Обе брови Даава взметнулись к самым волосам. Он вскинул свою непонятно почему лишенную кольца руку, чуть согнув пальцы. — Давай мириться, Эллиана, пожалуйста! Я обещаю больше не заноситься.

Она недоуменно уставилась на него.

— Но... но ты же был абсолютно прав, — пролепетала она. — Мне необходимо освоить меланти пилота, и как можно скорее! Иначе что получится, если я окажусь за пределами пространства Лиад и смогу руководствоваться только своими соображениями? Я читала, что в космосе существует множество самых странных обычаев. Когда я и мой корабль столкнемся с чем-то подобным, а решение необходимо будет принимать так, чтобы спасти корабль...

Она резко замолчала, ощущая, как отчаянно колотится ее сердце.

— Твой корабль — это твоя жизнь, — мягко проговорил Даав таким тоном, словно повторял чьи-то слова.

— Да. — Она прерывисто вздохнула. — Да, именно так.

— Вот почему чел-Мара был глупцом! — Он улыбнулся и склонил голову к плечу, сверкнув серебряной серьгой. — Ну, мы помиримся, Эллиана, или я нахожусь в черной немилости?

Его изящные пальцы протянулись ей навстречу.

Она медлила, ощущая в желудке привычный ком страха. Испытание... Стиснув покрывающиеся холодным потом руки, она смотрела на протянутую ей руку и думала о том, что Даав снова не ошибся. Как она может думать, будто у нее хватит отваги оставить клан, родичей и свою планету — хватит смелости для того, чтобы выжить среди незнакомых обычаев, — если она даже не решается протянуть руку и прикоснуться к руке товарища?

Это было трудно. Ее отчаянно протестующим, обученным болезненными уроками чувствам казалось, что целый день ушел только на то, чтобы шагнуть к нему, дюжина дней — на то, чтобы поднять руку, и еще одна — чтобы вытянуть ее вперед, а потом еще релямма на то, чтобы сомкнуть пальцы вокруг его руки и ощутить теплое ответное пожатие. И к концу этого мучительно долгого срока она уже дрожала всем телом, и ноги у нее подгибались так сильно, что она едва могла стоять.

— Я прощен! — Голос Даава был веселым. Он плавно повернулся и потянул ее с собой, на другую сторону кабины. — Думаю, ты готова перекусить перед тем, как продолжить.

— Перекусить? — переспросила Эллиана. Она встряхнулась и с ужасом заметила, что вцепилась в руку Даава с такой силой, что ее собственным пальцам больно. — Спасибо, но я... по-моему, мне не хочется есть.

— Да, — спокойно согласился он. — Знаю.

Только когда он усадил ее в крошечной буфетной и мягко отнял у нее свою руку, чтобы набрать меню на автоповаре, ей пришла в голову довольно страшная мысль.

— Даав?

Он повернул голову.

— Да?

— Я... — Она пристально уставилась на свои стиснутые руки, снова и снова прослеживая взглядом сложные линии

своего кольца-головоломки, и сильно закусила губу. — Ты — Целитель?

— А!

Он оставил меню и облокотился на столик, накрыв ее руки ладонью. Когда она стремительно подняла на него глаза, он ей улыбался.

— У меня высокий уровень эмпатии, — мягко проговорил он, — но я — не Целитель. — Он внимательно заглянул в ее глаза. Его взгляд оставался серьезным. — Мне пригласить к тебе Целителя, Эллиана?

Такое предложение не было неуместным — со стороны товарища. Эллиана сморгнула слезы и отвела взгляд.

— Спасибо, не нужно. Мне... мне кажется... что уже поздно. Если бы это и следовало сделать, то много лет тому назад. Я просто спросила. Мне показалось, что ты такой...

— ...Настырный, — жизнерадостно сказал Даав, с улыбкой отступая от столика. — Случай печальный, но... разведчики, знаешь ли. Ты будешь с салатом суп или только булочку?

Она воззрилась на его спину, разрываясь между досадой и смехом.

— Только булочку, с твоего разрешения.

Конечно, нечего было и надеяться на то, что она получит только булочку и чашку чая: Эллиана совершенно не удивилась, когда через несколько секунд перед ней оказалась довольно большая порция салата, а к нему — сыр и хлебец.

Даав, который добавил к салату еще и суп, с аппетитом принялся за еду. Эллиана взяла в руку щипчики.

— Как ты выучила беззвучный язык?

Эллиана моргнула — и подняла глаза от своей почти опустевшей тарелки.

— Я обучаю разведчиков, — ответила она, слабо улыбнувшись. — А мысли разведчиков, как ты сам прекрасно знаешь, часто направлены на какое-нибудь озорство. Я выучила его из чувства самосохранения, просто наблюдая за ними. — Она повела плечами, отметая его восхищенный взгляд. — Когда я наконец догадалась, что мелькание пальцев на занятии представляет собой какой-то язык, то до понимания оставалось совсем немного. И этим мои познания ограничиваются.

— А сама ты не пыталась на нем разговаривать?

— О нет! — ответила она, снова переводя взгляд на тарелку и перекладывая щипчики. — Я была бы безнадежно неуклюжей, сам знаешь.

— Видев, как ты обращаешься с пультом управления — не говоря уже о том, как играешь в баули, — довольно сухо заметил Даав, — я ничего подобного не знаю. Это полезный язык, а научиться ему поразительно просто. Гораздо проще, чем земному.

— Который мне тоже необходимо освоить, — вздохнула Эллиана, сутуясь.

Ей необходимо получить лицензию первого класса, овладеть земным, приобрести иммунитет к странным обычаям, заработать начальный капитал и заручиться рекомендациями, и все это время надежно скрывать от Ран Элда свой корабль и товарищей...

— У тебя всего год? — спросил Даав.

Она вздрогнула, испугавшись того, что он настолько близко следовал за ее мыслями, но сразу же расслабилась и улыбнулась.

— Самое большее, — ответила она и снова повела плечами. — Обязательно нужно уложиться в год. Возможно, мне понадобится отказаться от семинара.

— Ох нет! Это было бы жестоко. Если Лиад предстоит тебе потерять, то по крайней мере позволь еще одному выпуску разведчиков воспользоваться твоими знаниями.

«Чрезвычайно высокий уровень эмпатии», — подумала Эллиана с новым пониманием того, что под этим подразумевается. — И его подкрепляет наблюдательность разведчика. Неудивительно, что он плохо себя чувствует в светском обществе». Она снова подняла взгляд на своего собеседника.

— Ты что-нибудь знаешь о планете под названием Пустошь?

— Да. И не знаю ничего хорошего, — прямо заявил Даав. — Если это туда ты хочешь отправиться и ради этого намерена учиться, то лучше бы тебе было остаться на Лиад.

— Некоторое время тому назад у меня была мысль... что придется направиться именно туда, — призналась она. — До

«Полосы удачи». Теперь планы... изменились. Но мне было интересно.

— А! — Даав допил чай и отставил чашку в сторону. — Тебе нужен Зал Планет в Академии Разведки. Напиши заявление на имя командующего с просьбой предоставить тебе возможность там позаниматься.

Она неуверенно спросила:

— А ты считаешь...

— Твое имя в Академии ценится выше кантр, Эллиана, — сказал Даав, отодвигаясь от стола и собирая грязную посуду. — Жон уже тебе говорил.

— Да, говорил.

Она встала, собрала остатки своей трапезы и отправила их в мусоросборник и только потом повернулась к своему высокому второму пилоту.

— Да, кстати, — проговорил этот господин с невинным выражением лица, которого она уже начала опасаться, — тебе не хочется попробовать прыгнуть?

У нее екнуло сердце, а в голове начали мелькать ряды цифр.

— Но гравитация...

— Была бы серьезной проблемой, если бы мы попытались совершить настоящий прыжок. Но я предлагаю малый прыжок, или козырь контрабандиста, как его называл мой пилот-инструктор. Мы на секунду выходим из пространства, едва задеваем гиперпространство и возвращаемся. В таком режиме гравитация...

— Гравитация служит якорем и катализатором! Поняла! — прервала его Эллиана, перед мысленным взором которой проплывали яркие, безупречные числа.

Она жадно посмотрела на Даава:

— А можно...

— Давай свяжемся со станцией Разведки и получим у них разрешение. Однако — не прими это как сомнение в твоих способностях — я займу место первого пилота.

— Да, конечно, — согласилась Эллиана и почти бегом бросилась в кабину пилотов.

* * *

Станция Разведки дала им разрешение с жизнерадостным равнодушием, посоветовав «хорошо прокатиться». Даав умыльнулся и отключил связь. А потом он отключил и обязательный канал общей связи.

— При прыжке — никакой связи, — пробормотал он, стремительно пробегая пальцами по пульту управления. — Прошу передать управление мне.

Она перевела управление на него — и вздохнула, когда ее экраны погасли.

— Терпение, дитя, — укорил он ее.

Эллиана не успела запротестовать по поводу такого обращения, как ее экраны снова загорелись, а индикаторы пульта замигали.

— Твой пульт подключен к моему. Все ручки, которые я буду поворачивать, каждая цифра, которую я буду вводить, — все будет отражено на нем, чтобы ты могла интересоваться. Так годится?

Еще бы она не будет этим интересоваться.

— Годится, — согласилась она, жадно глядя на пульт.

Даав рассмеялся. Перед Эллианой индикаторы пульта разгорелись ярче, потускнели, снова вспыхнули ярко, замигали... Поток цифр, словно река в половодье, хлынул через экран. Навкомп держался: работал ровно, с точностью до пятого десятичного знака. Станция Разведки начала перемещаться с третьего экрана на четвертый, потом на пятый. Ее очертания вытянулись за счет ускорения корабля, а потом исчезли с седьмого экрана. Маяк предупреждения выплыл на первый экран, направился ко второму...

Корабль содрогнулся, экраны стали серыми. Навигационный компьютер запищал и отключился.

— Прыжок сделан.

Голос Даава был таким же спокойным, как всегда, но Эллиане показалось, что она различила в его мягком плетеении отголоски яркой, необузданной радости.

В нижней части главного экрана красные цифры вели отсчет времени. Минута и шесть, минута и девять, минута и

двенадцать... Цифры бешено неслись по экрану, данные так и мелькали... Одна минута и пятнадцать...

Навкомп снова запищал и ожил. Глаза корабля открылись, показав им уменьшившийся в размерах шар их родной планеты. Эллиана проглотила нечто прискорбно похожее на проклятие, и ее рука сама потянулась к пульту, требуя объяснений от главного компьютера. Объяснений не последовало, естественно: ее пульт был по-прежнему подключен к пульту первого пилота.

— Но...

— «Козырь контрабандиста», не забыла?

Он даже не пытался скрыть свое ликование. По-мальчишески ухмыльнувшись, он театральным жестом включил канал общей связи, впустив в корабль бормотание занятой делом вселенной.

— Но как мы... как могли...

Она резко замолчала, осознав, что даже не может точно сказать, где они находятся — только то, что они вне диапазона портовой диспетчерской, вне диапазона станции Разведки, за маяком...

— Ах, гиперпространство! — весело воскликнул Даав. — Мы не проходим насквозь, мы проходим между. Гравитация дает отличное ускорение, хотя и короткое.

Она возмущенно посмотрела на него. Теперь, когда уже было слишком поздно, в ней проснулась подозрительность.

— Где мы? — угрожающе спросила она.

— Ах, мои отвратительные манеры!

Его руки снова легли на пульт, передавая управление ей. Она моргнула, поспешно приняла управление, прочла цифры — и поняла, что ничего из них не почерпнула. Она раздраженно включила главный компьютер, вызывая внесенную в его память данные о курсе...

— Боюсь, что этого там нет, — извиняющимся тоном проговорил Даав. — Это все моя неуклюжесть!

— Ты стер запись в компьютере?

Она уставилась на него с нескрываемым недоверием, вспоминая при этом, как его пальцы плясали по пульту. Так стремительно, так... уверенно.

Он печально вздохнул:

— Увы!

— Еще один урок, мастер-пилот?

— Ты же сама, — напомнил он ей, — говорила о необходимости ускоренного обучения. Только подумай, Эллиана, насколько большие возможности для практического применения твоих знаний дает эта ситуация!

— Да неужели?

— О, просто потрясающие! — заверил он, не реагируя на ее иронию. — Да ведь когда ты выяснишь, где именно мы находимся, рассчитаешь маршрут возвращения и доставишь нас домой, ты уже будешь на полпути к тому, чтобы получить подтверждение своей лицензии!

Она взорвалась на него, и ее подозрительность сменилась страхом — или, может быть, предвкушением.

— Я должна доставить нас домой? Без помощи?

Даав демонстративно скрестил руки на груди.

— Ну, ты ведь не думаешь, что это я поведу корабль обратно, правда? Я свое дело сделал. Я привез нас сюда.

Он закрыл глаза.

Эллиана перевела дух.

— Ты просто...

Ей не хватило слов.

— ...невыносим! — услужливо подсказал Даав, не потрутившись открыть глаза.

Она протяжно выдохнула: это мог быть вздох возмущения или смешок. А потом она резко развернула кресло, включила пульт и начала выяснять, где же все-таки они находятся.

Глава двадцатая

Любой человек, обладающий меланти, должен стремиться к тому, чтобы подчинить свои личные особенности потребностям клана. Человек с безупречным меланти не будет ставить перед собой ни одной цели,

не будет предпринимать ни одного действия, которые могли бы вызвать неудовольствие его клана.

Из Лиадийского Кодекса достойного поведения

— Ваша милость проявили необычайную любезность, дав себе труд встретиться со мной в такой час.

Рыжеволосый человек низко поклонился.

Ран Элд высокомерно наклонил голову и сел первым, как и полагалось человеку с его положением. Рыжеволосый мужчина сел напротив него.

— Вина, ваша милость?

— Благодарю вас, — отозвался Ран Элд.

Когда ему была налита рюмка канарского, он взял ее, пригубил — и вздохнул.

Ран Элд любил все первоклассное: первоклассное вино, первоклассные драгоценности, первоклассных приятелей. Мужчина, сидевший напротив него, принадлежал к этой последней группе... по крайней мере до недавнего времени. Надо признать, что в последнее время Сан бел-Фазин стал смертельно скучен.

— Надеюсь, ваша милость наслаждается своим привычным превосходным здоровьем?

Ран Элд снова наклонил голову.

— Я в полном здравии.

— И очаровательные сестры вашей милости тоже здоровы?

Рыжеволосый мужчина ни разу не встречался с сестрами Ран Элда, но с самого начала счел необходимым считать их очаровательными.

— Мои сестры здоровы, — признал Ран Элд и позволил себе еще один глоток вина.

— А ваша почтенная матушка, Делм... Она, конечно же, находится в полном здравии?

— Моя мать процветает, благодарю вас.

— Превосходно, превосходно! Тогда у меня не будет проблем встретиться с ней по моему небольшому вопросу.

Ран Элд застыл, не донеся рюмки до рта.

— Прошу прощения?

Бел-Фазин плавно развел руками.

— Ну, по поводу такой мелочи, как двадцать кантр, которые я ссудил вашей милости в прошлую релюмму. Вы ведь об этом помните?

— Двадцать кантр? — Ран Элд одарил рыжеволосого своим самым ледяным взглядом. — Вы, конечно же, ошиблись. Размер моего долга — четыре кантры.

— Четыре кантры были первоначальной ссудой, — хладнокровно согласился Сан бел-Фазин. — Плюс двадцать процентов за двенадцатидневку, плюс штрафы.

— Штрафы? Какие штрафы?

— Стопроцентная надбавка в конце каждой двенадцатидневки, прошедшей без оплаты, — моментально среагировал бел-Фазин и ответил на возмущенный взгляд Ран Элда таким угрожающе холодным взглядом, что наделм содрогнулся. — Ваша милость подписали соглашение.

Он его действительно подписал — и квартальная доля Эллианы предназначалась на уплату именно этого долга чести. И Ран Элд снова с бешенством вспомнил, что по Слову Делма он вынужден был передать эту сумму Эллиане. А другого способа получить из жалких средств Дома четыре кантры ему найти не удалось...

— Когда мне было бы удобно посетить вашего Делма? — вежливо осведомился бел-Фазин.

Ран Элд вернул на стол свою рюмку: от вкуса канарского его вдруг затошило. Двадцать кантр! Боги...

— Вам совершенно не обязательно наносить визит Главе Мицела, дружище бел-Фазин.

— Увы, ваша милость: это совершенно обязательно. Если только...

Ран Элд поднял голову. Надежда заставила болезненно сжаться его сердце и легкие.

— Возможно, ваша милость сочтет возможным поставить перед своим Делмом другой вопрос?

— Какой именно?

Бел-Фазин с улыбкой пригубил вино. Ран Элд заскрипел зубами и позволил молчанию затянуться, хотя это было мукою для его напряженных нервов.

— Насколько мне известно, Мицелу принадлежит некое... кожевенное предприятие?

«Кожевенная мануфактура Судди» была самым доходным из трех предприятий, которыми владел Клан Мицел. К сожалению, это предприятие клана было и самым старым и остро нуждалось в модернизации.

Ран Элд наклонил голову.

— Это так.

— А! Тогда, возможно, вы смогли бы... убедить своего Делма в... целесообразности... введения в дело нового партнера.

«Судди» было свободной собственностью. Ран Элд подумал, что его Делм ни в коем случае не согласится... Он поймал на себе холодный взгляд Саны бел-Фазина и судорожно вздохнул.

«Двадцать кантр с двадцатью процентами и стопроцентным штрафом каждую...»

— Я переговорю с Главой Клана, — по-официальному сухо ответил Ран Элд рыжеволосому мужчине.

Он взял рюмку и одним глотком допил ее содержимое.

Они оказались в центральной части порта, между Виртуальной аркадой и Зоологическим музеем. Уже наступил вечер, и тротуары были заполнены спешащими незнакомцами. В основном это были лиадийцы, но встречались и земляне: шумные группы высокорослых друзей. Эллиана с Даавом держались за руки, чтобы в толкотне не потерять друг друга.

Задача, которую он поставил перед ней в космосе, действительно оказалась богата возможностями. В конце концов Эллиане удалось справиться с проблемой, и ее наградой стала не только негромкая похвала ее инструктора, но и радостное тепло, рожденное гордостью за свои успехи. Они оказались в центральной части порта, потому что позволили себе отпраздновать происшедшее.

Для Эллианы, которая во всей Солсинтре знала только причал парома, вокзал монорельсовой дороги и улицу Механиков у дверей «Бинджали», центральная часть порта оказалась настоящим чудом. Она глазела на витрины магазинов, изумлялась пьескам, разыгрываемым на углах улиц, и вгля-

дывалась в прохожих. Звуки десятка разных языков пьянили ее, словно вино.

— Пришли.

Даав потянул ее за руку, прокладывая дорогу наискось от края тротуара к магазинам. Эллиана вынуждена была идти за ним, надеясь, что он доставит ее в надежную гавань. На пороге лавки она остановилась: нос сообщил ей о присутствии экзотических пряностей, горячего хлеба и других прелестей жизни.

— Снова еда? — воскликнула она, пытаясь утянуть его за руку назад.

— Еда! — Его глаза сверкали, словно черные бриллианты, освещенные изнутри радостью. — Ты меня обижаешь, пилот, клянусь в этом! Как будто я привел бы тебя сюда ради какой-то еды!

Как легко было смеяться! Смеясь, она позволила Дааву затащить ее внутрь помещения и встала вместе с ним в длинную очередь, пока они не добрались до прилавка.

Даав приветствовал седовласого продавца широкой улыбкой.

— Будь любезен, нам печчи, старина, — и кувшин твоего лучшего! Эта моя приятельница еще никогда не пробовала твое коронное.

Продавец ухмыльнулся и пощелкал клавишами, передавая заказ на кухню; при этом Эллиана не заметила никакого обмена деньгами.

— Приятного аппетита! — пожелал он на ломаном ликийском, помахал широкой ладонью и, подмигнув Эллиане, повернулся к следующему покупателю.

— Но он же... — начала было Эллиана, но Даав уже повел ее по людному помещению к столику у дальней стены.

— Паол Гойемон, — сказал Даав. Он уселся на скамью справа от нее и выгнул бровь. — Он вызывает у тебя отвращение?

— Нисколько. Просто я не знала, что земляне торгуют в порту.

— Кантры — это кантры, кто бы их ни зарабатывал — и кто бы ни тратил. — Он ухмыльнулся. — Этот экономический принцип немало способствует тому, что я не теряю веры в человечество.

Она рассмеялась, но почти сразу же замолчала и искоса посмотрела на него.

— Это очень тяжело — оказаться привязанным к планете?

По его лицу промелькнула какая-то тень, задержавшаяся в его глазах.

— Это, — медленно проговорил он, — довольно тяжело. Дело в подготовке, знаешь ли. Когда нас переделывают так, чтобы мы были годны для вселенной, нас делают негодными для Лиад. — Он невесело улыбнулся. — К этому прибавляется и то, что светское общество считает разведчиков странными и относится к нам со смешанным чувством страха и неприязни. Они говорят «взгляд разведчика», словно это какое-то волшебство, а не просто умение видеть то, что перед тобой находится.

Она нахмурилась, пытаясь поймать какую-то ускользающую мысль...

— Но вот Клонак зачем-то отрастил на лице волосы. Как землянин. У лиадийцев не бывает растительности на лице. Нельзя же ожидать, чтобы те, кто никогда не покидал Лиад...

— Лиадийцы, — прервал ее Даав, — рисуют оказаться в проигрыше из-за самодовольства. Они считают себя вершиной цивилизации и презирают все, что не записано в Кодексе. Кодекс — это, конечно, хорошо, но уважение к отличиям не названо достоинством. Если...

Он замолчал на полуслове, коротко хохотнул и поднял руку в жесте извинения.

— Ну вот. Обещаю, что больше тирад не будет.

Не успела она заверить его, что ему еще очень далеко до нравоучений Ран Элда, не говоря уже о тирадах, как им принесли печчу и кувшин.

Печча оказалась круглой плоской лепешкой с острым красивым соусом, овощами и сыром. Все это запекалось до тех пор, пока соус и сыр не начали пузыриться, — и было подано на горячем камне. Тесто было разрезано на шесть толстых кусков. Оказалось, что положено отделять кусок от круга и, держа предательский сегмент в пальцах, пытаться есть.

Эллиана пыталась подражать Дааву: сначала неуверенно, но с каждым следующим укусом все более ловко. Блюдо оказалось ароматным, таким острым, что слезы на глаза наворачи-

вались, — и поразительно вкусным. Вино — сладкое, красное и ледяное, с плавающими дольками цитрусовых — охлаждало язык и усиливало аппетит.

— Просто чудесно! — заявила Эллиана, отделяя второй кусок.

Даав улыбнулся и поднял свой стакан в молчаливом приветствии.

Слишком быстро лепешка закончилась. Они еще немного посидели за вином, удобно привалившись спинами к стене, наблюдая за тем, как приходят и уходят посетители.

— А как получилось, что у Клонака — усы? — лениво поинтересовалась Эллиана.

— У нас у всех есть свои сувениры. — Голос Даава звучал не менее лениво. Он поднял руку и потрогал свою серьгу. — Историю о том, как Клонак получил свои усы — увы! — нельзя рассказывать в ближайшие сорок лет: приказ командующего Разведки. Могу только сказать тебе, что ему очень нужно было поговорить с человеком, который отказывался вести переговоры «с безусым мальчишкой». Поэтому Клонак испросил позволения у руководителя своей группы, после чего воспользовался автврачом, выйдя из капсулы в том виде, в каком ты сегодня его видишь.

Он немного помолчал, обдумывая сказанное.

— Немного более ненормальным, — добавил он спустя какое-то время, делая глоток вина. — Мне все-таки кажется, что время его слегка обтесало.

— А тебя? — тихо спросила Эллиана.

Даав посмотрел на нее, иронично выгнув бровь.

— О, я всегда был именно таким ненормальным, каким ты видишь меня сегодня.

Она рассмеялась и задвигала головой в земном отрицании, которому он ее научил.

— Я ведь говорила о твоей серьге, — сказала она. — Это ведь тоже... сувенир?

— Да, безусловно.

Он снова прикоснулся к проволоке, и его улыбка стала немного кривой.

— Она свидетельствует о том, что я занимаю место сына в шатре матриарха Племени Ман, чье имя на нашем языке зву-

чит как «Дожди-в-Пустыне», хотя мне кажется, что «Скалоцвет» было бы более удачным переводом.

Он замолчал и отпил немного вина, а потом поднял руку и ухватился за свои стянутые в хвост волосы.

— Это свидетельствует о том, что я не женат.

Эллиана чуть поменяла позу, чтобы заглянуть в черные глаза, внезапно затуманившиеся воспоминаниями.

— А когда ты женишься? — спросила она.

Ей хотелось, чтобы вопрос прозвучал весело, но, как ей послышалось, он оказался совершенно серьезным.

Даав улыбнулся — как ей показалось, чуть тоскливо.

— Женатый охотник, разумеется, коротко стрижет волосы. И он надевает вторую серьгу, которая указывает шатер его жены. Но пока мужчина не был избран из числа тех, кто стоит вокруг свадебного огня, и не вошел в шатер своей жены, волосы положено носить так.

— Свадебный огонь... — Эллиана вздохнула и наконец пригубила вино. — А ты... Нет, ты сказал, что не женат.

— Скалоцвет планировала, что я встану к огню во время следующего сбора племен, — проговорил он очень тихо. — Моя команда вернулась за мной раньше.

Она снова заглянула ему в лицо.

— Тебе... жаль? — робко спросила она: ей показалось, что в его ярких глазах появилась тень печали.

— Жаль? — Он повел плечами. — Я был бы неподходящим избранником для женщины Племени Ман. Низкий, щуплый и не очень хорошо... владеющий копьем. Выбрать такого в качестве кормильца в новый шатер, где скорее всего вскоре появятся дети...

Он по-земному покачал головой, допил свое вино — и снова широко ей улыбнулся.

— Но как знать? Меня могла бы избрать женщина из давно раскинутого шатра, достаточно обеспеченная для того, чтобы делать все, что ей заблагорассудится, — и тогда я мог бы жить в холе и неге!

Его улыбка была заразительной. Эллиана улыбнулась в ответ — и подумала, что никогда еще не чувствовала себя такой счастливой.

— Пойдем дальше? — спросил Даав, и Эллиана, не колеблясь, вложила свою руку в его и разрешила ему снова вести ее в суматошный, пьянящий, волшебный вечер.

Виртуальная Аркада была полна тел и света, находившихся в движении, и шума, который был то просто громким, то просто оглушительным.

Эллиана и Даав шли сквозь шум, время от времени останавливаясь, чтобы посмотреть, как играют в разные игры. Даав обратил внимание на то, что Эллиану больше всего интересуют самые сложные азартные игры, и они углубились в Аркаду. Она начала останавливаться на довольно долгое время — и ее губы беззвучно двигались, словно формулируя условия задачи.

Другой мог бы обидеться на столь явное невнимание. Однако Даав не торопил и не подгонял ее: почему-то ему нравилось наблюдать за тем, как меняется выражение ее лица и глаз, когда она что-то обдумывает. При этом он продолжал крепко держать ее за руку: ему казалось, что она настолько заворожена, что может куда-нибудь забрести и потеряться. А еще он старался идти так, чтобы его тело защищало ее от напора толпы.

То двигаясь, то останавливаясь, они добрались до игры «От пилота до принца». Эллиана стала смотреть, как компьютер воспроизводит запись космического сражения поистине эпохальных масштабов. Затем битва сменилась аварийной стыковкой, которая перешла в торговые переговоры, которые...

Даав улыбнулся тому, насколько внимательно она следит за игрой. Аттракцион пользовался популярностью у завсегдатаев и старожилов порта и обычно привлекал немало играющих. Но сегодня вечером он пустовал.

Не совсем пустовал, уточнил он про себя, когда в тенях дальнего угла возникли две фигуры, которые направились к ним. Парень и девица, еще подростки. Они были одеты в одинаковые костюмы, представлявшие собой пародию на настоящую космокожу, а лица у обоих были жесткими и голодными — отчаянными.

Даав крепче сжал руку Эллианы, собираясь увести ее дальше, но прежде чем он успел это сделать, паренек поднял руку, а девица предложила:

— Желаете сыграть партию, господа? Сед Рик и я готовы заплатить за нее, если вы хотите играть ради чего-то более весомого, чем просто развлечение.

Эллиана нахмурилась.

— Вы хотите сказать — сыграть на деньги? — спросила она с непрятворной суровостью. — Это было бы очень легко-мысленно с вашей стороны, сударыня.

Девчушка улыбнулась жестко.

— О, леди находит риск слишком высоким! Тогда давайте сыграем втроем с вашим спутником. Судя по его виду, он не боится...

— Постойте, — сказала Эллиана, ища взглядом двенадцатисторонний кубик на колесике, который оповещал о законном приеме ставок. — Эта игра не окупается, — серьезно сообщила она девице. — Вы рисковали бы своими средствами, играя с незнакомыми людьми. Это не кажется мне честным.

На этот раз рассмеялся паренек — Сед Рик.

— А что вообще честно, сударыня? Мы все рискуем деньгами при каждой покупке. Мы готовы заплатить за игру — по дексу за игрока, — если вам хочется проверить, какой из вас может получиться пилот.

Эллиана посмотрела через плечо паренька на эпизод, который показывал компьютер: пробитый корабль метался по экрану, пока ракетный залп не заставил его врезаться в оказавшийся поблизости астероид.

— Вы потеряете деньги, — уверенно сообщила она.

Паренек дернул плечом.

— Возможно, — отозвалась девица. — Но мы рисковать не боимся.

Эллиана помедлила, ее пальцы сжались на руке Даава — ему уже показалось, что она сейчас повернется и уйдет...

Ее глаза снова вернулись к экрану, а потом скользнули по записанным рядом правилам игры.

— Мы можем выиграть, — пробормотала она, возможно, говоря сама с собой.

— Правда? — спросил Даав так же тихо, продолжая одним глазом наблюдать за подростками.

Они оба буквально источали зудящее напряжение. От силы их отчаяния у Даава заломило скулы.

Подростки держались так, словно им знакомы были родство и клан — они не были обычными портовыми крысами. Хотя их движения были подпорчены страхом, но в них проглядывала уверенность и ловкость, говорившие о потенциале пилотов... Если, конечно, они смогут удержаться в относительно спокойных районах порта и не окажутся в борделе на самом дне.

— Даав? — тихо проговорила Эллиана, и он заглянул в ее потемневшие зеленые глаза. — Объясни мне, что тут не так? — прошептала она.

— Не так...

Он снова бросил взгляд на подростков: голодных, испуганных — и слишком гордых, чтобы просить о помощи. Они слишком молоды, чтобы находиться здесь, зазывая незнакомцев на игру по два декса... Он резко вздохнул и адресовал Эллиане улыбку.

— Думаю, нам следует сыграть, — тихо сказал он, — раз эти двое юных господ так вежливо нас пригласили.

Она медлила, глядя ему в глаза. По ее лицу он увидел, когда она приняла решение, — а потом она отвернулась, заpusкая руку в карман. К подросткам полетели две сверкающие монеты.

— Идет, — заявила она с учительской строгостью. — Мы берем торговый корабль.

Их противники радостно вздрогнули, проявив прискорбную несдержанность.

— После вас, пилот, — сказал Даав, направляясь к их местам.

Глава двадцать первая

После безопасности корабля на первом месте для капитана стоит благополучие пассажиров.

Из Вахтенного журнала Канtry йос-Фелиум

Положение не было полностью безнадежным, но оно было далеко не хорошим. У них осталось мало топлива, поскольку

они предпочли спасаться бегством от последнего нападения, не рискув противопоставить легкое вооружение торгового корабля превосходящей огневой мощи пиратов.

Пираты, конечно, начали преследование и теперь находились у самой станции, ожидая приближения злополучного торговца.

Эллиана отвергла предложение Даава, заключавшееся в том, чтобы дозаправиться и, обогнув планету, атаковать пиратов:

— А если они предпочтут не простое орбитальное вращение, а выберут точку Лагранжа? Тогда у них будет преимущество, а мы окажемся на невыгодной орбите.

Ее предложение сбросить все грузовые капсулы, кроме одной, ради того, чтобы везти дорогой груз и иметь максимальную скорость, было не лишено достоинств, хотя и сильно зависело от способностей пилота, которому предстояло уйти от пиратов и первым сделать прыжок. Тем временем чем дольше они оставались у станции, тем больше очков теряли.

Даав инстинктивно посмотрел на один из приборов, проверяя состояние корабля. Пульт управления был настоящим, а окружавшие их изображения — совершенно достоверными. Обрывки станционных переговоров, которые доносились из комма, были явно позаимствованы из реальных записей.

Конечно, начальник станции чересчур вежливо обращался к кораблю, который прилетел, преследуемый пиратами и обломками, но, как с иронией подумал Даав, даже лучшие игры имеют какие-то недостатки. Он вздохнул и снова сосредоточил внимание на индикаторе груза.

— А что, если мы сбросим пять капсул? — тихо предложил он. — Мы обменяем груз с известным пунктом назначения на такой груз, о котором пираты не подозревают.

— Это повысит наши шансы добраться до точки прыжка, — согласилась Эллиана, и ее пальцы стремительно пронеслись по пульту. — Карадор, — заявила она, повторив вслух его мысль, словно они были давними напарниками. — Нам придется вести их на хвосте до самого прыжка. Если время будет нам благоприятствовать и если мы купим весь зарегистрированный гринабль, то получим прибыль.

— Согласен. А как насчет синтрыбы? Таблица говорит, что она имеет большую ценность, а на Каадоре ее мало.

— Она плохо переносит большие ускорения. Чтобы получить нужную сумму, нам нужно восемьдесят девять процентов выживаемости, а мы можем столкнуться... — Она секунду помолчала. — Шесть г не являются полностью недостижимыми...

«Не являются полностью недостижимыми», — подумал Даав, ощущая прилив смеха и уважения. Эллиана Кэйлон предъявляла высокие требования к своему кораблю — и себе самой.

— Ладно, — согласился он, глядя, как ее пальцы работают с клавиатурой, чтобы проверить ответ, к которому она уже пришла с помощью мысленных расчетов, — загружаем гринабль. Но я хочу купить груз сорок семь: он записан как спекулятивный. Он нас не слишком задержит, а стоит мало.

— Неиспользованный материал топографической разведки Лозиара? Но...

— Поверь мне, — пробормотал он, и ее пальцы заплясали по клавишам, подтверждая покупку.

Тем временем она уже называла цифры орбиты и удаления, которые он должен был проверить.

Даав почувствовал себя лучше, хотя полет все равно оставался рискованным. Создатель игры обладал удивительной склонностью к мелочам, и если судьба была к ним благосклонна, то он только что купил пятнадцать тысяч земных тонн геодезических вешек. Плотность груза в этой капсуле была чрезвычайно близка к той, которую сохранила его память, столь прискорбно склонная запасать всякое барахло...

Корабль приближался к готовности. Даав запросил данные по топливу, мысленно прикидывая время и возможные траектории, словно они действительно собирались в полет.

— Они будут вести обстрел с намерением нас захватить, Даав? — спросила Эллиана совершенно серьезно.

— Или хотя бы захватить наш груз. Но скорее всего и нас, поскольку за это они получают дополнительные очки.

— Да. Я задействую дальнобойное оружие, как только мы выйдем из шлюза, и включу метеоритную защиту на полную мощность...

Ее лицо было напряженным, полностью захваченным поддельной реальностью игры. Даав выгнул бровь.

— Станция будет вонзить. Не говоря уже о штрафе.

— Только если мы вернемся, — ответила она, и Даав чуть не расхохотался от восторга.

Она говорила так смело, словно каждое утро нарушала по дюжине правил. А он сам — кто он, если не внук пирата?

Отстыковка завершилась. Корабль вывалился из дока, и Эллиана включила вооружение и щиты.

В реальном мире включение вооружения в такой близости от станции стоило бы пилоту лицензии. В этом мире станция, как он и предсказал, завопила, хотя и не с такой интенсивностью, как сделал бы любой начальник станции из тех, с которыми был знаком Даав.

— Нас заметили, — сказал Даав, как только корабль пиратов показался из-за края ближайшей луны. — Я беру на себя пушки, а ты веди корабль.

Виртуальный корабль содрогнулся, и ускорение вжало Даава в кресло, которое откинулось назад, имитируя реальное движение. Он наблюдал за тем, как сходится перекрестье прицела, и его рука потянулась к гашетке...

— «Галантерейный товар», вы будете оштрафованы, если немедленно не отключите вооружение! Вы предупреждены — отключите оружие...

Модель начальника станции продолжала блеять свои предупреждения.

— Ловушка! — вскрикнула Эллиана. — Они передают все наши действия пиратам!

— Ха! Так вот почему детишки решили, что исход игры предопределен в их пользу.

Его рука стремительно ударила по гашетке. Виртуальные ракеты промчались по виртуальному пространству, направляясь к стремительно отступающим пиратам.

Взрыв осветил его экран вспышкой пламени. Он вызвал протестующий вой у начальника станции и грубые проклятия пиратов, которые мгновенно открыли ответный огонь.

Даав решил, что это было бы пустой тратой энергии, и оставил свои собственные небогатые запасы в резерве: «Га-

лантерейный товар» все еще оставался в тени станции и был закрыт ее щитами.

Это положение изменилось, как только Эллиана с огромным ускорением направила корабль по крутой траектории к месту, откуда возможно было совершить прыжок. Даже в условиях игры им понадобится все их везение, чтобы достичь цели с нужным счетом.

Даав внимательно следил за своими приборами, заметил, как пиратский корабль лениво плывет вперед...

— Они наметили ошибочную точку прыжка, — тихо проговорил он. — Они считают, что мы улетаем с грузом фледжетов на борту, который предназначался Земле.

Эллиана вздохнула.

— Я о них сожалею... но уравнения не сходились. Четыреста процентов прибыли и триста процентов погибших...

Она вдруг прищурилась.

— Ускорение у них стало не таким большим, как раньше, Даав.

Он посмотрел на экраны и прикоснулся к рукоятке, увеличивающей разрешение.

— Понесли урон, бедные детки: летят на восьми двигателях вместо десяти. Однако они встали на курс перехвата. Так что ты получишь погоню на хвосте, о которой мечтала.

— Я не мечтала о... Ой, нет!

Прозвучавшая в ее голосе боль изумила Даава. Он резко поднял голову и прочел на ее лице неподдельное страдание.

— Эллиана! В чем дело?

— Я... — Она устремила на него широко открытые, потрясенные глаза. — Я... сделала просчет. Запасы топлива на пиратском корабле... у них есть преимущество! Я забыла... забыла! Они догонят нас раньше, чем мы успеем сделать прыжок.

Даав моргнул, вспомнив о запасах, которые пираты получили за счет добычи в самом начале игры. Краем глаза он уловил какое-то движение, повернулся, чтобы проследить его, — и увидел, как от пиратского корабля отделяются шесть ракет.

— Сделай пересчет, — сказал он, механически выпуская перехватчики и ударяя ладонью по сплошной панели там, где

на реальном корабле стояла бы кнопка защитного луча, — с учетом потери большей части не-гриналя.

Экран вспыхнул: перехватчики Даава вывели из строя одну ракету. Спустя полсекунды то же произошло со второй.

— Эллиана? — серьезно окликнул он ее, снова бросая взгляд в ее сторону.

— Да. Я забыла, что ты разведчик. Это был сложный перехват...

Она замолчала, одновременно управляя кораблем и делая новые расчеты, а потом встряхнулась.

— Мы можем выиграть, но перевес невелик: один процент, максимум полтора. В зависимости от того, когда и как мы потеряем эту капсулу.

Ее голос звучал мрачно.

— Тогда сдаемся? — тихо спросил Даав.

Одну секунду она колебалась — или, возможно, эта внутренняя борьба была лишь плодом его собственной фантазии. Ее широко распахнутые зеленые глаза устремились на него.

— Нет.

— Отлично, — сказал он, позволив ей увидеть, что он гордится ею, а потом снова сосредоточился на своем пульте.

Игра была напряженной: большая энерговооруженность и масса пиратского корабля дали себя почувствовать. Однако картина атаки изменилась. Целью пиратов стало уничтожение. Никаких пилотских ухищрений, приносящих дополнительные очки, никакого захвата пленных. Только уничтожение.

— Даав, у нас до прыжка осталось сто семьдесят шесть секунд. Они догонят нас через сто сорок.

— Ясно. Когда им до нас останется тридцать секунд, сбрось груз сорок семь. Это даст нам...

— Дополнительное ускорение будет полезно, но они все равно догонят нас через четырнадцать секунд...

— Но мы же начнем бросать в них вещи. Им придется уворачиваться.

— Это случайный фактор. Я не могу ввести его в расчет.

— Но не сдаемся! — с жаром заявил Даав.

— Не сдаемся.

После этого они оба замолчали, наблюдая каждый за своими экранами. Даав отразил еще несколько ракетных атак. Теперь пираты уже осторожнее расходовали свое оружие — и Даав тоже. По его расчетам, у них осталось тринадцать ракет, а у него — три...

— Начинаю отсчет, — хладнокровно объявила Эллиана, — от пяти. Пять, четыре, три, два, один...

Корабль дернулся: капсула отделилась, громадой проплыла по имитационному экрану. Она закувыркалась позади корабля, прямо по ходу приближающихся пиратов.

Даав досчитал до трех и выпустил свои последние ракеты.

— О! — сказала Эллиана. — Мы потеряли еще немного массы. Но я все же не думаю... Даав, не та траектория. Ты попадешь...

Две ракеты прошли по краю кувыркающейся капсулы, увернулись от нее и полетели к пиратскому кораблю, который начал маневр уклонения. Ракеты последовали за ним, и пираты выпустили четыре перехватчика.

Третья ракета Даава ударила прямо в центр грузовой капсулы. Вспышка взрыва стала увеличиваться, разгораться, расширилась еще больше, превращаясь в сверкающее всеми цветами радуги облако.

Прозвучал предупреждающий сигнал прыжка: двенадцать секунд.

— Что это было? — воскликнула Эллиана.

— Секунду. Они выпустят свои последние... Да. Маневр уклонения, будь добра.

Сквозь яркое облако прорвались две ракеты, хотя только одна летела на них. Эллиана включила маневровый двигатель, закрутила корабль, добавила ускорение — и ускоряла корабль до тех пор, пока не зажегся красный сигнал предупреждения.

За мгновение до того, как виртуальный корабль вошел в гиперпространство, они увидели, как позади них имитация взрыва гаснет, растворяясь в зеленой пустоте.

Эллиана издала крик торжества.

Мостик растянул, сеть безопасности отключилась. Даав встал, осмотрелся — и вздохнул.

Пираты исчезли.

* * *

— Сюда, Сед Рик! — прошипела Йолан, ощупью пробираясь в густой темноте подсобного коридора впереди него.

Ну вот! Ее вытянутая рука нашла пустоту, означавшую перекресток. Еще несколько минут этой душной темноты, и они оставят позади Виртуальную Аркаду и наверняка разозлившихся лохов, которых они бросили за игрой «От пилота до принца».

Йолан вздохнула. Она терпеть не могла подсобные коридоры: от жаркой темноты у нее начинались кошмары, призывающие привидений и домовых из детских сказок. Конечно, никакой нежити не существует. Она прекрасно это знает. В действительности есть гораздо более страшные вещи, чем какие-то чудовища. Например, полисмены. А еще — охрана порта. Не говоря уже о разозленных лоах, добившихся победы в игре, которую не имели никакого права выигрывать, и при этом оставшихся без выигрыша.

— Пришли! — хрюкло сказал Сед Рик ей на ухо.

— Точно. Держись рядом.

Она нашла его руку, ухватилась за нее — чтобы вести его, яростно сказала она себе — и начала пробираться к коридору, уходящему вбок.

Она медленно продвигалась вперед, вытянув перед собой свободную руку и прикасаясь пальцами к стене. Стена кончилась, ее пальцы скользнули по пустоте...

Что-то схватило ее за руку!

Йолан завопила.

— Ну-ну! — весело проговорил мужской голос. — Что за шум!

Щелкнул выключатель, и Йолан заморгала, подавившись криком.

Перед ними стояли те самые лохи, которых они с Сед Риком только что лишили законного выигрыша. Мужчина с резкими лисоподобными чертами и в поношенном кожаном костюме казался невыносимо развеселившимся, но его рука, переместившаяся на локоть Йолан, была неожиданно сильной.

Светловолосая женщина держала переносной фонарь, и она казалась злой: в ярком свете ее зеленые глаза светились, как у кошки.

— К какому клану вы принадлежите? — спросила она, когда Сед Рик встал рядом с Йолан.

Йолан передернула плечами.

— Мы принадлежим сами себе.

— Вы — бесклановики? — вопросила женщина, бросая взгляд на своего высокого друга.

— И получаем больше прибыли, чем любой клан! — заявил Сед Рик.

— Облапошиваете туристов на два декса за партию? — лениво протянул мужчина. В его темных глазах отразилось уже отнюдь не веселье — и это испугало Йолан еще сильнее. — И убегаете, когда приходит время платить?

— У нас обычно ставки больше! — возразил Сед Рик, а Йолан огрызнулась:

— Мы редко проигрываем!

— Ха! — Мужчина обвел их обоих взглядом, повел плечами и посмотрел на свою напарницу. — Ну, пилот? Ты хотела их поймать.

— Если вам нужны ваши четыре декса, — сказал Сед Рик со спокойствием, которое, как прекрасно понимала Йолан, было напускным, — мы вам сейчас заплатим.

— После того, как мы вас догнали и вытрясли их из вас! — саркастически отозвалась светловолосая. — Как мило! — Ее яркие глаза переместились с лица Йолан на Сед Рика. — Вы действительно бесклановики?

— Да! — отрезала Йолан и почувствовала, как мужчина крепче сжал ее локоть.

— Вежливость к пилоту, бесклановики, — мягко сказал он, и Йолан судорожно сглотнула, холода всем телом.

— Тогда где вы живете? — вопросила бледноволосая женщина-пилот.

Йолан стиснула зубы.

— Полагаю, они ночевали в ночлежке, — сказал лисолицый. — А еще полагаю, что сегодня у них кончилось оплачен-

ное время, и те деньги, которые они украли у тебя, пилот, предназначались на оплату ночлега.

Он говорил так, словно ему было скучно.

— Это правда? — спросила женщина.

Ей ответил Сед Рик:

— Правда.

Он пытался говорить так же скучливо, как и мужчина, но у него это плохо получилось.

Наступившая пауза затянулась. Йолан напряглась, готовясь вырваться из хватки мужчины, но замерла, когда он выгнул бровь.

— Что вы будете делать, если мы вас отпустим? — негромко спросила женщина.

Йолан опустила глаза. «Сегодня нам придется идти в порт», — безнадежно подумала она, стискивая зубы. Им будет негде спать и нечего есть — если удача им не улыбнется. Конечно, они всегда могут направиться на юг, перейти границу Нижнего порта. Там возможно что-нибудь получить. Но в Нижнем порту опасно...

— Нижний порт, наверное, бесклановики? — Мужчине удалось каким-то образом говорить еще более равнодушно, чем раньше. Он посмотрел на Сед Рика. — Вы намерены продать свою леди первому покупателю или собираетесь продать себя и оставить ее без напарника?

Сед Рик скрипнул зубами.

— Нам необязательно переходить границу.

— Правда? Ну, вы свободны принимать любые решения, поскольку вас не сдерживают рамки клана — и, судя по всему, чести тоже.

Он произнес это небрежно, но его пальцы на локте Йолан ни на секунду не разжимались.

Пилот чуть повернулась.

— Вы готовы играть честно? — спросила она. В свете фонаря ее широко открытые глаза казались глазами полуди-кого существа. — Или вы — трусы и воры?

— Мы будем играть! — зарычала Йолан, а Сед Рик спросил:

— А что за игра?

— Возьмите четыре декса и оплатите ночлег, — резко проговорила пилот. — Завтра на рассвете явитесь к мастеру дэакорту в ремонтной мастерской «Бинджали» на улице Механиков в Верхнем порту. Скажите ему: Эллиана Кэйлон подумала, что вы можете быть полезны. А еще вы скажете, чтобы он вычел четыре декса из той платы, которую он сочтет нужным вам назначить, и отложил их, чтобы заплатить долг чести. — Она устремила на них суровый взгляд. — Не раздумали играть?

Йолан колебалась, пытаясь найти подвох, но Сед Рик отозвался:

— Не раздумали.

— Хорошо.

Пилот отступила назад, прикручивая фонарь. Ее спутник выпустил локоть Йолан и тоже отошел назад, открывая дорогу к выходному люку.

— И это все? — вопросил Сед Рик. — Это — вся игра?

— Еще кое-что, — сказал мужчина, беря пилота за руку и с мимолетной улыбкой глядя в ее худое лицо. — На улице Насмешки есть закусочная под названием «У Варла». Знаете такую?

— Да, — ответила Йолан.

— Зайдите туда и закажите себе еду: высококачественные белки и сытные углеводы, учтите! Скажите девушке за привалком, чтобы записала на счет Даава.

— Но почему? — воскликнула Йолан.

Она с ужасом почувствовала, что вот-вот расплачется, хотя не плакала уже... уже... Сед Рик сжал ей плечо. Она закусила губу и заморгала.

— А почему нет? — отозвался мужчина, и на его лисьем лице снова отразилось веселье.

— Проработайте хотя бы достаточно долго, чтобы заплатить свои долги, — сказала женщина. — Если у вас нет Делма, на которого можно положиться, то насколько же бережнее вам следует относиться к собственному меланти!

Йолан уставилась на нее, разрываясь между желанием расхохотаться и броситься на ее худую шею и заплакать.

В конце концов она не сделала ни того, ни другого: просто взяла Сед Рика за руку и серьезно наклонила голову.

- Доброго вам вечера, господа.
- Доброго вечера, — ответил мужчина.
- Берегите себя, — проговорила женщина.

Они повернулись, плохо соображая, что произошло, набрали код люка в конце коридора и выскользнули в ночь.

Спустя несколько мгновений Даав с Эллианой последовали за ними.

Когда они вышли на улицу, Эллиана вздрогнула, и Даав встревоженно посмотрел на нее.

— Ты замерзла.

— Немного, — признала она, передавая ему фонарик и глядя, как он прячет его в поясной кошелек. Ее снова передернуло. — Я оставила верхнюю рубашку в... О боги!

Он повернулся, прослеживая за направлением ее взгляда, и увидел толпу, россыпь киосков, причал, часы...

— Время! — испуганно прошептала она. — Даав, мне необходимо вернуться домой!

Он бросил еще один взгляд на часы и быстро провел подсчеты.

— Мы можем успеть на следующий паром. Сможешь бежать?

— Да! — ответила она, и больше они не тряслись слов.

Взявшись за руки, они пересекли площадь, двигаясь стремительно и по-пилотски плавно, а потом нырнули в боковой переулок.

Глава двадцать вторая

Каждый клан обладает независимостью, и каждый Делм обладает полной властью в пределах своего Дома. Поэтому в Дом другого Клана следует входить осторожно. Следует говорить тихо и кланяться низко. Вполне уместно будет принести подарок.

Из Лиадийского Кодекса достойного поведения

— Даав, тебе совершенно не нужно меня сопровождать. Я привыкла пользоваться паромом.

— О! — отозвался он, нисколько не смущенный и не убежденный этим аргументом.

Он продолжал стоять рядом с ней, переплетя ее пальцы своими и дожидаясь, чтобы двери открылись и пропустили их на паром, следующий в Чонселту.

Платформа, где они ожидали, была полна народу — и не все присутствующие были вполне трезвыми. Даав заметил как минимум двух карманников, которые осмотрительно работали на краю толпы. Он подтолкнул Эллиану ближе к дверям, демонстративно встав в позу мужчины, готового защищать свое место кулаками. Толпа подвинулась, заворчала — и пропустила их.

Стоявшая рядом с ним Эллиана снова задрожала. Он посмотрел на нее и нахмурился при виде тонкой шелковой рубашки.

— Позволь мне отдать тебе мою куртку, Эллиана: ты замерзла.

Он пошевелился — и замер в изумлении: она поспешило приложила ладонь к его груди и со смехом подняла к нему лицо. Ее глаза сияли ярче, чем прожектор на причале.

— Я скоро уже буду на пароме, в тепле. Мой друг, ты не подумал. Проводить меня до Чонселты — значит отнимать четыре часа у ночи, которая и так уже давно началась. Со мной все будет в полном порядке.

Позади них кто-то тихо переговаривался — и его опытный слух уловил отвратительные нотки опьянения.

— Мое общество тебя утомляет? — спросил он, собираясь пошутить.

Однако Эллиана, как это было в ее характере, предпочла принять вопрос серьезно и почтить ответом.

— Твое общество — это... радость, — сказала она с прямотой, которой почти могла сравняться с разведчиками. — Но... Даав, я... я не могу... предложить тебе гостеприимство Дома. То, что ты совершишь столь далекую поездку ради меня и будешь вынужден вернуться, не выпив даже чашки чая... Это плохо характеризует клан, однако я не смею...

Она начала напрягаться, а ее взгляд — подергиваться дымкой горя. «Чтоб им провалиться!» — подумал он с короткой

вспышкой бессильной ярости. Эллиана отпрянула, словно услышав его мысль. Ее рука упала с его плеча, глаза тревожно распахнулись.

Боги, он превращается в беспомощного идиота, раз злость на ее клан проявилась настолько ясно, чтобы ее испугать. Он заставил себя улыбнуться и заломил бровь.

— Да, и каким невоспитанным дураком я бы выглядел, если бы в такой час перебудил весь дом, чтобы меня вежливо приняли! Мое желание тебя проводить — полный эгоизм, Эллиана. Я не смогу сомкнуть глаз, если не буду уверен, что ты благополучно добралась до дома. — Он позволил своей улыбке стать шире. — Пожалей меня.

Ее тревога растворилась во вздохе, который был одновременно и тихим смешком. И ее пальцы сжались на его руке — как ему показалось, бессознательно.

— По правде говоря, я... рада... что ты меня проводишь, — сказала она, наклоном головы указывая на нарастающий у них за спиной спор.

— Тогда вопрос решен, — заявил он, и в этот момент двери распахнулись, и все его внимание сосредоточилось на том, чтобы уберечь ее от толкотни и найти хорошие места.

— Ты думаешь, что они действительно бесклановые?

Даав отключил сеть безопасности и повернул свое кресло. Эллиана смотрела на него со своего места у переборки, и на ее лице ясно читалось беспокойство.

— Что-то определенно с ними... случилось, — осторожно проговорил он, не желая повлиять на ее выбор, когда у нее появилось время спокойно подумать, — и в то же время чтобы не лишить детей ее дружбы, если она по-прежнему расположена ее предложить. — Возможно, что-то действительно серьезное. А являются ли они на самом деле бесклановиками... — Он передернул плечами. — Я пытаюсь вспомнить. Мне кажется, что в последнюю релюмму в газете не было объявлений об изгнании из кланов, а я не думаю, чтобы они жили в порту дольше — даже если предположить, что им чрезвычайно везло.

Она вздохнула, прислоняясь к металлической стенке.

— Они не старше Сайнит, — пробормотала она. — И находиться на Лиад без родни, не имея надежды куда-нибудь улететь... — Она сжала губы. — Жон рассердится? Я даже не знаю, как я решилась — если не считать того, что в «Бинджали» так... так спокойно. И мне показалось... Но если под угрозой окажется меланти Жона, то я поступила плохо.

— Если Жон сочтет, что ты поставила под угрозу его меланти, то он не постесняется тебе это растолковать. А тем временем, если они явятся к нему и представят тебя своей покровительницей, он обязательно оставит их на месте, пока ты не сможешь разъяснить ему все обстоятельства.

— «Если они явятся», — повторила она его слова. — Ты считаешь, что нет?

— Могут прийти, — мягко сказал Даав, — а могут и нет. Это — вопрос их меланти.

Она секунду молчала, пристально глядя на него, а потом протянула руку и дотронулась до его пальцев.

— Обычай велит, — проговорила она, похоже, не столько для него, сколько для себя, — сторониться бесклановиков и не предоставлять им помощи.

— Это всего лишь обычай, а не закон, — спокойно отозвался он. — Кодекс, а не постановление Совета.

— А! — Она чуть заметно улыбнулась. — Надо осваивать еще одну идею! — Она сжала его пальцы. — Ты был добр, что покормил их.

Он ответил как на ее улыбку, так и на пожатие руки.

— Это — сущий пустяк, и у Варла не в первый раз будут кормить моих приблудных щенков. Разведчики, знаешь ли...

Эллиана тихо засмеялась, а потом подняла ладошку, чтобы поймать неожиданный зевок.

— Прошу прощения, — пробормотала она, а потом уже более энергично заявила: — А теперь изволь объяснить мне, что было в той грузовой капсуле!

Он тихо рассмеялся и удобнее устроился в своем кресле.

— Ну, всего лишь комета.

— Комета?

Он улыбнулся ее изумлению.

— Ты ничего не слышала о топографической разведке Лозиара? Мало кто о ней наслышан — это давняя история, и к тому же — история Земли.

Он покачал головой.

— Видишь ли, господин Лозиар был богат, интересовался наукой — и был совершенно и полностью безумен. Со временем он пришел к убеждению, что... как это он сам выразился? ...что «строительный материал вселенной» можно найти в ядрах комет. Придя к этому убеждению, он начал действовать и снарядил сотни автоматических кораблей, которые должны были отправиться в путь и захватить все кометы галактики — или почти все — и привезти их обратно для изучения.

Он вздохнул.

— Увы, господин Лозиар погиб, испытывая антигравитационный прибор, который он изобрел вскоре после того, как последний автоматический корабль покинул околоземное пространство. До сих пор изредка обнаруживаются его корабли, полные комет. Как правило, их используют для стрельбы.

— Значит, в гондоле был лед и частицы пыли, — медленно проговорила Эллиана, — и когда ты ее разбил...

— ...то дети вдруг обнаружили, что летят через ядро кометы. Впору растеряться.

Ее смех снова закончился зевотой, которую она запоздало прикрыла ленивой рукой.

— Еще раз прошу меня простить. Не понимаю, почему я так устала.

— Ну конечно, — с иронией ответил Даав, — ты ведь все-го лишь пробыла в Солсентре с рассвета, не говоря уже о прогулке по порту и схватке с пиратами!

Она ухмыльнулась, не поднимая отяжелевших век.

— Точно. Я же...

Новый зевок не дал ей договорить.

— Спи, если хочешь, — предложил Даав, прекрасно понимая, что это возмутительно и идет вразрез Кодексу.

Но зачем ей бороться со сном, когда она так устала и когда рядом есть ее напарник, который сможет охранять ее сон?

— Наверное, так я и сделаю, — пробормотала Эллиана довольно невнятно, а потом без всяких церемоний отпустила его руку и удобнее устроилась в своем кресле.

Уютно привалившись к переборке и зная, что между нею и проходом сидит Даав, Эллиана спала.

Сейчас, когда ее огромные зеленые глаза не рассыпали искры, она казалась удивительно хрупкой — тонкие косточки, обтянутые золотистым бархатом кожи, небрежно закутанные в порыжевшую черную ткань брюк и поношенный шелк рубашки. Даав вдруг почувствовал желание взять ее на руки и посадить себе на колени, пристроив голову себе под подбородок, словно она была одним из его маленьких племянников. Он поспешил отбросил это желание: Эллиана была не ребенком, а взрослой женщиной, и к тому же не принадлежала к Клану Корвал.

Он снова задумался о ее клане, где ее явно ставили так низко, что даже не обращали внимания на то, ест она или голодает, одевается или ходит нагой.

«Не дозволено пригласить товарища к себе в дом, так?» — подумал он, снова ощущил прилив гнева, а потом вздохнул. Возможно, ее родня не любит разведчиков. Такие люди существовали, и в немалых количествах, хотя он цинично подумал, что Делм Корвала наверняка был бы принят с раболепной радостью, в какой бы час он ни счел нужным нанести свой визит.

Во сне Эллиана зашевелилась, вздрогнула и попыталась глубже уйти в холодный пластик кресла.

Даав сел прямее, двигаясь с невероятной осторожностью. Он снял с себя куртку и укрыл ею Эллиану, подняв мягкий кожаный воротник так, чтобы он закрывал ее лицо от любопытных взглядов.

Снова откинувшись в кресле, он вытянул перед собой ноги и сложил руки на пряжке ремня. Полузакрыв глаза, он перебрал цепь мысленных упражнений, поручив уголку своего сознания наблюдать за окружающим, пока большая часть будет охвачена дремотой.

* * *

Она попыталась оставить его в порту Чонселты, объявив, что ему ни к чему ехать на поезде через полгорода только для того, чтобы потом снова тут же возвращаться в порт.

— Да, конечно, но я не буду тут же возвращаться в порт, — ответил Даав, опуская монету в автомат и запрашивая два билета. — Если только ты не живешь на вокзале.

Он вручил ей один из билетов. Эллиана заглянула ему в лицо, отчаянно стараясь не хмурить брови.

— До чего же ты упрямый!

Он вздохнул, взял ее под руку и повел к платформе.

— Мой чалекет говорит мне то же самое. Это — неприятный недостаток, согласен, и уже поздно пытаться от него избавиться. Я на коленях молю тебя о снисхождении.

— Ну да, как же! Даав, со мной ничего плохого не случится по дороге отсюда до улицы Дождеблеска!

Он посмотрел на нее, округлив глаза:

— Это — предсказание, драмлиза?

— Я не волшебница! А вот ты ведешь себя просто смешно!

— Да-да, смейся сколько хочешь, — разрешил он ей подшипение тормозящего поезда. — Это наш рейс?

Она со смехом сдалась и прошла впереди него в купе.

Больше он ее смеха не слышал — да и слов практически тоже. Чем ближе поезд подходил к ее дому, тем тише она становилась, напряженно сидя рядом с ним и глядя в никуда.

Поезд сделал четыре остановки, высаживая и принимая пассажиров. Когда он в пятый раз начал тормозить, Эллиана подняла голову. Даав проглотил протестующий крик: ярко-зеленые глаза подернулись туманом и беспокойно и холодно смотрели с напряженно застывшего лица.

— Эллиана...

Она подняла руку, предупреждая безумные слова, которые он готов был произнести.

— Это моя остановка, — сказала она. Хотя бы в ее голосе еще сохранялось тепло! — Будет бесполезно просить тебя не трудиться идти со мной, чтобы потом одному возвращаться по незнакомому городу?

Ради нее он заставил себя улыбнуться и говорить непринужденно.

— Я же разведчик, друг мой. Незнакомые города — это в каком-то смысле моя специальность.

Она не стала возражать, когда он взял ее за руку, хотя на станции народу было мало. Больше того: она сжала его пальцы, чтобы увести на улицы.

Несмотря на ее настоятельную потребность ехать домой, о которой она объявляла в Солситре, теперь эта потребность ее оставила. Она неспешно вела его по узким улицам, на которых располагались окруженные деревьями особняки. Чем дальше они шли, тем меньшими становились территории особняков и тем ближе стояли дома, только что не соприкасаясь с соседними.

Улица Дождеблеска оказалась довольно жалкой: тротуар крошился и прорастал сорняками, дома мрачно нависали над крошечными лоскутками травы, заключенными в плен ржавыми решетками с острыми как колья шипами.

— Это здесь.

Эллиана остановилась у ограды неподалеку от конца тротуара. Трава за кольями в свете уличного фонаря казалась неухоженной, но цветущие выонки смягчали мрачный фасад дома.

В озерце фонарного света Эллиана повернулась к нему лицом, поймав его свободную руку.

— Даав... Спасибо тебе, мой друг. За компанию, за уроки, за... за твою заботу. Я не могу... думаю, что я не вспомню, когда приятнее проводила день.

— Ну, что до этого, — мягко отозвался он, ощущая, как дрожат ее руки, — то удовольствие было взаимным.

Он секунду колебался, глядя поверх ее головы на неприветливый дом, а потом посмотрел в ее лицо, с которого исчезла вся радость.

— Эллиана?

— Да?

— Я... можно мне дать тебе номер моего комма, Эллиана? Свяжись со мной, если понадобится.

Она не засмеялась, не спросила, зачем ей вдруг с ним связываться, раз она благополучно вернулась к родне.

Она вздохнула и сильно ссупулилась — но тут же опомнилась и, выпрямившись, посмотрела на него снизу вверх.

— Спасибо. Ты очень добр.

— Нисколько. — Он назвал ей код своей личной линии — и увидел, как она мгновенно запоминает цифры. — Там есть автоответчик, — тихо добавил он, — на тот случай, если я не смогу ответить... сразу же.

— Спасибо, — снова повторила она и отступила назад.

Ее руки отпустили его с неохотой, которую он явственно ощутил.

— Удачного взлета, пилот, — сказала она из тени чуть дальше фонаря. — Береги себя, когда будешь возвращаться.

Он задержался в лужице света, глядя, как она пересекает тротуар и открывает просевшую калитку. Ее ноги легко ступали по плиткам, фигура была похожа на узкую тень. Шаги изменились: она поднялась по трем деревянным ступеням. А потом он потерял ее тень в более густой тени выюнка.

Крыльцо заскрипело, дверь открылась на тихо застонавших петлях, бесшумно замерла, а потом закрылась, стукнув вставшей на место защелкой.

Даав вдруг содрогнулся, хотя ночь была довольно теплая, а его куртка — очень плотной. Ему вдруг отчаянно захотелось пойти за ней, пройти в калитку и по тропинке. Любой предлог, какое-нибудь правило пилотов, которое он забыл ей сказать...

— Будь же благоразумен, Даав, — укорил он себя, и его голос в уличной тишине прозвучал неожиданно громко.

Он подавил свой внутренний голос, повернулся спиной к калитке Кланового дома Мицела и зашагал обратно к станции, заставляя себя двигаться быстро.

— Доброе утро, Эллиана, как приятно, что ты к нам вернулась.

Пройдя всего два шага по прихожей, Эллиана застыла на месте, глядя в глаза брата. Она внезапно вспомнила, что оставила на «Удаче» верхнюю рубашку, а волосы отвела назад и стяну-

ла кольцом Даава. Вени выскочила из гостиной справа — большое окно позволяло оттуда просматривать всю улицу.

— Я его видела! — заверещала она. — Огромный, длинноногий тип, осмелившийся прийти в своей кожанке на респектабельную улицу! Разведчик или вообще грязный техник, братец! А Эллиана даже не постеснялась держаться за его немытые руки!

— Тише, сестрица. — Ран Элд плавно приближался, предвкушая дальнейшее. — Я не сомневаюсь в том, что Эллиана расскажет нам об этом типе все, что мы пожелаем узнать. — Он поднял руку, унизанную кольцами, и лениво улыбнулся, глядя на нее. — Правда же, Эллиана?

Она судорожно сглотнула: ее мозги внезапно стали пластиновыми. Он был намерен ее ударить — она ясно читала это по его глазам. Он собирается причинить ей боль...

— В чем причина столь раннего шума?

Байрин Кэйлон перегнулась через перила, сонно моргая на стоящую внизу троицу.

— Ран Элд? Вени? Тогда Эллиана? Пусть кто-нибудь объяснит мне причину столь несвоевременного переполоха!

Первой опомнилась Вени. Она поклонилась и начала строить глазки матери, которая упрямо спускалась вниз.

— Эллиана пришла домой так поздно, сударыня, что мы совсем отчаялись ее увидеть!

— Понятно, — отозвалась Делм сухим тоном, который ясно говорил о том, что она сочла это пояснение малоубедительным.

Спустившись с лестницы, она остановилась, устремив на своего сына, а потом и на старшую дочь непривычно пристальный взгляд. После этого она прошла вперед и взяла Эллиану под руку.

— Только что вернулась домой, да? — жизнерадостно спросила она, поворачиваясь к лестнице и увлекая за собой среднюю дочь. — Как чудесно быть молодой и веселиться с друзьями до рассвета! Я вспоминаю себя в юности... Бывало, что я по дюжине дней подряд почти не появлялась дома! В те дни я была ужасно легкомысленной, хотя, наверное, ты этому не поверишь.

Говоря это, она поднималась по лестнице. Эллиана шла с ней, едва веря своему спасению.

На площадке Мицел переменила тему разговора, понизив голос настолько, чтобы оставшаяся внизу парочка ее не услышала:

— Так у тебя был хороший и смелый день, дочь?

— Д-действительно, сударыня. — Эллиана судорожно вздохнула. — Я хотела вернуться домой к главной трапезе, но время... время бежало так незаметно...

— И твой друг, насколько я поняла, был настолько добр, что проводил тебя до калитки. Разве ты не могла предложить ему гостеприимство нашего дома, дитя?

— Ран Элд... — Она с трудом слогнула. — Ран Элд не любит разведчиков, сударыня. И к тому же мой... друг сам сказал, что проявил бы ужасную невоспитанность, если бы перебудил моих домашних в такой час.

— Очень мило с его стороны, — одобрительно сказала Байрин Кэйлон. — Однако тебе следует в ближайшее время пригласить его на чай, чтобы я могла поблагодарить его за заботу о тебе. — Она нахмурилась, заметив, как вздрогнула Эллиана. — Тебя — и твоего друга — не должно тревожить то, как Ран Элд считает нужным относиться в разведчикам.

«О Боги! А если Мицел выскажет порицание Ран Элду за то, что сегодня случилось...» Она снова слогнула и наклонила голову.

— Я благодарю вас, сударыня.

Они поравнялись с дверью Эллианы. Байрин Кэйлон улыбнулась, похлопала дочь по плечу и только потом ее отпустила.

— Не за что, дитя. Интересно, как зовут твоего друга?

— Даав, — прошептала Эллиана — и у нее сорвался голос. Она кашлянула и посмотрела матери в глаза. — Его зовут Даав.

Если Глава Мицела и нашла странным отсутствие фамилии и клана, то она предпочла об этом не упоминать.

— Понятно. Неплохое имя. Приятных тебе снов, дочь.

Она повернулась и направилась обратно по коридору, к своим апартаментам.

Дрожа всем телом, Эллиана нырнула к себе.

Глава двадцать третья

Накормить кошку — значит приобрести кошку.

Пословица

— Ну и где ты был?

В голосе Жона звучало веселое раздражение.

Даав продолжил путь к столу, где налил себе чашку безжалостно черного чая.

— В Чонселе, — ответил он и с содроганием вылил себе в горло смертоносный напиток.

— В Чонселе, вот как? Полагаю, это ответит на вопрос о том, где сейчас находится пилот Кэйлон. — Жон подошел к нему и забрался на свой зеленый табурет. — Я просмотрел запись.

Даав мужественно допил остаток чая и поставил кружку в мойку.

— Вот как. И каковы твои рекомендации?

— Она ведет корабль на уверенном уровне второго класса — о чем все мы знаем. На основе вчерашнего приключения (если не учитывать мое мнение, что ведущий обучение мастер движется слишком быстро) я чувствую соблазн выписать условную лицензию первого класса.

— Если бы речь шла только о работе с пультом управления, я бы с тобой согласился, — сказал Даав, усаживаясь и упираясь ногой в перекладину табуретки. — Однако есть вещи, о которых она очень мало знает.

— И о которых ей следовало бы знать много, если она намерена отправиться на просторы вселенной. — Жон вздохнул. — Увы, это так. Значит, пусть будет второй класс. Ты подпишешь?

— Ты, если не возражаешь.

— Ха! Она уже знает, кто ты?

Даав выгнул бровь.

— Она не знает моей фамилии и моего Клана.

— Отговорка, достойная лиадийца! Я подыграю тебе, пока это не будет ей во вред.

— А как я могу причинить ей вред, хотел бы я знать?

Вопрос был обманчиво спокойным.

— Тише! — Жон вскинул руки в древнем знаке мирных намерений. — Тише, дитя: я не имел в виду никаких обид. Прости старику его беспардонность.

Даав вдруг заметил, как напряглось все его тело — и как сжалась в кулак рука на колене. Он закрыл глаза, мысленно прошел по Радуге-разведчиков и почувствовал, как напряжение уходит. Открыв глаза, он послал Жону улыбку.

— Скорее это ты должен простить молодому человеку не меньшую беспардонность — а также усталость. — Он продемонстрировал пустую ладонь. — Я желаю ей только добра. Если она научится дружеским отношениям от Даава, который работает в «Бинджали», — что в этом может быть плохого?

— Хорошо, — сказал Жон, опуская руки. — Отправляйся спать, и больше мы об этом говорить не будем.

— Еще минуту. — Даав поерзal на табуретке и бросил на Жона быстрый взгляд. — Рассвет принесет тебе редкую радость, мастер.

Жон вздохнул.

— Что еще?

— Пару юнцов, паренька и девицу. Они утверждают, что не принадлежат ни к какому клану.

— Сбываешь мне своих несчастненьких, капитан?

— Нисколько, — сурово заявил Даав. — Они принадлежат пилоту Кэйлон.

— Ах, да неужели? И что я, по мнению пилота Кэйлон, должен с ними делать?

— Приставить их к работе, если они окажутся полезными.

Жон бесстрастно посмотрел на него и спросил:

— А они могут оказаться полезными?

— Не исключено. Мне представляется, что оба имеют способности к пилотированию. Девица явно уже обучалась. Оба здоровые и быстрые, хотя не настолько быстрые, как им кажется. Самонадеянные, но достаточно вежливые, когда их прижмешь.

— Пара очаровательных детишек, как вижу. Ладно. Я оставлю их, пока не узнаю планов пилота Кэйлон.

— Спасибо. — Даав встал, наклонил голову и заглянул в морщинистое лицо Жона. — Узнай, кто они, если сумеешь.

Седые брови поднялись над смеющимися янтарными глазами.

— А мне показалось, что они принадлежат пилоту Кэйлон.

— Мое несносное любопытство, — вздохнул Даав, лениво взмахивая рукой.

Жон рассмеялся.

— Хороших снов, парень.

— Доброй ночи, мастер. В ближайшие три дня я не работаю.

— Ладно, — сказал Жон и проводил взглядом высокую изящную фигуру, двигавшуюся по проходу к двери.

Она пробудилась от сна, который был полон надежного спокойствия, — и ее губы еще сохранили улыбку.

Солнце заставило блекло-голубые занавески казаться серыми. Часы у ее кровати сказали, что близится полдень.

Первая пришедшая к ней мысль была окрашена изумлением: Ран Элд позволил ей проспать завтрак!

Второй мыслью было то, что час уже поздний, а она нужна в Солситре.

Она энергично откинула одеяло, встала с кровати и накинула поношенный халат. Дом за ее дверью был тих, коридор — пустынен. Вени не забаррикадировалась в их общей ванной комнате. Испытывая все большее любопытство, Эллиана заперла дверь и быстро приняла душ.

Вернувшись к себе в комнату, она горестно вззрилась на содержимое своего крошечного шкафа, словно впервые увидев скучный ряд блеклых рубашек и бесформенных брюк. Внимательный осмотр позволил ей обнаружить оранжевую дневную рубашку с черной шнурковкой, несколько более недавней покупки, чем остальные, и пару прочных темно-синих штанов, которые почти не пришлось стягивать в талии широким черным ремнем. В самом дальнем углу шкафа обнаружилась синяя куртка, которую на пятнадцатые именины подарила ей бабушка.

Яркий синий цвет немного выцвел, но подкладка была цела, а наружная ткань не промокала. Эллиана надела куртку.

В свое время куртку выбрали чуть большего размера, чтобы столь дорогостоящий предмет одежды можно было носить подольше. Сейчас она легла ей на плечи так, словно была сшита на заказ. Эллиана улыбнулась.

А потом пришло время уходить.

Она осторожно вышла в пустой коридор. Снизу донесся звук открывшейся двери и недовольные интонации Ран Элда.

Нельзя было терять ни секунды. Затаив дыхание, она скользнула по коридору, спустилась по черной лестнице — и оттуда вырвалась на волю.

— Привет, преподаватель математики.

— Доброе утро, Жон, — отозвалась Эллиана, согнувшись, чтобы погладить Заплатку.

Выпрямившись, она осмотрелась. В мастерской было не-привычно тихо: ни Триллы, ни других постоянно меняющихся работников «Бинджали» вблизи не оказалось. Она снова повернулась к Жону.

— Я хотела спросить... не... не приходили ли к вам пираты?

Жон поднял брови.

— Пираты? Сам бы я не поставил их выше портовых крыс. — Он подбородком указал на заднюю дверь. — Они здесь. Трилла поставила их на уборку шестой площадки.

— О!

Эллиана, видимо, расслабилась, хотя между бровями продолжала лежать морщинка тревоги. Жон одобрительно отметил, что сегодня она хорошо выглядит: похоже, она обратила какое-то внимание на то, что именно надевает, а не просто куталась в ту слишком просторную одежду, которая первой попалась под руку. Темно-русые волосы были аккуратно зачесаны назад и стянуты в хвост, открыв окружающим лицо, которое казалось одновременно утонченным и умным.

Нарядный костюм и немного драгоценностей, и никто из оказавшихся с ней рядом не оспаривал бы ее красоты, решил про себя Жон, но вслух сказал только:

— Итак?

Ее беспокойство сразу усилилось.

— Я боялась, что вы будете недовольны, хотя Даав... — Она откашлялась. — Я не имела намерения причинять ущерб вашему меланти, Жон.

— Ну, этого пары юнцов не сделает, — ворчливо ответил он. — Они сказали, что ты прислала их отработать долг. У меня найдется достаточно черной работы на день-другой, так что пусть себе работают. Но что ты намерена делать с ними потом? Снова выгонишь в порт?

Она устремила на него широко раскрытые глаза.

— У них нет клана.

— Так они говорят.

— Выгнать их обратно в порт, после того, как они научились надеяться...

Она замолчала, прикусив нижнюю губу.

— Я не подумала, — начала она снова через секунду. — Я не считаю их глупыми или даже бесчестными. Они испуганы и отчаялись, а такое состояние может превратить в вора любого. Они очень быстрые и... и похожи на пилотов. Конечно, их можно было бы обучить...

— Вполне возможно, — согласился Жон, — будь у них клан. Но раз они не принадлежат ни к какому клану, дело становится сложным. Хотя, — поспешил уточнить он, заметив, что ее это очень расстраивает, — если они имеют способности или нашли бы спонсора, то их могли бы взять в Академию. Разведку не интересует, есть ли у них клан.

Надежда осветила ее узкое лицо — но эта надежда была смешана с неуверенностью.

— А они... для этого годятся?

— Пока рано судить. Они достаточно сообразительные — и быстрые, как ты заметила. А еще... — он пристально посмотрел на нее, — возможно, потянет только один из них. По-моему, девчонка немного быстрее.

— А паренек кажется немного более сообразительным, — отозвалась Эллиана, продолжая жевать нижнюю губу. — И разведчики готовят других, которые не претендуют на место в Разведке. — Она подняла на него глаза. — Вы говорили, что в Академии мое имя дороже золота.

— Это так.

— Тогда может найтись возможность, хотя я сомневаюсь, чтобы двух дней хватило выяснить, чего они стоят. Может быть...

— Я найду для них работу, — прервал ее Жон. — Мы оставим их на столько, сколько нужно для настоящей проверки.

— Спасибо! — сказала она. — Вы очень добры.

— Я — беспардонный старик, — уточнил он и махнул рукой в сторону дальней стены и двери в свой кабинет. — Даав оставил тебе одну вещь, если ты пожелаешь ее взять.

Предвкушение заставило ее глаза засиять ярче.

— Да!

Они направились туда вместе. Эллиана несла на руках Заплатку.

— Ты ее избалуешь, так что она постоянно будет требовать, чтобы ее носили, — проворчал Жон и чуть было не ахнул, когда она весело засмеялась в ответ.

— Мне приходится ее нести, иначе я не могу ходить, — объяснила она. — Что было бы хуже: стоять часами и гладить ее или нести туда, куда я хочу пойти?

— Я соберу группу, чтобы это решить, — пообещал он и с поклоном пропустил ее в кабинет впереди себя.

Она приостановилась у письменного стола, чтобы отпустить Заплатку. Жон прошел к терминалу и перебрал пачку карточек.

— А, вот она!

Он протянул ей тонкую металлическую карточку и смотрел, как она берет ее: на ее лице радость боролась с неуверенностью.

— Второй класс!

В ее голосе слышалось изумление.

— Даав оставил мне запись вашего вчерашнего приключения — вместе с рекомендацией подтвердить твою лицензию второго класса. Спросил меня, не соглашусь ли я передать тебе карточку. — Тут он широко улыбнулся, откровенно гордясь ею. — Соглашусь ли я! Хотел бы я знать, как это я мог

бы не согласиться? — Он протянул ей руку. — Сработано на бинджали, пилот!

Она заморгала, глядя на протянутую руку, а потом протянула свою — и решительно дотронулась до его пальцев.

Жон снова улыбнулся, чуть сжал ее руку и отпустил.

— Мне следует поговорить с мастером Даавом относительно его методов обучения, — заметил он. — Подвергнуть начинающего пилота такому стрессу...

— Право же, — горячо проговорила Эллиана, крепко прижимая к груди драгоценную карточку, — право, я сама попросила его... устроить мне полную проверку. Мне необходимо получить лицензию первого класса не больше чем за год!

— Если он продолжит в том же темпе, то через пару ре-люмм ты уже будешь мастером, — заверил ее Жон, почти не преувеличивая.

Она коротко улыбнулась.

— Мне следует зарегистрировать мою новую квалификацию в Гильдии, — сказала она. — И в офисе Корвала.

Она подняла голову с новым приливом неуверенности.

— Даав сегодня работает? Или, может быть, завтра?

— Сказал, чтобы мы не ждали его день — или три, — ответил Жон и заметил, как плечи под синей курткой ссутулились.

— По... понимаю. — Она чуть помедлила, а потом снова решительно расправила плечи. — Скажите, не согласится ли кто-нибудь лететь со мной завтра? Мне хотелось бы подняться... пораньше.

В соответствии с правилами при полете в околопланетном пространстве пилоту второго класса не нужен второй пилот. Однако Даав, этот бессовестный пират, познакомил ее с малым прыжком, а Жон был слишком старым и многоопытным инструктором, чтобы не понимать: этого короткого знакомства с гиперпространством будет ей мало. И тем больше ей чести, что она попросила о присутствии второго пилота.

— Завтра рано утром должен прийти Клонак, — сказал он. — Или, если хочешь, я могу освободить Триллу. Лучше заранее выбери, иначе они будут драться за эту честь.

Она улыбнулась и повела плечами, явно не поверив его словам.

— А Клонак всегда несерьезный?

— Клонак — чертовски хороший пилот, — серьезно ответил Жон. — Даав еще в детстве пил аккумуляторную жидкость вместо чая: нет такого корабля, на котором он не смог бы летать. Получил класс мастера играючи. С Клонаком было иначе. Он потел над каждым уравнением, с кровью получал каждые координаты. Он научился пилотировать постепенно — и трудом заработал свою лицензию. Ты можешь многому у него научиться, если захочешь.

Эллиана наклонила голову.

— Я хочу узнать о пилотировании все, — заявила она. — Если Клонак согласится со мной лететь, я буду рада выбрать его.

— Я ему передам, — пообещал Жон. — Когда ты хочешь взлететь?

По ее лицу промелькнула какая-то тень: Жон истолковал ее как смесь восторга и страха.

— Через час после рассвета в Солситре, — твердо сказала она.

— Я ему передам, — повторил Жон.

Она кивнула. Из мастерской донеслись возбужденные голоса.

— Трилла вернулась, — сказал Жон, отходя от стола. — Не хочешь поговорить со своими спасенными?

Когда Жон ушел, Эллиана на секунду задержалась в его кабинете, бросив быстрый взгляд на свою карточку: лицензия второго класса, выписанная сегодняшним числом. Чуть неуверенной рукой она перевернула ее и нашла имя пилота, заверившего лицензию...

Жон дэа-Корт.

Она вздохнула, спрятала карточку в карман и отправилась возобновлять знакомство с пиратами.

— Простите, пилот, но вы правда та Эллиана Кэйлон, которая переписала Таблицы вен-Туры?

Лицо паренька было очень серьезным.

Она наклонила голову.

— Правда.

— Я же тебе говорил! — набросился он на свою подругу, которая явно смутилась. Он снова повернулся к Эллиане. — Йолан решила, что вы слишком молоды. По правде говоря, — добавил он, бросая еще один взгляд на девушку, — она думала, что таблицы были уточнены лет пятьдесят — шестьдесят тому назад!

— Ну а какая разница, когда именно их уточнили? — огрызнулась девица. — Главное, чтобы они были правильными!

— Совершенно верно, — серьезно согласилась Эллиана.

Йолан быстро посмотрела на нее, а потом опустила голову.

— Честно, пилот, мы с Сед Риком благодарны вам за вашу... рекомендацию мастеру дэа-Корту. Мы искали работу, но никто не хотел нас брать...

Она посмотрела на своего товарища, который сразу же продолжил их речь:

— А еще мы благодарны лисолицему... то есть вашему напарнику — за ужин. Мы не хотим, чтобы он тратился на...

Эллиана нахмурилась, и паренек испуганно замолчал. Она вздохнула, пытаясь подавить обиду за Даава. Лисолицый, надо же! Она помахала рукой, призывая к молчанию.

— Вы можете назвать его по его рангу: он капитан, — объявила она с неожиданной для себя самой строгостью.

Йолан весело скосила глаза.

— Капитан Лис, — сообщила она своему спутнику вполголоса.

Эллиана повернулась к ней, но не успела она произнести слова выволочки, которые уже вертелись у нее на языке, как голос подал Жон дэа-Корт.

— Если уж на то пошло, — сказал он, бесстрастно глядя на пиратов поверх своей кружки, — то капитан Разведки Лис.

— Разведчик! — Паренек сгорбился и рассмеялся — отрывисто и резко. — Из всех лохов выбрать разведчика и саму Кэйлон! Везет нам, Йолан!

— Похоже, что так, — смущенно согласилась она и снова перевела взгляд на Эллиану.

— Мы не хотели проявить неуважения к капитану, пилот. Просто мы не знали, как его называть, правда, Сед Рик?

— Конечно! — с готовностью подхватил он. — Мы будем хорошо о нем говорить, пилот. Вам не придется краснеть из-за того, что вы с нами знакомы!

— Хорошо, — отозвалась Эллиана, немного помолчав. — Мастер дэа-Корт говорит, что вы можете работать у него до тех пор... до тех пор, пока у него не закончится такая работа, которую вы можете выполнять. Я рассчитываю, что вы будете вести себя с честью и честно работать за честную плату. Если мастер дэа-Корт решит, что вас необходимо выгнать, на снисхождение можете не надеяться.

— Нет, пилот, — отозвался паренек с низким поклоном.

— Да, пилот, — сказала девица, кланяясь столь же низко.

Эллиана посмотрела поверх их склоненных голов на Жона, который привалился к столу, неспешно попивая чай. Он ухмыльнулся, и пальцы одной руки сложили слово «бинджали».

Глава двадцать четвертая

Не упускайте из виду действия, предпринятые от вашего имени...

Из Лиадийского Кодекса достойного поведения

Четырех часов и прохладного душа совершенно не хватило на то, чтобы восстановить равновесие духа. Облачившись в халат и распустив влажные волосы по плечам, Даав налил себе бокал утреннего вина и прошелепал в свой личный кабинет.

Едва он переступил порог своей довольно захламленной комнаты, как зазвучал сигнал комма.

Номер личной линии связи Даава знали шесть человек: Эр Том, Клонак тер-Мьюлин, лейтенант-разведчик Олвен сел-Иприт (его прежняя возлюбленная и бывшая напарница, которой сейчас на планете не было), Фрад Джинмер (еще один напарник), Фер Ган пен-Алдра (его отец, которого тоже не было на планете) — и Эллиана Кэйлон.

Сигнал зазвучал снова. Даав пересек комнату и нажал кнопку связи еще до того, как нота отзвучала.

— Да?

Лицо Эр Тома было серьезным — даже для Эр Тома. Наклон головы был сугубо официальным.

— Делм оповещен о том, что йос-Галан намеревается свести счеты с Кланом Сайкен за нанесенное оскорбление.

Счеты... Даав присел на подлокотник кресла, вглядываясь в глаза Эр Тома. Он прочел в его взгляде гнев, решимость, тревогу — и полное отсутствие боли. Значит, Энн и ребенок в безопасности.

— Делм слышит, — отозвался он.

Высокий лиадийский обжег язык льдом. Он вопросительно взмахнул рукой и перешел на низкий лиадийский.

— Что случилось, милый?

Эр Том глубоко вздохнул.

— Делм Сайкен сочла возможным повернуться спиной к Тоделми йос-Галан на публичном завтраке сегодня утром. — Он немного помолчал. — Ты еще не слышал?

— Я только что встал, — ответил Даав, протягивая руку к клавиатуре. — Ты же знаешь, какой я соня.

Нажав три клавиши, он вошел в домашний компьютер и вызвал свою почту.

— Ой-ой-ой. Письмо с извинениями от Иксина. Извинения от Асты. Письмо от леди Йо-Ланна с обещанием вычеркнуть Сайкен из списка тех, кого она у себя принимает...

Он перевел взгляд на Эр Тома, который все так же серьезно смотрел на него с экрана комма.

— Вот уже хороший результат из происшедшего. Леди Йо-Ланна так любит вычеркивать людей из списка своих приглашенных!

Эр Том не улыбнулся.

— Ты прав. Господин дэа-Гаусс получил распоряжение продать все акции предприятий Сайкена, которые имеют йос-Галаны. Если нужно, то с убытком — и шумно. Письма о разрыве контрактов отправлены в отношении всех договоров йос-Галанов с Кланом Сайкен. Господин дэа-Гаусс сообщил

мне, что он также продаст свои собственные акции предприятий Сайкена.

— Даа!

Даав нажал подряд еще несколько клавиш. Его мысли неслись стремительно. Публичное игнорирование — это дело серьезное, требующее быстрой и уверенной реакции. Такое оскорбление в адрес Энн Дэвис, леди Йос-Галан, автора трактата, который установил связи Земли и Лиад таким образом, какой не мог вызвать энтузиазма со стороны большинства лиадийцев... Нет, ответ Эр Тома нельзя счесть чересчур суровым.

То, что деловой поверенный Клана Корвал также пожелал участвовать в сведении счетов, красноречиво свидетельствовало о глубине нанесенного оскорбления. Господин дэа-Гauss был воплощением меланти и непогрешимого чувства чести.

— Ага! Я нашел анализ господина дэа-Гaussа, — объявил он Эр Тому. — Фонд помощи пилотам владеет четырьмя сотнями акций Сайкена.

Он нажал клавишу, быстро просмотрел соответствующий файл — и ухмыльнулся.

— Господин дэа-Гauss указывает, что продажа этих четырехсот акций даст Фонду достаточно средств, чтобы купить пакет акций в приборном предприятии Вонлета.

Он бросил еще один взгляд на Эр Тома и обнаружил, что его лицо стало чуть менее гневным.

— По правде говоря, господин дэа-Гauss склонен считать случившееся удачей.

Уголки губ Эр Тома раздвинулись в невольной улыбке.

— Это не так, хотя ход мыслей господина дэа-Гaussа понятен.

— Вот именно, — согласился Даав, адресуя своему поверенному инструкцию продать все без исключения акции Сайкена, принадлежащие Клану Корвал или лично Дааву Йос-Фелиуму.

— Делм намерен предпринять какие-то дополнительные шаги? — очень мягко осведомился Эр Том.

Даав покачал головой.

— Корвал не будет предпринимать публичных действий, помимо полного отказа от акций Сайкена. Конечно, Делм не сочтет возможным присутствовать на тех мероприятиях, где в качестве гостя будет присутствовать Сайкен. Но мне представляется, что свет уже пришел к этому выводу. Я так и слышу, как в эту минуту все Дома запустили соответствующие программы подбора.

Эр Том по-прежнему отказывался засмеяться — или хотя бы улыбнуться по-настоящему.

— Мне бы хотелось, чтобы ты к нам приехал, — неожиданно сказал он. — Энн... она не согласна со сведением счетов. Ей кажется... Она говорит, будто для нее... радостно, что Глава Сайкена повела себя так невежливо, потому что теперь при встрече с ней она избавлена от необходимости соблюдать вежливость.

— Что достаточно верно, — напомнил ему Даав, — если не считать того, что они скорее всего больше никогда не встречаются.

— Да, но... — Эр Том прикусил губу и отвел глаза. — Она говорит, — продолжил он очень тихо, — что мы, отвечая на оскорбление сведением счетов, привлечем всеобщее внимание к ней — к нам. Она... у меня такое чувство, что она... сердится. — Он снова поднял взгляд. — Она пошла играть на омнихоре.

— А! — Даав встал, отбрасывая волосы назад. Он улыбнулся своему обеспокоенному чалекет. — Я приеду. До очень скорой встречи.

— До скорой встречи, Даав.

— Что вы скажете об этих кислородных баллонах?

Клонак устремил на них внимательный взгляд, трогая свои усы с рассеянной любовью.

— Симпатичные кислородные баллоны, — проговорил он после целой минуты внимательного их изучения. — Симметричные. И цвет у них приятный. И к тому же полные. Я люблю, чтобы кислородные баллоны были такими.

Эллиана вздохнула.

— Простите меня. Я хотела узнать у вас, считаете ли вы, что этих четырех достаточно, или же их следует заменить на четыре более емких.

— Четырех требуют правила, о прекрасная богиня, но никто не станет возражать, если вы пожелаете иметь больше. Если трюм пуст, то вы можете потакать своей прихоти по максимуму.

— Да, но это — не моя прихоть, — возразила она, довольно убедительно изображая терпеливость. — Кажется, Даав счел, что четырех недостаточно, и я...

Выражение лица Клонака неуловимо изменилось, так что теперь Эллиана не сомневалась в том, что он слушает ее со всем вниманием.

— А что именно Даав сказал, богиня?

Его вопрос прозвучал очень осторожно, а карамельного цвета глаза смотрели с каменной серьезностью.

Эллиана моргнула.

— Ну, что он находился на корабле, в котором отказалася система жизнеобеспечения, и что достаточно попасть в такую ситуацию однажды, без полного запаса.

— Во-от как. Странно, что он об этом помнит.

Его голос звучал очень тихо, словно он обращался к самому себе. Других комментариев не последовало.

— А почему ему было об этом не помнить? — спросила Эллиана и тут же смущилась тому, каким резким оказался ее голос.

— Потому что им занимались Целители, — ответил Клонак и снова улыбнулся своей сумасшедшей улыбкой. — И Целителям пришлось дьявольски трудно, как я слышал. Они клялись, что он все забудет. И боги свидетели: ему хотелось забыть.

— У него... кончился воздух?

«Но это — полная нелепость, — растерянно подумала она. — Люди, у которых заканчивается воздух, уже не могут давать никаких советов...»

— Не совсем, — заверил ее Клонак. — Не до самого конца.

Он повернулся, открыл шкафчик со скафандрами и выдвинул один вместе с подставкой.

— Понимаете, в его корабле была пробоина. Компьютер разнесло на кусочки, щиты продырявило. Он все время задевал дыру, а заплата все время трескалась. Это надо было сделать с наружной стороны, но ему не посчастливилось закончить прыжок посреди метеорной бури. Так уж получилось, что виновата была ошибка в Таблице, которая еще не была уточнена.

Как бы то ни было, выходить из корабля было равносильно самоубийству. Даав не самоубийца — он остался в корабле. Выпустил буи. Вконец посадил аккумуляторы, пытаясь послать сигнал бедствия по узкому лучу. Сделал все, что мог, понимаете? А потом ему осталось только ждать — и использовать кислород.

— Но вы прилетели... — сказала Эллиана, сама не понимая, почему она в этом уверена.

— Я прилетел, — согласился пухленький разведчик, наклоняясь, чтобы осмотреть гермошвы на первом скафандре. — Я прилетел за тридцать шесть стандартных дней.

Он поднял голову, и она увидела его глаза — безрадостные, как дождь.

— Я вышел из гиперпространства, подобрал буи, включил комм... — Он судорожно вздохнул. — Он не отвечал... очень долго.

Разведчик повел плечами.

— Его долго пришлось убеждать в том, что я действительно здесь. Он всегда был упрямым. Наконец я пристыковался и перешел к нему. Он был на последнем баллоне, и в нем оставалось около одной четверти, кажется. Может, даже меньше. Он сооружал прибор: собирался разделять воду на кислород и водород, изготавливать свой собственный воздух. Насколько я знаю, в лаборатории Академии до сих пор изучают это устройство...

Он отвел взгляд: губы его кривились.

— Убедил его перейти в мой корабль. Убедил оставить приборчик в старом. Даже убедил открыть скафандр — чтобы сэкономить воздух в баллоне, понимаете? Но будь я проклят, если он не уселся в кресло второго пилота и не принялся

приворачивать расход воздуха в корабле! Пришлось пригрозить ему, что я вывихну ему голову и запихну в автovрача, — только тогда он перестал. — Он снова потрогал свои усы. — Не хотелось бы пробовать. Даав сильный — и страшно быстрый. Даже тогда он был таким. Особенно тогда.

Он по-земному покачал головой.

— Его начало трясти, только когда мы оказались в штаб-квартире. Олвен и Фрад повисли на нем и держали, пока не появились Целители.

— И Целители заставили его забыть, — прошептала Эллиана.

— Так мне всегда казалось.

Клонак нахмурился.

— Знаете что! — вдруг выпалил он. — Мне и самому впору было обращаться к Целителям! Даав... Лучше Даава пилота не найти. И одна идиотская математическая ошибка заставила его висеть в пробитой консервной банке и ждать смерти! Когда он так долго мне не отвечал, я уже решил, что опоздал. А потом я убедился, что он жив, и решил — все бинджали, пока не увидел, как он сидит за своим пультом спокойный как не знаю кто, приворачивает воздух и объясняет это как всегда рассудительно... И если такое может случиться с Даавом, лучшим пилотом вселенной, то что тогда будет с неуклюжим Клонаком? Я испугался. Я даже подумывал уйти из Разведки. Я поговорил с Жоном. Я поговорил с командующим, с Олвен, с Фрадом. И чем больше я говорил, тем тверже решал уйти. Запаковал вещички, по правде говоря.

Он энергично тряхнул головой.

Эллиана облизала пересохшие губы и заставила себя протянуть к нему руку.

— Но вы не ушли.

Клонак изумленно раскрыл глаза, шагнул вперед и бережно зажал ее руку между своих ладоней.

— Не ушел, — подтвердил он, — потому что зашел попрощаться с Даавом. Он спросил, почему я ухожу, и я ему ответил: «Потому что это опасно. Потому что люди гибнут, пытаясь делать то, к чему нас готовят». А он сказал...

Тут Клонак криво улыбнулся.

— Он сказал: «Это — жизнь, знаешь ли». — Клонак перевернулся плечами. — И я остался.

— И вы рады? — спросила Эллиана.

Клонак хмыкнул.

— Рад? Я выполняю единственную работу, которой стоит заниматься. Это делает меня радостным? Или ненормальным, как все остальные разведчики? — Он шагнул назад, выпустил ее руку и указал на скафандры. — Вы уже в них практиковались?

— Я надевала один и проверяла все системы.

— Так, я вижу, что работы у нас масса! Почему бы вам не зарегистрировать маршрут куда-нибудь на верхние уровни, где никого нет? На Первой верфи есть тихая заводь, где нам можно было бы припарковаться и побродяжничать за бортом.

— Хорошо, — ответила Эллиана, отступая от стены и поворачивая в коридор. Там она вдруг задержалась. — А что такое «побродяжничать»? — спросила она, тщательно выговаривая не-лиадийское слово.

— Ага! — со смехом отозвался Клонак. — Странно, что вы спросили...

— Это все из-за той треклятой книги! — огрызнулась Энн. — Большой дури я не слыхивала. Она предназначалась для специалистов! Кого еще интересует мертвое и пыльное прошлое?

Она перешла на диалект своего детства, и Даав принял это как показатель того, насколько она выведена из равновесия. Он пристроился на подлокотнике мягкого кресла и выгнулся, склонив голову.

— Совершенно верно, — ответил он спокойно на стандартном земном. — Но что бы ты попросила нас предпринять взамен того, что было сделано?

— Не обращать внимания! — воскликнула Энн, стремительно набрасываясь на него. — Обо всем забыть. Подставить вторую щеку. Показать, что Великому Дому Корвал нет дела до детских игр и что он находит подобные поступки всего лишь... немного... смешными.

— А! Интересно — и что бы это дало?

Она гневно нахмурилась, словно подозревая, что он над ней смеется. Он продемонстрировал ей свои пустые ладони с чуть расставленными пальцами.

— Энн, я спрашиваю тебя потому, что не знаю. Ты говоришь, что на нахальство Главы Сайкена можно найти лучший ответ. Покажи мне, какой именно.

— Ты и сам не дурак.

Вот уж поистине вежливая манера говорить со своим Деллом! Даав ухмыльнулся.

— Со мной всякое случается. Как и со всеми нами. Так чего мы достигнем, позволив Клану Сайкен дурно с тобой обходиться?

Она присела на край стула напротив него, крепко стиснув руки.

— Забвения.

Он ждал, склонив голову набок и внимательно глядя на нее.

— Она... отвернулась от меня потому, что хотела показать: моя книга, доказательство общего прайзыка, — это ложь. Она хотела устроить шумиху, понимаешь? И схватив ее наживку, ты подкрепил ее аргументы. Ты словно подтвердил, что Корвалу есть за что извиняться. Люди это заметят. Люди будут обсуждать это. И вместо того чтобы все забылось в считанные дни...

Она покачала головой.

— Если бы вы просто плонули на это дело, люди пожи-мали бы плечами и говорили, что Сайкен сделала из муhi слона. Она выглядела бы нелепо. И вскоре все уже начали бы обсуждать что-то иное.

— А!

Он закрыл глаза, взвешивая ее слова, пробуя их на вкус, ощущая форму и контуры культуры, в которой подобные действия были бы разумными.

— Понимаю, — проговорил он наконец. — Это действительно могло бы стать правильной реакцией. — Он открыл глаза и посмотрел в освещившееся надеждой лицо Энн. — В каком-то другом месте.

Надежда погасла.

— Даав...

Он поднял руку.

— В обществе, основанном на совместных действиях не связанных союзами личностей, каждая из которых сотрудничает с другими исключительно ради личной выгоды, такая реакция имела бы явные достоинства. Отмахнуться от оскорбления — значит сэкономить силы для более важных дел, направленных на личное продвижение. Однако на Лиад такого общества не существует, и предложенное тобой решение не сработает. Что еще хуже, — проговорил он, заставив свой голос звучать демонстративно мягко, — оно может причинить немалый вред.

— Я не...

— Вспомни, что мы — хищники, объединившиеся в группы сородичей и сдерживаемые законами Клана и Совета Кланов. Превосходство оберегается не менее ревностно, чем дети. Меланти открывает больше дверей, чем канtry — как скажет тебе любой богач, запятнавший свое имя. За оскорбление должно свести счеты — немедленно и сурово, иначе другие хищники увидят вашу слабость.

— Но...

— Дослушай, что я скажу. Я не говорю, что твоя реакция неправильная. Я просто говорю, что реакция Эр Тома лучше. На Лиад. Чтобы сохранить меланти, превосходство — и наше право на спокойствие, — Сайкену следует преподать урок. Если бы мы проигнорировали нанесенное этим утром оскорбление, то свет начал бы обсуждать это, строить догадки — и планы. В таком случае следующее оскорбление обязательно окажется более смелым, и очень скоро мы дойдем до такой точки, когда ставкой в игре станут жизни.

Энн широко раскрыла глаза.

— Если действовать по-нашему, — мягко заключил Даав, — Клан Сайкен лишается какого-то количества кантр и удовольствия присутствовать на определенных светских мероприятиях. Корвалу придется несколько изменить свои тор-

говые операции и контракты. Это уже сделано. Мир удовлетворен, и вопрос забудется — как тебе того и хотелось — в ближайшую дюжину дней. Если бы мы последовали твоему плану...

Он подался вперед и взял ее за руки.

— Нас слишком мало. Я не могу рисковать одной жизнью из-за неправильного сведения счетов. Долг Корвала — оберегать всех своих. И этот долг я воспринимаю самым серьезным образом.

Несколько секунд она молча вглядывалась в его лицо.

— И какова вероятность, — спросила она наконец, — что это станет... опасным?

Опасным. Он помолчал мгновение, пытаясь понять, что это слово может означать для нее, — и пришел к выводу, что в данном случае опасность была одинаковой для нее и для него самого: физический ущерб, причиненный спутнику жизни, ребенку, ей самой или другому родственнику.

— Сегодня днем она меньше, чем утром, — ответил он с полной правдивостью, на которую она имела право, как его родня. — К данному моменту сделано два хода в игре, и мы ответили так, как следовало. Не исключено, что кто-нибудь сделает третью попытку. Своевременный ответ на нее определит нашу позицию совершенно четко.

Она со вздохом отняла у него свои руки — но задумчиво, а не в гневе.

— Твой спутник жизни, — тихо добавил он, — будет оберегать вас со всем своим умением. А ваш Делм будет оберегать вас всех.

— Да.

Она вздохнула и встала — высокая, грациозная, земная.

— Спасибо, — сказала она, хотя по-лиадийски один родич этого слова другому говорить не обязан. — Я поговорю с Эр Томом.

Он улыбнулся и тоже встал.

— Не волнуйся, — пообещал он ей, — все будет хорошо.

Глава двадцать пятая

Когда речь идет о союзнике, соображения дома, клана, планеты и расы меркнут рядом с двумя основными вопросами, которые звучат так:

1. Умеет ли он стрелять?
2. Будет ли он целиться в твоего врага?

Из Вахтенного журнала Канtry йос-Фелиум

— Твой анализ очень красноречив, сын мой. Оставь его дня на три, чтобы я могла внимательнее изучить его достоинства.

Ран Элд поклонился, стараясь не выказать огорчения. Он долго потел над этим анализом, пытаясь выяснить все преимущества, которые кожевенное предприятие клана может получить от партнерства с Саном бел-Фазином. И настолько убедительно расписал выгоды от модернизации оборудования и расширения производства, что убедил даже себя в том, будто продажа половины предприятия бел-Фазину будет для Мицела только выгодна. Неужели беглого взгляда недостаточно, чтобы убедить Делма в этой выгоде?

Двенадцать дней подходили к концу.

— Господин, сделавший нам предложение о партнерстве, — проговорил он, внимательно следя за тем, чтобы его голос звучал ровно, — был явно заинтересован в быстром решении.

— Вот как? — Глава Кланы Мицел подняла голову. — Не следует забывать: этот господин сам обратился к нам, мы его сотрудничества не искали. Если он не может дожидаться разумного рассмотрения его предложения, то волен искать компаньонов в других кланах.

Ран Элд похолодел.

— Матушка, может быть...

Она подняла руку.

— Сын мой, я вижу, что ты убежден в выгодности этого плана. Возможно, ты еще слишком молод, чтобы понять: нет такого плана, который нес бы только прибыли. Я должна понять, что Сан бел-Фазин рассчитывает получить от своих вложений и может ли Мицел позволить себе пойти ему на-

встречу. — Она улыбнулась. — Если оказывается, что Сан бел-Фазин не может себе позволить ждать, то мы узнаем нечто важное. И я не думаю, что человек, неспособный выбрать умеренный курс, может быть подходящим партнером для Мицела. Когда решается будущее Клана, мы действуем медленно, спокойно и осмотрительно. Я тщательно обдумаю твой анализ, можешь в этом не сомневаться.

Ее слова звучали непререкаемо, и Ран Элд вынужден был поклониться.

— Доброго дня, матушка.

— Иди с радостью, дитя мое.

Он поспешил скрыться у себя в комнатах и решительно закрыл за собой двери. Боги, что он будет делать, если Делм отвергнет его план? Двадцать кантр, которые вскоре удвоются! Но нет, успокоил он себя, плеснув в стопку бренди, она не отвергнет этот план. Внимательное изучение только поможет ей более полно оценить все его преимущества. Его мать не глупа, она просто консервативна. Но ее осторожность отступит перед здравым смыслом.

И очень скоро.

Это оказался маленький, аккуратный дом на аккуратной улочке, расположенной в удобной близости от делового района Солситры. Даав открыл задвижку на калитке и прошел по мощеной дорожке через тщательно ухоженный сад перед домом, поднялся по шести низким ступенькам крыльца и позвонил.

Он не сообщал заранее о своем приходе и не надел официальный костюм, предписанный Кодексом для тех случаев, когда один делм наносит визит другому. По правде говоря, его можно было принять за поверенного, который забрел на несколько кварталов дальше своих привычных угодий — если не принимать во внимание того, что мало найдется таких поверенных, которые были бы приняты в Племя Ман.

Простая синяя дверь широко распахнулась — и Даав обнаружил перед собой серьезное лицо мальчика не старше восьми стандартных лет.

— Добрый день, — сказал ребенок, с интересом разглядывая кожаную куртку пилота, картаво выговаривая обычный вопрос привратника. — Кто пришел и по какому вопросу?

— Пришел Даав йос-Фелиум, — ответил он на высоком лиадийском в модальности гостя, обращающегося к ребенку Дома, — по делу, касающемуся Дома.

Ребенок нахмурился. Он не мог не знать, что семейство йос-Фелиум принадлежит к Клану Корвал. Видимо, нахмуренный лоб был связан с попыткой определить, какое именно место занимает некий Даав из семейства йос-Фелиум, поскольку личные имена делмов вне круга их родни обычно забывались.

— Семейство йос-Фелиум не принадлежит к Клану Рептор, — уверенно заявил мальчик. — Мне нужно знать ваше дело, сударь.

— Очень верно, — пробормотал Даав, чуть выдвигая вперед руку, так что Кольцо Корвала блеснуло в лучах вечернего солнца. — У меня дело к Делму Рептора.

Взгляд мальчика смеялся, прослеживая источник отблеска. Глаза его тут же расширились и снова устремились на гостя.

— Сударь, — сказал он и отступил от двери, отвесивая поклон ребенка Дома почетному гостю, — добро пожаловать в наш Дом.

— Спасибо, — мягко отозвался Даав и вступил в полутемный вестибюль.

Он посторонился, чтобы мальчик смог закрыть дверь и запереть ее, а потом прошел за ним по короткому коридору в гостиную, выходившую окнами в сад за домом.

— Сейчас принесут закуски, — сказал мальчик с торжественностью, делающей честь его Дому. — А я пойду и найду Делма, сударь.

— Спасибо, — еще раз повторил Даав.

Мальчик нырнул в коридор, оставив дверь открытой.

Даав осмотрел заставленные книгами стены и уютно-потертые кресла гостиной. Это было не парадное помещение, предписанное Кодексом и содержащееся в бездушном поряд-

ке для того, чтобы произвести впечатление на официальных посетителей. Это была комната, в которой жили, комната, предназначенная для того, чтобы в ней радовались — и чтобы она сама доставляла радость. Даав направился к соблазнительно переполненным полкам.

Шаги в коридоре заставили его обернуться как раз в тот момент, когда на пороге оказалась девочка примерно на год старше привратника. Она несла в руках поднос.

Этот поднос она отнесла на мраморный стол у окна, где быстро расставила запотевший графин, два хрустальных бокала и расписанное блюдо с горкой печенья. Повернувшись, она отвесила Дааву поспешный поклон, проговорила: «Прощу вас, сударь», — и исчезла, только что не бегом бросившись в коридор. Дверь только покачнулась на петлях.

Обещанные закуски — и вежливость требовала, чтобы он их отведал. Даав налил прозрачную жидкость из графина в бокал и пригубил ее. Симминское вино, ледяное и такое терпкое, что дух захватило. Он с иронией посмотрел на блюдо со сладостями и ушел с бокалом к книжным полкам.

Он едва успел оценить содержимое первой полки, когда в коридоре раздались новые шаги. Даав повернулся и вышел в центр комнаты, держа в руке бокал так, чтобы Кольцо Корвала было на виду.

Мужчина, решительно вошедший в гостиную, был рыхлым и светловолосым. Он не был стар, хотя, как показалось Дааву, на несколько лет старшего его. На вошедшем был помятый дневной костюм и потертые тапки. С усталого умного лица смотрели удивительно быстрые карие глаза.

Эти быстрые глаза скользнули с руки Даава на его лицо, выдавая удивление, лишенное тревоги. Он поднял руку, демонстрируя Кольцо Рептора, и поклонился как делм делму.

— Чем Рептор может служить Корвалу?

— Тем, что простит вторжение в ваш дом, — отозвался Даав в модальности двух взрослых. — И тем, что подарит Дааву йос-Фелиуму несколько минут своего времени.

— Хорошо.

Глава Рептора позволил себе несколько мгновений на то, чтобы всмотреться своими умными глазами в лицо Даава. Он двинул рукой, словно бросая кости, и наклонил голову.

— Даав йос-Фелиум может распоряжаться моим временем, — проговорил он наконец в модальности, предложенной Даавом.

Подойдя к столу, он налил вина во второй бокал, чуть вздохнул на блюдо с печеньем и снова повернулся к Дааву.

— Я — Зан Дер пел-Кирмин. — Он махнул рукой в сторону двух удобных кресел. — Присаживайтесь.

— Благодарю вас.

Даав опустился в ближайшее к нему кресло, отпил еще вина и поставил бокал на столик у кресла. Зан Дер пел-Кирмин последовал его примеру и откинулся на спинку кресла. В его взгляде появились любопытство — и тень недоумения.

— Что привело Даава йос-Фелиума в мой дом?

— Слухи, — мягко отозвался Даав. — Я почти уверен в правильности моих сведений, но спрошу вас, для полной определенности: не случилось ли Рептору сравнительно недавно... затерять двух своих членов?

Умное лицо застыло, карие глаза скользнули в сторону.

— «Затерять», — пробормотал он, словно обращаясь к себе самому. — Мягко сказано.

Он снова посмотрел Дааву в лицо.

— Их имена — Йолан пел-Кирмин и Сед Рик бин-Ала, — сказал он чуть дрогнувшим голосом. Боль и надежда боролись в его быстрых глазах. — Вы не... у вас есть... известия?

— С ними все в порядке, — ответил Даав и увидел, как чувство облегчения немного приглушило боль. — В настоящий момент они находятся под покровительством пилота Эллианы Кэйлон, корабль которой взлетает с причала «Бинджали» в Верхнем порту. — Он помолчал и посмотрел прямо в глаза своего собеседника. — Они называют себя бесклановиками.

Круглое лицо залила бледность, в карих глазах сверкнули слезы.

— Бесклановиками... — Точно таким же тоном он мог сказать «погибли». — Я... — Он отвернулся, кусая губы. — Прошу меня простить, — с трудом выдавил он.

Ощупью найдя свой бокал, он поднял его к губам и сделал глоток.

— Я наводил справки, — проговорил он тихо и быстро, не поднимая взгляда. — Я был уверен, что они отправятся в порт, потому что оба с ума сходят по кораблям... — Он посмотрел на Даава и сжал бледные губы. — Прошу прощения.

— Не за что. Насколько я знаю, это свойственно многим юнцам.

— Это верно. Но, как бы то ни было, мои справки ничего не дали. Они... Тогда я стал ждать, но они не вернулись домой и я начал опасаться... что они улетели. — Он вздохнул. — Бесклановики. Боги! — Бессильно обмякнув в кресле, он обратил на Даава лицо, на котором ясно читалось облегчение и недоумение. — Они не лишены Клана!

— И тем не менее они это утверждали. Неоднократно.

— Слово, брошенное в гневе и не имевшее ничего...

Он закрыл глаза, глубоко вздохнул и снова открыл глаза.

— Их... покровительница. Кажется, вы сказали — Эллиана Кэйлон. Это та самая Кэйлон? Уточнившая Таблицы вен-Туры?

— Та самая.

— Я ее должник. Такое расширение меланти и забота о тех, кто не имеет права называться родней... это... беспрецедентно. Я ее должник, — еще раз повторил он и взмахнул рукой, — как и ваш.

Даав испустил демонстративно печальный вздох.

— Никаких долгов по отношению ко мне, прошу вас. Если хотите знать, я просто вмешался не в свое дело. Так что я попрошу вас не упоминать о моем визите пилоту Кэйлон, если вам случится с ней разговаривать.

— Конечно, я буду с ней разговаривать! — воскликнул Зан Дер пел-Кирмин, широко открывая глаза. — Я должен с ней поговорить — и немедленно! Нельзя, чтобы они и дальше оставались обузой на ее снисхождении, когда у них есть родичи, которые рады будут видеть их дома...

Он замолчал — и брови у него сдвинулись.

— А что пилот... — я не имею в виду ничего неуважительного!.. — я просто хотел узнать, что пилот Кэйлон думала

сделать для них, если они объявляли себя бесклановиками и почти не были обучены...

— А! — Даав взял свой бокал и отпил прохладного терпкого вина. — Насколько я знаю, она собиралась рекомендовать их в Академию Разведки.

— В Академию Разведки? — недоуменно переспросил хозяин дома.

— Среди пилотов имя пилота Кэйлон стоит дороже кантера, — мягко объяснил Даав. — Поскольку она сама почти не располагает иными наличными средствами, а ваша парочка казалась достаточно быстрой и умной...

— Да улыбнутся ей боги, этой великодушной и добросердечной леди! — почтительно проговорил Делм Рептора. — Они... Йолан и Сед Рик немного обучались пилотированию, и их инструкторы не исключали первого класса. Если бы не тот, другой вопрос... Но я немедленно отправлюсь к ней, к пилоту Кэйлон, и избавлю ее от проблем Рептора...

— Немедленно, — мягко уточнил Даав, — вряд ли окажется возможным, поскольку пилот Кэйлон проживает в Чонселте. Однако ее корабль взлетает...

— ...с причалов «Бинджали», — перебил его Глава Рептора с бледной улыбкой. — Я понял. Вы очень добры.

— Нет, только бесцеремонен, как я уже сказал. — Даав встал и поклонился хозяину дома. — И, проявив достаточно много бесцеремонности, я не стану дольше нарушать ваш покой. Будьте здоровы и благодарю вас за то, что подарили мне свое время.

— Этот дар был радостным, — отозвался Зан Дер пел-Кирмин, вставая и ответно кланяясь. — Мое имя принадлежит вам, чтобы вы пользовались им по своему усмотрению.

Даав улыбнулся, ощущая прилив тепла. Это был немалый дар — все меланти человека, отданное в распоряжение Даава.

— Вы оказали мне слишком большую честь, — сказал он совершенно искренне.

— Нисколько, — ответил тот решительно и предложил ему руку. — Позвольте мне проводить вас до дверей.

* * *

— Драться? — Эллиана обвела взглядом Жона, Триллу и Клонака. — А для чего мне уметь драться?

— Потому что порты и дальние планеты — это, как правило, места опасные, о прекрасная богиня.

— Потому что капитан должна быть в состоянии защитить себя, свой корабль и свой груз, — подхватил Жон. — И своего напарника, если таковой будет.

— Совершенно верно, — заключила Трилла своим небрежным дальнепланетным говорком. — Способность ясно сказать «нет» никогда не вредила ни одному пилоту.

Эллиана изумленно посмотрела на всех троих и забралась на высокий табурет. Заплатка немедленно прыгнула с пола к ней на колени.

— Я совершенно ничего не знаю о боевых приемах, — призналась она, пока кошка тыкалась головой ей в плечо и мурлыкала, словно крошечное землетрясение.

— Вот потому-то и надо учиться, — терпеливо объяснил Клонак. — Если бы ты уже их знала, то пытаться тебя обучить — значило бы впустую терять время.

— Нас обучали самозащите в курсе подготовки пилотов, — заметила Йолан, отрывая взгляд от ящика с запчастями, в котором они с товарищем наводили порядок.

— Но этого оказалось недостаточно, — добавил Сед Рик. — Нам пришлось внести поправки.

Он выпрямился, и одновременно то же самое сделала Йолан. Они подошли к табуреткам своим обычным построением: Йолан — по правую руку Сед Рика.

— Видите? — сказал паренек, и его правая рука резко рванулась вбок, срывая с пояса нечто яркое и смертоносное.

Это нечто звякнуло, зашипело — и затихло, когда Клонак направился к нему, протягивая руку.

— Звеноцепь, — сказал он, демонстрируя ее остальным.

Эллиана растерянно заморгала. Больше всего это было похоже на кусок тонкой цепочки, свернутой в петлю и закрепленной на кожаной рукояти.

— Незаконное оружие, конечно, — договорил Клонак и бросил петлю обратно Сед Рику, который поймал ее на лету и повесил обратно на ремень.

— Действенно, — заметил он, а Йолан добавила:

— Мы держим ее справа, потому что я — левша. Я иду справа от Сед Рика. Если он падает...

— То один из вас остается вооруженным и может действовать, — закончил за нее Жон. — Работа напарников, все правильно. — Он повернулся к Эллиане. — Те, кто не дерется, погибают, преподаватель математики.

Она посмотрела прямо ему в лицо.

— Я — трус, мастер Жон. Вам достаточно только поднять руку — и я съежусь.

— Тем больше оснований учиться, быстро и старательно, — отзывалась Трилла. — Если достаточно хорошо научишься, никто тебя не тронет.

Она соскользнула со своей табуретки, адресуя Клонаку целый ливень пальцевых знаков.

— Есть разные стили боя, — проговорила она, указывая ему, на какое место следует встать. — Клонак предпочитает портовые правила, что значит — никаких правил.

— Видишь голову — бей в голову! — жизнерадостно объявил Клонак.

— Вот так, — сказала Трилла — и пришла в движение.

Эллиана спрыгнула с табуретки, сбросив Заплатку вперед. Жон поймал ее за запястье. Она пронзительно вскрикнула — и замерла, испуганная и завороженная, глядя, как Клонак остановил нападение Триллы пинком, направленным прямо в живот женщины. Однако Трилла уклонилась и направила ответный удар в колено Клонака. Он упал с перекатом, и она прыгнула вперед, собираясь лягнуть его в голову. Только Клонак вдруг стремительно сел, и теперь уже упала Трилла с высоком заломленной за спину рукой и прижавшись щекой к цементному полу.

— Сдаюсь!

Это слово еще не успелоозвучать, как Клонак уже выпрямлялся, подавая руку, чтобы помочь ей встать.

— Неплохая партия, старушка.

Она ухмыльнулась и передернула плечами, оглядываясь на Эллиану.

— Ну, это мне не очень хорошо дается.

— Трилле нравится танец, — сказал Клонак.

Он положил руку на пояс — и отнял от него злобно выставленный палец.

— Притворимся, что это нож! — крикнул он и рванулся вперед.

Трилла легко ушла в сторону, развернулась, вскинула ногу, уклонилась. Нож следовал за ней, спеша нанести удар, двигаясь все более отчаянно... И Трилла вдруг полетела вперед — легко, словно в танце. Ее рука резко столкнулась с запястьем Клонака, его рука дернулась вверх...

— Обезоружен! — воскликнул он и быстро уселся на пол, скрестив ноги и ухмыляясь Эллиане, глядя на нее снизу вверх. — Склонись перед необходимостью, божественная. Вселенная — место опасное.

— Первый урок состоится завтра, — объявил Жон, наконец выпуская ее запястье. — Трилла будет учить тебя танцу.

Глава двадцать шестая

Джела всю свободную вахту возился на мостике, отлаживая систему канатов и сетей безопасности, предназначенных для удержания дерева в положении, которое он считает нужным. Он уже собрался подвести от главного двигателя гравитационное поле, но я это запретила.

Если это дерево будет на мостике, то пусть, черт подери, подвергается тем же рискам, что и пилоты.

Из Вахтенного журнала Канtry Йос-Фелиум

Даав завязал серебряную ленту, позволив расшитым бисером концам упасть вниз. Глядя в зеркало, он расправил кружеvo и придал воротнику более правильную форму. Расшитая

бисером лента элегантно легла ему на плечо, уравновесив грубо кольцо, висящее в мочке уха.

Он прервал свой туалет, трогая серьгу. Мысленно он снова перенесся в то утро, когда Скалоцвет вывела его из шатра. Роза намочила ему сапоги. Они стояли на краю равнины, на краю рассвета.

Она повернула его лицом к восходящему солнцу и выкрикнула его имя — Эстреллин, Звездосын. Это имя не считалось у Племени Ман счастливым, поскольку считалось, что звезды приносят безумие, но Скалоцвет приказала ему стоять без страха. Краем глаза он увидел проблеск клинка, почувствовал, как он впивается ему в мочку уха, — и услышал, как одобрительно хмыкнула Скалоцвет.

— Кровь и клинок, Звездосын, ребенок из шатра бабки.

А потом они вернулись в осенний лагерь, в серебряный шатер работников. Скалоцвет собственноручно скрутила нагретый металл в нужную форму. Раскаленная проволока вошла в надрез на ухе, прижигая ранку, и ее концы сплавились, образовав сплошную петлю. Она сказала ему, что ничто не сможет разорвать это кольцо — как ничто не сможет разорвать его узы с ее шатром.

Стоя в Джелаза Казон за час до торжественного обеда, Даав невесело улыбнулся своему отражению. Конечно, серебряную петлю можно было разорвать, и без всякого труда — один щелчок кусачек, осторожно вынутая проволока, пара минут в автovраче, чтобы уничтожить шрам... Он не стал этого делать. И не станет. В плену у лиадийцев остается кусочек Звездосына, ребенка из шатра его бабки.

Он отвел взгляд от глаз своего отражения и открыл шкатулку с украшениями. В числе гостей сегодня будет его нареченная, оказавшаяся дома по окончании испытательных прыжков. Она будет рассчитывать на то, что увидит его в драгоценностях, как подобает его высокому положению. Он выбрал булавку с сапфировой головкой и тщательно заколол ею кружево у шеи, лениво раздумывая, будет ли Звездосын из шатра своей бабки соблюдать обычай и остигнет ли волосы после свадьбы.

На самом деле, размышлял он, надевая сапфировый перстень на указательный палец правой руки, обычай Ман требовал, чтобы жена сама оказала мужу эту услугу наутро после первой супружеской ночи. Он попытался представить себе, как изящная Самив приступает к этому обряду, — но очень быстро прекратил все попытки. У Ман брак был пожизненным союзом и имел свои особые законы. Если подумать, то гораздо легче представить себе, как Энн стрижет волосы Эр Тому. Конечно, заверил он себя, бросая ироничный взгляд в зеркало, это не значит, что прическа его чалекет когда-либо бывает не идеальной.

— Прекрасно, ваша милость, — сказал он себе, плавно взмахивая рукой, на которой блестели серебро и сапфиры.

Он повернул голову, заставив серьгу закачаться, — и почувствовал, как волосы тяжелой волной скользнули по плечу.

— Думаю, что не стану их стричь, — сказал он, серьезно рассматривая свое отражение.

Он тряхнул руками, расправляя кружевные манжеты, смахнул воображаемую пылинку с мягких черных брюк и отступил, отвесив себе глубоко ироничный поклон.

— Желаю приятно провести вечер, сударь. И попытайтесь ценить пилота тел-Изак так высоко, как вам положено.

Мастер дэа-Корт разрешил им ночевать в спальне для дежурных пилотов, примыкавшей к складу. В соответствии с его разрешением они сдвинули две койки, уложили подушки и одеяла — и обнаружили, что им не хочется ни спать, ни резвиться.

— Пройдемся? — предложила Йолан, приглаживая волосы руками и заставив их распуститься так, что стала похожа на одуванчик размером с Йолан. — Я что-то вся дергаюсь.

— Я тоже, — признался Сед Рик.

Он покопался в своем кошеле и достал их тщательно сбереженный заработок. Мастер дэа-Корт щедро платил за черную работу, хотя и не столь щедро, чтобы потеря четырех дексов прошла незамеченной. Сед Рик пересчитал их общую наличность и с кривой улыбкой поднял голову.

— Купим мороженого?

Йолан рассмеялась.

— А почему бы и нет?

Они прошли через главную мастерскую, миновав офис мастера дэя-Корта.

Старый разведчик сидел за письменным столом, склонив голову над переплетенной книгой. Казалось, он ничего вокруг не замечает. Сед Рик взглянул на Йолан. Йолан кашлянула.

— Отправились гулять по порту? — спросил Жон, не труясь поднять голову. — Пилоту Кэйлон будет приятно, когда вас обоих найдут убитыми.

Йолан прикусила губу.

— Мы только хотим купить мороженого, мастер. Если вы считаете, что пилот была бы недовольна...

Тут он поднял голову и устремил на них бесстрастные янтарные глаза.

— Юные создания! — проговорил он через пару мгновений и взмахнул широкой ладонью. — Идите и покупайте свои сладости. Просто будьте осторожны, ладно? Мне не хотелось бы объяснять пилоту, почему произошла трагедия.

— Да, мастер, — отозвался Сед Рик, кивая на Йолан. — Мы просто хотели пройтись до Восточных рядов.

— Мы будем осторожны, — вставила Йолан. — Конечно же.

— Ладно, — сказал Жон и снова углубился в чтение.

Йолан с Сед Риком выскользнули из офиса и покинули мастерскую через заднюю дверь. Оказавшись снаружи, они повернули налево, намереваясь по диагонали пересечь территорию «Бинджали» и воспользоваться воротами в восточной части. От ворот до Восточных торговых рядов было всего два небольших квартала, а киоск с мороженым стоял там одним из первых.

— Как ты считаешь, когда пилот полетит из системы, ей понадобится команда?

Йолан говорила чересчур небрежно: так бывало всегда, когда ей хотелось сделать вид, будто жгучий вопрос не имеет особого значения.

Сед Рик вздохнул.

— На прыжковом корабле класса «А» большая команда не нужна, — заметил он. — Они с капитаном прекрасно справятся вдвоем.

— Наверное, — признала Йолан.

Какое-то время они молча шли по коридору кораблей, дремавших на своих площадках в сумерках порта.

— Может, они возьмут нас с собой! — сказала Йолан, и в ее голосе прозвучала безнадежность.

Сед Рик остановился, взорвившись на нее.

— Куда возьмут?

— На какую-нибудь планету, — ответила она и взяла его за руку. — Куда-нибудь, где никому не будет дела до того, из какой мы семьи... и в каком родстве находимся. Они могли бы нас взять... Пилот взяла бы, готова поспорить.

— Да. Но ее напарник выкроен из кожи для плетей.

— А может, и нет, — сказала она, лихорадочно сжимая его руку. — Может... не настолько. В конце концов, кто нас накормил? И раздатчик даже глазом не моргнул, правда, Сед Рик. У капитана Даава там постоянный счет. Откуда нам знать, может, он весь порт кормит!

— И все это делает его настолько глупым, чтобы брать на борт балласт, когда корабль живет за счет полезных грузов? Ты размечталась, Йолан. И сама это понимаешь.

Она понурилась.

— Тогда что нам делать? Мастер дэа-Корт не станет держать нас до бесконечности. Уже сегодня он заплатил нам за ненужную работу! А кто еще нас возьмет? Мы уже на грани, так ведь? Ты слышал его вопрос: кого мы продадим первым — тебя или меня? Если дойдет до этого...

— Не дойдет, — твердо пообещал ей Сед Рик. Он покусал губы, глядя ей в лицо. — Я тут думал, — медленно проговорил он, тщательно подбирая слова, потому что он действительно много думал — и потому что ей не понравится то, к чему привели его размышления.

— Я тут думал, — снова повторил он, — что мы могли бы пойти и... поговорить... с дядей Зан Дером.

— Поговорить с отцом? Мы говорили с отцом. С большим успехом можно было говорить с корабельной обшивкой! Мы

весь показали ему карту и то, какой расклад генов получается — он на нее хоть взглянул? А ему было дело до того, что для нас обоих с детства никого другого не существует? Он хоть...

Йолан начинала распаляться все сильнее — чего ему и следовало ожидать. Он притянул ее к себе, уложил ее голову себе на плечо и потерся щекой о ее волосы.

— Тише! Тише! Я просто думал, вот и все.

И снова, и снова приходил к выводу, что чем дальше, тем опаснее оставаться в порту. Йолан угрожает опасность, пусть даже она не желает этого признавать. Дядя Зан Дер позабочится о том, чтобы она прошла полный курс подготовки, стала прыжковым пилотом. Ему казалось... казалось, что он сможет договориться, чтобы его отправили в ученики к кузену Пери, который владеет торговым складом на Мордре. Они расстанутся — а ведь они ушли из клана именно для того, чтобы их не разлучили!

У него не получается ее защитить.

— Пошли купим мороженое, — глухо прошептал он ей в затылок.

Она пришла в движение, подняла голову и отстранилась.

— Конечно.

Держась за руки, они двинулись дальше вдоль кораблей, приближаясь к «Полосе удачи», уютно устроившейся на площадке срочного взлета.

Йолан вздрогнула, и ее пальцы, которые он сжимал в своей руке, вдруг напряглись.

— Что это?

— О чём...

И тут он тоже ее увидел — тень, которая осторожно перемещалась у края пандуса, ведущего к «Полосе удачи».

— Может, это капитан Лис? — неуверенно предположила Йолан.

— А зачем ему красться в темноте? — Тут фигура еще раз пошевелилась, и Сед Рик нахмурился. — И рост не такой высокий.

Фигура поставила ногу на пандус, громко стукнув каблуком по металлу.

— Бежим! — позвала Йолан — и тут же рванулась к пандусу. С замирающим сердцем Сед Рик бросился следом.

Даав потратил на список гостей определенные труды. С одной стороны, с учетом того, что Биндан относился к кланам среднего уровня, невежливо было бы пригласить исключительно представителей Пятидесяти — как бы это ни лъстило амбициозному Делму Биндана. А если пригласить помимо будущей супруги и ее делма только Эр Тома, Энн и кузена бел-Тарду (что ему самому было бы приятнее всего), это было бы воспринято Главой Биндана как оскорбление — и небезосновательно. Такие узкородственные встречи относились к периоду, предшествующему формальному предложению о контракте.

Количество приглашенных на подобное собрание, приходящееся на период между предложением и формальным подписанием, вполне можно было свести к дюжине, но из этой дюжины только немногие должны были быть родичами Корвала или Биндана.

Вот союзники Корвала — это дело другое.

В конце концов он позвал Эр Тома и Энн ради своего собственного спокойствия, Делма Гвайара и леди йо-Ланну — для успокоения амбиций Биндана. В качестве приправы он пригласил двух Тоделмов: Хэ Дена пен-Эврита, Клан Йерон, и Дему Веспайл, Клан Чад, двух пилотов и глав Домов средней руки, которых с Корвалом связывали давние узы торговли и кораблей.

Поскольку «Исполнение Долга» в тот момент находилось в порту, он позвал рассудительную Кэйзин Не-Зейм, первого помощника Эр Тома и давнюю союзницу Корвала, а завершился список двумя представителями торговых фамилий порта: Гус Тавом бел-Уриком и Лен Саром Анабой, Кланы Шеларт и Габриан соответственно.

Прием начался удачно. Гости прибыли и были представлены друг другу. Было разлито вино, начались разговоры, а потом Делм Гвайара очень любезно — и громко — высказал Энн комплимент относительно процесса ее мышления и попросил, чтобы она оказала ему услугу, подписав экземпляр своей книги.

— Конечно, я буду очень рада это сделать, сударь, — отвечала Энн, как и подобает, и Гвайар поклонился, прижимая руку к сердцу.

— Я — ваш должник! — заявил он и повернулся к Делму Биндана: — А вы уже имели возможность прочесть книгу леди йос-Галан? — осведомился он.

Даав решил, что это очень нехорошо с его стороны. Он сделал ставку на то, что леди йо-Ланна, сестра Главы Гвайара, успешно исправит столь неудачное начало, однако она оказалась в дальнем конце комнаты, где разговаривала с Кэйзин Не-Зейм и торговцем бел-Уриком.

Биндан поклонилась с едва заметной чопорностью.

— Увы, сударь: обстоятельства лишили меня этого удовольствия.

— Великолепный труд! — продолжал восхищаться Гвайар. — Переоценить его просто невозможно. Вам непременно следует приобрести экземпляр и прочесть его.

— Право, сударыня, не разрешайте ему заводить разговоры о книгах! — с шутливой суворостью укорила леди йо-Ланна, ворвавшись в разговор вихрем раздушенной материи. — Малейшего предлога достаточно, чтобы он держал вас тут весь вечер и до утренней трапезы! Вы любите цветы? Я признаюсь, что питаю к ним настоящую страсть. Прошу вас, пройдемте со мной к окну. Оттуда видна просто дивная клумба с глон-розами! Я как раз говорила мастеру пел-Урику...

Продолжая трещать, она увлекла Делма Биндана за собой. Эр Том подошел и заговорил с Гвайаром, а Даав, позволив себе тайный вздох облегчения, поспешил вернуться к идущему поблизости разговору.

Его темой было самое выгодное соотношение аккумуляторов и массы у кораблей класса «В», и его собеседники — пилоты тел-Изак и пен-Эврит — так им увлеклись, что не заметили его недолгого невнимания, а также, как он надеялся, озорства Делма Гвайара.

— И вот что я вам скажу, господа, — говорила Самив тел-Изак с оживлением, которого прежде Даав за ней не замечал, — если бы у нас не оказалось автономной третичной системы, то

мы и сейчас не закончили бы того прыжка. Дело было на волоске от полной катастрофы.

— Да, сударыня, но вы судите только по одному случаю, — возразил пен-Эврит. — Насколько часто приходится использовать систему третьего, не говоря уже четвертого уровня? Право, если речь идет о лайнере, где перемещаемая масса и без того огромна, отказ от дополнительной и статистически мало используемой системы может только...

— Подвергнуть опасности пассажиров, — договорил за него Даав, решительно вступая в разговор.

— Вот именно!

Самив тел-Изак бросила на него одобрительный взгляд. Пен-Эврит выгнул брови.

— Да, но он же из Клана Корвал, сударыня, и не мог сказать ничего иного. Не так ли, пилот?

— Нисколько, — вежливо ответил Даав. — Я хочу просто отметить, что компания, которая регулярно теряет пассажиров и корабли, наверняка очень быстро разорится. Разве не разумнее перестраховаться и использовать третий уровень страховки, перемещаемая масса которой уже включена в стоимость полета, и продолжать получать прибыли?

Пен-Эврит наклонил голову.

— Ну конечно. Кто из нас может спорить с пилотом?

— А канtry настолько важнее жизней, — отозвался Даав, ловко отклоняя выпад, который явно был нацелен на то, чтобы проверить крепость брони Самив тел-Изак.

Губы пен-Эврита чуть изогнулись, и он едва заметно наклонил голову, признавая правоту собеседника. Новую атаку он начать не успел: пробили часы.

Эр Том предложил руку своей спутнице жизни и бросил быстрый взгляд лиловых глаз себе за плечо. Даав выгнул бровь, и его чалекет, получив нужные указания, повел процессию гостей из парадной гостиной в столовую. Краем глаза Даав увидел, как Гвайар берет под руку Кэйзин Не-Зейм, и решил, что такое распределение гостей за трапезой должно быть удачным.

Пен-Эврит поклонился.

— Прошу меня извинить, Корвал, и вы, сударыня.

Едва он успел пройти три шага, как леди йо-Ланна потребовала его правую руку для Делма Биндана. Сама леди завладела рукой Лен Сара Анабы, которому весьма благоволила.

Даав повернулся к своей нареченной — и замер, не закончив поклона. Его поразило, как напряглись мышцы у ее глаз.

— Я вас обидел? — импульсивно спросил он, не успев оценить уместность своего вопроса — которая определенно была сомнительной.

Что еще хуже, он задал его в модальности пилотов, которую использовали они с пен-Эвритом, что было для высокого лиадийского максимальным приближением к товарищеской модальности. А ведь она даже не давала ему разрешения называть ее по имени!

Самив вздохнула, и на ее лице он прочел не столько гнев, сколько недоумение.

— Никаких обид, — отозвалась она, хотя бы приняв предложенную им модальность пилотов. — Но вы не могли не знать, что этот удар предназначался мне. Не понимаю, почему вы его приняли.

Даав поднял бровь.

— А я должен был допустить, чтобы мою будущую жену обижали?

Ее лицо разгладилось, словно его ответ послужил подтверждением того мнения, которое она о нем составила — и которого не выдавала.

— О, полезно узнать, — пробормотала она все в той же модальности пилотов. — Оказывается, сейчас мне отведено место среди имущества Дракона!

Он считал себя хорошо защищенным от всех игроков на поле лиадийского светского общества, но выпад оказался хитроумным и задел за живое. Даав перевел дыхание и увидел, что Самив тел-Изак поспешила подняла руку, а в ее широко распахнувшихся глазах появилось нечто очень похожее на страх.

— Прошу прощения. Тут не было желания оскорбить — только понять, что от меня потребуется, помимо оговоренного в контракте.

Они остались в гостиной одни. Если они в ближайшее время не явятся в столовую, все расписание вечера будет нарушено, а гости начнут смаковать скандал.

— Мною двигало, — сказал он, стараясь говорить как можно мягче, — желание уберечь вас от огорчения. Вы — гостья в моем доме, и я был в состоянии оградить вас от невежливости пен-Эврита. Что до требований к вам — то они ограничатся только контрактом, если вы того желаете, леди. Но я почел бы за честь, если бы мы стали друзьями.

— Друзьями. — Судя по тому, каким непонимающим оставался ее взгляд, он с тем же успехом мог говорить на языке шатра своей бабки. Она огляделась, по-видимому, только теперь заметив, что они остались одни. — Мы отстали.

— Совершенно верно. — Он осторожно перевел дыхание. — Самив.

Она изумленно подняла голову.

— Мое имя — Даав, — сообщил он ей и подал руку.

После секундного колебания, чуть склонив голову, она положила пальцы на его рукав.

— Трудно привыкнуть, — пробормотала она, — что дружба может считаться фактором брака. Дружба... для товарищей по команде, пилот. Я уверена, что вы меня понимаете.

— Безусловно, — заверил он ее, направляясь к двери. — Но, возможно, мы могли бы считаться... членами одной команды. И даже — пилотами одной смены.

Она молчала все время, пока они шли по коридору. Уже на пороге столовой она подняла голову и посмотрела прямо ей в глаза.

— Такое отношение представляется вполне возможным для разведчика, — медленно проговорила она, — но... менее открытым умам оно дается... не без труда.

Она не сказала, что не станет пробовать — хотя было совершенно очевидно, что не станет, поскольку ей удалось так долго выживать в обществе, где малейшее проявление слабости провоцировало атаку.

Однако Самив сидела рядом с ним за столом и разговаривала непринужденно, с гораздо меньшей сдержанностью, чем рань-

ше, и Даав позволил себе надеяться, что она все-таки попытается относиться к нему больше как к пилоту и меньше — как к Дракону.

Осталось соблюсти еще одну традицию, и Самив не стала выражать против прогулки по знаменитому саду Корвала.

Вот почему, когда остальные гости уселись играть в карты в гостиной, Даав повел свою нареченную по боковому коридору, который вывел их на внутренний двор.

В удалении от дома тропа стала сумрачной, и он предложил ей руку. Она положила пальцы на его рукав, позволяя ему вести ее по вымощенной древним камнем дорожке.

— Очаровательное место, право, — пробормотала она. — Наши сады и вполовину не такие... полные.

Даав был готов признать, что внутренний двор действительно близок к изобилию. Ему нравилось, что это место обладает неприрученной, почти магической атмосферой, которую создавало обилие цветов и переплетения кустарника, неожиданные полянки и скрытые пруды. Те часы, которые он проводил, ухаживая за садом, были самыми счастливыми в его нынешнем существовании с подрезанными крыльями.

— Если вы согласитесь пройти еще немного, то мне хотелось бы показать вам Джелаза Казон, — негромко сказал он.

Обычай Клана Корвал требовал, чтобы предполагаемую супругу представляли Дереву. Даав считал это жестом вежливости, хотя его мать утверждала, что такое представление делается для того, чтобы получить одобрение Дерева.

— Для меня будет честью увидеть Дерево Корвала, — вежливо отозвалась Самив тел-Изак.

— Хочу предупредить вас, что оно довольно большое, — сказал он, минуя последний — и несколько излишне заросший — поворот тропинки. — И несколько... неожиданное.

Дорожка повернула еще раз и закончилась гладким ковром серебристой травы.

Дерево светилось на поляне, отодвигая бледно-голубое свечение лунолиан в облака тумана. Даав приостановился у края поляны и заглянул в лицо Самив.

— Прошу вашей снисходительности — наш обычай требует, чтобы будущие супруги выходили вперед, клали ладонь на ствол Дерева и называли свое имя. Меня бы крайне обрадовало, если бы вы согласились это сделать.

Она секунду колебалась — но в конце концов, что страшного в том, чтобы прикоснуться к растению, каким бы большим оно ни было, и в том, чтобы произнести свое имя в лунной тишине сада?

— Сочту за честь, — снова согласилась она и прошла рядом с ним по окружающей Дерево траве.

Слабый ветер зашелестел лунолианами, и Самив вздрогнула, неожиданно почувствовав холод.

— Всего мгновение, — сказал Даав, освобождая свою руку. — Вот так, видите, пилот? — Он приложил открытую ладонь к массивному стволу и ощутил, как ее сразу же согрело привычное приветствие Дерева. — Даав йос-Фелиум.

Самив шагнула ближе, положила правую руку к стволу и просто сказала:

— Самив тел-Изак.

Это произошло мгновенно. Ладонь Даава заледенела. Ветер, игравший в лунолианах, взревел, пронесся по поляне и метнулся в ветви у них над головами, осыпав их листьями, веточками и кусочками коры.

Самив тел-Изак вскрикнула, пронзительно, невнятно, и подняла обе руки, закрывая голову. Даав рванулся вперед, подхватил ее среди дождя веток и потащил к краю поляны.

Ветер затих, как только ноги Самив прикоснулись к дорожке.

— Как вы его выносите? — спросила она, оборачиваясь к Дааву в полутьме. Левой рукой она осторожно поддерживала правую. — Это холодная, отвратительная, угрожающая штука! Как вы можете здесь жить, зная, что дерево может в любую секунду рухнуть и раздавить весь дом?

Он взорвался на нее — к его собственной руке только сейчас начало возвращаться тепло плоти.

— Дерево находится под опекой Корвала, — проговорил он, с трудом заставляя свой голос оставаться в модальности

пилотов. Тем временем его разум пытался охватить случившееся: ветер, холод, дождь древесного мусора... — Насколько нам известно, оно — в расцвете жизни, пилот, и не должно упасть еще много, много лет.

Самив тел-Изак выпрямилась. Лицо ее застыло.

— Если это все, чего требовал обычай, милорд, — сказала она, снова вернувшись в модальность разговора с Делмом чужого Клана, — то я хотела бы вернуться в дом.

— Конечно, — согласился Даав и протянул ей руку.

Он почти не обратил внимания на то, что прикосновение ее пальцев к его рукаву было очень слабым, неохотным. Он рассеянно вел ее по дорожке, вспоминая град древесных кусочков, сброшенных этим щенячим ветром: листья, кусочки веток, обрывки старых птичьих гнезд...

И ни одного ореха.

Они добрались до заросшей части сада, и он вежливо посторонился, пропуская Самив тел-Изак вперед. Она прошла без возражений, хотя по своему положению он имел право идти первым — и это ясно демонстрировало, насколько она выбита из колеи. Даав встряхнулся: долг требовал, чтобы он успокоил ее страхи.

— Самив, — начал он и почувствовал, как она содрогнулась.

— Пожалуйста, — напряженно проговорила она, — я не хочу разговаривать.

— Хорошо, — ответил он и молча провел ее по внутреннему двору.

Всю дорогу он ломал голову, пытаясь вспомнить, описан ли в Дневниках прецедент, когда Дерево отвергало бы чью-то супругу.

Глава двадцать седьмая

Пен вел-Казик выходит на мостик только тогда, когда ее заставляют это сделать другие советники, и встает у самой лестницы, потея и ломая свои дурацкие руки, пока остальные не объявляют, что за-

кончили дела. Паренек клянется, что ее пугает Дерево Джелы. Могу сказать только — хорошо бы боги поскорее поразили этим недугом и всех остальных.

Из Вахтенного журнала Канtry йос-Фелиум

— Доброе утро, преподаватель математики.

Жон облокотился на стол. В одной руке он держал кружку с чаем, все внимание было сосредоточено на переплетенной книге, которую он ненадежно открыл второй рукой.

— Доброе утро, Жон. Трилла уже вышла на работу?

— Я ее еще не видел, — отозвался он, пытаясь перевернуть страницу большим пальцем.

Книга перекосилась и выскоцила у него из руки, беспомощно трепеща страницами.

Эллиана стремительно наклонилась, поймала тонкую книжку за секунду до того, как она ударила о бетон, и выпрямилась, протягивая ее Жону.

Веселые янтарные глаза встретились с ее взглядом.

— Быстра! — заметил Жон и повернулся, чтобы поставить кружку на стол.

«Это было испытание!» — поняла Эллиана, и книжка внезапно показалась ей тяжелой. Ну конечно, это была проверка: мастер-пилот Жон дэа-Корт не мог оказаться настолько неуклюжим, чтобы уронить... Она опустила взгляд и, сдвинув брови, всмотрелась в светло-золотистое тиснение букв.

«В поддержку языковой общности», — гласило блестящее название. «Труд всей жизни достопочтенного филолога Джин Дела йо-Керы, Клан Йедон, под редакцией достопочтенного филолога Энн Дэвис, Клан Корвал».

— Книга, достойная изучения, — сказал Жон, когда Эллиана подняла глаза. — Если есть желание, могу одолжить, когда сам прочту.

— Спасибо, мне очень хотелось бы ее прочесть, — отозвалась она, отдавая книгу. — Последний выпуск «Ученых записок» был целиком посвящен обсуждению этой книги.

— Вот как? И что же собрание ученых лиадийцев думает о доказательстве наличия общего прайзыка, связывающего Землю и Лиад?

— Этого я сказать не могу, — серьезно ответила она. — Большинство пожелали сказать только, что такая мысль совершенно нелепа, но даже не стали рассматривать доказательства. Единственный рецензент, попытавшийся оценить работу по существу, — это лингвист-разведчик пел-Одэр. По ее мнению, исследования проведены безупречно и вывод совершенно логичен. Она написала, что предпримет изыскания на материале определенных записей разведки и попытается найти независимое подтверждение этого вывода.

— Мастер пел-Одэр выполняет работу бинджали, — проговорил Жон, рассеянно поглаживая позолоченные буквы кончиками пальцев. — Если доказательство там есть, она его найдет. — Он вздохнул и положил книгу рядом с почетным местом — чайной жестянкой. — Выше голову, математик, — мягко сказал он.

Он посмотрел на Эллиану с невеселой улыбкой.

— Твои пираты вчера вечером принесли сообщение о том, что кто-то слонялся вокруг твоего корабля, — сообщил он. — Они пытались за ним бежать, но упустили: судьба им улыбнулась, хотя они этого не понимают. Похоже, уверены в том, что успели бы увернуться от пули, если бы нарушитель оказался вооружен. Как бы то ни было, я корабль осмотрел — и ничего подозрительного не заметил. Но для уверенности тебе следовало бы сделать то же самое.

— Да, конечно...

Эллиана заморгала. Кто-то слонялся вокруг «Удачи»? У нее екнуло сердце. Животный инстинкт вопил, что это был Ран Элд, что он все узнал про нее, что она вот-вот пропадет... Она судорожно вздохнула и встретилась взглядом с Жоном.

— Я немедленно проведу осмотр. А пираты — Сед Рик и Йолан — свободны и могут пойти со мной?

— Ха! — Жон ухмыльнулся. — Они здесь. — Он повысил голос и зычно крикнул: — Пираты!

Раздался стук — и две быстрые тени возникли в прихожей.

— Мы здесь, мастер Жон.

Увидев Эллиану, оба поклонились, низко и уважительно:

— Здравствуйте, пилот.

— Я слышала, что вчера вечером вы застали у моего корабля постороннего. Ваша помощь нужна для стационарной проверки, во время которой вы сможете подробно рассказать мне о происшествии.

— Конечно, пилот.

Новые поклоны — и оба выжидательно застыли. Йолан как всегда встала по правую руку от Сед Рика.

Эллиана наклонила голову и адресовала к Жону:

— Если сейчас появится Трилла, сударь, то заверьте ее, пожалуйста, в том, что я готова учиться танцу и обещаю приступить к этому, как только вернусь.

Жон ухмыльнулся.

— Сделаю, можешь не беспокоиться.

Ее губы чуть дрогнули, однако в остальном ей удалось сохранить спокойствие.

— Благодарю вас.

Она жестом позвала пиратов, повернулась и увела их с собой. Жон смотрел им вслед, пока за ними не закрылась дверь, а потом поднял руку и снова снял с полки свою книгу.

— Она боится Дерева?

Эр Том сел на каменную ограду, окружавшую дворик Трэ-аллы Фантрол, и устремил на Даава округлившиеся лиловые глаза.

— Хуже, — огорченно отозвался Даав. — Насколько я понимаю, Дерево сильно ее невзлюбило.

Пока Эр Том молча переваривал известие, Даав прошел вдоль каменной ограды до декоративного каскада и остановился, глядя вниз, на крошечный пенный поток.

Исследование Дневников Корвала оказалось бесплодным. Никто из предшествовавших ему Делмов не замечал, чтобы Дереву не понравился хоть кто-то, не говоря уже о супруге, с которой почти подписан контракт. Единственный намек на подобную возможность содержался в Вахтенном журнале бабушки Кантры, но даже и там запись была настолько неопределенной...

— Что ты предпримешь? — тихо спросил Эр Том, продолжая сидеть на ограде.

Даав вздохнул.

— Я подумал, — отозвался он и вернулся, чтобы сесть на теплые камни рядом с братом, — я подумал, что, возможно... моя жена и я... могли бы жить в приморском доме. Если океан надоест раньше, чем дело будет сделано, есть еще шале или даже...

— Даав!

Он замолчал. Для того чтобы встретиться взглядом с Эр Томом, ему пришлось сделать над собой немалое усилие.

— Послушай сам, что ты говоришь, — предложил ему брат. — Неужели ты действительно готов иметь ребенка от женщины, которая не нравится Дереву? А что потом? Ты до конца дней останешься жить в приморском доме? Или только до тех пор, пока ребенок не вырастет настолько, что его можно будет отправить с планеты? Как ты можешь...

— Почему ты решил, что Дерево отвергнет и ребенка? — спросил Даав, повысив голос, чтобы перебить доводы Эр Тома. — Ребенок будет йос-Фелиумом, а йос-Фелиум хранит Дерево! Нет никаких доказательств...

Его голос замер сам собой: он слишком живо вспомнил, как его рука лежала на стволе Дерева и какой он почувствовал холод — нечеловеческий холод...

— Ты прокладываешь ненадежный маршрут, милый, — проговорил он, и ему самому собственный голос показался по-детски недовольным. — Разве ты просил у Дерева согласия на Энн?

— И тем не менее мы оба знаем, — отозвался Эр Том спустя секунду, — что Дерево одобрило Энн. Так что твой довод неуместен.

Даав закрыл глаза, открыл их снова и протянул Эр Тому руку.

— Не только неуместен, но и несправедлив. Я...

— Что случилось?

Энн уже была на середине двора. Она двигалась стремительно, на ее лице отражалась тревога, глаза были устремлены на Эр Тома.

Ее спутник жизни стремительно и легко встал на ноги, пошел ей навстречу и схватил за руки.

— Энн...

Она позволила ему ее остановить, хотя взгляд, который она бросила на Даава, был отнюдь не спокойным.

— Что случилось? — требовательно повторила она свой вопрос, снова переведя взгляд на Эр Тома.

— Просто...

Но тут Эр Том смутился и устремил беспомощный взгляд на Даава, который соскользнул со стены, демонстрируя Энн пустые ладони.

— Ничего страшного, — сказал он, стараясь, чтобы его голос прозвучал как можно мягче. — У нас с братом один из редких споров. Нет причин...

— Не надо мне лгать.

Она перешла на стандартный земной, и ее голос звучал совершенно монотонно.

Он перевел дыхание и едва заметно поклонился.

— И тем не менее ты ничего не сможешь сделать, даже если я скажу тебе правду.

— Тогда нет ничего плохого в том, что я ее услышу, — парировала она, — и буду знать, что испугало Эр Тома.

Испугало! Даав посмотрел на брата. Лиловые глаза смотрели на него открыто, ничего не утаивая.

— Ха!

Он снова уселся на ограду, и через секунду Эр Том сел рядом с ним, оставив Энн стоять одну, уперев руки в бока и выжидательно глядя на обоих.

— Ну?

— Ну, — отозвался Даав, глядя на нее снизу вверх. Он вздохнул. — Ты можешь поверить в то, что Дерево способно... выражать свои пожелания... прямым представителям Семейства?

Она мгновение молчала, а потом прошла вперед и села рядом со своим спутником жизни, положив руку ему на колено.

— Ради продолжения этого обсуждения, — проговорила она, демонстрируя склад ума настоящего исследователя, — мы допустим, что Джелаза Казон, Дерево способно общаться с теми, кто принадлежит к прямым представителям Клана Корвал.

— Тогда ты можешь знать, что тревога моего брата вызвана известием о том, что Джелаза Казон, Дерево выразило... отвращение к Самив тел-Изак. Отвращение, которое она, увы, очень ясно почувствовала.

— А! — Она моргнула и повернула голову в ту сторону, где в дальнем конце долины ясно видно было, как Джелаза Казон поднимается высоко в утреннее небо. — Это нехорошо, правда?

— Не слишком хорошо, — пробормотал Эр Том. — Конечно.

— Ну, — сказала она, поворачиваясь к Дааву, — у тебя есть и другие дома. Не обязательно доставлять ей не...

— Нельзя, чтобы на свет появился ребенок, не санкционированный Деревом! — воскликнул Эр Том.

— Да, милый, но Шана ведь Дерево не санкционировало, — напомнила ему Энн с потрясающим спокойствием. — Я не...

Она вдруг замолчала и перевела взгляд с одной пары серьезных глаз на другую.

— Думаю, — проговорила она наконец, чуть задохнувшись, — что мне придется отвергнуть возможность телепатической связи через Галактику.

Даав наклонил голову:

— Тогда скажем, что Эр Том, который в детстве постоянно влезал на Дерево, был слишком хорошо обучен, чтобы выбрать ту, которая не получит одобрения.

— В таком случае, — вполне предсказуемо спросила Энн, — что случилось с тобой?

Даав выгнул бровь:

— Прошу прощения?

— Что случилось с тобой? — повторила она и, вытянув палец, указала сначала на одного, потом на другого. — Выросли рядом, учились одним и тем же вещам, учили одни и те же предметы, ели одинаковые блюда, запоминали одно и то же! Мудростью Делма вы стали взаимозаменяемыми деталями, чтобы Корвал мог жить, если погибнет один из вас!

Ее голос звучал все более громко. Эр Том повернулся и прижал ладонь к ее щеке.

— Взаимозаменяемыми, — повторил Даав. — Не совсем.

Она устремила на Даава возмущенный взгляд, но ему показалось, что ее глаза немного расфокусировались.

— Отмени союз.

Так просто. Ее слова ударили его в самое сердце, и он резко выпрямился, еще не успев понять, что происходит. Его тряслось от... от...

— Я должен иметь ребенка!

Он услышал острую боль в своем голосе и, судорожно склонившись, закрыл глаза и мысленно устремился к Радуге.

— Но не этого ребенка, — неумолимо заявила Энн. — Вы с Эр Томом — дети однояйцевых близнецов, вы так близки, что между вами нет разницы. Мы с Эр Томом — спутники жизни, соединенные душами, так что я могу чувствовать его прикосновение на другом конце дома — и даже дальше!

Она замолчала, и Даав открыл глаза, завороженно встретив ее пророческий взгляд.

— А где твоя спутница жизни, Даав Йос-Фелиум?

— Энн! — Эр Том стремительно вскочил, встав между нею и своим Делмом. — Перестань.

— Я повторяю... — Он задыхался: голос с трудом выталкивал грудь, которая вдруг болезненно стеснилась. — Возможно, мы взаимозаменяемые, но мы не идентичные. И даже если твое предположение верно — что мы оба созданы для союза спутников жизни, — то все равно нет никакой гарантии, что моя... спутница жизни... уже родилась. — Он судорожно вздохнул. — Или что она не погибла.

— О! — отозвалась она и вдруг вздохнула и начала тереть глаза кулаками, словно ребенок. — Ну что ж, — прошептала она так тихо, что он едва расслышал, — тогда, наверное, тебе следует посоветоваться с Деревом.

— Наверное, следует, — ответил он так же тихо и печально улыбнулся Эр Тому.

Проверка «Полосы удачи» показала, что корабль в порядке.

Эллиана выслушала рассказ Сед Рика и Йолан об их приключениях и прочла им суровую лекцию о том, как глупо бро-

ваться на неизвестных и — возможно — смертельно опасных нарушителей. Оба выглядели довольно пристыженными и горячо заверили ее в том, что больше никогда не предпримут столь легкомысленных действий.

Уладив все это, они вышли из «Удачи» и направились обратно в мастерскую. По дороге Йолан рассуждала о попадающихся им на пути кораблях, а Сед Рик изредка уточнял ее умозаключения.

Они вышли из ряда спящих кораблей как раз в ту минуту, когда перед «Бинджали» остановилась машина, из которой вышел светловолосый мужчина, направившийся в контору.

— Отец! — прошипела Йолан, резко остановившись и преградив своему напарнику путь отставленной в бок рукой.

— Дядя Зан Дер! — в ту же секунду ахнул Сед Рик.

А в следующее мгновение оба исчезли, бросившись бежать мимо посадочных площадок, в сторону восточных ворот.

Эллиана сделала было три шага им вслед, но затем здравый смысл возобладал. Бесполезно было бы пытаться их догнать — они знали порт гораздо лучше, чем она. И дорога обратно им известна: скорее всего они вернутся — когда решат, что «дядя Зан Дер» уехал.

С этой мыслью Эллиана повернулась обратно, чтобы узнатъ, почему при виде этого светловолосого мужчины двое портовых беглецов так стремительно скрылись.

— ...пилота Кэйлон? — заканчивал свой вопрос незнакомец в тот момент, когда в дверь вошла Эллиана.

Жон подбородком указал за спину мужчины:

— Вот она как раз пришла.

Тот повернулся. Секунду карие глаза скользили по ее лицу, а потом он уважительно поклонился.

— Пилот Кэйлон, я — Зан Дер пел-Кирмин, Клан Рептор, — представился он так, словно был всего лишь рядовым членом клана, а Кольцо Делма на его пальце — простым украшением. — Я прошу прощения за то, что нарушил ваш покой. В свое оправдание могу сказать только, что получил известие о тех двоих, на кого вы распространили свою опеку.

Она внимательно рассмотрела его, а он перенес этот осмотр так спокойно, словно постоянно общался с разведчиками. Помимо терпения она увидела беспокойство, усталость — и неуверенную надежду. За его заботами читались также чувство юмора и нечто, не поддающееся определению и очень напомнившее ей Йолан.

— Я недавно... рекомендовала двух подростков вниманию мастера дэа-Корта, — осторожно призналась Эллиана, наблюдая за безмерно усталыми глазами пришедшего. — Он был настолько добр, что предоставил им поденную работу. Но я должна сказать вам, сударь, что эти двое весьма определенно утверждали... что не имеют родни.

На секунду под настороженностью вспыхнула надежда, губы изогнулись в усталой улыбке.

— Я слышал о том, что они назывались бесклановиками. Я готов поклясться вам в том, что это не так, хотя они и могли считать иначе. Если бы я получил возможность поговорить с ними... — Он поспешно вскинул руку, Кольцо на ней ярко блеснуло. — Они находятся под вашим покровительством. Я уважаю этот факт. Я не собираюсь сказать им ничего, что постыдился бы говорить в вашем присутствии.

Эллиана поняла, что это потребовало немалого мужества от человека, который чуть было не потерял двух членов своего клана из-за того, что, по его словам, было недоразумением. Ей показалось, что у Йолан и Сед Рика были основания стремиться стать бесклановиками — как у нее самой. Более того, вполне могло оказаться, что их основания были вполне резонными. И тем не менее этот мужчина не походил на Ран Элда — был только измучен тревогой и стремился исправить ошибку.

— Если бы вы могли... их найти, — деликатно попросил он.

Эллиана печально улыбнулась, подумав о двух быстрых фигурах, бегущих мимо посадочных площадок.

— Мне кажется маловероятным... — начала она — и услышала, как у нее за спиной открывается дверь.

Даав прижал ладони к стволу, глубоко вздохнул и подтянулся на нижнюю ветку. У первого большого разветвления он за-

вершил свой подъем и уселся верхом на крупную ветвь. Ноги его болтались в воздухе, вокруг шелестели и шептались листья.

— Если тебе есть что сказать, — заявил он довольно сердито, — то изволь говорить это мне.

Шелест листьев не стал ни замирать, ни усиливаться. Даав подумал, что иного и не ожидал.

— Надеюсь, ты довольно собой, — продолжил он вслух. — Испугало гостью Дома — и мою избранную супругу. Казалось бы, такая древняя махина, как ты, могла бы подобрать более пристойный способ развлечься. Просто, если я говорю слишком откровенно.

Листья у него над головой затрепетали. Даав нахмурился.

— Смейся, смейся. Надо полагать, тебя не волнует, если линия йос-Фелиумов умрет вместе со мной? Нет, я несправедлив. Семейство йос-Фелиумов закончится Пат Рином. Но до этого Делмом станет юный Шан.

Легкий ветерок поцеловал ему щеку, тонкие ветки вокруг него заплясали. Даав закрыл глаза, ощущая под руками теплую кору, а под собой — прочную вековую древесину. — Я женюсь на Самив тел-Изак, — проговорил он, четко выговаривая каждое слово, — и дитя от этого союза войдет в Клан Корвал.

Дерево под его руками похолодело. Ощутимо. Даав вздохнул.

— Я могу попросить более точных указаний? Или нам просто опубликовать опровержение в газете? Обрати внимание: я не спрашиваю, как мы сохраним платежеспособность Корвала, разорвав юридически обязательный договор. Я прекрасно осознаю, что мелочи тебя не интересуют.

Листья вокруг него замерли. Ветка, верхом на которой он устроился, не стала ни теплее, ни холоднее. Даав заставил себя прогнать все мысли, двигаясь путем, который когда-то показала ему Скалоцвет: мимо желаний, потребностей и повседневных забот туда, где есть только... спокойствие.

Он сидел на месте, медитируя, пока вечернее солнце ярким лучом не пронизало листву, ударом в глаза вернув к реальности. Джелаза Казон не заговорило — а он всем своим существом захотел оказаться в «Бинджали».

* * *

— Дядя Зан Дер!

Он вышел вперед один — показалось, что он стал вдвое меньше: до этого момента Эллиана ни разу не видела одного пирата без другого — и поклонился Главе своего Клана.

— Сед Рик! — Мужчина протянул ему руки, и в глазах его полыхала тоска. — Ты здоров, дитя мое?

— Ну, в общем... — Он сделал еще один резкий шаг вперед и остановился. Лицо его исказилось. — По-моему, нам следует... вернуться домой, дядя...

Его голос прервался, и он бросил на Эллиану взгляд, полный каких-то непонятных ей чувств.

— А где Йолан? — спросила она у него, внезапно подумав о ночном вторжении, пистолетах — и о бесшабашной, отчаянной храбрости девушки.

— Здесь.

Единственное слово, полное отчаяния. На негнувшихся ногах Йолан вышла вперед, на свое место справа от Сед Рика. Взгляд, который она ему адресовала, походил на ледяную сталь.

— И что теперь? — хрипло спросила она — а потом вдруг расплакалась.

Глава двадцать восьмая

Третий банковский счет, которым Делм распоряжается по своему усмотрению, — Фонд помощи пилотам. Создан для оказания помощи и поддержки пилотам и бывшим пилотам, независимо от их клана, расы и происхождения. Доходность акций фонда должна составлять не менее сорока процентов.

Из бухгалтерских книг Клана Корвал,
раздел «Дискреционные средства»

На этот раз она от него не ускользнет.

Ран Элд дождался в тени главной лестницы, чутко прислушиваясь, чтобы уловить звук осторожных шагов.

Он собирался проследить за ней вчера и позавчера, но оба раза, проснувшись, обнаруживал, что она уже ушла из дома, оставив только нахальную записку о том, что договорилась обедать не дома. Хорошо же.

Сегодня ей от него не улизнуть.

Он проследит ее до места встречи с разведчиком и займется этим. А потом отведет ее домой — и займется этим тоже.

Укрывшись в тени лестницы, Ран Элд улыбнулся.

Совершенно ясно, что Эллиана нуждается в том, чтобы ее призвали к порядку. Очень нуждается. Она настолько забылась, что позволила себе не подчиниться прямому приказу того, кто старше и выше ее, а потом открыто продемонстрировала свое неповинование, заставляя его сделать то, что составляет его обязанность. Ради блага Клана.

А то, что наказание самой опасной сестры доставляет ему настоящее наслаждение, Ран Элд считал только справедливым. Эллиана не должна стать Делмом. Очень печально, что прежний Делм, их бабка, вбила девице в голову эту идею. С первого взгляда ясно, что такая мысль просто нелепа. Он — Наделм, и во всех отношениях превосходит сестру!

Что он будет доказывать — столько раз, сколько потребуется.

По его мнению, его первая попытка продемонстрировать этот факт была успешной. Результатом одного года замужества за другом Ран Элда стали десять лет вполне приемлемого поведения сестры Ран Элда. Конечно, иногда оказывалось необходимым преподносить небольшие профилактические... уроки, но это было вполне предсказуемо... и даже приятно. Он льстил себя мыслью, что десять лет за один год — это хорошая прибыль от вложения времени и денег.

На лестничной площадке у него над головой послышались легкие шаги.

Ран Элд пригнулся в своей полутемной нише. От предвкушения у него ускорилось дыхание. Шаги продолжили свое легкое движение через площадку, вниз по последнему пролету... Он улыбнулся и разрешил себе чуть выдвинуться из укрытия, чтобы лучше видеть...

Своего Делма.

Он резко вздрогнул от разочарования — и каблук громко проскреб по мраморному полу.

Байрин Кэйлон обернулась. Кипя от ярости, Ран Элд выскоцил из ниши и низко поклонился.

— Здравствуйте, матушка!

— Здравствуй, сын.

Она наклонила голову, словно не увидев ничего странного в месте и времени их встречи. Более того — она даже улыбнулась.

— Как удачно, что ты так рано встал. Позавтракай со мной, если ты еще не ел. Я закончила рассматривать твои выкладки относительно предложения Сана бел-Фазина о партнерстве и, полагаю, тебе будет интересно узнать мое решение.

Так. Ран Элд снова поклонился, чтобы спрятать торжествующую улыбку.

— Как всегда, я к вашим услугам, сударыня, — сказал он и прошел за ней в столовую, оставив дверь чуть приоткрытой.

Чай только-только был налит, когда он услышал на лестнице шаги и увидел, как мимо полуоткрытой двери метнулась узкая тень. Еще через полсекунды парадная дверь скрипнула петлями — и с тихим щелчком закрылась.

Эллиана шагала по улице Механиков, высоко подняв голову, с разрумянившимися щеками. Этим утром ей предстояла тренировка с Триллой, а потом — полет с самим Жоном, который пообещал, что устроит ей проверку на действия в аварийной ситуации.

Дверь раскрылась, и она вошла в огромную сумрачную пещеру, которую представляла собой ремонтная мастерская «Бинджали».

Вокруг чайника собралась группа облаченных в кожаные костюмы людей: Жон, Трилла, Клонак... и высокий мужчина с темными волосами, аккуратно стянутыми на затылке, и раскачивающейся в мочке уха серебряной петлей. На противоположном его плече сидела кошка.

Эллиана почувствовала, что сердце у нее забилось быстро. Она чуть не рассмеялась от радости, что видит его.

Казалось, он услышал ее молчаливую радость: он повернулся и глаза его засветились улыбкой.

— Привет, Эллиана!

— Даав! — Ее улыбка была такой широкой, что грозила расколоть лицо на две половины. — Приятно тебя видеть.

— Приятно быть увиденным, — серьезно отозвался он, и тут она уже рассмеялась, остановившись напротив него и глядя ему в лицо.

— Приятное бывает облечено в странные формы, — заметил Жон со своей табуретки.

— Жон ругает меня за то, что я беру Заплатку на руки, — сообщила Дааву Эллиана, поднимая руку, чтобы подставить кошке палец. — Он говорит, что я ее разбалую.

— Боюсь, что это давно сделано, — ответил он.

Тем временем Заплатка опустила голову и позволила Эллиане потрепать ей ушки.

— Баловать кошку, когда здесь есть другие, жаждущие улыбки! — посетовал Клонак.

Эллиана закончила с кошачьими ушками и шагнула вперед.

— Доброе утро, Клонак.

— Доброе утро, о прекрасная богиня! А мне вы ушки потреплете?

Склонив голову набок, она сделала вид, будто обдумывает его предложение.

— Нет.

— Мое сердце снова разбито! Поддержи меня, Даав! Я сражен горем!

— Может, тебе стоит вырастить на них мех? — предложил Даав, которого мало тронула эта мольба о дружеской помощи.

Клонак обжег его гневным взглядом.

— Ну да, издевайся надо мной, о капитан!

— Ну, раз ты настаиваешь.

— Приезжал Делм пиратов, — сообщила Эллиана, поворачиваясь к Дааву, — и увез их домой. — Она ухмыльнулась и оглянулась через плечо на Жона. — Или — по большей части.

Он фыркнул.

— Просто цирк!

Даав улыбнулся ей и чуть выгнул бровь.

— Насколько я понимаю, они все-таки оказались не бес-
клановиками?

— Не... совсем, — медленно проговорила она. — Там какая-то путаница. В конце концов было решено, что они будут являться сюда, чтобы отработать... отработать долг, который, как убежден Делм Рептора, остался за ними, потому что Жон платил им за черную работу слишком много. Тем временем они — пираты — будут жить под крышей Рептора и стараться... разрешить свои разногласия. — Она посмотрела на него. — По крайней мере так он сказал.

— А! Интересно, а ты поверила тому, что он сказал?

Она нахмурилась, кусая губу.

— Да, — спустя какое-то время проговорила она, — поверила. Он произвел впечатление честного человека — и был искренне рад, что нашел их. — Она положила руку ему на рукав и улыбнулась. — С твоей стороны было хорошо прислать его сюда.

Теперь обе брови взлетели очень высоко.

— Я?

— Ну, это должен был быть ты, — уверенно сказала она. — Он точно знал, куда приехать, и спросил меня по имени. Жон ему не рассказывал, Трилла и Клонак — тоже. Я определенно ничего не говорила — я понятия не имела о том, как можно найти их клан! Так что...

— Когда исключено все невозможное, — пробормотал на земном Даав, — то оставшееся, каким бы оно ни было невероятным, является истиной.

Эллиана растерянно заморгала.

— Прошу прощения?

Он ухмыльнулся.

— Насколько я знаю, это — рассуждение мистера Холмса о природе решений.

— Объявляю начало игр! — крикнул Клонак, с шумом рушась со своей табуретки. Картинно приземлившись, он повернулся к Жону. — Я могу заняться сводками по обслуживанию.

— Вечно ты выбираешь себе сидячую работу, — проворчал старый разведчик.

Клонак рассмеялся и направился в контору, небрежно помахав остальным рукой. Заплатка спрыгнула с плеча Даава и последовала за ним. Сидевшая напротив него Трилла тоже встала и с ухмылкой посмотрела на Эллиану.

— Готова потанцевать, пилот?

— Если у тебя хватит на меня терпения, — отозвалась она. — Я понимаю, что не могу предоставить тебе интересного соперничества.

Та со смехом расстегнула ремень с инструментами.

— Да неужели не можешь? — Она повернулась к темноволосому мужчине, словно тот что-то ей сказал. — Просто кое-какие приемы из менфиата, мастер Даав. Ничего плохого в этом нет. А есть немало хорошего.

Он проводил их взглядом, мысленно отметив разворот плеч Эллианы и ее легкую, уверенную походку.

— Трудно поверить, что эта женщина полквартала тому назад скользнула сюда тенью и шепотом попросила показать ей ее корабль, — прокомментировал его взгляд Жон.

Даав повернулся к нему — и встретил взгляд внимательных янтарных глаз.

— Если так пойдет и дальше, то еще до конца года она начнет ввязываться в кабацкие драки, — согласился он, глядя, как Эллиана сбрасывает куртку и поворачивается лицом к Трилле. — Отличная работа, мастер Жон.

— Ну-ну, я отказываюсь принять все похвалы в свой адрес. Ведь это один молодой капитан направил ее по этому пути, бросив ей мячик для баули и велев не сдаваться.

Даав рассмеялся.

— Неужели настолько неуклюже? Бедный капитан!

— Ну, я же сказал — он молодой. Однако идеи у него недурные. Как правило.

Первый выпад Триллы был низким и стремительным — более низким и стремительным, чем можно было ожидать. Он почувствовал, как напряглись его собственные мышцы. Эллиана легко отступила налево, вернулась от нападения и развернулась, задав ритм и диапазон своего танца.

— И как долго это идет? — спросил он у Жона.

— Всего пару дней.

— У нее талант.

— Да, способности у нее есть. Скорость ее не смущает. Но если на нее настичь грубо, демонстрируя намерение причинить ей боль, то, будь я проклят, она обязательно отступает. — Жон вздохнул. — Я так и не узнал, кто ее бьет.

Служебная дверь мастерской снова открылась, и Даав оглянулся, успев увидеть, как через порог переступают Сед Рик бин-Ала и Йолан пел-Кирмин. Они прошли вперед — девушка справа от юноши, — остановились и поклонились.

— Здравствуйте, капитан!

— Привет, детишки. Пилот Кэйлон сообщила мне о вашем радостном возвращении в Клан.

Йолан ничего не ответила, хотя в адресованном ею взгляде не было особой радости. Юноша также остался серьезным, но ответил достаточно любезно:

— Да, сударь. Спасибо, сударь.

— Покажи-ка капитану свою игрушку, Сед Рик, — приказал Жон, указывая на пояс паренька. — Посмотри на это, Даав!

Звеноцепь была поднята, сверкая и щелкая. Он оставил ее висеть, так что она осталась гибкой — и казалась почти безобидной.

— Ха! — Даав протянул руку. — Разрешишь?

Сед Рик уступил ему кожаную рукоятку, и Даав продел пальцы в петлю.

— Похоже, это не подделка, — заметил он.

Внезапно сделав быстрый и бесшумный шаг назад, он вскинул цепь вверх и повернул запястье каким-то особым движением.

Мягкая цепочка напряглась, превратившись в длинное полотно двусторонней пилы. Даав ухмыльнулся, осторожно тряхнул полоску и вернул обмякшее оружие владельцу.

— Да, очень мило. Откуда она у тебя?

— Нам ее оставил дядя Лип Тен, — ответила Йолан. — Она лежала в сундуке с вещицами, которые он собрал во врем-

мя своих космических путешествий. Тетя Фрис сказала, что это — хлам и что мы можем делать с ним все, что пожелаем.

— Надо полагать, у тети Фрис есть другие достоинства, — пробормотал Даав.

Йолан хотела — отрывисто и горько. Чуть дальше, в проходе, Эллиана развернулась и лягнула ногой, ловко уйдя от захвата, который незаметно приготовила Трилла.

— Что... — начал было Даав, но ему не суждено было закончить свой вопрос.

— Эллиана! — Клонак быстро бежал от конторы, и его круглое лицо чуть ли не впервые на ее памяти было совершенно серьезным. — Эллиана!

Не закончив элемент танца, она повернулась, вышла из стойки и направилась к нему навстречу.

— Что случилось?

— Вызывает диспетчерская. Рабочий на Пятой верфи попал между движущимися деталями. Автоврач залечил главные травмы, но у него отказало сердце. Ты могла бы доставить имплантат и специалиста...

— Да!

Пока она хватала куртку, Клонак уже бежал в контору.

— Даав! — Она остановилась перед ним, положив руку ему на рукав и устремив на него горящие зеленые глаза. — Ты полетишь со мной вторым пилотом?

Адреналин заполнил его вены. Он широко ухмыльнулся.

— Да.

— Спасибо, — сказала она и исчезла, убежав со всей быстротой, на какую была способна.

В следующую секунду Даав тоже исчез. Его тень догнала ее — а потом служебная дверь за ними закрылась.

Делм приняла решение отказаться от партнерства с бел-Фазином.

О, у нее были свои соображения, которые она подробно ей изложила, заявив, что желает его проинструктировать, чтобы он, когда станет деллом...

Он почти ее не слушал. Он сидел, заледеневший и недовевающий, а она все говорила. Ее долгие, бессмысленные

фразы в конечном итоге можно было свести к одному: он погиб.

Вернувшись в свои комнаты наверху, Ран Элд перебирал счета, из которых уже давно было выжато все, что можно, выводил на экран итоговые отчеты и отправлял их обратно... У него так тряслись руки, что он попадал по нужной клавише только с третьей-четвертой попытки.

В конце концов он встал из-за стола, налил себе бренди и стал бродить по комнате, ломая голову и пытаясь найти что-то — что угодно, — что он мог бы продать или заложить, чтобы умиротворить Сану бел-Фазина.

Глава двадцать девятая

Срочный ремонт на Тинзори-Светлом. Оставил в залог свое кольцо. Владелец — алчный грабитель, но корабль должен дотянуть до Литаксина. Отправь один из наших кораблей и восемь кантр, чтобы выкупить заложенное. И хорошо его вооружи. Или даже отправь два...

Из узколучевого письма Делму от Джен Сина Йос-Фелиума, Клан Корвал.
Написано в первую релянну года под названием даленарт

Специалист-медик отправился в трюм со своей системой, пристегнулся на откидном кресле и доложил, что готов.

Даав проверил сеть безопасности, убедился в том, что система надежно закреплена, посоветовал пассажиру подремать — и вернулся на свое место.

— Закончили, — сказала Эллиана в комм, как только он сел в кресло второго пилота и закрепил ремни.

— Подтверждаю, — отзвалась диспетчерская почти сразу же. — Взлетайте по готовности, «Полоса удачи».

Она бросила на него взгляд. Глаза ее горели ярче изумрудов.

— Готов?

— Готов.

— Включай вспомогательные двигатели.

* * *

Жон дэа-Корт стоял перед пультом управления в боковом проходе и крутил рукоятки, яростно чертыхаясь на треск помех. Неожиданно частота обнаружилась, принеся им отрывистые слова диспетчера порта.

— ...немедленно меняйте полосы движения. У нас чрезвычайная ситуация. Грузовоз К-38519, переходите на альтернативную траекторию Р-9. «Причуда Тансберга» на подлете, идите в лульку «Бинджали»...

— Трилла! — крикнул Жон.

— Уже, — лаконично отозвалась она еще до того, как под потолком зазвучал сигнал оповещения.

— Можно я найду картинку, мастер дэа-Корт?

Клонак встал рядом с Жоном, и его пальцы затанцевали по клавишам управления экранами, доводя четыре основные картинки до максимальной резкости.

— Говорит пилот Эллиана Кэйлон, «Полоса удачи». — Она говорила спокойно, словно обсуждала вероятность дождя. — Мы получили посылку и будем готовы взлететь по двухминутной готовности. Даю начало отсчета. Прошу разрешения на взлет, диспетчерская. Маршрут рассчитан, проверка проведена, результаты идут... Все.

— «Любовь Маркхэма», немедленно поменяйте полосу! — зарычала диспетчерская. — Можете взлетать, «Полоса удачи». Всем кораблям: уступать дорогу «Полосе удачи». У нас чрезвычайная ситуация...

Раздался рев, повышающийся до визга: это разгонялись вспомогательные двигатели. Потом он перешел в приглушенный рокот близкого старта. На экране было видно, как «Полоса удачи» вышла из порта Солситры и понеслась вверх. В эфире на какой-то момент наступила тишина, в которой прозвенел радостный возглас Триллы:

— Поймала!

Переговоры снова возобновились: пилоты ворчали из-за сбоя расписания, поджимающих сроков, заторов, дублеров...

— «Полоса удачи», когда у вас будет время, включите компьютер, — попросила диспетчерская с необычной вежливостью.

Клонак расхохотался, а Жон ухмыльнулся.

Пираты, застывшие у дальней стены, переглянулись, широко раскрыв глаза.

— Как только будет время, — повторила диспетчерская. — Благодарю вас, пилот Кэйлон.

Радио разразилось возгласами изумления:

— Кэйлон? Таблицы? Та самая Кэйлон? Корабль человеческой... Пилотирует, как разведчик!

А потом новый голос перекрыл все остальные:

— Эллиана Кэйлон, «Полоса удачи», уточняю заявленный курс. Предположительная экономия времени — семь и три десятых секунды.

— Продолжайте, — потребовала диспетчерская, а все околопланетные орбиты затаили дыхание.

— В 14:01,33 мы даем приращение скорости в 23,8 процента и пересечем регулярные орбиты 14, 15, 16 и 23. В 14:08,14 мы совершим поворот ровно на 170 градусов и дадим приращение скорости в 33,6 процента плюс-минут одна десятая. Как только мы попадем в зону приливного эффекта, мы получим дополнительное приращение скорости в 17,04 процента и окажемся южнее главных экваториальных транспортных маршрутов, так что проблем с другими кораблями у нас не будет. Мое окно составляет от 13:59 до 14:03, до которого по моему отсчету осталось три минуты. Вы даете мне подтверждение?

Напряженное молчание, длившееся в эфире полные тридцать секунд, нарушили слова Даава:

— Проверено.

— В уме! — прокричал с орбиты голос с сильным земным акцентом. — Она вычислила это в уме, или я — чертов грязеед! Кто у нее вторым...

— «Полоса удачи», мы все подтверждаем. — Голос диспетчера звучал чуть растерянно. — Действуйте.

В комме волнами поднимались возгласы:

— Диспетчерская опоздала на пятьдесят восемь секунд, и это — с компьютерами размером с твою планету! Я сегодня пью бесплатно! Кэйлон за пультом, да?

Подобных восклицаний было еще много, но Жон не обращал на них внимания, пристально глядя на стену из экранов.

— Что она...

— Прилив! — воскликнула Трилла, перегибаясь через его плечо, чтобы указать, что она имеет в виду. Сед Рик и Йолан встали рядом с ними у экранов. — Она собирается поймать приливный эффект на границе планетного при...

— Она — что?

Клонак убрал с экрана картинку и швырнул на него уравнение. Пальцы его замелькали на клавишах, строя схему.

— Будь я проклят! — вдруг воскликнул он. — Жон, ты только посмотри!

— Вижу. Редкостное чудо, эта наша преподаватель математики.

Дальше все шло как по учебнику. Понадобилось сделать только одну поправку, когда Даав вывел корабль на вспомогательный заход, благодаря которому они оказались чуть ли не на заднем дворе верфи. Это помогло им скостиТЬ еще одну минуту и было бы сочтено красивым маневром, если бы его не затмила потрясающая находка Эллианы. Жон убавил громкость переговоров и по-земному помотал головой, выражая восхищение.

— Просто невероятная женщина! — бормотал Клонак, снова просматривая всю запись. — На ходу, в уме... Я влюблен, о мой мастер.

— В пятый раз со вчерашнего вечера, — хмыкнул Жон, оттесняя его от пульта.

Он просмотрел запись в благоговейном молчании, погрузившись в созерцание красивого маневра. Сэкономить семь минут — семь минут! — на взлете, который был выверен и рассчитан до наносекунды, сидя за пультом управления, в переполненном кораблями пространстве, где в любую секунду кто-то мог... И в уме, как сказал Клонак...

— Я сию же секунду подписываю ей первый класс, — пробормотал Жон, — и к черту все правила. Любой, кто способен летать вот так...

— Богиня! — вздохнул Клонак почти серьезно. — Я требую уступить мне привилегию подтвердить ее первый класс и готов сражаться на дуэли за эту честь.

— Да, но так она ни за что не поверит, что это было заслуженно, — возразил Жон, отправляя запись полета в память. — Свод правил — это закон, и наш преподаватель математики стремится пройти по предписанному пути со всеми его поворотами и уголками.

— Мы избегали приливного эффекта с тех самых пор, как первый корабль вышел из атмосферы! — Клонак почти пел. — Избегали его! А Эллиана Кэйлон его использовала — и доставила посылку рекордно быстро! Бедняга Даав.

— Да, его успех остался в тени! — Жон ухмыльнулся. — Ну, он не огорчится.

— Наверное, нет. Даава радует все, что улучшает взлет, пусть это рассчитает даже твоя бабушка.

Жон вздрогнул. Его глаза широко раскрылись, потом сожмутись.

— Это мысль, однако!

Он отодвинулся от экранов и зашагал по проходу, по дороге сорвав с вешалки куртку.

— Скоро вернусь! — крикнул он и скрылся за дверью.

Трилла, Клонак и пираты озадаченно переглянулись.

Высадив медика и его груз, «Полоса удачи» осталась в режиме ожидания, давая время диспетчерской порта разобраться с затормозившим движением и дожидаясь разрешения на посадку.

Пилот пошла за чаем в буфет, оставив пульт на второго пилота. Тот удобно устроился в своем кресле, вытянув длинные ноги и полузакрыв глаза, наблюдал за показаниями приборов.

Одним ухом слушая переговоры в эфире, Даав думал о том, что этот полет, несмотря на его краткость, оказался самым примечательным за всю его карьеру. Кому, как не Эллиане Кэйлон, могла прийти в голову идея использовать приливный эффект, которого все остальные пилоты вселенной так стремились избежать? Кто, как не эта поразительная голова, смог бы придумать, проверить и выполнить столь красивый маневр за время...

— Даав! Ты ведь хотел чая?

Он с улыбкой открыл глаза и лениво потянулся за кружкой.

— Просто ты застала меня в минуту лености, пилот.

— Ага, как же!

Она тихо засмеялась и присела на краешек своего кресла, быстро скользнув взглядом по экранам, индикаторам и показаниям приборов.

— Как удачно, что ты знал этот вспомогательный маршрут! — сказала она. — На последнем участке я потеряла бы три минуты, пока причаливала бы на общем заходе.

— Не больше одной целой и пяти десятых, — уточнил Даав. — И при том ты уже выиграла семь, которых никто даже ожидать не мог.

Она повела плечами и стала смотреть в кружку.

— Я примерно год назад разрабатывала одну идею насчет приливов, — сказала она. — Но она не шла, и я ее отложила. А когда ты показал мне на днях малый прыжок, что-то... сдвинулось с места. И сегодня, когда я увидела цифры и соотношения... — Она подняла голову, и, несмотря на ее попытки оставаться спокойной, было видно, что она гордится собой. — И все вдруг встало на свои места. — Она внезапно прекратила попытки сохранить достоинство и позволила себе широко улыбнуться. — Красиво, правда?

— Просто потрясающе красиво, — согласился Даав, с улыбкой глядя в сверкающие зеленые глаза.

Эти глаза вдруг расширились, а потом она отвела взгляд, быстро скользнув им по индикаторам.

— Ты ведь действительно помог Делму Рептора найти пиратов? — спросила она пытливо.

Даав вздохнул.

— Наверное, мне придется признаться в этом, хотя я отказываюсь брать всю вину на себя. — Он поднял кружку с чаем в приветственном жесте. — Это Жон выяснил, кто они.

— О!

Она стала пить чай, чуть нахмурясь на плитки пола.

— Это потребовало от него немалых усилий, — проговорила она в конце концов. — Знаешь, я ведь пыталась выяс-

нить их фамилии, но, наверное, действовала недостаточно тонко.

Ее брови сдвинулись сильнее, и она подняла на Даава полные сомнения глаза.

— Как ты думаешь, мы... мы поступили правильно? — спросила она, подаваясь вперед.

Даав выгнул бровь, заразившись ее серьезностью.

— А ты думаешь, что нет?

— Я... не уверена, — нерешительно отозвалась она, снова хмуро рассматривая пол. — Мне казалось... Они были голодны и... вынуждены воровать... Такие юные. — Она подняла взгляд, сдвинув темно-русые брови. — Я не... ты говорил так, будто Нижний порт... ужасно опасен.

— Это так, — заверил он ее совершенно искренне. — Там очень опасно.

— Да! И кажется, что мы поступили правильно — оградили от опасности и вернули детей под защиту клана и... родни. И все же...

— Все же?.. — тихо подсказал он ей, когда молчание затянулось на целую минуту.

Она вдруг встала с кресла, оставив кружку в пазу подлокотника, и вышла в центр кабинки. Там она повернулась лицом к нему, выгибая и переплетая пальцы, так что ему даже показалось, что их уже невозможно будет расплести.

— Они ушли, — сказала она. — По их словам, они ушли потому, что приближалось время, когда... они достигли бы возраста вступления в брак. Оба не хотели союза ни с кем другим. Они сказали делму о своем желании всегда быть вместе, но он... он не был расположен прислушаться к ним как к взрослым. Они снова заговорили с ним об этом, и он резко оборвал их, сказав, что их родство слишком близкое. Они пришли к нему в третий раз, принеся генные карты, показывавшие, насколько мала вероятность рождения ущербного ребенка...

Она замолчала.

Даав отставил кружку в сторону и выпрямился в своем кресле.

— Их делм повел речь о том, что их следует разлучить, чтобы они могли научиться иметь дело с другими людьми.

— Да. — Она прикусила губу. — Конечно, он это сделал. А как могло быть иначе? Потерять возможность выгодного брачного союза сразу для двоих молодых... Он должен думать о благе всего Клана. Я не виню его — он делал то, что должен был делать. Но...

Она немного помолчала, а потом стремительно добавила:

— Я... я не стану делать вид, будто хорошо разбираюсь в... и, конечно, брак... чрезвычайно неприятен...

— Вот как?

— Да. И только подумай, насколько он неприятнее тогда, когда есть кто-то, кого ты предпочитаешь... всем остальным. Я всей душой им сочувствую и мне... мне ужасно жаль, что мы согласились играть!

— В этом я готов признать свою вину. Но было похоже, что они в отчаянном положении и не собираются просить о помощи. Я думал только о том, как бы навязать им помощь — хотя бы в виде бесплатной трапезы. — Он помолчал. — Их делм по-прежнему ведет речь о том, чтобы их разлучить?

Она вздохнула.

— Это... обсуждается. Временная разлука, чтобы определить... глубину их привязанности. Сед Рик... Сед Рик говорит, что его определят в ученики к какому-то родичу на внешней планете, чтобы Йолан могла закончить обучение на пилота дома.

— А! А что Йолан?

— Она плачет, — ответила Эллиана, сутуля плечи. — Плачет и смотрит на него... Я не могу передать тебе, как она на него смотрит. — Она снова хмуро посмотрела на пол. — А что еще может сделать их делм? Они — ценность клана, и ими следует пользоваться, как пользуются всеми — для блага всех членов.

— Так нас учит Кодекс, — суховато отозвался Даав. Он склонил голову набок, внимательно глядя на ее опущенное вниз лицо.

— Неужели брак... так безусловно... чрезвычайно неприятен? — тихо поинтересовался он.

Она подняла голову, плотно сжав губы.

— Не знаю, обязательно ли это так, — проговорила она очень четко. — Мой собственный... Но это было много лет назад.

— С высоты твоих преклонных лет, — весело проговорил он, стараясь рассеять ее напряженность: все тело ее напряглось, и вся поза была такой, словно она ожидала удара.

Она возмущенно выпрямилась.

— В следующую релюмму мне будет двадцать семь стандартных лет, — резко заявила она. — Я вступила в брак на следующий день после моего шестнадцатилетия.

Это было слишком рано. Недопустимо рано для такой, как Эллиана, подумал Даав. Разрываясь между жалостью и возмущением, он попытался, не вставая, поклониться ей, прося прощения, но она остановила его взмахом руки.

— Я не хотела на тебя огрызаться, Даав. У меня действительно очень... ограниченный опыт. Вени... моя старшая сестра... часто вступает в брак и, похоже, вполне довольна жизнью.

Часто вступает в брак, невесело отметил он про себя, вспомнив запущенную уличку и давно не ремонтировавшийся Клановый дом, где она живет. Действительно, брачные контракты были для некоторых кланов экономической необходимостью. Хотя в доме с несколькими детьми, достигшими брачного возраста...

— А ты была замужем только один раз?

Она с хрупким самообладанием наклонила голову.

— Этого было достаточно.

Тут она вздохнула и протянула ему открытую ладонь, словно хотела как-то извиниться за его невежливость.

— Клан заботится о моей дочери.

Она говорила о ребенке без тепла и интереса, словно...

— «Полоса удачи»! — Вызов прозвучал так неожиданно, что они оба вздрогнули.

Эллиана метнулась к комму и нажала кнопку.

— Кэйлон на связи.

— Примите план полета и начинайте снижение, — распорядилась диспетчерская, — За вами есть очередь.

— Да, — откликнулась Эллиана, глядя на экран и в уме проводя проверку данных. — План полета принят, спуск начнется по моему сигналу.

Она повернула голову. Даав уже пристегнулся к креслу, и его пальцы стремительно порхали по пульте. Он поднял голову, сверкнул темными глазами и поднял руку в знаке разведчиков: «Действуй».

— Начинаю отсчет.

Вокруг чайника сидели серьезные работники мастерской. Жон оседлал свою обычную табуретку. Трилла сидела справа от него, Клонак — слева, а настороженная Заплатка устроилась впереди всех.

Дверь открылась, и в проходе появился высокий силуэт в сопровождении более низкого. Они сделали несколько шагов, а потом Эллиана пошла медленнее — и остановилась. Ее лицо стало бледным и встревоженным. Даав замер рядом с ней, чуть позади и левее, высоко подняв брови.

— Вы, парочка! — со вздохом сказал Жон. — Иди сюда, преподаватель математики.

Она оглянулась на Даава через плечо. В каждой мышце ее тела чувствовалась напряженность. Он прикоснулся к ее локтю, улыбнулся — и она с трудом перевела дыхание и двинулась вперед.

Прямо перед табуретом Жона она остановилась, сцепив перед собой руки. Ее напарник остался рядом с ней.

— Да, мастер дэ-Корт?

— Ха! Полагаю, ты сознаешь, что сегодня сделала со своей демонстрацией на приливном эффекте?

Она судорожно облизнула губы, но продолжала смотреть прямо ему в глаза. Жилка у основания ее шеи билась, как пойманная птица.

— Да, сударь.

— «Да, сударь», вот как? Ну, изволь мне сказать.

— Да, сударь. — Она глотнула воздуха. — Мы составили и проверили новый прием пилотирования в жестких полевых условиях. Маневр прошел успешно, и я предвижу дальнейшие испытания и уточнения, в ходе которых уравнение будет лучше понято и откалибровано.

— Ввела целое новое предложение в язык местных полетов! — объявил Клонак.

Она вздернула подбородок.

— Если тебе это больше нравится.

— О, мне нравится! — заверил он ее с искрой своего обычного озорства. — Очень и очень нравится.

— Замолчи, — приказал Жон и поднял руку, поманив их к себе. — Ближе, пожалуйста, преподаватель математики. Я — слишком старый пес, чтобы тебя укусить.

Тут на ее лице появилась тень сомнения, но она прошла вперед. Даав продолжал идти рядом с ней, держа руку у ее локтя — на тот случай, если ее понадобится поддержать.

Жон повернул руку ладонью вверх.

— Твою правую руку, пожалуйста.

Она слабо прижала ладонь к его ладони. Старинное серебряное кольцо-головоломка блеснуло, словно бросая вызов. Жон бережно прикоснулся к нему кончиком пальца.

— Откуда у тебя это? — мягко спросил он.

— Мне его оставила моя бабка, — ответила она таким же тоном, — когда умирала.

— Вот как. Значит, все складывается правильно, потому что и я получил его от бабки.

Он опустил руку в поясной кошелек и достал кольцо.

Оно засверкало, словно звездное скопление: крупное, аляповатое, яркое украшение. Сапфиры, рубины, изумруды, бриллиант — все прекрасной огранки — были закреплены на платиновом обруче, который должен был охватывать целую фалангу пальца. Жон поднял драгоценность, позволяя всем оценить ее игру и необычность. Трое присутствующих знали, что это такое. Слышно было, как Даав громко втянул в себя воздух.

— Это, — сказал Жон, поворачивая кольцо перед изумленными глазами Эллианы, — украшение, которое в старину носили пилоты, совершившие прыжки на край вселенной. Его использовали в залог данного слова, как закладную за товар, как плату за ремонт. Пилот всегда возвращается за кольцом, гласила мудрость — и, как правило, это было так.

Он улыбнулся.

— Я получил его от моей матери, а она — от своей, а та получила его от своего отца... И так — на столько поколений в прошлое, что даже тебе не пересчитать. Его вернули мне с телом моего сына. Его всегда носили бинджали пилоты. Сделай мне одолжение и надень его.

Секунду ему казалось, что даже этой малости будет слишком много. Ее лицо стало землисто-бледным, но глаза — глаза стали ярче яркого.

Она наклонила голову в выражении глубочайшего уважения.

— Для меня это огромная честь, — сказала она, и ее голос охрип от серьезности момента. — Я буду носить его — с радостью.

— Так.

Он ощущал прилив гордости за нее — за ту личность, которой она позволила себе стать. Глаза у него защипало от слез, и он надел старинное кольцо на безымянный палец ее правой руки. Оно пришлось на него впору, словно было сделано на нее, — и Жон улыбнулся. Мысленно он поздравил себя с тем, что сказал ювелиру правильный размер.

Убрав свою ладонь из-под ее руки, он выпрямился на своем табурете.

Справа от него Трилла издала торжествующий клич, к которому мгновенно присоединился Клонак. Даав молча положил руку ей на плечо и улыбнулся, когда она повернулась к нему. Заплатка встала, потянулась, потерлась о ее ногу — а потом удалилась куда-то по срочным делам.

— А теперь, — объявил Клонак, вскакивая на ноги и вскидывая руки над головой, — мы идем праздновать!

Глава тридцатая

Целитель — это тот, кто способен заглядывать в сердце и ум человека, которого мучает боль, прогонять эту боль и возвращать страдальца к радости.

Из вступления к «Руководству Целителя»

Пилоты встали в очередь, чтобы с ней познакомиться. Когда они кланялись, Даав говорил ей на ухо их имена:

— Эла. Кад Вир. Мордрид. Нази.

Эллиана отвечала на каждый поклон и повторяла каждое имя, пытаясь мысленно запомнить его с соответствующим ему лицом.

— Иллиопа, Пет Рам, Аби Тод...

Очередь наконец-то подходила к концу, но Эллиана сильно опасалась, что совершенно забыла часть имен, а другие — безнадежно перепутала.

— Фрад, — проговорил Даав несколько иным тоном.

Эллиана встряхнулась и с особым вниманием посмотрела на пилота Фрада.

Мужчина с бесстрастным лицом, почти такой же высокий, как Даав, уважительно поклонился, одновременно сложив пальцы в знак «бинджали». Выпрямившись, он сжал плечо Даава и ухмыльнулся.

— Привет, дружище!

Даав ответил такими же ухмылкой и пожатием.

— Когда прилетел?

— Как раз вовремя, чтобы наблюдать за самым поразительным полетом со станции Разведки.

— Тебе, как всегда, повезло.

— Ха! — Фрад повернулся к Эллиане. — Послушайте моего совета, пилот, и потребуйте, чтобы начальник порта выплатила вам десятую часть дохода, которую она получит от продажи этой записи.

Она недоуменно моргнула.

— Какой записи?

— Я сам попытался заполучить копию, но запись уже идет на следующий трильсден. За пару баров отсюда я слышал, как какой-то капитан-землянин обещал заплатить двадцать кантр тому, кто принесет ему копию до местной полуночи. — Он ухмыльнулся. — Собирается использовать ее для обучения своего экипажа.

Эллиана устремила широко раскрывшиеся глаза на Даава.

— Он шутит, — неуверенно предположила она.

Губы Даава дрогнули.

— Да, хотя это совсем не похоже на обычные шутки Фрада.

— Нисколько, — совершенно серьезно заверил ее этот господин. — Предпочитаю подкладывать в постель приятелям пироги с сочной начинкой. — Он вздохнул, и его бесстрастное лицо отразило глубокую печаль. — Очень примитивное чувство юмора.

Эллиана засмеялась. Фрада окликнули из дальнего угла комнаты, и он отошел, на мгновение приложив кончики пальцев к щеке Даава.

Этот нежный жест пробудил в душе Эллианы болезненное смятение чувств. Обычай и Кодекс говорили, что ей следовало испытать возмущение. Чтобы два человека, не состоящие в родстве, позволяли себе такую близость... чтобы они демонстрировали это в столь людном месте... Это было за рамками всех приличий. Если бы на ее месте была Вени, она упала бы в обморок.

Кодекс диктовал, чтобы она немедленно отстранилась от Даава, ее бесфамильного напарника. В противном случае его развращенность могла бы повредить ее меланти.

Отметая Кодекс, она подняла глаза — и прочла в его взгляде ожидание, вопрос — и настороженность.

Настороженность — в ожидании ее осуждения. Ей стало больно — удивительно больно — из-за того, что он счел ее способной... И вспышка озарения показала Эллиане, что она испытала не возмущение, а ревность из-за того, что Фрад ему так дорог.

Она улыбнулась — и увидела, как его настороженность исчезает.

— Фрад был членом моей команды, — сказал он ей. — Мы вчетвером проходили обучение в академии: Фрад, Олвен, Клонак и я.

— Вот вы где! — воскликнул Клонак, раздвигая толпу разведчиков, пилотов и их поклонников, которые до отказа заполнили винный погребок Апель. — Жон говорит, что пора уходить и предоставить этому сброду праздновать без нас. Они нам поклонились и теперь захотят говорить о работе.

— Это так, — признал Даав. — Интересно, а куда желает нас отправить мастер Жон?

— К «Кинчайлу», — ответил Клонак. — Встретимся там. Я захвачу Фрада.

И он ушел, без труда растаяв в толпе.

Даав перевел на нее искрящиеся весельем глаза.

— Проголодалась, пилот?

— Да! — изумленно призналась Эллиана и протянула руку, чтобы поймать его пальцы.

Они сели обедать всемером, в непринужденной компании друзей: Жон, Апель, Фрад, Трилла, Клонак, Даав и Эллиана. Жон занял место во главе стола, а Эллиана оказалась между ним и Даавом.

Трапеза получилась веселой, с большим количеством вина и болтовни. Одно вкуснейшее блюдо сменялось другим: их все заказывала госпожа Апель, а потом пускала их вокруг стола.

Когда унесли последнее блюдо, Клонак с Фрадом устроили состязание рискованных шуток, в которое время от времени вмешивалась Трилла, бросая лаконичные фразы. Апель молча сидела между Жоном и Фрадом, медленно отпивая вино и деля свое внимание между оркестром, устроившимся в углу напротив их стола, и входом в зал. Жон с Даавом тихо переговаривались.

— Великолепная, опасная работа, молодой капитан. Но, похоже, Лиад не дозрела до того, чтобы ее принять.

— Лиад не слишком счастлива, — признал Даав, крутя рюмку в тонких, ловких пальцах.

Эллиана завороженно наблюдала за его рукой — и снова встревожилась при виде пустого пальца с полосой от кольца. Ей пришла в голову мысль, что сам Даав также мог отпасть от своего клана в результате каких-то неприятностей, которые лишили его кольца, служившего показателем его ранга, и внущили ему горячее желание помочь паре бесклановых пиратов.

— И все же, — продолжал говорить Даав, — Лиад придется это услышать, раньше или позже. Правда будет высказана, во что бы это ни обошлось.

— К нам сейчас подойдут, — заметила Апель при виде кожаных курток, появившихся в дверях.

На другой стороне комнаты оркестр сыграл первые ноты.

— Музыка! — вскричал Клонак, прервавшись на половине шутки.

Он вскочил с места и отвесил свой экстравагантный поклон.

— Потанцуй со мной, о несравненная богиня!

— Я не умею танцевать, — призналась она Клонаку.

Оркестр заиграл первую композицию.

— Конечно, ты умеешь танцевать! Иначе чему все это время тебя учила Трилла?

— Я...

— Мы тебе покажем, — предложила Трилла, отодвигая стул и кивая Фраду. — Ты завербован, картограф.

— Неплохо, — заявил Фрад, поднимаясь на ноги. — Чуть прямолинейно, но неплохо.

Трилла рассмеялась и пошла к площадке. Эллиана посмотрела в карамельные глаза Клонака и вздохнула.

— Ладно. Но только без глупостей!

— Глупостей? — Он округлил глаза. — Разве я когда-то позволил себе не лелеять тебя?

— О! — Эллиана встала, по-земному качая головой. — Ты ведешь себя совершенно нелепо, — сурово сообщила она.

— Зато честно, — отзвался Клонак и нахально ухмыльнулся.

Взяв ее под локоть, он повел ее в зал.

Обучение танцам требовало такой же сосредоточенности, как и обучения менфриату. Как и при защите, необходимо было видеть и предвидеть движения противника и соответственно на них реагировать. Эллиана решила, что танцы даже сложнее менфриата, потому что реакция предусматривалась только одна, и ее следовало приспособливать к произвольно меняющемуся ритму музыки.

Поле ее внимания сосредоточилось на теле Клонака, ее собственном теле, музыке и абсолютной необходимости исполнить танец безупречно. От напряжения она начала потеть — и тут в танце появился неожиданный новый элемент.

— Моя очередь, — спокойно проговорил Даав — и Клонак отпустил ее с совершенно нелепым вздохом.

Эллиана стояла, глядя на него, вдруг снова заметив всех, кто находится рядом: Жона с Апель, Фрада с какой-то рыжеволосой в кожанке разведчика, Триллу с двумя партнерами, причем обоих она обнимала за пояс...

— Ты потанцуешь со мной, Эллиана? Или мне отвести тебя обратно к столу и налить вина?

— Танцевать... довольно... трудно, — с трудом произнесла она, придвигаясь к нему и положив руку ему на рукав.

— Совсем не обязательно, — отозвался он и положил свободную руку ей на талию, как только что это делал Клонак. — На самом деле танцевать бывает довольно весело — хочешь верь, а хочешь нет. — Он улыбнулся. — Первое, что надо помнить, — это что тот, с кем ты танцуешь, не противник, а партнер.

Она засмеялась и шагнула к нему, оказавшись в воображаемой рамке, которой, по словам Триллы, следовало придерживаться во время танцев. Она осторожно положила правую руку на его левое плечо, а левую вложила в его свободные пальцы.

— Тогда танцуй со мной, — сказала она. — Партнер.

Он улыбнулся этим словам с искренним удовольствием. Пальцы, лежавшие у нее на талии, чуть сжались, Даав качнулся вбок — и они начали танцевать.

Это оказалось абсурдно легко. Ее тело двигалось без вмешательства сознания. По правде говоря, ей трудно было поверить в то, что она вообще двигается, однако именно это они и делали. Только тут отсутствовало столь грубое деление на него и на нее.

Музыка замолкла. Эллиана замерла. Ее рука лежала на его плече, его рука — на ее талии, и теперь их было двое — но ей не хотелось отстраняться.

— У музыкантов перерыв, Эллиана.

Голос Даава звучал... странно. Темные глаза, смотревшие на нее, казались ослепленными. По правде говоря, она и сама чувствовала себя совершенно ослепленной. Ей хотелось толь-

ко оставаться на месте, прикасаясь к нему и ощущая его прикосновение, и смотреть ему в глаза, пока снова не настанет время танцевать.

Даав резко кашлянул, отодвинулся назад на шаг, разорвал контакт их взглядом. Его рука упала с ее талии.

— Давай вернемся к нашим.

Вокруг стола появились новые лица, и стульев стало не хватать. Клонак энергично вскочил на ноги.

— Мы все решим, — объявил он, указывая на освободившееся место.

— Мой капитан сядет сюда.

Даав выгнул бровь, но сел, куда ему было указано.

— Так. А моя богиня сядет вот сюда.

Положенная ей на поясницу рука подтолкнула Эллиану вперед, и она с изумленной грацией оказалась у Даава на колене.

— Это — временное размещение, — заверил ее Клонак и встал в театральную позу. — Стулья или смерть!

Он деловито удалился, провожаемый общим смехом.

Эллиана закусила губу.

— Я... прошу прощения, — пробормотала она тихо, глядя Дааву в глаза. — Я встану.

— Что? Отказаться от лучшего места в заведении? — вопросил Фрад, с улыбкой отворачиваясь от своей рыжеволосой партнерши. — И потом — Дааву полезно, чтобы на него время от времени кто-нибудь садился.

Остальные рассмеялись. Трилла устроилась между своими двумя кавалерами, обняв одного за плечи и положив руку на колено второму. Первый танцор отпил немного вина, а потом поднес рюмку к губам Триллы. Когда Трилла сделала глоток, первый танцор протянул рюмку второму.

Апель, привалившаяся к плечу Жона так, что ее щека оказалась в опасной близости от его собственной, нахмурилась.

— Даав, у твоей напарницы нет вина.

— Вина пилоту Кэйлон! — воскликнул Фрад, хватая рюмку из центра стола. Он подставил ее рыжей разведчице, которая поймала ближайшую бутылку и налила вина. Фрад пе-

регнулся через стол и решительно поставил рюмку. — Удачного взлета, пилот.

Он повернулся к своей рыженькой раньше, чем Эллиана успела договорить: «Счастливого приземления».

— Тебе нужен стул, Эллиана? — спросил Даав тихо, чтобы слышала только она.

Она повернула голову и снова посмотрела ему в глаза.

— Я... боюсь... что никогда не сидела ни у кого на коленях.

— И ты не обязана делать это сейчас, если не хочешь, — серьезно проговорил он. — Привстань на секунду, и я встану.

— Я... — Она закусила губу, но потом сказала ему правду, как и положено напарнику: — Наверное, я хотела бы научиться, Даав.

Его глаза заискрились смехом.

— О, вот как? Тогда разреши мне стать твоим учителем.

К ее талии прикоснулись: его рука, теплая и твердая, бережно подвинула ее назад, пока она не оказалась боком к нему.

— Ближнюю руку положи мне на плечи, пожалуйста, — тихо проинструктировал он.

Она послушалась, и ее грудь мягко прижалась к его руке.

Эллиана замерла. Она чувствовала рядом тепло Даава, и это было приятно и как-то связывалось с танцем. Его рука давала опору ее спине, ладонь легла на бедро.

— Эллиана?

Она заставила себя медленно вздохнуть и расслабилась. Да, это действительно похоже на танец, решила она, уловив ощущение той же непонятной ослепленности. Она наклонила голову, увидела блеск серебра у него на шее там, где воротник чуть распахнулся.

Она дотронулась до него пальцем.

— Что это? — прошептала она, приблизив губы к его уху.

— Цепочка, — шепотом ответил он.

Она тихо засмеялась и почувствовала, как по его телу пробежала дрожь.

— Хочешь вина? — пробормотал он и, получив ее согласие, потянулся вперед.

Она закрыла глаза, наслаждаясь ощущением близости, того, как двигаются его мышцы при наклоне и как ее тело сгибается вместе с его телом — внутри него.

— Вино, — сказал он.

Она открыла глаза, взяла рюмку, отпила глоток, а потом предложила ее ему.

— Вина? — спросила она тихо, как это сделал партнер Триллы.

Его глаза вспыхнули. Она ощутила, как по его телу прокатилась волна какого-то чувства — и ее сердце начало странно, сильно биться...

— Смирно! — вдруг приказал Жон.

Эллиана почувствовала, как Даав пошевелился под ней, — а остальные вскочили на ноги, низко кланяясь трем людям, подошедшими к их столу.

Двое мужчин и женщина. Один из мужчин в кожаном костюме разведчика, все трое держатся как люди, облеченные властью. Эллиана ахнула, внезапно догадавшись, кто это, и запоздало начала подниматься.

Мужчина в кожанке разведчика поднял руку.

— Не беспокойтесь, пилот, — сказал он в товарищеской модальности. — Я бы сказал, что вы заслужили свой отдых, а что до него, — тут он небрежно ткнул пальцем в сторону Даава, — то он задолжал мне уже столько поклонов, что может поработать вашим стулом.

— Здравствуйте, командир, — серьезно проговорил Даав.

Немолодой мужчина наклонил голову.

— Здравствуй, капитан.

— А, так это пилот Эллиана Кэйлон? — спросила женщина, останавливаясь рядом с командиром Разведки. Она уважительно поклонилась. — Я — Нарна вин-Тайла, начальник порта Солсинтеры.

Она протянула руку и поймала второго мужчину, который что-то энергично обсуждал с Жоном.

— Пилот-гильдмейстер Пер Сиэ рен-Джелдер, — представила она, и мужчина быстро поклонился.

— Мы здесь не для того, чтобы мешать вам праздновать, — сказал командир Разведки с легкой улыбкой. — Мастер рен-Джелдер принес вещь, принадлежащую пилоту Кэйлон.

— Ах да.

Мастер рен-Джелдер еще раз быстро поклонился и положил на стол перед Эллианой металлическую карточку.

— Это, — энергично проговорил он, — лицензия пилота первого класса Эллианы Кэйлон. А это, — с этими словами он залез в карман куртки и извлек оттуда дискету, — список пилотов, подтвердивших присвоение первого класса пилоту Кэйлон по состоянию на... — тут он взглянул на часы, — ...два часа назад. — Он наклонил голову. — Естественно, мы перешлем обновленный список на компьютер «Полосы удачи».

Эллиана широко раскрыла глаза, а потом быстро наклонилась вперед, протягивая руку за прямоугольной карточкой. Рука Даава чуть передвинулась на ее талии, обеспечивая ей равновесие.

Первый класс. Эти слова бросились ей в глаза прежде всего. Датированный сегодняшним... вернее, вчерашним... числом. Подтверждающий пилот... Она перевернула карточку...

— Единодушно?

Начальник порта улыбнулась.

— Потому и дискета. Похоже, все без исключения разведчики и мастер-пилоты, оказавшиеся на Лиад и в ее окрестностях, связались с Гильдией, чтобы подтвердить повышение вашего класса, пилот. — Ее улыбка стала шире. — В этом списке и несколько мастеров-землян.

— Я...

Она уже готова была протестовать, говорить, что ничего особенного не сделала, что это было простым применением... Она вздохнула и наклонила голову, ощущая рядом с собой надежное, крепкое тело Даава.

— Я благодарю вас, — официально ответила она.

— Формальности соблюdenы! — объявил командир Разведки и повернулся, вскидывая руку. — Дэа-Корт, старый ты извозчик, где мое вино?

* * *

Она попросила, чтобы он проводил ее на корабль, что было вполне естественной просьбой пилота к своему помощнику — или напарнику. Он с радостью согласился выполнить свою обязанность, хотя, быть может, лучше было бы поручить ее заботам Клонака. Его эмоции... не были вполне спокойны.

Даже сейчас, степенно шагая с Эллианой рука об руку, он ощущал опьянение от ее присутствия, так что ему приходилось бороться с безумным желанием притянуть ее к себе, зарыться лицом в ее волосы, скользнуть руками по сильному, хрупкому телу, ощутить медовую сладость ее кожи...

Содрогнувшись, он жадно глотнул росистого воздуха.

Он говорил себе, что не имеет права дать волю этой неожиданной страсти. Короткая ночь взаимного наслаждения, после которой наутро следует возвращение к непринужденным дружеским отношениям, — для многих это нормально и не несет ничего дурного. Но не для Эллианы. Эллиане нужны нежность и умелое пробуждение, многие ночи радости...

Он ахнул и споткнулся.

— Даав?

В ее голосе зазвучало беспокойство.

— Чересчур много вина, — ответил он, заставляя свой голос звучать чуть виновато. — Тревожиться не о чем.

«Право, Даав, — мысленно укорил он себя. — Что за постыдное поведение!»

Идущая рядом Эллиана вздохнула.

— Есть ли нечто такое, от чего мне следует воздерживаться при разговоре с командиром Разведки в трильсдень? Мне не хотелось бы... сделать ошибку.

— Даже если бы ты могла сделать ошибку, — отозвался Даав, радуясь возможности отвлечься разговором, — с тобой будет Жон, так ведь? Ты можешь полностью положиться на него.

— Да, конечно. Просто...

Она замолчала.

Он улыбнулся, хотя в темноте она не могла этого увидеть.

— Не беспокойся, Эллиана. Командир просто хочет повысить авторитет Разведки, позволив тебе свободно пользоваться Комнатой Планет.

— И это очень любезно с его стороны, — горячо проговорила она. — Но я пытаюсь понять, как... люди справляются на... в дальних мирах, когда полагаться можно только на самого себя, а заботливость посторонних должна вызывать подозрения. На кого... кто гарантирует, что не случится ошибки?

«Она начинает понимать, что способна дать лицензия, лежащая у нее в кармане, — подумал Даав. — И она видит, что некоторые дары могут оказаться опасными».

— Вселенная далеко не идеальна, — ответил он, говоря совершенно правдиво, как и положено делать помощнику, если речь идет о безопасности пилота. — Случаются ошибки. На Лиад исправление ошибок — это искусство общества. На дальних планетах это — естественная сила. Те, кто допускает ошибки в суждениях, погибают. Те, кто не справляется с пилотированием, погибают. Те, кто наблюдает, учатся, и если им сопутствует удача, процветают. — Он помолчал, а потом серьезно добавил: — Там возможно быть счастливой, Эллиана. Только будь осторожна, пожалуйста!

Она остановилась, крепко сжала его пальцы и в темноте повернулась к нему.

— У некоторых пилотов есть напарники, — проговорила она, и голос у нее дрогнул.

— Да.

— Да, — повторила она и через секунду продолжила путь. Соединенный с ней пальцами, Даав шел рядом.

Они дошли до «Полосы удачи» без дальнейших разговоров и происшествий. Даав неохотно отпустил ее руку и посторонился, чтобы она могла пройти впереди него по пандусу. Поднявшись, она повернула ключи, ввела код — и люк открылся, добавив освещение корабля к тусклым лампочкам кранов.

В полосе корабельного света она повернулась к нему, оказавшись совсем близко на узкой площадке. Намеренно сделав еще шаг к нему, она положила руку ему на плечо, словно они собирались танцевать.

— Даав?

Ее зеленые глаза ярко блестели в лучах желтого света, лицо было одновременно робким и решительным.

— Эллиана...

Он задохнулся и замер, дрожа под ее прикосновением, утонув в ее ярких глазах.

Она прикусила губу.

— Я не умею красиво говорить, но обращаюсь к тебе со всем... уважением и... заботой. Я чувствую, что Лиад тебя... сковывает, что ты предпочел бы улететь. Я... наверное, я уже не смогу потом вернуться. — На секунду ее глаза затуманила тревога. — Никакого бесчестья... так, как понимают честь разведчики. Просто жизнь, которая... не привязана к планете. — Она судорожно вздохнула, крепко стиснув пальцами его плечо. — Ты не станешь моим напарником, ванчела, когда я полечу на дальние планеты?

Он чуть было не крикнул «Да!», бросив все к звездам, чуть было не сорвал с шеи Кольцо Корвала, швырнув вниз на камни, чуть было не подхватил Эллиану на руки и не унес в корабль.

Чуть было.

— Я... не могу.

Он услышал, как дрогнул его голос. Лицо Эллианы застыло.

— Не можешь?

— Я помолвлен, — дал ответ его голос — и его разум. — Мой Клан имеет на меня... виды. — Он с трудом сглотнул, пытаясь смочить пересохшее горло, поднял дрожащий палец и прикоснулся к ее щеке. — Твое предложение... это желание моего сердца, Эллиана. Поверь мне.

Он не мог сказать, поверила ли она ему. Ее лицо напряглось от боли, и она шагнула назад. Лежавшая у него на плече рука безвольно упала вниз. Она поспешила склонила голову — но он успел увидеть блеснувшие слезы.

— Эллиана...

Она подняла руку, останавливая его слова.

— Это... Я сожалею, — выдавила она с формальной интонацией, которая разрывала ему сердце. Она кашлянула и осмелилась посмотреть ему в лицо.

— Удачного взлета, Даав.

— Счастливой посадки, Эллиана.

Она повернулась и ушла в свой корабль. Люк закрылся, отрезав его от света.

Глава тридцать первая

Союз спутников жизни — это нечто гораздо более серьезное, чем простой брачный контракт, поскольку охватывает всю продолжительность жизни партнеров, даже если один из них умирает. Один из членов такого союза должен оставить свой родной клан и присоединиться к клану своего спутника или спутницы жизни. В этот момент принимающий клан выплачивает «жизненную стоимость», основанную на профессии, возрасте и внутренней ценности данной личности для своего бывшего клана.

Традиция гласит, что спутников жизни связывают «узы сердца и ума». Ввиду того, что лиадийская культура принимает существование волшебников, некоторые исследователи интерпретируют это в том смысле, что между спутниками жизни существует экстрасенсорная связь. Высказывалось альтернативное предположение: что истинные союзы спутников жизни возникают только между волшебниками.

Для таких теорий подтверждений не обнаруживается. Конечно, союзы спутников жизни среди лиадийцев крайне редки. Но и у землян не менее редки браки до конца жизни.

«Брачные обычаи Лиад»

Она убегала, потому что спрятаться было негде.

Изнемогая от ужаса, она неслась по лабиринту переулков, по широким площадям, по бесконечным коридорам терминалов, но повсюду, повсюду Оно следовало за ней.

Его Тень падала позади нее, уничтожая улицу, по которой она только что пробегала. Задыхаясь, она свернула за угол,

промчалась по широкому проспекту и нырнула в калитку какого-то частного особняка. Она не смела останавливаться надолго, однако ей необходимо было передохнуть: сердце у нее готово было разорваться, рыдающие вздохи не приносили перегруженным, пылающим легким достаточно воздуха.

Она нырнула в теплую, приветливую тень калитки. Все мышцы у нее дрожали от напряжения. Ей смутно подумалось, что она не сможет долго выдерживать этот жестокий бег, и она попыталась сообразить, где в переплетениях пристройки портовых дорог и коридоров можно было бы найти оружие.

Но даже в адреналиновом приливе страха она понимала, что никакое оружие не остановит Тени. Лихорадочное желание вооружиться внушало ей то создание, что отбрасывало Тень. Существо, способное создать столь ужасающее затемнение, — с ним она не может встретиться без оружия.

Тяжелое дыхание сотрясало ее тело, странным эхом отражаясь от тесных стен укрытия. Она заметила какое-то движение в конце улицы и оттолкнулась от стены, готовясь снова бежать.

Усталые мышцы предали ее. Она сделала шаг, второй — и упала на колени у самой калитки, стиснув зубы, чтобы удержать крик отчаяния.

Угол, из-за которого она только что прибежала, исчез. Его сожрала темнота, настолько абсолютная, что глаза бунтовали и твердили, будто в глубине Тени прячутся многоцветные огни — дорога, на которую она упала.

Она вдруг приостановилась, эта Тень, и, казалось, осмотрелась вокруг. Стоя на коленях на плитах тротуара, Самив тел-Изак постаралась не двигаться, вопреки ужасающей уверенности надеясь, что Оно хоть на этот раз ее упустит.

Возносясь вверх на полмили, Оно надвигалось. Его голова была массой переплетенных ветвей, Его ствол шириной превосходил ангар, а предшествовавший Ему ветер был ледяным и противно пах гниющими листьями.

Тень повернулась — и половина проезда, отделявшего Его от ее убежища, померкла. Ветер закружился вокруг нее, зловонный от тления, а над собой она услышала ровный, мер-

ный гул, словно огромные крылья взбивали небо. Самив подняла руки над головой, пытаясь укрыться за этим жалким щитом, и стала смотреть на укорачивающуюся улицу, на мрак своего Врага.

Однако Тень не приближалась. Биение крыльев у нее над головой стало мощнее, ближе, пока наконец не превратилось в гром, который гнал пыльный ветер в ее жалкое укрытие. Она скривилась и опустила руки, чтобы защитить лицо.

Грохотанье крыльев смолкло. Она выпрямилась в темноту и заморгала, чтобы прочистить запорошенные пылью глаза.

Чья-то рука сжалась на ее плече.

Самив тел-Изак завопила.

Люк закрылся, оставив его снаружи.

Эллиана оцепенело прошла к своему креслу, села, подняла руки и включила первичную проверку систем.

Индикаторы начали мерцать, экраны зажглись. Ее корабль начал оживать.

Ее корабль.

Она могла бы улететь немедленно, в эту же минуту. Лицензия пилота первого класса была надежно спрятана в нару́кавный карман. Ничто не удерживало ее здесь: ни клан, ни родня, ни...

— Даав?

На ее шепот не отозвался низкий спокойный голос, высокая, бесшумно двигающаяся фигура не мелькнула на краю ее поля зрения. Она была одна.

Странно, что это было так больно. Ведь так много лет ее единственным желанием было остаться одной.

Пульт управления дал сигнал готовности. Экраны показали спящие вокруг корабли. На экране номер шесть двигался стройный человек. Его плечи были сгорблены так непривычно, что только когда случайный луч света задел серебряную серьгу, Эллиана его узнала.

— Даав!

Она подалась вперед, ударив ладонью в экран, словно могла дотянуться до него через пластик, микросхемы и эфир...

Он дошел до конца дорожки и повернул налево, направляясь...

Она даже не знает, где он живет!

— О боги...

Индикаторы на пульте расплылись до неузнаваемости. Она нетерпеливой рукой вытерла глаза и чуть удивилась, заметив на пальцах влагу. Слезы. Ее мужу нравились слезы, и он находил тысячи способов выжать их из нее. И в конце концов она отказалась плакать, какую бы боль он ей ни причинял.

Он был мастером боли, ее муж. Однако никакое проявление его гениальности не вызывало такой муки, какую она испытывала сейчас.

На краю ее поля зрения горела лампочка комма. Она повернулась к комму — и надежда принесла свою собственную муку.

Она знает номер его комма.

«Позвони мне, — негромко произнес его голос из ее воспоминания, — если у тебя возникнет надобность...»

Ее рука рванулась вперед. Она отдернула ее, стиснула в кулак и прижала к губам, застыв в своем кресле. Теперь она уже плакала по-настоящему, потому что он был потерян, дал слово жениться и быть полезным своему клану, что бы он собой ни представлял и где бы ни базировался. Пусть даже он разведчик, он все равно связан путами родства и долга. Вызывать его — значило бы нанести ущерб. Умолять его о...

О чем?

О возвращении в магию танца, когда они двигались и мыслили, как единое существо? О том, чтобы ощутить рядом его тело, сильное и гибкое? О даре его смеха и надежного здравого смысла? О полной уверенности в том, что когда бы она ни посмотрела в сторону кресла второго пилота, он оказался бы там, безмятежно и безупречно выполняя свои обязанности?

Она вытерла мокрые щеки, прижала ладони к глазам и попыталась остановить слезы, которые превратились в поток.

Слезы не желали останавливаться. Она наклонилась вперед, пока ее щека не прижалась к пульту первого пилота, и

так лежала, рыдая в холодный пластик, пока наконец не провалилась в серый, беспокойный сон.

Ран Элда Кэйлона никак нельзя было назвать человеком, страдающим болезненной страстью к новостям. Там, где текущие события касались Ран Элда Кэйлона, его интерес был жадным. Что до событий, относящихся к другим сферам, то его интерес оставался... минимальным.

Пусть Сайнит прислушивается к новостям, восклицая по поводу высказываний на Совете, публикаций скучных научных томов или несдержанных выходок пилотов. Ран Элд усмехнется заинтересоваться Советом Кланов тогда, когда сам начнет принимать участие в истории. А что до работы профессоров и пилотов — трудно было бы сказать, что ему внушало большую скуку.

Так что только по злой иронии судьбы Ран Элд Кэйлон, все еще злясь на неуловимость своей средней сестры, этим утром столкнулся с Сетью.

Сеть была любимой службой новостей Сайнит. Он бесконечно повторял ей, чтобы она смотрела новости по домашнему экрану в библиотеке, однако ее страсть к новостям была такой, что она пользовалась экраном Ран Элда всякий раз, когда Вени успевала первой занять общий экран. Как правило, она не забывала переключить его обратно на биржевой канал Ран Элда. Однако сегодня она об этом не вспомнила.

Ран Элд нажал кнопку включения — и его взгляд немедленно зацепился за слово «Кэйлон», как обычно цепляется глаз за упоминание твоего собственного имени. Хмурые брови, он прочел сообщение — и понял, что достойной упоминания в новостях оказалась некая Эллиана Кэйлон, пилот-владелец корабля класса «А» под названием «Полоса удачи».

Ран Элд очень осторожно сел в кресло.

После чего он с полным вниманием изучил заметку, узнав о пилоте такие интересные вещи, как ее работа над Таблицами пилотирования вен-Туры в возрасте всего восемнадцати лет — уточнение этих Таблиц было названо благодеянием для всех пилотов вселенной. Он узнал, что пилот Кэйлон владеет своим

кораблем всего лишь релюмму, выиграв его в пикит, что ее лицензия второго класса, выданная всего через несколько дней после выигрыша, была по единодушному требованию пилотов и на основе вчерашнего потрясающего спасательного полета заменена на лицензию полного первого класса.

А еще он узнал, что пилот Кэйлон поднимает свой корабль из ремонтной мастерской «Бинджали», улица Механиков, порт Солситры.

Когда он добрался до платформы высоко в ветвях Дерева, его волосы и лицо намокли от росы. По крайней мере — волосы.

Даав поднял руку к затылку, снял серебряное кольцо и спрятал в карман. Освободившиеся волосы упали сбившимися, перепутавшимися прядями, запустив злобные сосульки под воротник куртки.

Он резко вздохнул и излишне сильно тряхнул головой. Густые мокрые волосы ударили по щекам, а потом веером рассыпались по плечам.

Вокруг него затаилось Дерево.

Прямо впереди, сквозь туннель из листьев и веток, он видел огни космопорта Солситры, постепенно меркнувшие в разгорающемся рассвете.

— Она получила первый класс, — сообщил он громко, устремив взгляд на далекий порт. — И ее не удерживает ничего, кроме притяжения планеты.

Вокруг него листья оставались неподвижными — их не тревожил ни малейший ветерок.

— Эр Том, — продолжил Даав, глядя, как тускнеют дальние огни, — мой брат рассказал мне, что когда он впервые увидел свою Энн — земную женщину в комнате, полной землян, — когда он впервые увидел ее, то ему вдруг показалось, что там стоят две женщины, одна в другой. Первая — наружная женщина, если хочешь — была недурна: славные волосы, счастливый взгляд... красивые руки. Немного крупная, конечно, и сложена... как Энн. Энн приятна на взгляд, и Эр Тому она понравилась.

Красный сигнальный огонь зажегся на башне диспетчерской порта, сигнализируя смену ночной вахты на дневную. Даав моргнул и поднял руку, чтобы стереть капли... росы... высыхающие на его щеках.

— Вторая женщина — он видел ее всего полсекунды, учи! — вторая женщина была почти не женщиной, а музыкой, или светом, или симфонией того и другого. Одновременно она была такой сложной и такой невыразимо привильной, что, по словам моего брата, он почувствовал, что мог бы любоваться ею до конца дней. И ему это не надоело бы, и он не нашел бы ни единой ноты, ни единого светового пятнышка, которые не были бы именно такими, как нужно.

Даав вздохнул.

— Вторая женщина тут же растаяла, оставив Энн, с которой он познакомился и которую Эр Том полюбил — как умеет любить только он.

Он повернулся лицом к Дереву, к стволу которого была прикреплена платформа.

— Мой брат говорит мне, что теперь... теперь он слышит эту безупречную музыку постоянно. По его словам, она звучит у него в сердце. А когда он закрывает глаза, то может видеть то безупречное, сложное переплетение света, которое и есть Энн — внутреннюю сущность Энн. Он говорит, что в те моменты, когда им приходится расставаться, его утешает уверенность в том... что он никогда не остается один.

Тишина, неподвижный воздух. Слабое, далекое ощущение чего-то... что ожидает.

— Энн, — продолжил Даав, делая вперед всего один шаг, — Энн рассказывает похожую историю. Где бы она ни была и где бы ни был Эр Том, она ощущает его присутствие, его страсть. И даже если между ними вся вселенная, ее ощущения не тускнеют. Поскольку она музыкант, то говорит, что он — как музыка. Словно развивающаяся музыкальная тема — и одновременно словно постоянное исполнение обожаемого произведения. Это очень мощно, по ее словам. Словно сердцебиение. Она разрешила мне сказать, что Эр Том стал частью ее сердцебиения... наверное, она хотела сказать — частью ее жизненной силы. Но,

похоже, это ее не пугает. Это — радость, говорит она... Они оба так говорят. А Эр Том добавляет: «Как бы мне хотелось...»

Полная тишина. Тишина, которую не осмеливалась нарушить ни одна птичья трель.

Даав сделал еще шаг вперед и остановился в центре платформы, сжимая у бедер кулаки. Колени у него сильно дрожали.

— По крайней мере скажи мне, правда ли это! — потребовал он — и голос у него тоже задрожал. — Правда ли, что я создан как половина союза волшебников?

У него над головой резко прошуршали листья, словно там села летучая мышь. Один орех полетел вниз и с обиженно меткостью ударился о доски между его ступней. Даав судорожно вздохнул.

— Мы танцевали, и казалось, будто мы родились, танцуя вместе. Я обнимал ее, и это было сладко — больше, чем сладко! Она назвала меня «ванчела» — возлюбленным другом!

Он сделал еще один шаг. Следующий должен был привести его к самому стволу.

— Но во всем этом не было того, что описывал мне мой родич, — никаких прекрасных лабиринтов, никаких песен души. Даже в эту секунду она могла улететь. Она могла уйти в прыжок, а я этого не буду знать, пока Клонак мне не скажет.

Он сделал последний шаг, поднял кулаки и, разжав их, приложил ладони к стволу.

— Эллиана Кэйлон, — сказал он. — Клан Мицел.

Под его ладонями кора была шероховатой, зернистой — и слегка влажной. Где-то на нижних ветвях запела рассветоласточка.

Даав подался вперед и прижался щекой к Дереву.

— Самив тел-Изак тебе не нравится, — прошептал он. — Эллиана не вызывает интереса. Неужели я обречен на одиночество потому, что Эр Том — нет? Следует ли мне сказать Делму Биндана, что брачный союз отменяется, потому что я встретил ту, кого могу полюбить? И что я буду делать, когда они обвинят меня в нарушении условий контракта и потребуют корабли, акции и денежное возмещение? Как мы станем блюсти Заповедь Канtrys, если у нас не останется кораблей и

нас выселят из нашей долины? Как мы станем бдительно охранять пассажиров? Как мы будем беречь Дерево?

Ничего, кроме коры, сырости и птичьих песен.

— Мне следовало остаться с Эллианой, — прошептал Даав.

И на секунду он невероятно живо представил себе это: у них впереди был целый день для того, чтобы строить планы и набирать груз, а их маршрут уже проложен — и идет в дальние края...

Безумие.

Он отстранился от Дерева, вернулся обратно и поднял орех. Секунду он стоял, держа его в руке, а потом подошел к краю платформы и бросил его — как можно сильнее и дальше.

Глава тридцать вторая

*Пилот заботится о корабле и пассажирах.
Помощник пилота — о пилоте и корабле.*

Из «Списка обязанностей» Гильдии пилотов

Длинная тень на секунду заслонила Клонаку свет. Он отложил гаечный ключ и поднял голову.

— Мастер Фрад! После вчерашнего веселья я не ожидал увидеть тебя так рано!

Голенастый картограф ухмыльнулся.

— Ты украл у меня мои слова, мошенник! Чем это ты занимаешься? Работаешь? Не может быть!

— С тех пор как меня коснулась моя богиня, я стал другим человеком, — набожно сообщил ему Клонак.

Фрад расхохотался.

— Тогда тебе не повезло, приятель. Разве не Даав этим вечером провожал Кэйлон к ее постели? Признаю, что перебрал на рюмку-другую, но не настолько, чтобы спутать длину с шириной.

— Некоторые из нас, — очень серьезно проговорил Клонак, — боготворят издали.

— Все из нас, если я не ошибся. Мне редко случалось видеть, чтобы Даав чувствовал себя настолько непринужден-

но. Можно было бы даже подумать, что его приручили. А у пилота все чувства на лице написаны.

— Да, конечно... — Клонак поднял гаечный ключ. — Тут заварилась дьявольская каша, дружище. Даав помолвлен.

— Нет, да что ты говоришь? — Фрад изумленно посмотрел на него, а потом повел плечами, отвечая самому себе. — Да, но он ведь связан обязательством? Клан Корвал не отличается многочисленностью, несмотря на вклад йос-Галана. Даав — парень разумный и наверняка ставит на первое место полные детские. Просто он так долго держался в стороне... Ну-ну. И кто его нареченная?

— Самив тел-Изак, Клан Биндан, как говорит мой отец.

— Вот как? Волею судьбы я летал с этой леди. Рутинная работа для порта. Она-то со временем оттаивает, но ее дельма полна амбиций.

Клонак вздохнул:

— Мой отец тоже так говорит.

— Ха! — Фрад огляделся. — Мы здесь только вдвоем? Не может быть, чтобы Жон оставил мастерскую только на тебя!

— Жона срочно вызвали на заседание директоров порта. Трилла позвонила несколько минут назад и предупредила, что... опаздывает.

Фрад ухмыльнулся.

— Конечно, она ведь вчера была с красивой парочкой!

— Довольно красивой, — согласился его приятель. — И готовой на все. Я еще не видел капитана и моей богини, но, с другой стороны, я их и не ждал.

— Так, значит, ты тут один! Хорошо, что я зашел.

— Действительно, хорошо, — отозвался Клонак с ехидной ухмылкой. — И ты даже мог бы приносить пользу, знаешь ли, вместо того чтобы болтать и мешать мне выполнять порученную работу. Но, с другой стороны, ты никогда не был силен в ремонтных работах.

— Ого, мне брошен вызов! Что тут у тебя — векторный двигатель? Отойди-ка, сударик, и не мешай специалисту работать!

* * *

Сон отошел, оставив после себя головную боль. Эллиана с трудом выпрямилась в кресле первого пилота и протерла заспанные глаза. На пульте горела лампочка оставленного сообщения, и она нажала янтарную кнопку, чувствуя, как ее сердце наполняется надеждой. Может быть, Даав...

Сообщение пришло из офиса начальника порта: подтверждение выполненного поручения порта и свидетельство о переводе трех кантр на счет «Полосы удачи», пилот Эллиана Кэйлон.

Она откинулась на спинку кресла: на глаза ее опять вернулись слезы. Но она заставила себя глубоко вздохнуть, перевести сообщение в вахтенный журнал корабля и связаться с банком Гильдии пилотов. Три кантры, заработанные кораблем и пилотами, распределялись так: треть — кораблю, треть — пилоту и треть — помощнику пилота. Она переведет долю Даава в...

Не убирая пальцев с пульта, она застыла. Перевести канту Дааву? Да, конечно. И какая у него фамилия, какой Klan? И какой номер у его лицензии пилота?

Эллиана вздохнула, отключила связь и встала. Хорошо. Первым делом — душ. С этого начнется день с его необходимостью и проблемами.

Как оказалось, для ремонта нужны были совместные усилия. Едва они успели снять кожух, как открылась дверь служебного входа. Фрад поднял голову — и успел увидеть, как через порог осторожно переступает щеголеватый мужчина примерно одного с ним возраста.

Несколько секунд пришедший стоял у порога, придерживая дверь кончиками затянутых в фиолетовые перчатки пальцев. Потом он осторожно двинулся по проходу, легко семеня ногами, словно опасался испачкать подошвы виртуозно сшитых сапожек.

— О-ла-ла! — пробормотал Клонак, заметив незнакомца. — Райская птица!

— Может, покупатель? — предположил Фрад.

— Скорее продавец, — отозвался Клонак. — Перчатки под цвет кружев.

Фрад вздохнул.

Пройдя дюжину шагов, незнакомец остановился, склонив набок гладкую, аккуратно подстриженную голову и свободно скжав перед собой руки, словно ожидая, что к нему сию же минуту подбежит подобострастный лакей, умоляя его о прощении. Более того, по расчетам Фрада, он медлил секунды три, явно дожинаясь этого события. Наконец, потеряв терпение, он повернул голову — и увидел пару, занимавшуюся векторным двигателем.

Одна перчатка поднялась вверх с хорошо отработанным изяществом. Один палец вытянулся вперед.

— Эй ты! — заявил он. — Парень!

Клонак фыркнул над двигателем:

— Я перестал быть «парнем» для каких-то псов, обряженных в кружево, с тех пор как мне стукнуло двенадцать!

— Ну, — проговорил Фрад, откладывая щуп и берясь за тряпицу, — значит, он имеет в виду меня.

Вытирая руки, он бесшумно пошел к щеголю. На расстоянии, предписанном для разговора с незнакомыми людьми, он остановился и отвесил поклон взрослого человека другому взрослому.

— Добрый день, сударь, — сказал он в модальности разговора двух взрослых. — Чем я могу вам служить?

Глаза у щеголя были чисто лазурными, большими и красиво поставленными над чуть курносым носом. Обращение Фрада заставило их расшириться — по-видимому, оскорбленно, — а углы довольно тонких губ опустились.

— Я буду разговаривать с владельцем этого заведения, — объявил он, без всяких там «с вашего разрешения».

Фрад повел плечами.

— Увы, владелец ушел.

Брови незнакомца хмуро сдвинулись, а в красивых глазах появился блеск недовольства.

— Когда, — спросил он, — вернется владелец?

— Он не сказал, — ответил неизменно вежливый Фрад. — Не могу ли я чем-нибудь вам помочь?

— Возможно, — признал щеголь и гордо выпрямился, пронзая Фрада весьма суровым взглядом. — Я, — объявил он, — Ран Элд Кэйлон, Наделм Клана Мицел!

— Ага! — вполголоса произнес Клонак за спиной у Фрада. — Теперь все понятно!

Наделм устремил на источник подобной вольности взгляд, который явно хотел бы считать уничижительным. Однако этот взгляд распался, так и не достигнув провинившегося. Узкие губы поджались, словно наделма затошило, и ярко-голубые глаза снова обратились на Фрада.

— Вы предъявите Эллиану Кэйлон, — приказал он. — Немедленно.

Фрад поднял брови, и на его лице отразились старательные, хотя и несколько заторможенные, размышления.

Наделм нахмурился еще сильнее. В модальности, которая опасно приблизилась к тону, предназначенному для разговора вышестоящего с нижестоящим, он заявил:

— Эллиана Кэйлон должна немедленно появиться предо мной, сию же минуту. У меня есть веские основания полагать, что она здесь.

— Эллиана Кэйлон, — повторил Фрад потрясенно. Он перевел взгляд на Клонака, который стоял, любовно разглядывая свои усики. — Эллиана Кэйлон?

— Таблицы вен-Туры, — добродушно подсказал ему Клонак и пояснил наделму: — Он немного туповат, но тем не менее очень милый парень. Он и сам бы вспомнил, часа через два-три. Но что это я: ведь теперь наша очередь, а мы вас задерживаем! — Он встал в позу. — Кантра йос-Фелиум!

Наделм обжег взглядом место в районе подбородка Клонака.

— Я здесь не для того, чтобы играть в «Биографии»!

— Правда? — вопросил Клонак, изображая идиотическое замешательство. — А тогда зачем вы здесь? Должен вам сказать, цветочек, что нехорошо отрывать людей от работы, заставлять отвечать на первый ход, а потом отказываться играть дальше. Очень некрасиво!

— Прошу... — Ран Элд поднял гневный взгляд на лицо Клонака — и поспешно его отвел. — Хозяин «Бинджали» услышит о твоем нахальстве, любезный!

Клонак захлопал в ладоши:

— А вот на это будет интересно посмотреть! — воскликнул он. — Право же, сударь, вы должны остаться и подождать хозяина «Бинджали». Я настаиваю! Пойдемте, я предложу вам чая — и, может, даже вчерашнюю булочку, если кошка ее не надкусила. Это скрасит ваш ожидание!

Щеголь возмущенно выпрямился, демонстрируя роскошные фиолетовые кружева и узкий черный сюртук.

— Сударь, вы пьяны.

— О нет! — поспешил успокоить его Фрад, решив, что дело заходит слишком далеко. — Что вы, сударь, он почти никогда не бывает пьян так рано утром. Конечно, — добавил он честно, — бывает, что он не успеваетпротрезветь после вчерашнего.

Наделм устремил на Фрада взгляд, полный страшной угрозы.

— Вы отказываетесь немедленно привести ко мне Эллиану Кэйлон или хозяина «Бинджали»?

Тот долго обдумывал вопрос, советясь с потолком.

— Да, — ответил он наконец, хладнокровно встречаясь с гневными голубыми глазами. — Отказываюсь.

— Хорошо же! — Ран Элд наклонил голову. — Тогда, как Наделм владельца, я приказываю вам опечатать «Полосу удачи» и принести ключи мне.

Фрад остался стоять на месте с совершенно спокойным лицом, в позе, выражавшей вежливое внимание.

— Я сказал, — рявкнул Наделм пилота Кэйлон, — что вы немедленно опечатаете «Полосу удачи» и доставите ключи мне!

— Я услышал и в первый раз, — хладнокровно ответил Фрад. — Я, конечно, в отчаянии из-за того, что не могу вам услугить, сударь, но я не имею права опечатывать корабль владельца.

— Вот как? Тогда я буду ждать владельца этого заведения.

«И тогда ты об этом пожалеешь, приятель», — ясно говорил его тон.

— Владелец тоже не может опечатать корабль клиента, — жизнерадостно сообщил Клонак. — Вам нужен пристав порта, цветочек, — но я бы вам не рекомендовал.

— Не помню, чтобы я спрашивал у вас совета, — ледяным тоном заявил Наделм.

— Да, но дело в том, что это — хороший совет, — сказал Фрад. — Такие вопросы, как опечатывание корабля, лежат исключительно в ведении начальника порта, и вам следует обратиться к ней.

Голубые глаза скользнули по его лицу взглядом, который должен был внушать ужас. Фрад выгнул бровь, ничем не выдавая бушевавшую в его душе ярость. Право же! Чтобы этот... павлин... имел главенство над Эллианой Кэйлон? С каждым его возвращением Лиад становится все менее здравомыслящей.

— Хорошо же, — процедил наконец Ран Элд.

Не поклонившись и не попрощавшись, он повернулся и прошествовал к двери, от чего, по мнению Фрада, больше всего пострадали подошвы его сапожек. Уже приложив пальцы к пластине замка, он обернулся и ошпарил их взглядом.

— Проследите, чтобы и корабль, и владелица находились здесь, когда я вернусь с приставами!

С этой страшной угрозой он удалился.

Клонак бросился на шею Фрада, завывая от восторга.

— Почему, почему, ну почему ты не дал ему дождаться хозяина «Бинджали»? — Он ахнул, сжимая плечо своего рослого друга. — Только подумай, до чего приятно было бы его отряхивать, поливать и поворачивать лицом к солнышку...

Он захлебнулся хохотом.

Фрад рассеянно погладил его по голове и поставил прямо.

— Полно, милый. Возьми себя в руки, будь добр, и подумай: почему Наделм пилота Кэйлон пожелал опечатать ее корабль?

— Из чистой жестокости, — сразу же ответил Клонак. — Ты видел, какой у него рот? Капризный. И еще — избалованный и злобный. А его плечи, с этаким разворотом!

Он изобразил жестко расправленные плечи и скорчил рожу, достаточно похожую на возмущенную мину Наделма.

— Вот именно.

Фрад задумчиво устремил взгляд в пол. Наделм был зол. Можно было бы даже подумать, что он совершенно не пони-

мает значение вчерашнего полета. И в то же время они на Лиад, а местный обычай ясен: Наделм имеет власть над нижестоящим членом Клана — если не вмешается Делм.

— Наверное, забыла за завтраком приветствовать его должным образом, — предположил Клонак, возвращаясь к второму двигателю, — вот он и разобиделся. Ты ведь знаком с такими. Если по дороге от нас до порта его заденет что-нибудь еще, то он и думать забудет о приставах.

— Вот именно, — повторил Фрад и тихо вздохнул.

Начальник порта быстро справится с претензиями Ран Элда Кэйлона — что отнюдь не гарантирует, что наделм снова не вернется в «Бинджали». По мнению Фрада, этот человек уже перешагнул грань разумного, а полученная от мастера порта выволочка вряд ли вернет ему способность рассуждать здраво.

— А Жон не сказал, когда мы можем рассчитывать на удовольствие созерцать его лицо? — спросил он, отбрасывая непривычное ощущение холода и снова направляясь к Клонаку и требующему ремонта двигателю.

Позади него открылась дверь служебного входа.

— Четырьмя минутами раньше — и ты встретила бы такую персону! — радостно вскричал Клонак.

Эллиана нахмурилась, переводя взгляд с него на... Да, это был Фрад, хороший друг Даава, который сидел за их столом прошлой ночью.

— Персону? — переспросила она.

Клонак сжал губы в ниточку, выгнул плечи и высокомерным тоном объявил:

— Наделм Клана Мицел!

Она почувствовала, как у нее подкашиваются ноги, пошатнулась — и с трудом восстановила равновесие.

— Ран Элд, здесь! — Она воззрилась на Клонака, который сменил свою карикатурную гримасу на искренний испуг. — Зачем?

— Он хотел вас видеть, — спокойно сообщил Фрад.

— Хотел опечатать твой корабль, — добавил Клонак. — Я сказал ему, что для этого ему нужны приставы. Когда мы

видели его в последний раз, он направлялся к начальнику порта — где, как я полагаю, ему предстоит получить одну из ее гневных отповедей.

— Он хотел опечатать мой корабль, — повторила Эллиана недоуменно. — Ран Элд ничего не знает про мой корабль! Я... — Она поперхнулась и посмотрела на Фрада. — Об этом говорили в новостях, — прошептала она. Удары сердца громом звучали у нее в ушах. — Вчерашний взлет.

— Наверное, так, — ответил он ровным голосом. — Кажется, вам нездоровится, пилот. Не могу ли...

— Ничего, — с трудом выговорила она, сжимая вспотевшие руки. — Я... простите меня. Мне надо подумать.

Двое разведчиков переглянулись.

— Садись на табурет и думай сколько угодно, — предложил Клонак почти серьезно. — Принести тебе кружку чая, богиня?

— Спасибо, не надо, — смогла ответить она и ошеломленно прошла к табуретам.

Взбравшись на первый попавшийся, она закрыла глаза, вцепившись руками в край сиденья. Выждав секунду и еще раз переглянувшись в молчаливой тревоге, разведчики вернулись к работе.

«Ран Элд!»

Эллиана стиснула зубы, чтобы они не стучали. Ран Элд пришел сюда — потребовал опечатать ее корабль. Ее сердце хотело кричать, что это неправда. Однако ее разум не был таким слабым.

Дано. Ее разоблачили.

Дано. Ран Элд потребует плату. Возможно, он даже изобьет ее, как он делал в те дни сразу после ее брака, чтобы добиться полной покорности.

Эллиана содрогнулась. Она не питала иллюзий относительно своей способности противостоять такому обращению. Она добровольно отдаст ключи от «Полосы удачи», если этой ценой сможет купить окончание наказания.

Возможности. Первая. Бегство. Улететь немедленно, отправиться на дальние лиадийские планеты и надеяться, что удача

улыбнется ей, что ей удастся найти груз и контракт раньше, чем станет известно о том, что она объявлена вне закона.

Возражения. Она оставит Жона дэ-Корта и всех его постоянно сменяющихся работников сводить счета с Мицелом. Совету Кланов смогут представить очень убедительные доказательства похищения родича, и расплата за это может лишить Жона мастерской, а Даав, Трилла, Клонак и Фрад могут оказаться отвергнутыми своими кланами...

Нет. Она не навлечет на своих друзей такого бедствия.

Вторая возможность. Подчиниться желаниям Ран Элда и надеяться со временем умиротворить его настолько, чтобы жить в относительном покое.

Возражения. Предыдущий опыт показал, что такие действия успеха не приносят.

Возможность третья. Вернуться домой и изложить свою позицию Делму.

Это было рискованно. В прошлом в любом споре Глава Мицела защищала своего наследника. В нескольких случаях, как в вопросе брака Эллианы с другом Ран Элда, Мицел полностью следовала советам сына и отказалась выслушивать других.

В противовес прошлому в последнее время появились некоторые признаки того, что Делм несколько смягчилась по отношению к своей средней дочери. Если она сможет достаточно убедительно показать, какой доход Клану сможет приносить работающий корабль — намного больший, чем простая продажа...

Это стало бы не идеальным выходом, но наилучшим, какой она способна найти для себя и своих товарищей. В последнее время дела Клана не слишком... процветали, несмотря на браки Вени. Мицел вполне может обрадоваться появлению нового источника доходов.

Эллиана открыла глаза, соскользнула с табурета и подошла к работающим разведчикам.

Две пары глаз мгновенно устремились на нее.

— Я иду домой, — сказала она и пожалела о том, что ее голос звучит недостаточно ровно. — Если мой брат снова здесь

появится, можете ему об этом сказать. Я... он больше вас не побеспокоит.

Клонак смущенно кашлянул.

— Поверь мне, богиня, он нас нисколько не обеспокоил, несмотря на то что Фрад не стал разрешать ему дожидаться хозяина «Бинджали».

— Вы могли бы задержаться на час-другой, — вставил Фрад. — Мне показалось, что ваш Наделм очень... разгневан. Возможно, стоило бы дать ему время остыть.

Она посмотрела прямо на него.

— Спасибо, пилот, но Ран Элд не остывает. Если он... если он достиг такого уровня, как вы говорите, то... лучше мне вернуться домой и поставить вопрос перед Делмом.

— Ха! — Фрад посмотрел на Клонака. — Местный обычай.

— Местный обычай, — откликнулся толстенький разведчик, однако над его карамельными глазами пролегла вертикальная морщинка. — И все же, Эллиана, наверное, вам стоило бы дождаться возвращения Жона. Или Даава.

— Точно! Именно эта карта и нужна, — подхватил Фрад, подаваясь вперед. — Обратитесь за помощью к Дааву, пилот. Конечно же, он...

— Нет! — резко воскликнула она.

Фрад моргнул и быстро посмотрел на Клонака. Тот кивнул и потянулся за тряпицей.

— Тогда я пойду с тобой! — объявил он не по-клонаковски твердо. — И прослежу, чтобы ты благополучно предстала перед своим Делмом.

— Нет, не пойдешь. — Она выпрямилась и даже сумела возмущенно сверкнуть глазами. — Ты не знаешь, каким... злопамятным... Если мой брат сочтет, что ты ему помешал, он сделает все возможное, чтобы тебя погубить.

Он продолжал вытираять руки, нисколько не испугавшись такой перспективы. Эллиана закусила губу.

— Право, Клонак, ты не должен идти со мной. Я... Мой Наделм несколько раз приказывал мне... избегать общества разведчиков. Я его не послушалась, и было бы...

— Было бы, — договорил Фрад, — неизмеримо хуже, если бы тебя попытался защищать разведчик. — Он печально покачал головой. — Пилот, послушайтесь моего совета. Здесь вам нужен Даав. Он в момент все уладит.

— Нет, — снова повторила она и, опустив руку в карман, достала оттуда банковский конверт, который сунула Клонаку. — Ты не проследишь за тем, чтобы Даав это получил, когда придет на работу? Это — его доля за вчерашний полет. И...

Она сорвала с шеи цепочку, на которой звякнули ключи, и тоже вложила их Клонаку в руку.

— Пожалуйста, попроси Жона, чтобы он хранил их для меня. Я... скажи, что я приду за ними — сама, или... — она резко вздохнула, — или, в случае необходимости, их может взять мой второй пилот.

Клонак уставился на полученные им предметы.

— Эллиана...

— Нет, — в третий раз повторила она. — Право, друзья, так будет лучше. Я... Удачного взлета, пилоты.

И она убежала, не дожидаясь их ответного пожелания.

Глава тридцать третья

*Родство и любовь
Успокоенье
Дом.*

Из «Избранных стихотворений»
Элабет пел-ОНгин, Клан Диот

Она обратилась к корабельному Целителю. Тот выслушал ее, обследовал — и наложил бальзам на ее боль, так что все стало хорошо. Пока она не заснула снова.

Еще два раза Самив тел-Изак обращалась к Целителю. На третий раз он ей отказал.

— Я стираю воспоминание о сне, пилот, но когда вы засыпаете, он снова вам снится. Снять воспоминание, которое

вызывает этот сон, — это я мог бы сделать. Но в таком положении, как ваше, где основа боли или упоминания об этой основе вскоре снова вам встретятся, устранение более старого воспоминания, а с ним и тех защитных механизмов, которые вам удалось к этому моменту создать, было бы вам во вред. Гильдия не рекомендует этого делать.

— А какое лечение рекомендует Гильдия?

— Старое средство, — тихо ответил Целитель, — и довольно жестокое. Встретьтесь лицом к лицу с тем, что гложет вашу душу, загляните ему в глаза — и постарайтесь достичь равновесия.

Да, это средство было жестоким. Она ушла от Целителя, отправилась к своему непосредственному начальнику и сообщила этому серьезному и опытному пилоту, что бессонница и угнетенное состояние духа делают ее опасной для корабля и экипажа и что Целитель не в состоянии оказать ей помощь.

Ее начальник выполнил свой долг, аннулировав ее незаконченный контракт — что было необходимой мерой безопасности корабля и будет зарегистрировано в ее послужном списке Гильдии. Он также похвалил ее за безупречную работу и выразил готовность в будущем принять ее под свое командование в любой момент — что также будет отражено в ее послужном списке и сыграет свою роль в конечном сведении счетов.

Самив подписала бумаги о расторжении контракта, забрала свои вещи из каюты — и спустя двенадцать часов уже выходила из дома Гильдии в Солситре, повесив рюкзак на плечо. Сердце у нее леденело от ужаса. Встретиться лицом к лицу со своим страхом — да уж!

А еще приходится думать о своем Делме.

Шаг за шагом Эллиана заставляла себя идти домой, сжимая кулаки в карманах старой синей куртки.

Ее ноги сами остановились на углу улицы Дождеблеска. Дрожа всем телом, она заставила себя идти дальше.

Делм. Она, как член Клана Мицел, имеет право просить встречи и суда Делма. В этом ей не имеют права отказать.

Ее рука легла на ручку калитки — и у нее свело ноги, так что целую минуту она стояла, не в силах двинуться дальше.

«Делм, — напомнила она себе. — Надо все изложить Делму».

Ее рука пришла в движение — и калитка распахнулась. Она вошла в сад Мицела, закрыла за собой калитку и пошла, шаг за шагом, к двери.

Три деревянные ступеньки крыльца. Прикосновение руки к пластине замка.

— Добрый день, Эллиана.

Удача ее оставила. И все же она имеет право требовать, чтобы ее выслушала Делм.

Она поклонилась так низко, что ее лоб коснулся колен, а выпрямилась не до конца, смиренно устремив взгляд на розовые камни пола в вестибюле.

— Добрый день, братец, — пробормотала она, хотя эти слова готовы были ее задушить.

— Как уважительно! — заметил он, вставая со стула в нише у лестницы. — Право, просто картина послушания, нарисованная с редким умением. Признаюсь, что очарован — но уже не обманут.

Она не подняла головы. Не пошевелилась. Она едва дышала. Сапожки Ран Элда оказались в ее поле зрения. Они были запылены и поцарапаны, а на левом подъеме осталось пятно машинного масла.

— Ты не выходишь из роли? — осведомился он ядовито-сладким голосом. — Но, возможно, ты права! Мы здесь так открыты, что нас случайно может увидеть кто угодно, если ты пожелаешь показать свое истинное лицо. Я предлагаю, чтобы мы прошли в гостиную. Я за тобой. Сестра.

— Мне... срочно... необходимо увидеть Делма, — сказала Эллиана, не отрывая взгляда от испачканной и поцарапанной кожи. — Пожалуйста, немедленно проведи меня к Главе Мицела.

— Делма нет дома, — промурлыкал Ран Элд. — Она вернется только завтра в полдень. — Наступила пауза, во время которой она ощущала его торжество, которое словно прогорк-

лым жиром легло ей на кожу. — В гостиную, сестра. Будь любезна.

У нее не было выхода. Стуля плечи, опустив глаза, бесшумно скользя по выщербленному каменному полу, Эллиана прошла в гостиную. Ран Элд громко топал у нее за спиной. Перешагнув порог, он с шумом захлопнул за собой дверь и направился туда, где она ждала его в центре комнаты, устремив взгляд на вытертый до основы ковер.

— Смотри на меня! — крикнул он и дополнил свой приказ, резко дернув за волосы.

Она скжала зубы, проглотив крик, и встретилась с ним взглядом.

— Так... — На лице ее брата отразилось удовлетворение. — Неужели ты действительно забыла старый урок, Эллиана? Неужели ты не помнишь, что я сделал с тобой в прошлый раз, когда ты бросила мне вызов?

— Я помню.

— Ах, она помнит! Но где же срывающийся голос, где переплетенные пальцы? Она помнит — но, похоже, не принимает это воспоминание всерьез. Возможно, она утешается Словом Делма! Что это было за обещание, Эллиана?

Она смотрела на Ран Элда, вспоминая все, что случилось с ней по его воле. Он хвастался этим — потом, говорил такие вещи, которые убедили ее в том, что он и ее супруг по контракту провели немало сладких часов, планируя, как сделать ей больнее.

— Ты прекрасно знаешь, в чем заключалось Слово Делма, — ответила она и с ужасом услышала, как язвительно прозвучали ее слова.

— О, конечно же, знаю! — отозвался Ран Элд с радостью. — Но ты мне это скажешь, Эллиана, потому что я тебе это приказал. Как Наделм, я имею такое право — приказывать тебе. Более того, это — мой долг! Право же, ты не могла об этом забыть!

Она осторожно перевела дыхание, стараясь унять дрожь, сотрясавшую ее тело — которую порождали накопившаяся ярость и ненависть и в которой не было ни капли страха.

— Слово Делма, — ответила она, с трудом подавив язвительность, — заключалось в том, что я выполнила свой долг перед Кланом и могу больше никогда не выходить замуж.

— Да, так мне и показалось, — ответил ее брат с улыбкой. — Никогда не выходить замуж. Возможно, когда я стану Делмом, я смогу придерживаться этого условия. — Его лицо стало жестким. — Но тем временем я узнаю из новостей, что тебе принадлежит собственность, о которой ты не уведомила Клан. — Он поднял изящную руку с тяжелыми кольцами. — Изволь пройти к столу.

Она прошла к крошечному секретеру и остановилась, недоуменно глядя на выложенные на нем бумаги и ручки — открытые и подготовленные.

«Свидетельство о передаче собственности, — кричали ей буквы с листа. — Я, Эллиана Кэйлон, Клан Мицел, с этой минуты передаю все права, доходы и владение космическим кораблем «Полоса удачи» Ран Элду Кэйлону, Наделму Мицела, в личную собственность с правом продажи или использования...»

— Нет.

— Нет? — Как это ни невероятно, но Ран Элда это только позабавило. — Однако ты осмелела!

Она подняла голову — и увидела его злобную улыбку.

— Ты подпишешь это, Эллиана, и это...

Он вытащил из стопки вторую бумагу и сунул ей под нос.

Она отскочила назад, вырвав листок у него из рук. Еще одна передача — на этот раз акций Ормита. Она бросила бумагу на секретер.

— И эту я тоже не подпишу, — сказала она дрожащим голосом. — Я ничего не стану подписывать, пока не поговорю с Делмом. Если ее нет дома, то я прошу, чтобы ты дал мне с ней связаться. Если ее нельзя беспокоить, то я буду ждать ее возвращения.

Взгляд Ран Элда зацепился за блеснувшее кольцо Жона.

— А это что? — спросил он, хватая ее за запястье. — Знак любви? Отдай его.

От возмущения у нее перехватило дыхание. Она заставила себя не шевелиться, как ее научила Трилла, выжидая удобного момента.

— Ну же, Эллиана! Снимай его! — Его пальцы сжались. — Или мне самому это делать?

— Ты не можешь его получить, — сказала она, стараясь подражать спокойно-рассудительному тону Даава. — Я его заработала, и оно — мое.

— Ты его заработала? — издевательски вопросил ее брат. — В этом случае это — твой заработка, а мы давно решили, как лучше распоряжаться твоим заработка, не так ли?

Это было так — и ее заработка ничего ей не принес. Эллиана посмотрела в глаза брата и поняла, что он никогда не будет умиротворен, что никакой ущерб, нанесенный ей, не уравновесит его собственные страхи и слабости.

«Дура! — сказала она себе. — Почему ты не прислушалась к своим товарищам и не осталась с ними?»

Ран Элд дернул ее руку вверх и потянулся за кольцом. Она сжала кулак, напряглась — и высвободилась, как ее научила Трилла.

— Я вернусь, когда Делм будет дома, — сказала она, пятясь к двери.

Ран Элд кинулся к ней, занося кулак. В забытом, безгневном ее прошлом этого было бы достаточно, чтобы она упала на колени, умоляя о прощении.

Эллиана уклонилась и повернулась обманчиво-легким движением. Ее правая рука, утяжеленная кольцом Жона, поднялась и по-пилотски быстро и яростно-жестко хлестнула Наделма по лицу.

Удар отбросил его назад, ослепил болью. Его рука поднялась к лицу, опустилась... На ней оказалась кровь — кровь! А Эллиана уже добежала до двери, выбежала из гостиной... Ее волосы развеялись у нее за спиной.

Ран Элд прыгнул, схватил... поймал не волосы, а куртку, рванул...

Она стремительно повернулась и ударила его по уху, вывернулась из ослабевшей хватки и выбежала в вестибюль.

От удара у него зазвенело в ушах. Он понесся следом, пытаясь схватить ее за руку.

Она ускользала из его пальцев, словно туман. Вскинув ногу, прикоснулась к его колену...

Боль.

Он завопил, пошатнулся и упал, выставив руку слишком поздно, чтобы смягчить падение...

Но зато успел поймать ее за лодыжку, вывел из равновесия и заставил рухнуть рядом с ним на грязный мраморный пол.

Он перекатился, придавив ее всем своим весом, и пару раз ударил по лицу. Она боролась с молчаливой яростью, пуская в ход зубы, кулаки и ноги. Пока он пытался прижать ее руки, она располосовала ему щеку от глаза до подбородка, а когда ему наконец удалось это сделать — она ударила его коленом.

Он захрипел, задохнулся — и она повернулась, сбросив его в сторону, вскочила на ноги, повернулась...

Раздался такой звук, словно разбили довольно прочную вазу. Эллиана зашаталась — и упала на пол, левой щекой в грязь.

— Ран Элд! — У Вени дрожал голос. — Брат, ты можешь говорить?

Он осторожно перекатился на спину и, моргая, уставился в ее полное ужаса лицо.

— Я могу говорить, — не без труда выдавил он.

Она судорожно сглотнула.

— Твое лицо...

— Да. Не сомневаюсь, что она оставила немалую отметину. Этого она явно и хотела.

Он сел — и тут же пожалел об этом. Туманными глазами он посмотрел на неподвижную фигуру Эллианы.

— Она сошла с ума, — объяснил он Вени. — Я давал ей указания, как наделм, а она — меня ударила.

Он вздохнул и поморщился от боли.

— Она хотела убежать, — продолжил он. — Чтобы она показала всему свету такое лицо... Я пытался ее остановить. Она...

— Я видела, — хрипло сказала Вени. — Она была... как животное. Я никогда... — Она судорожно сглотнула. — Конечно, она сошла с ума. Я... мне позвать Целителя?

Целителя? Ран Элд похолодел. Целитель мгновенно увидит, что заставило Эллиану взбунтоваться, и сообщит об этом Делму Мицела. Которая, несомненно, задаст своему сыну и наследнику немало трудных вопросов.

Он нервно облизал губы.

— Нет, — прошептал он, а потом уже тверже повторил: — Нет. Мы... мы поместим ее в капсулу гипноучителя.

Вени заморгала:

— В гипноучитель, братец? Но...

— В гипноучитель, — решительно подтвердил он.

Мысленно его идея оформлялась и принимала четкие формы. Наложение интенсивного прямого обучения вполне может затуманить воспоминания Эллианы об их конфронтации. Возможно, если урок будет достаточно длительным, то она вообще об этом забудет.

— Она нарушила Кодекс, — сообщил он Вени. — Наш долг — вернуть ее к должностному поведению. И сделать это еще до возвращения Делма. Только подумай, как расстроится наша мать, если застанет Эллиану в таком виде, в каком ты ее наблюдала только что: как зверя, поднявшего кулаки на родича.

Вени посмотрела на Эллиану, которая лежала щекой на камне, словно сломанная кукла.

— Но как...

— Мы вдвоем сможем дотащить ее до кабинета, — сказал он. — Дай мне руку и помоги встать.

Она сделала это — неохотно, отказываясь смотреть ему в лицо. Он прошаркал к Эллиане и ногой перевернул ее на спину, не заботясь об особой осторожности.

— Бери ее за правую руку, — приказал он Вени, а сам наклонился за левой.

С удовлетворением он увидел, что на лице Эллианы среди порезов начинают проявляться синяки. Левая щека у нее была сильно разодрана. Поделом ей будет, если он не разрешит ей

воспользоваться автврачом, когда она выйдет из гипноуставновки.

— Тяни, — велел он Вени.
Она брезгливо послушалась.

Он перевел таймер на максимальное время, выбрал максимальную интенсивность и вырвал из паза кнопку срочного прекращения урока. Уже собираясь закрыть крышку капсулы, он остановился, наклонился и схватил вялую руку сестры.

Тяжелое кольцо сверкало даже в тусклом свете — и Ран Элд безжалостно сорвал его с ее пальца. Она его заработала, да?

Дав ее руке упасть обратно, он захлопнул крышку.

«Кодекс достойного поведения, — впечатал он ответ на запрос программы. — Том первый, раздел первый, страница первая, слово первое. Продолжать последовательно, до отключения таймера».

«Программа принята, — просигналила установка гипнообучения. — Для начала урока нажмите голубую кнопку».

Ран Элд нажал голубую кнопку.

— А... нам не следовало... сначала поместить ее в автврача? — неуверенно спросила Вени. — У нее... все лицо... распухло, братец. И... содралось до крови, когда она...

— Это просто ушибы, — беззаботно отозвался он. — Можно будет позаботиться о них, когда она пройдет обучение. А потом, автврач нужен мне самому.

Вени судорожно сглотнула и наклонила голову.

— Конечно.

Глава тридцать четвертая

Модуль для гипнообучения предназначен для использования в качестве вспомогательного средства при традиционном обучении. Он не рассчитан на то, чтобы заменять традиционное обучение, и не должен применяться таким образом.

Целесообразнее всего использовать модуль для обзора пройденного материала, чтобы обучающийся четче уяснил подробности. Модуль также может быть полезен для введения базовой информации, на которой будет строиться дальнейшее обучение.

ВАЖНО ИМЕТЬ В ВИДУ СЛЕДУЮЩЕЕ: Модуль для гипнообучения использует интенсивную прямую стимуляцию мозга, чтобы сообщить запрограммированную информацию. Прямая стимуляция мозга для некоторых людей может оказаться болезненной и даже опасной. Прежде чем начать полный гипноурок, необходимо провести проверку совместимости.

Обучающемуся ни в коем случае не следует устраивать более шестичасового урока умеренной интенсивности в пределах двадцативосьмичасового периода. Чрезмерное применение модуля может привести к ожогу мозга.

Из Руководства по эксплуатации Модуля
для гипнообучения № X5783

— Даав!

Он вздрогнул, и у него в рюмке плеснуло вино. Он виновато поднял голову.

— Прошу прощения, денубиа. Я... боюсь, что мои мысли были не здесь.

— Никакого сомнения, — отозвался Эр Том довольно сухово. — Возможно, я не вовремя. Я вполне могу уйти и прийти потом, когда ты отдохнешь.

— Нет. Полно, не обижайся. Ну вот, умница, послушный мальчик.

Только Даав знал, каких усилий стоило Эр Тому удержаться от улыбки и продолжать смотреть на него строго.

— Ну а что прикажешь думать, когда ты рядом, но твой взгляд и мысли устремлены куда-то? — Его лицо смягчилось. — Что тебя беспокоит, брат?

Даав опустил глаза, отставил рюмку и снова встретился взглядом с братом.

— Ну что ж, раз тебе интересно. Эллиана Кэйлон предложила мне стать ее напарником, когда она собирается навсегда покинуть Лиад. И мне очень хотелось согласиться, брат. По правде говоря, сейчас я просто снова пытался вспомнить, почему я ей отказал. А точнее было бы сказать — отказал себе.

— А! — Эр Том тоже поставил рюмку. — Мне казалось, что ты — товарищ и помощник пилота Кэйлон. Ты хочешь сказать мне, что твое чувство идет дальше, чем это?

— Ну... — Он передернул плечами и снова потупился, отказываясь встретиться с братом взглядом. — Мы оба знаем, что я — человек непостоянный. Скорее всего через релиомму-другую мне стало бы скучно и я стал бы мечтать о домашнем уюте.

Наступило недолгое молчание, которое прервал Эр Том, сухо заметивший:

— Да уж, вполне возможно.

Даав поднял голову и виновато взмахнул рукой.

— Полно, милый, умоляю, не говори мне, что я должен был все бросить! Ты ведь понимаешь, что я не мог этого сделать, не погубив Корвал.

— Ничего подобного я тебе говорить не собирался, — тихо отозвался Эр Том. — Мне просто непонятно, почему ты хотя бы не поговорил с пилотом Кэйлон, прежде чем остановить выбор на тел-Изак.

Даав закрыл глаза.

— Потому что в тот момент она не была пилотом, — ответил он, заставив себя говорить спокойно. — Первым параметром в поисках супруги служит способность к пилотированию, как ты сам прекрасно знаешь. А ее даже не проверяли.

Он открыл глаза и снова протянул руку за рюмкой.

— Первый отбор дал нам имена нескольких способных тринадцатилетних девочек, но Эллиану Кэйлон даже не проверили!

Он прерывисто вздохнул и усилием воли смягчил тон.

— Не будь Вин Син чел-Мара таким глупцом, ее способности и посейчас остались бы невыявленными. Судьба улыбнулась, брат, поставив перед ней проблему, которую решил

корабль — в том случае, если она получит статус прыжкового пилота.

— И она им воспользуется? — поинтересовался Эр Том.
Даав повел плечами.

— Хоть сегодня, если пожелает. — Он криво улыбнулся при виде скептического взгляда своего брата. — Никогда не делай ставку на проигрыш Кэйлон!

— Я запомню, — пообещал ему Эр Том, а потом очень мягко спросил: — Так ты откажешься от тел-Изак, Даав?

Он устало покачал головой.

— Что это даст? Эллиана улетит на дальние планеты — как только наберется храбрости. И она видит во мне напарника, милый, а не мужа. По правде говоря, она отзывается о супружестве с сильнейшим... отвращением. Ее собственный брак был слишком ранним и... неудачным, насколько я слышал. — Он пригубил вино и тихо добавил: — Будь они прокляты, неуклюжие глупцы!

— О! — только и сказал Эр Том.

Даав сидел, вытянув перед собой ноги, и, похоже, разглядывал носки своих сапог, время от времени делая глоток вина. А потом он вдруг резко выпрямился, поставил рюмку и поднял на брата ярко блестящие черные глаза.

— Я люблю тебя, брат.

Эр Том заморгал: они редко говорили об этом. С тем же успехом стоило сказать: «Мы дышим воздухом, брат». И все же...

— Я люблю тебя, Даав.

— Да, со всеми моими недостатками! Я постараюсь не посрамить тебя.

Он улыбнулся — бледно, но с лучшими намерениями, и указал на пачку бумаг, которые принес с собой Эр Том.

— Давай еще раз рассмотрим твою проблему, ладно? Я обещаю посвятить тебе мои глаза и мысли.

— Договорились, — ответил Эр Том и взял первый лист.

— ...триста пятьдесят восьмое издание «Кодекса достойного поведения», опубликованное «Лигой Заштиты чистоты языка», редактор и председатель Карин йос-Фелиум.

Первое издание «Кодекса достойного поведения» было составлено во время Исхода комитетом, в который входило равное число представителей Домов Солснитры, драмлиз и пилотов. Этот документ, записанный на полях старых торговых деклараций, содержал примерно 85 страниц и был не более чем правилами жизни на борту корабля.

Второе издание, распространенное через двенадцать лет после высадки на планету...»

Гипнообучение — странная вещь. Человек не спит и не бодрствует, а плавно переходит от одной фазы к другой. Иногда он «слышит» инструкции, иногда поднимается на волне образов, чувств и языка, а еще иногда — просто куда-то уходит.

Внутри этого переменчивого транса существуют периоды ясного сознания. В течение более или менее длительного периода человек может думать независимо от программы. Появляется возможность понять, проанализировать... отреагировать.

Так и Эллиана выплыла из ниоткуда в изложение истории «Кодекса». Ощущила она и боль, но это чувство было слабым, почти утонувшим в грохоте поучений.

«Капсула гипноучителя, — подумала она, открыв глаза и глядя в черноту модуля. — Но почему я учу предисловие к «Кодексу»?»

Она провела правой рукой по стенке капсулы — и обнаружила провал там, где должен был находиться рычажок прерывания урока.

«Ран Элд, — поняла она, испытывая довольно пугающее желание засмеяться. — Неужели он решил, что овладение Кодексом погасит мою решимость говорить с Делмом?»

Однако желание смеяться погасло, когда память услужливо вернула ей ощущение, как ее рука звонко ударяет по щеке ее брата.

«О боги!»

Ран Элд запихнул ее в капсулу и вырвал рычаг срочного отключения. Он намерен держать ее здесь до тех пор, пока сам ее не выпустит. И хочет, чтобы она не выходила, пока не выучится должному почтению.

Или он хочет, чтобы она умерла.

От перегрузки мозга люди умирают. Она знала студента... к счастью, сама она его не учила... который попытался с помощью гипноучителя подготовиться к важному экзамену. Шесть часов в капсуле, установленной на максимальную интенсивность...

Мысль оформилась — и ускользнула, потерявшись в мгновенно усилившемся грохоте: «...только что созданный Совет Кланов»...

Эллиана ушла — куда-то.

Делму было не смешно.

— Тебя преследуют дурные сны, — повторила она. — И Целители не в состоянии оказать тебе помощь.

Самив поклонилась.

— В целом — да, сударыня. Мастер в Гильдии Солснитры не смогла предложить ничего, кроме лекарства, рекомендованного Целителем с «Луды Солдер»: посмотреть в лицо тому, что меня пугает, и... заключить мир.

Она осторожно вздохнула, ощущая, что Глава Биндана не принимает проявлений слабости даже тогда, когда речь не идет об опасности потерять союз с Самим Корвалом.

— Целители сообщили мне, сударыня, что это — древнее и суровое лекарство, но эффективное.

— Ясно. — Хмурый лоб Делма не разгладился. — Непривычно считать тебя трусливой, и поэтому встает естественный вопрос: что породило столь неумеренный страх? Корвал? Я не скрывала от тебя, что он эксцентричен. Весь его клан такой, и был таким всегда, начиная с самого пилота Канtry. Меланти Корвала безупречно. Они дали клятву беречь твоё здоровье и спокойствие и благополучно вернуть тебя родне по завершении действия контракта. Если дело в нем самом... — Она подняла одно плечо. — Согласна, он не красавец, но я всегда считала, что ты слишком умна, чтобы смазливое личико было для тебя важнее чести и послушания Делму.

— Речь не идет, — сказала Самив, пытаясь собрать мысли, которые заволакивала пелена усталости, — о желании отменить брачный союз. Просьба заключается в том, чтобы Делм

дала согласие на... заблаговременный визит к Корвалу, чтобы лечение началось как можно скорее.

Биндан взмахнула рукой в знак отрицания.

— Через три дня ты станешь его супругой. Ты успеешь изгнать свои страхи уже после того, как контракт вступит в силу.

Ничего иного она и не ожидала, но она так устала — она почти больна от упадка сил...

— С разрешения Делма. Корвал сказал, что он... желает считаться моим другом. Я не думаю, чтобы он счел неуместным, если бы я обратилась с этим вопросом к нему и...

Ладонь Главы Биндана ударила о письменный стол звонко, словно щелчок кнута. Она вскочила на ноги. Самив отступила, склонившись в низком поклоне — но исправлять ошибку было уже поздно.

— Ты смеешь! В какой это день Семейство тел-Изак перешло под опеку Корвала? Напоминаю тебе, что тел-Изаки при надлежат к Клану Биндан и что ваши дела решает Биндан!

— Да, сударыня, — пробормотала Самив, склонив голову к коленям. — Простите меня.

Ответом было молчание. Самив еще секунду удерживала поклон, а потом медленно выпрямилась. Сердце ее отчаянно колотилось. Ее Делм вздохнула.

— Ты устала, — сказала она. — Ступай к себе в комнату и отдохни.

Отдохнуть! Самив решительно сомкнула губы, подавляя дикое желание расхохотаться.

Вместо этого она уважительно поклонилась Делму, пробормотала: «Да, сударыня», и, как ей было приказано, удалилась к себе в комнату.

Даав умеренно отведал от трапезы, состоявшей преимущественно из полыни и желчи, запив это уксусом лучшего урожая.

По завершении этого одинокого пира он встал, вызвал господина пел-Кану и сообщил этой величественной персоне, что посетителей он принимать не намерен.

После этого он удалился в свои личные апартаменты на верху, где некоторое время возился, делая вид, будто приводит все в порядок, а потом, наконец, уселся за свой рабочий стол.

Нежно перебрав куски дерева и странные обломки слоновой кости, он наконец выбрал грубый спил брондерева. Резьба обнажит черные и бронзовые завитки, которые, по его мнению, будут очень удачно смотреться на фоне ее волос. А еще древесина будет источать нежный аромат, который, как он не сомневался, должен ей понравиться.

Возможно, она наденет его, когда улетит с Лиад.

Он держал дерево в руке, усваивая его вес и форму, соображая, как лучше вырезать из него тот гребень, который он себе так ясно представил. Притянув к себе блокнот, он взял стило и быстро сделал набросок. Положив дерево рядом с наброском, он ощущал слабое удовольствие.

— Да, — сказал он и потянулся за обдирочным ножом.

Даав провел за работой какое-то время, когда прозвучал приглушенный сигнал. Подняв голову, он увидел, что его внимания требует его личный канал связи.

Он отложил в сторону дерево и нож. Сердце у него внезапно и необъяснимо ускорило биение: ведь это наверняка мог быть только Эр Том, решивший пригласить его на главную трапезу в Треалла Фантрол.

— Да? — сказал он, нажимая кнопку связи.

На него с непривычной серьезностью смотрел Фрад.

— Привет, милый. Боюсь, что мы совершили крупный промах.

Крышка отказалась открыться.

Эллиана подавила желание бить в нее кулаками. Это было бы пустой тратой сил — и времени.

Время было ее врагом. Чем дольше она останется в лапах программы, тем больше вероятность травмы или смерти. Ей неизвестно, собирается ли Ран Элл ее убивать — его цели не имели значения в формуле гибели, которая ясно вставала перед ней. Если только...

Ее мысли на секунду сбились, но оформились снова под аккомпанемент голоса программы:

«...наследник Канtry йос-Фелиум или лицо, ею уполномоченное, будет считаться всеми Капитаном, и на нем будет лежать груз ответственности за благополучие пассажиров...

...останется в силе до тех пор, пока Дома Солситры или правящий орган, который им унаследует, не отзовет, не аннулирует или иным образом отменит этот...»

Громоподобный голос начал затихать. Она почувствовала, как ее утомленное внимание ускользает, и с радостью ушла в ту область, где не было ни сна, ни бодрствования.

— ...Мне в голову не приходило, что ей неизвестно, кто ты, — говорил Фрад. — Мы пытались уговорить ее с тобой связаться, но она не захотела. И... прости меня... это стало похоже на незадавшийся постельный эпизод. Короче, милый, Жон пришел и сказал нам, что она в первый раз пришла к нему сразу после жестокого обращения, и если ты ищешь злодея, то я советую тебе сделать ставку на Наделма.

Он поморщился.

— И учти, тебе есть что поставить. Пилот оставила здесь для тебя канtru.

Даав вспомнил о необходимости дышать.

— Канtru?

— По ее словам, это — твоя часть гонорара за вчерашнюю работу.

Он закрыл глаза.

— Боги!

— Вот именно. Теперь ты видишь, что бывает, когда дурачишь наивных. Ты идешь?

— Немедленно. — Он встряхнулся и посмотрел в спокойное, уверенное лицо Фрада. — Машину у главного входа Доков Корвала в Чонселе, через час.

Фрад наклонил голову.

— Будет сделано.

* * *

«Прямая стимуляция. Модуль гипнообучения использует прямую стимуляцию...»

Можно представить себе мозг как ряд релейных станций, которые либо заняты мышлением, либо нет. Модуль гипнообучения занимает те станции, которые на настоящий момент свободны, последовательно наполняет их и идет дальше. Теоретически он дает каждой станции возможность восстановиться после полученной от него нагрузки. Модуль гипнообучения не трогает те станции, которые заняты процессом мышления, а также те, которые отвечают за жизнеобеспечение.

В пустоте пространства Эллиана напрягла мысль и создала звезду.

А вокруг звезды она заставила вращаться планету с эллиптической орбитой. Планета вращалась вокруг своей оси за восемнадцать часов, а проходила всю орбиту за четыреста восемьдесят пять стандартных дней.

Этой планете она подарила спутник, а спутнику придала вращение вокруг своей оси в триста четыре дня, тогда как вокруг своей планеты он обращался раз в двадцать четыре часа.

Она закрепила систему в уме, тщательно рассчитав каждую орбиту, оценив все соотношения, уточнив массы и силы гравитации. В последнюю очередь было определено вращение маленького спутника.

Когда все было стабильно, уравновешено и красиво, она добавила вторую планету.

Где-то грохотал гром. Ее внимание сбилось, планеты на тщательно рассчитанных орbitах дрогнули. Она поймала их, вернула на место, проверила и перепроверила формулы всех соотношений, пересмотрела некоторые математические связи и потребности.

Гром стал затихать.

Со временем она прибавила третью планету.

Потом — четвертую.

Она населила вторую планету, развесила орбитальные станции, словно праздничные гирлянды, окружила систему мая-

ками и станциями обслуживания, создала спутники и транспортные маршруты.

У нее в голове танцевали цифры, уравнения были красивыми, как стихи.

Она закрутила зерно астероида, развернула его у солнца, рассчитывая траектории, разрушающие нагрузки, вероятность попадания в населенные области.

Грома не было. Кодекса не было. Было только ее творение и жизненная необходимость удерживать все в равновесии, рассчитывать и пересчитывать все нюансы и следствия.

Эллиана — была.

Десять минут, чтобы сменить домашний костюм на формальный наряд, приличествующие для визита одного делма к другому. Даав завязал волосы серебряной лентой, подхватил плащ — и исчез. Дверь его апартаментов звонко щелкнула у него за спиной.

«Детеныш Дракона» стоял прямо за регулярным парком. Это был почти что прыжковый карт, но для данных целей подходил прекрасно. Умиротворением оскорбленного садовника он займется потом, когда будет знать, что у Эллианы все в порядке.

Он шагал по главному коридору — почти бежал, — когда из малой приемной вышел господин пел-Кана.

— С позволения вашей милости...

Даав покачал головой.

— Я очень спешу. Прошу передать мои извинения тому, кто бы ни пришел.

Но господин пел-Кана не поклонился в знак повиновения. Вместо этого он вытянул руку, умоляюще сгибая пальцы.

— Пожалуйста, мастер Даав, — тихо сказал он. — Мне кажется, вы захотите поговорить с этой дамой.

Он моргнул и замер на середине шага:

— Дамой?

Эллиана? Неужели она все-таки нашла его и пришла просять о помощи, пока Жон, Фрад и Клонак тревожатся за ее

безопасность? Он изменил направление движения и ворвался в гостиную.

Самив тел-Изак стремительно повернулась от каминной доски, которую она сосредоточенно рассматривала. Или, возможно, ее внимание занимал герб Корвала, висевший над камином. Она сделала три шага навстречу ему, протягивая руку.

— Пожалуйста, — проговорила она неровным голосом, но в товарищеской модальности. — Пожалуйста, я... вы должны мне помочь.

Глава тридцать пятая

Полицейские вызвали юного Тор Ана, чтобы он заплатил за меня штраф, что он и сделал, немедленно и в полном соответствии с обязанностями второго пилота. Когда мы вышли на улицу, он устроил мне такую выволочку, какой я не знала со времен детства. Щенок.

И при том он был совершенно прав.

Из Вахтенного журнала Канtry Йос-Фелиум.

Даав остановился — и в эту секунду разглядел ее лицо: оно оказалось напряженным, бледным, с черными кругами у глаз и осунувшимся от усталости.

— Самив, что случилось?

Не задумываясь, он ответил ей в товарищеской модальности.

— Я... — Ее глаза наполнились слезами, и она отвела взгляд, часто моргая. — Прошу меня простить.

— Безусловно. И вы должны ответить мне тем же. Я отчаянно тороплюсь. Мне сообщили, что... той, с кем я делю обязанности пилота, может угрожать опасность. Мне немедленно надо ехать.

Самив тел-Изак была настоящим пилотом: правила Гильдии были для нее такими же естественными, как дыхание. Она мгновенно посмотрела ему в глаза.

— Конечно, вам надо отправляться сейчас же! Я...

Тут она ахнула, и глаза ее округлились.

— Постойте. Вы говорите — та самая Кэйлон в опасности? Даав выгнул бровь.

— Интересно, и кто вам сказал, что я — помощник Кэйлон? Она махнула рукой.

— Когда я заходила в Гильдию, там как раз просматривали запись. А в чем заключается опасность?

Даав почувствовал, как его лицо застыло.

— Была сделана незаконная попытка опечатать ее корабль. По последним сообщениям, она отправилась, чтобы встретиться с теми, кто в этом участвовал. И кто, как известно, в прошлом подвергал ее побоям.

Он не ожидал, что Самив сможет побледнеть еще сильнее.

— Ясно, — сказала она. — Кто летит с вами?

— Здесь только я. А задерживаться даже ради моего чалекет — значило бы тратить драгоценное время.

— Которое я и так у вас отняла. — Она решительно пошла вперед.

— С вашего позволения, я сяду за второй пульт. Если опасность чрезвычайно велика, то я могу оказаться полезной.

«И это действительно может оказаться так, — признал он, — особенно если Эллиана...»

— Тогда быстрее, — сказал он и повернулся к двери.

Ран Элд не спустился на главную трапезу, а распорядился, чтобы еду ему подали в его апартаменты, что он делал всегда, когда Делм уезжала из дома. Вени сидела во главе стола, как она делала всегда, когда Делм уезжала из дома, однако не выражала желания ни есть, ни делать вид, будто заинтересована в том, чтобы привить своей младшей сестре хорошие манеры. Сайнит решила, что это объясняется отсутствием ее любимой мишени для насмешек.

Сайнит ужасно хотелось спросить, что известно о возвращении Эллианы. Честно говоря, за супом она даже потратила несколько минут на то, чтобы обдумать, как удачнее всего можно было бы сформулировать свой вопрос. Она сомнева-

лась в том, чтобы Вени или Ран Элд знали что-то о том, какую поразительную и полную приключений жизнь ведет Эллиана на другой стороне планеты, поскольку оба не увлекались сообщениями новостей. И Сайнит дала себе слово, что от нее они об этом не услышат.

Конечно, было ужасно приятно узнать о том, что Эллиана регулярно летает с Даавом йос-Фелиумом, как это сообщили по новостям для пилотов. Только сегодня Сайнит воспользовалась своим визитом в библиотеку для того, чтобы найти Даава йос-Фелиума в новейшем издании «Книги Кланов».

Вторым пилотом у Эллианы был сам Глава Клана Корвал, что было крайне почетно для Мицела, но Вени только сочтет, что внимание Корвала должно было бы предназначаться ей — и что Эллиана украла то, что по праву принадлежит ей самой. А Ран Элд скажет что-нибудь мерзкое, а может, даст Эллиане оплеуху за то, что она посмела подняться выше своего места. Ран Элд действительно бьет Эллиану. Сайнит видела, как он это делал — два раза. И ей наплевать, что Делм не желает об этом слышать.

— Обед просто мерзкий! — огрызнулась Вени со своего места во главе стола. — Право, этот повар позволяет себе вольничать, когда Делм в отъезде!

Она встала и швырнула салфетку прямо в суповую мисочку.

— Ты можешь есть, если тебя не тошнит от этих помоев! — сказала она Сайнит. — Я пойду к себе. У меня болит голова. Пожалуйста, не беспокой меня — ни для кого.

Сайнит посмотрела на нее, не вставая.

— Ладно. А мне можно съесть твою запеканку? Моя была вкуснющая!

— Отвратительная девчонка, — проворчала Вени и театрально выплыла из столовой.

Они взлетели прямо с газона. Кораблик понесся вверх, не занимаясь такими глупыми тонкостями, как постепенное ускорение. Корвал проложил зверский маршрут: такую траекторию мог счесть допустимой только разведчик. Самив выпол-

няла обязанности второго пилота — ее усталость растворилась в приливе адреналина.

— Вы можете сказать мне сейчас, — тихо спросил он, пока его пальцы быстро танцевали по пульту, — с чем именно я должен помочь вам справиться?

Она судорожно сглотнула, устремив взгляд на показания приборов. Почему-то ей было легче из-за того, что не нужно говорить это, глядя ему в глаза.

— Я... вижу сны. Страшные сны. Целители... отправили меня на встречу с тем, что внушает мне ужас.

Наступило молчание.

— И это — я сам?

— Нет. — Она облизнула губы. — Я... полагаю... что это — ваше Дерево. — Она глубоко вздохнула, борясь со слезами, которые в последние дни приходили слишком легко. — Я прервала свой контракт с «Луда Солдер». Я не могу спать, мои реакции стали... неуверенными. Я не могу ставить под опасность корабль...

— Конечно, не можете, — согласился он.

Почему-то ее успокоило это заверение, произнесенное низким, хрипловатым голосом. Самив на секунду закрыла глаза, но сразу же открыла их, в силу необходимости своих обязанностей второго пилота.

— Делму, безусловно, желателен этот брак. Я... я просила бы вашего разрешения, до подписания свидетельства о браке... подойти к Дереву и... и увериться в том, что это... просто... дерево.

— А! Но, видите ли, это не просто дерево. — Он секунду молчал, а потом спросил: — Вашему Делму известно о том, что вы обратились с этим ко мне?

Она посмотрела на него, но увидела только профиль и быстрые увереные руки на пульте.

— Моя Делм... уверена... что сны прекратятся, как только свидетельство будет подписано.

— Понятно. — Он вздохнул и бросил на нее один из своих быстрых и непонятных взглядов. — Передайте все управление мне, пожалуйста. Спасибо. В отношении нашего задания — в

кармане у вашего кресла находится пистолет. Было бы желательно, чтобы вы его проверили. В этом случае не будет никаких неожиданностей, если вам придется его применить.

Она взорвалась на него, попыталась заглянуть в глаза, которые ничего ей не говорили.

— Вы считаете...

Он повел головой из стороны в сторону.

— Мы можем обнаружить, что все в порядке, и в этом случае нам просто придется выпить чаю и продемонстрировать наши прекрасные манеры.

Самив вытащила из гнезда пистолет.

— Но вы так не думаете.

— Не думаю, — мягко согласился он. — Всю мою жизнь меня преследуют предчувствия. Время от времени какое-нибудь из них оказывается простым несварением желудка. — Он бросил на нее взгляд, в котором было слишком много веселья. — Все члены Клана Корвал — сумасшедшие, знаете ли.

Самив опустила глаза и открыла зарядное устройство.

Где-то посредине красоты формул прозвучал звуковой сигнал. Чуть позже появился свет.

Эллиана оторвала часть внимания от расчета движения планеты с обратным направлением орбиты и подняла отяженевшие руки. Затекшие пальцы попытались ухватиться за... пустоту.

Крышка модуля гипнообучения была открыта. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы осознать смысл случившегося.

Она свободна.

Свобода принадлежала к подгруппе вещей, которые были дороже рубинов.

Эллиана резко села — и вскрикнула: ее тело сообщило ей одновременно обо всех ссадинах, которые она получила при стычке с братом. Дополнительная информация включила в себя невыносимую жажду.

Комната закружила вокруг нее. Она с трудом собрала разбегающиеся данные в связную картину, проковыляя к

низкому столику, подняла тяжелую вазу, полную увядавших цветов, и, ковыляя, вернулась к капсуле.

Цветы и раствор отправились в программный блок, который заискрил, зашипел и защелкал. Подняв вазу обеими руками, она замахнулась на ручки управления. Первый удар оказался неудачным. Сила промаха сбила ее с ног, и она упала лицом на ковер.

Давясь, она с трудом поднялась на колени, еще раз обхватила руками вазу и ударила по пульту управления.

На этот раз удар попал в цель — и оказался достаточно сильным, чтобы оставить вмятину на лицевой плате. Эллиана всхлипнула. Пульт управления мигал и расплывался у нее перед глазами. Она подняла вазу, уставившись на главный циферблат, заставив себя увидеть его сквозь изображения, которые мигали и мелькали перед ее мысленным взором. Циферблат стабилизировался, и она замахнулась изо всех сил.

Стекло разбилось, приборы пронзительно завизжали — и замолкли.

Эллиана уронила вазу, оперлась на край капсулы и поднялась на ноги, озираясь по сторонам. Комната бессмысленноискажалась, предметы пульсировали, края расплывались в ничто, изображение звездной системы, которую она никогда не видела, накладывалось на все вокруг. Она пыталась — пыталаась вспомнить. Что-то. Что-то — очень важное.

В комнате было сумрачно. За раскрытым окном стояла темнота. Что-то. Цифры, выстроенные рядом в форме номера личного комма. И в памяти низкий, любимый голос прошептал:

— Свяжись со мной, Эллиана, в случае необходимости...

В кабинете был комм. Она это точно знала. Около... около окна. Да. Сквозь пульсирующие звезды она могла рассмотреть окно. Сначала одну ногу...

Она споткнулась о столик, потеряла равновесие и упала на пол, обрушив лавину безделушек. Тяжело дыша, она поднялась на колени, сориентировалась — и остальную часть пути к окну ползла. Добравшись до него, она поднялась на ноги,

подтянувшись за встроенный книжный шкаф, положила руку на его верхнюю полку и стала медленно передвигать ее, нащупывая комм.

Ее пальца прикоснулись к прохладному пластику. Она закусила губу. Цифры. Номер комма Даава. Ей нужно только ввести номер в комм, который у нее под рукой. Даав ей поможет.

Новая мысль оформилась в ее сознании. Существует опасность. Пользоваться домашним коммом опасно. Разведчики. Ран Элд. Ран Элд повредит Дааву.

Она не имеет права звонить.

Глава тридцать шестая

Я была вторым пилотом Гарен, пока она не разбила себе череп — и тогда корабль достался мне с полным грузом неприятностей и проблем. Тогда я была достаточно молодой, чтобы твердо верить, будто мой крепкий череп нельзя разбить, так что решила летать одна и заниматься проблемами по мере их появления.

*Я не искала второго пилота в ту ночь, когда нашла Джелу, хотя к тому времени была уже достаточно старой, чтобы понимать, что я могу умереть. Мне нужны были только рюмка и постельное развлече-
чение — одна рюмка и одно развлечение, а потом взлет ранним утром и полет на Край с полным грузом бесшабашности.*

Забавно, что даже самые простые планы порой не удается осуществить.

Из Вахтенного журнала Канtry Йос-Фелиум

Сайнит свернулась в круглом кресле в большой гостиной и погрузилась в чтение. Городская библиотека Чонселты только сегодня выставила на полки книгу «В поддержку языковой общности» достопочтенного филолога Энн Дэвис, и Сайнит посчастливилось заполучить экземпляр.

Язык и происхождение языка играли свою роль в более широком искусстве антропологии, и она читала книгу очень сосредоточенно. Ее внимание было настолько сконцентрировано, что она услышала не первый, а уже второй сигнал дверного звонка.

Моргая, она спустила ноги с кресла, бережно заложив книгу на нужной странице, и надела домашние башмаки. На пути к двери она одернула тунику и заправила волосы за уши.

Звонок зазвенел еще раз.

Наверху раздался звук открывающейся двери, по выношенному ковру протопали шаги и голос Вени вопросил:

— Кто может прийти с визитом в такой поздний час?

Сайнит открыла входную дверь.

Более высокий из двух гостей поклонился, как только заглось освещение крыльца. Вокруг него мерцал плащ. По одежде и поклону Сайнит прочла «Визитер Дома» — и наклонила голову.

— Говорите.

Черные глаза смотрели на нее со строгого умного лица. Темные волосы были собраны сзади и стянуты серебряной лентой, конец которой лежал у него на плече. С правой мочки свисал кусочек серебряной проволоки. Он поднял левую руку и, блеснув гладкими красками эмали, продемонстрировал ей Кольцо в древнем жесте.

Дерево и Дракон.

— Я имею честь быть Главой Корвала, — проговорил он в модальности заявления. Потом он указал на свою спутницу: — Пилот Самив тел-Изак.

Сайнит едва его слушала. Корвал! Глава Корвала здесь, в сопровождении еще одного пилота — которая, конечно же, тоже входит в число товарищей Эллианы. И все же, раз они оказались здесь...

— Но, — выпалила она, переводя взгляд с его глаз на гладкое, сдержанное лицо его спутницы, — Эллианы дома нет, сударь... пилот. Я думала... конечно же... она — в Солснтре?

Двою стоявших на крыльце переглянулись, и Сайнит вдруг задохнулась: она испугалась, хотя и не их.

— Пожалуйста, — сказала она, пятясь назад и открывая дверь, — прошу вас, входите. Я...

— Сайнит, что ты вытворяешь? — капризно спросила Вени сверху.

Сайнит обернулась и сощурилась, пытаясь рассмотреть сестру в полумраке лестницы.

— Эти господа пришли, чтобы поговорить с Эллианой, сестра. Пожалуйста, попроси ее спуститься вниз.

Наступило потрясенное молчание, а потом — звук шагов, спешно поднимающихся наверх. Сайнит почувствовала, что у нее подкашиваются ноги.

— Наверное, она вернулась, пока я читала, — дрожащим голосом сказала она и закрыла дверь. — Не сомневаюсь, что она сейчас спустится вниз, чтобы вас приветствовать. Не пройдет ли в гостиную, господа? Угощение...

Наверху хлопнула дверь. Спускающиеся вниз шаги явно принадлежали не Эллиане. Сайнит увидела, что мужчина это понял — и заметила, как он передал свою уверенность спутнице, одним только изгибом четко прочерченной черной брови.

— Посетители к Эллиане?

Голос Ран Элда звучал неровно — но ведь Ран Элд не привык бегать. Сайнит сделала два шага назад и в сторону, инстинктивно ища укрытия в тени, отбрасываемой лестничным пролетом. Она подняла голову — и встретилась с устремленным на нее взглядом пилота тел-Изак. Пилот секунду удерживала ее взгляд, а потом отвернулась.

— Кто... О!

Вопрошавший достиг вестибюля: стройный и украшенный множеством колец молодой человек в домашнем халате, нелепо-нарядный на фоне непрезентабельной обстановки дома. Когда он вышел на свет, Самив нахмурилась. На лице мужчины оказались бледно-золотистые отметины, словно его оцарапали и он недавно прибегал к лечению в автovраче. Краем глаза она заметила, что юная привратница сделала еще шаг в укрытие теней.

— Я — Наделм Мицела, — сказал аляповатый молодой человек, слегка наклоняя голову. — Могу я узнать, что за дела привели вас сюда, сударь, сударыня?

Корвал молча протянул левую руку. Сверкнуло Кольцо с Деревом и Драконом. Наделм застыл на месте — что было вполне естественно, — а потом снова поклонился, на этот раз весьма пышно.

— Дом польщен возможностью принять Главу Корвала. Чем я могу вам служить?

Корвал даже не соизволил наклонить голову.

— Я желаю говорить с дочерью Дома Эллианой, сударь.

— Сожалею, но это невозможно, — сказал Наделм Мицела.

— А, понимаю, — тихо проговорил Глава Корвала. — В этом случае я буду говорить с Главой Мицела.

Наделм развел руки в сверкающих кольцах.

— Мне очень неприятно разочаровывать вас во второй раз, сударь. Мицел нет в Доме.

— Это очень неприятно, — серьезно согласился Корвал. — Когда она вернется?

Высокомерные плечи облегченно расслабились.

— Насколько мне известно, завтра к полудню. Вы придете тогда? Или, возможно, Мицел следует вас навестить?

— Возможно, нам не придется делать выбор между этими альтернативами, — заявил Корвал.

В этот момент старшая сестра, которая так поспешило исчезла с площадки, осторожно спустилась вниз и встала рядом со своим Наделмом. Тот ее игнорировал.

— Когда, — осведомился Корвал, — будет возможно поговорить с пилотом математиком Эллианой Кэйлон?

Наделм поджал губы.

— Право, сударь, Эллиана — сущая вертихвостка! Никогда нельзя предсказать, когда именно она появится.

Стоявшая в тенях вестибюля юная девушка дернулась — и застыла.

Самив бросила взгляд на Делма Корвала, но тот смотрел только на Наделма.

— Я никогда не находил ее такой, — задумчиво проговорил он. Темные глаза скользнули в сторону — и пригвоздили взглядом старшую сестру. — Будьте добры, сударыня, привести мне Эллиану или сказать мне, где я смогу ее найти.

Женщина затрепыхалась, стреляя по сторонам глупыми голубыми глазами.

— Право, сударь, я не... Но все именно так, как говорит Ран Элд! Эллиана... она... — Женщина сбилась и затравленно посмотрела на своего Наделма. — Она...

— Она занимается, — решительно заявил Наделм. — И было бы совершенно бесполезно пытаться ее отвлечь, сударь. Оставьте свою карточку, я прослежу, чтобы она ее получила, когда снова придет в себя.

«Дурак», — подумала Самив и снова посмотрела в тень вестибюля.

Девица исчезла.

— Я готов ждать, — сказал Корвал, не спуская с Наделма глаз, — пока математик Кэйлон не завершит свои занятия.

Тот поспешил отвел глаза.

— Это может занять... какое-то время.

— Я понимаю, — отозвался Корвал.

Он переплел пальцы обеих рук и перевел взгляд на столик в вестибюле. На его лице появилось выражение спокойной медитации.

— Послушайте! — резко бросил Наделм Мицела. — Вы же не можете всю ночь простоять в нашем вестибюле...

Черный взгляд снова вернулся к нему. Корвал с серьезным видом склонил голову.

— Ваша внимательность делает вам честь. Спешу заверить вас, что вполне способен простоять в вашем вестибюле всю ночь — и весь завтрашний день, буде то потребуется. Однако пилот тел-Изак, возможно, была бы рада присесть.

— Спасибо, — проговорила она со спокойствием, которого не испытывала, — мне вполне удобно.

Лицо Наделма гневно напряглось.

— По-моему, вы не сознаете того, что стоите в Клановом Доме Мицела. Я не...

— Делм Корвала!

Он повернулся. Девушка, впустившая их в дом, резко остановилась у входа в боковую комнату. Ее карие глаза были круглыми от ужаса.

— Модуль гипнообучения! — выдохнула она, и Даав похолодел.

— Ведите меня, — сказал он.

Она повернулась и побежала обратно по коридору. Он стремительно шагал следом.

— Стойте! — крикнул Наделм Мицела. Лицо у него резко побледнело. — Я запрещаю вам проходить в дом Мицела!

Он бросился следом за Корвалом, но Самив преградила ему дорогу, подняв руку.

— Не двигаться!

Зарычав, он оттолкнул ее в сторону. Она пошатнулась, удержалась на ногах — и снова встала у него на пути.

— Не двигаться! — снова приказала она, вытащив пистолет и решительно направив дуло ему в живот. — Не сейте идти за ними.

Модуль гипнообучения был пуст. Программный блок закоротило, таймер был расколот, главный пульт — разбит. Круговая шкала продолжительности урока стояла на пяти часах. Рычажок концентрации внимания был передвинут до максимума.

— Но это же совершенно бессмысленно! — пробормотала девушка. — Зачем было Эллиане переучивать Кодекс на максимальной интенсивности?

Прекрасный вопрос. И он был совершенно уверен в том, как на него следовало ответить: Эллиане это было не нужно. Даав сделал глубокий вдох, быстро прошел по Радуге разведчиков, снизив ужас и ярость до управляемых уровней.

— Мы обязательно ее об этом спросим, — пообещал он, глядя в перепуганное лицо Сайнит Кэйлон. — Когда найдем. Вы куда-нибудь еще заходили? В ее комнаты?

— Нет, сударь.

— Сделайте это, — велел он ей. — Я посмотрю, что еще можно выяснить здесь. Быстрее. Если она действительно провела в модуле так долго, то она будет... дезориентирована.

«У нее будет ожог мозга», — уточнил он про себя, когда Сайнит выбежала из комнаты. Он проглотил поднимающуюся вновь волну ужаса и начал методично осматривать комнату.

На секунду он задержался около опрокинутого столика для пустячков, хмуро глядя на рассыпавшиеся по ковру безделушки, а потом двинулся дальше, убедившись в том, что бред не заставил Эллиану прятаться под предметами обстановки.

Вскоре он прошел комнату до конца. На полу под закрытым окном оказался комм. Он наклонился за аппаратом и почувствовал прохладное прикосновение вечернего ветерка к щеке. Выпрямившись, он подошел к окну, приложил ладонь к центральной створке и толкнул ее.

Окно распахнулось, бесшумно двигаясь на хорошо смазанных петлях. Даав перегнулся через подоконник — и цепкий взгляд разведчика быстро различил дорогу, которую она протоптала в жалком саду, и отметины на облупленной деревянной ограде, соответствующие ее росту: скорее всего она прислонялась к забору плечом, чтобы удержать равновесие и сориентироваться. Калитка в конце сада осталась открытой и чуть покачивалась на ночном ветру.

— Пираты! — завопил Наделм Мицела, чье лицо побагровело и перекосилось от ярости. — Я позабочусь, чтобы вы разорились, были отвержены и высмеяны! Я...

В коридоре раздались быстрые шаги, и юная девушка метнулась по вестибюлю, пробежала мимо, даже не бросив на них взгляда, и понеслась вверх по лестнице, перешагивая через ступеньки.

— Сайнит! — взвыл Наделм, но Сайнит не откликнулась.

— Вени! — завопил тогда Наделм. — Вызывай Стражей порядка!

Но Вени сидела на нижней ступеньке, уткнувшись головой в колени.

Совершенно обезумев от ярости, он поднял унизанную кольцами руку, словно собираясь ее ударить, но Самив чуть повела пистолетом, напоминая ему о наведенном на него оружии, и он застыл неподвижно. Кольца на его руках блестели — по большей части аляповатые украшения, как отметила она про себя: сплошной блеск и острые края.

За исключением одного. И откуда такой нелепый грязеступ, как Надем Мицела, мог заполучить пилотское Созвездие? Эти вещи считались бесценными сокровищами Клана, их держали под замком и доставали раз в двенадцать лет, только чтобы ими полюбоваться.

— Самив! — Корвал говорил ей на ухо. — Я нашел ее след. Похоже, она не... здорова. — От этих его слов у нее мороз пробежал по коже. — Нам необходимо догнать ее, пока с ней не случилась какая-нибудь новая беда.

— Да, — согласилась она. — Идите первым, пока я буду держать этого...

Входная дверь щелкнула и неспешно открылась. Круглоголовая женщина в дорожном плаще зашла в вестибюль — и застыла, увидев представшее перед ней зрелище.

А потом она шагнула вперед, подняв руку так, чтобы ясно было видно Клановое Кольцо.

— Я, — ледяным тоном возвестила она, пригвоздив взглядом Самив, — имеют честь быть Главой Мицела. Извольте объясниться.

Говорить было трудно: у нее с губ слетало множество слов, которых она не собиралась произносить, а самые нужные никак не получалось выговорить.

Тем не менее ей удалось объясниться с водителем такси — по крайней мере он довез ее до филиала Гильдии пилотов в порту Чонсельты. Она не была уверена, что просила его именно об этом, но этого было... достаточно.

— Орбита планеты с обратным вращением станет раскачиваться приблизительно через десять тысяч лет, — сообщила она ему, с трудом доставая из кармана монету достоинством в

одну кантуру. — А через одиннадцать тысяч лет окончательно дестабилизируется.

— Тогда нам обоим можно на этот счет не беспокоиться, — ответил он, решительно возвращая монету ей в ладонь и по очереди загибая вокруг нее ее пальцы. — А теперь проложите маршрут прямо в спальню, пилот. Пора проспаться.

— Если вы находитесь вне крупных гравитационных полей, то можно пренебречь соотношением пел-Энды и начинать движение, — с благодарностью отзвалась Эллиана, сжимая в руке кантуру.

— Я намерен начать движение — и немедленно, — сказал он. — Корпус остыл, пилот. Выходите.

Ей удалось выйти — и она, дрожа, встала на тротуаре. Дверь такси начала опускаться, и она попросила:

— Не говорите ему, что видели меня.

Дверь закрылась, и такси медленно отъехало.

Эллиана повернулась очень осторожно, потому что на тротуаре держаться было не за что. Сосредоточившись на двери, она постаралась не замечать беспорядочные вспышки и всплесхи, которые не имели никакого отношения к находящейся перед ней улице. Установив цель, она двинулась вперед, не отрывая ступни от плит тротуара, чтобы не потерять шаткого равновесия.

Ей удалось добраться до двери, упав всего два раза.

Глава тридцать седьмая

Долг не знает жалости и не ищет мести.

Пословица

— Ее здесь нет, сударь! — донесся голос Сайнит с верхнего этажа.

Почти сразу же за ним последовала сама Сайнит.

— Матушка? — спустившись в вестибюль, она поклонилась. — Добрый вечер, сударыня. Ран Элд сказал, что ждет вас только завтра.

— Ну а я вернулась сегодня, — холодно ответила Глава Мицела. — Сайнит, ты что — в сговоре с пиратами, которые ворвались в Дом Клана с оружием в руках?

— С пиратами? — Сайнит нахмурилась. — Право, сударыня, Делм Корвала и пилот тел-Изак пришли к Эллиане, но ее... ее нет дома.

— И узнав об этом, они наставили на Наделма пистолет? Вполне естественный шаг. — Мицел протянула руку. — Вы отдавайте оружие мне.

— Прошу прощения, — твердо ответила Самив, — не отдам. Этот человек толкнул меня и намеревался меня ударить. В его присутствии я опасаюсь за свою безопасность. И больше того, я опасаюсь за безопасность пилота Кэйлон. — Она подняла голову, и Даав прочел в ее взгляде ярость. — Кэйлон носила кольцо прыжкового пилота?

— Да.

Наделм Мицела отступил на шаг, и его рука поползла к карману.

— Покажите его! — крикнула Самив. — Покажите своему Делму, что надето у вас на руке!

— Вы мне не можете приказывать, — огрызнулся Наделм.

— Но я могу, — вмешалась Мицел и снова протянула руку. — Покажи мне это кольцо, Ран Элд.

Он неохотно снянул Созвездие с пальца и положил ей на ладонь.

— Это просто пустяк, сударыня. Несколько стразов. Я...

Мицел взорвалась на то, что лежало у нее на ладони.

— Откуда это у тебя?

Наделм застыл на месте, лишившись дара речи.

— Ран Элд! Я спрашиваю тебя, откуда у тебя это кольцо. Отвечай, будь любезен.

— Оно Эллианино, — простонала его сестра, которая так и сидела на ступеньках, скorchившись в комок. Она подняла голову, не скрывая от всех своего мокрого, искаженного лица. — Он снял его у нее с пальца. Я видела. А потом он закрыл крышку гипноучителя.

* * *

В чонселтском филиале Гильдии было немноголюдно. Рэб Орн и Нил Тен играли в пикит в общем зале, а Кейн устроилась в углу с книгой. Помимо голосов игроков, единственным источником звуков был комм, но его постоянный лепет был для троих пилотов настолько привычным, что на уровне сознания они его даже не слышали.

Нил Тен вздохнул.

— Проиграл, — пробормотал он, бросая карты на стол. — Хорошо, что мы играем не на деньги.

— Неужели не на деньги? — спросил его противник, округляя глаза.

Первый пилот рассмеялся, поднял голову — и ахнул.

Ее лицо было сплошь покрыто порезами и синяками и так распухло, что глаза едва могли смотреть сквозь щелочки. Волосы сбились в безнадежный колтун. Она дрожала — явно и непрерывно.

— Что?.. — Рэб Орн развернулся на стуле, чтобы посмотреть, что поразило его друга, — и окаменел.

— Карта, которую я хочу разыграть, — Даав, — сообщило видение.

Ее голос звучал, словно песок, попавший в жернова.

— Милосердные боги!

Это произнесла Кейн. Она встала со своего кресла и подошла ближе, всматриваясь в избитое лицо пришедшей.

— Это же Кэйлон! — выдохнула она. — Я видела ее вчера вечером в Солсинтре, когда гильдмейстер вручил ей лицензию. Она сидела на коленях у Корвала и была совершенно счастлива!

— Долг пилота — заботиться о корабле и пассажирах, — серьезно проговорила Эллиана Кэйлон. — Долг помощника пилота — заботиться о пилоте и корабле.

Тroe пилотов переглянулись, а потом Кейн подняла руку и осторожно прикоснулась к плечу второй женщины.

— Это правильно, пилот. Правила Гильдии, яснее ясного. — Она перевела дыхание. — Пойдемте со мной и давайте включим для вас автov врача, хорошо? Все будет бинджали...

— «Бинджали».

Заплыvшие глаза впились в лицо Кейн, дрожащая рука поднялась, неуверенно протянулась — и сомкнулась на запястье пилота.

— Жон дэ-Корт. — Кейн непонимающе уставилась на нее, и Кэйлон снова повторила, повысив голос: — Жон дэ-Корт. Планета с обратным вращением выделяет энергию гистерезиса, обратно пропорционально скорости и вращению Козырного Туза Разведчика, булочки с сыром. Даав, эффективная работа! Свяжись, свяжись со мной, если будет нужно, Эллиана!

— Это ясно. — Нил Тен вскочил, опрокинув стул, подошел к комму и быстро набрал номер.

Экран побелел: установка на другом конце дала сигнал вызова: третий, четвертый, пятый...

— «Бинджали» на связи.

Нил Тен кивнул старому пилоту, чье лицо появилось на экране.

— Мастер дэ-Корт, это Нил Тен пел-Квида. Я говорю из чонсельского филиала Гильдии, сударь. У нас здесь один член вашей команды — в бедственном положении.

Мицел подняла голову и посмотрела на сына. Вокруг ее губ пролегли глубокие морщины.

— Отец Эллианы, — проговорила она в модальности обучения, — носил такое. Если не считать его самого, то это кольцо было единственным сокровищем его клана. Такое кольцо может послужить залогом за прыжковый корабль, не так ли, Корвал?

— Действительно, — серьезно подтвердил Даав, — именно с этой целью их и изготавливали. Сударыня, я прошу вашего прощения. Показания таймера и интенсивности обучения на модуле гипнообучения остановились на таком уровне, который внушает мне крайнюю тревогу. Я обнаружил маршрут, проложенный Эллианой: через окно и заднюю калитку. Она... возможно, у нее ожог мозга, сударыня, и я опасаюсь за ее жизнь, если мы немедленно не отправимся за ней.

— Да. — Мицел снова посмотрела на него. — Я не ошиблась, полагая, что ваше имя — Даав?

— Это так.

— Ясно. — Она протянула ему пилотское Созвездие. — Вы будете хранить его и вернете моей дочери, когда ее найдете. Я сделаю то... что оказалось необходимым... здесь. Прошу вас, оповестите меня о... своих успехах. Если она вернется сюда... — Она скжала губы. — Но вам должно быть известно, куда она могла бы скорее всего направиться.

Даав наклонил голову и убрал кольцо во внутренний карман плаща.

— Если она вернется сюда, сударыня, оставьте известие мастеру дэ-Корту из ремонтной мастерской «Бинджали», в порту Солситры.

Он посмотрел на Самив, которая прятала пистолет.

— Вы поможете мне в поисках?

— Я требую этой чести, — ответила она и пошла за ним по вестибюлю.

Он прошел за ней по переулку, двигаясь по следу, который ее плечо оставило на разбитом заборе. Он обнаружил места, где она падала, где она ползла по земле, пока не находила столб ограды, беседку или дерево, за которые могла уцепиться, чтобы встать на ноги.

Переулок пересекался с более широкой улицей. На другой стороне следов ее движения не оказалось. Они с Самив снова перешли улицу. Она пошла направо, а он налево, в поисках знака, следа, нити...

Нить.

Ярко-синий обрывок, зацепившийся за чешую ржавчины на столбе для вывески. Он стал смотреть внимательнее, двигаясь по расширяющейся спирали вокруг этого шепотка надежды, но больше ничего не нашел. Отчаявшись, он вернулся к столбу.

Может быть, ее увидели Стражи порядка и, смущившись ее неуравновешенностью, забрали к себе в Гильдию? Но она ведь назвала бы им свое имя, свой клан!

Содрогнувшись, он понял, что, может быть, и не назвала бы. После ожога мозга она могла и не вспомнить такие вещи. Куда она направилась, если бы была собой?

Несомненно, в «Бинджали».

Но в том состоянии, которое он видел, — падая там, где не находилось опоры? Возможно, она могла остановить такси, но у Эллианы в кармане редко бывало больше пары дексов...

Шум двигателя заставил его вернуться к реальности. Повернувшись, он увидел, как по улице медленно едет такси. Видимо, таксист заметил его интерес: машина остановилась у края тротуара, дверь для пассажира поднялась.

— Подвезти, ваша милость?

— Мне нужна информация, — сказал он, наклоняясь, чтобы видеть водителя. Он вытащил из кармана кантру. — Я ищу друга — светловолосую леди, очень худенькую. Зеленые глаза. Возможно, она плохо соображала, куда ей нужно и... не твердо держалась на ногах...

Водитель напрягся, но ничего не сказал. Выждав секунду, Даав тихо проговорил:

— Вы ее видели.

Мужчина повел плечами, подался вперед, что-то переключая на пульте.

— Я ее видел, — сказал он, глядя на Даава жестко и упрямо. — Отвез ее в город. Высадил на площади Торговли.

На площади Торговли? Порт располагался на противоположной стороне города! Даав нахмурился, разглядывая лицо водителя, почти ощущая вкус лжи. И все же...

— Вы должны извинить меня за повторный вопрос, — пробормотал он, слыша, как справа к ним по тротуару подходит Самив. — Я — второй пилот этой леди и боюсь, что она... очень больна. Возможно, она выглядела... не совсем так, как я сказал. Возможно, ей причинили боль. И вы решили, что видите перед собой виновника. Я умоляю вас сказать мне, не отвезли ли вы ее в порт. Я прямо скажу вам, что опасаюсь за ее жизнь, если она сядет на паром до Солситры.

Таксист поколебался, а потом заявил:

— Я хочу посмотреть на ваши руки.

Недоумевая, Даав показал ему руки. В освещении салона блеснуло Кольцо Корвала. Таксист долгую секунду рассматривал его руки, а потом перевел взгляд на его лицо.

— Это не причинило бы тех травм, какие я видел. Для такого нужны камни. — Он вздохнул и отвел глаза. — Я отвез ее в Гильдию пилотов и скажу вам сразу, что говорила она что-то непонятное.

Мицел снова посмотрела на свидетельства о передаче собственности, которые она держала в руках. Каждое было оформлено Эллианой Кэйлон на имя Ран Элда Кэйлона. Одно — на счет с акциями Ормита, второе — на космический корабль под названием «Полоса удачи». Оба были подписаны. Подпись на обоих не принадлежала руке Эллианы.

— Вени уже призналась в том, что подписала их вместо сестры, — проговорила Глава Мицела, продолжая смотреть на изобличающие бумаги. — Думаю, что я видела достаточно. Хотя есть возможность — пусть очень небольшая, — что твоя сестра Эллиана вынесла то, что ты ей устроил, и вынесла это, не пострадав, Делм не может не видеть, что твои действия демонстрируют преднамеренное и осознанное желание завладеть тем, что тебе не принадлежало по праву, не останавливаешься ни перед чем. Даже перед смертью твоей сестры.

Мицел подняла голову и устремила взгляд на мужчину, стоявшего перед ее письменным столом. Мужчина был одет в дорожный костюм — и отнюдь не по первому слову моды. Плащ целый, но поношенный. Рубашка и брюки сшиты на него, но довольно давно. Сапоги... будут доставлять ему неудобство. На нем не было ювелирных украшений. Лицо его было бледным.

— Мицел не приемлет убийства родичей. После того как ты показал себя способным на такой ужас, Делм не может поступить иначе, как объявить тебя умершим. Ты покинешь этот дом. Немедленно. Ты никогда сюда не вернешься. Клан Мицел не имеет перед тобой никаких обязательств. Ты бесклановик, изгой.

Стоявший перед ней мужчина низко опустил голову.

— Поскольку ты был когда-то моим сыном, я дам тебе кое-что, что ты сможешь унести с собой. Одежду, которая на тебе. Монету достоинством в кантру. — Она выдвинула ящик письменного стола, достала оттуда пугач, принадлежавший когда-то ее матери, и полупустую коробку с пульками. — Оружие.

Ран Элд посмотрел на нее. Его лицо было мокрым от слез. Она положила пистолет и заряды на стол. Через секунду он их взял. Мицел наклонила голову и встала.

— Я провожу тебя до двери.

Он молча прошел с ней по коридору, потом — через вестибюль. Когда она открыла дверь, он повернулся к ней, но она отвернулась. Через мгновение его шаги зазвучали на ступенях крыльца, после чего она закрыла дверь и заперла ее.

Выполнив свой долг, Мицел уступила место Байрин Кэйлон, у которой только что умер сын. Она прижалась щекой к двери — и оплакала его уход.

Глава тридцать восьмая

Он нашел его в пустыне, так он мне рассказывал: единственное живое на расстоянии двух дней пути. Тоненький пруттик с парой листьев на верхушке, вот каким оно тогда было.

Я не помню названия планеты, с которой оно произошло. Может быть, он мне его и не называл. Но где бы это ни случилось, когда Отряд в конце концов подобрал Джелу, тот отказался улетать, пока не выкопал этот чертов тонкий пруттик-деревце и аккуратно не пересадил в старую жестянку из-под обеда. Инес его на руках до корабля. И никто не посмел смеяться.

Из Вахтенного журнала Канtry Йос-Фелиум

— Да, — со вздохом проговорил дежурный у входа в здание Гильдии Целителей в Чонселте и отступил, давая им вой-

ти. — Жон дэа-Корт предупредил, что вы сюда явитесь и что не в его силах вам помешать.

Он закрыл дверь и сделал им знак идти следом. Они молча прошли за ним по короткому коридору и оказались в маленькой гостиной.

— На буфете стоит вино и хлеб с начинкой. Начальник филиала очень скоро спустится и поговорит с вами. А тем временем меня попросили передать пилоту йос-Фелиуму настоятельнейшую просьбу стараться сохранять спокойствие. У нас в здании находятся новички.

Он поклонился и оставил их ждать. Дверь за ним сразу же закрылась.

Остановившись в центре комнаты, Корвал вздохнул, а потом повернулся и устремил на нее взгляд, который по мягкости мог сравниться разве только с обсидианом.

— Не желаете ли подкрепиться, пилот? — спросил он с заботливостью, которой она не ожидала — при таком-то взгляде. — Умоляю вас, сядьте. Я безжалостно пользовался вашей добротой этим вечером, когда вам и так больно из-за моей некомпетентности. По крайней мере позвольте мне подать вам немного вина.

— Спасибо, — ответила Самив, подходя к двойному креслу и в благодарном оцепенении опускаясь на мягкое сиденье. — Думаю, что сяду, но, наверное, вино...

Дверь распахнулась, и в комнату вошла седовласая женщина в простой рубашке и брюках. Она отрывисто поклонилась.

— Начальник филиала Гильдии мастер Этильен. Прошу вас, пилот тел-Изак, не трудитесь вставать. Берегите силы.

Она повернулась к мужчине, застывшему в центре комнаты.

— У вас ко мне дело, Корвал?

— И серьезное, мастер Этильен, — отозвался он. — У вас здесь находится Эллиана Кэйлон. Сведения, которые я получил о ее состоянии от пилотов из филиала нашей Гильдии в Чонселе... ужасают. Я увижу ее, с вашего любезного разрешения.

— Увы.

Самив увидела, как напряглись плечи Главы Корвала, хотя его голос остался таким же спокойным, как всегда.

— Пилоты из Гильдии сказали, что она просила вызвать меня. Я хочу показать ей, что тот, кому она доверяла, ее не оставил. Я ее второй пилот. Я имею на это право.

— Сейчас с пилотом Кэйлон находятся мастера Кестра и Том Сен. На данном этапе я не могу допустить, чтобы их работа прерывалась. Сведения, которые вы получили от товарищей по Гильдии пилотов, представляются преувеличенными. Целесообразно, чтобы второй пилот позволил себе удовлетвориться этой предварительной информацией и вернулся в Солситру.

— Я...

— Корвал, вы ослепляете Гильдию, — строго заявила ста-руха и предупреждающе подняла руку. — Да, я Вижу, что вы стараетесь себя сдерживать, и я искренне благодарю вас за эти усилия. Без этого моей защиты было бы недостаточно, чтобы я могла стоять в одной с вами комнате и вести разговор. Однако никакое количество разговоров не поможет вам сегодня оказаться рядом с пилотом Кэйлон. Поверьте, что я говорю это с полной серьезностью.

Она вздохнула и опустила руку.

— Даав, отправляйтесь домой. Возвращайтесь завтра. Она и тогда не будет меньше любить вас.

Наступило молчание, которое было таким наэлектризованым, что Самив ощущала, как у нее на руке шевелятся волоски. А потом Корвал низко поклонился старой Целительнице.

— Завтра, мастер Этильен, я не приму отказа.

Она наклонила голову.

Самив подтянула ноги и встала. Мысли у нее туманились, голова кружилась.

— Пилот!

Она заглянула в лицо, которое было лишено всякого выражения. Корвал подал ей руку.

— Позвольте мне отвезти вас к вашему Делму.

* * *

Она сидела на месте второго пилота, но ее пульт оставался темным. Корвал вел кораблик молча: он молчал с той минуты, как они ушли из Гильдии Целителей.

— Самив! — окликнул он ее, и она вздрогнула, хотя голос его звучал очень мягко.

Она выпрямилась в кресле и посмотрела на него, увидев только профиль и быстрые, умные пальцы, снующие по приборной доске.

— Да, пилот?

Он посмотрел на нее — на выточенном из золота лице глаза были лишены света, — а потом снова повернулся к пульту.

— Мне бы хотелось, чтобы вы сказали мне правду. Вы сможете?

Она облизнула губы.

— Да.

— Хорошо, — пробормотал он. — Мне хотелось бы знать, желают ли ваши собственные разум и сердце этого брака, который обещан вашему Делму.

«Ее собственный разум и сердце!» Вопрос, достойный разведчика. Он поставлен так, словно разум и сердце человека имеют свое место в плетении родства и долга. И все же...

— Если бы я была... моим собственным Делмом... я бы не искала этого брака, — медленно проговорила она, неуверенно нащупывая нити личного желания. — Я... прошу меня извинить...

— Я сам задал этот вопрос, — мягко отозвался он. — И среди товарищей нет нужды просить прощения за правду, так ведь?

— Совершенно верно. — Она перевела дыхание и скжала на коленях руки. — Правда, Корвал, я вижу... что вы... нравитесь мне гораздо больше, чем... Но я не думаю, чтобы мы... чтобы мы... подошли друг другу, — закончила она объяснение несколько растерянно.

— А!

Опять наступило молчание, и она откинулась на спинку кресла. Вдруг она четко представила себе, что бы подумала ее

Делм, если бы услышала, как Самив ведет такой разговор со своим нареченным, — и она подавилась смешком.

— Вы сможете вынести некоторую долю неудовольствия своего Делма? — внезапно спросил он. — Я клянусь, что постараюсь взять на себя большую часть. Но она наверняка будет недовольна и вами.

— Она и сейчас мною недовольна, — отупело отозвалась Самив. — Мне ведь не следовало приходить к вам с просьбой о помощи.

— Понятно. В таком случае, мне кажется, что мы сможем избавить вас от внимания Дерева, пилот. Вам нужно только держаться твердо и тихо. И клятвенно обещать мне одну вещь.

Она моргнула:

— В чем я должна поклясться?

Он посмотрел на нее, приподняв темную бровь.

— Придите ко мне, когда гнев вашего Делма остынет, чтобы мы смогли окончательно свести счеты между нами.

— Корвал, вы мне ничем не обязаны. Я...

— Я вынужден умолять вас позволить мне самому оценить размеры моего собственного долга, — прервал он ее, очень строго и официально, в полном соответствии с Кодексом.

Самив подавила нервный смешок и сумела торжественно наклонить голову.

— Как скажете, сударь. Когда я смогу, я приду к вам, чтобы завершить сведение счетов. Даю вам мое слово.

— Благодарю вас, — сказал Глава Корвала и включил комм.

— Так вот как вы понимаете соблюдение приличий? — вопросила Делм Биндана. — Так вы воздерживались от скандалов? Так понимаете защиту и уважение по отношению к сокровищу Биндана? Полагаю, для вас это просто пустяк, Корвал, всего лишь озорство! Ну конечно: отправиться хулиганить на другую сторону планеты, вломиться в дом чужого Клана, держать Наделма под дулом пистолета, сбивать с толку юное создание и похитить вторую дочь! Крайне забавно, не сомневаюсь! По крайней мере Делм Гвайара считал эту но-

вость просто превосходной. Он связался со мной, пока я еще завтракала, — специально, чтобы поделиться со мной этими известиями! Мне впору было прятать лицо!

— А ты...

С этими словами она перевела глаза на Самив.

— Я испытываю только уважение, — пробормотал Даав, — к благородству и стойкости Самив тел-Изак, которая держалась твердо, как и подобает нареченной супруге...

— Нареченной супруге! — снова обернулась к нему Глава Биндана. — Если после вчерашней выходки вы еще смеете рассчитывать на то, что я позволю члену Клана Биндан рисковать собой и своей честью, потакая вашим безумным пристрастиям... Прощайте, сударь. Мой поверенный в ближайшее время свяжется с вами.

Если бы он не был так отчаянно сосредоточен на стремлении вернуться в Чонсельту, то громко расхохотался бы. Отец Клонака выполнил порученную ему работу с восхитительным щданием. И, несомненно, иронично сказал себе Даав, насладился каждой секундой.

Он отвесил возмущенной Главе Биндана глубокий поклон.

— Доброго дня, сударыня. До свидания, пилот. Хороших вам снов.

— Если ваша милость пройдет со мной, — тихо проговорил дворецкий Биндана от дверей, — я провожу вас до дверей.

Переполненный нерастряенным адреналином, Даав прошел по лужайке, приложил обе ладони к стволу и устремил яростный взгляд наверх, в крону.

— Можешь прекратить терроризировать Самив тел-Изак, — проговорил он прерывающимся голосом. — Мы с ней не будем сочетаться браком.

Кора под его ладонями потеплела.

— Да, очень мило! — огрызнулся он, отдергивая руки. — Одобряй меня, конечно! Какое тебе дело до того, что по твоей прихоти чуть было не пропал прекрасный пилот? И какое тебе дело до любого из нас — тебе, кто видело смерть всех

нас, от Джелы до Чи! Мы для тебя только племенной скот? Так изволь меня выслушать!

Он уже стоял в центре прогалины, плохо сознавая, как там оказался. Стиснув кулаки, он кричал в ветви, словно древнее, чуждое сознание интересовали — хоть когда-нибудь интересовали — жалкие муки человека.

— Я возьму в спутницы жизни Эллиану Кэйлон, если она согласится, и если ты только посмеешь, если только посмеешь, хоть чем-то ее испугать или огорчить, я срублю тебя своими собственными руками!

Его слова на секунду повисли над поляной, а потом исчезли, растаяли в неподвижном теплом воздухе. Даав сделал вдох, потом еще один, заставил себя разжать кулаки...

Высоко в ветвях началось какое-то движение.

Он напрягся, вспомнив лавину мусора, которая приветствовала Самив тел-Изак, и подумал, что Дерево могло легко — и без всякого ущерба для себя — сбросить на его незащищенную голову ветку, тем самым избавившись от генов, которые не оправдали ожиданий.

Шум стал нарастать. Даав пригнулся, готовясь отскочить в любую сторону.

И упал на колени, когда вокруг него посыпались десятки орехов.

Глава тридцать девятая

У сердца свой собственный Кодекс.

Неизвестный автор

Дежурный провел его в личную гостиную, подал вина и оставил его одного, пообещав, что мастер скоро к нему выйдет.

Вино оказалось сладким и плохо легло на желудок, который сводило от страха. Он отставил рюмку после первого же глотка и начал расхаживать по комнате, поскольку был просто не в состоянии тихо сидеть и дожидаться, когда к нему придут.

Позади него открылась дверь, и он обернулся — слишком быстро. Мастер-Целитель Кестра остановилась на пороге и продемонстрировала ему руки — пустые, ладонями вверх. При этом она насмешливо выгнула бровь.

Не обращая внимания на насмешку, Даав приветственно поклонился, считая секунды так, как не делал с отрочества, замедляя рефлексы пилота до нормальной скорости — хотя все его существо требовало быстроты.

Целительница ответила на его поклон наклоном головы и прошла к группе кресел. Удобно устроившись в одном из них, она посмотрела на него снизу вверх, сохраняя бесстрастное выражение лица.

— Все хорошо, Корвал.

Он сделал несколько шагов в ее сторону.

— Правда, мастер Кестра?

Она нетерпеливо махнула рукой в сторону ближайшего кресла.

— Я не желаю, чтобы вы вкрадывались в мои мысли, супдарь. Садитесь, ну же! И успокойтесь, ради всех богов! Вы такой громкий, что устроите старухе головную боль — и совершенно напрасно. С вашей дамой все в порядке.

У него подогнулись ноги, так что он вынужден был сесть.

— Прекрасно.

— О, небольшой ожог есть, но он не внушает тревоги, уверяю вас! По большей части гипноустановка даже ее не касалась. Она быстро осознала опасность и хорошо себя защищила. Она создала для себя одержимость: целую звездную систему, которая требовала от нее непрерывной и постоянной сосредоточенности — мне следовало бы сказать, расчетов, — чтобы сохранять ее жизнеспособность. — Целительница улыбнулась: как показалось Дааву, ласково. — Просто блестяще! Модуль гипнообучения не нарушает рационального мышления.

Она повела плечами.

— Мы с Том Сеном устранили одержимость и погрузили ее в сон. В данных обстоятельствах мы не сочли разумным стирать болезненные воспоминания, хотя и наложили... Ска-

жем, мы сделали так, что эти воспоминания будут казаться ей далекими. Таким образом она сохранит бдительность, но не будет скована острым страхом.

Еще одно движение плеч.

— Что до остального, то она провела несколько часов в автovраче, чтобы залечить ссадины и синяки. Я разговаривала с ней всего час назад и вполне удовлетворена результатами нашей работы.

Даав закрыл глаза. У Эллианы все в порядке. Словно издалека он заметил, что дрожит и что у него горят легкие.

— Корвал?

Он откашлялся, открыл глаза и наклонил голову.

— Примите мою благодарность, — проговорил он, и голос его твердо произнес общепринятую официальную формулу.

— Конечно, — отозвалась Кестра и некоторое время молчала, сдвинув брови.

— Вам следует знать, — внезапно заговорила она, и Даав почувствовал, как у него по спине побежали мурашки.

— Знать? — переспросил он, когда прошло несколько секунд, а Целительница так больше ничего и не добавила. — Значит, у нее не все... в полном порядке, мастер Кестра?

Та повернула руку в жесте полуотрицания.

— Что касается этой недавней травмы, то вы можете больше не беспокоиться. Однако есть и другая проблема — травма, которая была оставлена без внимания. Вы бы назвали ее зарубцевавшейся тканью.

— Да, — прошептал он, вспоминая их разговор. — Она сказала, что, по ее мнению, обращаться к Целителям... уже поздно.

— В некотором смысле она была права, — признала Кестра. — Немалая часть повреждений включилась в строение личности. В целом дурное начало было хорошо использовано: она сильная, не сомневайтесь в этом. Там, где рубцы мешали росту, я сделала все, что было возможно.

Она тихо вздохнула и села поглубже.

— Я говорю с вами об этом потому, что обнаружила в узоре ауры математика Кэйлон... аномалию.

Даав нахмурился.

— Аномалию?

Целительница вздохнула.

— Назовите ее... узором-зерном. Оно находится в... ну, в тупике, отдельно от всего и не имеет никакого сходства с остальным ее узором. Хотя я наблюдала узор, удивительно похожий на этот — но в другом месте.

— Вот как? — Даав внимательно посмотрел на нее. — И где именно?

Мастер-Целитель Кестра устало улыбнулась, подняла палец и указала на пустое место над его головой.

— Вот здесь.

В своем истерзанном состоянии он не сразу понял ее слова.

— Вы говорите, — медленно произнес он, — что мы с Эллианой... настоящие спутники жизни.

Кестра вздохнула.

— В отношении этого существуют некоторые сомнения. Узор-зерно находится в области с самым сильным рубцеванием.

Она пристально посмотрела на него — и ее взгляд был очень серьезным.

— Поймите, в этой области ее ауры травма была... просто чудовищная. Если бы к Целителю обратились в момент получения травмы... Однако что толку плакать над пролитым вином! Я... постаралась по возможности удалить рубцовую ткань. Как минимум ей станет от этого легче жить — она будет больше открыта для радости. Но чтобы, оставаясь столько лет без питания, это зерно смогло прорости... Я не могу обещать, что такое возможно.

Он смотрел на нее — и читал в ее взгляде жалость. Его разум плохо вмешал услышанное. Эллиана. Это она — судженная ему спутница жизни, вторая половинка брака волшебников. Ему суждено было делить с Эллианой то же, что Эр Том делит со своей Энн... Эллиану ранили — несколько раз ранили, очень серьезно, — и никого не пригласили лечить эти раны. Да рассыплется Клан Мицел в прах еще при его жизни!

Он сделал глубокий вдох, закрыл глаза, пробился сквозь гнев и боль, нашел нужное ему средство и пустил в ход.

Он стоял в круге незамутненного и безупречного спокойствия, благополучно уйдя в то тайное убежище души, куда никогда не приходит гнев, — и его горести утекали, словно песок.

— И кто, — спросила Кестра, — научил вас этому?

Он открыл глаза, и его пальцы прикоснулись к серье.

— Бабка племени охотников-собирателей на планете, название которой я не могу вам открыть. — Он посмотрел на нее из яркого и неподвижного круга спокойствия и нашел еще один факт, которым можно было поделиться. — Она сказала, что я всегда... суечусь, и научила меня... останавливаться.

— Честь ей и хвала, — пробормотала Кестра.

— Честь ей и хвала, — согласился Даав и встал на ноги, которые уже почти не дрожали. — А теперь мне можно увидеть Эллиану?

Комната была полна солнечного света и благоухания: ее широкие окна выходили в огромный сад Целителей. Она стояла у открытого окна, глядя на длинные ряды цветов, — стройная женщина в длинном зеленом халате, с темно-русыми волосами, убранными в простое серебряное кольцо для волос.

Он вошел совершенно бесшумно, но она обернулась, словно услышав его, — и на лице ее была улыбка, а глаза сияли как изумруды.

— Даав! — сказала она — и пришла в его распахнутые объятия.

Лиадийско-земной словарь

А-наделм — наследник наделма

А-тоделм — будущий глава Семейства

А-трезла — спутники жизни

Ал-бреш ванети — формальная фраза, выражающая сожаление по поводу потери в чужом Клане, например, когда кто-то из его членов умер

Алкин Чернарди — День Без Наслаждения

Баленти Каландон — наша галактика .

Баленти трувад — звездная сеть всего сущего

Валкон Беранта — Цена Дракона, или Сокровище Дракона, название долины Корвала

Валкон Мелада — «Путь Дракона», личный корабль Делма

Ванетра — объект благотворительности

Ванчела — милый друг

Галандриа — товарищ, соотечественник

Гешада — поздравления

Главда Эмпри — дом йо-Ланна

Делм — Глава Клана (Делм Корвала, Глава Корвала, Корвал)

Делми — спутница жизни Делма

Денубиа — милый/милая

Джелаза Казон — Дерево, также дом Главы Корвала. *Приблизительно «Исполнение Джелы»*

Драмлиз — волшебник

Дриат — налево

Зеркама — убийца родича
Иганин братха, виан сеунтор — играй телом, отдохай умом
Иланта — направо
Илания фрогудон палон докс — (приблизительно) моло-
дым особам следует говорить мягче
Илланга килачи — перевод отсутствует
Индра — дядя
Кеандра — поверенный
Коаб миншака — существует необходимость
Консельм — абсурд
Куалечи — восклицание ужаса
Лазениа спандок — сукин сын (очень приблизительно)
Лизамиа кешок — спасибо (низкий лиадийский)
Мегелаар — Дракон на гербе Корвала
Меланти — кем человек является в данных обстоятель-
ствах. А ТАКЖЕ кем человек является в целом, учитывая все
возможные его роли
Менфриат — лиадийское карате
Мирада — отец
Мисравот — алтанийское вино, имеет голубой цвет
Наделм — будущий дельм
Нубиат — подарок, преподносимый по окончании любов-
ной связи
Палеши модасса — спасибо (высокий лиадийский)
Пренама — сказитель
Претлиу — сплетник
Релюмма — часть лиадийского года, равная 96 дням по
стандартному календарю. Четыре релюммы равны одному году
Таула — мать (низкий лиадийский, примерно соответствует
слову «мама»)
Таулана — бабушка
Тоделм — Глава Семейства
Тразия волекта — доброе утро (низкий лиадийский)
Треалла Фантрол — дом йос-Галанов
Фавиа — вино с афродизиаком, продаваемое во время
Празднества
Фларан чаменти — дерзаю

Чалекет — родич сердца (братья сердца, сестры сердца)

Чернубия — сладкое яство

Чиата бейкруzon — сладких снов

Чракек — (из икстрянского): мастер-охотник

Шатрез — песня сердца

Экликти — невернувшийся

Элдема — Первый Представитель (как правило, Делм)

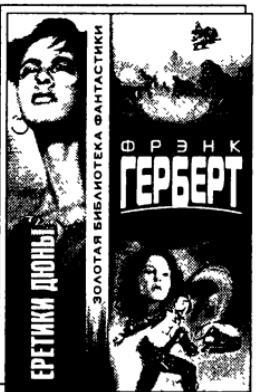
Элдема пернари — местоблюститель Первого Представителя

Энтранзия волекта — добрые пожелания (высокий лиадийский)

Содержание

Местный обычай	5
Путь разведчика	349

ДЮНА

В серии
«Золотая библиотека фантастики»
опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:
«Дюна», «Мессия Дюны», «Дети Дюны»
«Бог-Император Дюны», «Еретики Дюны»
«Капитул Дюны».

Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Кевином Андерсоном создал трилогию «Прелюдия к Дюне»: «Дом Атрейдесов», «Дом Харконненов», «Дом Коррино». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в 2005 году в серии «Золотая библиотека фантастики»
первый роман новой трилогии — **«БАТЛЕРИАНСКИЙ ДЖИХАД»!**

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513
107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

Андрей Сапковский
ВЕДЬМАК

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

**СЕРИЯ
"ВЕК ДРАКОНА"**

В серии готовятся к выпуску произведения признанных мастеров жанра фэнтези — Андрея Сапковского, Роберта Джордана, Лоуренса Уотт-Эванса, Кристофера Сташефа, Глена Кука, Терри Гудкайнда, Дэйва Дункана, а также талантливых молодых авторов: Мэгги Фьюри, Марты Уэллс, Грегори Киза и других.

"Век Дракона" — это мастера мечей и волшебства, войны с кровожадными чудовищами и ошеломляющие поединки, великие герои и отважные воительницы, невообразимые страны и невероятные приключения...

**Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".**

Издательство высыпает бесплатный каталог.

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Берtrand Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дацкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru   <http://www.ast.ru>

Книги издаваемой группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Книги изательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким изательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к. 1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Маркисская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «ХЛ», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

**129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (095) 215-01-01, факс 215-51-10**

E-mail: astpub@aha.ru   <http://www.ast.ru>

**Изключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
 правообладателя запрещается.**

Литературно-художественное издание

Ли Шерон, Миллер Стив

**Местный обычай
Путь разведчика**

Фантастические романы

Художественный редактор О.Н. Адаскина

Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев

Технический редактор Н.К. Белова

Младший редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»

667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ОАО «ЛЮКС»

396200, Воронежская обл., п.г.т. Анна, ул. К. Маркса, д. 9

Отпечатано с готовых диапозитков в типографии
ФГУП “Издательство “Самарский Дом печати”
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

«Фантастическая сага, сравнимая только с барраярским циклом
Лоис Макмастер Буджолд!»

«Локус»

«В книгах Лиаденской саги есть все — сражения, приключения, романтика, юмор, но главное — сюжет. Шарон Ли и Стив Миллер полностью заслужили все восторженные отзывы на этот сериал. Это — эпическая фантастика. В нее нельзя не влюбиться. Побольше бы таких книг!»

Кейт Эллиот

Человечество колонизировало сотни планет. Теперь в Галактике бок о бок живут, торгуют и воюют потомки землян — и «чужие». В этом мире любовь наследника древнего, богатого клана торговцев с планеты Лиаден и землянки — повод к началу жестокой вендетты, которая грозит охватить ВСЮ ГАЛАКТИКУ...

Из мира — в мир!

От опасности — к опасности!

Конфликт чести

Агент перемен

Лови день

Местный обычай

Путь разведчика

ISBN 5-17-024665-0
9 785170 266654

Барон Ли
Стив Миллер

МЕСТНЫЙ ОБЫЧАЙ
ПУТЬ РАЗВЕДЧИКА